

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАВРИЧЕСКОГО
НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В. И. Вернадского

Том 25 (64). № 3, ч. 1
ФИЛОЛОГИЯ.
СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Симферополь
2012

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия “Филология. Социальные коммуникации”

Том 25 (64). № 3, ч. 1

*Издано при финансовой поддержке Республиканского
комитета АРК по делам межнациональных отношений
и депортированных граждан*

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2012

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н, проф., академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф.-м. н, доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):****Бержанский В. Н.** – д. ф.-м. н., проф.**Богданович Г. Ю.** – д. филол. н., проф.**Вахрушев Б. А.** – д. г. н., проф.**Казарин В. П.** – д. филол. н., проф.**Климчук С. В.** – д. э. н., доц.**Копачевский Н. Д.** – д. ф.-м. н., проф.**Подсолонко В. А.** – д. э. н., проф.**Темурьянц Н. А.** – д. б. н., проф.**Ротань В. Г.** – д. ю. н., проф.**Шоркин А. Д. д.** – филос. н., проф.**Юрченко С. В.** – д. полит. н., проф.**Редакционный совет серии "Филология. Социальные коммуникации":****Александрова А.В.**, д-р. филол.н., проф.**Богданович Г.Ю.**, д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Социальные коммуникации"),
(bogdanovich@crimea.edu)**Борисова Л.М.**, д-р. филол.н., проф.**Гуменюк В.И.**, д-р. филол.н., проф.**Егорова Л.Г.**, канд. филол.н., доц. (ответственный секретарь)**Ищенко Н.А.**, д-р. филол.н., проф.**Казарин В.П.**, д-р. филол.н., проф. (редактор раздела "Филология"), (crch@mail.ru)**Меметов А.М.**, д-р. филол.н., проф.

Новикова М.А., д-р филол. н., проф.

Орехова Л.А., д-р. филол.н., проф.**Петренко А.Д.**, д-р. филол.н., проф.**Прайд Ю.Ф.**, д-р. филол.н., проф.**Ризун В.В.**, д-р. филол.н., проф.**Селендили Л.С.**, канд. филол.н., доц. (ответственный секретарь выпуска)
(crimeantatarphilology@hotmail.com)**Сидоренко Н.Н.**, д-р. филол.н., проф.**Яценко Т.А.**, д-р. филол.н., проф.Печатается по решению Ученого совета факультета крымскотатарской и восточной филологии
Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, протокол № 2 от 10.10.2012 г.

Подписано в печать 07.11.2012. Формат 70x100 1/16. 34,13 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 07/12-УЗ.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». Том 25 (64). № 3, ч. 1.

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2012

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81-112 =512

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР (ЧАСТЬ I)

Меметов А., Меметов И. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье рассматриваются вопросы происхождения крымских татар и участие в их этногенезе древнейших жителей Крыма – киммерийцев и скифов.

Ключевые слова: киммерийцы, скифы, Скифия, крымские татары, этногенез, этноним, язык.

Крым, на территории которого сформировался крымскотатарский народ (кырым халкы «крымский народ»), благодаря своему географическому положению, богатству и разнообразию природных условий с глубокой древности (не позднее 1-го тысячелетия до н. э.) был заселен оседлыми и полукочевыми племенами. Эти племена смешивались друг с другом, входили в контакты с вновь прибывшими кочевниками, которые, частично оставаясь в завоеванной стране, переходили постепенно от кочевого к оседлому быту, включались в его культуру, как стоящую на более высокой ступени, и принимали его язык, забывая свой, входя новым слагаемым в издревле происходивший этногенетический (народообразующий) процесс.

История и этногенез крымских татар до сих пор не были предметом серьезных специальных исследований. Однако целый ряд работ историков, археологов, антропологов, лингвистов, а в последнее годы и врачей в той или иной степени затрагивают данные проблемы в связи с решением других основных задач. К числу этих работ относятся труды древнегреческих и римских авторов (Геродота, Страбона, Птолемея, Плиния, Аммиана Марцелина, Филосторгия, Приска, Иордана, Прокопия из Кесарии и др.), а также средневековых и более поздних путешественников и современных ученых (Эвлия Челеби, В. Д. Смирнова, В. Х. Кондораки, Г. Радде, В. В. Радлова, Н. А. Аристова, А. И. Маркевича, Ю. А. Кулаковского, А. А. Куника, А. Н. Бернштама, А. Л. Якобсона, З. Ш. Навширванова, А. Н. Самойловича, К. М. Мусаева, Л. Н. Гумилева, С. А. Плетневой, М. И. Артамонова, А. А. Щепинского, Э. А. Томпсона, В. Е. Возгина и др.).

Для выяснения этногенетического процесса крымских татар мы попытаемся кратко изложить историю заселения Крыма с древнейших времен на основе работ вышеуказанных авторов и других доступных нам источников на тюркских и персидском языках. В конце книги приводятся данные анализа ДНК крымских татар, полученные в результате исследования сотрудниками географического общества США в Крыму в 2011 году в рамках проекта «Genographics» (2006-2011) с целью исследования этногенеза малых народов, которые полностью опровергли утвержде-

ние отдельных советских и российских историков о монгольском происхождении крымских татар.

Самыми древними обитателями Крыма и всего Северного Причерноморья, известными нам по ассирийским, аккадским и другим античным источникам, были киммерийцы, скифы, тавры, готы, гунны и другие племена.

Киммерийцы

О пребывании **киммерийцев** в Крыму впервые упоминает Гомер в «Одиссее»: «Закатилось солнце, и покрылись тьмою все пути, и судно наше достигло пределов глубокого океана. Там народ и город людей киммерийских, окруженные мглой и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами - ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными» [1, 281 – 282]. Анализируя этот отрывок, следует отметить, что киммерийцы Гомера обитали на морском побережье, и их территория на тот момент постоянно была покрыта туманом и мглой. При этом Гомер называет этих киммерийцев народом, имевшим город. А это значит, что они не все были дикими кочевниками, как утверждают об этом некоторые современные исследователи, ибо наличие города свидетельствует об определенном уровне цивилизации данного народа.

О киммерийцах, обитавших в Крыму и восточнее Меотиды (совр. Азовское море – А.М.), Геродот пишет: «Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Аракс и прибыли в киммерийскую землю (страна, ныне населённая скифами, как говорят, издревле принадлежала киммерийцам)... И теперь ещё в Скифской земле существуют киммерийские укрепления и киммерийские переправы; есть также и область по имени Киммерия и так называемый Киммерийский Боспор. Спасаясь бегством от скифов в Азию, киммерийцы, как известно, заняли полуостров там, где ныне стоит эллинский город Синопа». [2, 11-12].

Сообщение Геродота о вторжении скифов (ок. 700 г. до н. э.) восходит к аккадским источникам. Теснимые массагетами из современного Западного Туркестана, скифы проникли на южное побережье Каспийского моря, перешли Аракс и вторглись в Причерноморье [3, 453].

Страбон в своем труде «География» писал, что у этнотермина «киммерийцы» был синоним «кимвры»: «Посидоний... неплохо предполагает, что кимвры, будучи разбойниками и кочевниками, совершали походы даже до местностей по Меотиде и что от них получил название и киммерийский Боспор, т. е. как бы Кимврский, ибо эллины называли кимвров киммерийцами...» [4, 191]. «В гористой области тавров есть так же гора Трапезунт, ... Вблизи этой же гористой области есть и другая гора Киммерий, [названная так] потому, что некогда киммерийцы властвовали на Боспоре. Поэтому целая часть пролива, простирающаяся до устья Меотиды, называется Киммерийским Боспором» [5, 3].

Синонимичность этнотерминов «киммерийцы» и «кимвры» отмечал и Диодор Сицилийский: «Жители северных стран, соседние с Скифией, чрезвычайно дики; говорят, что некоторые из них едят людей... Так как их сила и дикость прославилась повсюду, то некоторые говорят, что именно эти народы под именем киммерий-

цев в древние времена прошли войной всю Азию, причем время скоро испортило это слово в наименовании кимвров...» [6, 258].

При описании южного побережья Балтийского моря Плиний дает другой фонетический вариант названия этого этнотермина – кимбры: «...что залив называется Калипен и остров в его устье Латрис, затем другой залив Ланг, пограничный с кимбрами» [7, 25]. О том, что кимвры жили на Ютландском полуострове Тацит писал: «Упомянутый выше выступ Германии занимают живущие у Океана кимвры, теперь небольшое, а некогда знаменитое племя. Всё еще сохраняются внушительные следы их былой славы, останки огромного лагеря на том и другом берегу, по размерам которого можно и ныне судить какой мощью обладал этот народ, как велика была их численность и насколько достоверен рассказ о его поголовном переселении» [8, 368]. Здесь уместно подчеркнуть замечание Тацита о том, что упомянутые им кимвры поголовно куда-то переселились. Ю. Н. Дроздов, подробно исследовавший тюркоязычный период Европейской истории, пишет: «Не исключено, что кимвры могли расселиться по другим регионам побережья Балтийского моря и фиксироваться там под названием гуннов» [9, 79]. Подтверждением этому может служить то, что: «В саге о Тидреке Бернском «Гуналанд» располагается на запад от Польши и прямо отождествляется с Фрисландом» [10, 147]. В настоящее время в одном из регионов Европы сохранилось древнейшее самоназвание одного из народов, созвучное с этнотермином «кимвры» или «кимбры». «Речь идет – пишет Ю. Н. Дроздов, о валлийцах Британии. Они до сих пор называют себя сумго («кумро»). Не исключено, что они могут быть потомками балтийских кимвров» [11, 79].

Родственные киммерийцам племена достаточно четко указываются в работах античных авторов. Так, Евстарий в своих объяснениях к «Одиссее» Гомера, писал: «Эти киммерийцы, или скифы – кочевники, придя из западных областей океана, разграбили храм Аполлона в Дельфах. Вследствие этого поэт поносит их, как живущих во мраке» [12, 285]. И далее: «Арриан же говорит, что скифское племя киммерийцев, поднявшись со своей родины и вредя всем встречающимся на пути, дошло до Вифинии» [13, 292]. В комментариях к «Землеописанию» Дионисия Евстарий отмечал: «Тавром он здесь называет другую гору, не тот восточный Тавр, о котором будет сказано ниже, а северную часть того Тавра, у подошвы которой живет скифское племя киммерийцев» [14, 245].

Ценные сведения о кимбрах содержатся в Киевском синопсисе, впервые опубликованном в 1674 году: «Цимбры родство свое имеют от старейшего сына Афетова Гомора, от негоже наперва нарицахуся Гоморы, Гречески именовашася Кимеры или Цимблеры; потом прозваны бяху Цимры. Размножившежеся по родом своим, инии седоша в полях диких, инии над Доном и Волгою реками, инии над Бугом рекою, инии над Днепром, над Десною, Сосною, и над иными реками, инии над Чёрным морем, идеже Очаков, Крым, Перекоп, над озером Меотис; инии же седоша, идеже Вольнь, Подолье, Подлясье, Жмудь и Литва. Ибо от тех же Цимбров и Литовский народ изыде. От тогожде Цимбрийскаго народа изшедшии людие по временем наречены бяху, инии Готами, Епидами, прочии Половцами, Ятвягами и Печенегами. Но все тии Цимбры народы воинские, мужественнии: и егда от полунощных стран, найпаче идеже ныне Литва, Пруси и Шведы, ради неплодствия земли поидоша до

Франции и Испании, потом отгуду до Волох, или до Римлян; Римлянеже им не хотяху земли дати; они брань сведши и Римляны, многажды побеждаху Римлян, и селения своя расширяху и распосажяхуся, яко же хотяху. Потом нескоро, теща, и к воинским делам разленишася, внезапно от некоего вожда Римскаго, именем Мария, нещадно побеждены бяху; сего ради ослабевши в то время Цимбры в силах своих паки возвратишася в страны полунощныя, и седоша по различных местах и странах над вышереченными реками. Все же верою поразнишася, инии Христиане, инии погане оставше» [15, 62].

В этом фрагменте Синописиса четко указаны места расселения киммерийских племен, после того как они размножились – это территория современной Украины, европейской части России и побережье Балтийского моря. Содержание этой части Синописиса дает пояснение на сообщение Тацита о переселении значительной части киммерийцев с побережья Балтийского моря и указывает причину этого переселения – отсутствие плодородной земли. Как видно из текста, причиной возникновения военного конфликта между киммерийцами и римлянами является извечный земельный вопрос, а не жажда «диких скифских и киммерийских племен постоянно грабить соседние народы», как утверждают древнегреческие авторы и аккуратно переписывают некоторые современные историки и археологи. Особо следует отметить указание Синописиса на то, что после того как киммерийцы были изгнаны из завоеванных ими земель они «верою поразнишися», часть из них стала христианами, другая – «погане оставше».

Это нам необходимо для того, чтобы лучше понять происхождение готских племен, которых некоторые современные ученые относят к германским племенам, вопреки указаниям средневековых источников, а другие – к тюркским.

По поводу названия «цимбры» Ю. Н. Дроздов пишет: «Греческая транскрипция названия этого народа – Κίμβροι, Κύμβροι («кимбры»), а латинская – Cimbri («кимбры»). Но в русском языке в XVII веке латинскую букву *c* прочитывали как русскую [ц]. Отсюда и появился в синописисе вариант «цимбры», вместо «кимбры». Далее он продолжает: «Нетрудно заметить, что указанные в синописисе места расселения кимбров – это, в основном, русская (славянская – А.М.) этнотерритория, заселенная в древности скифскими племенами. В качестве потомков кимбров перечисляются только тюркскоязычные племена готов, гепидов, половцев, ятвягов и печенегов. Исходной территорией, с которой кимбры стали продвигаться в Западную Европу, а затем и в Рим, была Восточная Прибалтика. ...В общем же, эта информация синописиса достаточно адекватно соотносится с подобными данными других письменных источников» [16, 80].

Таким образом, из приведенных выше данных следует, что, во-первых, этнотермины «киммерийцы», «кимвры», «кимбры» и «цимбры» являются синонимами. Во-вторых, территория обитания этих племен фиксируется античными авторами, в основном, на морских побережьях, в частности, в районе побережья Ютландского полуострова, а также в районе побережья Меотиды и Черного моря. В-третьих, киммерийцы (кимбры, кимвры и цимбры) относятся к скифскому племени – это те же самые гунны, готы, половцы и печенеги.

При изучении этнической и языковой принадлежности киммерийцев мнения исследователей разошлись. В свое время их причисляли к фракийцам, кельтам, германцам, кавказцам. Теперь эти гипотезы признаны необоснованными. «В современной науке – пишет И. Н. Храпунов, почти общепризнано, что киммерийцы, так же как и скифы, говорили на одном или нескольких языках, входивших в иранскую группу индоевропейской языковой семьи. Однако если ираноязычность скифов твердо удостоверяется многими фактами, то языковая принадлежность киммерийцев установлена на основании лишь трех сохранившихся слов. Это имена киммерийских царей Теушпа, Тугдамме (Лигдамис) и Сандакшатру» [17, 69]. О языковой принадлежности скифов будет сказано ниже. Здесь же следует отметить то, что по именам только трех киммерийских царей исследователи причисляют их к иранцам. Как известно, три китайские династии во 2-ом тысячелетии до н. э. возглавлялись тюрками, иранская империя также имела тюркских правителей Караханидов и Махмуда Газневида. Советский Союз возглавлял грузин Джугашвили И.В. Однако это не дает повод утверждать, что все китайцы и иранцы говорили на тюркском языке, а все народы Советского Союза – на грузинском. Кроме того, среди тюркских народов с древнейших времен широко распространены иранские имена собственные как мужские, так и женские: например, Дилявер < دلاور делавар (букв. перевод دل дел «сердце», آور āвар – осн. наст. врем. от глагола آوردن āвардан «приносить», Дилявер «смелый, отважный»; Дильшат < دلشاد делшад (букв. перев. دل дел «сердце», شاد шад «радостный, веселый»); Гульнар < گلزار гол-е нār (букв. перев. «цветок граната»); Рушен < روشن роушан «светлая, лучезарная» и т. п.

Изучив этимологию слова *киммерийцы*, Ю. Н. Дроздов пишет: «Принадлежность киммерийцев к тюркскоязычному народу надежно подтверждается их этнонимией. Корневой основой этнотермина «*киммериец*» является формант «*киммер*». С позиций тюркского языка его можно разделить на составные части так: *ким* – *мер*. Первая составляющая *ким* – это древнетюркское слово *kimī* (*кими*) «лодка, судно». Вторая составляющая *мер* – это несколько искаженное слово *мар*, которое является фонетическим вариантом слова *бар* «есть, имеется». Исходное название было *кимбар* / *киммар* с буквальным переводом «имеющие лодки» или «обладающие судами». В другом фонетическом варианте этого этнотермина – «*кимбры*», корневой основой является формант «*кимбр*». На составные части его можно разделить так: *ким* – *бр*. Первая составляющая *ким* – это, как и в предыдущем случае, корневая основа древнетюркского слова *kimī* (*кими*) «лодка, судно», а вторая составляющая *бр* – это слово *бар* «есть, имеется» без огласовки. Исходный вариант этого этнотермина, как и в предыдущем случае – *кимбар*. В варианте названия «*кимвры*» вторая составляющая этого этнотермина – *вр* является фонетическим, безогласовочным вариантом слова *бар* «есть, имеется» [18, 81].

К этимологии этнотермина *киммеры*, выдвинутой Ю.Н.Дроздовым, можно добавить следующее: этимология первой части *кими* / *кеми* не вызывает никаких возражений: и в древнетюркском, и в современных тюркских кыпчакских языках это слово также означает «лодка, судно, корабль». Вторая часть *p*, по аналогии с этнотермином *тавры*, о котором будет сказано ниже, является усеченным вариантом слова *эр* «мужчина, человек». Третья составляющая *-ы* / *-и* – это притяжательный

суффикс. Следовательно, первоначально это слово звучало *кеми – эр - и = кемиэри*, что в переводе означает «человек, имеющий судно, лодку», «паромщик». Возможно, Киммерийские переправы, отмеченные Геродотом, свидетельствуют о том, что киммерийцы занимались перевозом людей на своих судах с одного берега на другой через Керченский пролив.

По мнению Геродота, а заодно и многих современных исследователей, памятники, оставленные киммерийцами, следует искать в Северном Причерноморье. Археологи открыли довольно много погребений, относящихся, по их мнению, к киммерийскому периоду. Все они совершены в курганах, насыпанных еще в эпоху бронзы. Однако, как утверждают сами археологи: «Весьма непросто решить, какая *археологическая культура* принадлежала *киммерийцам*» [19, 69]. Следует заметить, что по семантике этнонима *киммерийцы* («имеющие суда, лодки») их погребения в Крыму следует искать на побережье Черного и Азовского морей. А найденные археологами захоронения у с. Целинное в Джанкойском районе и у с. Зольное близ Симферополя, вероятнее всего, принадлежат родственным им скифским племенам.

Современные исследователи считают, что киммерийцы исчезли бесследно. Однако, Прокопий из Кесарии был другого мнения. Описывая народы, обитавшие в районе «Меотийского болота», Прокопий отмечал: «... народы, которые тут живут, в древности назывались киммерийцами, теперь же зовутся утигурами» [20, 384]. Далее он продолжает: «В древности великое множество гуннов, которых тогда называли киммерийцами, занимало те места, о которых я недавно упоминал, и один царь стоял во главе их всех. Как-то над ними властвовал царь, у которого было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур. Когда их отец окончил дни своей жизни, оба они поделили между собой власть, и своих подданных каждый назвал своим именем. Так и в мое время они именовались одни утигурами, другие кутригурами.» [21, 385]. Здесь Прокопий прямо указывает, что в древности гуннов называли киммерийцами, а в его время утигурами и кутригурами. У тюркских народов обычай передачи имени вождя всем подвластным ему племенам существует издревле. Так, тюркские племена, возглавляемые Узбек-ханом, получили этноним узбеки. Огузо-сельджукские племена, возглавляемые Осман-пашой, получили этноним османцы (ныне - турки). В Киевском синопсисе также сохранилась ценная информация о том, что потомками киммерийцев являются в основном тюркоязычные гунны, готы, половцы и печенеги. Далее будет сказано о том, что часть гуннов, готов, половцев и печенегов вошла в состав сформировавшегося в Крыму крымскотатарского народа. Ничего в этом мире не исчезает бесследно.

Скифы

Территория Крыма, где сформировался крымскотатарский этнос, с древнейших времен входила в состав Скифии, описанию которой посвящена более половины четвертой книги «Истории» Геродота. Описывая территорию, занимаемую скифами, Геродот пишет: «Страна скифов представляет собой богатую травой и хорошо орошаемую равнину. По этой-то стране протекает почти столько же рек, сколько каналов в Египте....Прежде всего, это Истр (совр. р. Дунай – А. М.) с пятью устьями, затем Тирас (совр. р. Днестр – А.М.), Гипанис (совр. р. Буг – А.М.), Борисфен (совр. р. Днепр – А.М.), Пантикап, Гипакирис (совр. р. Берда – А.М.), Герр, Танаис (совр.

р. Дон – А.М.)... Истр – самая большая из известных нам рек; зимой и летом она всегда одинаковой величины. Это - первая река Скифии на западе» [22, 47-48]. В реку Истр впадает много более мелких рек; пять из них протекает через скифскую землю. Это Пората (по эллински – Пирет), далее Тирант, Арап, Напарис и Ордесс. Эти притоки Истра берут начало в самой Скифии.

За рекой Истром следует Тирас, который начинается на севере и вытекает из большого озера на границе Скифии и земли невров.

Третья река – Гипанис – берёт своё начало в Скифии, вытекает она также из большого озера, у которого пасутся дикие белые кони.

Четвёртая река – Борисфен – самая большая из этих рек после Истра. По берегам Борисфена простираются прекрасные тучные пастбища для скота; в ней водятся в больших количествах наилучшая рыба, в том числе огромные бескостные рыбы; вода приятна на вкус для питья и прозрачна. Вблизи у моря к Борисфену присоединяется Гипанис, впадающий в один и тот же лиман.

За указанными выше реками следует пятая река под названием Пантикап. Течёт она также из озера с севера на юг. Между ней и Борисфеном обитают скифы-земледельцы. Пантикап протекает через Гилею, а затем сливается с Борисфеном.

Шестая река – Гипакирис берёт начало из озера, пересекает область скифов-кочевников и затем впадает в море у города Каркинитиды.

Седьмая река – Герр вытекает из Борисфена в том месте, до которого течение Борисфена известно. Название этой реки общее с местностью – Герр. Течёт эта река к морю, образуя границу между землями кочевых и царских скифов, и потом впадает в Гипакирис.

Наконец, восьмая река – Танаис. Она берёт начало из большого озера и впадает в ещё большее озеро под названием Меотида, которое отделяет царских скифов от савроматов [23, 49 – 57]. «Если принять Скифию за четырехугольник – продолжает Геродот, две стороны которого вытянуты к морю, то линия, идущая внутрь страны, по длине и ширине будет совершенно одинакова с приморской линией. Ибо от устья Истра до Борисфена 10 дней пути, а от Борисфена до озера Меотиды еще 10 дней и затем от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, 20 дней пути. Дневной переход я принимаю в 200 стадий. Таким образом, поперечные стороны [четырёхугольника] Скифии составляют 40 000 стадий, а продольные, идущие внутрь материка, - еще столько же. Такова величина этой области» [24, 101].

«К северу от скифской земли – по свидетельству Геродота, идут постоянные снегопады, летом, конечно, меньше, чем зимой. Таким образом, всякий, кто видел подобные хлопья снега, поймет меня; ведь снежные хлопья похожи на перья, и из-за столь суровой зимы северные области этой части света необитаемы. Итак, я полагаю, что скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья перьями» [25, 31].

Итак, по сообщениям древнегреческих, римских и средневековых европейских историков, Скифия занимала территорию современной Украины, западной части России, а в периоды своего наивысшего расцвета ее границы простирались на север до Балтийского моря, которое, по мнению известного историка XII века, священника Гельмольда (Helmold), называлось Скифским, так как по берегам его жили скиф-

ские племена вместе с местным аборигенным населением. Гельмольд в своем сочинении «Славянская хроника» - «Chronicon Slavorum» писал: «Море это простирается от Западного океана к востоку и Балтийским называется потому, что тянется длинной полосой, подобно поясу, через земли скифов до самой Греции...» [26, 33]. Возможно, скифы назвали море Балтийским, в связи с тем, что по своей форме оно похоже на боевой, ладьевидный топор скифов (топор по-скифски, так же как и по-тюркски, называется *балта*).

Геродот приводит три легенды о происхождении скифов. Наибольший интерес вызывает легенда, записанная Геродотом со слов самих скифов. Она представляется чрезвычайно важной для выявления их происхождения. Поэтому ее стоит процитировать пространно: «Прародителем скифов был человек по имени Таргитай, у которого родились три сына: Липоксай, Арпоксай и самый младший Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. После того как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое. Этих загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе в дом. И старшие братья после этого, по взаимному согласию, передали всю царскую власть младшему.... От Липоксая произошли те скифы, которые именуется родом авхатов (Αυχάται). От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами (Κατιάροι) и траспиями (Τρασπίες). От самого младшего из них – царя (βασιλεύς), которые именуется паралатами (παράλαται). Все вместе они называются сколоты (Σκολότους) по имени царя (βασιλεύς); скифами (Σκυθαί) же назвали их греки [27, 101].

Имена и этнотермины, приведенные в этом фрагменте, имеют достаточно прозрачную структуру и надежно расшифровываются на основе древнетюркского и современных тюркских языков.

Имя основателя рода Таргитая видный татарский ученый М. З. Закиев делит на следующие составные части: Тар-ги-тай, где первая составляющая *тар* восходит к древнетюркскому слову *taḡ* (*тары*) «сеять, засеивать». Второй компонент *ги* – это фонетический вариант аффикса – *гы*. Последняя составляющая *тай* восходит к древнетюркскому слову *той* или *сой* со значением «род, фамилия, родня, предки, поколение, потомки, раса, происхождение». Исходная форма этого имени была *Таргытой* или *Таргытай* с семантикой «Род сеящих» или «Родоначальник сеятелей» [28, 142].

Имя Липоксай на составные части делится следующим образом: *Лип-ок-сай*. Первый компонент *лип* – это несколько искаженная фонетическая форма слова *алып/алин* «великан, исполин, богатырь». Вторая составляющая *ок* – это фонетический вариант слова *ак* «белый, светлый». Третий компонент *сай* – это «род, родственник». Исходная форма этого имени была *Алыпаксай* с семантикой «Великан светлого рода» или «Исполин светлого племени».

Имя *Арпоксай* делится на составные части следующим образом: *Арп-ок-сай*. Здесь первый компонент *арп* восходит к слову *арпа* «ячмень, зерно». Вторая составляющая *ок* – это *ак* «белый». Третий компонент *сай* – это «род, племя». Исходная форма этого имени была *Арпааксай* с семантикой «Зерно светлого рода или племени».

Имя младшего брата *Колаксай* на составные части делится следующим образом: *Кол-ак-сай*. Здесь первый компонент восходит к древнетюркскому слову *qol* (*кол*) «рука», «ответвление». Вторая и третья составляющие аналогичны предыдущим вариантам. Исходная семантика этого имени «Рука (ответвление – А. М.) светлого рода» [29, 27].

«Следует особо подчеркнуть – пишет Ю. Н. Дроздов, что смысл легенды о происхождении скифов и семантика всех четырех легендарных имен свидетельствует об изначальной оседлости и земледельческой природе древних скифов. Здесь нет ничего такого, что бы указывало на кочевнические истоки жизненного уклада этого народа. При этом следует учитывать, что скифами Геродот называл только Причерноморские племена. Соседние же с ними племена хотя и жили «по-скифски», скифами Геродот их не называл» [30, 27-28].

Разделение скифов по укладу жизни, вероятно, произошло во время правления трех братьев. От старшего брата *Липоксай* произошли те скифы, которые получили родовое название «*авхат*» (*Avxat*), которое на базе тюркских языков можно разделить следующим образом: *ав-ха-т*. Первый компонент *ав* – это древнетюркское слово *aw* «охота»; второй компонент *ха* – это искаженный фонетический вариант аффикса – *гы*, образующего прилагательные. Последний компонент *т* – то сокращенный вариант аффикса обладания – *ты*, который в данном случае играет роль племенного маркера. Исходное название этого племени было *авгыты* с семантикой «охотничье племя».

Средний брат *Арноксай* был основателем двух родов – *катиаров* и *траспиев*. Первое состоит из двух частей: *кати* + *ар*. *Кати* – это слегка фонетически видоизмененное древнетюркское *каты* «твердый, крепкий, сильный». Второй компонент *ар* – это один из фонетических вариантов слова *эр* «муж, мужчина». Исходное название племени было *катыэр* с буквальным переводом «крепкие мужи» или «сильные мужи». Племенное название *траспи* состоит из следующих частей: *тр-ас-пи*. Первый компонент *тр* – это сокращенный вариант древнетюркского слова *tarı* (*тары*) «сеять, засеять». Второй компонент *ас* – это древнетюркский этноним. Третья составляющая *пи* – это фонетический вариант слова *бай/бей* «богатый, хозяин, господин». Исходное название этого племени было *тараспий/тараспей* с семантикой «богатые асы - сеятели».

Самый младший брат *Колаксай* был основателем рода, который назывался *басилеями*. Слово *басил* состоит из двух частей: *бас-ил*. Первый компонент *бас* – это фонетический вариант древнетюркского многозначного слова *vaş* (*баи*), которое в данном производном слове имеет значение «главный, основной». Вторая составляющая *ил* также является многозначным словом и в данном случае означает «народ». Исходное название *басил* в буквальном смысле переводится «главный народ» или «основной народ». У этого рода было и другое название – *паралаты*, которое состоит из трех частей: *пар-ал-ат*. Первый компонент *пар* – это фонетический вариант слова *бар* «есть, имеется». Вторая составляющая *ал* в переводе с тюркского означает «передний, передовой». Последний компонент *ат* «конь, лошадь». Исходное название было *баралат* с семантикой «передовое конное племя» или «племя, имеющее передовых коней». Слово *ат* имеет еще и другое значение – «название». С

учетом этого, семантика названия этого племени может быть такой – «имеющие название передовых» [31, 28].

Таким образом, племена, родоначальниками которых были сыновья Таргитая, занимались охотой «авхаты», сельским хозяйством – сеятели «траспии» и вели кочевой образ жизни «паралаты». Последние считались главным народом (басил), которых предыдущие авторы называли «царскими скифами», что не соответствует адекватному переводу слова басил. Следовательно, эта легенда о происхождении скифов, записанная Геродотом со слов самих скифов, является более других достоверной и имеет под собой реальную почву.

В Лаврентьевской летописи этнотермин «скиф» зафиксирован в фонетической форме [скут]: «... си вси звахуться от Грек Великая Скоуθ» [32, 11]. «В этом варианте названия – пишет Ю. Н. Дроздов, буквосочетание **оу** передовало звук [у], а буква **θ** читалась как [т]. В современной транскрипции это слово будет иметь форму «скут»... Со временем изменились правила грамматики древнерусского языка – буквосочетание **оу** стало замещаться одной буквой **у**, а буква **θ** стала читаться как [ф]. Так в русском языке появился другой фонетический вариант этого этнотермина – скуфь. ...Слово «скиф» в русском языке появилось, видимо, не ранее XVII века в кругах ученых-историков» [33, 11]. Следовательно, фонетическое изменение данного этнотермина в русском языке происходило следующим образом: скут > скуфь > скиф.

В современном турецком языке этнотермин скиф передается словом *iskit* «искит», в крымскотатарском – *иски́т*, в персидском - اسکیت «эскит».

В Крыму до настоящего времени сохранилось название села «Ускут» (Алуштинский район, ныне с. Приветное), которое, возможно, имеет прямое отношение к рассматриваемому этнотермину и свидетельствует о том, что в данном селении проживали скифы.

«Семантико-этимологический анализ слова «скуты» - пишет Ю. Н. Дроздов, показывает, что оно является искаженным тюркскоязычным словом, которое на составные части делится так: с-к-ут-ы. Первая составляющая *с* – это безогласовочный вариант слова *ас*. Вторая составляющая *к* – это слово *ак* «белый, светлый» также в безогласовочном варианте. Третья составляющая – это тюркскоязычное слово *ут* «огонь». Последняя составляющая *ы* - это предвнесенное окончание. Исходное название было *асакут* (ср. с крым. тат. *ускут* – А. М.) с семантикой «светлые асы - огневики» или «светлые асы – огнепоклонники. Отсюда видно, что название *асакут* («скифы») было не этнонимом, а скорее тотемным названием группы племен, которое определяло их религиозную приверженность – огнепоклонники» [34, 30].

Однако, менять чтение *скиф*, употребляющееся в течение более двух веков, на *скут* является излишним. Поэтому в данной работе исторических скутов будем называть скифами.

Известный греческий историк Геродот, вероятно, лично встречался со скифами во времена своего путешествия в Ольвию, бывшую тогда самой крупной греческой колонией на побережье Черного моря. Он оставил нам детальное описание племен и народов, проживавших в тот период на территории Скифии и Сарматии. Описание этих племен он начинает с Черноморского побережья : «Начиная от Торжища борисфенистов (это самый срединный из приморских пунктов всей Скифии), первыми

живут **каллипиды**, являющиеся эллинами-скифами, а выше их другое племя, которое именуется **алазонами**. Эти последние, как и каллипиды, в прочих отношениях живут одинаково со скифами, но сеют и употребляют в пищу хлеб, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. Выше алазонов живут **скифы–пахари**, которые сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу. Выше их живут **невры**, а страна, лежащая к северу от неводов, насколько мы знаем, не заселена людьми. Эти племена живут по реке Гипанису к западу от Борисфена, а если переправиться через Борисфен со стороны моря, то, во-первых, будет Полесье, а от него вверх живут **скифы-земледельцы**, которых эллины, живущие по реке Гипанис, называют **борисфенитами**, а самих себя эти эллины зовут **ольвиополитами**. Эти скифы-земледельцы к востоку занимают пространство на три дня пути вплоть до реки, носящей название Пантикапа, а к северу – пространство одиннадцати дней плавания вверх по Борисфену. Над ними уже на обширное пространство раскинулась пустыня; за пустыней живут **андрофаги**, особое племя, вовсе не скифское. Выше их лежит уже настоящая пустыня, а там не живет, насколько нам известно, ни один народ. К востоку от земледельцев, за рекою Пантикапом обитают уже **скифы-кочевники**, ничего не сеющие и не пашущие; вся эта страна лишена деревьев, за исключением Полесья. Эти кочевники к востоку занимают область на 10 дней пути, простирающуюся до реки Герра. По ту сторону Герры находятся так называемые царские владения и живут там самые доблестные и многочисленные скифы, считающие прочих скифов себе подвластными. Их область к югу простирается до Таврики, а на восток – до рва, выкопанного потомками слепых рабов, и до гавани у Меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений граничат даже с Танаисом. Местности, лежащие к северу от царских скифов, занимают **меланхлены** (черноризцы), особое, не скифское племя. Выше меланхленов, насколько нам известно, простирается болотистая и безлюдная страна. За рекою Танаисом уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит **савроматам**. Они занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути, где нет ни диких, ни сажених деревьев. Выше савроматов, на втором доставшемся на их долю участке живут **будины**, занимающие местность, сплошь покрытую лесом разной породы. Выше будинов к северу сначала простирается пустыня на 7 дней пути, а за пустынею, далее в направлении к востоку, живут **фиссагеты**, многочисленное, своеобразное и особое племя; живут они охотой. Рядом с ними в той же местности живет народ, называемый **иирками**; они также промышляют охотой.... Над иирками к востоку живут другие скифские племена. Они освободились от ига царских скифов и заняли эту землю.... Когда пройдешь значительное пространство этой неровной страны, у подножия высоких гор обитают люди, которые, как говорят, все лысые от рождения, как мужчины, так и женщины, курносы и с широкими подбородками; они говорят на особом языке, одеваются по-скифски, а питаются древесными плодами... называют этот народ **аргиппеями**... Область к востоку от лысых людей, населенная **исседонами**, хорошо известна... а выше их к северу, по рассказам исседонов, живут одноглазые люди и стерегущие золото грифы. Со слов исседонов передают этот рассказ скифы, а от скифов знаем и мы...» [35, 23, 25, 27; 36, 261-264].

Далее в своем сочинении Геродот называет ряд племен, которые он не причисляет к скифским. Среди этих нескифских племен значительный интерес для нас представляют **гелоны**. Описывая это племя, Геродот отмечал: «Дело в том, что гелоны – по происхождению эллины, выселившиеся из торговых городов и поселившиеся в земле будинов; говорят они то **по-скифски**, то **по-эллински**» [37, 278]. Название гелон, возможно, является искаженным фонетическим вариантом слова эллин. Подтверждением этому служит то, что они говорили на двух языках: на греческом и на скифском. « У Ариапифа, царя скифов, кроме других детей - пишет Геродот, был ещё сын Скил. Он родился от матери – истриянки, а вовсе не от скифской женщины. Мать научила его говорить и писать по-эллински» [38, 78]. Этот факт, по видимому, был не единственным и свидетельствует о том, что уже во времена Геродота в Скифии происходил активный процесс смешения греческого и скифского народов и было развито двуязычие. «А это означало – пишет Ю.Н. Дроздов, что общественно-культурный уровень развития греков и тюркоязычных скифов должен был находиться примерно на одном и том же уровне. Иначе вряд ли происходило бы такое смешение народов» [39, 32]. Характеризуя уровень развития культуры Причерноморских скифов, Геродот писал: «Понт Эвксинский, куда готовился совершить военный поход Дарий, сравнительно со всеми другими странами населен самыми невежественными племенами: исключение составляют скифы. Ведь нет ни одного племени у Понта, которое выдавалось мудростью, и мы не знаем ни одного ученого мужа, кроме скифского племени и Анахарсиса» [40, 117]. (Продолжение следует).

Литература

1. ВДИ, 1947.- №1. С.281 - 282
2. Геродот. История, IV
3. Примечания к Истории Геродота. IV
4. Там же
5. Страбон. География. Кн. 4.-М., 1994.
6. ВДИ, 1947.-№4. С. 258
7. Свод древнейших известий о славянах. М., 1991, Т.1.
8. Тацит. Сочинения. М., 1993
9. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период Европейской истории / Дроздов Ю.Н. -М., 2011.
10. Кузьмин А. Г. Начало Руси. М., 2003
11. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период Европейской истории / Дроздов Ю.Н. -М., 2011.
12. ВДИ, 1947,№1
13. Там же
14. ВДИ, 1948, №1
15. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). М., 2006
16. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период Европейской истории. М., 2011.
17. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь. Изд-во «Доля». 2007.
18. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период Европейской истории / Дроздов Ю.Н. -М., 2011.
19. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма. Симферополь. Изд-во «Доля». 2007.
20. Прокопий из Кесарии, Война с готами. М.1950.
21. Там же
22. Геродот. История. IV
23. Там же
24. Там же
25. Там же
26. Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963

27. Доватур А. Н. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Доватур А. Н., Каллистов Д. П., Шишова Н. А. - М., 1982
28. Закиев М. З. Происхождение тюрков и татар/ Закиев М. З. -М., 2003.
29. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период Европейской истории / Дроздов Ю.Н. -М., 2011.
30. Там же
31. Там же
32. Лаврентьевская летопись. - М., 2001
33. Там же
34. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период Европейской истории / Дроздов Ю.Н. -М., 2011.
35. Геродот. История. IV
36. ВДИ, 1947.- №2
37. Там же
38. Геродот. История. IV
39. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период Европейской истории / Дроздов Ю.Н. -М., 2011.
40. Доватур А. Н. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Доватур А. Н., Каллистов Д. П., Шишова Н. А. - М., 1982

Меметов А. Походження кримських татар (частина 1) / А. Меметов, І. А. Меметов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 3-15.

У статті розглядаються питання походження кримських татар та участь в їх етногенезі найдавніших жителів Криму - кіммерійців і скіфів.

Ключові слова: кіммерійці, скіфи, Скіфія, кримські татари, етногенез, етнонім, мова.

Memetov A. The origin of the Crimean Tatars (part 1) / A. Memetov, I. A. Memetov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 3-15.

The questions of the origin of the Crimean Tatars and participate in their ethno genesis ancient inhabitants of the Crimea - the Cimmerians and Scythians.

Key words: Cimmerians, Scythians, the Scythians, the Crimean Tatars, ethno genesis, ethnonym, language.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 81-112 =512

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР (ЧАСТЬ II)

Меметов А., Меметов И. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье рассматриваются вопросы происхождения крымских татар и участие в их этногенезе древнейших жителей Крыма – киммерийцев и скифов.

Ключевые слова: киммерийцы, скифы, Скифия, крымские татары, этногенез, этноним, язык.

Описывая скифов, Эсхил отмечал: «Из кумыса сыр едят, то скифы справедливые». Это мнение и во времена Страбона господствовало среди греков. Характеризуя влияние греческой цивилизации на скифов, Страбон писал: «Ведь мы считаем скифов самыми прямодушными, меньше всего способными на коварство, а также гораздо более бережливыми и более независимыми, чем мы. Вообще говоря, принятый у нас образ жизни испортил нравы, чуть ли не всех народов, внося в их среду роскошь и любовь к наслаждению, а для удовлетворения этих пороков – гнусные происки и порождающие их бесчисленные проявления алчности. Подобного рода нравственная испорченность в значительной степени затронула также и варварские племена, в особенности «кочевников»» [18, IV. III].

Эти характеристики, данные скифам Эсхилом, Геродотом и Страбоном, как-то не очень согласуются с общей тональностью некоторых римских письменных источников, а также советских и современных русских историков и археологов, которые весь скифский народ представляют варварским, кочевым и невежественным.

В подтверждение высказанной Страбоном мысли о воздержанности скифов в своих потребностях можно привести крымскотатарскую поговорку: *Азачыкъ ашым, тынчлыкъ башым*. Букв. перевод «Немного еды, зато голова спокойная». О том, что одним из основных нарообразующих этносов крымских татар являются скифы будет сказано ниже.

Среди трех оставшихся групп скифов (кроме эллинов-скифов) Геродот выделяет скифов-пахарей, скифов-земледельцев и скифов-кочевников. Эллины-скифы, скифы-земледельцы и скифы-пахари сеют хлеб, выращивают лук, чеснок, чечевицу и просо, при этом, Геродот подчеркивал, что «скифы-пахари сеют хлеб не для собственного употребления в пищу, а на продажу». Следовательно, и эллины-скифы, и скифы-пахари, и скифы-земледельцы вели оседлый образ жизни, так как кочевой образ жизни не позволяет заниматься земледелием. Только скифы-кочевники не пахали и ничего не сеяли. Жили в повозках, вели кочевой образ жизни и всех оставшихся скифов считали своими подданными. Таким образом, утверждение историков о том, что скифы в основном вели кочевой образ жизни в современной исторической литературе, мягко говоря, не соответствует действительности.

Заметим, что все указанные выше Геродотом названия злаков, бобовых и огородных культур, которые выращивали скифы, являются исконно тюркскими: *богьдай* «пшеница», *согъан* «лук», *сарымсакъ* «чеснок», *берджимек* «чечевица», *тюй* «просо».

Можно предположить, что современные урумы, переселенные из Крыма Екатериной II в 1778 году в Мариупольскую (села Старый Крым, Ялта, Урзуф) и Донецкую области (села Старая Ласпа, Богатырь, Улаклы, Старая Игнатьевка и др.), являются потомками гелонов, утратившими родной греческий язык и считающими родным этнодиалект скифского (крымскотатарского) языка. В настоящее время их количество составляет более 30 тысяч человек. По соседству с ними проживает около 20 тысяч румеев, которые также были переселены в указанные области из Крыма, однако они сохранили свой родной язык.

Характеризуя военное искусство скифов, Геродот писал: „Среди всех известных нам народов только скифы обладают одним, но зато самым важным для человеческой жизни искусством, оно состоит в том, что ни одному врагу, напавшему на их страну, они не дают спастись; и никто не может их настичь, если только сами они не допустят этого. Ведь у скифов нет ни городов, ни укреплений, и свои жилища они возят с собой. Все они конные лучники и промышленяют не земледелием, а скотоводством; их жилища – в кибитках” [4, IV. 46]. В этом отрывке скифы характеризуются как смелые, отважные, воинственные и бесстрашные воины, которые никогда не знали поражений. Наглядным примером военного искусства скифов может служить поражение персидского царя Дария, сына Гистапса, в 514 году до н. э., выступившего во главе 700 000 войска против скифов. В его распоряжение было предоставлено также 600 кораблей. Путь Дария в Скифию пролегал через Боспор, где он повелел построить понтонный мост. Место строительства моста находится, по предположению Геродота, между Византией и храмом у входа в Боспор. Оставшись довольным строительством моста, Дарий осыпал дарами Мандрокла, который руководил строительством этого сложного сооружения. На часть этих средств Мандрокл велел написать картину с изображением строительства моста через Боспор; на берегу, сидящим на троне был изображен Дарий и его войско, переходящее по мосту. Эту картину Мандрокл передал в храм Геры на Самосе со следующей надписью:

«Через многорыбный Боспор, перекинув мост, посвятил я
Гере картину сию в память о мосте, Мандрокл.
Славу самосцам стяжал, себе же венец лишь почетный,
Царскую волю свершив, Дарию я угодил».

Дарий повелел подвластным ему ионянам, эолийцам и геллеспонтийцам, которые управляли кораблями, плыть в Понт до устья Истра, а затем по прибытию к Истру построить мост через реку и ждать его там. Сам же переправился по мосту через Боспор в Европу и затем, пройдя через Фракию, прибыл к истокам реки Теара. На берегу этой реки Дарий повелел воздвигнуть столп с надписью, гласившей: « Источники Теара дают наилучшую и прекраснейшую воду из всех рек. К ним прибыл походом на скифов наилучший и самый доблестный из всех людей – Дарий, сын Гистапса, царь персов и всего азиатского материка» [4, IV. 87, 88, 89, 92].

Не доходя ещё до Истра, Дарий покорил гетов, которые оказали ему упорное вооружённое сопротивление, и фракийцев, подчинившихся Дарию без боя. Включив гетов и фракийцев в состав своего войска, Дарий подошёл к Истру. После перехода всех воинов на другой берег он повелел ионянам уничтожить мост и следовать за ним по суше, однако выслушав совет митиленца Коя, сына Эрксандра, отменил своё прежнее решение и приказал ионийским тиранам охранять мост до его возвращения [4, IV. 93, 97-98].

Узнав о приближении многочисленного войска Дария, скифы поняли, что они одни не в состоянии им противостоять. Тогда скифы пригласили на совещание царей тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов, гелонов, будинов и савроматов. После многочисленных убеждений о необходимости объединения всех усилий на борьбу с общим врагом скифам удалось заручиться поддержкой лишь царей гелонов, будинов и савроматов. Цари же агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов и тавров категорически отказались выступить сообща против войск Дария. Тогда скифы решили не вступать в открытое сражение с персами. Они стали медленно отступать, угоняя скот, засыпая колодцы и источники и уничтожая траву. Своё войско скифы разделили на два отряда. К первому отряду под предводительством царя Скопасиса присоединились савроматы. Этот отряд в случае нападения на них персов должен был отступать прямо к реке Танаису вдоль озера Меотида. Если же персы повернут назад, то преследовать их. Это войско принадлежало первой из трёх частей скифского царства и получило приказание идти указанным путём. Два других царства – великое царство под властью Иданфирса и третье, царём которого был Таксакис, соединившись в одно войско вместе с гелонами и будинами, должны были также медленно отступать, держась на расстоянии дневного перехода от персов, и таким образом выполнить военный план. Прежде всего, нужно было заманить персов в земли тех племён, которые отказались от союза со скифами, чтобы вовлечь и их в войну с персами, если они не пожелали добровольно выступить против персов, то их надо было заставить воевать против воли. Приняв такое решение, скифы выступили против войска Дария, выслав вперёд головной отряд лучших всадников. Кибитки с женщинами и детьми, а также весь остальной скот, кроме необходимого для пропитания количества голов, они отправили вперёд с приказанием все время двигаться на север.

После этого обоз выступил вперёд. Головной отряд скифов встретил персов на расстоянии около трёхдневного пути от Истра. Скифы опередили врага на дневной переход и расположились станом, уничтожая всю растительность. Лишь только персы заметили появление скифской конницы, они начали двигаться по их следам, однако скифы всё время отступали. Затем персы напали на одну из частей скифского войска и преследовали её в восточном направлении к реке Танаису. Скифы перешли реку Танаис, а непосредственно за ними переправились и персы и начали дальнейшее преследование, пока через землю савроматов не прибыли в область будинов.

Пока путь персов шёл через Скифию и Савроматию, они не могли опустошать местность, так как она была бесплодной. Проникнув в землю будинов, персы нашли там город, окружённый деревянной стеной. Будины бежали, город опустел и персы

предали его огню. После этого персы продолжали следовать всё дальше за отступающим противником, пока, пройдя через эту страну, не достигли пустыни.

Дойдя до пустыни, Дарий с войском остановился станом на реке Оаре. Затем царь приказал построить восемь больших укреплений на равном расстоянии – около 60 стадий друг от друга. Остатки этих укреплений сохранились ещё до описания Геродотом этих событий. Пока царь занимался этим сооружением, преследуемые им скифы обошли его с севера и возвратились в Скифию. При внезапном исчезновении скифов Дарий велел оставить наполовину завершённые постройки и, так как скифы больше не появлялись, повернул на запад. Царь предполагал, что перед ним находится всё скифское войско и что скифы бежали на запад.

Дарий шёл с войском весьма быстро, прибыв в Скифию, встретил там оба отряда скифского войска. Столкнувшись с врагами, Дарий начал их преследовать, однако скифы при отступлении снова опережали его на один день пути. И так как Дарий не прекращал преследования, то скифы, согласно своему военному плану, стали отступать во владения тех племён, которые отказали им в помощи, и, прежде всего – в страну меланхленов. Приближение персов и скифов устрасило меланхленов. Затем скифы начали завлекать врага на территорию проживания андрофагов и невров, которые также отказались от совместных действий против персов. После этого скифы отступили к агафирсам. Агафирсы, увидев как их соседи бежали в страхе перед скифами, послали глашатая, прежде чем те вторглись в их земли, с запрещением вступать в их пределы. Агафирсы заявили скифам, что если те всё же посмеют вторгнуться в их страну, то им придётся сначала выдержать смертельный бой с ними – агафирсами. После этого агафирсы выступили с войском к своим границам, чтобы отразить нападение. Меланхлены же, андрофаги и невры не осмелились оказать сопротивление персам и скифам. Забыв о своих угрозах, они в страхе бежали всё дальше на север в пустыню. Скифы же не пошли в страну агафирсов, так как те не желали их пропускать, а стали заманивать персов из страны невром на свою территорию.

Так как война затягивалась и конца ей не было видно, то Дарий отправил всадника к царю скифов Иданфирсу с приказанием передать следующее: «Чудак! Зачем ты все время убегаешь, хотя тебе предоставлен выбор? Если ты считаешь себя в состоянии противиться моей силе, то остановись, прекрати свое скитание и сразись со мною. Если же признаешь себя слишком слабым, тогда тебе следует также оставить бегство и, неся в дар твоему владыке землю и воду, вступить с ним в переговоры» [4, IV.126].

На эти слова царь скифов Иданфирс ответил так: «Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой – это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть отеческие могилы. Найдите их и попробуйте разрушить, и тогда узнаете, станем ли мы сражаться за эти могилы или нет. Но до тех пор, пока нам не заблагорассудится, мы не вступим в бой с вами. Это [я сказал] о сражении. Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов. Тебе же

вместо даров – земли и воды – я пошлю другие дары, которых ты заслуживаешь. А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь!». Таков был ответ скифов [4, IV.127].

С этим сообщением глашатай отправился к Дарию. Цари же скифов, услышав слово «рабство», пришли в негодование. Они послали часть войска, в которой находились савроматы под начальством Скопасиса, для переговоров с ионянами, которые охраняли мост через Истр. Остальные решили не завлекать дальше персов, а нападать на них, когда те выходили на поиски пищи. Выполняя этот план, скифы подстерегали воинов Дария, когда те добывали себе пищу. Скифская конница постоянно обращала в бегство вражескую конницу. Отступающие персидские всадники сталкивались со своими же пехотинцами, которые спешили к ним на помощь. Подобные же нападения скифы производили и по ночам.

Геродот пишет, что: «... во всей Скифской земле из-за холодов вообще не водятся ослы и мулы. Поэтому то ослиный рев приводит в смятение скифскую конницу. Нередко во время нападения на персов скифские кони, заслышав ослиный рев, в испуге поворачивали назад: в изумлении они поднимали уши, так как никогда прежде не слышивали таких звуков и не видывали подобной породы животных. Впрочем, это обстоятельство лишь короткое время помогало персам на войне» [4, IV.129].

Скифы, стараясь как можно дольше удержать персов в своей стране и зная о недостатке у них провизии, стали оставлять часть своих стад вместе с пастухами, а сами уходили в другое место. Персы же приходили, захватывали скот, каждый раз при этом гордясь своей удачей.

Это повторялось до тех пор, пока Дарий не оказался в безвыходной ситуации. Скифские цари, узнав об этом, отправили к Дарию глашатая с дарами, послав ему птицу, мышь, лягушку и пять стрел. Персы спросили посланца, что означают эти дары, но тот ответил, что ему приказано только вручить дары и как можно скорее возвращаться. По его словам, если персы достаточно умны, должны сами понять значение этих даров.

Для того чтобы разгадать предназначение скифских даров, персы собрали совет. Дарий полагал, что скифы отдают себя в его власть и приносят ему [в знак покорности] землю и воду, так как-де мышь живет в земле, питаясь, как и человек, ее плодами; лягушка обитает в воде, птица же больше всего похожа [по быстроте] на коня, а стрелы означают, что скифы отказываются от сопротивления. Против этого мнения Дария выступил Гобрый. Он объяснил смысл даров так: «Если вы, персы, как птицы не улетите в небо, или как мыши не зареетесь в землю, или как лягушки не поскачете в болото, то не вернетесь назад, пораженные этими стрелами» [4, IV.132].

Пока персы стремились разгадать значение даров, один отряд скифов, прежде стоявший на страже у Меотийского озера, оправился к Истру для переговоров с ионянами. Придя к мосту [на Истре], скифы обратились к ионянам с такими словами: «Ионяне! Мы принесли вам свободу, если вы только пожелаете нас выслушать. Мы узнали, что Дарий повелел стеречь мост только 60 дней и если он за это время не придет, то вы должны вернуться на родину. И вот если вы теперь так и поступите, то не провинитесь ни перед царем, ни перед нами. Обождите указанное вам число

дней и после этого отплывайте на родину». Ионяне обещали исполнить просьбу скифов, и те тотчас поспешили назад. [4, IV.133].

После принесения даров царю Дарию оставшиеся в своей земле скифские отряды – пехота и конница – выступили в боевом порядке для сражения с персами. Когда скифы уже стояли в боевом строю, то сквозь их ряды проскочил заяц. Заметив зайца, скифы тотчас же бросились за ним. Когда ряды скифов пришли в беспорядок и в их стане поднялся крик, Дарий спросил, что значит этот шум у неприятеля. Узнав, что скифы гонятся за зайцем, Дарий сказал своим приближенным, с которыми обычно советовался: «Эти люди глубоко презирают нас, и мне теперь ясно, что Гобрий правильно рассудил о скифских дарах. Я сам вижу, в каком положении наши дела. Нужен хороший совет, как нам безопасно возвратиться домой». На это Гобрий ответил: «Царь! Я давно уже узнал по слухам о недоступности этого племени. А здесь я еще больше убедился в этом, видя, как они издеваются над нами. Поэтому мой совет тебе: с наступлением ночи нужно, как мы это обычно и делаем, зажечь огни, оставить на произвол судьбы слабосильных воинов и всех ослов на привязи и отступить, пока скифы еще не подошли к Истру, чтобы разрушить мост, или ионяне не приняли какого-нибудь губельного для нас решения» [4, IV.134].

Когда настала ночь, Дарий начал приводить в исполнение совет Гобрия. Слабых и раненых воинов, потеря которых была для него незначительной, а также всех ослов на привязи царь оставил на месте в лагере. Ослов Дарий оставил, чтобы те ревели, а людей – из-за их слабости и немощи, под тем предлогом, что он намеревается с основной частью войска напасть на скифов; слабые и раненные же должны в это время охранять стан. Отдав такие приказания оставшимся в стане и повелев зажечь огни, Дарий поспешно стал отступать и направился к Истру. Покинутые ослы стали после отступления войска реветь еще громче прежнего. Скифы же, слыша ослиный рев, были совершенно уверены, что персы еще в стане.

На следующий день оставленные в стане персы поняли, что Дарий предал их. Простирая руки к скифам, они стали молить о пощаде и рассказали им все, что произошло. Услышав это, скифы быстро объединили все свои силы, то есть два отряда (один отряд вместе с савроматами, а другой с будинами и гелонами), и начали преследование персов. Персидское войско большей частью состояло из пехотинцев и не знало дороги (хотя проезжих дорог там и не было), а скифы были на конях и знали кратчайший путь [к Истру]. Поэтому оба войска разошлись, и скифы пришли к мосту гораздо раньше персов. Когда скифы увидели, что персов еще нет, они обратились к ионянам, которые находились на своих кораблях, с такими словами: «Ионяне! Назначенное вам [для ожидания] число дней истекло, и вы, оставаясь здесь, поступаете неправильно. Ведь вы только страха ради оставались здесь. Теперь же как можно скорее разрушьте переправу и уходите свободными подобру-поздорову, благодаря богов и скифов. А вашего прежнего владыку мы довели до того, что ему больше не придется выступать походом против какого-нибудь народа» [4, IV.136].

Ионяне стали держать совет. Афинянин Мильтиад, полководец и тиран херсонесцев, что на Геллеспонте, подал совет послушаться скифов и освободить Ионию. Гистией из Милета, напротив, был другого мнения. По его словам, каждый из них в настоящее время является тираном в городе милостью Дария. Если же могущество

Дария будет сокрушено, то ни сам он – Гистией – и никто другой уже не сможет сохранить своей власти над городом: ведь каждый город предпочитает народное правление господству тирана. К этому мнению Гистиея тотчас же присоединились все участники совещания, хотя раньше соглашались с мнением Мильтиада.

Приняв совет Гистиея, ионяне решили, кроме того, дополнить его следующими действиями: разрушить мост со стороны скифов только на расстоянии полета стрелы, чтобы скифы не пытались силой перейти по мосту через Истр. Разрушая мост со скифской стороны, ионяне хотели показать скифам, что выполняет все их желания. После этого от имени всех Гистией ответил скифам так: «Вы, скифы, пришли с добрым советом и своевременно. Вы указали нам правильный путь, и за это мы готовы ревностно служить вам. Ведь, как вы видите, мы уже разрушаем переправу и будем всячески стараться добыть свободу. Между тем, пока мы разбираем мост, вам как раз время искать персов и, когда вы их найдете, отомстите за нас и за себя, как они того заслуживают» [4, IV.139].

Скифы снова поверили в правдивость ионян и повернули назад на поиски персов. В поисках неприятеля скифы шли по таким частям своей страны, где был корм для коней и вода, думая, что и враги отступают теми же путями. Однако персы шли, держась ранее проложенных ими троп, где были уничтожены пастбища и засыпаны источники. Только таким образом, да и то с большим трудом, нашли они переправу. До места они добрались ночью и обнаружили, что мост разрушен. Тогда персов объял страх, что они покинуты ионянами.

В свите Дария был один египтянин с весьма зычным голосом. Этому человеку Дарий велел стать на берегу Истра и позвать милетянина Гистиея. Египтянин так и сделал. Гистией же по первому зову доставил все корабли для переправы войска Дария и снова навел мост. Так персы были спасены.

Таким образом, поход в Скифию великого полководца персидского царя Дария, завоевавшего Индию, Мидию, Сирию, Египет и многие другие азиатские страны, закончился полным поражением. Несмотря на многократное превосходство персидской армии, в составе которой было около 700 000 воинов, Дарию не удалось покорить скифов, которые использовали совсем не знакомую царю тактику ведения войны. Скифы изматывали противника на своей, а затем и на территориях соседних племен, которые не согласились выступить сообща против сильного общего врага. Тем самым они заставили и соседей оказать сопротивление армии Дария. Персидский царь Дарий, сын Гистапса, впервые в жизни вынужден был признать свое поражение и ночью с позором бежал из Скифии, оставив на произвол судьбы раненных и ослабевших воинов. Многие современные историки считают, что скифские племена родственны персидским и говорят на близкородственных языках. Однако Геродот об этом ничего не знает. Более того, Геродот пишет: «Персы живут в Азии вплоть до южного моря, называемого Красным (Персидский залив). К северу от них обитают мидяне, выше мидян – саспирсы, выше саспиров – колхи, граничащие с Северным морем, куда впадает река Фасис» [4, IV. 37]. Далее, он сообщает: «Выше персов, мидян, саспиров и колхов на восток простирается Красное море, а к северу – Каспийское и река Аракс, текущая на восток» [4, IV. 40]. Следовательно, Персидская держава во времена Дария на востоке в Индии простиралась до восточного края пустыни Фар, на севере – до

Каспийского моря, где границей служила река Аракс, на западе включала Египет и на юге – до Персидского залива. Выше северных границ Персии находился Туран (тюркские территории – А. М.), с которыми Персия вела постоянные войны с переменным успехом, о чем сообщает Фирдоуси в первой части своей всемирно известной исторической эпопеи «Шахнаме». Следовательно, и скифы, и сарматы, и саки, и массагеты, которые граничили на юге с персами были тюркскими племенами, жили в Туране (Туркестане) и говорили на тюркских языках.

Описывая военные обычаи скифов, Геродот сообщает: «Раз в год каждый правитель в своем округе prepares сосуд для смешения вина. Из этого сосуда пьют только те, кто убил врага. Те же, кому не довелось еще убить врага, не могут пить вина из этого сосуда, а должны сидеть в стороне, как опозоренные. Для скифов это постыднее всего. Напротив, всем тем, кто умертвил много врагов, подносят по два кубка, и те выпивают их разом» [4, IV. 66]. Этот обычай стимулировал воинских скифов более активно участвовать в боевых действиях и убивать как можно больше врагов, тем самым приближая общую победу. Головы всех убитых в бою врагов скифский воин приносил своему командиру, так как только принесший голову врага имел право получить свою долю добычи.

Описывая скифских богов, Геродот сообщает, что прежде всего они (скифы) почитают Табити – богиню домашнего очага, которая соответствует греческой Гестии. Затем идет Папай – по одной из легенд прародитель скифов, соответствует греческому Зевсу. У крымских татар имеется пословица: «Отъемке Папай дей» - Букв. «Хлебу говорит Бог». Поклонялись скифы также богине Апи, олицетворявшей мать-землю и соответствующей Геи. Кроме них скифы почитали Гойтосира – бога со многими функциями, в частности, он был богом Солнца, а также охранял скот, что было очень важно для скотоводов-кочевников. Гойтосир соответствует греческому Аполлону. Поклонялись также Аргимпасе – богине возвышенной, не плотской любви. Соответствует Афродите Небесной (Урании).

Особым почетом у скифов пользовались Геракл (по одной из версии предок скифов) и Арес – бог войны. Скифский пантеон, то есть собрание богов И. Н. Храпунов представляет следующим образом [20, 102]:

Кроме всех указанных выше богов царские скифы почитали также и Фагимасада, которому соответствует греческий Посейдон. Фагимасад был главным богом морской стихии, а также покровительствовал коневодству, что очень важно для скифов-кочевников.

Своим богам скифы алтари и храмы не сооружали, исключение составлял бог войны Арес. В его честь скифы насыпали огромные четырехугольные кучи хвороста, в середину которого втыкали древний железный меч, как символ божества.

Этому мечу ежегодно приносили в жертву быков и других домашних животных, в особенности же коней. Геродот особо подчёркивает, что: «Свиной они (т.е. скифы – А.М.) в жертву не приносят и вообще не хотят разводить этих животных в своей стране» [4, IV. 63].

Описывая способ приготовления мяса жертвенного животного, Геродот сообщает, что ободрав шкуру животного, скифы очищают кости от мяса и затем варят мясо в больших котлах местного изделия (если они под рукой). Если же у них нет такого котла, тогда всё мясо кладут в желудок животного, подливают воды и снизу поджигают кости. В желудке свободно вмещается очищенное от костей мясо. Таким образом, бык сам себя варит, как и другие жертвенные животные.

Мнения ученых об этнической и языковой принадлежности скифов разделились на две противоположные точки зрения. Одна группа исследователей, вслед за В. И. Абаевым, утверждает, что скифы были ираноязычными. Причем эта точка зрения приняла статус устойчивой аксиомы. В своей работе «Осетинский язык и фольклор» В. И. Абаев находит некоторые соответствия между скифскими и осетинскими словами, и на этой основе им был сформулирован такой вывод: «Тем не менее, в каждом разделе нашего очерка – в лексике, фонетике, словообразовании – мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколеблены никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский язык как иранский язык, обладающий чертами своеобразной и хорошо выраженной индивидуальности» [1, 239]. «Вывод категоричный и безапелляционный. В науке подобного свойства выводы, мягко говоря, часто оказываются контрпродуктивными» [8, 18].

Другая группа ученых и специалистов уверены, что скифо-сарматские народы были тюркоязычными. О том, что потомками скифов являются тюркоязычные народы неоднократно писали ученые, историки, дипломаты, общественные и политические деятели, церковные служители.

Так, итальянец Альберт Кампензе в своем письме к папе Клименту VII, написанному в 1523 или 1524 году, сообщает: «Скифы, ныне называемые Татарами, народ кочевой и с давних времен славящийся своим воинственным характером» [2, 24].

Посланник английской королевы Джильс Флетчер, описывая крымских татар в 1591 году, отмечал: «Это тот же самый народ, который греки и римляне называли иногда скифами номадами, или скифами пастухами» [5, 109].

Венецианский посол Марко Фоскарино в своем «Донесении о Московии», описывая окружающие Московию народы в середине XVI века, сообщал: «К востоку живут Скифы, которые называются ныне Татарами; о характере их, как и всех других народов, вы узнаете ниже» [7, 4].

Михалон Литвин в 1550 году писал: «Хотя татары (tartar) считаются у нас варварами и дикарями, они, однако, хвалятся умеренностью жизни и древностью своего скифского племени, утверждая, что оно происходит от семени Авраама, и они никогда ни у кого не были в рабстве, хотя иногда бывали побеждены Александром, Дарием, Киросом, Ксерксом и другими царями и более могущественными народами» [14, 62].

Французский капитан Жак Маржерет в своей книге о Московии в 1607 году писал: «Словом «скифы» еще и сегодня называют татар, которые прежде были повелителями России...» [16, 141].

В Киевском синопсисе, опубликованном в 1674 году, говорится: «Савромации, или Сармации страна есть вся в тойже Европе, третьей части Света, жребия Афетова, обаче сугуба есть: едина Скифска, идеже ныне сидят Скифы или Татаре...» [13, 53].

Чешский иезуит Ирджи Давид в 1690 году писал: «Несомненно, что скифы и сарматы, часть которых впоследствии стала называться татарами, своих правителей, стоявших во главе орды (нечто вроде трибы), называли не иначе, как «сар» [10, 131].

Здесь следует заметить, что в средневековый период название «татары» было обобщающим – так называли как тюркоязычные, так и нетюркоязычные народы. Однако во всех вышеприведенных фрагментах «татарами» названы только тюркоязычные народы.

Детально изучив историю и язык скифских племен, тюрколог М. З. Закиев отмечает: «Теория об исключительной ираноязычности всех племен, объединенных общим именем скифы, казалась правдоподобной, когда иранисты проводили этимологические исследования скифских письменных памятников только на основе отбора слов (этнонимов) однозначно иранского корня. Однако круг исследователей этих памятников расширялся. В дело включились и неиранисты, в частности, тюркологи и другие лингвисты. В научный оборот были введены слова с неиранскими корнями, особенно с тюркскими, что свидетельствовало о вхождении в скифское объединение тюркоязычных племен. Тогда и дал о себе знать первый изъян этой теории в виде необъективности утверждений об однозначной ираноязычности всех скифов. Вторым изъяном скифо-иранской теории заключается в том, что выводы иранистов об исключительной ираноязычности скифов были некритически восприняты историками индоевропейского направления и распространены на все племена и народы скифо-сарматского ареала. В исторической науке появилось утверждение, что этот ареал был заселен исключительно ираноязычными племенами. Оказавшиеся в плену иранистов многие археологи, в свою очередь, объявили археологические культуры скифо-сарматского ареала принадлежащими ираноязычным племенам» [9, 139].

Ю. Н. Дроздов в своей книге «Тюркоязычный период европейской истории» пишет: «Огромный массив исторических данных античности и средневековья, хорошо известный историкам всех поколений, не содержит никаких сведений о нахождении в этот период на территории Европы племен и народов с явно выраженной древнеперсидской культурой и этнонимией. (Исключением является маленький, исторически замкнутый и абсолютно автономный анклав осетин на Северном Кавказе, не оказавший никакого влияния на этногенез европейских народов)» [8, 18]. Далее он продолжает: «В исторических письменных источниках всех эпох и периодов не встречается ни одного, даже минимального, намека на персоязычность скифов. И тем не менее современная историческая наука приняла утверждение В. И. Абаева о персоязычности скифов за непоколебимую аксиому, в результате чего этнонимия и этногенез всех европейских народов не находит внятного и логического объяснения» [8, 18-19].

Выводы. Получается замкнутый круг: археологи, руководствуясь мнением лингвистов, археологические культуры периода скифов и сарматов относят к ираноязычным племенам. А лингвисты-иранисты для подтверждения своей теории ссылаются на выводы археологов.

Перспективы. Для того чтобы разорвать этот порочный замкнутый круг, следует сравнить образ жизни скифов и некоторых современных тюркских и иранских народов. (Продолжение следует).

Литература

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор / В.И. Абаев. - М. - Л., 1949.
2. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836.
3. ВДИ. 1947; 1948.
4. Геродот. История, IV
5. Джильс Ф. О государстве русском / Джильс Флетчер. - М., 2002.
6. Доватур А.Н. Народы нашей страны в «Истории» Геродота / Доватур А.Н., Каллистов Д.П., Шишова Н.А. - М., 1982.
7. Донесение о Московии второй половине 16 века // Императорское общество истории и древностей Российских. - М., 1913.
8. Дроздов Ю.Н. Тюркскоязычный период Европейской истории / Ю.Н. Дроздов. - М., 2011.
9. Закиев М.З. Происхождение тюрков и татар / М.З. Закиев. - М., 2003.
10. Ирджи Д. Современное состояние Великой России или Московии / Ирджи Давид // Вопросы истории, 1968. - №1.
11. Кузьмин А.Г. Начало Руси / А.Г. Кузьмин. - М., 2003.
12. Лаврентьевская летопись. - М., 2011.
13. Мечта о русском единстве. Киевский синопсис (1674). - М., 2006.
14. Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян / Михалон Литвин. - М., 1994.
15. Прокопий из Кесарии, Война с готами. М. 1950.
16. Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982.
17. Свод древнейших известий о славянах. М., 1991.
18. Страбон. География. М., 1994.
19. Тацит. Сочинения. М., 1993.
20. Храпунов И.Н. Древняя история Крыма / И.Н. Храпунов. - Симферополь: Изд-во «Доля», 2007.

Меметов А. Походження кримських татар (частина II) / А. Меметов, І. А. Меметов // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 16-26.

У статті розглядаються питання походження кримських татар та участь в їх етногенезі найдавніших жителів Криму - кіммерійців і скіфів.

Ключові слова: кіммерійці, скіфи, Скіфія, кримські татари, етногенез, етнонім, мова.

Memetov A. The origin of the Crimean Tatars (part II) / A. Memetov, I. A. Memetov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 16-26.

The questions of the origin of the Crimean Tatars and participate in their ethno genesis ancient inhabitants of the Crimea - the Cimmerians and Scythians.

Key words: Cimmerians, Scythians, the Scythians, the Crimean Tatars, ethno genesis, ethnonym, language.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.512.145. (477.75)

ЗЕМАНЕВИЙ КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ ЛЕКСИК ЭКСПРЕССИВЛИГИНИНЪ ЧЕШИТЛЕРИ

Меметова Э. Ш.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: edie70@mail.ru*

Ильмий ишимизнинъ актуаллиги. Къырымтатар тильшынаслыгъында лексика тафсилатлы шекильде огренильсе де [7], лексик экспрессивлиги меселесининъ терен олмагъан огренильмеси [8], мевзумызнынъ **актуаллигини** акс эттире.

Проблеманынъ огренюв **дереджеси**. Козьден кечирген тедкъикъатларымызгъа коре лексик экспрессивлигининъ чешитлиги чокъусынен славян тильшынаслыгъында огренильгендир [3; 6; 9; 10; 11].

Ишимизнинъ **макъсады** – земаневий къырымтатар тилинде лексик экспрессивлигининъ чешитлерининъ огренильмесидир.

Макъсаткъа коре бойле вазифелер къоюлды:

1. Лексик экспрессивлигининъ чешитлерини айырмакъ.
2. Адгерент экспрессивлигини огренмек.
3. Ингерент экспрессивлигини огренмек.
4. Ономасиологик ве семасиологик джеэтлеринден экспрессив сёзни огренмек.

Тедкъикъатнынъ **предмети**: къырымтатар тили лексикасы.

Тедкъикъатнынъ **объекти**: къырымтатар лексикасынынъ экспрессив къатламы.

Методологик эсас: талиль экспрессив лексиканынъ чешитлери огренильмесининъ нетиджелерине эаслана.

Битараф лексика фондуна кирген бирлемлер, тюрлю алларда сербест къуullanмалары мумкюн. Битараф лексика, адет узьре, номинатив вазифе беджере, мананынъ денотатив-сигнификатив макрокомпонети узьринде классификация япылмалары мумкюн, ве тек махсус алынган контекстлерде озь статусларыны денъиштирмелери мумкюн, экспрессив ренкли олмалары мумкюн, яни, битараф лексикагъа къарама-къаршы чыкъмалары мумкюн. «Бойле экспрессивлик адгерент сайылыр, яни контекст иле шарт къоюлган. Адгерент экспрессивлигине лексик системанынъ аман-аман эр бир бирлеми наиль олмакъ мумкюн» [3, 76]. Лякин къырымтатар тилинде лексемаларынынъ бир группасы бар ки, оларнынъ экспрессивлиги не вазьетке, не контекстке багълыдыр. Бойле лексемалар системлы-экспрессив сайылырлар, оларнынъ экспрессивлиги исе – ингерент, ичкидир.

Экспрессив сёзюнинъ семантикасы, адет узьре, эки эсас бакъыштан тедкъикъ этилир – ономасиологик ве семасиологик. Биринджиси экспрессивликни денотат (референт) джеэтинден огрене. Экинджиси лексик семантикасынынъ аспекти оларакъ огрениле, яни экспрессивлик бельги тарафындан, яни экспрессив адларынынъ семантик хусусиетлеринден огрениле. Бойледже, ономасиологик янашув семасиологик чешитине тедкъикъ этильмесининъ ёнелишине коре къарама-къаршы

кьоюлмасы мумкюн: объект я да адиседен башлап олар акъкъында кельген фикир-гедже ве оларнынъ тиль васталарынен адландырылмасынадже [5, 345].

Экспрессив сёзю хусусиетлерининъ толу ве арды-сыралы талили тек бу эки аспект бирлешкен алда олмасы мумкюн. Экспрессив сёзю семантикасынынъ озьгюнлиги сигнификат табиатынынъ хусусиетлерининъ огренильмеси ярдымынен япылмасы мумкюн; бир референтнинъ бир къач манасы къарама-къаршы кьоюлмасы нетиджесинде яни семасиологик аспект ёлунен мейдангъа кельмеси мумкюн.

Сёзнинъ экспрессивлиги ономасиологик аспекте адлав (номинация) объектинен багълы, ве 4 компоненттен ибарет: 1) номинатор (ад берген субъект), 2) номинант (ад), 3) номинат (ад алгъан объект), 4) динълейиджи (ве сёйлешюв шараитлери) [13, 241-242]. Эгер экспрессив сёзнинъ манасыны эки джеэттен талиль этсень (ономасиологик ве семасиологик), о заман экспрессив адлавнынъ вазифесини ве лексик экспрессивлигининъ механизмлерини де козьге алмакъ керек, деп сая Н.И. Бойко. [3, 77]. Экспрессив номинациянынъ тюшонджеси кенъ аспект джеэтинден огрениле, мында адам анининъ акс-седасы да муимдир.

Экспрессив лексиканынъ функциональ муимлиги тильтнинъ экспрессив вазифесине багълыдыр, бу вазифе исе деерлик эр анги нутукъта коммуникатив вазифесинен бераберликте кельмекте [5, 564-565]. «Экспрессив вазифе» деген термини эм тар манада (сёйлейиджи интенцияларынынъ ифаде этильмеси), эм де кенъ манада (эр бир фикирнинъ ифаде этюв вастасы) къулланылмасы мумкюн олгъаныны къайд этмек керек [1, 40].

Р. Якобсон нутукъ коммуникациясынынъ алты факторыны айырып (адресант, контекст, бильдирильме, контакт, код, адресат), эр бирине озь хусусий вазифе ляйыкъ деп сая, ве биринджи оларакъ, экспрессив вазифе айырыла, чюнки о «догърудан-догъру адресаткъа багълы» [14, 198]. В.А. Аврорин экспрессив вазифени коммуникатив вазифе иле якъынлаштыра, оларны «бир медальнинъ эки тарафы» депо грене, эм де экспрессив вазифени, фикири ифаде этильмесини теминлеген вазифе деп сая [1, 36-38]. Бойледже, къайд этильген экспрессив вазифе лингвистлер джеэтинден тиль-система (коммуникатив вазифесинен бирликте) ичюн темель къойгъан, эстетик ве поэтик вазифелеринен багълы олгъан вазифе деп сайылып.

Экспрессив вазифе, коммуникатив вазифе киби, ялынъыз тиль системасына дегиль, айры бирлемге, мисаль оларакъ, адлав бирлемине аиттир.

Чокъусы лингвистлернинъ эсерлеринде экспрессив вазифе адамнынъ эмотив-рухий арекети саасынен багълы олып, тиль ве нутукънынъ эмоция, дуйгъу, аффект алыны ифаде этюв къабилиети оларакъ къайд этилир [2; 4; 11]. Чокъусы алларда экспрессив вазифени эмотив вазифесине тенъ кьоюлар [6, 38].

Экспрессив лексемалар энъ эвеля конкрет референтнинъ хусусиетини айырып ифаде этелер. Яни систем экспрессивлигине саип олгъан сёзлер, номинатив вазифесинден гъайры, озюнинъ – экспрессив вазифесини къулланалар. Экспрессивлер муйаен адиселерни ве нутукъ субъектининъ интенцияларынынъ дуйгъу гаммасыны ифаде этмек кереклер, меселя: *дильбаз*, *олмайджакъ*, *таз*; кочъме манада: *меляке*, *эзме*, *маясыл*, *копек* (адам акъкъында).

Лексик бирлемлерининъ къайд этильген экспрессив вазифеси номинатив ве башкъа вазифелернен насылдыр мунасебетлерге кирмеси мумкюн дегиль, чюнки,

оларнынъ иерархик системасы муим ве муим олмакъ «алчакъ» чешитлерине болонмесини козьде тутмай. Эр бир вазифе башкъа вазифелернен къарама-къаршы фаалиеттедир.

Бойледже, экспрессив сѣз эки эсас вазифени бирлештире – экспрессив ве номинатив, лякин номинатив вазифе экспрессив лексемаларынынъ специфик чизгилеринен айырылып турмакъта.

Экспрессив номинациялар арасында тиль ве нутукъ ченшитлери айырыла. Оларнынъ фаркъы номинативнынъ табиатына багълыдыр, бу адлав (номинат) умумий тюшондже (сигнификат) ве конкрет бир объект (референт) иле нисбетлештириле. Экспрессив номинацияда къайд этильген референтлернинъ сынъырлары артыкъ кенълеше: айны номинант бир къач номинант иле нисбетлештирильмеси мумкюн, бу ал исе экспрессив лексик бирлемлерининъ. Тенъештиринъиз: бир айырыджы ве бир сыра айырылгъан сѣзлер – *джады* – 1) *хыянет*, 2) *ярамаз*, 3) *киндар*, 4) *къара юрекли*, 5) *аджджы* в.и. ве, аксине, бир айырылгъан сѣз ве бир сыра айырылгъанлар: *будала* – *тентек*, *дели*, *эшек*, *ахмакъ*, *зевзек*. *Джады* экспрессиви къайд этильген предикатлардан эр бирини денъиштирмеси мумкюн, онынъ экспрессив манасы сѣйлейиджилер тарафындан менфий (гъает сийрек алда – мусбет) эмотив-къыймет кесюв семалар ярдымынен къабул этиле: *обюр* в.и.

Тиль экспрессив номинацияларда номинант ве номинат арасындаки багъ къавийдир. Номинант, тиль бирлеми оларакъ, озь инвариант (умумийлештирильген) манагъа саип, бу мана айры вариант сифатында чыкъмасы мумкю. Меселя, *баиш* сѣзюнинъ инвариант маналары чокъсайылы вариантларда чыкъмасы мумкюн, бу исе, озь небетте, экспрессив сѣзюнинъ семантик потенциалынынъ кучюни тасвирлей.

Экспрессив сѣзюнинъ семантикасы модуль оларакъ огрениле, онынъ теркибинде макрокомпонентлер, компонентлер ве микрокомпонентлер айырыла.

Экспрессивликнинъ тюрлю концепцияларынынъ муэллифлери арасында экспрессив лексик бирлемининъ семантик къурулышына кирген макрокомпонентлернинъ микъдар ве кейфиет теркибине олгъан фикирлеринде бирлик ёкъ. В.Н. Телия алты макрокомпонент айыра – грамматик, денотатив, къыймет кесюв, мотивацион, эмотив ве услубий [10, 40-41], Н.А. Лукъянова эки – денотатив-сигнификатив ве коннотатив [6, 76], В.И. Шаховский – учь: мантыкъ-предмет, эмотив ве функциональ-услубий [11, 21]

Д.Н. Шмелев «адисенинъ озюни аныкъ акс этип ифаделеген экспрессив элементлерини» (меселя, *кибирлик*, *чакъув*, *зайыф* в.б.), «лексик мана»гъа кирсете [12, 252]. Онынъ фикирине коре, экспрессив-услубий ренк – бу сѣзнинъ ренки олмайып, шу сѣзнинъ манасына багълы олгъан къабул этювдир.

Контексттен тыш насылдыр услубий тасавур догъурмакъ къабилиети, *олюм*, *мезарлыкъ*, сѣзлерини услубий ренкли сѣзлер сырасына кирсетмеге ёл ача.

Грамматик ве денотатив-сигнификатив макрокомпонентлер эр бир толуманалы сѣзнинъ семантик къурулышы ичюн меджбурий олурлар, олар бири-биринен багълы компонентлерининъ (семалар) системасыны теркип этелер – категориаль, лексик-грамматик ве лексик. Бутюн башкъа макрокомпонентлер факультатив статусына саиплер.

Экспрессив сѣзюнинъ семантикасынынъ талили кетишатында, эр бир макрокомпонентнинъ ролюни ве ерини тайинлемек муимдир, чюнки, шу макрокомпонет лексик экспрессивлигининъ айры чешитининъ темели ве менбасыдыр.

Экспрессив сѣзюнинъ семантикасындаки денотатив макрокомпоненти эм орта-эсас ерни, эм четтеки ерни алмакъ мумкюн. Денотатив-коннотатив чешити олгъан экспрессив лексемаларгъа хусусий (онынъ ичюн экспрессив) денотатларны бельгилеген, миллий сѣз-темсиллер де кире. Тюрюлю сѣз чешитлери (типтери) маналарынынъ миллий-медений спецификасы оларнынъ статусына багълыдыр, шунунъ ичюн олар юксек дуйгъуларны ве мусбет эмоцияларны мейдангъа кетирелер. Меселя, «*фесильген*» лексемасы, лугъатта къайд этильген манасындан гъайры, миллий мундериadge де саиптир – *тувгъан ер, эвнинъ къокъусы, дуа темсили, несиль ардысыралыгъынынъ бельгиси. Емишан оту, пейгъамбер дѣгмеси, ляле, сельбилер; къартал, къарылгъач, акъкъуш, бульбуль* киби сѣзлер дюньянынъ айры фрагментлерини дегиль де, миллий-медений теджрибе чемберинден кечирильген адиселерни де аксетелер.

Денотатив-коннотатив экспрессивлигининъ менбасы оларакъ конфессия манасына саип олгъан, денотатив макрокомпонентнинъ спецификасы чыкъа. Денотатларнынъ озълери юксек дуйгъу кергинлигининъ стимуллары олгъан адисе, джерьянлардыр: *Къоран, Хадислер, джами, къурбан* в.и. Диний дюньянынъ манзарасында материал джеэттен ифаделенмеген, предмет олмагъан денотатлар да олмакъ мумкюн, меселя, *АЛЛА, РАББИ* в.и. Бойле чешиттеки лексемалар позитив тюс иле бельгиленгендир, олар джан къасеветине, хусусий эмоциональ алларгъа чагъырлар, бу исе, озъ невбетте, оларны тильнинъ экспрессив фондуна кирсетильмеси ичюн себептир.

Экспрессивликнинъ денотатив-коннотатив чешити эфсане лексикасы ичюн де аиттир: *аждерха, дев, сув анасы, джады*. Бойледже, экспрессивликнинъ биринджи чешити – бу денотатнынъ сѣйлейиджиде мусбет / менфий мунасебетини мейдангъа кетирмек, онынъ эмоциональ-къыймет кесюв хулясаларгъа кельмесине темель къоймакъ, имкяныдыр.

Лексик экспрессивлигининъ экинджи чешити, экспрессивлик эмоциональ-экспрессив къыймет кесювге багълы олгъан сѣзлер иле ифаделене. Экспрессив-коннотативлернинъ манасы да денотатив ве коннотатив маналарыны бирлештире, лякин эсас вазифе коннотациягъа тюше. Чюнки коннотация субъектнинъ объектке олгъан къыймет кесювининъ эмоциональ мунасебетини аксеттире: адам акъкъында – *къозучыгъым, тосунчыгъым, эшек, мал, хынзыр*. Экспрессивликнинъ коннотатив чешитине аит олгъан лексемалар энъ эвеля сѣйлейиджининъ къыймет кесюв предметине олгъан субъектив мусбет / менфий мунасебети акъкъында хабер бере. Мында коннотациягъа мусбет къыймет кесюв (мелиоратив) ве менфий къыймет кесюв (пейоратив) кирмектелер, биринджилери – охшав, айранлыкъ, макътавны ифаде этелер; экинджилери исе – къабалыкъны, нефрет, алгъышсызлыкъны ифаде этелер.

Экспрессия – махсус япылгъан нутукъ эффектидир, лексик бирлемининъ хусусий ситуатив-контекстуаль статусыдыр.

Публицистик услубинде, бедий жанрларда, лакъырды тильде къулланылгъан терминлер де экспрессив ренклидир. Бедий метинлерде экспрессиянынъ васталары

вазифесинде шиве лексикасы чыкъа. Юксек экспрессия кьайд этильген лексемаларынын битараф, китабий-терминологик, ресмий-иш, публицистик, халкъ агъыз яратыджылыгы, поэтик ве иляхре лексемаларынын контрастынен теминлене.

Экспрессиянын хусусий чизгиси – бу онын тышкы табиаты, бу сѣзнин лексик манасына аит олгъан хусусий вакътынджа ренки, онын кьошма малюматы, бу исе, реципиентке тесир этип олгъан, хусусий сѣз кьуллаувынын нетиджесидир [9, 8].

Экспрессивлик семантик (ички) категориядыр, экспрессия исе – функциональ (тышкы) адисе, функциональ адисе исе услубий категорияларгъа кире.

Нетидже. Экспрессив лексика – бу тиль ве нутукътаки специфик адиседир. Оны ялынъыз эмоция ве дуйгьуларны адландыргъан лексикасынен (севги, беля, кьоркъу, нефрет) кьарыштырмагъа керекмей. Бойле лексик бирлемлер тек номинатив вазифе беджерелер.

Лексик экспрессивлик – бу тиль ве нутукъта акс олунгъан адам факторыдыр, тильнин экспрессив вазифесинин муайен кьошма махсулы, бу дюнья манзарасынын эр бир фрагментине экспрессив ренкини кьошмакъ ичюн олгъан универсал категориядыр.

Тедкъикъатнын перспективалары. Огренип чыкъкъан меселелеримиз, яни лексик экспрессивлигинин чешитлери, илериде изаат лугъаты тизильмесине буюк ярдымдгы малюмат оларакъ кьулланылмасы мумкюн.

Эдебият

1. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В.А.Аврорин. – Л.: Наука, 1975. – 276с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.Ахманова. – М.: Изд-во «Сов. энциклопедия». – 1966. – 607 с.
3. Бойко Н.І. Українська експресивна лексика в словнику, мові та мовленні: Навчальний посібник для студентів філологічних спеціальностей / Н.І. Бойко. – Ніжин: Редакційно-видавничий відділ НДПУ ім. М.Гоголя, 2002. – 217 с.
4. Леонтьев А.А. Общественные функции языка и его функциональные эквиваленты / А.А.Леонтьев // Язык и общество. – М.:Наука, 1968. – С. 99-110
5. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.:Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления / Н.А.Лукьянова. – Новосибирск: Наука, 1986. – 230 с.
7. Меметов А. Лексикология крымскотатарского языка / А.Меметов. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000. – 288 с
8. Меметова Э.Ш. Къырымтатар тилинин услубиети / Э.Ш.Меметова. – Симферополь: Къырым-девокъувпеднешир, 2001. – 144 с.
9. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н.Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.
10. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В.Н.Телия. – М.: Наука, 1991. – С.36-66.
11. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики / В.И.Шаховский // Вопросы языкознания. – 1994. - №1. – С.20-25.
12. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д.Н.Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 272с.
13. Языковая номинация: Общие вопросы. – М.:Наука, 1977. – 359с.
14. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р.Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193-230.

Меметова Э. Ш. Типы лексической экспрессивности в современном крымскотатарском литературном языке / Э. Ш. Меметова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С.

В данной статье исследованы типы лексической экспрессивности в современном крымскотатарском литературном языке. Исследованы: адгерентная экспрессивность, то есть обусловленная контекстом; ингерентная экспрессивность, то есть лексемы, экспрессивность которых не зависит от условий функционирования, связи с ситуацией, контекстом. Рассмотрена семантика экспрессивного слова с двух основных взглядов – ономаσιологического и семасиологического.

Ключевые слова: экспрессивность, лексика, крымскотатарский язык, экспрессивное слово.

Меметова Е. Ш. Типи лексичної експресивності в сучасній кримськотатарській літературній мові / Е. Ш. Меметова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 27-32.

В даній статті досліджено типи лексичної експресивності в сучасній кримськотатарській літературній мові. Досліджено: адгерентну експресивність, тобто обумовлена контекстом; інгерентну експресивність, тобто лексеми, експресивність яких не залежить від умов функціонування, зв'язку з ситуацією, контекстом. Розглянуто семантику експресивного слова з двох основних поглядів - ономаσιологічного і семасиологічного.

Ключові слова: експресивність, лексика, кримськотатарська мова, експресивне слово.

Memetova E. Sh. Types of lexical expressive modern Crimean Tatar literary language / E. Sh. Memetova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 27-32.

In this article the types of lexical expressive modern Crimean Tatar literary language. Investigated: adgerentnaya expressiveness, that is due to the context; ingerentnaya expressiveness, ie tokens, expressiveness which is independent of the operating environment, the situation, the context. Semantics, expressive words with two main views - and onomasiological semasiological.

Key words: expressiveness, vocabulary, the Crimean Tatar language, expressive word.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК – 81`1. 512. 145

ЗЕМАНЕВИЙ КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ ИСИМНЕН ИФАДЕЛЕНГЕН ТАМАМЛАЙЫДЖЫНЫНЪ СЕМАНТИК АЛЯМЕТЛЕРИ

Алиева Л. А

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: fox_ne@mail.ru*

Тедкъикъ этиледжек меселе. Земаневий лисаниет огюнде тургъан энъ джиддий меселелерден бири – джумлени эр тарафлама огренювдир. Къайсы аляметлерге эсасланып джумлени талиль этмели? суалине тильшынаслар тюрлю фикирлер беян этелер. Белли алим В.Г.Адмони джумленинъ бойле тарафларына эмиет бермеге тевсие эте: мантыкъ - грамматик, модаллик, джумленинъ толу олувына коре, нутукъ ичинде джумленинъ беджерген вазифеси, актуаль коммуникатив, коммуникатив макъсадына коре, эмоциональ хусусиетине коре [1]. В. И. Кодухов джумленинъ эки хусусиетини къайд эте: коммуникатив ве тизим джеэттен. И.П.Сусов джумлени 12 аляметке коре талиль этмекни теклиф эте [17]. Сонъки 40 – 45 йыл девамында семантика джеэттен адий джумлени огренюв меселеси тильшынасларны меракъландырып башлады.

Къырымтатар тилинде джумленинъ экинджи дередже азалары акъкъында ильмий ишлер пек аз. Дженктен эвельки девирде Ислямов А. [9], дженктен сонъ Меметов А. [11, 12], Севортян Э.В. [16], Акъмоллаев Э.С. [3], Оказ Л.С. (Селендили Л.С.) [13, 14, 15] киби алимлер джумле азаларынынъ грамматик аляметлерине багъышлангъан ильмий ве методик ишлер яздылар. Тильшынасларымыз бу меселени изалагъанда, эсасен, тизим ве грамматик малюматлар берелер. Бизим фикиримизге коре, бу меселе семантика джеэттен де бакъылмасыны талап эте.

Макъаленинъ актуаллиги. Мезкюр ильмий тедкъикъатымызнынъ актуаллиги - къырымтатар тильшынаслыгъында джумленинъ семантик аляметлери керек дереджеде ве севиiede, эр тарафлама, терен огренильмегенинен багълы.

Макъаленинъ макъсат ве вазифелери. Белли олгъаны киби, къырымтатар тилинде тамамлайыджы тюрлю сёз чешитлеринен ифаделене. Мезкюр макъалемизде исимнен ифаделенген тамамлайыджыларнынъ семантик хусусиетлерини изалап, айдынлатмакъ макъсадымызгъа иришмек ичюн, бир сыра ишлерни беджермекни огюмизге, вазифе оларакъ, къойдыкъ:

1) семантика джеэттен адий джумлени талиль этюв меселелерини айдынлаткъан чешит тиллерде олгъан ильмий ишлерни огренип, тасниф этюв усул ве ёлларыны бельгилемек;

2) къырымтатар тилинде исимнен ифаделенген тамамлайыджынынъ маналарыны талиль этмек, онынъ семантик хусусиетлерини изаламакъ, тасниф этмек.

Ишни язгъанда, **тасвирий, тенъештирме** ве **тарихий** усуллардан файдаландыкъ.

Эсас меселелерини изаланувы. Кечкен асырнынъ 70-нджи сенелеринден башлап, бир сыра алимлер лисаний семантиканынъ инкишафына чокъ иссе къош-

тылар: У.Л.Чейф [18], С.Д.Канцельсон [10], В.В. Богданов [7], Т.Б.Алисова [5], И.П.Сусов[17], Н. Д. Арутюнова [6] в башкълары. Бу тильшынасларнынъ ильмий ишлерини огренип, ашагъыдаки малюматларны асыл эттик.

Семантика джеэттен джумлени талиль эткенде, тек сёзлер арасындаки багъ аляметлерине дегиль де, бу джумледе беян этильген адисенинь хусусиетлерине эмиет бермели. Меселя: 1. *Алим чалыша* - предмет ве иш-арекет арасындаки багъ.

2. *Али – яш* - предмет ве алямет.

3. *Ишлемек кыйындыр* - иш – арекет ве алямет.

Къарачай-балкъар тилининъ синтаксисинде У.Алиев вастасыз тамамлайджыларны, ифаделеген семантик маналарына коре, дёрт чешитке тасниф эте: тышкъы предметни анълаткъан вастасыз тамамлайджы; объектнинъ иш-арекети нетиджинде пейда олгъан предмет; иш - арекет нитеджесинде гъайып олгъан объект. Догърултув келишинде кельген васталы тамамлайджылар, У.Б.Алиевнинъ фикрине коре, бир къач маналарны ифаделемек ичюн хызмет этелер: иш-арекет кимге догърултылгъаныны; иш-арекет ким тарафындан беджерильгенини; башкъа маналарны [3].

Джумле азалары озъара мунасебетте булунгъанда, тюрлю лексик маналарны ифаделейлер. Бу себептен, алимлер джумленинь семантик аляметлерини изалагъан ильмий ишлерде бойле ыстылаларны къуланалар: *муптеда – субъект, хабер – предикат, тамамлайджы – объект, айырыджы – атрибут, ал – муайенлештириджи (конкретизатор)* [7].

Семантик объект джумленинь теркибинде муим компонентлерден бири эсаплана. Семантик объект вастасынен субъектнинъ предикатив аляметлери ифаделене [8]. Объектнинъ аляметлерини тедкъыкъ эткенде, эки меселеге эмиет бермек тевсие этиле:

- предикатнынъ семантик хусусиетлерине;

- объектнинъ лексик-семантик аляметлерине.

Тюркий тиллерде биринджи алямет, энъ муим оларакъ, къайд этиле. Базы бир сёзлернинъ маналары, озъбашына алынгъанда, белли олмай.

Меселя: *демирден* сёзюни, джумленинь башкъа сёзлерден айырып, алсакъ, ифаделеген семантик манасы анълашылмаз. Джумле ичинде исе, бу сёзнинъ манасы айдынлаша: *Араба къану демирден япылгъан; Алтын демирден къавийдир; О, демирден (устюнден) тюшти. "Демирден" сёзюнинъ манасы фииль я да предикатнен олгъан озъара мунасебетинден белли ола.*

Малюм олгъаны киби, тамамлайджы, семантика джеэттен, объектлик манасыны ифаделей. Къырымтатар тилинде исимнен ифаделенген тамамлайджынынъ (объектнинъ) джумле ичинде башкъа компонентлернен олгъан семантик мунасебетлерини талиль этейик.

1. *Асан аякъ машинасыны бозды* (И.П.). Бу джумледе иш-арекет насыл объектке (*аякъ машинасына*) тесир эткени ифаделенген – тесир этюв объекти.

2. *Меним аптем Фатманен чалыша* (И.П.) джумлесинде иш-арекет насыл объектнен бераберликте (*Фатманен*) беджерильгени косьтериле – бераберлик объекти.

3. *Чобан эшитильген гудюрдиден абдырады* (Дж.Д.). Чобан не себептен абдырагъаныны "*гудюрди*" сёзю изалай – себеп объекти.

Бойлеликнен, земаневий къырымтатар эдебиятындан алынган бир сыра джумлелернинъ компонентлери арасындаки семантик мунасебетлернинъ талили исимнен ифаделенген тамамлайыджынынъ, яни объектнинъ, ашагыдаки чешитлерини къайд этмеге ярдым этти:

алет объекти: *Салядин одунны балтанен парлады* (Ш.А.); тесир этюв вастасы объекти: *Ислямны яхшы иляджларынен девалайлар* (И.П.); адлав объекти: *Асан бу копекни Акътабан деп чагыра* (Р.Т.); мунасебет объекти: *Рефат Абибени нек бегене эди* (Ш.А.); нетиджелев объекти: *Рессам ресмини сызып битирди* (Ш.А.); нутукъ объекти: *Анасы бу хаберни тизесине айта* (Дж.Д.); барлыкъ (ёкълыкъ) объекти: *Исметте китап ёкъ, Акимде бар эди* (Ш.А.); иш объекти: *Къурджылар эв къуралар* (Р.Т.); дуйгъу объекти: *Бу аджайип йырнынъ мундериджесине эеджанландым, кедерлендим* (И.П.); адресни ифаделенген объект: *Бу эшья саибине берильди* (И.П.); предметнинъ неден япылгъаныны косътерген объект: *Териден топ тикильди* (Р.Т.); нетиджелев объекти: *Рессам ресминини сызып битирди* (И.П.); ошатув объекти: *Энвер агъа къардашына бенъзей эди* (Дж.Д.); арекет объекти: *Сервер Анифенинъ когельткесинден къачты* (Ш.А.); *Азиз Недимович шу арада реберге чапты* (Ш.А.); тюшюнюв объекти: *Анам къардашымны къасевет эте* (Дж.Д.); ер объекти: *Иш алетлерини Эскендерден алдырлар* (И.П.); тенъештирме объекти: *Вели Таирден атикчедир* (И.П.); ис этюв объекти: *Мен онынъ нефесини сезем, япракъларынынъ шувуддысыны эшитем* (И.П.); *Мен чокъ дагълар корьдим, чокъ эфсанелер ве йырлар эшиттим* (Ш.А.); рухий я да эмоциональ алнынъ объекти: *Къызынынъ арекетинден айретте къалдым* (Р.Т.); *Мен бу алдан шаммаладым* (И.П.); *Эгер къыйын олса, зарары ёкъ, бунъа эеджанланмасын* (Ш.А.).

Хабернинъ (предикатларнынъ), ички маналарына эасланых [4], къырымтатар тилинде объектнинъ даа бир сыра чешитлерини къайд этмек мумкюн.

I. Арекет объекти:

-фааль арекет объекти: *Ватанымыз душмандан къорчаланды* (И.П.);

-пассив арекет объекти: *Мен дагънынъ ресмини сыздым* (Р.Т.);

-иш-арекетнинъ менбасыны косътерген объект: *Оюндан атеш чыкъты* (И.П.).

II. Иш объекти:

-къурув фаалиетининъ объекти: *Биз мында чалышамыз, мектеп бинасыны котеремиз* (И.П.);

- бозув фаалиетининъ объекти: *Дженк вакътында фаалиетлер шеэрлеримизни, койлеримизни якъып-йыкътылар* (Ш.А.);

- предметнинъ денъишювине догърултылган иш: *Пенджерелерни бояладыкъ, диварларны акълап чыкътыкъ* (И.П.).

III. Нутукъ объекти:

- фикирнинъ мундериджесини бильдирген объект: *Мен билем, сен манъа ялан айтасынъ* (Р.Т.); *Меним акъкъымда шикъяетлене башлады* (Дж.Д.);

- фикир юрютюв объекти: *Мектюбинъни окъугъанда, мен зенаат хусусында тюшюндим* (Р.Т.); *Мен бу левханы яхшы тасавур этем* (Р.Т.);

- нутукънынъ коммуникатив тарафыны тарифлеген объект: *Мен санъа бир дефа озюмнинъ балалыкъ девримни икяе эткен эдим* (Р.Т.).

Бойлеликнен, мезкюр макъалемизнинъ нетиджеси оларакъ, ашагъыдаки фикирлерни къайд этмек мумкюн. Тамамлайыджынынъ семантик аляметлерини тедкъикъ эткенде, эки хусусиетке эмиет бермели: хабернинъ (предикатнынъ) семантик хусусиетлерине; тамамлайыджынынъ (объектнинъ) лексик-семантик аляметлерине. Талилъ нетиджесинде, къырымтатар тилинде исимнен ифаделенген тамамлайыджынынъ (объектнинъ) бир сыра семантик чешитлери къайд этильди: *алет объекти, тесир этюв вастасы объекти, бераберлик объекти, себеп объекти, адлав объекти, мунасебет объекти, нетиджелев объекти, нутукъ объекти, ал объекти, барлыкъ-ёкъдукъ объекти, иш объекти, дуйгъу ве ис этюв объекти, адресни ифаделенген объект, предметнинъ неден япылгъаныны косътерген объект, нетиджелев объекти, ошатув объекти, арекет объекти, тюшюнюв объекти, ер объекти, тенъешитрюв объекти, ис этюв объекти, рухий я да эмоциональ алнынъ объекти* ве башкъалары.

Эдебият

1. Адмони В.Г. Аспекты предложения и система типов предложений. /В.Г. Адмони // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков.- Л., 1971
2. Акъмоллаев Э.С. Къырымтатар тилининъ амелияты. Синтаксис: Учебное пособие / Э.С. Акъмоллаев. – Ташкент: Укъитувчи, 1989 – 160с.
3. Алиев У.Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка /Учебное пособие. У.Б. Алиев – Москва: Наука, 1972 – 351 с.- На русском языке.
4. Алиева Л.А. Некоторые особенности простых именных сказуемых крымскотатарского языка, выраженных существительными /Л.А. Алиева // Культура народов Причерноморья.- №224, 2012.- С.17-20
5. Алисова Т. Б. Опыт семантико-грамматической классификации простых предложений /Т. Б. Алисова // ВЯ.- 1970.- №2. – С.186- 189.
6. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – Москва: «Наука», 1976. – 246с. - На русском языке.
7. Ахматов И.Х. Проблемы семантического анализа простого предложения (На материале карачаево-балкарского языка). Учебное пособие. / И.Х.Ахматов.– Нальчик, 1979. – 94с. На русском языке.
8. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1977.– 430с.-На русском языке.
9. Ислямов А. Татар тилининъ грамматикасы: 2-нджи къысым. Синтаксис. Учебное пособие / А.Ислямов. – Симферополь: Кърымдевнешир, 1940. – 120с. – На крымскотатарском языке.
10. Кацнельсон С. Д. О категории субъекта предложения. /С. Д.Кацнельсон // Универсалии и типологические исследования». - Москва : Наука, 1974.- С. 109.
11. Меметов А. Крымтатарский язык. Ч.1 Общие сведения о языке. Ч.11 Морфология. Учебное пособие / А.Меметов, К.М. Мусаев. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2003. – 288с. – На русском языке. – ISBN 966-8025-35-0.
12. Меметов А. Земаневий къырытатар тили. Учебное пособие / А.Меметов. – Симферополь: Крымчупедгиз, 2006. – 320 с. – На крымскотатарском языке. – ISBN 966-354-025-7.
13. Оказ Л.С. Порядок и основные функции слов в крымскотатарском языке / Л.С. Оказ // Материалы Международной научной конференции «Украина-Турция: прошлое, настоящее, будущее.– Киев, 2004.– С.397- 401.
14. Оказ Л.С. Особенности функционирования сказуемого в крымскотатарском языке / Л.С. Оказ // Культура народов Причерноморья, 2006. – №83.– С. 65-68. – На русском языке. – ISBN 1562-0808.
- 15.Оказ Л.С. Семантико-синтаксическая характеристика крымскотатарских словосочетаний с местоимением/ Л.С. Оказ // Культура народов Причерноморья, 2012. – №224.– С. 44-49. – На русском языке. – ISBN 1562-0808.
16. Севортян Э.В. Крымскотатарский язык / Э.В. Севортян // Языки народов СССР. Тюркские языки. Т. 2. Москва, 1966. – С. 239, 244 –248. – На русском языке.
17. Сусов И.П. «Вопросы лингвистической семантики». / И.П. Сусов. – Тула, 1975.– 128с.

18. Чейф У. Л. Значение и структура языка. / У. Л.Чейф. – Москва:Изд-во «Прогресс». 1975. стр. 114—138.

Къыскъартмалар:

1. Ш.А. – Алядин Ш. С. Сайлама эсерлер. 1том. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрият, 1976. – 416с.
2. И.П. – Паши И. Джанлы нишан. Роман, повесть. – Симферополь: Издательство " Таврида", 1988. – 207с.
3. Р.Т. – Тынчеров Р. Сайлама эсерлер. – Ташкент: Издательство Гафура Гуляма, 1975. – 305с.
4. Дж.Д. – Дагъджи Дж. Анама мектюплер. Роман. Девамы. «Йылдыз», 2001 №3.- С. 18-47 – Акъ-месджит: «Таврида» нешрият.

Алиева Л. А. Семантические особенности дополнения, выраженного именем существительным, в крымскотатарском языке / Л. А. Алиева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 33-37.

В статье рассматриваются семантические особенности крымскотатарского дополнения, выраженного существительным. Результаты исследования оригинальные.

Ключевые слова: синтаксис, дополнение, классификация, семантика.

Алиева Л. А. Семантичні особливості доповнення, вираженого іменником, у кримськотатарській мові / Л. А. Алиева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 33-37.

У статті розглядаються семантичні особливості кримськотатарського додатка, вираженого іменником. Результати дослідження оригінальні.

Ключові слова: синтаксис, додаток, класифікація, семантика.

Alieva L. A. Semantic features complement expressed by a noun in the Crimean Tatar language / L. A. Alieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 33-37.

The semantic features of the Crimean Tatar addition expressed to the nouns are examined in the article. Results are researches original.

Key words: syntax, addition, classification, semantic features .

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК – 81 1. 512. 145

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРЕЧИЙ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аджимамбетова Г. Ш.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Украина,
e-mail: edrudem@mail.ru*

Статья посвящена изучению наречий в крымскотатарском языке. Проведён анализ наречия на синтаксическом уровне. В синтаксическом плане крымскотатарские наречия характеризуются тем, что их главная синтаксическая функция – обстоятельство (времени, места, цели, причины, образа действия, меры и степени). Кроме того, они могут выступать и в роли других членов предложения, в частности в роли определения, дополнения, в составе сказуемого.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, наречие, лексико-грамматические особенности, синтаксические функции.

Цель статьи: изучить синтаксические функции наречий.

Синтаксические функции наречия вытекают из его семантики. В предложении адвербы вступают в зависимую связь с глаголом и именем прилагательным. Сочетаясь с глаголом, они выполняют функции: а) различных обстоятельственных членов предложения, б) приглагольного определения. В сочетании с прилагательными роль члена предложения у наречия значительно слабее, поэтому оно не является отдельным членом предложения, а служит для усиления или ослабления значения определения [1, 138].

Наречия в функции обстоятельства меры и степени действия

Характеризуя действие в количественном отношении, наречия в предложении играют роль обстоятельства меры. Эти значения выражаются следующими наречиями:

Наречие **аз** ‘мало’: Огъланны **аз** коре [3, 168]. ‘Мальчика видит *мало*’.

Наречие **чокъ** ‘много’: **Чокъ** корьген, **чокъ** билир [аталар сёзлери]. ‘Тот, кто *много* видит, тот *много* знает’.

Наречие **бираз** ‘немного’: Ишке киришмезден эвель **бираз** къапынайыкъ [4, 91]. ‘Перед тем как начать работать, *немного* перекусим’.

Наречие **баягъы** ‘довольно много’: Албуки вакъыт **баягъы** олгъан [3, 176]. ‘Между тем времени уже *довольно много*’.

Наречие **аз бучукъ** ‘немного’: Даянынъыз **аз бучукъ**, Бори агъа [4, 99]. ‘Потерпите *немного*, брат Бори’.

Наречие **аз** ‘мало’, **чокъ** ‘много’ сочетаются и другими словами, выражая меру: **аз олса да** ‘хотя и немного’: **Аз олса да** кетирињиз. ‘Принесите *хоть немного*’.

Степень действия может выражаться наречиями, указывающими на кратность действия:

яньыдан ‘сначала’: **яньыдан** япмакъ ‘сделать сначала’;

къайтабаштан ‘заново’: *къайтабаштан* къурмакъ ‘построить заново’;
текрар-текрар ‘повторно’, *бир даа* ‘ещё раз’, *къач керелер* ‘сколько раз’:
Къач керелер шиир язувны быракмакъ ичюн теубе эттим [3, 107]. ‘Сколько раз
зарекался бросить писать стихи’.

кене ‘снова’: Оджа гизлиден *кене* бакъты [3, 135]. ‘Учитель *снова* тайно по-
смотрел’.

вира ‘беспрерывно’: Хызметчи отура... озю *вира* тютюн иче [3, 136]. ‘Работ-
ник сидит, *беспрерывно* курит’.

Наречия могут сочетаться с различными словами, в частности, со словами
микъдарда ‘в количестве’: *аз микъдарда* ‘в незначительном объёме’, *чокъ микъ-*
дарда ‘в большом количестве’, *чокъ дефа* ‘много раз’: Ничюндир *пек аз микъдар-*
да нешир этильди [3, 131]. ‘Почему-то издано *в незначительном количестве*’.

Наречия, выражающие ограниченность действия, являются обстоятельствами,
характеризующими действие или признак с точки зрения ограниченности: *Эп бир*
айтмам. ‘*Всё равно* не скажу’.

Наречия в функции обстоятельства места

Обстоятельство места, выраженное наречием, указывающим на направление к
какой-либо точке: *солгъа* ‘влево’, *оньгъа* ‘вправо’, *тёпеге* ‘вверх’, *арткъа* ‘назад’,
огге ‘вперёд’, *алдгъа-арткъа* ‘вперёд-назад’, ‘туда-сюда’, *ичериге* ‘внутри’.

Обстоятельство может конкретизировать место совершения действия: *анда*
‘там’, *мында* ‘здесь’, *къаршысында* ‘напротив’, *солда* ‘слева’, *ичериде* ‘внутри’,
бу якъта ‘здесь’, *алчакъта* ‘низко’, *юксекте* ‘высоко’, *алдында*, ‘спереди’, *ар-*
тында ‘сзади’, *тютпте* ‘внизу’:

Обстоятельство места выражается наречием, обозначающим исходное место-
положение совершаемого действия: *узакътан* ‘издалека’, *андан* ‘оттуда’, *мындан*
‘отсюда’, *усттен* ‘сверху’, *асттан* ‘снизу’, *тёпеден* ‘сверху’, *теренден* ‘из глубины’,
юкъарыдан ‘сверху’, *ичериден* ‘изнутри’:

Пакъыл киби, къапу ачылды, *ичериден* эсли киши чыкъты [3, 135]. ‘Как назло
открылась дверь, *изнутри* вышел пожилой человек’. Мусафир *узакътан* кельди.
‘Гость пришёл издалека’. Яшлар *андан*, *мындан* топланды. Молодёжь собралась
оттуда, *отсюда*. Таш *тёпеден* тюшти. ‘Камень упал *сверху*’.

Обстоятельство места, выраженное наречием, указывает на неопределённое ме-
сто совершения действия: *бир ерден* ‘откуда-то’, *ким биле къайда* ‘кто его знает
где’, *къайдадыр* ‘где-то’, *бир ерде* ‘где-то’, *бир де бир якъкъа* ‘в какую-нибудь
сторону’: Токътап турмакъ мумкюн дегиль... *бир де бир якъкъа* юрмек керек [3,
106]. ‘Останавливаться нельзя, нужно идти *в какую-нибудь сторону*’.

Наречия в функции обстоятельства времени

Темпоральные обстоятельства показывают, что признак действия связан с оп-
ределённым моментом времени. Они чаще поясняют глагольное сказуемое, так как
временные характеристики составляют грамматическое значение глагола, но могут
относиться и к именному сказуемому.

- Время совершения действия указывает на соотнесённость действия с момен-
том речи: *бугунь* ‘сегодня’, *бу заман*, *бу вакъыт* ‘в это время’, *шимди* ‘сейчас’, *шу*

анде 'в это мгновение', *шу вакъытта* 'в это время', *яньчыкъ* 'только что': *Яньчыкъ* юкъялагъан эдилер [3, 169]. 'Только что заснули'.

бу дефа 'в это время': Башы багълы адам *бу дефа* чай ичмекте [4, 90]. 'Человек с завязанной головой в это время пьёт чай'.

- Обстоятельства времени могут указывать конкретное время действия или состояния. В роли таких обстоятельств используются наречия, которые показывают, когда, в какое время совершается или проявляется действие: *куньдюз* 'днём', *акъшам* 'вечером', *сабалайын* 'утречком', *эртен* 'утром', *таньда* 'на рассвете', *кузьде* 'осенью', *язда* 'летом', *къышта* 'зимой', *тюневин акъшам* 'вчера вечером', *кечь маальде* 'поздно': *Тюневин акъшам* Феми эфенди эвге *кечь маальде*, нешэли алда кельди [3, 77]. 'Вчера вечером господин Феми домой вернулся поздно, навеселе'.

- Время совершаемого действия указывает на то, что оно предшествует определённому событию: *тюневин* 'вчера', *о кунь* 'в тот день', *эвель* 'раньше', *башталары* 'раньше', *яшлыкъта* 'в детстве', *бир вакъыт* 'в какое-то время', *бир заман* 'когда-то'.

былтыр 'в прошлом году', *якъында* 'недавно'

- Время действия или состояния наступит после другого действия или события: *ярын* 'завтра', *сонь* 'потом', *келеджекте* 'в будущем', *бироз вакъыттан сонь* 'после некоторого времени', *экинджи куню* 'на второй день', *илериде* 'в будущем', *бурскюнъ* 'послезавтра'.

- Обстоятельство времени может указывать на более или менее частую повторяемость действия: *кимерде* 'иногда', *сийрек* 'редко', *вакъыт-вакъыт* 'время от времени', *ара-сыра* 'иногда', *кимерде бир* 'иногда', *сыкъ* 'часто',

арада бир 'иногда', *тосат-тосат* 'временами'.

- Обстоятельство времени указывает на протяжённость действия:

омюр билля 'всю жизнь': Сув *омюр билля* сакъанен котериле эди [3, 147]. 'Вода всю жизнь поднималась бочками'.

чокъ йыллардан берли 'в течение многих лет', *чокъ вакъытлардан берли* 'в течение многого времени', *сабадан акъшамгъадже* 'с утра до вечера', *уйледен акъшамгъадже* 'с обеда до вечера'.

- Обстоятельство времени может обозначать момент времени, который никогда не наступит: *ич къачан, ич бир вакъыт* 'никогда': *Ич бир вакъыт* ёкъ деме. 'Никогда не говори нет'.

Интересно употребление слов типа *башта* 'сначала', *сонь* 'потом', *ондан сонь* 'вслед, затем' (с временным значением); *эвель* 'вначале, прежде', *сонь* 'потом'. Для этих наречий времени характерны следующие особенности. Они всегда объединяют два или более события, действия. Например: Базардан бир къарпыз аладжакъ олсам, *эвель* къарпыз обаларынынъ эписини козьден кечирип чыкъам. *Сонь* бир баштан къарпыз сайламагъа башлайым. 'Чтобы купить на рынке один арбуз, *вначале* просматриваю все арбузные кучи. *Потом*, начиная с одного края, выбираю арбуз.

Наречия в функции обстоятельства цели

Обстоятельства, характеризующие действие с точки зрения целенаправленности, могут быть выражены наречиями цели: *аселет* 'специально', *энькъастан* 'напрочно, притворно', *махсус* 'специально', *нафиле* 'зря, напрасно': Баба баланынъ

пармагъыны агъызына къапты, *энькъастан* тишлеген олды [3, 122]. 'Отец взял в рот палец ребёнка, *понарошку* укусил'. Шишени *махсу* сындырды. 'Бутылку *специально* разбил.

Ситуативно целевые отношения предполагают наличие одного субъекта и одного действия: S – цель – Д

'Мен *энькъастан* джыгъылсам къавгъа чыкъа. 'Если я *нарочно* упаду, начнётся драка'.

Действие совершается преднамеренно, в зависимости от желания субъекта:

Сейяр *аселет* бизден къачып кеткен беллемесинлер. 'Пусть не думают, что он *нарочно* сбежал от нас'.

В лексическом значении некоторых слов содержится точное обозначение цели действия: *пахыл киб* 'как назло, как нарочно' (чтобы позлить). Другие же слова содержат этот компонент в имплицитном виде: Викагъа исе *аселет* эки-учь кунь корюнмез. 'Вике он *нарочно* не показывается два-три дня'.

Наречия в функции обстоятельства причины

Наречия причины в предложении являются обстоятельствами причины, подчёркивая основание, в силу которого протекает или происходит действие: *чаресизликтен* 'из-за безвыходности', *медарсызлыкътан* 'из-за бессилия', *ойланмастан* 'необдуманно', *меджбурен* 'вынужденно', *аньсызлыкътан* 'несознательно': Бу инсан *чаресизликтен* агълай. 'Этот человек плачет *из-за безвыходности*'. *Меджбурен* ишни къалдырды. 'Вынужденно оставил работу'.

«Причинно-следственные отношения – одна из важнейших категорий, отражившаяся (наряду с другими отношениями) в языке. Эта категория, в первую очередь, логическая, т.к. связь компонентов причинного блока осуществляется на основании их логических отношений.

Поскольку само понятие предполагает наличие двух сторон: причину и следствие, то строение причинного блока в предложении имеет следующий вид:

Д¹ – слово, словоформа, предикативная единица со значением причины Д², →

где действие Д² является следствием действия (состояния) Д¹, причём субъект действия может быть один и тот же. Например:

Ойланмастан эр шейни айтып берди. 'Необдуманно он высказал всё сразу'.

Высказал (Д²), потому что не подумал (Д¹).

В крымскотатарском языке наречия причины и цели находятся ещё в стадии формирования, об этом свидетельствует нечёткость лексического значения, небольшое их количество, зыбкость границ. Как правило, эти значения сочетаются у них с образом действия (особенно это касается целевых наречий).

Выводы. Таким образом, в предложении наречия могут выполнять разные синтаксические функции. Главная синтаксическая функция наречий – обстоятельство времени, места, цели, причины, образа действия, меры и степени. Однако функции наречий в предложении не ограничиваются выражением обстоятельств. Наречия могут выступать и в роли других членов предложения, в частности, в роли определения, дополнения в составе сказуемого.

Литература

1. Меметов А.М. Крымтатарский язык. Морфология / А. М. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь : Учебно-педагогическое издательство, 2003. – 288 с.
2. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи / И. И. Мещанинов. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1978. – 387 с.
3. Алядин Шамиль. Иблисинь зияфетине давет / Ш. Алядин. – Ташкент : Эдебиат ве санъат нешрияты, 1979. – 216 с.
4. Эмиров Иззет. Икяелер / И. Эмиров // Ягъ, ягъ ягъмурым. – Ташкент : Гъафур Гъулямадына эдебиат ве санат нешрияты, 1986. – С. 78 – 99.

Аджимамбетова Г. Ш. Синтаксичні особливості прислівників у кримськотатарській мові / Г. Ш. Аджимамбетова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 38-42.

Стаття присвячена вивченню прислівників у кримськотатарській мові. Проведено аналіз прислівника на синтаксичному рівні. У синтаксичному плані кримськотатарські прислівники характеризуються тим, що їх головна синтаксична функція - обставина (часу, місця, мети, причини, способу дії, міри і ступеня). Крім того, вони можуть виступати і в ролі інших членів речення, зокрема в ролі визначення, доповнення, в складі присудка.

Ключові слова: кримськотатарська мова, прислівник, лексико-граматичні особливості, синтаксичні функції.

Adzhimambetova G. Sh. Syntactical peculiarities of adverbs in the Crimean Tatar language / G. Sh. Adzhimambetova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 38-42.

The research work is dedicated to the study of adverbs in the Crimean Tatar language. The category of adverb was analyzed on the syntactical levels. In terms of syntactic Crimean Tatar adverbs are characterized by the fact that their main syntactic function - event (time, place, purpose, cause, mode of action, action and power). In addition, they can also act as other members of the proposals, in particular the role of definitions, additions, in the predicate.

Key words: Crimean Tatar language, adverb, lexico-grammatical peculiarities, syntactical functions.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 81, 373.7(512.145)

НАЛИЧИЕ ОБЩИХ ЧЕРТ У ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, СЛОВ И СВОБОДНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Куртсеитов А. М.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com

В статье общие и специфические фразеологические средства систематизированы в нескольких аспектах, а также дано толкование большого количества фразеологизмов, относящихся, в частности, к истории и этнографии. Широко использованы описательный, сравнительно-исторический, структурный методы исследования, что способствовало углубленному анализу крымскотатарских фразеологизмов.

Ключевые слова: структура, семантика, фразеологизм, фразеологическая единица, идиома, метод, словосочетание, крымскотатарский язык.

Актуальность. Определить специфику фразеологизма можно лишь отграничив его от отдельного слова и также от свободного сочетания слов. Например, рассмотрим фразеологический оборот:

Алтын кѡафа – золотая голова; умный.

В языке это выражение воспринимается как единое целое, а при синтаксическом разборе является одним из членов предложения, отвечающим на один и тот же вопрос. По структуре – это предложение, состоящее из двух слов, каждое из которых имеет свое лексическое значение:

Алтын – золотой, *кѡафа* – голова.

Постановка проблемы. Выражения такого типа в крымскотатарском языке считаются не свободными, а фразеологическими словосочетаниями, потому что, во-первых, они не создаются говорящим в процессе речи, а воспроизводятся в готовом виде, во-вторых, они отличаются образностью, выразительностью. Например, возьмем фразеологизмы, образованные от слов, обозначающих части человеческого тела:

Агъыргъан сугине басмакъ – наступать на больную кость; задеть за живое.

Сабира хала бутюн чеберлигини кѡйуйт, пироглар тиширмеге азырланмакъта экен, мен онынъ агъыргъан сугине бастым. (Ш. Алядин) – Когда же тетя Сабира с увлечением приготовилась печь пироги, я испортил ей настроение.

Козьден кечирмек – провести через глаз; просмотреть.

Уйлелик тенефюсте Бассараба иле Рашид келип, бизим ишлерни козьден кечирдилер. (Ю. Болат) – Бассараба с Рашидом пришли во время обеденного перерыва, чтобы посмотреть нашу работу.

Мийлери бузлай – мозги мерзнут; сильно замерзнуть.

Оларнынъ мийлери бузлай, кемиклери сызлай. (У. Эдемова) – Они сильно замерзли.

Къызма табан – с горячими пятками; вспыльчивый.

Лякин Алимнинъ къызма табанлыгъыны бильгенинден, бу акъта индемей къалды. (Ю. Болат) – Но, зная вспыльчивость Алима, он промолчал.

Догъру юрекли – с прямым сердцем; честный.

Къарысы Тензиле енге догъру юрекли, хош черели, толу мучели къадын. (Ш. Алядин) – Жена его, тетя Тензиле честная, приветливая, полная женщина.

Кирпик юммакъ – сомкнуть ресницы; моргать.

Асаннынъ янында отурып, сабагъадже кирпик юммады. (Дж. Гъафар) – Сидя возле Асана, он до утра не заснул.

Объектом исследования являются фразеологические единицы, которые могут быть соотносительны со словами, словосочетаниями и предложениями. **Предметом** исследования выступают семантические особенности крымскотатарских фразеологизмов. Внешне образование фразеологических единиц может совпадать по определенной структурной модели с образованием свободного словосочетания. Например, есть образное выражение: *къолгъа алмакъ* – в руки взять; арестовать. Оно представляет собой фразеологическую единицу лексического типа, а точно такое же по своей грамматической структуре словосочетание: *ишке алмакъ* – взять на работу, лишено всякой фразеологичности. **Целью** работы является исследование фразеологизмов служащих для номинации предметов и явлений окружающего мира.

По своей семантике и структуре фразеологические единицы крымскотатарского языка могут быть соотносительны со словами, словосочетаниями и предложениями. В зависимости от этого они могут рассматриваться в трех группах:

1. Фразеологические единицы, равнозначные по своей семантике слову. Значение их можно передать одним словом:

Бурну алдында – перед носом; рядом.

2. Фразеологические единицы, равнозначные по своей семантике словосочетанию. Значение их можно передать только свободным словосочетанием:

Ит масхарасы этмек – сильно опозорить.

3. Фразеологические единицы, равнозначные по своей семантике предложению. Они являются предложениями не только по значению, но и по структуре:

Бир аякъ кирип чыкъмакъ – быстро зайти и выйти.

Несмотря на то, что фразеологический оборот состоит из слов и по структуре напоминает словосочетание, между словом и фразеологизмом имеется ряд различий.

Большинство крымскотатарских фразеологизмов состоят из двух или более слов. Например:

Къанлы куньлер – кровавые дни; несчастные дни.

Дюнъя къуванчыны корьмеди, яврум, къанлы куньлерде догъды, чекильмез азап-лардан ольди. (А. Дерменджи) – Земной радости не увидел, родной, в несчастные дни родился, от невыносимых страданий умер.

Естественно, во фразеологизмах каждый компонент оформляется отдельно, поэтому может сохраняться их сочетаемостная форма. Например:

Зеэрли сёзлер – ядовитые слова; оскорбления.

Бу зеэрли сёзлер мени кьуртурттылар. (А. Велиев) – Эти оскорбления меня взбесили.

Во фразеологизмах допускается опущение компонента, чего невозможно сделать с морфемами слова: *бир баш олмакъ* – одной головой быть; *бир баш* – одна голова.

Косе, бир баш олып, къадынынъ эвине етип келе. (А. Велиев) – Косе, будучи один, пришел к дому судьбы.

Бунынъ не олгъаныны бильмеге еди дегиль, бир баш да етерликтир. (А. Велиев) – Чтобы узнать это, не семь, а одной головы достаточно.

Однако, наличие общих черт у фразеологизма, слова и свободных словосочетаний более весомо и значительно. Так фразеологические обороты целостны по семантике, они могут быть одним членом предложения.

Фразеологизмы, как и слова, служат для номинации предметов и явлений окружающего мира. С этим связаны исторические изменения фразеологического состава крымскотатарского языка.

Большинство фразеологизмов, как и слова, устойчивы в своем составе. Фразеологический оборот состоит из определенных слов, а некоторые фразеологизмы постоянны по порядку следования компонентов, что также сближает их со словом, в котором каждая морфема также строго следует одна за другой.

Фразеологическим единицам и словам характерно наличие грамматических категорий. Компоненты фразеологизма могут грамматически согласовываться с одним из членов предложения, могут управлять каким-либо членом предложения или быть управляемыми, наконец, могут сочетаться с другими словами на основе приыкания.

Фразеологический оборот, как и слово, не образуется в самом процессе речи, а воспринимается как готовая значимая единица. Например:

Бурун тюбюнде – под носом; очень близко.

Къаравуллаарнынъ бурну тюбюнде, къач саатлер, ашагъа тюшмеге ер араштыргъан. (А. Дерменджи) – У охранников под носом, несколько часов, он искал дорогу вниз.

Фразеологизмы, как и слова, в зависимости от своей лексико-грамматической характеристики могут выступать в роли различных членов предложения: быть подлежащими, сказуемыми, дополнениями, обстоятельствами и определениями.

У фразеологизма и свободного словосочетания есть общие и отличительные черты. Фразеологизм тоже словосочетание, но его формирование в каждом конкретном случае обусловлено определенными семантическими факторами. Компоненты фразеологизма не имеют самостоятельности. На задний план отходят и синтаксические отношения.

Многие фразеологизмы это переосмысленные конкретные словосочетания, поэтому они соотносятся со свободными словосочетаниями только по своему происхождению.

Например, такие свободные словосочетания, как:

Джаны сыкъылды – душа сжалась; *къолы къашына* – рука чешется;

переосмыслены во фразеологические обороты: *джаны сыкъылды* – соскучился; *къолы къашына* – не терпится.

Крымскотатарские фразеологические обороты допускают замену компонентов, от этого значение фразеологизма не изменяется, но естественно варьируется образное наполнение: *адджы тилли* – с горьким языком; *биберли тиль* – с перцем язык.

В данном случае, от замены компонентов значение фразеологизма не изменилось.

В крымскотатарском языке некоторые фразеологические обороты с семантически очень спаянными компонентами превратились в слова. Но это произошло в тех случаях, когда фразеологизм состоял не более чем из двух слов:

Ач козь – ачкозь – голодные глаза, обжора;

Аякъ къап – аякъкъап – чехол для ног, обувь;

Ель къуван – елькъуван – погонщик ветров, мельница;

Ачыкъ агъыз – ачыкъагъыз – с открытым ртом, раззява.

Как было отмечено выше, по своей номинативной функции слово и фразеологизм в основном совпадают, то и другое выражает определенные понятия и служат обозначениями явлений действительности. Вместе с тем, между ними имеются различия, которые и вынуждают признать их единицами разного порядка. Различаются они главным образом по внешнему и по ряду внутренних признаков. Многие исследователи определяют слово как “цельнооформленную”, а фразеологизм, как “раздельнооформленную” единицу. Значит, для внешнего разграничения слов как однолексемных единиц и фразеологизмов, как многолексемных может послужить именно этот признак, который невозможно применить для различения разных типов словосочетаний, которые все являются раздельнооформленными. Основное различие между словом и фразеологической единицей кроется в их семантике. В слове доминирующим является прямое номинативное значение, а во фразеологизме – образно-номинативное. Отсюда исходит и коммуникативное назначение этих единиц: слово в основном обозначает, а фразеологизм всегда изображает.

Наличие переносных значений в определенном круге слов не может являться доводом для отрицания этого положения, ибо образное значение во фразеологизме глобально. Фразеологизм рождается как единица не в результате постепенного развития образно-метафорического значения семантики его компонентов, а возникает с самого начала как единица с образным значением, слагаемым от изображаемого словами – компонентами явления, представления, качества и т.д. Следовательно, переносное значение слова базируется непосредственно на прямом его значении, а семантика фразеологизма имеет связь с изображаемым данным словосочетанием явлением, действием, предметом.

Литература

1. Абдулаев Э., Сеидов И. Муасыр азарбайчан дили. / Абдулаев Э., Сеидов И. – Баки : Маариф, 1972. – 475 с.

2. Бабкин А.М. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода. / Бабкин А. – С.–Птб. : Квотам, 1994. – 408 с.

3. Куртсеитов А. Структурные особенности крымскотатарских фразеологизмов / Куртсеитов А. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2011. – 36 с. – ISBN 978-966-354-415-1

4. Валиди Ж. Татар теленен грамматикасы. / Валиди Ж. – Казань : Идел-Прес, 1919. – 171 с.

5. Гаджихамедов И.Э. Русско–кумыкский словарь. / Гаджихамедов И. – Махачкала : Маарыф, 1989. – 396 с.

Куртсеітов А. М. Наявність спільних рис у фразеологізмів, слів і вільних словосполучень / А. М. Куртсеітов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 43-37.

У статті загальні і специфічні фразеологічні засоби систематизовано у кількох аспектах, а також дано тлумачення великої кількості фразеологізмів, які стосуються, зокрема, історії та етнографії. Широко використано описовий, порівняльно-історичний, структурний методи дослідження, що сприяло поглибленому аналізу кримськотатарських фразеологізмів.

Ключові слова: структура, семантика, фразеологізм, фразеологічна одиниця, ідіома, дестани, метод, словосполучення, кримськотатарська мова.

Kurtseitov A. There were similarities in phraseology, the words and free phrases / A. Kurtseitov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 43-37.

The general and specific phrasiological means are systematized in several aspects, the interpretation of the vast phrasiological groups, which are concern to the history and to ethnography is done in the work..

Key words: structure, semantic, phrasiology, phrasiological unit destans, method, wordcombination, Crimean Tatar's lanquaqe.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.512.145

ЗАРФ ЯПЫДЖЫ МОДЕЛЛЕР

Берберова Р. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: bra.berberova@yandex.ru*

Меселенинь котерильмеси. Зарф япыджы моделлер меселеси кырымтатар тилинде даа аз я да асылда огренильмегендир.

Тедкыкыатымызнынь актуаллиги. Зарф япыджы моделлер кырым-татар тилинде тедкыкы этильмегени себебинден бугуньки куньде оларнынь огренилюви кырымтатар тильшынаслыгынынь муим актуаль меселе-леринден биридир.

Тедкыкыатымызнынь максады. Кырымтатар тилинде зарф япыджы моделлерни талиль этип, оларнынь морфологик хусусиетлерини бельгилемек.

Тедкыкыатымызнынь методологик ве назарий темели. Земаневий кырымтатар тилининь назариеси ве усулиети, тасвирий, тарихий-кыяслав ве лингвистик талиль васталары.

Тедкыкыатымызнынь объекти. Кырымтатар тилиндеки япма зарфлар.

Тедкыкыатымызнынь ильмий янгылыгы. Кырымтатар тилинде зарф япыджы моделлерни бельгилемек.

Белли ки, эр бир тильде олганы киби, кырымтатар тилининь лугъат теркибинде япма сёзлер мевджут ве оларны тюрлю сёз чешитлерине айырмакъ мумкюн. Лугъаттаки лексик бирликлернинь бир кысымыны япма зарфлар тешкиль этер.

Кырымтатар тилинде япма зарфлар дегерли ер тутмакъталар. Бедий эсерлер, халкъ агъыз яратыджылыгы ве куньделик матбуат саифелеринден сечилип, топланылгъан фактик материалны талиль этерек, япма сыфатларны мейдангъа кетирген ашагыдаки моделлерини бельгиледик.

Кырымтатар тилинде чифт зарфларнынь ашагыдаки моделлерини бельгиледик.

Кырымтатар тилинде чифт зарфлар энъ балабан группаны тешкиль этер ве ашагыдаки моделлер эсасында мейдангъа кетирилирлер:

1. Зарф + зарф: *алель-аджале, эртеми-кечми, эвель-эзельден, бугунь-ярын, джаяв-джалты*. Меселя:

Алиме стол устюндеки кягытларны алель-аджеле йыгыштырды да, кийинип, ёлгъа чыкъты [Й 81, 4].

Бизим алымыз не кечеджегини эвельден билем, эртеми-кечми богъазымызгъа пычакъ тиреледжек [ЛБ 90, 4].

2. а) Исим + исим: *яз-кышы, алтай-яз, зор-зыкъы, джаным-козюм, ахыр-сонъу, арды-сыра, саба-акъшам, уйле-акъшам, ал-азырда, алды-артына, бай-ры-кыыргъа, дере-дагъда, кыбла-сырткъа, чевре-четке / чет-чевреге, дже-нюп-гъарбында*. Меселя:

Дживан кыыз, ёлума ёлдашсынъ яз-кышы,

Кель, эль бер, севгиньнен гонълюмни джоштыр [БМ, 20].

Бири-бирине сыйыккыян да, терекке ясланып, джаным-козюм лаф этелер [ЮБ, 12].

*Чокъ йигитлер ёл алды байры-кыргъа,
Чименликке бурюнди кой, шеэрлер* [ДЖ, 44].

2. б) Исим + исим - та / - да, - тан /- тен: *чет-кенарда, чевре-этрафта, чевре-четинде, чевре-четтен*. Меселя:

Кимерде, ич бир гунахсыз балаларны чет-кенарда якъалай да, оларнынъ эллерини, бетлерини тишлеп, тырнап, ал къан эте эдим [ЮБ, 158].

Чевре-этрафта кимсе ёкъ [ИП, 186].

1. в) Исим - а / - е, - ге /- гъа + исим - а /- е, - ге /- гъа /- къа: *артынъа-огюнье, арткъа-алдгъа, ичине-багърына, огге-арткъа, сагъгъа-сол-гъа, оргъа-кыргъа, тё-песине-къуббесине*. Меселя:

Рустем чанакътаки шейни яваш-яваш иче башлады, ичкенде ичине-багърына сьджакълыкъ кирди [Й 84, 39].

Арифлер сагъгъа-солгъа салланып «Къайтарма» ойнайлар [ЮБ, 83].

2. г) Исим - да / - де + исим - да / - де: *айда-йылда, арада-сырада, дагъда-чельде, ерде-кокте, эльде-бельде*. Меселя:

Шу чайля исе, «мусафирхане» ролюнде... о да айда-йылда [ЗК, 168].

Арада-сырада чоюндаки ашны къарыштырды, атешни зорлады [ЮБ, 17].

2. д) Исим + исим - ден / - тен: *джан-гонъюльден, джан-юректен*. Меселя:

Бирисине ярдым керек олса, о ич бир вакъыт къачынмай, джан-гонъюльден ярдым эте [Й 81, 80].

Сен мени ич джан-юректен севмединъ,

Эвельден юзюме кулип нейлердинъ? [АУ, 78].

2. е) Исим - дан / - тен + исим - дан / - тан: *ордан-кырдан, четтен-кенардан*. Меселя:

Меркезий таш ёл магистралинен дегиль де, четтен-кенардан, койлерге кимерден – чель ёлунен, кимер ерлерде багъчалар, чалылыкълар ичинден кетермиз [РМ: 96].

2. ж) Исим-тан + исим: *баштан-аякъ*. Меселя:

Баштан-аякъ кийип,

Безенди чель, тарлалар [ЭИ, 15].

2. з) Исим+ зарф: *кунь-эвельден*. Меселя:

Эгер онъа кунь-эвельден бойле малны теклиф эткен олсалар, бельки о манъа импортный мал керекмей, дер эди [Й 88, 32].

2. и) Зарф + исим: *эвель-ахыр*. Меселя:

Эвель-ахыр будыр санъа сёзюм, динъле сен хабер. Тутмаз исень насиатым, санъа чокъ зарар этер [АУ, 29].

2. к) Исим + исим...- нен мунасебетчисиле: *айрет-назарнен, зор-белянен, зар-зорнен, кейф-сефанен, джан-джехдинен, тиш-тырнагъынен*. Нен мунасе-бетчиси кырымтатар тилинде сёзге къошулып язылып. Меселя:

Не олды, не олмады, гъает агъыр бир мараз Мусагъа тиш-тырнагъынен япышты [ЮБ, 95].

Сонъ бакътылар айрет-назарнен, нек ачувлы имам козюне [Й 89, 59].

2. л) исим...исим+ исим...исим...нен: яры шакъа-яры мыскъылнен. Меселя:
Умер Ипчи яры шакъа-яры мыскъылнен кульди [Й 81, 128].
3. Сайы...исим-тан + сыфат... исим-къа: *бир якътан-дигер якъкъа*. Меселя:
Ель сюйрюсенек сюрюсини бир якътан-дигер якъкъа айдаштыра [Й 81, 148].
4. Замир... исим -тан + замир ... исим-тан: *о якътан-бу якътан*. Меселя:
Нетиджеде, бабам о якътан-бу якътан къытып, бираз пара топлап, бир сыгъыр ве бир байтал сатын алды [Й 83, 24].
5. Сыфат + сыфат: *ачыкъ-айдын, ал-реван, ач-чыплакъ, бол-сал, сийрек-се-пелек, раат-тынч, сагъ-селямет, там-догъру, шень-шерамет, эмин-эркин, му-аббет-татув, ачыкъ-ашкъар, татлы-муаббет*. Меселя:
Огълунен келинине бол-сал яшанъыз, деп тѐпеден экибуюк ода айырды [УЭ, 81].
...бири-бирининъ къаршысына кечип муаббет-татув аш ашасалар, яр-дымлашып яшасалар олмаймы? [ЮБ, 51].
Татув сыфаты къырымтатар тилинде озъбашына айры къулланылмай ве тек муаббет-татув чифт сѐзюнинъ теркибинде расткелир.
5. а) - тан аффиксли сыфат + сыфат: *боштан-къуру*. Меселя:
Секретарь да ешилъ чайгъа боштан-къуру теклиф этмей [Й 88, 11].
5. б) Сыфат+ зарф: *ильк-эвеля*. Меселя:
О, буны ильк-эвеля озю яхшы анъламкъ, бу вазифени виджданнен эда этмек керек [ЮБ, 17].
5. в) Сыфат + зарф: *ерли-еринде, узакъ-якъындан*. Меселя:
Анълашыла ки, бойле вазиятте бу саанынъ усталарыны узакъ-якъындан къыдырып кельгенлер даима булунгъаны – табий ал [ЛБ 90, 1].
Умумен ода темиз-пак, эр шей ерли-еринде [Й 89, 18].
5. г) Исим + сыфат: *дост-муаббет*. Меселя:
...бизим халкъымыз эмексевер халкътыр, онынъ озъ урф-адетлери, анъанелери бар, о дост-муаббет яшамагъа биле ве яшамакъ истей [ЮБ, 17].
5. д) Исим + - сыз / - сиз аффиксли сыфат: *нам-нишансыз, сес-солукъсыз*. Меселя:
Йигитлернинъ учюнджиси сес-солукъсыз ятмакъта, Ай да коктен нурларыны джыйыштырып алмакъта [Й 89, 87].
...нам-нишансыз, гъайып олгъан алты юз кубометр тахта акъкъында лакъырды этмек керек [Й 88, 40].
5. е) Исим + ки аффиксли сыфат: *чевре-четтеки*. Меселя:
Польша топрагъындан, Буг озенинден кечип, эп «Шаркъый джебеге ашыкъкъан ачкъозь душманнынъ чевре-четтеки къайнакъ аркетлеринден толайы айланыкълы ёлларнен кеткен дѐрт атлы дѐрдюнджи куню Замойизинагъа келип еттилер [Й 8, 16].
5. ж) - сиз / - сыз аффиксли сыфат + - сиз / - сыз аффиксли сыфат:
ашсыз-авасыз, йипсиз-туткъалсыз, шаматасыз-къыяметсиз. Меселя:
Озю тап о къадар гузель олмаса да, аджайип сеси гъарип юрегимни йипсиз-туткъалсыз санагъа багълады [ЮБ, 67].
Сийрек-сандыракъ атышларны эсапкъа алмасакъ, экинджи гедже де шаматасыз-къыяметсиз савушты [РМ, 158].
5. з) - ли/ - лы/ - лу аффиксли сыфат + - лу/ - ли/ - лы аффиксли сыфат:

ачлы-токълу, куели-паслы, онълу-соллу. Меселя:

Меджит агъа куели-паслы ёргъун бир алда, эр кестен сонъ фабрика азбарын-дан чыкъты [ЯЗ, 83].

...къылычыны онълу-соллу сьлтеп башлагъан да, душман цепинден чыкъып къачкъан [ЛУ, 116-117].

6. Замир + замир: ана-мына, анда-мында, ондан-бундан. Меселя:

Ана-мына бутюн мааллемиз патлап, чевре-этраф куль-виран оладжакъ эди. [ЮБ: 46].

Джумалары, уйле авгъан сонъ онынъ эви алдында топлана, чубукъларыны тю-тете берип, ондан-бундан башлап лакъырды ача, къартнынъ тюкенмез икяелерини динглей эдилер [Й 88, 24].

7. Филь+фииль: абына-сюрюне, агълай-сызлай, акъызмай-тамызмай, бата-чома, ёрулмай-талмай, итеше-тюртюше, кет-кете, ойнай-куле, токъ-тамай-тынмай, ур-патласын. Меселя:

Бу бахытлы яш чагъында ойнай-куле тояйыкъ [АТ, 4].

Портной ойланып бакъкъанда, къалын къурсакъбир молланынъ агълай-сызлай озъ-озюни юмрукълагъаныны, сачыны юлккъаны корьген [КМЛ, 71].

8. Фииль + -ки аффиксли сыфат: эмиш-демишлердеки. Меселя:

Эбет, эбет, бу эмиш-демишлердеки переворот яланджы Эдиенинъ чурюк ти-шинден башлады [ЮБ, 17].

9. Алфииль + алфииль: бузлап-къатып, гизленип-сакъланып, керип-чер-тип, ку-лип-къакъылдап, кийинип-къушанып, къоркъып-пысып, къуруп-къатып, осип-етишип, ольчеп-бичип, оплап-зорлап, сакъынып-сакълнып, сарарып-со-лып, сора-мадан-сокъмадан, севип-сайып, тозланып-кюфленип, толып-ташып, терлеп-шип, язып-сызып. Меселя:

Валя бузлап-къатып къалгъан буюк чешме къаршысындаки эвнинъ огюнде ара-баны токътатып, пенджерелерден бирини къакъты [РМ, 51].

Базар къалабалыкъ олса да, бизлер сакъынып-сакъланып юремиз [Д 90, 3].

10. Зарф + сыфат: эрте-ярыкъ. Меселя:

Бойле олмаз, къардаш, о тахталарны – шакъамы я! – алты юз кубометр! – эрте-ярыкъ тапып, ерине къоймакъ керексинъ [Й 88, 29].

11. Такълидий сёз + такълидий сёз: зий-чув, пата-гут, шатыр-гудюр. Меселя:

Эльвира шатыр-гудюр савут ювмакъта [УЭ, 192].

Къуртсеит акъай балабан бир балта сапы ала да, Гульшерфесини кошеге къы-сып, пата-гут допроскъа башлай [ЮБ, 49].

Нетидже. Чифт зарфлар къырымтатар тилинде энъ буюк группаны тешкиль этелер ве бир эсас эм де он ярдымджы моделлер эсасында шекилленирлер. Зарф+зарф бу эсас модельдир, ондан гъайры функциясына коре даа он ярдымджы моделлер де чалышыр. Чифт зарфларнынъ меракълы тарафы шунда ки, оларнынъ арасында компонентлери озъбашына муреккеп олгъан ве чешит сёз чешитлеринден мейдангъа кетирильген лексик бирликлерден шекилленирлер, меселя: исим...исим+исим...исим, сайы...исим-тан+сыфат...исим-къа, замир...исим-тан+замир...исим-тан. Айны модель иле шекилленген чифт зарфларны, бизим фик-римиздже, дёрт компонентли чифт сёзлер оларакъ да, адламакъ мумкюн.

Эдебият

1. Аганин Р. А. Повторы и устойчивые однородные парные сочетания в современном турецком языке / Р.А.Аганин // Дис. ...канд. филол. наук. — М.: Мин-во иностр. дел СССР. Моск. гос. ин-т международных отношений. Вост. фак-т. — 1954. — 332 с.
2. Бекир Чобан-заде. Кырымтатар тилинин ильмий сарфы / Чобан-заде Бекир — Симферополь, 1925. С.34-45.
3. Берберова Р.А. Муреккеп сёзлернин классификациясы / Р.А. Берберова // Йылдыз, Симферополь, 1994—№ 3. С. 186-190.
4. Берберова Р.А. Кырымтатар тилинде исим япыджи моделлер / Р.А. Берберова // Доклады. II Международный симпозиум — 22-24 майыс 2008 — Крым — Украина — С. 666-670.
5. Бердиев Р. Сложные слова в современном туркменском языке: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Р. Бердиев. - М., 1955. 16 с.
6. Ганиев Ф. А. Образование сложных слов в татарском языке /Ф. А. Ганиев. — М., Наука, 1982. — 150 с.
7. Егоров В. Г. Словообразование в тюркских языках / В. Г. Егоров / В кн.: Структура и история тюркских языков. — М., 1971. - 95 -107 с.
8. Жабелова Л. Ж. Сложные имена существительные в современном карачаево-балкарском языке: Дис. ...канд. филол. Наук / Л. Ж. Жабелова. - М.: 1981. С. 26-28.

Берберова Р. А. Модели, образующие наречие / Р. А. Берберова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2012. — Т. 25 (64), № 3, ч. 1. — С. 48-52.

В статье впервые исследуются модели образования наречий в крымскотатарском языке и их морфологические особенности.

Ключевые слова: модели, простые наречия, сложные наречия, анализ.

Берберова Р. А. Моделі, за якими створюються прислівник / Р. А. Берберова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». — 2012. — Т. 25 (64), № 3, ч. 1. — С. 48-52.

У статті вперше досліджуються моделі творення прислівників у кримськотатарській мові та їх морфологічні особливості.

Ключові слова: моделі, прості прислівники, складні прислівники, аналіз.

Berberova R. A. The models that make up the adverb / R. A. Berberova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. — Series: Philology. Social communications. — 2012. — Vol. 25 (64), No 3, part 1. — P. 48-52.

The models of formation of the names of adjectives in a crimean tatar language and their morphological features are first investigated in the article.

Key words: models, simple adjectives, difficult adjectives, analysis.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 811. 512. 145'367. 633

ИММИГРАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОСЛЕЛОГОВ В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Алиева В. Н.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

Статья посвящена рассмотрению объема, особенностей функционирования крымскотатарских послелогов.

Ключевые слова: иммиграционный потенциал, диахронная трансформация, функциональный омоним, послелог.

Постановка проблемы. При изучении особенностей исторического развития тюркских языков большой интерес у лингвистов вызывают служебные слова, среди которых послелогов используются для связи слов в предложении, в словосочетании и для конкретизации основного компонента, с которым они сочетаются.

Послелогов занимают своего рода промежуточное положение между знаменательными словами и аффиксальными морфемами. Отметим, что некоторые из них по своим синтаксическим признакам максимально приближены к падежным аффиксам, тем самым увеличивая число «агглютинативных прилеп», а значит, укрепляя агглютинативный строй языка.

Н. К. Дмитриев, описывая развитие послелоговых аффиксов из знаменательных слов, отмечает несколько фаз морфологического развития. Последняя фаза – образование грамматических аффиксов с отсутствием стабильного звукового состава и зависимостью от корня или основы [3, 50 – 53].

Тем не менее, из этого не следует, что данный разряд служебных слов неустойчив. Большинство послелогов, например крымскотатарского языка, сохраняются на протяжении веков и не изменяют свой грамматический статус. Источником пополнения вышеназванной группы являются в основном обособившиеся падежные формы имени и деепричастий.

Цель данного исследования – выявление иммиграционного потенциала крымскотатарских послелогов. Для реализации этой цели необходимо решить ряд конкретных задач:

- 1) описать возможные случаи пополнения послелогов за счёт знаменательных слов;
- 2) выявить семантическую специфику данных послелогов;
- 3) определить особенности их функционирования.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе обобщается теоретический и практический объём данных, полученных в процессе комплексного изучения функциональных омонимов в крымскотатарском языке.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что полученные данные могут служить основой для определения места и роли изучаемых конструкций в системе предложений.

Основные выводы и положения работы имеют прикладное значение для лиц, изучающих крымскотатарский язык как иностранный.

Анализ и классификация крымскотатарских послелогов – довольно сложный вопрос. При систематизации имеющегося материала мы опирались на труды В. В. Виноградова, Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононова, Ф. Р. Зейналова, Т. М. Тошакковой, А. М. Меметова и др. в области морфологии.

В настоящей работе переход слова из одной части речи в другую рассматривается как диахронный трансформационный процесс, в результате которого исходная часть речи приобретает комплекс дифференциальных признаков новой части речи, вступая с ним в отношения омонимии.

В зависимости от направленности диахронная трансформация может быть иммиграционной и эмиграционной. Иммиграционная трансформация – это пополнение какой-либо части речи за счёт перехода слов из других частей речи [7].

Переходя в другую часть речи, слово приобретает новые лексико-грамматические характеристики, но его лексическое значение – самостоятельно. Вероятно, в этом случае можно говорить о первичном лексическом значении слова, его расширении, изменении, но не о том, что у исходного слова оно основное, а у трансформанта – дополнительное. Для примера рассмотрим так называемые служебные имена – их первоначально конкретное значение связано с обозначением частей тела и органов человека.

Подобные имена явились отправной точкой для пространственной ориентации в крымскотатарском языке. Например, чтобы сообщить о местонахождении предмета за чем-либо, используется имя существительное *аркъя* «спина» с добавлением направительных аффиксов «да», «дан» - *аркъясында*, что дословно означает «за спиной».

Очень важен вопрос о том, какое место занимает трансформация в развитии разрядов слов. Пополнение лексического состава современного крымскотатарского языка происходит путём словообразования или перехода слов из одной части речи в другую.

Удельный вес лексики, образовавшейся в результате субстантивации, адъективации и других трансформационных процессов, достаточно велик. Более того, учёными уже доказано, что служебные слова образовались и образуются путём трансформации знаменательных слов. Такой точки зрения придерживаются В. Н. Мигирин, Н. А. Каламова, В. Бондаренко и др. [6, 135; 5, 52; 2, 4].

Послелогии могли образоваться не от каждого знаменательного слова: прежде всего это были слова, имеющие сравнительно широкое значение, в семантике которых уже была заложена релятивность; часть послелогов, как было отмечено выше, возникла из слов со значением названия человеческого тела, его одежды и повседневной деятельности [1, 9].

Послелогии употребляются после управляемых ими слов и служат для выражения объектно-субъектных и определительно-обстоятельственных отношений. В па-

мятников древнетюркской письменности уже обнаруживается дифференциация данных связей. Как отмечают тюркологи, в древних памятниках в часть Тоньюкука, к примеру, используются сочетания с многозначным послелогом *üzä* [5, 66].

Исходя из генетических, морфологических, а также синтаксических особенностей функционирования послелогов в крымскотатарском языке, мы выделяем три разряда: 1. собственно послелогов (послелог древнего происхождения); 2. отымённые послелогов; 3. отглагольные послелогов.

Собственно послелогов характеризуются потерей реальной семантики, их происхождение трудно определить. Данная группа слов используется в языке с древних времён, совмещает самые различные значения, которые раскрываются в составе словосочетаний. Эти послелогов по сути относятся к формально-грамматическим элементам, максимально приближенным к падежным аффиксам.

В крымскотатарском языке к собственно послелогам относятся следующие: *таба*; *бери* / *берли*; *киби*; *отрю*.

Послелог *иле-ле/-нен* – «с», посредством, «вместе с» считаются общетюркским. Этимологию послелогов тюркологи возводят к слову *бирле//бирлен//илен//иле//нен* [7, 258]. Существует другая точка зрения, согласно которой *бирле* и *иле* разного происхождения и образованы от разных глаголов [см: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология, 1988. – С. 496 – 497, где имеется обзор этимологии этого послелогов].

Как считают тюркологи, вышеуказанный послелог во многих языках преобразовался в аффикс [9, 57 – 58].

В крымскотатарском языке этот послелог выделяется своей многозначностью, а потому его употребление во многом обусловлено значением и грамматической формой глагола.

По нашему мнению, в крымскотатарском языке нет особых различий в употреблении вариантов *иле-ле/-нен*. Данный послелог управляет основным падежом имени и родительным падежом местоимений (кроме 3 лица множественного числа личных местоимений и множественного числа указательных местоимений). При его помощи чаще всего передаются отношения совместности, сопроводительности и связанные с ними значения инструментальности.

Послелог *ичюн* «для», «ради», «из-за», «чтобы» в сочетании с именами, местоимениями, отглагольными формами передаёт, в основном, объектные отношения с разными оттенками причинных и целевых значений, различить которые можно только в контексте.

Управление, характерное для этого послелогов, в большинстве тюркских языках единообразное.

Послелог *ичюн* – один из наиболее употребительных в языке, он сочетается почти со всеми именами без ограничений. Это послелог древнейшего происхождения, который в результате элизии иногда теряет начальный звук и пишется слитно с предшествующим словом, подчиняясь законам сингармонизма. В крымскотатарском языке функционируют только две формы послелогов – это *ичюн/чюн* без сингармонических вариантов:

– *языджы ичюн* «для писателя»

– *кырымлыларчюн* «для крымцев»

В крымскотатарском языке распространены сочетания послелога *ичюн* с субстантивными именами действия на *-макъ/-мек* с отглагольными именами, особенно с причастиями.

Расширение сочетаемости послелога *ичюн* с вышеуказанными формами привело к тому, что *ичюн* стал важным связующим звеном сложноподчинённого предложения. Это объясняется не только дальнейшим развитием категории послелога, но и природой глагольного имени, особенно причастия.

Итак, в современном крымскотатарском языке значительно расширилась граница функционирования послелога *ичюн*. Наряду с разными оттенками целевого значения данный послелог передаёт и причинные отношения. Известно, что в русском языке целевые и причинные значения передаются разными предлогами *для* и *за*. Эти функции в крымскотатарском языке совмещает послелог *ичюн*. Значение цели и причины – понятия взаимосвязанные, а потому в языке вполне логично их совмещение в одном послелого.

Отымённые послелого образованы от имён существительных, прилагательных, местоимений и наречий. Таким образом, генетически они связаны с именами и до настоящего времени существуют не только в качестве послелога, но и как знаменательное слово. Это послелого типа *сонъ/сонъра*, *эвель*, *къадар*, *якъын*, *узере/узъре*, *башкъа*, *бою*, *боюнджа*, *бурун*, *акъкъында*.

В этой группе мы рассматриваем и служебные имена. Являясь вторым компонентом изафетного сочетания, в грамматических падежах они имеют именную форму, а в пространственных падежах выступают в служебной функции, являясь по форме существительными, а по значению послелогоми. Речь идёт о группе слов типа *алд*, *арт*, *аркъа*, *баш*, *ич* и др. Возникла необычная ситуация: для того чтобы определить местонахождение *кого-чего-либо* стали говорить «о боке», «переде», «животе» предмета (горы, дома, реки и др.). Эта группа дополняется словами со значением конца. меры. предела, повода.

Со временем локальные значения в некоторых из них дополнились темпоральными: например, слово *алд* означает *перед* (местонахождение); в настоящее время в крымскотатарском языке, кроме этого значения, данное слово приобрело способность выражать временные отношения (*раньше*, за... до); ср.: *эвининъ ичинде* – в доме; *бир йыл ичинде* – за год.

Отметим, что использование новой лексической единицы в целом не затрагивает существования исходной лексемы, которая в большинстве случаев продолжает употребляться в языке параллельно трансформанту.

Образование послелогов следующего разряда – отглагольного происхождения – приблизительно такое же, как и у отымённых послелогов. Однако выбор семантических признаков несколько иной: это отбор слов, в которых заложена возможность развития значений направления, цели, причины.

Кроме того, отымённые послелого управляют основным и родительным падежами, а отглагольные послелого – винительным, дательным и исходным.

Тем не менее, чёткой границы между именными и глагольными послелогоми нет вследствие того, что глагольные формы восходят к именам действия и так или иначе проявляют признаки грамматической природы [9, 54 – 55].

Отглагольные послелогои представляют собой застывшие формы деепричастий, которые восходят к глаголам, широко употребляемым в современных тюркских языках. В крымскотатарском языке это: *коре, къарап, айткъанда, къарагъанда, къарамаздан, бакъмаздан, бакъып, бакъкъанда, къаршы, догъру, отъркую, даир*.

Основное отличие собственно послелогов древнего происхождения от других в том, что первые выступают только в функции служебного слова, тогда как отымённые и отглагольные послелогои сосуществуют наряду со знаменательными словами (лексико-грамматические омонимы).

В крымскотатарском языке наблюдается процесс пополнения состава послелогов – служебных имён. Они образуются преимущественно от имён существительных: *эсасында* (на основании, на основе), *негизинде* (на основе), *девамында* (в продолжение), *меселесинда* (в отношении) и др. Это связано с необходимостью выражения в языке дифференцированных логико-грамматических отношений. Речевая свобода говорящего в выборе послелогоа осуществляется в пространстве с координатами, задаваемыми целями общения, экстралингвистическим фоном.

Выводы и перспектива. Исследование послелогов и служебных имён важно не только для понимания механизмов языка лексикографической практики, но и для выявления участия человека в процессе словотворчества, что позволит внести определённый вклад в изучение мышления и менталитета народа.

Литература

1. Базарова Д. Х. Семантика наименований частей тела и производных от них в тюркских языках: автореф. дис... канд. филол. наук / Д. Х. Базарова. – Ташкент, 1967. – 217с.
2. Бондаренко В. Предлоги в современном русском языке / В. Бондаренко. – М. : Учпедгиз, 1961. – 76 с.
3. Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка / Н. К. Дмитриев. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1940. – 206 с.
4. Ибрагимов М. С. К вопросу о развитии синтаксических синонимов / М. С. Ибрагимов // Исследования по татарскому языку. – Казань : Изд-во Казанского гоун-та, 1977. – С. 64 – 74.
5. Каламова Н. А. К вопросу о переходности одних частей речи в другие / Н. А. Каламова // Русский язык в школе. – 1961. – С.52 – 59.
6. Мигирин В. Н. Язык как система категорий отображения / В. Н. Мигирин. – Кишинёв : Штиинца, 1973. – 273 с.
7. Севортян Э. В. Тюркские языки. – Т. 2 / Э. В. Севортян // Языки народов СССР. – В 5 –ти т. – М. : Наука, 1966. – С. 234 – 259.
8. Сидоренко Е. Н. Диахронный и синхронный аспекты переходности в системе частей речи и контаминантов. Учеб. пособие / Е. Н. Сидоренко, И. Я. Сидоренко. – Симферополь: СГУ, 1993. – 94 с.
9. Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: наречие, служебные части речи, образительные слова / А. М. Щербак. – М.: Наука, 1987. – С. 50 – 92.

Алієва В. М. Імміграційний потенціал післялогів в сучасній кримськотатарській мові / В. М. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 53-58.

Стаття присвячена розгляду обсягу, особливостей функціонування кримськотатарських післялогів.

Ключові слова: імміграційний потенціал, діахронна трансформація, функціональний омонім, післялог.

Aliyeva W. N. Immigration potential postpositions in modern Crimean Tatar language / W. N. Aliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 53-58.

The article considers the volume of the functioning of the Crimean Tatar postpositions.

Key words: immigration potential, diachronic transformation, functional homonym, postposition.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.512.145

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИ ЧЁЛЬ ШИВЕСИНДЕ МОДАЛЬ СЁЗЛЕР

Меджитова Э.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

Къоюлгъан меселелер. Къырымтатар чёль шивесининъ ярдымджы сёзлери, шу джумледен, модалъ сёзлерине багъышлангъан хусусий лингвистик тедкъикъатлары ёкътыр, олса биле, етерсиз бир дереджеде кечирильгендир. Бугунде бугунь шивенинъ кет-кете аз къулланылмасы, шиве лексиканынъ ерине эдебий сёзлернинъ я да рус сёзлернинъ къулланылмасы, тедкъикъ мевзусыны даа да актуаль япмкъталар. Къырымтатар эдебий тилининъ ве шивелерининъ сакъланып къалмасы энди чокътан къырымтатар тильшнаслыгъынынъ эсас проблемаларындан биридир, шу себептен де, сечип алынган меселенинъ актуаллиги шубесиздир.

Макъаленинъ макъсады: къырымтатар чёль шивесинде предикативлернинъ ве модалъ сёзлернинъ ишлетюв хусусиелерини бельгилемек, базыларынынъ келип чыкъышыны тарихий аспект тарафындан огренmek, оларны эдебий шекиллеринен къыяслап, умумий ве фаркълы тарафларыны акс этмектир. Предикативлер ве модалъ сёзлернинъ мисаллери къырымтатар языджы ве шаири Мемет Нузэтнинъ эсерлеринден ве халкъ агъыз яратыджылыгъындан алынгандыр.

Къырымтатар тилинде, башкъа тюркий тиллерде олгъаны киби, хусусий грамматик категория – модалъ сёзлер – кениш даркъалгъандыр.

Тюркий тиллернинъ чокъусында къайд этильгени киби, къырымтатар тилининъ чёль шивесинде де модалъ сёзлерни, бир тарафтан, дереджеликлерден, экинджи тарафтан да, олар пейда олгъан сёз чешитлеринден айырмагъа къолай дегиль. Базы модалъ сёзлер келип чыкъкъан мустакъиль сёз чешитлеринен аля бугунь озь алякъасыны узмегендир. Олар мустакъиль ве ярдымджы сёзлернинъ арасындаки кечит бир ерни тутмакъталар.

Адет-узъре, исмий сёз чешилеринен бирликте къулланылалар. Предикативлернен бирликте къулланылгъан исмий сёз чешитлери сёзденъиштириджи ялгъамаларны къабул эте билелер, мисаль оларакъ, келиш ялгъамаларыны къабул этелер [2, 259].

Модалъ сёзлер, эксериетнен, ич бир сёз япыджы ве сёз денъиштириджи ялгъамаларыны къабул этмейлер. Предикативлер исмий сёз чешитлеринен бирликте исмий сёз бирикмелеринде айырыджы шекилинде къулланмакъ мумкюнлер, бу, оларнынъ исмий сёз чешитлеринен сакъланып къалгъан багъыны косътермектедир. Шунынънен бирликте, меселя, зарфлардан фаркълы оларакъ, фиильнинъ айырыджысы оларакъ къулланмайлар [2, 259].

Адет-узъре предикатив сёзлер джумленинъ сонъунда ерлешип, хаберни грамматик джеэттен шекилендирелер. Предикативлернинъ сайысы аз олмасына бакъмадан, олар тильде ве шивелеримизде пек фааль къулланалар. Къырымтатар тили чёль шивесинде ишлетильген предикативлер, эсасен, тек фонетик сурети иле эдебий

шекиллерден факъланалар. Оларнынъ эсас семантикасына коре, оларны эки группага больмек мумкюн.

1. Антонимик предикативлер предметнинъ ве хусусиетнинъ барлыгы я да ёкъ-лугъыны косътерген предикативлер: *Бар, ёкъ//джокъ*. Бу предикативлернинъ умумий манасы бир шейнинъ бар я да ёкъ олгъаныны бильдирип, конкрет муджессем манадан марумлар.

Бар предикативи этимологик джеэттен ‘олгъан шей’, ‘мевджут бир шей’ семантикасыны ташыгъан исимден келип чыкъа. *Бар* предикативининъ менфий шекли ёкъ, шу функцияны ёкъ предикативи ташый. *Бар* предикативининъ чель шивесинде къулланылмасы: *Инсаннынъ эти ашалмаз, териси кийильмез, татлы тилинден башкъа неси бар?* (аталар сёзю). *От алмагъа кеткен апайынъ отуз авуз сёзи бар* (аталар сёзю). *Къабаат балтада да бар, сапта да* (аталар сёзю). *Къырсызларгъа байларнынъ борджы бар* (аталар сёзю).

Бар предикативи эди /экен ярдымджи фииллеринен бирлешип заман ве модаль маналарыны ташымакъ мумкюн: *бир бар экен, бир ёкъ экен...* (масал) *Мал дегенден бар эди, тек бир огълум, беллер эдим оны мен эки къолум* (М.Н.) *Бир сары эчким бар эди* (М.Н.). *Джугъунч бар деп ойланмазлар, алгъанлар бу шийлерде* (М. Нузэт);

Ёкъ бир шейнинъ олмамасы, булунмамасы манасыны ташыгъан предикатив. Этимологик джеэттен ёкъ исиминден келип чыкъа ве олмагъан бир шейни анылата. *Корюнмеге акъча ёкъ* (М. Нузэт); *Оксюзни аджыгъан коп, отъмек берген ёкъ* (аталар сёзю). *ашамагъа отмеги ёкъ, озю аш сайлар* (аталар сёзю). *Къуртулыш ёкъ бир тюрлю, эман арап тапалар* (М.Н.). *Аю тавгъа кускен, тавнынъ къабери де джокъ* (айтым). *Къалабалыгъы коп, пайдасы ёкъ* (айтым).

Ёкъ сёзю заман ве модаль маналарыны бильдирмек ичюн эди / экен ярдымджи фииллеринен бирликте къулланылмакъта: *Менинъ ичюн бу дюньяда мумкюнсиз шей ич ёкъ эди* (М.Н.). *О, Моминени бек суйгенинден, оны биревлер алап къачар деп, джаны ёкъ эди* (М.Н.). *Сизде мектеп, кутюпхане я бир клуб ёкъ эди, окъув, бильги, марифеттен тек бир байлар токъ эди* (М.Н.). Дей: «*Сен чельге кеткен сонъ, чыкътым мен де, хырслангъан бир бала, мен ёкъ экенде*» (М.Н.).

Ёкъса / ёкъсам: *Ёкъса бом-бои, озъ башына къатайгъан да джюргенми* (М.Н.)? *Ёкъса акъкъан сув янында озъ кейфинге осьтинъми* (М.Н.)? *Ёкъсам мени беллийми серсем, токъуз* (М.Н.)? *Ёкъса чельден джойдынъмы* (М.Н.)?

2. Модаль предикативлер. Бу сёзлернинъ группасы предикативлик функциясындан башкъа базы модаль маналарыны анылата, меселя: кереклик, тасдыкъ, инкяр маналары.

Тугуль//тувул модаль сёзлери семантикасына коре тасдыкъ ве инкяр манасыны ташыйлар: ... *хазналар дегиль де, дюньягъа дегер* (М. Нузэт). *Сырыма сырдаш тугуль, боюма бойдаш тугуль* (халкъ йыры). *Акъыл яшта тувул, башта* (аталар сёзю). *Инсан джуреги къарбыз тугуль, джарып къарамазсынъ* (аталар сёзю).

Керек «лязим, мухтадж» - тарихий джеэттен исим-сыфат, шимдики заманда хабар оларакъ къулланылып, эм (а) фииль- эм (б) исимьяпыджы ялгъамаларыны къабул эте: а) *керек – керекми, керексе – керекмесе, керегир – керекмес, керекте – керекмеде, кереккен – керекмеген, керек эди, керек экен*; б) *кереклер, керекке, керекмегенге, керекли, керексиз, керексизге, кереккенмен, керегим, керегинъ, кереги, кереккенден* (башкъа), *керек* (тугуль//тувул), *кереги* (ёкъ) ве башкъалары. Мисаллер: *Мейвадан*

пек инсангъа отъмек керек; коп окъув да **не керек** ыргъачыгъа; къуш боса да, ярар, деп, бир **керекке** (М.Н.); коп ший бильмек не керек; Джигитни де керекмий таа хырпаламакъ, зорламакъ (М.Н.); Эгер бармакъ керексе аджетингъе (М.Н.); атайнынъ акъыллы улуна мал не керек, акъылсызына да не керек? (аталар сёзю). Ананъ тат, бабанъ тат, **не керек** сагъа балабан ат? (аталар сёзю). арпа-курпе аш экен, алтын-инджи тааш экен; къартлыкъ яман ший экен, айгъыр башым ат этти;

Керек модалъ сёзнинъ менфий шекли тарихий джеэттен керек сёзю э- фиилининъ э-мей менфий шеклинен бирлешювинен мейдангъа кельген: керек-мей, чёлъ шивесинде керекмий шеклинде ишлетиле: Джигитни де **керекмий** таа хырпаламакъ, зорламакъ (М.Н.)

Экен (э- тамырындан япылгъан сыфатфииль) – белли бир чыкъарылгъан нетиджеге ихтималлыкъ я да бекленильмемезлик ренкини къошкъан модалъ сёз: сувсыз яшамакъ кучь-дерт **экен** (М.Н.); Лякин сокъур экен онынъ бир козю (М.Н.); Джангъы чыкъкъан китаплардан окъуй **экен** коп шийлер (М.Н.); Яшырмангъыз энди, барем, кимде **экен** шу севдалыкъ (М.Н.); язысы **экен** баламнынъ, Хакъ тамамын косьтерсин (М.Н.); даянмай **экен** ич зорунгъа сенинъ (М.Н.); Яв **экенде** - зырылтысы, юкълагъанда - хурулдысы (М.Н.); джаш къызны корюв тувул **экен** ич адет (М.Н.); биз къыз бала **экенде** чыкъмадыкъ уйден (М.Н.); арувымнынъ кою **экен** (М.Н.); джарыкъ чыкъкъан пейджерге де, тамам онынъ ую **экен** (М.Н.); джыгъып джерге, булгъады тоз-топракъкъа, кетмий **экен** котек де ач къурсакъкъа (М.Н.); Ислям **экен** дюньяда акъкъа достум (М.Н.).

-мы/-ми суаль дереджеликлеринен бирликте экен модалъ сёзю эминсизлик, шу-бе я да незакетли риджа манасыны ташымакъ мумкюн: магъа къызын берерми экен? Джанлы лакъырды сырасында суаль дереджелиги ве ондан сонъра кельген модалъ сёз тартышып, бир сёз киби теляфуз этиле: берерми экен? Магъа акъкъынъ элял этерми экен (этерми экен)? Акетеджекми экен (алып кетеджекми экен)?

Борджлу модалъ сёзю чёлъ шивесинде борж'лы шеклинде къулланыла. Бу модалъ сёз энъ кеч пейда олгъан модалъ сёзлерден бири олып, эвельде бордж исиминден -лы ялгъамасы ярдымынен япма сыфат оларакъ мейдангъа кельгендир. Эксеритнен, исимфииллернен бирликте къулланылып, муреккеп хаберлерни асыл эте: Раббимизге бойле **борджлу къалдырмакъ** (М.Н.).

Мумкюн модалъ сёзю де кеч пейда олып, алынма предикативлернинъ сырасына кирсетильгендир. Чокъусы алларда, мустакъиль хабер ролюнде къулланыла: Айдав акъкъы бермек **мумкюн**, ма, истесенъ, бир кумюш (М.Н.). Шу къыркъ къойнынъ отузын чалмакъ **мумкюн** (М.Н.). Не беклемек **мумкюн** сонъ шашкъын къулдан (М.Н.). Менфий хабер сыфатында дегиль дереджелигинен бирликте ишлетиле. Чёлъ шивесинде мумкун тугуль я да мумкюнсиз шеклинде къулланыла: Сёз къыскъасы, айтып, сайып башкъа чыкъмакъ **мумкюнсиз**, пите кете бар омрюмиз, къувангъандай бир кунъсюз (М.Н.). Менинъ ичюн бу дюньяда **мумкюнсиз** шей ич ёкъ эди (М.Н.).

Ахыры / ахры / ахрысы/ ахыры сонъы (<ар.) сонъ, акъибет, нетидже бильдирген модалъ сёзлери. Омюримнинъ **ахырында** къуванмадым, кульмедим, халкълар киби зевкълар этип, ойнап-кулип джюрмедим (М.Н.);

Бельким, беким / беки (<фарс.) – эдебий тилимизде бельки «ихтимал, мумкюн, мумкюн олмалы» манасында къулланыла: Бир еринде сакъатлыкъ бардыр, **бельким?**

(М.Н.); *Бельки догърудыр айткъан сѣзю, керек ерин уйдуарар устанъ озю (М.Н.); Джавун джавар эндиги бежим? Бежим, олабилыр, дий, келиятыр да мен окъ аттым, дий.*

*Ахыры / ахры / ахрысы / ахыры сонъы, бельким, бежим джумледе -дыр /-дир ялгъамасынен къошулып къулланылмакъ мумкюн ве бойле алда онынъ манасы даа да къувутлене: *Огъа бир шей айткъаным ахырыдыр,**

Нетидже. Чѣль шивесинде модалъ сѣзлернинъ функциясыны тахмин, эминсизлик манасыны билъдирген ве фииллернен бирликте къуллангъан *аллелем сѣзю* ишлетиле: *Арув этмедим, аллелем; О, йыкълап джатыр аллелем «О, юкълап ята, гъалиба»;* *мен сени бир ерде корьген эдим аллелем; Бир ший эткен аллелем, бек пысып отыра.*

Литература

1. Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка / Н.К. Дмитриев. – М.-Л., 1948. – С.131.
2. Меметов А., Мусаев К. Крымтатарский язык. Ч.1. Общие сведения о языке. Ч.2. Морфология. // Меметов А., Мусаев К. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 288 с.
3. Меметов А.М. Земаневий къырымтатар тили. – Симферополь: Къырымдегвепеднешир, 2006. – 320 с.
4. Русско–крымскотатарский карманный словарь / Сост. С.М. Усеинов. – Симферополь: Изд-во «Оджакъ», 2005. – 456 с.
5. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. Отв. ред. Е. Р. Тенишев. – Москва: Наука, 1988. – 560 с.
6. Татарская грамматика. Т. ИИ. – Морфология. – Казань: Татарское кн. изд-во, 1997. – 397 с.
7. Хабичев М. А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. – М.: Наука, 1989. – 218 с.
8. Мемет Нузэт. Къырымнынъ чѣль аятындан. Сайлама эсерлер джыйынтыгы. / М. Нузэт. – Симферополь: Доля, 2003. – 241 с.

Меджитова Э. Н. Модальные слова в северном диалекте крымскотатарского языка / Э. Н. Меджитова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 59-62.

В статье рассматриваются наиболее часто употребляемые в диалекте предикативы и модальные слова, их общие черты с литературным языком, характерные особенности фонетического и морфологического строя.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, степной диалект, предикативы, модальные слова, фонетика, морфология.

Меджитова Е. Н. Модальні слова у північному діалекті кримськотатарської мови / Е. Н. Меджитова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 59-62.

У статті розглядаються найбільш часто вживані в діалекті предикативу і модальні слова, їх спільні риси з літературною мовою, характерні особливості фонетичного і морфологічного ладу.

Ключові слова: кримськотатарська мова, степовий діалект, предикативы, модальні слова, фонетика, морфологія.

Medzhitova E. N. Modal words in the northern dialects of Crimean Tatar language / E. N. Medzhitova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 59-62.

The article deals with the most frequently used in dialect predicate and modal words, their common features with the literary language, the characteristic features of phonetic and morphological structure.

Key words: Crimean Tatar language, a northern dialect, predicate, modal words, phonetics, morphology.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК – 811.512.145'33

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ ГЛАГОЛА НА – АДЖАКЪ ЭКЕН В СОВРЕМЕННОМ КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Бекирова Л. И.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: bekirova.79@mail.ru

В статье исследуется форма прошедшего времени глагола изъявительного наклонения на – *аджакъ экен* в современном крымскотатарском языке. В ходе исследования установлено, что категория прошедшего времени изъявительного наклонения в крымскотатарском языке представляет собой сложную и многообразную по грамматической структуре систему.

Установлено, что форма прошедшего времени на – *аджакъ экен* относится к аналитическим формам прошедшего времени.

Ключевые слова: морфология, глагол, функция, прошедшее время, крымскотатарский язык.

Постановка проблемы. Обычно в грамматиках тюркских языков аналитические формы времен со служебным элементом *экен* не рассматриваются в составе грамматической структуры времен, а переносятся в раздел о модальных значениях времен. Это происходит потому, что в существующих грамматиках, в основном, преобладает семантический принцип рассмотрения форм грамматических категорий, а не принцип исследования по формам значений, что приводит к выпадению из систем времен некоторых форм [2].

Актуальность. К числу наименее исследованных, грамматических форм относятся и формы прошедшего времени, образуемые при участии служебного глагола *экен*.

Этимологически *экен* восходит к форме причастия кыпчакского типа, образованной от древнего глагола *эр-* ‘быть, становиться’ посредством известного аффикса *-кен* (один из фонетических вариантов аффикса *-гъан*), в результате образования новой формы *экен* в современных языках придает ей значение ‘был’, ‘оказывается, был’ [6].

Экен «в качестве служебного грамматического элемента играет большую роль в образовании сложных форм с различными оттенками значений. Кроме того, присоединяясь к основному смысловому глаголу в различных формах, оно указывает на заочное совершение действия, результат которого известен говорящему из других источников [1, 11]. Слово *экен* в современном крымскотатарском языке в аналитических конструкциях существует и как модальное слово со значением ‘оказывается’, ‘кажется’.

Экен придает прошедшему времени значение модальности: недостоверность, возможность, предположение. Это модальное значение свойственно всем аналитическим формам с *экен*. В этом главное отличие семантики форм с *экен* от форм, об-

разумеваемых посредством служебного глагола *эди*, которые в противоположность формам с *экен* выражают достоверность, очевидность, окончательность совершения действия [4].

По сравнению с формой на *эди* форма на *экен* употребляется относительно мало, что объясняется, по-видимому, более узким специфическим значением модальности, присущей ей.

Другой особенностью вспомогательного глагола *экен* является то, что его сочетаемость с главным элементом ограничена, он не образует прошедшее время от всех форм, от которых образует *эди*.

Глагол в формах с *экен* также выполняет четыре грамматические функции:

1) обозначение прошедшего времени;

2) выражение третьего лица;

3) обозначение единственного числа, для обозначения форм множественного числа необходимо присоединить соответствующий аффикс числа;

4) выражает форму положительного аспекта.

Другие формы аспектов: отрицательного, возможности, невозможности и вопросительного, при сочетаниях с *экен* употребляются редко и для их образования требуется присоединение известных определенных служебных элементов.

В зависимости от характера главного элемента аналитической формы, можно отметить три группы моделей с *экен*: а. Глагольные: *глагол+аффикс* ряда форм времен: 1) *-аджакъ+экен*, 2) *-гъан+экен*, 3) *-р+экен*, 4) *-а+экен*; б. Именные: 5) *имя в основном падеже+экен*, 6) *имя в местном падеже+экен*, 7) *имя прилагательное+экен*; в. Предикативные: 8) *бар+экен*, 9) *ёкъ экен*.

Основное внимание в статье следует уделить форме прошедшего времени глагола на – аджакъ экен.

Модель этой формы представляет собой структуру: *глагол+аджакъ+экен*. Это – одна из наиболее употребительных форм, в которой участвует *экен*. Следует отметить, что аффикс *-аджакъ* больше сочетается с *экен*, чем с *эди*. Аффикс *-аджакъ* с фонетическими вариантами *-еджек/йджакъ/йджек*, как известно, участвует в образовании будущего времени и в образовании прошедшего времени в форме на – *аджакъ эди*. Его варианты во всех формах одинаковы.

Спряжение глаголов в форме на *-аджакъ экен*

в положительном аспекте

Единственное число

1л. *мен окъу-йджакъ экен+им, сат+аджакъ экен+им, бер+еджек экен+им, сёйле+йджек экен+им*

2л. *сен окъу-йджакъ экен+синь, сат+аджакъ экен+синь, бер+еджек экен+синь, сёйле+йджек экен+синь*

вежл. *окъу-йджакъ экен+сиз, сат+аджакъ экен+сиз, бер+еджек экен+сиз, сёйле+йджек экен+сиз*

3л. *о окъу-йджакъ экен* ‘оказывается, он должен был (ему следовало бы) читать’, *сат+аджакъ экен* ‘оказывается, он должен был (ему следовало бы) продавать’, *бер+еджек экен* ‘оказывается, он должен был (ему следовало бы) давать’, *сёйле+йджек экен* ‘оказывается, он должен был (ему следовало бы) говорить’

Множественное число

1л. *биз окъу-йджакъ экен+миз, сат+аджакъ экен+миз, бер+еджек экен+миз, сёйле+йджек экен+миз*

2л. *сиз окъу-йджакъ экен+сиз, сат+аджакъ экен+сиз, бер+еджек экен+сиз, сёйле+йджек экен+сиз*

Эта форма обозначает как простую, так и вежливую форму множественного числа.

3л. *окъу-йджакъ экен(+лер), сат+аджакъ экен(+лер), бер+еджек экен(+лер), сёйле+йджек экен(+лер)*

Форма отрицательного аспекта образуется посредством аффикса *-ма/ме*, который присоединяется перед аффиксом *-аджакъ*, при этом этот аффикс имеет форму *-йджак/йджек*: *окъу+ма+йджакъ экен, бер+мейджек экен* и т.д.

Парадигматические семы формы на *-аджакъ экен*

1. Обозначение прошедшего действия, в этом отношении она имеет общее значение со всеми другими формами прошедшего времени.

2. Обозначение предположительного будущего действия в прошлом. Автор речи сам не был свидетелем действия или состояния, он узнал об этом из других источников, понаслышке, он может сделать предположение о будущем действии. Часто при этом употребляется послелог *коре* 'согласно' *Онынъ айткъанына коре, айдутлар якъалангъанлар, тезден макеме оладжакъ экен* [9, 137]. 'По его словам, разбойники пойманы, будто скоро состоится суд'. В этом примере говорящий не был свидетелем события, о нем он узнал из другого источника (*айткъанына коре* 'по его словам, согласно его словам').

Синтагматические семы формы на *-аджакъ экен*

1. Форма передает сему сослагательного наклонения. И это обстоятельство у некоторых тюркологов вызывает соблазн отнести эту форму к сослагательному наклонению. *Экимлернинъ айткъанларына коре, эгер текъран даа кечиккен олсакъ, хасталыкъ мийине кечеджек экен* [9, 148]. 'По словам врачей, если мы ещё немного запоздали бы, болезнь дошла бы до мозга'. В придании форме значения сослагательного наклонения важную роль играет форма условного наклонения в предложении, выражающем второе - подчиненное действие: *кечке къалсакъ* 'если мы ещё немного запоздали бы'.

2. Намерение. *Корьдинъми, къалгъаныны озю къазып ташлайджакъ экен* [8, 22]. 'Ты видел, оказывается, остальное он сам намерен перекопать'.

3. Долженствовательная сема. *Анълашылгъанына коре, олар саба дагъгъа янъы малюматлар алып кетеджек экенлер* [9, 296]. 'Как выяснилось, утром они должны были повезти новые сведения'. Здесь значение предположительности особо подчеркивается словосочетанием *анълашылгъанына коре* (как выяснилось), хотя подобное значение присуще самой форме – это парадигматическое ее значение.

Эта форма относится к числу редких форм прошедшего времени в тюркских языках, главным образом, она характерна для некоторых кыпчакских языков, например, она встречается в некоторых диалектах и говорах татарского языка (форма *-асы икаън*), в которых она выражает помимо приведенных также «1. сильное желание с оттенком несбыточного мечтания, ... 2. запоздалый совет и рекомендацию со-

вершить действие» [7, 221], что в крымскотатарском языке свойственно, в основном, другой форме - форме на *-аджакъ эди*.

Можно предположить, что крымскотатарский язык сохранил эту форму и ее семантику в первоначальном виде, которое было свойственно пракрыпчакскому языку-основе.

Литература

1. Маманов И.Е. Вспомогательные глаголы в казахском языке. – Алма-Ата, 1949. - 116 с.
2. Меметов А., К.Мусаев. Крымтатарский язык. Ч. I. Общие сведения о языке. Ч. II. Морфология. Учебное пособие. – Симферополь, 2003. - С.212-218.
3. Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. – М.: Наука, 1964. - 281 с.
4. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М., 1988. - 368 с.
5. Тумашева Д.Г. Татарский глагол. – Казань, 1986. - 47 с.
6. Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М., 1965. - С.119 – 120.
7. Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань, 1986. – 287 с.
8. Болат Ю. Садакъат = Преданность: «Анифе». – Ташкент : Эдебиат ве санъат, 1979. - 325б.
9. Осман А. Тутушув: Повестлер, икяелер. – Ташкент: Эдебиат ве санъат нешр., 1988. - 400 с.

Бекірова Л. І. Минувлий час дієслова на - аджакъ екен в сучасній кримськотатарській мові / Л. І. Бекірова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 63-66.

У статті досліджується форма минулого часу дієслова дійсного способу на *- аджакъ екен* в сучасній кримськотатарській мові. В ході дослідження встановлено, що категорія минулого часу дійсного способу в кримськотатарській мові є складною і багатобразною по граматичній структурі системою.

Встановлено, що форма минулого часу на *- аджакъ екен* відноситься до аналітичних форм минулого часу.

Ключові слова: морфологія, дієслово, функція, прошедшее час, кримськотатарську мову.

Bekirova L. I. The past tense of the verb on *the - adzhak eken* in a modern crimean tatar language / L. I. Bekirova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 63-66.

In the article the forms of past tense of verb of indicative are investigated on *the - adzhak eken* in a modern crimean tatar language. It is set during research, that a category of past tense of indicative in a crimean tatar language is the difficult and varied on a grammatical structure system.

It is set that form of past tense on *the - adzhak eken* behaves to the analytical forms of past tense.

Key words: morphology, verb, function, passing time, crimean tatar language.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 820/89 (100-87).

РИТМИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ СРЕДНЕВЕКОВОГО КРЫМСКОТАТАРСКОГО ПИСЬМЕННОГО СИЛЛАБИЧЕСКОГО СТИХА. РАВНОСЛОЖНОСТЬ СТРОК

Усеинов Т. Б.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: useinovtb@mail.ru.

В статье предложен теоретический материал относительно ритма в стихотворном произведении подкрепленный необходимым материалом из крымскотатарской поэзии.

Ключевые слова: теория, ритм, рифма, строфа.

Актуальность. Структура средневекового крымскотатарского силлабического стиха практически не изучена. Исследование будет способствовать всестороннему освещению теоретических вопросов.

Цель работы – изучение ритмических признаков средневекового крымскотатарского силлабического стиха и равносложности строк.

В процессе сложения *ритма* силлабического народного тюркского стиха участвуют два основных структурных компонента, ритмических признака:

а) *равносложность строк (равное количество слогов в сопоставляющихся строках)* и

б) *наличие ритмических частей.*

Тюркский народный стих обладает специфической особенностью в отношении *ритма*, делающей его отличным от того же арабского и персидского стиха – *равноценность слогов в строке.*

Участвуя в равной степени в построении *ритма*, *слоги* становятся прогнозируемым компонентом стиха, что приводит к *равносложности строк* стихотворного произведения. Именно *слоги* являются самой важной особенностью крымскотатарского народного стихосложения, а точнее их количество и упорядоченность.

Слог, будучи самым коротким отрезком речи, одновременно является единицей измерения *ритма*. Вот, что пишет по этому поводу Ахметов З. А.: “С ритмической точки зрения стихотворная речь не делится на более мелкие самостоятельные части, элементы, чем *слог*. Отдельный звук (не составляющий самостоятельного *слога*) не может выступать как единица *ритма*” [1, 152].

В крымскотатарском языке *слог* образуют все гласные звуки. Протяжённость же *слога* может колебаться от одного (когда *слог* состоит из гласного звука) до четырёх букв (когда *слог* составляют три согласных и один гласный звук).

Как и в большинстве силлабических тюркоязычных поэзий, в крымскотатарском стихе, в начале *слога*, не может располагаться более одной согласной (напри-

мер, *бу-лут-лар*, *ко-бе-лек* и т. д.), а в конце более двух согласных (к примеру, *мерт*, *серт* и т. д.).

Если в середине слова, после гласного в *слоге* следуют два согласных звука, то граница *слога* проходит между согласными (*ёл-да*, *сев-ги* и т. д.).

Если же между отмеченными выше двумя согласными расположен мягкий, то этот знак отходит к предыдущему *слогу* (*куль-мек*, *сель-би* и т. д.).

Мягкий знак и твёрдый знак также разделяют согласный звук от гласного, нередко образуя *слоги*, состоящие лишь из одного гласного (*дерь-я*, *зшь-я* и т. д.).

Если же в середине слова, после гласного в *слоге* размещены три согласных, то граница *слога* проходит после второго согласного (*дерт-лер*, *генч-лер* и т. д.).

В словах, где гласные звуки отделяются друг от друга одной лишь согласной, *слогораздел* проходит непосредственно после гласного звука (*та-ва*, *ма-ша* и т. д.).

Мы не можем не уделить, хотя и ограниченное, внимание языковой проблеме, связанной с гармонией звукового состава следующих друг за другом или же сопоставляющихся между собой *слов*. Приведём по этому поводу слова Баскакова Н. А.: “Специфической для слогов в тюркских языках является роль слогаобразующих гласных звуков, отделяющих в силу законов сингармонизма, характер согласных, входящих в данный *слог*... Если гласный является задним, то и согласные имеют несколько сдвинутую назад артикуляцию; если передний – то и согласные являются более передними и т. д.” [1, 154].

Зачастую в крымскотатарской народной поэзии (как устной, так и письменной) в рамках одного *бента* (строфы) можно обнаружить *строки*, содержащие на один *слог* либо больше, либо меньше, чем в остальных *строках*. С первого взгляда, наличие нарушения слогового состава *строки*. В большинстве случаев дело обстоит именно так, однако встречаются и случаи выпадения, иногда прибавления в начале или же в середине слова гласных звуков.

Пример прибавления в начале слова гласного звука (дИеджек-деджек) и увеличение соотносимой (с первой и второй) четвёртой строчки на один *слог* (*ди-е-джек*):

9. ...Асмада узюм кьалды,	(3+2+2)
Къыз сенде гёзюм кьалды.	(3+2+2)
Тенха бир ер булурсакъ	(4+3)
ДИЕДЖЕК бир сёзюм кьалды...	(4+2+2)

Подстрочный перевод:

9. ...На беседке остался виноград
 Девушка, мой глаз остался на тебе [ты приглянулась мне – Т. У.]
 Если найдём уединённое место
 Есть у меня слово, которое хочу сказать... [2, 17].

Пример выпадения гласного звука и замена его на мягкий знак (тёгЕрек-тёгЪрек):

4. ...ТЁГЪРЕК йылдыз тёпемде,	(2+2+3)
Ай кьаршымда, яр.	(5)
Тюрюлю -тюрюлю мусибет	(2+2+3)
Вар башымда, яр.	(5)

Подстрочный перевод:

4. ...Круглая звезда надо мной,
Луна напротив меня.
Всякие беды (несчастья),
Есть на моей голове [3, 323].

В *силлабическом стихе*, делающем упор на количественном показателе *слогов*, для их счёта используется термин *бармак (пармак)*, что переводится, как “палец” или же “счёт по пальцам”. С данным термином ассоциируется и вся данная система стихосложения.

Законы *силлабики* по-разному проявляются в различных тюркоязычных поэзиях. Это, прежде всего, зависит от особенностей данного языка и истории развития национальной литературы.

Силлабическая система стихосложения в основу всего ставит *слог*. Впрочем, данная позиция свойственна и для других стихосложений. Разнятся они между собой лишь тем, каким характеристикам слога они отдают предпочтение.

Для дальнейшего раскрытия вопроса о *равносложности строк* необходимо выделить ещё одно немаловажное понятие, присущее всем народным тюркским поэзиям, пишущимся на основе *бармака (пармака)* – *туркум*, т. е. общее число слогов в строке. Этот термин нами используется для передачи понятия “народная строка”.

Для крымскотатарской *письменной силлабической поэзии* ассиметричные *туркумы* (строки) в *бенте*, в большинстве своём, в рамках формы поэзии *йыр (песня)*, явление вполне обыденное. Оно связано, скорее, с правилами написания и исполнения данной формы, чем с общими законами силлабики. При исполнении формы *йыр* певец произносит *туркумы* таким образом, что лишний слог “проглатывается” общим потоком слогов. Не редки случаи, когда *туркумы* отличаются друг от друга протяжённостью в несколько слогов и певец это место обычно вынужден выговаривать, что опять же не противоречит правилам сложения и исполнения формы *йыр*.

подавляющее большинство форм поэзии *письменной народной литературы* сочиняются при последовательном размещении *равносложных туркумов* и не допускают вышеотмеченных отклонений.

Узбекский учёный И. Султон пишет, что “в узбекской поэзии используется тринадцать видов *туркума* (от пятислового до семнадцатислогового)” [4, 303]. То же самое можно сказать о *крымскотатарской силлабической поэзии*, с той лишь разницей, что в рамках свободного стиха обнаруживаются *туркумы* менее протяжённые: три, четыре, а иногда и два *слога*.

Рассмотрим четырёх- и пятисложные *туркумы* в свободном стихе (в детской дразнилке):

...Araba qaru,	(3+2)
Senek sapu,	(2+2)
Qolda taşı,	(2+2)
Elde aşı,	(2+2)
Bitli başı...	(2+2)

Подстрочный перевод:

Ворота,
Черенок от вил,
В руках у него камень,
В руках его еда,
Вшивая голова... [5, 209].

В завершение отметим, что в основе силлабики лежит принцип ритмической *равноценности слогов*. Именно согласно этой характеристике строятся все правила и принципы крымскотатарского силлабического стихосложения.

Равноценность слогов позволяет просчитывать их количество в *туркумах* и соблюдать соотносимую и соизмеримую протяжённость в *ритмических частях*.

Тем самым можно сделать следующие *выводы*:

– *равноценность слогов* является той характеристикой, на которой зиждется все проявления стихотворного *ритма*;

– необходимо отметить и то, что сам по себе, достаточно важный, ритмический принцип равносложности строк “срабатывает и усиливается” лишь в связке со следующим принципом тюркского народного стиха – наличие ритмических частей и является только одной из характеристик ритма. Эти два понятия неразрывны между собой.

Литература

1. Ахметов З. А. Казахское стихосложение (Проблемы развития стиха в дореволюционной и современной поэзии) / Под общ. ред. М. С. Сильченко. – Алма-Ата: Изд-во “Наука”, 1964. – 460 с.
2. *Къырымтатар иджрет эдебияты*: Окъув къуланмасы / Тертип эткенлер: Э. Э. Куртумеров, Т. Б. Усеинов, А. М. Харахады – Симферополь: Къырымдевокъувпеднешир, 2002. – 256 с. – ISBN 966-8025-11-3. – (на кр. тат. яз.).
3. *Къырымтатар халкъ йырлары* / Тертип этиджи И. Бахшыш, Э. Налбандов. – Симферополь: Таврия, 1996. – 448 с. – ISBN 5-7780-0770-1. – (на кр. тат. яз.).
4. Султон И. Адабиёт назарияси. – Тошкент: “Укитувчи”, 1980. – 392 с. – (на узбек. яз.)
5. *Hanlık Dönemi Kırım Şairleri* / Başlangıcından Günümüze Kadar Türkiye Dışındaki Türk edebiyatları antolojisi (Nesir-Nazım). Kırım Türk-Tatar Edebiyatı. C.XIII. / Genel redaktor Nevzat Kösoğlu. – Ankara: Kültür Bakanlığı, 1999. – 600 s. – 240-335. – ISBN 975-17-1263-7 (Tk) 975-17-2308-6. – (турец. яз.)

Усеинов Т. Б. Ритмічні ознаки середньовічного кримськотатарського письмового силлабічного вірша. Равносложность рядків / Т. Б. Усеинов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 67-70.

У статті запропонований теоретичний матеріал відносно ритму у віршованому добутку й підкріплений необхідним матеріалом із кримськотатарської поезії.

Ключові слова: теорія, ритм, рима, строфа.

Useinov T. Rhythmic signs of medieval Crimean-Tatar writing syllabic verse. Equal amount of syllables of lines / T. Useinov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 67-70.

In clause the theoretical material concerning to a rhythm in poetic product and supported by a necessary material from crimean tatars is offered to poetry.

Key words: the theory, a rhythm, a rhyme, a stanza.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 821.512

**ПО СЛЕДАМ ВРЕМЕНИ
(К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ
ШАМИЛЯ АЛЯДИНА)**

Юнусов Ш. Э.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua*

В статье рассматривается вопрос о художественной детализации через опыт создания исторической прозы в крымскотатарской литературе. На основе конкретных примеров исследуется проблема соответствия изображаемых событий историческим реалиям.

Ключевые слова: историческая проза, реалистичность, ретардация, творческий поиск.

Актуальность. Шамиль Алядин (1912 - 1996) – одна из знаковых фигур в общественно-политической и культурной жизни крымскотатарского народа XX века. Он олицетворял собой то звено, в котором сочеталось обострённое восприятие жизни, способное на осмысление прошлого и постижение настоящего, и талант, шедший в авангарде литературно-художественных исканий. Время творческого поиска писателя пришлось на период негласной идеологической борьбы с проявлениями «национализма» (в советском понимании), где тема связи крымскотатарского народа с Крымом не вписывалась в рамки официальной идеологии государства... Для создания произведений, в которых Шамиль Алядин вознамерился реалистически воспроизвести исторические события в этнонациональном контексте, потребовали особого художественного подхода. К сожалению, в крымскотатарском литературоведении этот аспект представлен спорадично, что и говорит о его актуальности.

Постановка проблемы. Литературно-художественное наследие Шамиля Алядина нуждается в целостном исследовании. В силу объёмности и тематической разнородности его произведений эта проблема представляется весьма сложной, но перспективной. Нас же в творчестве Шамиля Алядина привлекают исторические полотна писателя. В настоящей статье мы попытаемся рассмотреть опыт создания исторически правдоподобных произведений в крымскотатарской литературе.

Объектом исследования является историческая проза крымскотатарского классика Шамиля Алядина, созданная в последней четверти прошлого столетия.

Предмет исследования - использование приёма ретардации для художественной детализации изображаемого.

Преследуемая цель – рассмотреть вопрос о соотношении исторической правды и вымысла, а также выявить способы авторской интерпретации событий прошлого. В контексте этого предстоит решить следующие **задачи:** показать важность

опыта писателя в создании больших исторических полотен; рассмотреть проблемы художественной формы в разрезе сюжетно-фабульного соответствия.

Исследование проводится на основе типологического и герменевтического **методов**.

Основной материал. Шамиль Алядин, творческая зрелость которого пришлась на вторую половину XX века, осознавая ответственность творческой интеллигенции перед своим народом в условиях складывающейся социально-политической ситуации, был серьёзно озабочен мыслями о сохранении национальной самоидентификации. Возрожденческие думы были вызваны обеспокоенностью за сохранение и развитие родного языка, культуры, литературы, искусства. Процесс, направленный на пересмотр национально-этнического самосознания, деформированного вследствие исторической драмы крымскотатарского народа, должен был способствовать пробуждению интереса к истокам. Поэтому, понимая, что народ, лишённый духовного родства с предшествующими поколениями, может лишиться и исторической национальной памяти и, соответственно, опоры, прозаики ощущали потребность в иных приёмах и методах художественного осмысления исторической действительности. Так, произведения, где без оглядки на идеологическую заданность воссоздавался национально-этнический мир с учётом национального характера, специфического этнонационального опыта, их исторической обусловленности, стал создавать Шамиль Алядин. Так, если ещё в 1979 году в повести «Иблиснинь зияфетине давет» («Приглашение к дьяволу на пир») он сумел связать индивидуальную неповторимость личности с этнической психологией своего народа, то в историческом романе «Тугай-бей» писатель задался целью воскресить страницы героического прошлого и исторических личностей, оставивших глубокий след в истории крымскотатарского народа.

Создавая образ Усеина Шамиля Тохтаргазы – прототипа реального исторического лица, крымскотатарского поэта-демократа конца XIX – начала XX века, автор повести «Приглашение к дьяволу на пир» занят поиском ответа на вопрос о роли лидера в историческую эпоху. Как известно, пилотный вариант отмеченной повести Шамиля Алядина был опубликован в литературном альманахе «Йылдыз» («Звезда») в 1978-1979 годах. Произведение сразу вызвало живой интерес среди читателей как «первое» полотно, задавшееся целью «представить крымскотатарскую тематику через показ определённой страницы из нашего социального прошлого, из хода общественной мысли» [1, 95]. Примечательно, что старейший крымскотатарский учёный-языковед Усеин Куркчи, поделившийся своими замечаниями и пожеланиями, рекомендовал автору «Приглашения к дьяволу на пир» придать динамизма главному герою повести посредством его близости к народу, поскольку Усеин Тохтаргазы был человек передовых взглядов, что не могло не требовать от него активного включения в дебаты по вопросам социально-политического устройства общества. И эти события должны были раскрываться непременно на фоне Бахчисарайских реалий. Отдельные замечания Усеина Куркчи касались поведения и внешнего облика главного героя повести. Он, в частности, рекомендует обратить пристальное внимание на эпизод, где главный герой, идя по улице города, ест калач, чего, согласно местному этикету, Тохтаргазы-учитель допустить не мог. При издании повести в

отдельном сборнике Шамиль Алядин учтёт эти пожелания, и отмеченный момент получит следующее описание:

«...Учитель долго шарил в кармане, но никак не мог отыскать мелкую монету.

Из-за одного пирога не хотелось менять крупную купюру.

- А калач есть? – спросил он; уйти, ничего не купив, ему было как-то неловко.

- Есть! Штука – всего четыре полушки.

Две копейки у него нашлись, и он выложил их перед мальчиком. Получив обёрнутый в бумагу горячий калач, сунул его в карман. Выйдя из пекарни, едва удержался, чтобы тут же не вынуть из кармана пахучий, присыпанный маком калач и не откусить, но ему казалось, что все встречные смотрят на него, скажут, чего доброго: взрослый человек, а ест на ходу, как ребёнок...» (в переводе Эмиля Амида) [1, 276]. Как явствует, писатель стремится быть осторожным в вопросах соответствия литературного и реального характера, тем самым высвечивая внешние категории национально-этнического составляющего.

Надо полагать, что опыт создания исторической прозы пригодился писателю и при дальнейшей работе в этом направлении – в романе «Тугай-бей» Шамиль Алядин остался верным принципам реалистичного повествования, поскольку здесь объёмно представлены как внутренние противоречия Крымского ханства, так и объективные крымскотатарско-казацкие военно-политические отношения в середине XVII столетия. Склонность к реалистичному воспроизведению событий изображаемой эпохи у Шамиля Алядина-писателя становится более явным при сопоставлении с романом польского классика Генрика Сенкевича «Огнём и мечом», у которого жёсткая риторика в отношении врагов Речи Посполитой была обусловлена неистовым желанием «любой ценой поддерживать исторический оптимизм». Критика в этом романе обнаружилась «немало искажений» и «странных противоречий» [2, 103; 3, 4]. Авторская же трактовка событий в «Тугай-бее» направлена на то, чтобы «запечатлеть именно в художественном произведении и тяжёлые, и радостные мгновения украинской и крымскотатарской истории. А главное - разбить все те идеологические стереотипы, которые навязывались советскими учебниками истории и прежней литературой. Это было крайне важно и тогда, когда его народ возвращался на родные просторы и в новое государство, это не теряет особую актуальность и сейчас» [4].

Роман Шамиля Алядина, как известно, остался незавершённым. Однако в нём писателю удалось пояснить своё видение причин внутреннего противоречия в Крымском ханстве: они кроются в нежелании крымских мурз подчиняться единому центру - хану. Как следствие, обоюдно согласованные военно-тактические планы Ислям-Герая и Богдана Хмельницкого порою оказываются на грани провала. Основную мысль романа писатель развил в публицистическом очерке «Отношения Украины, Польши и России с Крымским ханством в середине XVII века», который является логическим продолжением эпического повествования «Тугай-бей»: вместо конкретного количества украинских сёл, определённых в Договоре в качестве калыма за военную поддержку ханскими войсками, оказываются ограбленными куда больше сёл, что приводит к недоумению среди военно-политической элиты... В экспозиционной части романа Шамиль Алядин рисует вымышленный эпизодический образ учителя Фредерика Кижэ, устами которого поясняет причины былой по-

литической нестабильности в ханстве: буджакские степняки, постепенно заселившие просторы между Доном и Днестром и одержимые идеей создания своего независимого государства, в смутные эпохи вызвали волнения в регионе из-за междоусобных противоречий, что порою и сказывалось на взаимоотношениях соседствующих государств. Такой способ ретардации позволяет косвенно детализировать и тем самым пояснить обусловленность событий.

Над созданием своих исторических произведений Шамиль Алядин работал многие годы, привлекая воспоминания старожилов, собственно исторических и архивных документов. Скрупулёзность в отборе материала, верность реалистичному способу подачи художественной информации требовали энергии и времени. Роман «Тугай-бей» оказался в списке недописанных. В то же время очерк, отмеченный выше, как своеобразное продолжение романа даёт почву для дальнейших размышлений о творческом поиске писателя.

Результаты исследования. Литературно-художественное наследие Шамиля Алядина нуждается в системном изучении. В настоящей статье сделана попытка заглянуть в художественную мастерскую писателя и презентован авторский опыт раскрытия причинно-следственной цепочки в поведении героев исторических событий.

Литература

1. Алядин Ш. Сайлама эсерлер [проза] / Шамиль Алядин. - Симферополь: Крымчпедгиз, 1999. – 624 с. - ISBN 966-7283-30-5.
2. Сенкевич Г. Крестоносцы [проза] / Генрик Сенкевич. – Ташкент: Мехнат, 1985. – 544 с.
3. Горский И.К. Исторический роман Сенкевича [монография] / Игорь Горский. - М.: Наука, 1966. – 308 с.
4. Кульчинский О. Шамиль Алядин – классик крымскотатарской литературы: [Электронный ресурс] / Олесь Кульчинский. – Режим доступа: <http://umma.org.ua/ru/persons/191>

Юнусов Ш. Е. Слідами часу (до питання про вивчення історичної прози Шаміля Алядіна) / Ш. Е. Юнусов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 71-74.

У статті розглядається питання про художню деталізацію через досвід створення історичної прози у кримськотатарській літературі. На основі конкретних прикладів досліджується проблема відповідності зображуваних подій історичним реаліям.

Ключові слова: історична проза, реалістичність, ретардація, творчий пошук.

Yunusov S. E. On the tracks of time (on the study of historical prose of Shamil Alyadin) / S. E. Yunusov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 71-74.

The article is devoted to the art of detail through the experience of the creation of historical prose in the Crimean Tatar literature. On the basis of the specific examples of the problem of the conformity of the depicted events of historical realities.

Key words: historical prose, realistic, retardation, creative search.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК: 821.512.145 – 32.09

СТАНОВЛЕНИЕ ЖАНРА РАССКАЗА В КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Джемилева А. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: ayshe66@mail.ru*

В статье сделана попытка выявить процесс становления жанра рассказа в крымскотатарской литературе; показать источники влияния на формирование прозы.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, жанр рассказа, роман, поэтика, проза.

Постановка проблемы. Становление жанра рассказа в литературах тюркских народов происходило примерно одинаково (через художественное освоение поэтики фольклорных жанров и уже существовавших малых прозаических форм, через соприкосновение с эстетическим опытом русской литературы), но не синхронно по времени.

Анализ последних исследований по проблематике работы.

Процесс становления жанра рассказа в крымскотатарской литературе являлся предметом исследования таких литературоведов, как А. С. Айвазов, Б. Чобан-заде, А. Крымский, А. Лятиф-заде, А. Гирайбай, Ш. Алядин, И. Керимов.

Цель и задачи: Изучить процесс становления жанра рассказа в крымскотатарской литературе; показать источники влияния на формирование прозы.

Методы исследования: метод сравнительно-исторического исследования; описательный метод.

Революционное пробуждение национального самосознания крымскотатарского народа началось в значительной степени под влиянием просветительской и социально-демократической деятельности газеты «Терджиман» – «Переводчик», которая стала издаваться в Бахчисарае в 1883 году под руководством Исмаила Гаспринского. Эта дата стала отправной точкой в истории развития национальной печати, публицистики, литературы, в возрождении культуры и образования крымских татар. Исследователи называют этот период – период с начала выхода газеты «Терджиман» и до начала 20-х г.г. XX века – «периодом пробуждения» [1, 178]. Это период пробуждения национального самосознания, формирования народа как нации, изменений в образе жизни крымских татар, развития общественной жизни.

Предметом заботы И. Гаспринского, главной темой его творчества была тема просвещения народа, приобщение его к мировой культуре. За время своего функционирования газета «Терджиман» приобрела общетюркское значение. Преобладающее развитие в это время в крымскотатарской литературе получает журнальная сатирическая проза: фельетоны, письма, отрывки из путешествий. Ведущим жанром становится роман, что объяснялось сильным влиянием на творчество крымскотатарских просветителей русского и западноевропейского романа.

Романы общественного деятеля «Кунь догды» и «Дар-ур-рахат мусульманлары» автобиографичны и имеют форму самоповествования. Питательной средой для автобиографии стала западноевропейская культура с её духом самоанализа и индивидуалистическим мироощущением. Произведения Гаспринского – первые образцы автобиографической прозы в крымскотатарской литературе начала XX века.

Роман «Френкистан мектюплери» («Французские письма»), как и «Африка мектюплери» («Африканские письма»), «Къадынлар улькеси» («Страна амазонок»), представляет одну из частей «Дар-ур-рахат мусульманлары». И. Керимов пишет, что с «Французских писем», подписанных псевдонимом Молла Аббас, Гаспринский начинает публикацию своего романа, который впоследствии будет назван «Молла Аббас» [2, 138]. Произведение по праву считается одним из лучших классических произведений в крымскотатарской литературе.

«Къадынлар улькеси» («Страна амазонок») – изложение событий от первого лица, от лица рассказчика Моллы Аббаса. Рассказчик повествует о том, как он и ещё шестеро путников путешествовали на верблюдах по пустыне. Путники шли сорок дней. На сорок первый день началась сильная песчаная буря, которая «превратила день в ночь», – говорит рассказчик. Молла Аббас детально описывает путешествие, высказывая своё мнение и представляя читателю собственную оценку событий. Путники видят сотню всадников, вооружённых пиками, присмотревшись, замечают, что у них длинные волосы и высокая грудь: это были воины страны амазонок. Девушки забирают путников в плен и отправляют весть царице Малике. Царица узнаёт, что приближается караван, и спешит его встретить. В это время пленники усыпляют стражниц и, погрузив всё имущество на верблюдов, выходят в путь. В пустыне они встречаются с караваном и вступают в бой с девушками. Напуганные стрельбой, женщины спасаются бегством.

Таким образом, мы выделили следующие особенности поэтики рассказа: в основу истории Моллы Аббаса положено одно событие, произведение представляет описание собственных приключений рассказчика; одна субъективная точка зрения организует повествование; участие небольшого количества действующих лиц; описание портретных характеристик персонажей; охватывается небольшой временной промежуток; выдержанный тон; естественно развивающийся финал. Так, в крымскотатарской литературе начала XX века создаются произведения автобиографической прозы, в которых чётко проявляются особенности поэтики жанра рассказа, автodieгетического нарратива.

Обратим внимание на ситуацию в других тюркских литературах. Восточный роман, как утверждает татарский исследователь Ф. Мусин, берёт своё начало из путевых заметок, дневниковых записей. Возникновение романа в татарской литературе способствует появлению и выделению жанра рассказа. В просветительской узбекской литературе под воздействием русской культуры появляются первые образцы прозы европейского типа – очерк, путевые заметки, рассказ, повесть (Хамза, С. Айни и др.). В казахской литературе своими изобразительными средствами роман обязан эпической поэзии: большинство образов, сравнений, закрепились традицией за определенными темами. Зарождение и становление туркменского рассказа связано с именами писателей Б. Кербабаева, А. Дурдыева и др. Формирование по-

вести и романа в азербайджанской литературе прослеживается в творчестве писательницы Абульгасана, Ордубады.

Жизнь трудового крестьянства, судьба женщины Востока, духовная отсталость народных масс, косность религиозных служителей – всё это волновало писателей романтического направления, так же как и писателей-реалистов. Аналогичные процессы происходили во многих тюркских литературах. Как указывает Л. Алькаева, в турецкой литературе в это время самой известной фигурой был Намык Кемаль [3, 6]. Он положил начало турецкому роману.

Следует отметить ещё один источник влияния на формирование крымскотатарской прозы. Речь идёт о татарской и азербайджанской литературе, которая в силу родства языка была доступна крымскотатарским писателям. Татарская литература имела в тот период таких крупных представителей, как А. Тукай и основоположник новеллы Ш. Камал.

Важную роль в развитии прозы тюркоязычных народов сыграл казахский прозаик – Мухтар Ауэзов, основоположник рассказа [4]. Рассказ М. Ауэзова «Серый лютый» – образец жанра в казахской литературе.

Развитие жанра рассказа в узбекской литературе связано с талантливым и многогранным мастером слова Хамзой Хаким-заде Ниязи. По мнению литературоведов, с его именем связан рост и развитие всех без исключения жанров узбекской литературы [5, 14].

Существенную роль в возникновении первых рассказов в крымскотатарской прозе сыграло знакомство с русской реалистической прозой, которая была представлена, главным образом, в переводах. В начале XX века многие писатели занимались переводческой деятельностью. Как указывает А. Крымский, А. Боданинский перевёл рассказ Н. Гоголя «Нос» («Бурун»), А.С. Айвазов – отрывки из романа Тургенева «Отцы и дети», рассказы Чехова: «Супруга» («Зевдже»), «Радость» («Къуванч») и др. [6, 147].

Выводы. Таким образом, традиции тюркских литератур для крымскотатарской литературы в силу родства языка и менталитета были плодотворными. В это время были заложены основы для развития прозаических жанров в национальной литературе, в том числе и рассказа. Своеобразие развития национальной литературы начала XX века состояло в том, что, с одной стороны, она находилась в непосредственной близости к народной жизни и фольклору, а с другой – впитывала восточную и европейскую культуру.

Перспективы дальнейших исследований. Это был период истинного новаторства, основанный на традициях устного народного творчества, благотворного влияния восточных и европейских традиций, которые предстоит исследовать крымскотатарскому литературоведению.

Литература

1. Фазылов Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы. Къыскъа бир назар /Р. Фазылов, С. Нагаев. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2001. – 640 с.
2. Юнусова Л. С. Крымскотатарская литература /Юнусова Л. С. – Симферополь: Доля, 2002. – 344 с.)
3. Алькаева Л. О. Очерки по истории турецкой литературы (1908-1939 гг.) /Алькаева Л. О. – Изд-во Академии Наук СССР, М., 1959. – 220 с.

4. Мухтар Ауэзов в воспоминаниях современников. – Алма-Ата: Жазушы, 1972. – 360 с.
5. Владимирова Н. Узбекский советский рассказ /Н. Владимирова, М. Султанова. – Акад. Наук Узб ССР, Ин-т яз. и лит-ры им. А.С. Пушкина, Государственное изд-во художественной лит-ры Узб ССР, Ташкент, 1962. – 160 с.)
6. Крымский А. Литература крымских татар /Крымский А. – Симферополь: Доля, 2003. – 200 с.

Джемилева А. А. Становлення жанру оповідання в кримськотатарській літературі / А. А. Джемилева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 75-78.

У статті зроблено спробу виявити процес становлення жанру оповідання в кримськотатарській літературі. Також показати джерела впливу на формування прози.

Ключові слова: кримськотатарська література, жанр оповідання, роман, поетика, проза.

Dzhemileva A. A. Formation of a genre of the story in crimeantatar literature / A. A. Dzhemileva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 75-78.

In article attempt to reveal process of formation of a genre of the story and to show sources of influence on prose formation in crimeantatar literature is made.

Key words: crimeantatar literature, a story genre, the novel, poetics, prose.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 81-119

BİRLEŞİK TÜRK-TATAR DEVLETİ YARATMAK UĞRUNDA ŞEHİT OLAN BEKİR SITKI ÇOBANZADE

Ali Şamil

*Институт Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Özet: Sovyetler Birliği dağıldıktan sonra Bekir S. Çobanzade hakkında onlarca makaleler, kitaplar yazıldı, eserleri neşredildi. Yürütülen araştırmalarda esas ağırlık onun ilmî-pedagojik faaliyetine verildi. DTN'nin (sabık KGB'nin) arşivleri açıldıktan sonra onun içtimaî-siyasî faaliyeti, gizli teşkilât kurması, SSCB'de faaliyet gösteren gizli gruplaşmalar arasında birlik için çalışmış olması, Birleşik Türk-Tatar devleti kurmak isteği hakkında oldukça dikkat çekici belgeler ortaya çıktı.

Çok yazıktır ki, araştırmacılar bu mühim meseleye gerektiği dikkati göstermediler. Birçokları bu durumu ya inkâr etmeye, ona atılan bir iftira gibi değerlendirmeye çalıştı, ya da görmezlikten geldiler. Bu yazıda ise biz B. S. Çobanzade'nin ömür yolundan, ilmî-pedagojik faaliyetinden söz etsek de, esas dikkati onun içtimaî-siyasî faaliyetine çevirmeye çalışacağız.

Anahtar sözcükler: Bekir S. Çobanzade, Kırım, Azerbaycan, Birleşik Türk-Tatar devleti.

Giriş. 1920-1950 döneminde siyasî sebeplerden hapisle cezalandırılanların ekseriyetine 1956 yılda sözde beraat kararı çıkarılmıştı. Amma gerçekler tamamen başka idi. Bu beraat de bir siyasî oyun idi. Onlar hakkında tanzim edilmiş arşiv belgelerine herhangi bir kimse ulaşamazdı. Dolayısıyla, Bekir S. Çobanzade'nin ve onun gibi "halk düşmanı" ilan edilenlerin eserleri neşr edilemez, hakkında geniş araştırmalar yapılamazdı. 1920'li – 30'lu yıllarda yayınlanmış kitapların çoğu imha edilmişti. Nice değerler, köşede bucakta kalmış tek tük kitaplar da kitaphanelerin özel bölümlerine, nadir eserler fonuna aktarılmıştı. Dergilerde, gazetelerde basılmış makalelerinin çoğu kesilip, yırtılıp götürülmüştü.

Bütün zorluklara ve yasaklara rağmen, yetişmekte olan nesilde, az bir kısmında olsa da, Bekir S. Çobanzade ve onun gibilerine büyük ilgi vardı. Sovyetler Birliği dağıldı. KGB arşivleri açıldı. İstintak materyalleri ile tanış olmak imkânlarına kavuştuk. Bu materyalleri görünce anladım Bekir S. Çobanzade'yi onlarca alim ve önder mevkiindeki kişilerin “felâketlere uğramalarına sebep olmakla” suçlayanların hangi delillere dayandıklarını.

1. Bekir S. Çobanzade'nin ömür yolu

Milletinin azatlığı ve mutluluğu yolunda ölümden bile korkmayan B. S. Çobanzade şerefli bir ömür yaşamıştır. Öyle ki, ilim aleminde Bekir Vahab oğlu Çobanzade olarak tanınan insanın adı, ata adı ve lakabı arasında hayli farklılıklar var. Kırım'da, Tavrida vilayeti Simferopol (Akmescit) kazasının Karasubazar kasabasının yakınındaki küçük Argun köyünde Abdülvahab'ın ailesinde 1893 yılı Mayısın 15'inde doğan çocuğa

Abubekir adı verildi ve o devrin ananesine binaen “dinine sadık” anlamını veren Sıdkı sözü de bu adına ilâve edildi. Çoban olan atasının adı bazen Kurd Vahab, Abdulvahab Bavbek, Bavbek Akay olarak hatırlansa da, esas belgelerde kendi adı ve babasının adı kısaltılarak Bekir Vahab oğlu Çobanzade olmuştur [8, 13].

İstanbulda ve Budapeşte okuyan B. S. Çobanzade 1919 yılının Nisanında doktora imtihanını verir ve Mayısın 18’inde çalışmasını müdafaa ederek felsefe doktoru ilmi unvanını alır [5, 288].

B. S. Çobanzade’nin doktora tezini hazırladığı ve müdafaa ettiği günler, Macaristan’da çok karışık günler idi. Rusya’da bolşeviklerin silâhlı yolla hakimiyeti ele almasından ilham alan macar komünistleri de Bela Kun’un (1886-1938) başkanlığında 1919 yılının 21 Martında Macaristan Sovyet Cumhuriyetini kurduklarını ilân etmişlerdi. Komünistlerin şirin vaatlerine ve çekici şiarlarına aldanan B. S. Çobanzade’de macar komünistlerinin tarafını tutar. Lâkin bu hükümetin ömrü uzun sürmez. Sosyalist inkilâbının Avrupa’ya yayılmasının önünü almak için Antanta devletleri Romenleri genç Macar devletinin üzerine yürütmesi için tahrik ederler. Macaristan Sosyalist Cumhuriyeti 1919 yılının Ağustosunda sükuta uğrar.

B. S. Çobanzade 1920 yılının Mart sonlarında Budapeşte’yi terk ederek İsviçre’ye gider. Lozan’da muhacerette olan Kırım Türklerinin millî teşkilâtı Millî Fırkanın başkanı Cafer Seydahmet’le görüşür, fırkanın kâtibi olarak çalışır. Bu görüşme ve işbirliği, milletlerinin talihi üzerine uzun uzadıya sohbetleri B. S. Çobanzade’nin dünya görüşünü derinden etkiler. Ömrünün sonuna kadar Cafer Seydahmet’le ilgisini kesmez, dünya görüşü değişmez. Lozan’dan İtalya’nın Napoli şehrine giderek kısa bir süre orada yaşayan B. S. Çobanzade 1920 yılının 17 Temmuzunda yeniden İstanbul’a gelir. Oradan Kırım’a dönen Bekir S. Çobanzade Akmeşcit’e (Simferopol’da) yaşayarak Kırım Tatar millî demokratik cumhuriyeti kurmak isteyen Millî Fırkanın (Halk Partisinin) saflarında faal bir şekilde çalışır.

B. S. Çobanzade 1921 yılında Totayköy Pedagoji Teknik okulunun açılışında yer alır ve burada tatar dili ve edebiyatı derslerini verir. 1922 yılının Martında onu Tavrida Üniversitesinde dilbilgisi kürsüsünde doçent olarak çalışmaya davet ederler.

Veli İbrahimov’un sayı neticesinde Akmeşcit’te Üniversite açıldığında Bekir S. Çobanzade orada çalışmaya davet edilir. 1924 yılında Kırım Üniversitesine profesör olur. Kırım’da Özerk Cumhuriyetin Halk Maarif Komiserliğinde Tatar Dili ve Edebiyatı Şubesine, Halk Maarif Komiserliğinin Yüksek İhtisas İlimleri ve Devlet İlmî Şurasına başkanlık eden ve idare organlarına üye seçilen B. S. Çobanzade’nin hayatında 1924 yılı bir dönüm yılı olur [5, 288].

Aynı yıl onu rektör seçerler. Latin alfabesini yaymak ve yeni alfabeye geçişi hızlandırmak için Kırım’a gelen Azerbaycan SSC Merkezî İcra Komitesinin başkanı Samedaga Ağamalı oğlu onu Bakü’de çalışmaya davet eder. Gözleve’de bulunurken B.S. Çobanzade Mirza Ali Bulgakov’un kızı Dilara ile evlenir. Bu evlilik iyi karşılanmaz ve sürmez de. Başkasının karısı olan bir kadınla evlenmek, hatta kadının yanında getirdiği oğlu Mustafa’yı kendi soyadına geçirtmişse bile, uzun yıllar dedikoduya sebep olur.

2. Azerbaycan’a gelmesinin sebepleri

Kırım’ı yürekten seven B. S. Çobanzade’nin çevresindeki insanları, başladığı işini, rektörlük vazifesini bırakıp Bakü’ye gelmesini birçok şekilde izah etmek mümkündür. B.

S. Çobanzade ile aynı yıllarda Kazan'dan Aziz Ubaydullin'in, Taşkent'ten Halit Seit Hocayev'in, Tomsk'tan Abdulla Şerifov'un ve b. da aynı yıllarda Bakü'ye gelmeleri, B.Çobanzade'nin KGB müstantığına verdiği ifadede Cafer Seyid Kırimer ile daima irtibatla bulunduğunu söylemesi, Birleşik Türk-Tatar devleti kurmak için teşkilatlanmaları ve başka belgeler bu meselenin dikkatle öğrenilmesinin gerektiğini ortaya koymaktadır.

3. İlmî ve pedagojik faaliyeti

Üniversitede profesör olan alim Petersburg'a ve başka şehirlere ilmî seyahatlere ve tebliğler sunmaya davet edilir. O, ilmî eserlerinin büyük ekseriyetini Azerbaycan'da yazıp neşrettiği gibi, faal içtimaî, ilmî faaliyetlerini de burada sürdürmüştür.

Bekir Çobanzade üniversitede ders vermenin yanı sıra, Azerbaycan'ı Öğrenme Cemiyetinde ilmî kâtiplik ve tarih, dilcilik şubelerine başkanlık eder. Sovyetler Birliğinde yaşayan Türk, müslüman halklarının kullandığı Arap alfabesinin Latin alfabesi ile karşılaşılması meselesinde elinden geleni esirgemeyen alim yalnız Azerbaycan'da faaliyet göstermekle yetinmeyerek, 1926 yılında Semerkand'a gider, aydınlar ve hükümet adamları arasında yeni alfabenin üstünlüklerini ilmî esaslarla izah eder, Özbek dili ve edebiyatına dair materyaller toplar. Aceba, onun bu seferi sırf ilmî ehemmiyet taşıyorsa, neden 1937 yılında KGB müstantığı B. S. Çobanzade'den gizli teşkilâta Semergand'dan, Buhara'dan, Taşkent'ten kimleri celp ettiğini soruyordu?

O, 1926 yılının Şubat sonları ve Mart başlarında Bakü'de yapılan Birinci Türkoloji Kurultayın faal teşkilâtçılarından. Kurultayda "Türk-Tatar dillerinin karşılıklı münasebetleri" ve "Türk-Tatar dillerinin ilmî terminolojinin düzenlenmesinin prensipleri" gibi yüksek ilmî değeri olan tebliğler sunar. Bu tebliğlerin ilmî değeri kurultay iştirakçileri tarafından çok takdir edilmişti.

Yorulmak bilmeden Türk bölgelerini dolaşarak tebliğler sunan, materyaller toplayan alim 1927 yılın Kasımında, 1929 yılın Ekiminde Kırım'da, 1928 yılın Ocak ayında Azerbaycan'da, 1929 yılın Mayısında Özbekistan'da yapılan İmlâ Konferanslarında konuşmaları ile Latin alfabesine geçişi hızlandırdı.

1925-29 yıllarında Azerbaycan Yüksek İlmî İdaresinde Terminoloji Komitesine, 1929 yılından sonra Azerbaycan Devlet İlmî Tetkikat İstitütununun aspirantura şubesine, Yeni Türk Alfabesi Umum-İttifak Merkezî Komitesine başkanlık eden Bekir S. Çobanzade'yi aynı yıl Moskova Şark Halklarının İlmî Tetkikat İstitütuna ve 1935 yılının 16 Martında Paris'teki Milletlerarası Dilcilik Cemiyetine aslî üye seçerler [2, 109].

Britanya ve Erdebil nüshalarına dayalı Hataî divanının mukayeseli metnini hazırlayan, "Türk dili ve edebiyatının tedrisi usulü", "Türk grameri", "Kumık dili ve edebiyatı tetkikleri", "Türk-Tatar dialektolojisi", "Türk-Tatar lisaniyatına medhal", "Kırım-Tatar edebiyatında kurultaycılık ve milletçilik", "Azeri edebiyatının yeni devri, nasyonalizmden enternasyonalizme" v.s. gibi ilmî eserleri neşrettiren alim daima Sovyetlerin takip ve tazyikleri ile karşılaşmıştır. Bütün bunlara rağmen, A.Tahirzade ve V. Hulufu ile birlikte üç ciltlik "Azerbaycanca-Almanca-Rusça luğat" üzerinde çalışır. Muntazam matbuatta onu ve yaratıcılığını sertlikle tenkit eden makaleler de yayınlanmıştır [7, 24].

B. S. Çobanzade SSCB'de Türk halklarından filoloji sahasında Sovyet hükümetinin profesör unvanı verdiği ilk alim idi. O, üniversitelerde Azerbaycan Türkçesinde, Özbekçe,

Kumukça, Tatarca, Türkmençe ders veren, üniversitelerde bölümler kuran ilk alim olmakla birlikte, edebiyat tarihi ve nazariyesi, dilcilik üzerine 150'den fazla makale yazmıştır ki, bunun da 100'e yakını Azerbaycan Türkçesindedir. O, "boş bir yerde yüzlerle dilci ve edebiyatşinas kadrosu yetiştirdiğini, bunların arasında SSCB'de ve hariçte tanınan onlarla yüksek ihtisaslı ilim işçileri, asistanların bulunduğunu" yazmıştır.

4. Birleşik Türk Tatar Devleti kurmak uğrunda mücadelesi

Bütün bunlar hiç de sebepsiz değildi. Taşkent, Fergana ve Buhara ali mekteplerinde türkoloji şubelerinin açılmasında büyük rolü olan, Dağıstan'da, Başkırdistan'da, Tataristan'da tebliğler sunan Bekir S. Çobanzade Moskova ve Leningrad'ın ali mekteplerinde Türk dilleri, edebiyatı, tarihi dersleri vermekle türkologların hazırlanmasına çalıştı, hem de gittiği yerlerin aydınları arasında köprü rolünü oynadı. Bu seyahatlerdeki bir maksadı da Sovyetler Birliğini dağıtıp Birleşik Türk-Tatar Cumhuriyetini yaratmak isteyenleri bir araya getirmek oldu.

Sovyet hükümetinin Bekir Çobanzade gibi istidatlı elemana büyük ihtiyacı olduğu için bir müddet onun milletçi faaliyetine ne kadar "göz yumsalar" da, dikkatlerini ondan ayırmıyorlardı. Daima gizlice izledikleri, takip ettikleri alimi 1930 yılından beri matbuatta tenkit ederek yolundan döndürmeye çalışırlardı. 1931 yılında matbuatta ona karşı tenkit, tehdit ve tahkir dolu makalelerin sayısı arttı.

Bu makaleler arasında Mikayil Refilin'in, Mustafa Kuliye'ın, Osman Efendiyev'in, Mehdi Hüseyin'in yazıları özellikle, göze çarpar. Alimin sadece kendisini değil, aile fertlerini, yakınlarını da incitirlerdi. 1904 yılında doğmuş bacısı Ziliha'yı da (Züleyha'yı) sıkıştırırlardı. 18 yaşında Akmesic'teki Darülmuallimatı (kadın pedagoji mektebini), sonra ise Kırım Pedagoji İstitütununun gıyabı şubesini bitiren Ziliha'yı (Züleyha) 1933 yılında Karasubazar'daki 9 sayılı mektepte işinden çıkarırlar. Günümüze kadar ulaşabilmiş belgelerden görülüyor ki Ziliha ağabeyinden farklı olarak, mücadelesini açıkça yapmayı sevmiş ve ağabeyinin makalelerindeki bazı cümlelere bakılırsa, onu suçlamış. B. S. Çobanzade de bacısının(kızkardeşi) ithamlarına cevap olarak 1930 yılında şöyle yazmış: "Bana böyle bir makale yazmak kolay mı geldi, zan ettin? Yüreğim kanayarak yazdım. Yaptıklarımın hepsini kendi elimle silmek kolay olmadı. Lâkin makalede az da olsa kendi ilmî ve içtimâî faaliyetimden niçin vaz geçtiğimi anlatmakla birlikte, onların ileride yine de dünya yüzüne çıkaracaklarına ve benim adımla lekelemeye değil de, ebedileştirmeye hizmet edeceklerine emin olduğumu ifade ettim. Sen bunu anlamalısın, bunun için beni suçlamağa hakkın var, ama başka çarem kalmadı. Alt-üst oldum, bu daha çok devam edecek mi, bilmiyorum" [1, 11].

Arşiv belgeleri şunu gösteriyor ki, B. S. Çobanzade daima nezaret altında bulmuştu. Kendisi, bunu bildiği halde, akidesinden de dönmemiş, yolundan da çekilmemişti. 1935 yılının sonunda Moskova'dan, merkezi komiteden, Azerbaycan SSC Halk Dahili İşler Komiseri (o devirde KGB'ye de o başkanlık ederdi) Y. D. Sumbatov-Topuridze'ye B. S. Çobanzade'nin haps edilmesi hakkında talimat gelir. Y. D. Sumbatov-Topuridze ise elde yeterince delil olmadığından B. S. Çobanzade'nin hapsini uygun görmez. O devrin kaidelerinden az-çok haberdar olanlar iyi bilirler ki, Moskova'nın buyruğunu kolay kolay böyle cevaplandırılmazdı. Y. D. Sumbatov-Topuridze de Azerbaycan Kom. P. Merkez Komitesi birinci kâtibi M. C. Bağirov' la mutabık kalmadan böyle cevap vermeye cesaret edemezdi. 1920-30'lu yılların belgeleri ile tanış olduğumuzda M. C. Bağirov'un

hakimiyettekiler arasındaki tartışmalara faal bir şekilde iştirak ettiğini görürüz. O, rakiplerine karşı mücadelede millî yönlü, istidatlı aydınlardan, vatanperverlerden de maharetle istifade etmişti.

İkinci Dünya Savaşının yaklaştığını gören Sovyet hükümetinin ileri gelenleri Bekir Çobanzade gibi insanları aradan kaldırmayı planladılar. Azerbaycan'dan yeterince delil olmadığı hususunda cevap aldıktan sonra, görülüyor ki, yukarıdan, lâzım olan deliller ve talimatlar gelir. Bu deliller de B. Çobanzade'nin hariçteki antisovyet teşkilâtlarla ve SSCB merkezi kurumlarında çalışsalar da, gizli teşkilâtların üyesi olan milletçilerle münasebetleri idi. İstintaklarda bu meseleler özellikle vurgulanır.

5. Bekir S. Çobanzadenin göz altına alınması

SSCB İlimler Akademisi Azerbaycan Şubesindeki vazifesinden ve tahsil müesseselerinden uzaklaştırılan B. S. Çobanzade takip ve tazyiklerden, muvakkaten de olsa, uzaklaşmak isteğiyle, Azerbaycan Opera ve Bale Tiyatrosunun solisti olan hanımı Rukiye Kerey (Girey) ile birlikte Kislovodsk'taki "Gornyak" ("Maden işçisi") sanatoryumuna gider. Lâkin onun istirahatı uzun sürmez. 1937 yılının 26 Ocağında Azerbaycan SSC Halk Dahili İşler Komiserliği Devlet Güvenlik İdaresinin 4'cü şubesine bağlı 4'cü bölümünün reis muavini, güvenlik teğmeni Şer'in hazırladığı belgede şunlar belirtilir: "1893 yıl doğumlu, Simferopol'lu, Kırım tatarı, SSCB vatandaşı, parti üyesi olmayan, dilci, 1924 yılından beri Bakü'de yaşayan, Azerbaycan Pedagoji İstitütunda ve Azerbaycan Devlet Ünversitesinde dil ve edebiyat kürsüsünün başkanı, önemli pantürkist şahıs, Kırım Millî Fırkansının eski kâtibi, Kırım Kurultayının üyesi Bekir Çobanzade 1926 yılından beri Millî Fırka namına Müsavat Partisinin Merkezi Komitesi ile görüşmelerde bulunduğu (sanık Memmedhesen Baharlı'nın ifadesi), aksi-inkilâpçılarla (Yakub Zeki, Şirinski v. b.) aksi-inkilâbî, faşist ve zararlı işler yaptıklarına, Ruhulla Ahundov'la parti ve sovyet hükümeti aleyhine blokda trotskiçi teşkilâtle birlikte çalışma konusunda danıştıklarına, eserlerinde ve tebliğlerinde aksi-inkilâbî, milletçi fikirler yaydığına binaen Azerbaycan SSC Cinayet mecellesinin 72-73'üncü maddelerine göre sorğulamaya celb edilsin" [4, 89].

Bir yıl evvel B. S. Çobanzade'yi hapsedmek için yeterince delil olmadığını yazan Y. D. Sumbatov-Topuridze bu defa merkezin buyruğunu yerine getirerek tutuklama kararını imzalar. Karar Bakü'de hazırlandıktan iki gün sonra, yani 1937 yılın 28 Ocağında B. S. Çobanzade Kislovodsk'daki "Gornyak" sanatoryumunda tutuklanarak Pyatigorsk hapisanesine, oradan da Bakü'ye getirilir. İstintak materyallerinde onun Bakü'ye ne vakit getirildiği gösterilmemiş.

KGB mensupları Şer ve Ohanesov'un 7 Şubatta başladıkları sorğulama üç gün sürer. İstintak materyallerinden belli olur ki, Azerbaycan'daki içtimaî-siyasî vaziyetten pek o kadar haberdar olmayan, hatta adamların adlarını, soy adlarını, meşgul oldukları vazifeleri bile doğru düzgün bilmeyen müstantiklerin elinde B. S. Çobanzade hakkında geniş bilgi var. İlk istintakta B. S. Çobanzade, üye olduğu gizli teşkilâtlarının faaliyeti ve başkanlık ettiği gruplar hakkında geniş bilgi verir. İstintak materyalleri ile yakından tanış olan filoloji ilimler doktoru, profesör Adil Babayev şunları yazar: "Birinci sorğulamada onu "başa salırlar" ("*inandırırılar*" – S.O.) ki, her şeyi anlatırsa salıvereceklerdir. Filologlar sadelövh (*saf insan*), her şeye inanıveren insan olur. Ona göre de o, müstantiğin tuzağına düşüverir." [3, 84].

Engin bir dünya görüşüne sahip, Avrupa'nın birçok ülkesinde belli aralıklarla yaşamış, onların özel hizmet organlarının sorgu suallerine cevap vermiş, gizli ve siyasi teşkilâtların içinde bulunmuş bir profesörün böyle saf olabileceği inandırıcı görünmüyor. Bizce o, istintaka verdiği cevapla müstantiklere yalnız açıkça meydan okumuş olmaz, faaliyetlerinin tarihini de yazardı. Bu kanaate gelmemiz hiç de tesadüfi değil. 1930'lu yılların istintak materyallerinde müstantiklere meydan okuyan, cemiyetin noksanlarını belirten mert kişilerin cevaplarına az rast gelmemiştik.

B. S. Çobanzade'yi genelde 2 veya 3 müstantik aynı anda sorgulamış. Bu sorgulamaların 11'i 3-er gün sürmüştü. Herhalde istintaka celp olunan, gizli teşkilâta oldukça mühim bir şahıs sayıldığından 17-20, 23-25 Nisan ve 7 Mayıs'taki sorgulamalarda Halk İç İşler Komiserinin muavini Gerasimov da istinake katılmış. Genellikle B. S. Çobanzade'nin sorgulanmasında o devirde gaddarlıkları ile nam salmış Kirkoryan, Ohanesov, Zıkov iştirak etmiş. 1937 yılının 16 Şubatından aynı yılın Ekim ayına kadar Bekir Çobanzade'nin 57 defa uzun ve işkenceli sorgulanması olmuş. Neticesinde 1021 sahifelik bir suçlama dosyası hazırlanmış.

İstintaktan anlaşılıyor ki, gizli teşkilât Azerbaycan'da beş grup şeklinde faaliyet göstermiş. Bu gruplardan ikisine Bekir Çobanzade başkanlık etmiş. Gizli antisovyet teşkilâtının Moskova'da, Leningrad'da, Samara'da, Astrahan'da, Saratov'da, Ulyanovsk'da, Orenburg'da, Donbas'ta ve Sibirya'da şubeleri olmuş. Teşkilâta Rusya Federasyonu Halk Komiserler Şurası başkanının muavini Rıskulov¹, Rusya Federasyonu Merkezi İcra Komitesinin eski kâtibi Sencer İsfendiyarov², Rusya Federasyonu Halk Maarif Komiseri Yumankulov³, Özbekistan Kom. Partisi Merkez Komitesi kâtibi Rahimbayov⁴, Kırım Muht. SSC Halk Komiserler Şurasının başkanı Şuku Emirasan, Dağıstan Muht.SSC Halk Maarif Komiseri Taho Kodi, Karaçay-Çerkez Muht. SSC Merkezi İcra Komitesinin başkanı Ömer Aliyev, Azerbaycan SSC Merkezi İcra Komitesinin başkanı Soltanmecid Efendiyev, Zakafkaziya (*Transkafkasya*) Sovyet Federatif Sosyalist Cumhuriyeti Halk Torpak Komiseri Dadaş Bünyadzade, Azerbaycan SSC Halk Maarif Komiseri Mustafa Kuliyeve, Azerbaycan Kom. (bolş.) P. Merkezi komitesinin eski kâtibi Ruhulla Ahundov v.b. önderlik eden parti ve sovyet devleti adamları da dahil imiş [4, 92-93].

¹ Burada sözü edilen kişi milliyeti kazak, 1920 yılında Türkistan Merkezi İcra Komitesinin başkanı, 1921-22 yıllarında Rusya Federasyonu Halk Komiserler Sovyeti başkanının millî meseleler konularında muavini olan, 1938 yılının 10 şubatında, 43 yaşında kurşuna dizilen Turar Rıskulov'dur.

² Burada sözü edilen kişi milliyeti kazak, Almatı Tıp Üniversitesinin kurucusu ve ilk rektörü, 1920-21 yıllarında Türkistan SSC'nin Sağlık ve Yer-Su İşleri Bakanı, Türkistan Komünist Partisinin baş kâtibi, 1927-28 yıllarında Moskova'daki "N. Narimanov –Şarkınaslık İnstitutunun rektörü, 1931-32 yıllarında Kazakistan SSC Sağlık Bakanı v.b. vazifelerde çalışmış, 1938 yılının 25 şubatında kurşuna dizilmiş Asfandiyar Sanjar'dır.

³ Burada sözü edilen kişi milliyeti başkır, 1917 yılındaki Başkır vilayet şurasının ve Başkır hükümetinin üyesi, 1919 yıllarında Müvekketi Başkır Harbi İnkilabi Komitenin başkanı, "İrek" Başkır Milli Partisinin başkanı, 1921-31 yıllarında Ümumittifak Merkezi İçraye Komitesinde Başkır SSC'nin daimi üyesi ve b. görevlerde çalışmış, 1937 yılında Tutuklanmış Haris Yumakulov'dur.

⁴ Burada sözü edilen kişi milliyeti özbek, 1920 yılında Türkistan MSSC Merkez İcra Komitesinin başkanı, 1934-1937 yıllarında Tacikistan SSC Halk Komiserler Sovyetinin başkanı v.b. vazifelerde çalışmış, 1938 yılının 7 Mayıs'da 42 yaşında kurşuna dizilmiş Abdolla Rahimbayev'dir.

Sorgulanmalarda onların faaliyet programları hakkında yetecek kadar bilgiye rast gelinir. Meselâ, Azerbaycan SSC Halk İç İşleri Komiserinin muavini Gerasimov başkanlığında yapılan sorgulamada B. Çobanzade Sovyet hükümetine karşı isyanın başlamasının üç varyantından, “1. İsyani dağ rayonlarından (Destafur’da, Gedebe’de, Kelbecer’de v.b.) başlanması. (1930’lu yıllarda bu rayonlarda başlamış isyan ilk merhalede başarı kazanmışsa da ordunun gücü ile, gaddarlıkla bastırılmıştır. – A. Ş.) 2. İsyana İran ve Türkiye ile serhad rayonlardan başlanması. Çünkü oradan hem silâh alınmalı, hem de eşkıya çeteleri şeklinde adamlar yardıma gelmeli idi, 3. İsyani Bakü’nün kendisinde başlanması. Çünkü teşkilâtın hesabına göre, Bakü’yü ele geçirmek bütün Azerbaycan’ ele geçirmek demektir.” [4, 92].

Haziranın 25’indeki sorgulamada ise isyan zamanı Azerbaycan Kom.(bolş.) P. Merk. K-nin birinci kâtibi M. C. Bağirov’u aradan kaldırmak, hakimiyet başına 1891 yılında Gedebe rayonunun Karabulak köyünde dünyaya gelmiş, 1920 yılının 28 Nisanında Bakü şehir ve Kaza Halk Milisi İdaresinin reisi, Moskova’da Halk Milli İşler Komiserliğinde şube müdürü, Azerbaycan SSC Halk İçişleri Komiserinin muavini, Azerbaycan Kom.(bolş.) P. Laçin Kaza Komitesinin kâtibi, Azerb. SSC Merk. İcra Kom.-nin kâtibi, halk içtimaî güvenlik komiseri, Sanayi Şurası İdare Heyetinin başkanı (**ASE, 1987:288, X cild**) vazifelerinde çalışmış Rehim Memmedcefer oğlu Hüseyinov’u getirmek planlandığı anlatılıyor [4, 92-93].

İstintak materyallerinden anlaşılıyor ki, gizli milletçi teşkilâtın üyeleri ülkedeki rejimden memnun olmayan gruplaşmalarla, hatta Trotskici-Zinonyevci gruplaşmalarla da ilişki kurmağa çalışmış, onlarla birlikte harekete geçmenin yollarını müzakere etmişler.

Bir birinden habersiz, ayrı ayrı olarak sorgulanan gizli teşkilât üyelerinin verdiği ifadeler B. S. Çobanzade’nin söyledikleri ile çakışmaktadır.

Uzun yıllar Azerbaycan Millî Güvenlik Bakanlığının arşivlerinde çalışmış, oradan elde ettiği materyallara dayanarak 10-dan ziyade kitap yazmış, filoloji ilimleri doktoru unvanını almış Celal Kasımov Azerbaycan Millî Güvenlik Bakanı general-leytenant Namık Abbasov’un baş denetçiliğinde hazırlanan “Repressiyadan deportasyaya doğru” kitabında (Kasımov Celal, 1998) şöyle der: “...bazı müellifler (sovyet devrinde repressiyaya - *zulme* maruz kalmış ilim adamlarından ve içtimaî-siyasî hadimlerden makaleler ve kitaplar yazan müellifler kasd edilir – A.Ş.) herhangi bir şahsiyet hakkında makale veya inceleme yazısı yazarken tez-tez “güya antisovyet propagandası yapıp”, “güya sovyet hükümetini sevmeyip”, “güya pantürkist olup”, “güya panislamist olup”, “güya milletçi olup”, “güya...” gibi ifadeler kullanır ve bununla da “günahsız hükümlü” portresi yaratmağa çalışırlar. Aslında ise bu günahsız hükümlülerin büyük ekseriyetinin günahı olmuştur. Aynı günahlar bugünkü nesle örnek olabilecek, iftihar edilebilecek, gururlanılacak günahlardır ve onları perdelemek tarihi tahrif etmekten başka bir şey değildir. Böyle ifadelerin kullanılması sovyet devrinde makbul sayılsa da, bugün çok şaşırtıcı gelir. Elbette, biz repressiyaya maruz kalanların hepsini fark gözetmeden, müstakil Azerbaycan uğrunda mücadele etmiş olarak da takdim etmek istemeyiz.

...Bolşevikler tarafından “Aksi-inkilâbî milletçi teşkilât”ın üyeleri olarak adlandırılanların yürüttüğü siyasete karşı itiraz edenlerdi. “Aksi-inkilâbî milletçi teşkilât” derken sovyet hükümeti müsavatchıları, ittihatçıları, turancıları, tek kelimeyle millî kurtuluş uğrunda mücadeleye katılanları göz önünde bulundurdu.

Arşiv materyalleri adlarını bugün de “güya” ibaresi ile kullandığımız teşkilâtların gerçek mevcudiyetlerini ortaya koyar. Aynı zamanda muhacerette yaşayan azerbaycanlı mütefekkirler de bolşeviklere karşı gizli teşkilâtların faaliyetini inkâr etmezler” [6, 70-71].

Martın 3-5 günlerindeki istintakta müstantiğin “Siz mücadele derken ne düşünürsünüz?” sualine B. S. Çobanzade: “Bence birincisi, Tataristan, Özbekistan, Türkmenistan, Kırım, Kazahistan ve Azerbaycan aksi-inkılâpçıların faaliyetini irtibatlandırıp tek merkezden idare etmek, ikincisi emigratsiyada (*diasporada*) olan pantürkist ruh halindeki dairelerle ilişki kurmak. Bu cihetten ben C.Seydahmetov ve prof. Köprülüzade’ye ümid bağladım” cevabını vermiştir. Müstantiğin “Bu tedbirleri hayata geçirmek için siz ne yapmıştınız? sualine ise Bakü’de meydana getirdikleri 5 aksi-inkilâbçı gruptan ve bu grubun üyelerinin faaliyetinden söz açar [3, 85-86].

Bekir S. Çobanzade 100’den fazla kırımlı talebenin Bakü’de okumasını sağlamıştı. Onların hepsi aynı dünya görüşünü paylaşan kimseler değildi. Biz Bekir S. Çobanzade’nin izahatından onların Kırımlı milletçi talebeler olduklarını çıkarabiliriz. Bekir S. Çobanzade’nin önderi olduğu ikinci grup, yani Kırımlılar grubuna Zeki Yakub, Kürkçü Hüseyin, Akimova Asiye, Toplu Osman, Ametov İsmayıl, Rifatov Reşid, Enan Abdürrehman, Refatov Asan, Tanabeyli Akmolla, Gekarbayev Osman, Tarki Zeki, Bayasanov Bilal, Bayasanov Osman, Kasımov Tofik, Şeyhamirov Osman, Celilov Receb, Hacı oğlu Mehemed, Yurkçi Ömer dahil idi [3, 85-86].

KGB arşivinde araştırma yaparken gördüğüm en büyük istintak materyalı Bekir S. Çobanzade’nindir. Yani 1021 sahifelik bir istintak materyalıdır. Bu istintak materyalı bir daha onu gösterir ki, 1960- 80’li yıllarda söylendiği ve yazıldığı gibi, Bekir S. Çobanzade “hiç sebepsiz yere”, “birilerinin yüzüne karşı konuşmasından”, birilerinin ona “iftira etmesinden” hapse atılıp kurşuna dizilmiş değildir. Onu böyle müdafaa etmek aslında Bekir S. Çobanzade’yi ve meslektaşlarını millet ve vatan karşısındaki büyük işlerini küçültmeye hizmet etmek demektir.

Bekir S. Çobanzade ve SSCB’nin esareti altında olan halkların yüzlerce milletsever evladı Sovyetler Birliği’ni dağıtarak Birleşik Türk-Tatar devleti kurmağa çalışmışlardır.

Büyük alim, coşkun Türkçü, esarete olan Türklerin kurtuluşu için çalışan Bekir S. Çobanzade’yi 1937 yılının 12 Ekiminde arkadaşları ile birlikte kurşuna dizdiler.

Sonuç. Zaman Bekir S. Çobanzade ve arkadaşlarının doğru yolda olduğunu ispatladı. Sovyetler Birliği dağıldı, esarete olan halkların bazıları kurtularak öz müstakil devletlerini kurdular. Azerbaycan’da Bekir Çobanzade’nin “Seçilmiş eserleri”nin 5 cildinin her biri 25 bin tirajla bastırılarak cumhuriyetin kütüphanelerine dağıtıldı. Beş ciltlik takıma oldukça akıcı ve dolgun önsöz yazan Memmed Adilov der ki, müellifin ana dilinde yazdığı ve başkaları tarafından rus diline tercüme edilerek neşr edilmiş bazı makalelerini, üslup hataları ile dolu olduğundan, şimdilik bu baskıya dahil edilmesini uygun görmemiştir [1, 13].

Bekir Çobanzade’nin vatani Kırım ise hâlâ da buruntular içindedir.

Kaynaklar

1. Adilov M. Ön söz. Bekir Çobanzade : Seçilmiş eserleri / Adilov Memmed. - Bakü: Şark-Garb neşriyyatı, 2007.
2. Babayev A. Bekir Çobanzade / Babayev Adil. - Bakü, 1998.

**BİRLEŞİK TÜRK-TATAR DEVLETİ YARATMAK UĞRUNDA ŞEHİT OLAN
BEKİR SITKI ÇOBANZADE**

3. Babayev A. Elimizin ve elmimizin soykırımı : I kitab / Babayev Adil. -Bakü : Bakü Universiteti neşriyyatı, 2003.
4. Bünyadov Z. Kırmızı terror / Bünyadov Ziya.- Bakü : Azereşir, 1993
5. Fazıl R. Kırım tatar Edebiyatının Tarihi : Kısa bir nazar / Fazıl Rıza, Nagayev Safter .-Akmescit, 2001.
6. Kasımov C. Repressiyadan deportasiyaya doğru / Kasımov Celal.- Bakü: Mütercim neşriyyatı, 1998.
7. Kahramanlı N. Karasubazardan olan professor / Kahramanlı Nazif.- Bakü, 1994
8. Otar İ. Kırımlı Türk şairi ve bilgini Bekir Sıdkı Çobanzade / Otar İsmail.- İstanbul: Lebib Yalkın yayımları ve basım işleri A.Ş., 1999.

Али Шамиль. Бекир Сыткы Чобан-Заде как герой, погибший за создание Объединенного Турецко-татарского государства / Али Шамиль // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 79-87.

После распада Советского Союза о Бекире Чобан-Заде было написано десятки статей, книг, опубликованы его произведения. В рассматриваемой статье мы проводим исследование его научно-педагогической деятельности.

Ключевые слова: Бекир С. Чобан-Заде, Крым, Азербайджан, Объединенное Турецко-татарское государство.

Алі Шаміль. Бекір Ситкы Чобан-Заде як герой, загиблій за створення Об'єднаної Турецько-татарської держави / Алі Шаміль // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 79-87.

Після розпаду Радянського Союзу про Бекір Чобан-заде було написано десятки статей, книг, опубліковані його твори. У даній статті ми проводимо дослідження його науково-педагогічної діяльності.

Ключові слова: Бекір С. Чобан-Заде, Крим, Азербайджан, Об'єднана Турецько-татарська держава.

Ali Shamil. Bekir Sytky Choban-Zadeh as a hero who died for the establishment of the United state of Turkish-Tatar / Ali Shamil // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 79-87.

After the collapse of the Soviet Union's Bekir Choban-Zadeh was written dozens of articles, books, published his works. In our article, we study its scientific and educational activities.

Key words: Bekir S. Choban-Zadeh, Crimea, Azerbaijan, United Turkish-Tatars state.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 821.512

КЪЫРЫМТАТАР ЭДЕБИЯТЫНДА II ДЖИАН ДЖЕНКИ МЕВЗУСЫНЫНЪ АЙДЫНЛАТЫЛУВЫ

Куртумеров Э.Э.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: enverkurtumer@mail.ru*

Ильмий ишимизинъ актуаллиги. Чокъ йылар девамында Экинджи Джиан дженкинен багълы базы мевзулар акъкъында ачыкъ язмагъа изин берильмей эди. Дженек мевзусында яратылгъан эсерлерде языджыларнынъ белли бир сынъырдан тышкъа чыкъмалары ясакълангъан эди. Тек 1985 сенеси КПСС Меркезий Комитетининъ апрель Пленумы къарарлары ве КПССнинъ 27 съезди къарарлары нетидже-синде ашкъарелик деври башланды. Советлер мемлекети тарихынынъ «акъ лекелер»и акъкъында язмагъа изин берильди, эвельде адлары ве эсерлери ясакъ олгъан эдип-лернинъ эсерлерини огренмеге имкян догъды.

Ильий ишимизининъ макъсады къырымтатар совет эдебиятында ве иджретте-ки эдебиятымызда дженк мевзусыны айдынлаткъан эсерлерни къиясий талиль этюв ве оларгъа къыймет кесювден ибареттир.

Котерильген проблеманынъ огренилюв дереджеси. Шимдики девирде Совет-лер мемлекетинде иджат эткен языджыларнынъ дженк мевзусында язгъан эсерлери эдебиятшынаслар тарафындан етерли огренильди. Амма иджретте яшаап иджат эт-кен языджыларнынъ дженк мевзусыны айдынлаткъан эсерлери етерли талиль эти-льмеди.

Совет эдиплери ичюн II Джиан дженки (Улу Ватан Дженки) мевзусына мура-джат этюв меселеси гъает буюк месулиетни ве джевапкъарлыкъны талап эткен бир иш эди. Чюнки дженк мевзусынен багълы бир сыра вакъиалар акъкъында язув яса-кълангъан эди. Бу себептен дженк мевзусында яратылгъан эсерлер Коммунист Пар-тиясынынъ къатты незарети алтында булуна эдилер.

Фикримизининъ делили оларакъ А. Фадеевнинъ «Яш гвардия» («Молодая гвар-дия») романынынъ язылув тарихыны мисаль оларакъ кетирмек мумкюн.

1943 сенеси язда Краснодон шеэри алманлардан темизленген сонъ, шеэрде ду-шмангъа къаршы фаалиет косьтерген «Яш гвардия» гизли тешкилятнынъ къараман-лыгъы акъкъындаки хабер бутюн мемлекетке даркъала. Бу тешкилятнынъ фаалиети КПСС Меркезий Комитетинде музакере этиле. Музакерде Сталин Совет халкъыны рухландырмакъ макъсадында «Яш гвардия» тешкилятынынъ къараманлыгъы акъ-къында аджеле бир эсер язылмасыны теклиф эте ве бу теклиф Совет Языджылары Бирлигине авале этиле. Языджылар Бирлиги бойле месулиетли вазифени о девирде языджылар арасында буюк урьмети олгъан А.Фадеевге авале эте. О, бойле вазифе-нинъ не дереджеде месулиетли олгъаныны анылагъан олса керек, башта разы олмай. Амма сонърадан разы ола (бельки де меджбур ола). Языджы аджеле Краснодон ше-эрини келе. Бу ерде бир къач ай девамында къалып, «Яш гвардия» тешкиляты азала-рынынъ сой-акърабаларынен, оларны якъындан таныгъан кимселернен корюше,

эсер ичюн зарур олгъан малюматларны топлай. Языджы шу сенеси «Яш гвардия» романыны язып тамамлай. Бу акъкъында Сталинге хабер бериле. О, романны шахсен кендиси окъуп чыкъа ве Фадеевнен корюшип, озь фикирлерини бильдирер экен шойле дей: «Фадеев аркъадаш! Романынъызны окъуп чыкътым. Сизинъ «Яш гвардия»джыларынъыз гъает акъкъылы чыкъкъанлар. Насыл ола да, бойле къараманлыкъны Коммунист Партиясы баш олмадан япмакъ мумкюн олсун?» дей. Сталиннинъ демек истегенини дуйгъан Фадеев аджеле Краснодаргъа келе ве шеэр партия комитетининъ фаалиетини огрене.

1946 сенеси «Яш гвардия» романы айры китап шеклинде нешир олуна. Табий оларакъ, языджы бу кереси романда «Яш гвардия»джыларнынъ фаалиетини коммунист партиясынынъ рехберлиги алтында тасвирлеген эди.

Совет эдебиятында дженк мевзусында яратылгъан ильк эсерлерге дикъкъат этер экенмиз, оларнынъ эсасен назм эсерлер олгъаныны коремиз («Мукъаддес дженк» («Священная война». В.Лебедев-Кумач); «Мени бекле» («Жди меня»). К.Симонов.), поэма («Василий Теркин». А.Твардовский; «Зоя». М.Алигер). Дженк мевзусында яратылгъан ильк роман М.Шолоховнынъ «Олар Ватан ичюн дженкештилер» («Они сражались за Родину») (1943с.) эсеридир.

1946-1947 сенелери дженкте иштирак эткен эдиплер тарафындан дженкнинъ фаджиалы вакъиаларында «адий инсаннынъ» ролюни косьтерген «Ёлдашлар» («Спутники») В.Панова.), «Темиз виджданлы инсанлар» («Люди с чистой совестью») (П. Вершигора), «Акъкъый инсан акъкъында повесть» («Повесть о настоящем человеке») (Б.Полевой.), «Ёл четиндеки эв» («Дом у дороги») (А.Твардовский.) киби эсерлер нешир олуна.

1959-1960 сенелери К.Симоновнынъ совет эдебиятынынъ янъы саифелери сайылгъан, дженк фаджиаларынынъ себеплерини косьтерген «Тирилер ве олюлер» («Живые и мертвые») романы нешир олуна. Айны шу сенелери джебеде иштирак эткен яш языджылардан (тенкъитчилер тарафындан «лейтенантлар эдебияты» адыны алгъан) Ю.Бондеревнинъ «Батальонлар атеш ачмагъа изин сорайлар» («Батальоны просят огня»), «Сонъки атышмалар» («Последние залпы»), Г. Баклановнынъ «Бир къарыш топракъ» («Пядь земли») киби эсерлери нешир этилелер. Тенкъитчилер тарафындан «окоплардаки акъкъатлар»нынъ ачыкъ-айдын тасвирленмеси акъкъындаки фикирлер бильдирильмеге башлай.

Гъалебенинъ 20 йыллыгъы арфесинде дженк мейданындаки вакъиаларнынъ кешиш эпик полотносыны Л.Толстойнынъ анъанелерине таянгъан алда тасвирлеген (С. Смирнов), дженкнинъ белли олмагъан саифелерини весикъалы тарзда айдынлаткъан, энъ фаджиалы вакъытларда биле дженкчилернинъ юксек дуйгъуларыны романтик шекильде ифаде эткен (В. Быков.) эсерлер яратыла.

Юкъарыда адлары анъылгъан эсерлерде тасвирленген вакъиалар не дереджеде акъкъатларгъа эсаслангъан. Бу суальге Александр Фадеевнинъ 1954 сенеси отъкерильген совет языджыларынынъ Экинджи Бутюнсоюз съездинде япкъан чыкъышындаки шу сёзлери джевап ола биле: «Гъарп языджылары совет языджыларыны коммунист партиясынынъ корьгезмелери эсасында эсерлер яраталар деп тенкъит этелер. Ёкъ, бизлер къальплеримизнинъ корьгезмелерине коре эсерлер яратамыз, амма бизим къальплеримиз коммунист партиясына айттир», -деген эди. Советлер

девринде Фадеевнинъ бу сёзлери совет эдиплерининъ шиары оларакъ къабул этильген эди.

Дженк мевзусы кырымтатар совет эдебиятында насыл тасвирленди. Кырымтатар эдиплери ичюн дженк мевзусына мураджат этмек меселеси даа чокъ месулетни ве джевапкъарлыкъны талап эте эди (Бунынъ себеплери эр кеске белли). Бу себептен кырымтатар совет эдебиятында дженк мевзусында яратылгъан эсерлер эса-сен весикъавий эсерлердир.

Бойле эсерлерге мисаль оларакъ Джавдет Аметовнынъ яш композитор Абибулла Къаврийнинъ дженкявер куреши ве фаджиалы эляк олувыны реалистик шекильде тасвирленген «Къуршуннен токътатылгъан йыр» повестини, Джавдет Аметов ве Энвер Арифовнынъ «Абдул Тейфукъ» адлы весикъалы повестини (1987 с.), Эшреф Шемъи-заденинъ «Алиме» поэмасыны, Риза Фазыл ве Лютфие Софунунъ «Аметханнынъ йылдызы» адлы весикъалы повестини, Аблязиз Веливнинъ «Байракъкъа тамгъан козьяшлар» весикъалы повестини кетирмек мумкюн.

Булардан гъайры Кырымда кырымтатар партизан арекети ве гизли арекет фааилетлерини тасвирлеген Рустем Алининъ «Сельбилер эбедий яшайлар» повести, Рустем Муединнинъ «Мудхиш куньлерде» повести ве «Сёнген йылдызлар» пьесасы да дженк мевзусында язылгъан эсерлердир.

1988 сенеси Айдер Османнынъ «Тутушув» повести дюнья юзю коръди. Бойле бакъкъанда, повесть ашкъарелик йылларында язылды. Бу девирде энди эр бир яызджы къальбининъ эмир эткени киби язмасы мумкюн эди. Повесттеки вакъиалар эса-сен кечкен асырнынъ 30-ынджы сенелери ве дженктен сонъки йылларда олып кече. Амма яызджы озь къараманларынынъ дженктеки ишитраки акъкында ич бир шей язмай. Баш къараман Юсуфнынъ дженкке кеткени ве анда сакъатланып къайткъаны акъкында къыскадан токъталып кече. Яызджы озь повестинде дженк мевзусыны кениш айдынлаткъан олса эди, эсер роман дереджесине чыкъмасы мумкюн эди. Ве бойле япылгъан олса эди, ич шубе ёкъ ки, эдебиятымызда ильк кере халкъымызнынъ джебедеки иштиракени тасвирлеген бир роман пейда олур эди.

Дженк мевзусы иджреттеки эдебиятымызда насыл тасвирленди? Бу суальге Джынъгъыз Дагъджынынъ «Къоркъунч йыллар» романы эсасында джевап бермеге арекет этейик.

Белли олгъаны киби, Джынъгъыз Дагъджы Совет Ордусында лейтенант рутбесинен дженкте иштирак этти. 1941 сенеси онынъ взводы немсе ве совет ордуларынынъ къаршылыкълы топ атешлери арасында къала. Аскерлернинъ бир къысмы эляк ола. Сагъ къалгъанлары алманларгъа эсир тюше. Олар арасында Джынъгъыз Дагъджыда бар эди. Эсирликнинъ бутюн фаджиаларыны башындан кечире. 1956 сенеси Дж. Дагъджы озюнинъ «Къоркъунч йыллар» романыны яза. Роман дженкнинъ ве эсирликнинъ къоркъунчлы фаджиаларына багъышлангъан бир эсердир. Романнен таныш олур экенмиз дженкнинъ ве эсирликнинъ бутюн фаджиалары козь огюмизден кече. Романда тасвирленген вакъиаларнынъ бизлер окъугъан ве бильген совет яызджыларынынъ дженк ве эсирлик мевзусында язгъан эсерлеринден гъает фаркъ эткенининъ шааты оламыз. Бу фаркъ акъкында романны неширге азырлагъан Тюркиели яызджы Яшар Недим «Бир къач сёз» серлевалы кириш макъалесинде шойле яза: Бу «девлер» (Германия ве Советлер Бирлиги назарда тутула. Э. Къ.)

дженки акъкъында барыштан сонъ язылган эсерлернинъ энъ эйилерини окъугъан эдим. Амма ич биринде о дешет саналарыны бу дередже джанлы оларакъ берген саифелерге раст кельмегенимни итираф этмек меджбуриетиндейим. Бунунъ устоне эсернинъ бир башкъа устюнлиги даа бар эди: Артында кенди халкъыны, юртуны душман чызмалары алтында къалдырган бир тюркнинъ дуйгъуларыны акс эттирювидир. Етерли къадар къоркъунч бир фаджианынъ ичинде даа бетер бир фаджиа ер алган эди...

Бу дередже яшанган, бу дередже дуюларакъ язылган бир фаджианы инсаннынъ туйлери титремеден окъумасы, сонъунда медениет ады алтында ишленген джинаетлерни лянетнен анъмамасы имкъансыздыр...».

Дженк девринде Совет Ордусы буюк гъайыплар корьгени акъкъында ве бойле гъайыпларны базан Совет къуманданлагъы душманны алдатмакъ ичюн махсус япкъаны акъкъында тек ашкъарелик деп адландырылган девирде язмакъ ве айтмакъ мумкюн олды. Амма Джынъгъыз Дагъджынынъ «Къоркъунч йыллар» романы бундан истина. Къуманданлыкъ Сулейманнынъ взводыны орман четиндеки тепеликке ёллай. О бу ерде озь топларынен душмангъа къаршы атеш ачмасы керек эди. Комиссар Шишковнен Садыкъ арасында олып кечкен субеттен Сулейманнынъ взводы о тепеликке махсус ёлланылгъаны белли ола.

Шишков: - Эйи бакъ! Сулейман атеш ачаджакъ.

Садыкъ: - Ялынъыз Сулейманмы?

Шишков: - Ялынъыз Сулейманнынъ топлары...

Садыкъ: - Я Красное бахчаларында ерлешкен топлар?

Шишков: - Макъсат душманнынъ бутюн атешини Сулейманнынъ узерине топламакъ ве бойлеликле, бизим пияде болюклерине орманнынъ огюндеки тепеликлерни ишгъаль этмек фырсаатыны бермек...»

Белли олгъаны киби совет эдебиятында совет аскери образы енъильмез Совет Ордусыны темсиль эткен бир образ сайыла эди. Бу себептен совет аскери эр вакъыт менфий чизгилерден узакъ, ялынъыз мусбет чизгилерни ташыган бир образ оларакъ яратылды. Даа якъынларда, 1989 СССР халкъ депутатларынынъ 1 съездинде академик Сахаров Афгъанстандаки дженкте совет аскерлери тынч эалиге къаршы атеш ачгъаныны тенкъит эткен эди. Хатырынъызда олса, эксериет делегатлар оны динълемеге биле истемеген, аякъларынен залнынъ табаныны теперек, озь наризалькъларыны бильдирген эдилер. Сёзге чыкъкъанлар делегатлар: «Сиз Совет аскери деген мукъкъаддес намгъа ифтира япасынъыз»- деген эдилер. Айны бунунъ киби совет эдебиятында да Икинджи Джиан дженкинде иштирак эткен Совет аскери де «мукъаддес» образ оларакъ косътерильмеси керек эди ве косътерильди.

Амма дженкте эр шей олмасы мумкюн. Джесюрликнен берабер къоркъакълыкъ, къараманлыкънен берабер хаинлик... Олар эр вакъыт бири-бирини такъиб этелер. Менимдже, бу табиий бир ал.

Романнен таныш олур экенмиз, дженк акъикъятларынынъ шааты оламыз. Садыкъ Сулейманнынъ взводундан хабер алмакъ ичюн кетер экен, тепеликте Кылычбайны раст кетире. Кылычбай Сулейманнынъ душман тарафына кечмек истеген аскерлер тарфындан атып ольдюрильгенини айта.

Романда эсирлик фаджиалары да гъаёт аджыныкълы тасвирлене. Совет эдебиятында тасвирленген совет эсирлеринен (М. Шолоховнынъ «Инсан такъдири» («Судьба человека»)) эсерини хатырлайыкъ) романдаки совет аскери арасында ернен кок къадар фаркъ олгъаныны дуймакъ мумкюн. Эсирлер бир тилим отъмек ичюн бири-бирлеринен айван киби котеклешмеге азыр эдилер. Языджы эсирлер арасында олып кечкен гъайры инсаний мунасебетлерни гизлемейип, олгъаны киби язгъанына ич шубе ёкъ. Чюнки алман аскерлерининъ эсирлерге къылынувлары, ачлыкъ, инсан чыдамайджакъ дереджеде агъыр шараит ве ниаёт, олюм къоркъусы инсанларнынъ рухтен тюшмелерине, инсанийлик дуйгъуларынынъ гъайып олмасына себеп ола эди. Акъыкъатта, бойле агъыр вазиятте инсаннынъ къараманлыкъ, ватанперверлик акъкъында тюшюнемеси мумкюн дегиль. Языджы романда бу акъыкъатларны шойле тасвирлей:

« Эсирлерни къорчалагъан алман аскери махсус сигар ичмекте. Буны корьген эсирлер тикенли теллер артындан дикъкъатнен козетмектелер. Шу ан алман ичкен сигарыны эсирлернинъ аякълары астына атты. Эсирлер вахший айванлар киби ерге атыларакъ, ярым сигара ичюн къоркъунч сеслер ве инъильтилернен богъуштылар. Эсирлер ерде богъушыр экен, алман бир къачына сопасыны япыштырды. Эсирлер аякъкъа тургъан сонъ: -Кене ат, кене ат,- деп къычыра эдилер...».

Белли олгъаны киби, дженк девринде Тюркие Алманиянынъ иттифакъчыларындан бири эди. Бу себептен алманларнынъ тюркий халкъларгъа олгъан мунасебети башкъаларына бакъкъанда фаркълы эди. Амма эсирликте эр кеснинъ вазияти айны эди. Садыкъ Туран къырымтатар олгъанына бакъмадан, эсирликнинъ бутюн фаджиаларыны башындан кечирди. Романдаки шу парчагъа дикъкъат этейик: Алман субайы Садыкъкъа бир савут шорба бере. «Ашап оламайым. Богъазыма бир шей тыкъана. Башымны саллаяракъ алмангъа ашап оламайджагъымны анълатаджакъ олам. Аман чырайы денъишти...».

Алман бир тепмейле тенекени девирип узериме атылды. Ченъеме энген къуветли бир юмрукънен ерге йыкъылдым, козьлеримде бир йылдырым янды. Догъурланмамагъа вакъыт къалмадан эриф мени аякълары алтына аларакъ тепмелемеге башлады; бурнумдан, къулакъларымдан къан кельмеге башлады; дудагъым патлады, эллерим, юзюм къан ичинде...».

Нетидже. Юкъарыда къырымтатар совет эдебиятында ве иджреттеки эдебиятымызда дженк мевзусында яратылгъан эсерлернинъ къиясий талилини япмагъа арект эттик ве шойле фикирге кельдик. Къырымтатар совет эдебиятында дженкнинъ акъыкъый юзюни косьтерген, онынъ фаджиаларыны тасвирлеген эсерлер яратылмады. Ялынъыз иджреттеки эдебиятымызда бу мевзугъа мураджат этмек мумкюн эди. Джынъгъыз Дагъджынынъ «Къоркъунч йыллар» романы исе къырымтатар эдебиятында дженк фаджиаларыны айдынлаткъан ильк романдыр.

Эдебият

1. Фазыл Р. Къырымтатар эдебиятынынъ тарихы / Риза Фазыл, Сафтер Нагаев. – Акъмесджит: Крымучпедгиз, 2001- 640 с.- ISBN 966-7283-89-5.

2. Али Р. Сельбилер эбедий яшайлар / Рустем Али. Ташкент: Гъафур Гулям адына нешрият, 1985. – 364 с.

3. Велиев А. Байракъкъа тамгъан козьяшлар / Аблязиз Велиев. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына нешрият, 1980. – 326 с.

4. Муедин Р. Ана къайгъысы /Рустем Муедин. – Акъмесджит: «Таврия» нешрият, 1995 - 207с.- ISBN 5-7780-0752-3.

5. Тимофеев Л.И. Литературасправочные материалы/Л.И. Тимофеева, С.В. Тураев. – Москва: Просвещение, 1988. – 334 с.- ISBN5-09-002953-9.

6. Фадеев А. Молодая гвардия / А. Фадеев. – Москва: Правда, 1987 – 507 с.

4. Dağcı C./ Korkunç yıllar. – İstanbul: Varlık yayın evi

Куртумеров Э.Э. Тема Второй мировой войны в произведениях крымскотатарских писателей / Э.Э. Куртумеров // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 88-94.

Многие темы о Великой Отечественной войне были закрыты для художественного исследования, а воображение авторов «не выходило за рамки дозволенного». В статье делается сравнительный анализ произведений советских писателей и писателей эмигрантов о войне.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, писатели-эмигранты, советские писатели, Вторая мировая война, художественные произведения

Куртумеров Е.Е. Тема Другої світової війни в творах кримськотатарських письменників / Е.Е. Куртумеров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 88-94.

Багато тем про Велику Вітчизняну війну були закриті для художнього дослідження, а уява авторів "не виходила за рамки дозволеного. У статті робиться порівняльний аналіз творів радянських письменників і письменників емігрантів з даного питання.

Ключові слова: кримськотатарська література, письменники-емігранти, радянські письменники, Друга світова війна, художні твори

Kurtumerov E.E. Theme of the second world war in the works of writers of the Crimean Tatar / E.E. Kurtumerov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 88-94.

Many of the topics of the Great Patriotic War were closed for artistic research and voobrazheneie authors "does not go beyond what is permitted. The article makes a comparative analysis of the works of writers and sovetksih pisteley immigrants on the issue.

Key words: Crimean Tatar literature, emigrant-writers, Soviet writers, World War II, works of art

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 821=512.145-34

**«ТЕРДЖИМАН» ГАЗЕТАСЫНЫНЪ САИФЕЛЕРИНДЕ НЕШИР
ОЛУНГЪАН И. ГАСПРИНСКИЙНИНЪ БЕДИЙ ЭСЕРЛЕРИ.
ЭСЕРЛЕРИНДЕ КОТЕРИЛЬГЕН МЕСЕЛЕЛЕР
(И. ГАСПРИНСКИЙНИНЪ «ИВАН ВЕ СУЛЕЙМАН» ИКЯЕСИ МИСАЛИНДЕ)**

Сеитваниева Г. Ю.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: seitnargul@bk.ru*

XIX асырнынъ экинджи ярысында ве XX асырнынъ башында кырымтатар тарихында айдын сыма, улу оджа ве мутефиккир Исмаил Гаспринский айры ерни тутмакъта.

Исмаил Мустафа огълу Гаспринский джиханда танылгъан, иждады, фаалиети, мирасы огренильген бир заттыр. Бугунде-бугунь чешит улъкелернинъ алимлири Исмаил Гаспринскийнинъ эдебий мирасыны, тарихий эмиетини, сиясетте ролюни ве тасиль, талим саасында кечирген ислятларыны огренип кельмектелер [1; 2; 3; 4]. Сонъки йыллар девамында о акъкъында кыйметли малъземелер дюнья юзю коръди, онъларнен макъале ве китаплар нешир олунды. Мында, Сеитгъазы Гъафаровны «Исмаил Гаспринский - великий просветитель (Ферид Зиядинов тарафындан тертип этильген)» китабы, эдебиятына Исмаил Асан огълу Керимовнынъ «Гаспринскийнинъ «Джанлы» тарихы. («Терджиман» газетанынъ малъземелери /материаллары эсаында (1883 -1914 с.)), тарихчы Виктор Юрьевич Ганкевичнинъ «На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк И. Гаспринского (1851-1914), озъбек алими Зайнабидин Абдирашидовнынъ «Имаил Гаспринский и Туркистан в начале XX века (Связь - отношения – влияния)» китапларыны мисаль этип кетирмек мумкюн [5, 6, 7]. Лякин, шуны да къайд этмек керек ки, илериде япыладжакъ ишлер даа аз дегильдир.

И. Гаспринскийнинъ эдебий мирасына мураджаат этер экенмиз, марузамызынынъ серлевасына чыкъарылгъан мевзу («Терджиман» газетасынынъ саифелеринде нешир олунгъан И. Гаспринскийнинъ бедий эсерлери ве эсерлерде котерильген меселелер») узеринде айрыджа токъталмакъ истер эдик. Мезкюр мевзу, занымызда, айры дикъкъаткъа ляйыкъ. Башта бир, И. Гаспринскийнинъ бутюн эсерлери окъуйдыжылыргъа белли олмагъаны, экинждиден исе, оларнынъ эдебиятымыздаки ерини бельгилемек джеэтинден меракълы олгъаны ичюндир. Базы эсерлери «Терджиман»да басылып чыкъгъан сонъ, текрар башкъа неширлерде басылмайып, олар акъкъында эдебиятымызда малюмат язылмады десек, янълышмамыз. Шу себептен, мезкюр мевзу гъает **актуаль**. Шимди, И. Гаспринскийнинъ бу эсерлерининъ мейдангъа чыкъармакъле, муэллифининъ иждадий асабалыгъы ве эдебиятымыз тарихында туткъан ерини бельгилемек - тедкъикъатымызынынъ эсас **макъсады** олду.

Тедкъикъатымызынынъ девамында тенъиштирюв ве бедий талиль усулларыны къуллунуп кельдик.

Эсас материал. И. Гаспринскийнинъ эдебий мирасыны йыллар девамында огренип кельген учь алимнинъ тедкъикъятлары ишимизнинъ темели олды. Булар, алим Сеитгъазы Гъафаров тарафындан азырлангъан ве таблица шекилинде теклиф этильген И. Гаспринскийнинъ публицистик ве бедий эсерлерининъ библиографиясы («Исмаил Гаспринский - великий просветитель» китабындан) [8, 206-121], экинджи, алим-эдебиятшынас Исмаил Керимовнынъ «Библиографический указатель печатных книг, статей и приведений на крымскотатарском языке: 1618-1944 гг.» китабындан (И. Гаспринский акъкъында библиографик малюматлар) [9] ве, учюнджиси, турк алими Явуз Акпинарнынъ «2003. İsmail Gaspralı, Seçilmiş Eserleri., Roman ve Hikayeleri» китабындан малюматлар[10, 64-72].

Биз исе, мезкюр алимлернинъ берген библиографик малюматларына эасланып, эльде этильген «Терджиман» газетасынынъ асыл нухаларыны къулланып, И. Гаспринскийнинъ «Терджиман» газетасынынъ саифелеринде нешир олуногъан бедий эсерлерининъ джедвелини **таблица** шекилинде теклиф этемиз:

И.Гаспринскийнинъ эсерлери	И.Гаспринский къулангъан тахаллюси	Сейтгъазы Гафаров	Исмаил Керимов	Явуз Акпинар
«Бахтсыз бала». (Театро рисалеси)	—	—	1882с. айыры китап шекилинде нешир этильген	—
«Айше»	—	—	—	1884 с. № 23-23.
«Мейве-и Заман»	М.Искендероф (?)	—	—	1885с. № 1-4, 6, 8, 11-13, 15-16, 19.
«Ики бахадыр»	—	—	1886 с. айыры китап шекилинде нешир этильген	—
«Фрэнкистан мектюплери»	Молла Аббас Франсови	(Французские письма)1887с. №4-9, 11-13, 15, 17, 19, 20, 22, 24-29, 31-40.	1887с. январь – ноябрь.	1887с. № 4 башлап, 1887с. № 35 къадар
«Фрэнкистан мектюплери»	Молла Аббас Франсови	девамы 1888с. № 1-4, 6, 7, 9, 11, 12, 14, 15, 24, 28, 30, 33; 36, 38, 40, 42, 44-46.	Девамы бар	1888с. № 41 (рисале шекилинде басылгъаны акъкъында малюмат бериле)
«Фрэнкистан мектюплери»нинъ девамы олгъан «Дар уль-Рахат мусульманлары»	Молла Аббас Франсови	—	Девамы бар	1887с. №36 башлап, 1889с. № 15 къадар
«Французские письма»	Молла Аббас Франсови	1889с. № 4,7,8,14. (Африканские письма) № 35, 37, 39, 40, 43, 44, 46.	—	—

«Судан Мектюплери»	Молла Аббас Франсови	--	1889с.	1889с. №35-37, 40, 41, 43, 44, 46.
«Къадынлар Улькеси»	Молла Аббас Франсови	1890с. № 28, 29, 36, 38, 42, 44-46 (Страна амазонок)	1890с.	1890с. №28, 29, 36, 38, 42, 44-46.
«Къадынлар улькеси»	Молла Аббас Франсови	девамы 1891с. № 1-3,14,15 (Страна амазонок)	1891с.	девамы 1891с. № 1,14-16.
«Истанбул мектюплери»		–	–	басылмады
«Арслан Къыз»	–	«Арслан Къыз» (девушка как львица) 1893 № 12, 14, 16, 23, 24	1895 с. Сентябрь 24...	1893с. № 12-24
«Арслан Къыз»		девамы «Арслан Къыз» (девушка как львица) 1894 № 1, 2, 4, 6, 7		девамы 1894с. №1-3.
«Арслан Къыз» («Иляве-и Терджиман»)	–	–	–	1895с. №37-42
«Ахмет Бей Ташкесенли ве Бедрос агъа Къаракъашьян»	–	–	--	1891с. № 29-30.
«Ахмет Бей Ташкесенли ве Бедрос агъа Къаракъашьян» («Иляве-и Терджиман»)	–	–	1895 с. Ноябрь 12,19	1895с. №43-44.
«Дар уль-Рахат Яхут аджайип Дияр-и Ислям» («Иляве-и Терджиман»)	Нашир	–	–	1895 с. № 9- 35.
Пек чокъ эхль-и Гар не керчектир не ялан» («Иляве-и Терджиман»)	–	–	–	1896с. №6.
«Чобан-къыз»	–	–	1897 с. айыры китап шекилинде нешир этильген	Я да И. Гаспринскийнинъ я да Ю. Акъчуриннынъ эсери оларакъ косьтерильген
«Иван ве Сулейман» («Иляве-и Терджиман»)		–	1897 с. Апрель 20	1897с. №16, 35.

**«ТЕРДЖИМАН» ГАЗЕТАСЫНЫНЪ САИФЕЛЕРИНДЕ НЕШИР
ОЛУНГЪАН И. ГАСПРИНСКИЙНИНЪ БЕДИЙ ЭСЕРЛЕРИ...**

«Тикбаш Къыз» («Иляве-и Терджиман»)	Молла Аббас Франсови	—	—	1897с. №19-20.
«Драконлар Къызы» («Иляве-и Терджиман»)	Молла Аббас Франсови	—	—	1897с. № 23-24.
«Дюнъяда нелер олмаз»	—	—	—	1900с. № 38.
«Дар уль-Рахат Яхут аджайип Дияр-и Ислям»	Молла Аббас Франсови	(Таинственная страна) 1902с. №46,47,49,51.	—	—
«Князь Азамат Бей» («Иляве-и Терджиман»)	—	—	—	1903с. №13.
«Дар уль-Рахат Яхут аджайип Дияр-и Ислям»	Молла Аббас Франсови	(Таинственная страна) 1904 с., № 2, с перерывом до №103.	—	—
«Дар уль-Рахат Яхут аджайип Дияр-и Ислям»(девамы)	Молла Аббас Франсови	Девамы 1905с. №1.	—	—
«Бея-и Ислям»	Молла Аббас Франсови	«Горе Востока» 1905 с. №9, 10-12.	1905 с. Февраль 1.	1905с. №11-12, 102-103.
«Кунь догъды»	—	«Солнце взошло»1905 № 92, 93, 103,106	(Миллий роман) 1905 ноябрь 9,11...	1905с. № 92,103,106.
«Кунь догъды»	Къарт Акъай	Девамы «Солнце взошло» 1906с. №2, 6-10.	1906 январь 11...	Девамы 1906с. №2,6-10 .
«Бичаре Фатма»	—	—	—	1905 с. №58
«Юз сене сонъра яхут 2000 сене-и Милядие»	—	«Через сто лет» 1905с. №101,104	Терджиме этильген эсер. Муэллифы Беллями	1905с. «Проблемли эсерлерден бири; язгъан «Беллями», терджиме эткен «С.М.» оларакъ косьтерильген». №101,104
«Юз сене сонъра яхут 2000 сене-и Милядие»	—	Девамы «Через сто лет» 1906с. №8, с перерывом до № 81.	—	Девамы 1906с. №8-81.
«Дар уль-Рахат мусульманлары»	Молла Аббас Франсови	1906с. №141.	1906 с. (айыры китап шекилинде)	—
«Молла Аббас Франсевие Тесаддуф: Гуль Баба Зиярети»	Молла Аббас Франсови	—	1908 с. июнь 10...	1908с. №42, 44, 49, 51, 65, 67.

Таблицанынъ биринджи сырасында И. Гаспринскийнинъ олгъан бедий эсерлерининъ джедвелини корьмек мумкюн. Экинджи сырасында – бедий эсерлерде къулангъан тахаллюслери; учюнджисинде, Сейтгъазы Гафаров берген библиографик малюматлар; дёрдюнджи - Исмаил Керимов азырлагъан библиографиясы ве бешинджисинде - Явуз Акъпинарнынъ бу саада япылгъан тедкъикъат нетиджелери.

Умумий алгъанда алимлернинъ библиографик джедвеллери бир-бирини текмиллей. Амма таблицада козьге корюнген фаркълылыкълар да аз дегиль. Меселя,

1. И. Керимов 1882 сенеси айыры китап шекилинде нешир этильген «Бахтсыз бала» (Театро рисалеси) ве 1886 сенесине аит олгъан «Ики бахадыр» эсерилерини толу библиографик малюматыны бере, Сейтгъазы Гафаров ве Явуз Акъпинарнынъ библиографик джедвеллеринде бу китаплар косътерильмеген.

2. «Дар-урь Рахат мусульманлары» роман- къысымы «Дар уль-Рахат Яхут аджайип Дияр-и Ислям» серлевасы алтында «Иляве-и Терджиманда» * басыла. (Иляве-и Терджиман) - «Терджиман»гъа къошулгъан иляве саифесидир. И. Гаспринскийнинъ базы эсерлери бу саифеде дердж этильгендир).

3. «Юз сене сонъра, яхут 2000сене-и Миллядие» эсерине нисбетен, Явуз Акъпинар: «Проблемли эсер. Язгъан «Беллями», терджиме эткен «С.М.» оларакъ косътерильген» - киби изаат бере, И. Керимов: «Терджиме этильген эсер. Муэллифы «Беллями» -деген фикирини бильдире.

4. «Чобан-къыз» икяесини И. Керимов Гаспринскийнинъ эсери киби берсе, Явуз Акъпинар исе, И. Гаспринскийнинъ я да Ю. Акъчуриннынъ эсери оларакъ косътере.

5. Сейтгъазы Гафаров ве Исмаил Керимов И. Гаспринскийнинъ «Истанбул мектюплери» эсери акъкъында малюмат бермейлер. Явуз Акъпинар исе: ««Терджиман» нускъаларынынъ бирисинде «Истанбул мектюплери» серлевалы Молла Аббас Франсовининъ янъы «мектюплери» дердж этильмеси бекленильди, амма «Истанбул мектюплери» ойле де басылмады»- деп, изаат бере.

6. «Тикбаш Къыз», «Драконлар Къызы», «Дюнъяда нелер олмаз», «Князь Азамат Бей», «Бичаре Фатма», «Пек чокъ эхль-и Гар не керчектир не ялан» кучюк икяелери И. Гаспринскийнинъ имзасы олмагъан несир парчалары шекилинде басылгъан ве битирильмийип, яры-ярыда къалгъан эсерлер сырасына кирсетильген.

7. Бедий эсерлерде къулангъан тахаллюслерге кельгенде, проф. Керим И. А. «Къырымтатарджада къыйын селер: тахаллюслер лугъаты»нда И. Гаспринский «Молла Аббас Франсови», «Маленький Мулла», «Мусульманин» ве "Татарин" киби тахаллюслерини къулангъаны акъкъында малюмат бере. Шимди исе, «Къарт Акъай», «М. Искендероф», «Нашир» киби лагъаплары мейдангъа чыкъа.

Чыкъарылгъан нетиджелер. Джедвельде косътерильген И. Гаспринскийнинъ эсерлери несирнинъ буюк шекили олгъан - роман, орта ве уфакъ колемдеки эпик жанрларда язылгъан эсерлердир.

«Юз сене сонъра, яхут 2000 сене-и Миллядие» эсерине кельгенде, эсернинъ муэллифи белли олмагъаны ве базы менбааларда Исмаил Гаспринскийге аит бир роман оларакъ косътерильгени ичюн, бу эсерге нисбетен илериде бир нетидже чыкъарылджагъы акъкъында фикир юрютмек мумкюн.

«Мейве-и Заман» адлы эсер М. Искендероф имзасынен дердж этильген. Алим Явуз Акпинарнынъ берген маломаты: услуп ве тиль джеэтинден И. Гаспринскийнинъ къалемине чокъ якъын бир эсер олгъаны акъкъында ве «буюк бир ихтимал иле бу имза Исмаил бейге аит олмалыдыр [10.С.72]» - деген фикери, бу меселе илериде огрениледжек меселелер сырасына кирсетиледжеги акъкъында эсас бере.

«Чобан-къыз» икяесининъ муэллифи аныкъ белли олмагъаны ичюн, эсернинъ тиль ве услуп инджеликлер и огренилип, И. Гаспринскийге я да Ю. Акъчуринге аит олгъан-оламагъаны акъкъында фикир бильдирмесини талап эте.

Шимди исе, И. Гаспринскийнинъ «Иван ве Сулейман» икяеси узеринде айырыджа токъталмакъ истер эдик. Бу уфакъ колемдеки эпик жанрда язылгъан эсердир.

И. Гаспринскийнинъ бу икяесинде къулангъан эсас усуллардан бири - антитеза. Бу усул икяенинъ озегини тешкиль эте: бир бирине къаршы эки миллет векили, эки къоранта, къоранталарнынъ эв бикелери олгъан ханымлар, оларнынъ баллары къоюлгъан. Къарамакъаршылыкъ усулы къараманларнынъ омюрининъ чешит тарафларыны акс эте: бакъышлары, идеаллары, маишет ве адетлери (нравы). Эм де къарамакъаршылыкъ, контраст икяенинъ серлевасындан башлай (Иван ве Сулейман).

Муэллиф адындан тариф этильген вакъиалар Къырым шеэрлерининъ биринде олып кече. Эсернинъ баш къараманлары – бир бирине къомшу олып яшагъан, достлукъ эткен, койнинъ эки яшы - Иван ве Сулеймандыр. Аналары (Иваннынъ анасы - Мария, Сулейманнынъ анасы-Алиме) олдукъча шевкъатлы, муаббетли ве мераметли аналар олып, «чоджукъларыны бильдиклери къадар гусель бакъаракъ, тербиелерине чалышырлар иди» ве энъ джиддий умютлерини оларгъа багълап, бир къач сенелерден булар адам оладжакъларына, кендилерни ве валиделерини раат ве бахтлы этеджеклерине хош умютлер иле яшай эдилер. «Секизер» яшына кельгенде оларны иптидаий мектепке берелер. Мектепте исе: «Иван окъуйып язмакъ ве хесап огренди, Инджиль анъламая муктедир олды (иришти), мектюп язмая, дефтер тутмая тильди». Сулейман **исе** «бир сене элифбе иле огъраштыкътан сонъра учь сенедде учь дефа Келям-и Къадими хатмедерек: «Бу чоджукъ артыкъ бильди, машаллах!» иле мектептен алынды. Язы бильмезди, хесаптан хич; учь дефа хатм эттиги Къураннынъ биринджи сахифесининъ биле манасындан хабери ёкъ иди». Джумледе «**исе**» тенъиштирюв багълайыджыны къулангъан муэллиф, къыяслав усулынен иш тутта: Иван ве Сулейманнынъ мектепте алгъан бильги севиелери, эр бирининъ окъувгъа меракъ дережелери фаркълы олгъаныны коремиз.

Мезкюр левхада: «Бу чоджукъ артыкъ бильди, машАллах!» иле мектептен алынды» - киби къулангъан бедий тафсилят (яни деталь), «Сулейман ким тарафтан алынды?», «не макъсаднен онынъ окъувы токътатылды» киби суаль догъура? Сулейманнынъ бильгиси етерли деп **сайгъанларнынъ ким олгъанлары** метинде конкрет косьтерильмеген олса да, амма окъувгъа бойле месюлиетсиз янашкъан, авеси олмангъан **халкъымызнынъ чокъусыдыр** деген джевап бермеге делиль бере.

Икяенинъ девамында Мысырда яшагъан франсыз туджджарлардан Мусъё Бардо Къырымгъа сенедде бир-эки кере келип-кеткени, Мысырда буюк магъазлары ве деполары бар олгъаны, саесинде отуз-къыркъ адам чалышып, гузель маашлар алгъанлары, Мусъё Бардонинъ Шаркътан буюк тиджарет багъларыны пекитмек ниети ве

бу себептен эки генч баланы янына алмакъ истеги бар олгъаны акъкъында киби малюматнен таныш оламыз.

Мусьё Бардо Иван ве Сулейманни корип бегене ве аналарындан корюшип балаларыны янына алмакъ истегини бильдире. Башта разы оламагъан аналар, мусьё Бардонынъ ишандырувлардан сонъ: «Бурада олан Дженап -и хакъ, Мысыр къытасында да вардыр» - деп, Мария разы ола, Иван мусьё Бардо иле кете.

Сулейманнынъ анасы исе: «Къысметлери вар исе, аякъларына гелир, аз олсун да, бурада олсун!»- деп, баласыны бир ерге йибермейип, Къырымда къалдыра.

Нетиджеде, Иван акъча къазанып, бутюн къорантасына ярдым этип, озю де аякъка турып яшай. Сулейман исе къавеханеде чалышып, бу ерде тек «къаведжи» лагъабына наиль ола. Оны конкрет мисальде козетмек мумкюн: «Сулейман бир иш буламайып Ахмет агъанынъ янында къавеси олмакъ узере бир сене богъаза бедель (богъаз токълугъына) хызмет этмеге гирди...Бундан бойле бир сене сонъра алтмыш къуруш айлыкъ алабиледжекте».

Сыкъынтыда яшап кельген Сулейман Иваннынъ ишлери юрюшкени акъкъында былып, ахыр-сонъу бойле тюшуне: «Валидечигим мусааде буюрмуш олса иди (аначыгъым изин берген олса эди), бельки бен де шимди бир туджджар векили олып, куль ве комюр къарыштырмаз идим. Хайыр ола». Эльбетте, Сулейманнынъ амельге кечмеген арзу-ниетлери мезкюр фикирлеринде ачыкъ корюне.

Иван исе досту фукъареликте яшагъаны акъкъында хабер алып, онъы Мысыргъа чалышмагъа давет эте. Сулейман теклифни бир фырсаат, хош хабер киби ве (метнден) «артыкъ омюринде ени бир девир ачыладжагъана» уютлелер багълай ве мемнюниет иле теклифни къабул эте. Амма бу сефер зевджесиннинъ:

«Аман эфендим, сиз шашырдынъызмы недир?! Инсан азыр ишини быракъып да къалкъар, Мысыра гидерми? Бен зан эттим ки, магъазанъыз бурададыр.

- Бурада ойле магъазлар, ишлер не гездирир? (къайдан олсун?)

- Магъазалар ёкъ исе де экмек вар я, ики сенедир гечиниёруз, ачтан ольмедик» сёзлерини эшите.

Бунынънен, Сулейман коюнде омюрини девам этип, къавеханеде чалышып, эвельдеки омюр тарзыны девам эте.

Икяе: «зевджеси денъизе атылмыш демир гиби еринден къымылдамакъ истемиёрды. Сулейман не къадар талап эти исе де, Мысыргъа гитмек эфкъарыны мейдана гетирмеди. Къадынджагъазын валидеси, хемширеси (къыз къардашы) ве бирадери топлашып къыркъ дереден сув, къыркъ тепеден таш гетирип. Мысыр ёлуны къападылар...Бичаре. Омрю олдукъча чалышты; беш пара арттырамады. Лякин сакъалына хюрметен «Къаведжи Сулейман» исмине агъалыкъ заммедильди (къошулды), ахырысы «Къаведжи Селейман агъа» чагърылыёр иди...» сатырларнен екюлене.

Бойледже, И. Гаспринскийнинъ икяесини козьден кечирген сонъ, **невбеттеки нетиджелерге** кельдик:

Муэллиф о заман аятынынъ энъ муим тарафлары, актуаль меселелерини акс этмеге тырышты. Эсерде котерильген меселелер булардыр:

Биринджи: окъувгъа джелъп этиов ве бильгиге ынтылув меселеси.

Экинджи: миллий седжие меселеси. Эки миллет векили Иван ве Сулейман-нынъ мисалинде муэллиф эки миллетнинъ табиат чизгилерини косьтере. Башта муэллиф, кенди къараманлары огюнде айны шараитлер яратып, муайен бир меселелер огюнде къоя, бу меселелерге тюрлю, фаркълы янашувларыны къайд эте, эки дюнья-бакъышны ифаделей, къыяслап бакъмакъ имкяныны догъура, сонъ исе халкъымыз-нынъ инкишафыны токътаткъан себеплерини огренмеге имкян ача. Булар:

1. Темелли бильги алмакъ истеклери, окъувгъа ынтылувлары ёкъ олгъаны;

2. Миллет кенди омюрлеринде бирде-бир денъишювлер, яшайышны башкъа-джа къурмакъ, яхшылаштырмакъ киби арекетлерге азыр олмагъанлары;

3. Пассивлик ве ондан келип чыкъкъан азгъа къанаат этмек (довольствоваться малым), арекетсизлик, базы ольчюде тенбеллик киби чизгилер.

Корьгенимиз киби, «Уянув девир»нинъ мешур векили олгъан И. Гаспринский мутхиш «къара девирнинъ» акъибети олгъан, халкъымызны саргъан «юкьунынъ» чизгилерини къайд этмекнен къырымтатар миллетининъ меселелерининъ негизини анълаябилювге якъынлаштырды.

Меселенинъ келеджекте ифаделенюви. Имзасы олмагъан несир парчалары шекилинде басылгъан эсерлери дикъкъатлы окъулмасы, тиль ве услюп хусусиетле-рини инджелеп И. Гаспринскийге аит олгъан-оламагъаны акъкъында бир къарар бильдирилъмеси, экинджиден исе, оларнынъ муэллифнинъ иджадий асабалыгъы ве эдебиятымыздаки ерини, эсерлерде котерильген меселелер джеэттinden бельгиле-меси – илеридеки тедкъикъатларгъа земин оладжакътыр.

Эдебият

1. Беннигсен А. А. Исмаил бей Гаспринский (Гаспралы) и происхождение джадидского движения в России. /Гаспринский И. Россия и Восток. Сборник публицистических трудов/. Казань: Фонд Жиен. Татар. Ин-е изд-во, 1993.- С. 79-97

2. Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений Таврической Губернии в XIX - начале XX века) / Виктор Юрьевич Ганкевич. – Симферополь: Таврия, 1998. - С.110-123.

3. Исмаил Гаспринский ва Туркистан. (Исмаил Гаспринский и Туркистан) /Масъул мухаррир Наим Каримов/.- Ташкент: Шарк, 2005.- 288 б.

4. Машкевич А.А. Выдающийся просветитель И. Гаспринский и развитие прогрессивной педагогической мысли народов Востока во второй половине XIX в.: научно-популярная литература.- Алматы: Samsam, 2002.- 320 с.

5. Керимов И. А. Гаспринскийнинъ «Джанлы» тарихы. (По материалам газеты «Терджиман» 1883 -1914 гг. / Исмаил Асанович Керимов.– Симферополь: Тарпан, 1999. - 408 с. - ISBN 966-572-049-X.

6. Ганкевич В.Ю. На службе правде и просвещению. Краткий биографический очерк И. Гаспринско-го (1851-1914), / Виктор Юрьевич Ганкевич. – Симферополь: Доля, 2000.- 328с. –ISBN 966-7637-39-5.

7. Абдирашидов З. «Исмаил Гаспринский и Туркистан в начале XX века (Связь - отношения – влияния)/ Зайнабидин Абдирашидов.-Ташкент: Akademnashr, 2011.-384с.- ISBN 078-9943-373-97-6.

8. Гаспринский Исмаил – великий просветитель. Составитель Зиядинов Ферид. - Симферополь.-Тарпан.-2001.-256с.-ISBN 966-7974-01-4

9. Керим И. А.- Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618-1944гг. /Исмаил Асанович Керимов.-Симферополь: ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2009.- С. 45-52; С.185-190. - ISBN 978-966-174-084-5.

10. İsmail Gaspıralı, Seçilmiş Eserleri: 1, Roman ve Hikayeleri, Neşre Haz. Y. Akpınar, N. Muradov, B. Orak, İstanbul: Ötüken Yayınevi, 2003.- 476 s.

Сейтваниева Г. Ю. Художественные произведения И. Гаспринского опубликованные на страницах газеты «Терджиман». Проблематика произведений (На примере рассказа И. Гаспринского «Иван и Сулейман») / Г. Ю. Сейтваниева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 94-102.

Как известно, И. Гаспринский, с именем которого связана целая эпоха национального просвещения, пытался осмыслить проблемы современного ему мира и в художественных произведениях.

В статье выявлены и систематизированы художественные произведения И. Гаспринского, опубликованные на страницах газеты «Терджиман» (1883-1914), литературный анализ которых позволит определить их тематику и место в истории крымскотатарской литературы конца XIX - нач. XX века.

Возвращение литературного наследия И. Гаспринского в историю крымскотатарской литературы, детальное изучение его произведений и введение в научный оборот станут шагом вперед в воссоздании панорамы литературной жизни изучаемого периода.

Ключевые слова: И. Гаспринский, газета «Терджиман», национальный роман, жанр, проблема, тема.

Сейтванієва Г. Ю. Художні твори І. Гаспринського опубліковані на сторінках газети «Терджиман». Проблематика творів (На прикладі оповідання І. Гаспринського «Іван і Сулейман») / Г. Ю. Сейтванієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 94-102.

Як відомо, І. Гаспринський, з ім'ям якого пов'язана ціла епоха національного просвітництва, намагався осмислити проблеми сучасного йому світу і в художніх творах.

У статті виявлено та систематизовано художні твори І. Гаспринського, що опубліковані на сторінках газети «Терджиман» (1883-1914), літературний аналіз яких дозволить визначити їх тематику і місце в історії кримськотатарської літератури кінця XIX - поч. XX століття.

Повернення літературної спадщини І. Гаспринського в історію кримськотатарської літератури, детальне вивчення його творів і введення в науковий обіг стануть кроком вперед у відтворенні панорами літературного життя досліджуваного періоду.

Ключові слова: І. Гаспринський, газета "Терджиман", національний роман, жанр, проблема, тема.

Seitvanieva G. H. Artworks I.Gasprinsky published in the newspaper "Terdzhiman" and their problems (the example of the story I.Gasprinsky "Ivan and Suleyman") / G. H. Seitvanieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 94-102.

As you know, I.Gasprinsky, whose name is related with the whole epoch of National Education, tried to understand the problems of contemporary world and fiction.

The article identified and systemized all works of Ismail Gasprinsky, published in the newspaper "Terdzhiman" (1883-1914). The literary analyses of these works will determine their themes and place in the history of the Crimean Tatar literature of the end of XIX and early XX century.

Return to the literary heritage of I.Gasprinsky, deep study his works and introduction to the science will be a step toward in the reconstruction of Crimean Tatar's literature of the studied period.

Key words: I.Gasprinsky, newspaper "Terdzhiman", national novel, a genre, a problem topic.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 821.512.143.09

А. ОДАБАШНЫНЪ МААРИФЧИЛИК ФААЛИЕТИ

Сулейманова Д. Н.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: cemile-qirim@mail.ru

Макъалемизде кьоюлгъан **меселе** – бу А.Одабашнынъ 1920-джи сенелерде, миллий мектеп янъыдан тикленеяткъан девирде, мектеплерде ве алий окъув юртларында окъутув методикасынынъ илерилев ёллары ве шу джерянда Одабашнынъ тертип эткен дерсликлерининъ кьурулув системасыны бельгилемектир.

А.Одабашнынъ фаалиетини толусынен огренмек, онынъ фаалиетининъ дегерли къысмы олгъан, усулшынаслыкъ ве маарифчилик саасында япкъан хызметлерини теткъыкъ этмек, миллий усулшынаслыгъымызнынъ тарихыны тиклемек земаневий вазиятимизни илерилетмемиз ичюн **актуальдир**.

Макъалемизде кьойгъан **макъсадымыз** А.Одабашнынъ усулшынаслыкъ мевзусында язгъан макъале ве методик кьулламанларынынъ, дерсликлерининъ тертип этюв принциплер системасыны айдынлатмакътыр.

А.Одабаш, Истанбулда окъугъан девирде, келеджекнен багълы чокъ планлар тизгендир, оларнынъ тёрюнде, шубесиз, неширджилик, маариф меселелери тургъандыр. 1917 сене Къырымгъа къайткъанынен, А. Одабаш оджалыкъ фаалиетини башлай. Занымызда, бу Таврия университетининъ шаркъшынаслыкъ шубеси эди, сонъра «Миллет» газетасында макъалелерини, бедий парчаларыны окъуйыджыларнынъ диккъатына авале эте.(3) Яратыджылыкънен берабер къырымтатар эдебий тилининъ тикленмеси, шекилленмеси ве инкишаф этмеси огърунда гъает чокъ хызметлер япкъандыр. Къалем ве фикирлерини окъуйыджыгъа еткизюв къабилиетини къайрагъандан сонъ кенди меджмуа чыкъармагъа икътидары етеджегине эмин олып, месулиетли ишке кирише: 1920 сенеси апрельнинъ 15-де «Ешилъ ада» меджмуасынынъ биринджи саны нешир этиле.(4)

1920-23юнджи сенелери Къырымда сиясий муит пек тез денъишип тура, ич бир саада стабиллик ёкъ. Большевиклер акимieti къырымтатарларнен якъын мунасебетлерни кьурмакъ ниетинде олып, ерли халкъны озь тарафына чевирмек макъсады иле чешит ёллар араштырмакъта эди. О заман миллетчилеримизнинъ фаалиетининъ темель гъаелеринден бири - миллетнинъ маарифини тиклеп, илерилетмекнен бир сырада, къырымтатарларны коммунистлернинъ зарарлы тесиринден сакълап къалмакъ эди. *«Татарские учителя стараются поставить дело просвещения татар на национальный фундамент, вытесняя всякое коммунистическое влияние в деле воспитания молодёжи, желают создать сильные кадры юных работников с твёрдо сложившимися национальными взглядами и убеждениями. В связи с этим уделяется большое внимание воспитанию женщин-татарок, будущих матерей, которые в своих учебных заведениях, по постановлению этого совещания, должны воспринимать националистический дух, дабы иметь возможность самостоятельно воспи-*

тыватъ своихъ детей и предотвратитъ влияния на нихъ комсомола», - деп язылгъан Таврия махкеме комиссиясынынъ эсабатында. (9)

Занымызджа, «Ешилъ ада» эдебий-тенкъидий журналнынъ нешири токътатылып ерине «Бильги» меджмуанынъ пейда олув себеплерини, юкъарыда кетирильген парчадан бойле аныламакъ мумкюндир: яш несильнинъ тербиесинде буюк ер тасильге айырыладжакъ, бу ишке ярдым этеджек бир меджмуа керектир. А.Одабаш дердж эткен меджмуаларнынъ ялынъыз серлеваларыны денъиштирмек дегиль эди, эльбетте, «Бильги» меджмуасында айдынлатылгъан меселелер даиреси де кенишлегендир: маариф ишлери, тиль, эдебият меселелери, яшларнынъ тербиеси, миллетнинъ келеджеги киби актуаль ве джиддий мевзулар журнал саифелеринде ер алгъандыр.

Совет акимieti озъ мефкъюресини пекитеяткъан девирде, кенди еринде къырымтатар зиялылары да миллий аятнынъ эр бир саасында бутюн бильгиси, теджрибеси иле олдукъча фааль олмагъа арекет эткен эдилер. 1921-1923 сенелери А.Одабаш Акъмесджитте докъуз йыллыкъ мектепнинъ мудире вазифесинде пек къыйметли ишлер япа. Мектепнинъ окъув процессине кирсетильген денъишмелер, кирсетильген янъы усуллар, язылгъан янъы къуланмаларнынъ ишлетильмеси нетиджесинде мектеп нумюневий дереджеге котерильген эди. О заманда мектепнинъ талебелери олгъанлар, сонъра миллетимиз огюнде буюк хизметлер яптылар. Меселя, белли медениет эрбабы, эдебиятчы ве тильджи, мерхум Басыр Гъафаров да А.Одабашнынъ талебеси эди.

А.Одабаш 1923-1926 сенелери къырымтатар мектеплери ичюн тертип этильген ана тили ве эдебияты дерсликлерининъ муэллифи эди. Китапларны олар Аджи-Асан Умернен муэллифдешликте неширге азырлагъан эдилер.

Биринджи дерслик оларакъ, 1923сенеси иптидаий мектеплернинъ 4-джи ве 5-джи сыныфлар ичюн окъув китабы я да **къыраат китабы** тертип этильген эди. Дерсликнинъ башында *«окъутыджы аркъадашларгъа»* мураджат мевджуттыр, бу къысым кириш сёзининъ ерини алып, китапнынъ теркибинен таныш эте. Китапнынъ мундереджесинде къардаш миллетлернинъ яни къазантатар, азербайджан, рус эдебиятларынынъ къыскадан эдебият тарихына даир малюмат бериле ве нумюнелер оригинал тильде нумайыш этиле. Вазифе оларакъ талебелерге эсерлерни мустакъиль талиль этмеге теклиф этиле. Къуланылгъан усул, талебелерге, къардаш миллетлернинъ тиль, сарф ве нахв хусусиетлеринен биваста таныш олмагъа имкъан бере.

1924 сенеси биринджи басамакъ 3 сыныфлар ичюн окъув китабы Къырым маариф комисарлыгъы тарафындан бастырылды. Дерсликнинъ кириш макъалеси ерине муэлифлернинъ *«окъутыджы аркъадашларгъа бир къач тевсиелер»* бериле. Тертип этилдилер бу ишке буюк диккъат ве месулиетлик иле янашып, оджаларгъа усулиет боюнджа бир сыра меселелерни чезмек ёлларыны косьтерелер. Тевсиелер джедвелинде къыраат дерсининъ макъсадларыны, дигер фенлернен багъларыны, талебелернинъ психологик хусусиетлерине даир къайдларыны, дерс планы ве оджанынъ озюни алып барюв талаплары киби позицияларны огренмек мумкюндир. Дерсликнинъ усулиет къысмы земаневий усулшынаслар тарафындан буюк диккъатнен огренильмели. Дерсликни талиль эткенде бойле пунктларны озюмиз ичюн къайд эттик, мисаль, къыраат дерслигининъ макъсадлары:

«1 – япылан эр бир кыраат дерсинде балалара бир такъым мевхумлар, тасвирлер, душунджелер, муакемелер вермек керекдир ки, нетиджеде балаларнынъ акъылыны, дуйгъуларыны ве бу дерс мунасебети иле балаларгъа яптыраджагъымыз ишлер вастасы иле де онларын ирадесини тербие этебилелим.

2 – кыраат дерслеринде балалары эдебий дилин эр чешит ифаде тарзлары иле танышдырмакъ ве долаиле онлара озь душунджелерини темиз, догъру, эдебий ве санаткяране шекильде ифаде этмее огретмек керектир

3 – балалар кыраат дерслери вастасы иле чабукъ, дузыгюн окъумагъа ве окъудыкъларыны башкъасынынъ ярдымы олмадан анъламагъа алышмакъ керекдирлер

4 – энъ эмиетлиси, бу дерслер нетиджесинде балаларда китаб окъумагъа авеслик ве китаплара, инсанларын бутюн тарихий яшавлары нетиджесинде мейдана кетирдиклери эсерлерине къаршы дерин севгилер уяндырмакъ ве онлара бу эсерлерден озь яшавларында керек оладжакъ ярдымлары алабильмек имкяныны вермекдир.»

Оджаларгъа теклиф этильген кысымда, атта дерс насыл шекильде алынып барыладжакъы план тизилип, мисальде косътерилир.

1925 сенеси А.Одабашнынъ, муэлифдешликте, элифбеден сонъ окъуладжакъ тюрк-татар тили китабы нешир этильди. Бу китапта кырымтатар оджалар курслары тарафындан берильген изатларда «*китап зиядеси иле койлю яшайышы мейилине назар итибара алмышдыр*» деиле. 1926 сенеси нешир этильген экинджи тюрк-татар окъув китабында даа чокъ шеэр яшайыш тарзына дикъкъат айырыла: метинлер, ресимлер, суаллер ве вазифелер - булар эписи мевзуны олдукъча толу ве уйгъун бир шекильде талелелерге еткизмек макъсадына келиштириле. Китапта берильген парчалар, чокъусы, махсус дерслик ичюн язылып, окъув программа талапларына джевап берелер.

1927сенеси А.Одабашнынъ сонъки дерслиги нешир этильди. «Тюрк-татар тили» биринджи китап, биринджи болук, Къырым маариф комиссарлыгъы академия шурасы тарафындан, биринджи басамакъ татар мектеплерде элифбеден сонъ окъув китабы оларакъ къабул ве тасдыкъ олунгъан дерсликте муэллифлер, бир тарафтан, хаталар узеринде чокъ чалыштылар, дигер тарафтан, нешриятнынъ техник имкянлары ипрангъаны ичюн техникий хаталар зиядедже китапнынъ хасиетини бозгъаныны къайд этелер.

Абибулла Одабаш кырымтатар мектеплери ичюн ана тили ве эдебияты программаларынынъ да ильк нумюнелерини язъан эди. 1923 с. август айында Къырым областы коммунистлер фиркъасынынъ къабул эткен къарарына бинаэн Къырымнынъ экинджи дереджели рус ве немсе мектеплеринде, профтехник окъув юртларында ве техникумларда кырымтатар тили дерслери окъув джедвелине алына. Бойле мектеплер ичюн де хусусий дерсликлер тертип этмек къарарына келине. Бу ишке И.Каянен А.Одабаш алыналар. Бу ишбирликнинъ нетиджесинде, 1924с. нешир этильген «Руководство для обучения крымско-татарскому языку» къуланма, зема-немизде де, чокъ талелелерге эски уруфатымызны огренмек ичюн хызмет эткени сыр дегиль. Абибулла Одабаш маариф саасында энъ теджрибели мутехассыслардан олгъаны себебинден, шу йыллар ичинде оджаларнынъ бильгисини арттырув макъсадынен ачылгъан курсларда лекциялар да окъугъан эди.

Абибулла Одабаш фаалиетининъ дегерли къысмы олгъан маарифчилик, тасиль, тербие меселелерини 1925 сенеси нешир этилип башлангъан ве И. Кенимовнынъ айткъаны киби: «миллий гуманитар фикиримизнинъ хазинеси олгъан» «Окъув ишлери» междмуасында да янъы бир севиюде айдынлаткъаныны къайд эте билемиз. Нешир этильген междмуа Къырым Маариф Комиссарлыгъы эркъанында, къырымтатар тилинде ильмий-ичтимаий, эдебият, методик меселерни айдынлаткъандыр. Журналнынъ бутюн материаллары Одабашнынъ къолундан кече, тюзетиле, етерлик материал азыр олгъан сонъ, «Окъув ишлери»нинъ баш редакторы, Маариф Комиссары Усеин Балич иле бирликте, Одабаш бир даа козьден кечире эди, деп хатырлагъан эди У.Куркчи мектубинде.

Одабаш маариф ве шу джумледен мектеп ишлеринде юксек нетиджелерге иришкенининъ себеplerинден бири - бу сааларнынъ инкишафы ичюн шекиленген бир нокъта-и назар, яни концепциягъа эсаслангъаныдыр. Бу концепцияны онынъ иштирагинен тертип этильген дерсликлернинъ мундериджесинден, къулланылгъан системалардан огренмек мумкюндир. Шубесиз, Одабаш озюнинъ макъсатлы ареткелеринде, асырлар девамында халкъымызгъа хызмет эткен миллий мектепни сакълап къалмакъ ве оны даа юксек дереджеге котермек ичюн энъ керекли, тесирли амеллер сайлап алмагъа тырышкъан. Окъутув яни тасиль, ве миллий анъанелер узеринде къурулгъан тербие, уйгъун бирликни тешкиль этип, о заманнынъ медений джанланма процессине семерели нетиджелер бергендир.

1926 сенеси, Абибулла Одабаш Къырым Маариф комиссарлыгъынынъ Ильмий Шурасы болюгининъ ёлбашчысы ола. 1919-1926 сенелер Одабашнынъ фаалиети умумен гъает махсулдар эди демеге акъкъымыз бар, чюнки бу йылларда онынъ мектеплер ичюн тертип эткен дерсликлеринден гъайры, бала тербиеси ичюн керекли олгъан даа бир сыра китаплары дюнья юзю коръди. Олардан, бизге малюм олгъанлардан: «Я тюшсе?» (1919с.) балалар ичюн, «Балалар акъшамы» (1920с.) назире ве терджиме шиирлер, «Къырымтатар бала тюркюлери»(1926с.) (6), ве балалар ичюн дигер, махсус, рессамлар тарафындан сюсленген, китаплары да нешир этильген эди.

Нетиджеде, 1920-джи сенелерде тертип ве нешир этильген дерсликлер, девир муджиби, миллий мектеплеримизнинъ дерсликлернен теминлев тарихында ильк теджрибелерден олгъаныны къайд этип, бу саада А.Одабаш бир сыра енъишлерге иришкенини бельгилей билирмиз. Одабашнынъ, муэллифдешликте, азырлагъан дерсликleri оригиналликтен даа зияде теджрибеге эсасланып тертип этильгени козьэтиле. Файдаланылгъан материал исе гъает кениш ве зенгин – бу эм къомшу тюркий тилли халкъларнынъ (азери, татарлар) ве гъарбий халкъларнынъ (алманиядан алынгъан китаплар) базасы къулланылгъаны мейдана чыкъа.

Илериде А.Одабашнынъ усулий ве усулшынаслыкъ фаалиети даа терен огренилип «Илери», «Окъув ишлери» междмуаларда басылгъан макъале ве материаллар темелли талиль этильмеси козьде тутула.

Эдебият

1. Урсу Д.П. Бекир Чобан-заде. Жизнь. Судба. Эпоха. / Урсу Д.П –Симферополь: Крымчпедгиз, 2004 – 276с.

2. Одабаш А. Тюрк-татар тили. (дерслик, экинджи китап) / Одабаш А., Аджиджиджи Э. Къырым маариф комиссарлыгъы бастырмыштыр. Къырым хукумет нешрияты. – Акъмесджит, 1924.

3. Киримов Т.К., Абдульваапов Н.А. «Миллет» газетасынынъ сечме библиографик косьтергичи (1917-1920) / Научный бюллетень. – Киев: 2004. - №1 (6). – С. 23, 24.
4. Керимов И.А. Крымскотатарская периодическая печать довоенного времени / Научный бюллетень. – Киев: 2004. - №2(7)
5. Одабаш А. Тюрк-татар тили. (дерслик) / Одабаш А., Аджи-Асан Э. Къырым маариф комисарлыгы нешрияты. – Акъмесджит, 1923.
6. Одабаш А. Тюрк-татар тили. (дерслик) / Одабаш А., Аджи-Асан Э. Къырым маариф комисарлыгы бастырмыштыр. Къырым хукумет нешрияты. – Акъмесджит, 1927.
7. Одабаш А. Тюрк-татар тили. (дерслик, биринджи китап) / Одабаш А., Аджи-Асан Э. Къырым маариф комисарлыгы бастырмыштыр. Къырым хукумет нешрияты. – Акъмесджит, 1925.
8. Одабаш А. Тюрк-татар тили. (дерслик, экинджи китап) / Одабаш А., Аджи-Асан Э. Къырым маариф комисарлыгы бастырмыштыр. Къырым хукумет нешрияты. – Акъмесджит, 1926.
9. Копия дела №19 фонда Таврической судебно-следственной комиссии (контрразведки) Добровольческой армии за 1920-й год.

Сулейманова Д. Н. Образовательная деятельность А. Одабаша / Д. Н. Сулейманова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 103-107.

В статье рассматривается педагогическая и методическая деятельность Абибуллы Одабаш в 1920 годы. Дается краткий анализ методического подхода автора к составлению учебников, в результате предлагается концепция, на основе которой строилась педагогическая и методическая деятельность А.Одабаш.

Ключевые слова: методика, учебники, издательство, образование, концепция, политика.

Сулейманова Д. Н. Освітня діяльність А. Одабаша / Д. Н. Сулейманова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 103-107.

У статті розглядається педагогічна та методична діяльність Абібулли Одабаша в 1920 роки. Дается короткий аналіз методичного підходу автора до складання підручників, в результаті пропонується концепція, на основі якої будувалася педагогічна і методична діяльність А.Одабаша.

Ключові слова: методика, підручники, видавництво, освіта, концепція, політика.

Suleymanova C. N. Educational activities A. Odabash / C. N. Suleymanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 103-107.

In the article the Pedagogical and Methodological activities of Abibulla Odabash in 1920 are examined. Brief analysis of the methodological approach of the author to composition of textbooks are given, as a result the concept for inducing pedagogical and methodological activities A.Odabash are proposed.

Key words: methods, textbooks, publishing, education, the concept of the policy.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК - 398 (=512.145): 008

**КЪЫРЫМТАТАР ФОЛЬКЛОР ЭСЕРЛЕРИНДЕ КЪУЛЛАНЫЛГЪАН
РАКЪАМЛАРНЫНЪ СЫРЛАРЫ.
(«ДЁРТ» РАКЪАМЫНЫНЪ БЕДИЙ ВАЗИФЕЛЕРИ)**

Кокиева А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

Айдынлатылгъан **меселенинъ муимлиги** къырымтатар фольклорында ишлетилгъен 4 ракъамы насыл маналар анылатып, анги бир вазифелер беджергенинен багълыдыр. Бу мевзугъа багъышлангъан учъ ильмий макъале дердж олунды. Макъалелерде «9» [9], «40» [10], «3» [11] киби ракъамларнынъ бедий вазифелери айдынлатылды. Невбет къырымтатар фольклорында 4 ракъамынынъ бедий вазифелерининъ тедкъикъ этилювине кельди. Къырымтатар фольклорында бу ракъамнынъ бедий ве семантик вазифелери аля даа огренильмегени исе тедкъикъатымызнынъ муимлигини тайинлемеге давет эте ве апробатив бир талиль олгъаныны косътере.

Мевзунинъ сонъки теткъикъатларда талиль олунувы. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары («дёрт» ракъамынынъ бедий вазифелери) къырымтатар фольклористикасында даа огренильмедиди. Дигер халкъларнынъ фольклорында «дёрт» ракъамынынъ къулланылувыны теткъикъ эткен Байзаков Ж., Қонақбоев С. [1], Бородин А.И.[2], Durbilmez Bayram [3], Джураев М. [4], Жуковская Н.Л. [5], Иванов В.В., Топоров В.Н. [6], Mahmut Enver., Mahmut Nedret. [11], Обнорский С.П. [12], Сыркин А.Я., Топоров В.Н. [13], Хроленко А.Т. [14], Шеппинг О.Д. [15], киби алимлернинъ ильмий ишлерини къайд этмек ерлидир.

Тедкъикъатымызнынъ эсас макъсады – фольклор эсерлеринде къулланылгъан «дёрт» ракъамынынъ тарихий-мифологик ве поэтик вазифелерини тайинлемектен ибареттир. Алып баргъан теткъикъатымыз къырымтатар эдебияты кафедрасында тайинленген мевзунен сыкъ багълыдыр.

Фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамлар тарихий эсаслары ве поэтик табиатына коре: анъаневий ве тылсымлы ракъамлар чешитинден ибареттир. [4,с.15]. Ракъамлар вастасынен айтылмагъа истенильген медений кодларнынъ сатыр асты маналарынынъ тайинленюви **медениет коду анълайышыны** муджесемлей. Медениет коду исе тарифленген мундериджесине коре: соматик, феза, вакъыт, предмет, биоморф ве рухий медениет кодларына такъсимлене. [10, 232-233].

Къадимий девирлерден берли халкъымызнынъ анъында кодлаштырылып, муджесемленген сёзлер, ибарелер миллетнинъ медений вариети олып къалмакъта. Халкъ агъыз яратыджылыгъы ве эдебий абиделер вастасынен келип еткен бу медений вариант эр бир тарихий девирде миллетнинъ фаний дюньясындаки медений къыйметлерининъ тайинлев вазифесини эда этип кельмектедир ве *медений код* анълайышыны такъдим этмектелер.

Халкъ агъыз иджадынынъ бедиеглигини мукеммеллештирген ракъам ремзлери (симгъалары) муайен структуралы-семантик ве поэтик вазифелерини беджерелер. Поэтик формулалар теркибинде тургъунлашып къалгъан ракъамлар бедий метинде анъаневий шекильде ишлетилелер. [4, 25]. Халкъымызнынъ башына тюшкен сюр-гюнлик фаджиасы тесиринден миллетимизнинъ медений кодуны сакълап кельген ибарелердеки маналар шимдики вазияте бизге анълашылмагъан медений къатлам-ны пейда эттилер. Месея, фольклор эсерлеринде ве лакъырды тилинде къулланы-лып кельген «Дёрт мучень сагъ олсун», «дёрт тарафынъ къыбла» «дёрт козь тюгети корюштик», «козьлерим дёрт олды» киби тургъунлашып къалгъан ибарелерни эр кес анълаймы экен?

Асылында дёрт ракъама аайрыджа эмиет берюв анъанеси халкъымызнынъ яшайыш тарзына синъип кеткен бир алдыр. Эвельде къартларымыз агъыр бир ишни беджерип, савап къазангъан инсангъа «дёрт мучень сагъ олсун!» деп алгъышлагъ-анлар. Анаъаневий тасавурларгъа коре, «дёрт муче» инсан вуджудынынъ айры бир азаларыдыр. «Дёрт мучень сагъ олсун!» дегенде, инсан вуджудынынъ энъ зарурий азалары къол, аякъ, козь ве къулакънынъ аман-эсен, сагъ-селямет арекет этмесине тилек бильдириле. Асылында бу ибаредде инсан вуджудынынъ дигер азалары да козь огюне алынып, къулланыла биле. [4,с.77].

«Дёрт» ракъама ишлетилген ибаре ве тюшонджелер лакъырды тилимизде гъаает чокътыр. Месея, «дёрт тарафынъ къыбла» ибареси «джанынъ истеген тарафкъа кете-бер» деген манада къулланыла. Бир кимсени чокъ сенелер девамында беклеген инсан-нынъ вазияти лакъырды арасы «козьлери дёрт олды» киби ибаренен анълатыла.

«Дёрт тарафкъа бакъмакъ» ибаресинде «пек къасеветленип беклемек», «олад-жакъ вазияттен къоркъуп, озюни къорчаламакъ» киби маналар сакълы олгъаны ким-сеге сыр дегиль! Эвель заманларда эждатлар сезгир копеклернинъ адыны «Дёрт-козь» деп къойгъанлар. [4,с.76].

Алемнинъ мекаяндаки ерлешюви «дёрт тараф» тюшонджесинен ифаделенсе, йылнынъ болюнюви «дёрт мевсим» киби ибаре вастасынен анълатыла. Къутубнынъ дёрт тарафы – шималь, дженюп, шаркъ ве гъарб – алемнинъ умумий къыяфесини бельгилей. [15,с.5].

Халкъ агъыз иджадында «дёрт тараф» киби ибареси эр бир тарафынынъ мевд-жютлигини анълатмакъта. Къадимий Мысыр иероглифлеринде базан «чокъ» деген тюшондже «дёрт сызыкъ» иле бельгиленген олса, къадимий Шаркъта «дёрт день-из» киби ибаре бир чокъ деньизлер деген манасыны анълаткъан. Украин фолькло-рында «бир чокъ дёрт рузгяр» ибаресининъ манасы «дюньянынъ дёрт тарафыны» бильдирмектедир.

Диний акъиделерде дёрт ракъама аайрыджа эмиет бериле. Ислям талиматын-да Аллахнынъ мескени – Арш_Алянынъ янында Иляхий хаберни еткизген – Джеб-раиль алейхиселям, къяинаттаки тертипни незарет этиджи – Микаиль алейхиселям, къыямет кунюнден хабер бериджи – Исафиль алейхиселям, инсанларнынъ джаны-ны алыджы – Азраиль алейхиселям киби дёрт мелек телькъин этиле.

Дёрт ракъамамынынъ анъаневийлешюв сырыны алимлер чешит тюрюлю изаатлай-лар. С.П.Обнорский «иптидаий саюв системасында «дёртлюк» усулы мевджют олгъаныны» тарифлей. [12,с.329]

А.И.Бородин исе дёрт ракъамы о девирде энъ буюк ракъам эсаплангъаныны ве чокълукъ, адсыз-эсапсыз анълайышны, мананы бильдирмек ичюн къулланылгъаныны къайд эте. [2, с.112].

Д.О. Шеппингнинъ фикрине коре, «дёрт – мевджют алем ракъамы, бутюн ипитиданынъ екюнидир. [15,с.4]. Ж. Байзакъов ве С.Къонакъбоевлер киби къазах алимлирининъ фикриндже дёрт ракъамы энъ буюк ве айны вакъытта энъ кичик къошма бир сайы олгъаны бу ракъамнынъ магик хусусиетини бельгилегенини къайд этелер. [1,с.25]. В.В.Иванов, В.Н. Топоров, [6,с.109]. А.Я. Сыркин, [13,с.113-114]. Н.Л. Жуковская, [5,с.209]. А.Т. Хроленко [14,с.71-72]. киби тедкъикъатчылар «сакраменталь «дёрт» ракъамына алякъадар анабанелер генезисини феза моделининъ горизонталь структурасына аит олгъаныны анълаталар. Дюньянынъ дёрт тарафкъа саиплиги дёртлюк тетрадасынынъ эсасыдыр деп саялар. Мифологик ве этнографик бильгилер бу сааны зенгинлештиргенини къайд этелер.

А.Т.Хроленконнынъ язгъанына коре, рус халкъ частушкаларында «дёрт» ракъамы «тараф», «къысым», «батыр» сёзлеринен бераберликте къулланылгъанындан гъайры, айры позицияларда «дёртюджи октябрь» киби «вакъыт» манасында ишлетилгенини де къайд эте. [14,с.71-72]

Къырымтатар фольклорында дёрт ракъамы дюньянынъ дёрт тарафыны косътере. Дюньянынъ дёрт тарафы къараманларнынъ сеферлеринен зиярет этилип косътерилгенинен бельгилене.

Дёрт ракъамынынъ магик-мифологик сайылар системасында ер алгъаныны къырымтатар масаллары ве халкъ дестанларында расткельген мисаллер тасдыкълайлар. Масаллар ве халкъ дестанларында «дёрт» ракъамынынъ «*таба, тараф, сокъакъ, коше, якъ, дивар, ода, бойнуз, козь, къыз*» киби сёзлернен бераберликте къулланылып кельгенини де къайд эте билемиз.

Меселя, «Эдиге батыр» масалында Тохтамыш хан *дёрт ёл башы*на бекчи оларакъ бирер къаравул къойдыра [11,с.491], «Аюв къулакъ батыр» масалында везир къызнынъ ёкъ олгъаныны дуйгъанынен, *дёрт бир тараф*къа аскер ёллай [11,с.452], Сувдан чыкъып, Аюв къулакънынъ сёзлерини эшиткен адждерха *козьлерини дёрт ачаракъ* онынъ устюне атылыр [11,с.459], «Джантемир батыр» масалында араштырылгъан йигитни тапмакъ ичюн, мемлекетнинъ *дёрт кошесине* хабер этилир [11,с.466], «Эдильбай ве Джайыкъбай» масалында *дёрт бир якъ*тан атлы йигитлер топланып келирлер [11,с.497], «Дюнья гузели» масалында *хан дёрт атлы* бир файтоннен «дюнья гузелени» кетиртир» [11,с.474], «Косе ве дев» масалында *косенинъ дёрт огълу бардыр* [11,с.145], Еди башлы дев кельмезден эвель, *косе дёрт огълуны эвнинъ дёрт кошесине* багълар [11,с.145], «Дюльбер» масалында къыз догъулгъан вакъыт *дёрт дивардан дёрт дервиш чыкъар* [11,с.470].

«Эдиге» дестанында «*артындан дёрт атлы етишимеси*», «*Ольген бир адамнынъ дёрт огълуна бир эчкининъ дёрт аягы мирас* къалмасы», «*дёрт больмели оджакъ* къаздырмасы» киби ифаделер расткеле.

«Кёр огълу» дестанында «Кёр огълу *дёрт одадан ибарет* къыркъ аршын юксеклигинде бир къале къура», «бир къоюн сюрюсинен берабер *дёрт бойнузлы бир къочкъар*нен чайыргъа кете» киби «дёрт» ракъамынен бераберликте ишлетилгъен джумлелер козьге чарпа.

«Чора батыр» дестаныда «Чора батырнынъ *дёрт бир тарафы* душман тарафынлдан чеврилир», «Ашыкъ Гъарип» дестанында «анасы Ашыкъ Гъарипни *дёрт козьнен беклер*», «Таирнен Зоре»де «*дёрт къыз* келе, Зорени котерип ала» киби «дёрт» ракъамынен бераберликте ишлетильген ибарелер мевджюттир.

Къырымтатар масаллары ве халкъ дестанларындан кетирильген мисаллерни талиль этерек, дёрт ракъамынен къулланылгъан ибарелер базы алларда чокълукъны анълаткъаныны айыра билемиз. Бази бирикмелерде исе олар аlemnинъ семантик тизилиш ремзи сыфатында ишлетильгенини къайд этемиз.

Къырымтатар масаллары ве халкъ дестанларында эпик межян «дёрт коше», «дёрт дивар», «дёрт ёл», «дёрт бир тараф», «дёрт бир якъ», «дёрт больмели оджакъ», «дёрт одадан ибарет (къале)» киби ибарелернен бельгилене.

Эпик межяны къорчалагъан къараманлар исе «дёрт атлы йигитлер», «дёрт атлы», «бирер къаравул», «дёрт огълан», «дёрт дервиш», «эчкининъ дёрт аягъы», «дёрт бойнузлы бир къочкъар», «дёрт козьнен беклер (Ашыкъ Гарипнинъ анасы)», «дёрт къыз» тимсали иле къуветлендириле.

Эпик межяны бельгилеген ибарелер ве эпик межяны къорчалагъан къараманларнынъ тимсали бераберликте поэтик формулаларны мейдангъа кетирелер. Бу поэтик формулалар «дёрт» ракъамынынъ эсерде, хусусан ишлетильген ибаредде беджерген бедий вазифесини айырып, тайинлемеге хызмет этелер.

Нетиджелер. Бойледже, «дёрт» ракъамы иле багълы поэтик формулаларда халкъымызнынъ къадимий дюньябакъышлары эсасында шекилленген тарихий-этнографик хусусиетлер акс олунгъаныны, хабер этювден гъайры эстетик вазифелер беджерильгенини айыра билемиз. Масалларда «дёрт» ракъамынынъ къулланылувы эпик чокълукъны анълаткъанындан гъайры, тылсымлы ремзлерни озюнде муджесемлегенини де тайинлеймиз. «Дёрт» ракъамынынъ фольклор эсерининъ поэтик тизилиши ве сюжетининъ шекилленювинде эмиети гъает муим олагъыныны да тасдикълай билемиз.

Теткъикъ олунгъан меселенинъ келеджекте къыйметли тарафлары

Аньаневий ремзлер тарзында халкънынъ анъына синъип къалгъан ве кунъделик яшайышта: мерасим ве адетлеримизнинъ сырлы алемине сефер къылмагъа муит яраткъан ракъамлар халкъ акъыл-идракининъ анъаневий инджеликлерини темелли огренмеге хызмет этелер. Къадимий девирлерде яшагъан миллетлернинъ дюньябакъышынынъ поэтик табиятыны тедкъикъ этильмесине кениш имкяниетлер ярата билелер.

Эдебият

1. Байзаков Ж., Қонақбоев С. Жумбақ – сырлы 4 саны / Ж. Байзаков., С. Қонақбоев // Илим ве Энбек, – 1979. – №1. – С. 8-29.
2. Бородин А.И. Число и мистика. / А.И. Бородин. – Донецк, 1975. – 239с.
5. Durbilmez Bayram. Qırım türk anlatılarında sayı simqeliqi. / Bayram Durbilmez // Milli folklor uluslararası Kültür Araştırmaları Dergisi. – 2007. – №76. – s.177- 190.
6. Джураев Маматкул. Магические числа в узбекских народных сказках. / Маматкул Джураев. – Ташкент: ФАН, – 1991. – 153с. – ISBN 5-648-01257-8.
7. Жуковская Н.Л. Семантика чисел в калмыцком эпосе «Джангар» / Н.Л. Жуковская. – Москва, 1980. – 250с.
8. Иванов В. В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. / В.В. Иванов., В.Н. Топоров. – М. – Л., – 1969. – 129с.

9. Кокиева А. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. «Докъуз» ракъамыннынъ бедий вазифелери. Магическое число 9 в крымскотатарском фольклоре. / А. Кокиева // Культура народов Причерноморья. – 2010. – №182. С. 30-32. – ISSN 1562-0808
10. Кокиева А. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. «Къыркъ» ракъамыннынъ бедий вазифелери. Магическое число 40 в крымскотатарском фольклоре. / А. Кокиева // Культура народов Причерноморья – 2011. – № 199. – т.2. С.57-59. – ISSN 1562-0808
11. Кокиева А. Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. «Учь» ракъамыннынъ бедий вазифелери. Магическое число 3 в крымскотатарском фольклоре. / А. Кокиева // Ученые записки. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2011. – т.24. [63], – №3. – С.115-118. – ISBN 5-7763-9818-5
12. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. / В.В. Красных. – Москва. «Гнозис». – 2002. – 284с. – ISBN 5-94244-009-3.
13. Mahmut Enver., Mahmut Nedret. Bozcigit. / Enver Mahmut., Nedret Mahmut. – Kriteyon kitap üyi, Bucuresti. – 1988. – 262s.
14. Обнорский С.П. Заметки по русским числительным. / С.П. Обнорский // Академия наук СССР – академику Н.Я. Марру, М. – Л., – 1935. – 329с.
15. Сыркин А.Я., Топоров В.Н. О триаде и тетраде. / А.Я. Сыркин., В.Н. Топоров // III летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. – Тарту. – 1968. – 212 с.
16. Хроленко А.Т. Числительные в современной советской частушке. / А.Т. Хроленко // Научные труды Курского Государственного педагогического института. – Курск, 1972. – т. 102. – 212с.
17. Шеппинг О.Д. Символика чисел. / О.Д. Шеппинг. – Воронеж. – 1893. – 112с.

Кокиева А. Магическое число 4 в крымскотатарском фольклоре / А. Кокиева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 108-112.

В статье рассматривается магическое число 4 в крымскотатарском фольклоре. Все коды культуры предопределяют метрически-эталонную сферу мировоззрения. Сегодня при чтении фольклорных произведений понимание этого пласта осложняется. Всё это создаёт предпосылки для исследования основного значения культурного пространства.

Ключевые слова: крымскотатарский фольклор, магические числа, культурное пространство, код культуры, символ.

Кокієва А. Магічне число 4 у кримськотатарському фольклорі / А. Кокієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 108-112.

У статті розглядається магічне число 4 у кримськотатарському фольклорі. Усі коди культури показують метрически-еталонну сферу світогляду. Сьогодні при читанні фольклорних творів розуміння цього шару ускладнюється. Все це створює передумови для дослідження основного значення культурного простору.

Ключові слова: кримськотатарський фольклор, магічні числа, культурний простір, код культури, символ.

Kokieva A. Magic number 4 in Crimean Tatars folklore / A. Kokieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 108-112.

In the article examined magic number 4 Crimean Tatars folklore. All of codes of culture and spiritual predetermine the metrical-standard sphere of world view. Today at reading of folklore works understanding of this layer is complicated. All of it creates pre-conditions for research of basic value of cultural space.

Key words: Crimean tatars folklore, magic numbers are cultural space, code of culture, character.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 821.512

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УСЕИНА БОДАНИНСКОГО В ИССЛЕДОВАНИИ И ПРОПАГАНДЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КРЫМСКИХ ТАТАР

Панова З.С.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье рассмотрен, в основном последний пятнадцатилетний период наиболее активной деятельности известного крымскотатарского археолога и этнографа Усеина Боданинского в бытность его директором Бахчисарайского музея. Его яркая и многогранная деятельность пришлась на сложное время политической нестабильности в Крыму, но собранный и исследованный им материал, несмотря на то, что большая его часть безвозвратно утеряна, до настоящего времени составляет золотой фонд крымскотатарской этнологии. Изучение деятельности У. Боданинского позволит восполнить утраченные страницы прошлого, упрочить основы крымскотатарской культуры, введет в научный оборот новый материал и станет классической основой для подражания, сравнения и сопоставления методологии проведения и обработки материалов современных фольклорных экспедиций.

Ключевые слова: просветитель, этнография, национальный музей.

Постановка проблемы. Поступательный ход развития крымскотатарской литературы последних десятилетий позволяет расширить информационные границы, выявляя из забвения новые имена и события, восполняя утраченные во времени звенья культурно-исторического наследия. Восполнение образовавшихся лакун позволит воссоздать целостную картину культурной жизни нашего народа, восстановление оригинальной основы которого станет залогом ее последующего развития.

Актуальность темы. Яркий след в истории крымскотатарской культуры оставлен династией Боданинских, имена которых, несмотря на огромный вклад в национальную культуру и просвещение, известны лишь узкому кругу специалистов. В этом году исполняется 135 лет со дня рождения Усеина Боданинского – крупнейшего знатока и пропагандиста национальной культуры крымских татар, основателя и руководителя в продолжении пятнадцати лет Бахчисарайского дворца-музея. Будучи художником, он прекрасно проявил себя и в ряде других областей: археологии, архитектуры, декоративно-прикладного искусства крымских татар, был страстным собирателем и защитником памятников истории и культуры Крыма.

Объектом изучения является деятельность Усеина Боданинского как основателя и руководителя Бахчисарайского дворца-музея.

Цель исследования: выявить масштабы и многогранность исследовательской деятельности Усеина Боданинского.

Задачи:

– рассмотреть виды научно-исследовательской деятельности Усеина Боданинского;

– выявить материалы экспедиций относительно крымскотатарского фольклора.

Боданинский Усеин Абдурефиевич (1877–1938) — крымскотатарский ученый и общественный деятель. По окончании СТУШ (Симферопольской школы татарских учителей), в ходе обучения в которой «обнаружил несомненные большие способности к живописи и рисованию», окончил Московское Строгановское художественно-промышленное училище, в 1911–1913 гг. принял участие в оформлении интерьеров Половцовой дачи в Санкт-Петербурге — памятника архитектуры эпохи неоклассицизма. По возвращении в Крым - директор художественного училища, в котором читал мусульманское право и историю искусств и Востока [1].

Дальнейшая судьба Усеина Боданинского неотделима от становления и развития Бахчисарайского музея, ставшего в 1920-1930-е гг. XX в. центром изучения крымскотатарской культуры. Организованный в 1917 году, он носил название музея-хранилища крымскотатарского искусства, истории и этнографии. Открытый музей не был музеем в полном смысле этого слова, а был только хранилищем сравнительно небольшой коллекции и существовал на крайне малые средства, отпускаемые городской управой.

Музей основательно пострадал в мае 1919 года, во время стояния во дворце немецких войск, когда его имущество было похищено. По-настоящему стал развиваться музей лишь с 1920 года.

Под руководством У. Боданинского развернулась спешная работа по собиранию в музей предметов и коллекций художественной старины крымских татар, но в начале 20-х гг. добиться сколько-нибудь существенных средств для реставрации памятников не удалось, поэтому основной формой охраны оставались выявление и взятие на учет архитектурных памятников. Такая же форма работы применялась и по отношению к этнографическим памятникам. В первый раз для собирания этнографических предметов в 1923 году была предпринята небольшая экспедиция сотрудника музея О.Акчокраклы в деревни Ускют, Капсихор, Арпат, Шелен [2].

Именно 1924 году Бахчисарайский отдел ОХРИС и музей в лице его сотрудников стали применять экспедиционный метод собирания своих коллекций старины и быта.

Сам Бахчисарайский дворец-музей к середине 1920-х гг. превратился в крупный национальный исследовательский центр. Небольшая коллекция за три года выросла до крупного музейного собрания, насчитывающего более 1800 экспонатов. В самом конце 1921 года Боданинский добился передачи в музей наиболее ценных рукописных и печатных книг из библиотеки «Зынджырлы медресе», около 200 экземпляров. В годовом отчете музея за 1923-1924 гг. говорится о наличии уже 2254 экспонатов [3].

Обширные познания директора музея в материальной истории крымских татар, живописи, декоративно-прикладном искусстве, архитектуре позволили музею в 1923-1924 гг. организовать небольшие этнографическую и археологическую экспедиции, принять участие в работе по учету, охране и реставрации исторических памятников.

Первая мировая война, а вслед за ней голод и разруха свели почти на нет промыслы города. Именно поэтому музейные деятели Крыма активно способствовали возрождению кустарных промыслов.

Бахчисарайский музей был одним из главных организаторов крымского отдела I Всероссийской художественно-промышленной выставке в 1923 г. Выставка пока-

зала, что кустарные изделия крымских татар имеют не только художественную ценность, но и могут пользоваться большим спросом [4].

В начале 20-х гг. существенных средств для реставрации памятников не было, поэтому для музея в лице его сотрудников основной формой работы стал экспедиционный метод сбора и фиксирования материалов археологии, художественных промыслов и этнографии. Вопреки бытовавшему представлению о кочевом быте крымских татар, задолго до основания Бахчисарая в Эски-Юрте существовало богатое крымскотатарское поселение с высоким художественным развитием, обширными внешними связями [5].

Одним из основных источников пополнения Бахчисарайского музея предметами национального прикладного искусства были кустарные ремесленные мастерские: тюфкчилер (оружейники), чилинчилер (слесаря), бакырджылар и калайджылар (медники и лудильщики), бешикчилер (мастера по дереву). Ювелирные изделия и национальная одежда изготавливалась в специальных кварталах города. Война, а вслед за ней голод и разруха свели почти на нет промыслы города. Именно поэтому музейные деятели Крыма активно способствовали возрождению кустарных промыслов.

В октябре 1924 года при Крымской кооперативной комиссии состоялось совещание, на котором обсуждались вопросы возрождения кустарных промыслов. Сам Боданинский в своем выступлении отметил, что татарские кустарные изделия ранее высоко ценились по своим художественным качествам далеко за пределами Крыма. Совещание разработало подробный план возрождения национальных промыслов [6].

Усеин Боданинский никогда не замыкался только в кругу музейных дел. Высокий профессионализм, гражданская позиция в решении многих вопросов, большой авторитет среди населения и научной общественности, обусловили общественную активность ученого. Боданинский был избран в состав Крымского ЦИКа первого созыва (1921 г), был членом Бахчисарайского горсовета, какое-то время был заведующим отделом народного образования в Бахчисарае. Высокое общественное положение директора музея, безусловно, способствовало дальнейшему развитию музея, развитию его материальной базы, повышению его авторитета у населения - основного источника пополнения коллекций. 1925 год был в истории Бахчисарайского музея и его директора самым плодотворным и насыщенным различными событиями. В это время на качественно новом уровне развивалась этнографическая, археологическая, выставочная работа музея, усиливаются его контакты с научными организациями Москвы и Ленинграда. Боданинский в 1925 году выступает не только как организатор этнографической работы, но и успешно пробует себя как главный художник-консультант при съемке известного фильма «Алим» [7].

Успехи, достигнутые музеем в 1920-1924 гг., укрепление его статуса привели к тому, что в резолюции III Крымской конференции музейных работников в январе 1925 года в Симферополе был включен специальный раздел «Изучение памятников татарской старины и этнографии». В октябре 1924 года при Крымской кооперативной комиссии состоялось совещание, на котором обсуждались вопросы возрождения кустарных промыслов. Сам Боданинский в своем выступлении отметил, что татарские кустарные изделия ранее высоко ценились по своим художественным качествам далеко за пределами Крыма. Совещание разработало подробный план возро-

ждения национальных промыслов. В первый раз для собирания этнографических предметов в 1923 году была предпринята небольшая экспедиция сотрудника музея О.Акчокраклы в деревни Ускют, Капсихор, Арпат, Шелен [8].

Усеин Боданинский никогда не замыкался только в кругу музейных дел. Успехи, достигнутые музеем в 1920-1924 гг., укрепление его статуса привели к тому, что в резолюции III Крымской конференции музейных работников в январе 1925 года в Симферополе был включен специальный раздел «Изучение памятников татарской старины и этнографии».

Понимая в какое ответственное время он живет и как важно сохранить для потомков документальные свидетельства эпохи, Боданинский ряд лет вел дневник, в который записывал сведения о музее и своей работе.

Сохранившиеся до сегодня записи Боданинского охватывают 8-месячный период (с 27 апреля 1925 г. по 3 января 1926 г. и пронумерованы со страницы 210 по 360, что позволяет говорить об отсутствии, по крайней мере, первой части дневника.

Большинство кратких практически ежедневных записей относятся к участию Боданинского в летней этнографической экспедиции 1925 года и в консультационной работе при съемке фильма «Алим». Вот что об итогах экспедиции пишет Боданинский в дневнике:

«Экспедиция (6 человек) проехала 500 верст, посетив 64 населенных пункта Крыма. За 42 дня собрано около 150 этнографических бытовых предметов, 50 эпиграфических памятников (в виде отдельных рукописей). Записано около 1000 образцов народного фольклора, сфотографировано 200 памятников, зарисовано – 300» [9].

Экспедиция по сути дела являлась первой значительной попыткой крымских татар подойти к изучению собственной национальной культуры своими силами.

Почти одновременно с этнографической экспедицией летом 1925 года в Старом Крыму проводились первые обширные археологические обследования древней столицы крымских татар. Возглавлял экспедицию известный исследователь Крыма, член президиума Всероссийской ассоциации востоковедения профессор И.Н. Бороздин. Боданинский принял активное участие в представлении крымского искусства на Международной художественно-промышленной выставке в Париже летом 1925 года. Большинство отобранных экспонатов носило этнографический характер и было предложено Бахчисарайским музеем: образцы художественных работ, мужских и женских костюмов, ковры, чадры, шитье золотом, чеканную посуду и т.п. Крымские чадры и вышивки получили медаль.

Росту музея, высокому его авторитету среди населения и научной общественности способствовала неутомимая просветительская и пропагандистская работа, проводившаяся музеем, его сотрудниками. Главным популяризатором своего детища был директор музея Усеин Боданинский. Список только отдельных брошюр и статей в журналах, написанных им и опубликованных в 1920-е годы, достигают 10 наименований: «Памятники крымско-татарской старины» (совместно с А.С.Башкировым), «Карасубазарские памятники» (кр.тат. язык), «Татарские дюрбе (мавзолеи) в Крыму», «Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму» и др. Ряд статей и хроникальных заметок о дворце-музее, его памятниках были опубликованы в газете «Красный Крым».

Сохранившееся наследие по материалам экспедиций относительно невелико - довольно иллюстрированное издание крымскотатарских сказок, старинные предания, включенные в первый последепортационного периода учебник по крымскотатарской литературе с зарисовками сказителей, выполненных рукой У. Боданинского [10].

Вопросами научной и просветительской деятельности музея призван был заниматься организованный при нём в 1926 году Ученый совет в составе 6 человек: У. Боданинский (председатель совета), О.Акчокраклы (ученый секретарь совета), И.Н.Леманов - профессор-арабист, заведующий домом-музеем Гаспринского А.Муртазаев, М.Шейх-заде – зам. директора музея, один из лучших в Крыму арабистов, геолог А.Рашид.

Обстановка в 1920-1930-е годы, в которой Боданинскому приходилось работать, была далеко не благоприятной. Чувствуя хрупкость и незащищенность памятников в переломные моменты истории, У. Боданинский везде, где можно - в Москве, Ленинграде, Харькове, Симферополе, где ему приходилось бывать по научным и служебным, он остро ставил вопрос о важности финансирования изыскательских и ремонтно-реставрационных работ. Очень интересной была идея Боданинского превратить Бахчисарай в город-музей. Сфера его интересов не ограничивалась только пролемами Ханского дворца. У. Боданинский был главным консультантом архитектора-реставратора Б.Н. Засыпкина в его поездках по Крыму и сопровождал его при осмотре всех памятников Бахчисарая, Симферополя, Карасубазара, Старого Крыма. Все сколько-нибудь привлекательные памятники крымскотатарского зодчества были просмотрены, обмерены, описаны. По материалам командировки Б.Н.Засыпкина была опубликована в журнале «Крым» большая статья «Памятники архитектуры крымских татар» - одна из лучших работ на эту тему.

Однако главным предметом заботы директора был сам музей. Боданинский не просто выполнял обязанности директора, он жил вместе с музеем, свою судьбу он не отделял от любимого детища.

Все это время Усеин Боданинский является членом многочисленных организаций, деятельность которых связана с краеведением, археологией и историей, например, Российского общества по изучению Крыма или Всеукраинской научной ассоциации востоковедения. Ведет значительную работу по сохранению памятников крымскотатарской национальной культуры и истории, организует выставки, выступает с докладами и т.д.

Одним из первых он понял необходимость сохранности не только выдающиеся архитектурные памятники, высокохудожественные изделия из драгоценных металлов. Не менее важно было, по его мнению, собирать все предметы старого быта, сохранять то, что сейчас мы называем исторической средой города. В древних крымских городах Бахчисарае, Карасубазаре, по его мнению, нужно было сохранить их историческую застройку.

Интересна идея У. Боданинского превратить Бахчисарай в город-музей. И можно представить какими, по меньшей мере, странными казались тогда эти идеи в крымской глубинке. Не случайно на почве этих высказываний директора Ханского дворца между ним и районными властями возникали недоразумения.

Несмотря на предпринимаемые в Крыму меры по охране историко-культурного наследия, ряд ценных памятников (Генуэзская башня в Феодосии, средневековые бани Карасубазара, древний Старо-Крымский городской вал и др.) были искажены перестройкой или вовсе уничтожены.

Усеин Боданинский был главным консультантом архитектора-реставратора Б.Н. Засыпкина в его поездках по Крыму и сопровождал его при осмотре всех памятников Бахчисарая, Симферополя, Карасубазара, Старого Крыма. Все сколько-нибудь привлекательные памятники крымскотатарского зодчества были просмотрены, обмерены, описаны. По материалам командировки Б.Н.Засыпкина была опубликована в журнале «Крым» большая статья «Памятники архитектуры крымских татар» - одна из лучших работ на эту тему.

Однако главным предметом заботы директора был сам музей. Боданинский не просто выполнял обязанности директора, он жил вместе с музеем, свою судьбу он не отделял от любимого детища.

Почти год У. А. Боданинский еще находился в Бахчисарае, он вынужден был съехать из помещения музея, в котором он жил. Ему некуда было идти, и У. Боданинский остановился у бывшего вахтера музея П.Ф. Гонтаренко .

У. Боданинский был не в силах равнодушно смотреть на все происходящее в Крыму. Ученый уехал в Москву и Ленинград, затем в Грузию, работал художником-оформителем в Тбилиси. Но и там его настигает беспощадная машина террора: в 1937 г. его арестовали и привезли в Симферополь, пытали, заставляя «признаться в национализме» [11].

17 апреля 1938 г. У. Боданинского судили и в тот же день расстреляли в Симферополе вместе с другими видными деятелями культуры и искусства.

Место захоронения неизвестно. Не реабилитирован.

Выводы. У. Боданинский прошел сложный жизненный путь. За время его руководства Бахчисарайский Дворец-музей стал один из крупнейших в Крыму, превратился в центр историко-этнографического изучения крымских татар. Заслуга его как историка, выдающегося этнографа в деле развития музейного дела в Крыму огромна. Деятельность на поприще крымскотатарской культуры многогранна: археология, возрождение традиционных художественных промыслов, этнография, бшественный деятель, ученый. Даже сегодня, когда большей частью коллекции крымскотатарского музея и материалов возглавленных им экспедиций не существует, представленные экспонаты в экспозициях исторического и этнографического отделов Музея истории и культуры крымских татар, материалы записей крымскотатарского фольклора наглядно показывают, насколько изыскана и богата была эта культура, ради изучения которой У. Боданинский отдал свою жизнь. Изучение деятельности У. Боданинского позволит восполнить утраченные страницы прошлого, упрочить основы крымскотатарской культуры, введет в научный оборот новый материал и станет классической основой для подражания, сравнения и сопоставления методологии проведения и обратотки материалов современных фольклорных экспедиций.

Перспективы: изучение научного наследия У. Боданинского не только введет в научный оборот новый материал, но и станет классической основой для подражания, сравнения и сопоставления методологии проведения и обратотки материалов современных фольклорных экспедиций.

Литература

1. Урсу Д.П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921—1941) / Д.П. Урсу. — Симферополь, 1999. — С. 64.
2. Эминов Р.Р. - зав. этнографическим отделом Музея истории и культуры крымских татар БИКЗ // Первый национальный музей крымских татар
3. Козлов В. Ф. Директор музея / В.Ф. Козлов // Ыылдыз, 1996.- № 4.- С. 112-125.
4. Там же.
5. Мусаева У. К. Народный учитель: Документальный очерк деятельности выдающегося крымскотатарского просветителя Усеина Боданинского / У. К. Мусаева.- Симферополь: СГТ, 2007.- 240 с.- (Биобиблиография крымоведения; Вып. 9).
6. Джелал Н. Усеин Боданинский [Электронный ресурс] / Джелал Нариман .- Режим доступа: <http://avdet.org/tr/node/548>
7. Шемьи-заде А. Али Боданинский – организатор и управляющий делами национальной революции / А. Шемьи-заде // Полуостров, 17 апреля, 2009.
8. Козлов В. Ф. Директор музея / Козлов В. Ф. // Ыылдыз, 1996. -№ 4. -С. 112-125.
9. Фонды КРУ БИКЗ.— Дневник У. Боданинского за 1923—1924 гг.— С. 126-128.; КП 9522– 381.— Дневник ... — С.178–182, 185–190.
10. Бекиров Дж. Б. Кыпымтатар эдебытынын тарихы / Дж. Б. Бекиров.- Ташкент, 1973.
11. Желтухина О.А. Последние годы жизни У.А. Боданинского в Бахчисарае / О.А. Желтухина // Бахчисарайский историко-археологический сборник.— Симферополь, 2008.— С. 360–361.

Панова З.С. Діяльність Усеїна Боданінського в дослідженні і пропаганді національної культури кримських татар / З.С. Панова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 113-119.

У статті розглянуто, в основному останній п'ятнадцятирічний період найбільш активної діяльності відомого кримськотатарського археолога і етнографа Усеїна Боданінського в бутність його директором Бахчисарайського музею. Його яскрава й багатогранна діяльність припала на складний час політичної нестабільності в Криму, але зібраний і досліджений ним матеріал, незважаючи на те, що більша його частина безповоротно загублена, до теперішнього часу складає золотий фонд кримськотатарської етнології. Вивчення діяльності У. Боданінського дозволить заповнити втрачені сторінки минулого, зміцнити основи кримськотатарської культури, введе в науковий обіг новий матеріал і стане класичною основою для наслідування, порівняння і зіставлення методології проведення та обробки матеріалів сучасних фольклорних експедицій.

Ключові слова: просвітитель, етнографія, національний музей.

Panova Z.S. The activity of the Yseina Bodaninskogo in the study and propaganda of national culture of the Crimean Tatars / Z.S. Panova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 113-119.

Considered in the article, mainly in the last fifteen years of the period more active activity of famous Crimean Tatar archaeologist and ethnographer Yseina Bodaninskogo when he was the Director of the Bakhchisaray Museum. Its bright and many-sided activity fell on difficult times of political instability in the Crimea, but collected and studied material, in spite of the fact that a big part of it is irrevocably lost, up to the present time is the gold Fund of the Crimean Tatar Ethnology. Study of the activity of The. Bodaninskogo will make up for the lost pages of the past, consolidate the pillars of the Crimean Tatar culture, to bring into the scientific circulation of the new material and will be a classical basis for imitation, comparing and contrasting methodologies and learning modern materials of folklore expeditions.

Key words: enlightener, Ethnography, national Museum.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 821(=512.19)-34

ШТРИХИ К ЛИТЕРАТУРНОМУ ОБРАЗУ АЛИМА – ГЕРОЯ КРЫМСКОТАТАРСКИХ ПРЕДАНИЙ

Сеитягьяева Т. Р.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Украина,
e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье делается попытка раскрытия литературного образа Алима – героя крымскотатарских народных преданий.

Ключевые слова: предание, легендарный герой, литературный образ.

Постановка проблемы. В литературе каждого народа есть свой любимый образ. В английских балладах – это Робин Гуд. Аналогичный образ существует и в преданиях крымских татар. Это популярный среди простого народа Алим Айдамак – смелый, отважный и милосердный разбойник. В конце XIX в. о нем слагаются легенды, как о знаменитом защитнике слабых и обездоленных людей. Сказания об Алиме стали национальным крымскотатарским эпосом, а его образ превратился в символ справедливости и честности.

Анализ литературы. Несмотря на популярность Алима Айдамака в народе, в крымскотатарском литературоведении его образ не являлся предметом специального исследования и требует всестороннего изучения и анализа.

Цель статьи – дать характеристику литературному образу героя крымскотатарских преданий Алиму Азамат оглу.

Изложение основного материала. Алим – персонаж одновременно и литературный, и исторический. Его историческим прототипом явился сын крестьянина Азамата, который в середине XIX столетия совершал набеги на богатых помещиков и охотно делился награбленным с бедным человеком. Алим Азамат оглу родился в начале XIX века в деревне Копюрликой (Черемисовка), в 15 км от Карасубазара (Белогорска), что на Востоке Крыма. Алим с детства познал тяжелый труд – его в раннем возрасте отдали в услужение богатому карасубазарскому помещику, жившему в самом центре города. Возмужав, Алим полюбил дочь хозяина, чем вызвал неодобрение у последнего. Впоследствии оклеветанный любимой девушкой, Алим из мщения воскликнул: «Коли вы меня, честного человека, боитесь как вора, так я буду настоящим «вором»! [1, 182]. Столкнувшись с несправедливостью, несоблюдением законов и клеветой, Алим решил избрать образ жизни разбойника. Полюбив дочь виновника всех своих несчастий Бабовича – Рахиль, Алим из-за неё откладывал месть бывшему хозяину. Его уход в лес и решение стать мстителем демонстрирует незаурядную храбрость и решительность, чем впоследствии покоряет он сердце возлюбленной.

Приключения и сам образ Алима сходны с образом Робин Гуда, ведь по преданиям, Алим, подобно своему предшественнику, грабил только богатых, щадил и награждал бедняков, не делал никакого зла женщинам, скрывался в лесу и горах,

вел жизнь изгоя, деяния и приключения этого человека крымскотатарский народ воспевал в своих песнях. Сходные с образом Алима мотивы просматриваются и у пушкинского Дубровского.

Но в отличие от Робин Гуда и Дубровского, Алим действовал всегда один, шаек не собирал и сообщников не имел. Лучшим другом его был легендарный конь Тузла-Торы, который вовремя уносил его от преследований, охраняя хозяина во время сна, он будил его касанием ноги в случае опасности.

Характерной чертой набегов Алима было, то, что он мог в один и тот же день совершать грабежи в различных концах полуострова. За Алимом закрепляются эпитеты «неуловимый», «летучий». «Благодаря присущему татарину-горцу ловкости, прекрасному знакомству с местностью, укрывательству со стороны своих соплеменников, он быстро переходил из деревни в деревню, часто пробиваясь сквозь цепи полицейских и солдат», – писал о нем крымский краевед Л. Колли [2, 49]. С ним не могли справиться ни полицейские, ни помещики, ни царские чиновники.

Когда по распоряжению властей на Алима устраивались засады, друзья заблаговременно предупреждали его об этом и спасали от ловушки. Татары его оберегали, и он на протяжении ряда лет благополучно ускользал от преследователей [1, 185]. Он смело въезжал в город. Чуть ли не все обыватели, не исключая и помещиков, отлично знали его в лицо. Алим гулял на всех татарских свадьбах. Приедет с подарками к молодым, попляшет, повеселится – и был таков! [1, 184]. Татары не только не выдавали своего героя, но и при удобном случае, как могли, помогали ему, ведь они видели в Алиме удалого джигита, но никак не разбойника. Алим, отнимая деньги у богачей, отдавал все бедным, не считаясь с национальностью. И бедный люд всегда спасал его от ловушек и засад. Не обходилось без него в оригинальных историях («Безухий Алим»), а также в романтических историях (рассказ про то, как Алим нанес визит к миллионеру Стефанаки). Алим пользовался большой славой в Крыму, и обиженные грозилась его именем, на что тот справедливо наказывал обидчика, взяв с него долю имущества. Похождения Алима становились более дерзкими, необузданными и неожиданными, он не знал страха, и не было предела его удалству. Алим был смел, находчив, бесстрашен, ловок, справедлив, виртуозен и в чувстве юмора ему было не отказать. Его имя наводило трепет и невольно проникало к нему уважением, поступки были продуманны и спланированы, хотя и нередко спонтанны.

Алим, будучи натурой страстной и романтической, что подтверждается его любовью к дочери своего обидчика, был, конечно, озадачен поступком Рахили, оклеветавшей его, но, тем не менее, не рассердился на нее, в душе не питал к ней враждебное чувство, чем заслужил, наконец, любовь прекрасной караимки. До слуха Рахиль доходили преувеличенные подвиги Алима, что приводило ее в восторг, в мечтательной душе девушки он был героем, причем она сознавала, кто явился причиной его «геройских» дел. Как сказал знаменитый француз Александр Дюма: в каждом преступлении ищите женщину. Подтвердились эти слова и в этом случае, именно с тех самых пор, как Алим был оклеветан возлюбленной, и начались его странствования. Постепенно Рахиль стала обожать своего героя, она стала искать встреч с ним, чтобы он заколол ее своим кинжалом за публичную клевету в покушении на грабёж.

В одном из преданий романтический образ разбойника подтверждается тем фактом, что Алим, проникнув ночью во двор дома с целью грабежа и увидев в окне колена-преклоненную молящуюся девушку перед образами, тихо покинул усадьбу. А в предании, где случай свёл давулджы (барабанщика) и Алима, последний поместившись в полости барабана, укрывается от преследования, не без помощи старого музыканта. Его поведение и облик столь обыденны и не устрашающи, что, когда давулджы узнает, кто на самом деле укрывался в его барабане, он не только не боится, а обращается к нему за помощью.

На «ряженность» Алима читатель невольно обращает свое внимание. Что стоит только описание его великолепных нарядов, расшитых золотом и серебром, а также украшения его любимого коня. Есть и словесное описание костюма и наружности Алима из воспоминаний И. К. Айвазовского: «Черная из люстрины куртка с короткими рукавами, из которых, покрывая мышцы, висели широкие, всегда чистые рукава рубахи; широкие черные, опоясанные восточным разноцветным шарфом штаны; на голых ногах крепкие, открытые башмаки, а на голове серая смушковая шапка», – таков был его костюм. «Лицо у него было несколько продолговато, с серыми умными, симпатичными глазами, черные усики, плечи довольно широкие, рост средний, стан бодрый, телосложение здоровое. Видно было, что это ловкий и сильный татарин лет тридцати. Конь у него был лихой, как и сам хозяин» [2, 51].

Имя Алима прочно входит в народный фольклор, становясь легендарным национальным героем, Алим сохраняет свои главные положительные черты – добросердечие, верность дружбе, готовность прийти на помощь несправедливо обиженному. О нем вспоминают в трудную минуту простые люди («Над Копюрликоем гремит гром»).

Конечно, в народных преданиях много вымысла, ведь народ передавал их из уст в уста, добавляя каждый своё, но правдой является то, что Алим, грабящий усадьбы и богатых путников, никогда никого не убивал, считая убийство смертным грехом. Он просто доставал пистолет и предлагал путнику вытащить кошелек. То, что он действительно награбленные деньги раздавал малоимущим, не раз подчеркивалось в рассказах об Алиме. Простые татары его почитали и охотно предоставляли убежище. «Когда говорят о поступках Алима, этого простого горца-татарина, не раз проглядывают в нем такие характерно-рыцарские черты, какие редко приходится встречать даже у интеллигентного человека», – писал о нем Л. Колли [2, 56]. Среди всего он оставался глубоко верующим, справедливо, на его взгляд, карающим от имени Аллаха, защитником сирот, вдов и бедняков.

Типичность ситуации несправедливой клеветы толкают Алима на безрассудные поступки, которые оборачиваются преступлением. Честолюбие, пылкий нрав, унаследованные от предшествующего поколения, импульсивность, толкают Алима на совершение правосудия. Удел молодого удалца – каторга или вынужденная эмиграция. Здесь интересен не мелодраматический герой-разбойник, а судьба крымскотатарского крестьянина, ставшего жертвой несправедливости. Кажущаяся незавершенность сюжета об Алиме исчерпывается завершенностью его судьбы. На это указывает тот факт, что Алима строго судили, приговорив его к прогону через строй, где полторы тысячи палок должны были опуститься на спину этого отважного джигита, а также к

отправке его пожизненно на рудники. Жизнь Алима можно отнести ко времени царствования в России царя Николая I (1825–1855). Царь, наслышанный о нём, хотел лично видеть знаменитого разбойника, издав указ, где подчеркивалось, чтобы Алима поймали живым, а после препроводили в Петербург. В начале декабря 1849 г. Алим в возрасте 33 лет предстал перед судом. Приговор выглядел так: «Принимая во внимание, что Алим никого не убивал, а только грабил, ... суд повелел крестьянина Феодосийского уезда деревни Коперлы-Кой Алима Азамат-оглу прогнать через строй 500 человек шесть раз и сослать на Алландинские острова» [3].

На самом деле Алим фактически сдался сам. О том, чтобы покинуть Крым, он и не помышлял. «Крым лучше всех султанских дворцов!» – говорил он Айвазовскому [2, 52].

Надоела ему эта жизнь преследуемого зверя. Передавали, что среди белого дня зашел он в городской сад и лег на скамью, в тени, на берегу любимого им Салгира. Довольно разбойничьей жизни, довольно борьбы с законом! Настал час искупления. Он заснул. Его окружили полицейские, задержали и под сильным конвоем препроводили в губернский тюремный замок [2, 54]. Реальное существование Алима подтверждают архивные документы судебных жалоб и дел на него, заведенных царскими чиновниками в 1848 году. А также существует единственный в своем роде прижизненный портрет Алима, написанный в Симферопольской тюрьме 11 декабря 1849 года юной художницей-француженкой Леони Лелоррен. Она когда-то подарила этот портрет госпоже Кушниковой, подписав: «Если когда-нибудь эти штрихи должны возбудить в вашей душе хоть малейшее воспоминание обо мне, то тогда копия сделает больше добра, чем когда-либо оригинал совершил зла» [2, 55].

Алим был всегда горячо любим своим народом, сюжет о нём был воплощен в одноименном романе, популярной пьесе и кинофильме, сценарий к которому был написан Умером Ипчи (1925). В экранизации романа (1926) роль Алима сыграл некогда знаменитый актер и танцор Хайри Эмир-заде. Его имя упоминается и в крымской топонимике (гrotы, пещеры, урочища, названия улиц). Современный цикл об Алиме насчитывает около 60 преданий. В них Алим выручает односельчан, проявляет чудеса храбрости, ловкости, хитрости, защищает бедняков и женщин.

Вывод. Образ Алима Азамат оглу является любимым литературным персонажем крымскотатарского народа, что подтверждается памятью о дерзком удалце, которая увековечилась в песнях и стихах, его подвиги легли в основу нескольких романов, пьес, о нем был снят фильм, его именем названы улицы крымских городов, и наконец, в его честь был воздвигнут памятник. Для одних Алим слыл вором и врагом, для других – справедливым защитником и другом. В сознании народа сложился образ благородного, доброго разбойника.

Литература

1. Алім – кримський джигіт. Розповіді, перекази, спогоди про Аліма / Автор-укладач Різа Фазил. – Симферополь : Кримське навчально-педагогічне державне видавництво, 2005. – 308 с.
2. Колли Л. Подлинный портрет Алима / Л. Колли // ИТУАК. – Симферополь, 1905. – № 38. – С. 48–57.
3. Дремова Н. Правда и вымысел про Алима-разбойника [Электронный ресурс] / Н. Дремова // Срібло. – Режим доступа : www.gazetasriblo.com.ua/.../pravda-i-vyimyisel-pro-alima-razbojnik...

Сеітягъяева Т. Р. Літературний образ Аліма – героя кримськотатарських переказів / Т. Р. Сеітягъяева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 120-124.

У статті робиться спроба розкриття літературного образу Аліма – героя кримськотатарських народних переказів.

Ключові слова: переказ, легендарний герой, літературний образ.

Seityagyaeva T. R. **Literary image Alim – the hero of the Crimean Tatar legends** / T. R. Seityagyaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 120-124.

The article discloses a literary figure Alim – the hero of the Crimean Tatar folk tales.

Key words: tradition, the legendary hero, literary image.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 821.512

ÖZBEK CEDİD ŞAİRİ TEVELLÂ'NIN GASPIRALI İSMAİL BEY'İN ÖLÜMÜNE YAZDIĞI MERSİYE

Üşenmez E.

*Стамбульский университет Арель, г. Стамбул, Турция,
e-mail: fahemek@gmail.com*

Giriş. Tölegen Hocamyaroğlu (Tevella) (1883-1939). 1883 yılında Taşkent'in Kökçe nahiyesi Abı nezir mahallesinde dünyaya gelen Tolegen Hocamyaroğlu (Tevella) Özbek Cedid edebiyatının önde gelen şair ve gazetecilerinden birisidir. Babası Hocamyar Cıyanbayoğlu 1909 yılında hayata veda etmiştir. Eski mektepte okuyan Tolegen Hocamyaroğlu (Tevella) Taşkent'teki Beylerbeyi medresesi ile Rus milli mekteplerinde eğitim görmüştür. 1900-1910 yılları arasında Osmanbek Salihcanbayoğlu yanında çalışmış daha sonra 1910-1917 yılları arasında çeşitli ticari kuruluşlarda görev almıştır (Kasimov ve diğerleri, :2004-206, Kahhar, 2000/III: 21).

1910'lu yıllardan itibaren şiir yazmaya başlayan Tolegen Hocamyaroğlu meşhur Özbek şairlerinden Türkistan'ın Sayram şehrinde olan Yusuf Saryamî (1840-1912)'nin talebesi olmuştur. Hocası ona Tevella mahlasını vermiştir.

1910'lu yıllarda şiirleri çeşitli matbuatlarda yayımlanmaya başlayan Tevella vatan-millet duygularını üstün tutan ve bunu ar namus meselesi sayan aydınlardandır. Terakki, Seda-yı Türkistan, Şöhret, Seda-yı Fergana gibi dergilerde onun şiir ve makaleleri yayımlanmaya başlamıştır. Türkistan'ın işgali onun kalbinde derin yaralar açmıştır. Onun şiirlerine baktığımız zaman asrın başındaki Türkistan'ın ne kadar acı ve elem verici bir durumda olduğunu rahatlıkla görebiliriz.

1913-1917 yılları arasında Abdullah Avlanî ve Münevverkâri Abdureşidov'un da aralarında bulunduğu Turan adlı cemiyete dahil olur. 1920'li yıllarda ise Muştum dergisinde faal olarak görev alır. Pek çok devlet hizmeti de icra eden Tevella hoş olmayan bir şekilde suçlanarak devlet görevinden uzaklaştırıldıktan sonra 14 Ağustos 1937 yılında çeşitli milli cemiyetlere üye olmak ve şiirlerinde milliyetçilik ve bağımsızlığı öne çıkarmak suçlarından tutuklanarak hapse atılır. Uydurma mahkemeler ve akıl almaz suçlamaların yanı sıra geride eşi ve çocuklarını bırakan Tevella 10 Kasım 1937 yılında mahkeme tarafından idam edilmiştir. Yüce Sovyet mahkemesi (!) 18 Ekim 1969 yılında onun suçsuz olduğuna karar vermiştir. Şairin kabrinin nerde olduğu bugün için dahi bilinmemektedir.

Türkistan işgal edildikten sonra diğer meslektaşları gibi derhal gaflet uykusunda olan halkı uyandırmaya yoluna gitmiştir. Tevella çeşitli yerlerde ilan edilen fakat basılmayan şiirleri ile henüz hiç yayımlanmamış şiirlerini Revnaku'l-İslam (1916) adı altında 1916 yılında neşreder. Sebzezar (1915) adlı şiir kitaplarında sürekli biçimde halkın eğitilmesi gerektiğini, Turan davasını, cehaletin en büyük düşman olduğunu, ilim ve fen sayesinde bilinçlenip bağımsızlık mücadelesi verilmesi gerektiğini savunmuştur.

Tevella 1905'li yıllardan itibaren Cedid hareketi ile tanışmaya ve içinde yer almaya başlamıştır. Tevella'daki Türklük bilinci ve Turan sevdası sınır tanımaz biçimde cerayan

etmiştir. Tevella o kadar hisli ve duyarlı bir şairdir ki 1914 yılında Osmanlı Devleti şehirlerinden birisinde Kars'ta meydana gelen deprem için Kars (1914) adlı şiiri yazmıştır (Kasimov ve diğerleri 2004: 206).

Gaspıralı İsmail Bey (1851-1914)

Gaspıralı İsmail Bey (İsmail Mirza Gasprinskiy) 20 Mart 1851'de Kırım'ın Bahçe-saray yakınlarındaki Avcı köyünde dünyaya gelmiştir (Ülküsal, 1976: 1150). Bütün ömrünü Türklük, Türkistan, Turan ve Türkistan halkının eğitimi uğrunda harcayan Gaspıralı İsmail Bey 10 Nisan 1863 tarihinde *Tercüman* gazetesini çıkarmaya başlamıştır. Bu gazete Türk dünyasının ortak sesi, dili ve gönlü gibi işlev görmüştür. Türk dünyasının hemen hemen her noktasına ulaştırılmıştır. Gaspıralı İsmail Bey'in asıl gayesi Ruslar'ın işgal ettiği Türkistan topraklarında yeni usûl (usûl-i cedid) okullar açarak halkı eğitmek, bilgilendirmek ve bu yolla terakki ettirmektir.

Abdullah Avlani'nin anlatımlarına göre 1900 başlarında *Tercüman* gazetesini okuyanlar dönemin mollaları tarafından "Cedidciler" olarak adlandırılmışlardır.

TERCÜMAN GAZETESİNİN ŞAİR VE MUHARRİRİ İSMAİL BEK GASPIRALI CENAPLARININ VEFAT TARİHİ¹

Hiç kimseye acımayın ey vefasız nere zal
Nice gençleri sen ömrüne yetirdin zeval
İsmail Bey Gaspıralı idiler bîmisal
Kılmadın ilmüne riayet eyledin paymal²
Telgraf aldık şu an, tamam eylediler deyip irtihal

Ağla millet, kan düküp şimdi ağlamanın vaktidir
Acı acı ağlamak, tamam, şimdi bizlere zarûr
Gitti âlem arsasından deyip figanı aşur
Karşılaysın sizler hem kalkıp ey ehl-i kubûr³
Gözleriniz aydın olsun dahi görsünler cemal

On iki Eylül Cuma günü o cevher
Elveda deyip o babamız ahirete kılmış sefer
Güneş tutuldu, söndü vehminden baktı kamer
Diye hemencecik telgraf ile bize verdi haber
Ah! İştince öldüğünü olduk hep kederli hâl

Ey saadet yıldızı batdın nereye sen bugün
Kapandı bütün âlem bilemedik biz gün mü tün⁴
Ey edipler serveri ve ey sahib-i ilm-i ledün⁵
Nereye gittin bizi bırakıp sahib-i ilm-i fûnûn¹

¹ Şiirin yayımlandığı yer Tevella'nın şiirlerini topladığı *Revnaku'l-İslam* adlı kitaptır. Bu şiir toplamını Begali Kasimov yeniden gözden geçirip giriş yazmak sureti ile neşretmiştir: Tevella, *Revnaku'l-İslam* (Begali Kasimov), Taşkent, Fen Neşriyatı, 1993.

² Ayak altı.

³ Kabir ehli, ölüler.

⁴ Gece.

⁵ Ledün ilmi sahibi. Allah'ın velilerine ve Salih kullarına ihsan ettiği kalp ve sadır ilmi, batın ilmi.

**ÖZBEK CEDİD ŞAİRİ TEVELLÂ'NIN GASPIRALI İSMAİL BEY'İN ÖLÜMÜNE
YAZDIĞI MERSİYE**

Senden ayrılıp ehl-i İslam oldular kederli hâl

Dahil ol cennete ey İslam ilinin rehberi
Sen idin âlem içre milletin başı önderi
Yaş döküp eyler dua bugün hep yaşlısı genci²
Çağırınlar diye seni iki cihan peygamberi
Gel beri deyi, el tutup o anda göstereceğin cemal

Otuz altı yıl çıkıp adı gazetenin Tercüman
Eyledi milletin hâlini hemen bir bir beyan
Göze sürüp okur idi cümle pir ü civan³
Nâşiri gitti ya diye gör ki cümle Müslüman
Her daim düşünüp seni oldu acep gark-i hayal⁴

Et şerefli baba, bu âlem ili senden necl⁵
Buna rıza göstermeye senden bu yükselme delil
Hizmet ettin İslam milletine dinlenmeden bunca yıl
Biz dileriz şimdi kalanlara deyip sabr-ı cemil
Nail ol Hak rahmetine sahib-i şirin makal⁶

Her kazaya sabrediniz kim Hüda'nın hâhişi
Var mı ki dünyada kurtulan ölümden bir kişi
Ölümü için bütün İslam âlemi eyleyip nâlişi
Ey Tevella, sabret şimdi yoktur yanışi
Ölüm tarihi için "mehfur baba"⁷ Zülcelal (Kasimov 1993: 47)⁸.

Tevella'nın ne kadar duygusal ve milliyetçi bir şair olduğu malumdur. Şair için Gaspıralı İsmail Bey'in ölümü Türkistan'ın eğitim meşalesinin sönmeye gidişine gibi olmuştur. 1914 yılında Kırım Bahçesaray'da hayatını kaybeden Gaspıralı İsmail Bey'in ölüm haberini bir telgrafla öğrenen Tevella, bu haber üzerine gönlüne doğan elem ve keder dolu sözleri muhammes şeklinde nazmetmiştir. Tevella için Gaspıralı İsmail Bey büyük bir değerdir. Şiirde Gaspıralı İsmail Bey emsalsiz olarak ele alınmaktadır. İnsan bir ölünün

¹ Zahiri, müspet ilimler sahibi.

² Şiirde genç kelimesi öncedir fakat tercümede kulak ahengini bozmamak için bu şekilde aktardık.

³ Bütün genç yaşlı, herkes.

⁴ Hayaline daldı.

⁵ Bu âlem yani Cedid nesli senden türeme, senden olma.

⁶ Tatlı dilli, hoş sohbet, güzel söz sahibi.

⁷ Ebced hesabı ile Hicri 1332/1914 yılı.

⁸ Bu mersiye Özbek edebiyatında kısaca İsmoilbek Vefoti (İsmail Bey Vefatı) olarak bilinmektedir. Gaspıralı İsmail Bey'in vefatına sadece Tevella şiir yazmamıştır. Özbek Cedid yazarlarından ve Gaspıralı İsmail Bey'in takipçilerinden Hamza Hekimzade Niyazi'nin altı bentlik muhammesi (Nagayev 1994: 8-14), Sadredin Aynî (1878-1954)'nin Ustoz İsmoilbek Janoblari/Üstad İsmail Bey Cenapları (Kerimov maneviyat Yıldızları) adlı mersiyesi, Aşuralı Zahiri (1885-1937)'nin Gaspıralı vefatına dair kalem aldığı Marhum İsmoilbek Qanday Ishlar Qilgan/Merhum İsmail Bey Nasıl İşler Yapmıştır başlıklı makalesi (Zahiri 1914: 1-2), Mahmudhoca Behbudî'nin İsmoil Bek İla Musohaba yine Hamza'nın kalem almış olduğu Yevmu'l Vefot (1914) adlı mersiye bunlar arasında yer alır.

arkasından mersiyeler yazıyorsa bu elbette ölen kişinin ne kadar kıymetli ve sevilen birisi olduğunun göstergesidir. Nitekim Gaspıralı İsmail Bey için sadece Tevella değil Hamza Hekimzade Niyazi ve Mahmudhoca Behbudî başta olmak üzere Türkistan ve Kafkasya bölgesi şairleri çeşitli şiirler kaleme almışlardır.

Tevella, Gaspıralı İsmail Bey'in ölümü karşısında bütün milleti ağlamaya ve yas tutmaya çağırır. Onun ölümü üzerine ağlamanın zaruret haline geldiğini söyler. Şair bir zıtlık kurarak onun ölümü ile dünyadakilerin ağlaması gerektiğini ifade ederken ahiretekilerin de bu ölüm karşısında sevinmeleri gerektiğini belirtir. Kabirde yatan ölümlere seslenen şair Gaspıralı İsmail Bey için onların ayağa kalkıp onu karşılamalarını belirtir.

Üçüncü beşikte Gaspıralı İsmail Bey'in 12 Eylül Cuma günü vefat ettiği belirtilir. Gaspıralı İsmail Bey elveda diyerek bu dünyayı terk etmiş bu yüzden de güneş tutulmuştur. Ay ise kederli ve üzüntülüdür. Onun vefat haberi duyulunca herkes kedere gark olmuştur.

Dördüncü bentte Tevella güneş ve aydan sonra saadet yıldızı ile konuşur. Gaspıralı İsmail Bey'in ölümü sonrası saadet yıldızı kaybolmuştur. Gaspıralı İsmail Bey dünyayı aydınlattığı için ölümü sonrasında her yer kararmıştır. İnsanlar gece mi yoksa gündüz mü olduğunu seçememektedir. Bu bentte Tevella Gaspıralı İsmail Bey'le ilgili dikkat çekici bir tespitte bulunur. Onun ilm-i ledün sahibi olduğunu ifade eder. Buradan da anlaşılıyor ki Gaspıralı İsmail Bey dindar ve itikat sahibi bir Müslüman idi. Ve devamında onun zahiri müspet ilimlerde de çok yetkin olduğu belirtilir. Gaspıralı İsmail Bey'in ölümü ile hem İslam dünyası hem de Türkistan eğitimi keder ve hüzne dahil olmuştur. Beşinci bentte Tevella Gaspıralı İsmail Bey için dua eder. Onu İslam dünyasının rehberi ve milletin önderi vasıflarına dahil ederek cennete girmesini arzu eder. Çünkü arkasından genç yaşlı cümle halkın gözyaşı ile dua ettiğini söyler. Halk yine dua eder ki hazreti peygamber efendimiz seni davet etsin elinden tutup cemalini göstereyim sana. Tercüman gazetesi 36 yıl boyunca çıkıp bütün milletin ortak dili ve halinin tercümanı olmuştur. Gazete Türkistan'a geldiğinde halk onu yüzüne gözüne sürermiş. Bu da Tercüman gazetesinin Türkistan halkı için ne kadar kıymetli olduğunun en açık delilidir. Gaspıralı İsmail Bey'in ölümü sonrası halk acayip bir hayale gark olmuştur. Yedinci bentte Tevella, Gaspıralı İsmail Bey'e şerefli baba şeklinde seslenerek bu ilim dünyası insanların kendisinden türediğini, doğduğunu belirtir. O yüzden ona şerefli baba diye seslenmektedir. Buna dedil olarak da bu kadar yükselme ve ilerlemeyi örnek gösterir. Tevella'ya göre Gaspıralı İsmail Bey durmaksızın millete hizmet etmiştir. Şair geride kalanlara sabr-ı cemil niyaz ederken tatlı dilli hoş sohbet Gaspıralı İsmail Bey'in de Hakkın rahmetine nail olmasını niyaz eder.

Sonuç. Tevella sekizinci bentte ölüm gerçeğini anımsatarak bunun Allah'ın isteği olduğunu bu nedenle her kazaya sabır göstermek gerektiğini söyler. Dünyada ölümden kurtulan bir kişi yoktur. Gaspıralı İsmail Bey'in ölümü için cümle İslam âlemi feryat etmiştir. Ey tevella sana da sabretmek düşer çünkü gidenler geri dönmez. Tevella burada Gaspıralı İsmail Bey için bir ebcet hesabı ile ölüm tarihi düşürmüştür.

Kaynaklar

1. Andican A. Ahat. Ceditizm'den Bağımsızlığa Hariçte Türkistan Mücadelesi.- İstanbul: Emre Yayınları, 2003
2. Devlet N. Rusya Türklerinin Milli Mücadele Tarihi.- Ankara,1999
3. Kahhar T. Türkiye Dışındaki Türk Edebiyatları Antolojisi II-III. Özbek Edebiyatı.- Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları, 2000

ÖZBEK CEDİD ŞAİRİ TEVELLÂ'NIN GASPIRALI İSMAİL BEY'İN ÖLÜMÜNE YAZDIĞI MERSİYE

4. Milli Uyanış Devri Özbek Edebiyatı / Kasimov Begali ve diğerleri.- Taşkent: Maneviyat Yayınları, 2004
5. Tevella. Revnaku'l-İslam / haz. Begali Kasimov.- Taşkent: Fen Neşriyatı, 1993
6. Turdiyev Sh. Aşurali Zahirî Sharq Yulduzi.- S. 4
7. Ülküsal M. Kırım Türkleri // Türk Dünyası El Kitabı I.- Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları, 1976.- S. 1140-1153.
8. Yarkin İ. Batı Türkistan // Türk Dünyası El Kitabı I.- Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları, 1976.- S. 1160-1216.
9. Zahirî A. Marhum Ismoilbek Qanday Ishlar Qilgan / Merhum İsmail Bey Nasıl İşler Yapmıştır.- Sadoyi Farg'ona Gazetasi.- 17 Eylül.- 1914 yıl.- 17.- S. 60.- S.1-2.

Ушенmez Э. Озбек Джедид об элегии Тевелли, посвященной смерти Исмаила Гаспринского / Э. Ушенmez // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 125-129.

Методом биографического описания в статье рассматривается образ И. Гаспринского, вопросы джадидизма, отношение тюркского мира к И. Гаспринскому, выраженные в элегии поэта Озбека Джедиди.

Ключевые слова: Исмаил Гаспринский, Толеген Ходжамьяроглу (Тевелля), джадидизм, Туркистан, элегия Тевелли Гаспринскому.

Ушенmez E. Озбек Джедид про елегіі Тевеллі, присвяченій смерті Ісмаїла Гаспринського / E. Ushenmez // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 125-129.

Методом біографічного опису в статті розглядається образ І. Гаспринського, питання джадидізма, ставлення тюркського світу до І. Гаспринського, виражені в елегії поета Озбек Джедиді

Ключові слова: Ісмаїл Гаспринський, Толеген Ходжамьяроглу (Тевелля), джадидизм, Туркистан, елегія Тевеллі Гаспринському

Ushenmez E. Ozbek Jadid about of Tevelli's elegy for the Ismail Gasprinskiy's death / E. Ushenmez // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 125-129.

In this article with method of biographical descriptions the image I.Gasprinsky, jadidism issues, attitudes of the Turkic world to I.Gasprinsky expressed elegy of poet Tolegen Hodzhamyaroglu (Tevellya) are considered.

Key words: Ismail Gasprinsky, Tolegen Hodzhamyaroglu (Tevellya), Jadidism, Turkistan, elegy Tevelli for Ismail Gasprinsky

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

УДК 811

УСТОЙЧИВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ И ИХ ОБРАЗНО-ФОНОВАЯ ОСНОВА

Сатенова С. К.

*Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан,
e-mail: ssatenova@mail.ru*

Данная статья посвящена исследованию устойчивых выражений в казахском языке. В ней рассматриваются проблемы формирования устойчивых выражений, а также условия возникновения их вторичного коннотативного значения.

Ключевые слова: образ, выражения, мышления, этноним.

Актуальность. Возникновение подавляющего большинства фразеологизмов связано со стремлением человека описать явления окружающей действительности, либо донести свое отношение к ним в образной форме. Различные виды образных словесных оборотов сформировались в результате стремления воздействовать до слушающего, из опыта говорить, сопоставляя явления повседневной жизни, выделяя бросающиеся в глаза особенности какой-либо вещи и связывая их со схожими свойствами другой, сравнивая их между собой. Прежде чем говорить о том, как образные языковые средства сформировались в языке и определять их внутреннее значение, необходимо проанализировать механизм возникновения устойчивости выражений и образно-фоновые основы.

Постановка проблемы. Значения свободных словосочетаний, охватывающие реалии объективной действительности народа, предметы и явления окружающей его среды и всевозможные обстоятельства, составляют материальную основу фразеологизмов. «Корень» фразеологизма, сохраняя на языковом уровне информацию о мировоззрении народа, о его убеждениях и верованиях, восприятии мира в процессе его исторического развития, начиная с давних времен, передает эту информацию из поколения в поколение. Одной из главных проблем при сопоставлении фразеологии типологически разных языков является определение сходств и различий во фразеологической системе этих языков. Данная проблема в свою очередь диктует сопоставление совокупности языковых образов, опорных компонентов, сочетаний со свободным и переносным значением и мышления человека, объединяющего их и формирующего ассоциативность фразеологизма, требует сопоставления национального мышления в целом, так как фразеологическое значение формируется на основе данных факторов.

Однако, обеспечить одновременно одинаковое рассмотрение таких широких многоотраслевых проблем не представляется возможным. Поэтому, мы остановимся на анализе механизма логико-ассоциативного мышления и важных семантических процессах, с которых начинается мотивированность фразеологизмов, таких понятий

как мотивировка, внутренняя форма фразеологизма, его образно-фондовая основа. В языкознании сформировались две точки зрения на проблему фразеологизации, так называемые эволюционное фразеологизирование и неэволюционное фразеологизирование. Впервые рассуждения о неэволюционном направлении были высказаны в трудах русских лингвистов И.С. Торопцева и Ю.Л. Бурмистровича. Согласно данной теории понятие фразеологизации связывается с ономазиологической деятельностью отдельно взятого человека, то есть психолого-языковыми действиями, направленными на называние явлений действительности. Согласно данной точке зрения появление фразеологизма – это результат деятельности одного человека, после чего фразеологизм в готовом виде воспринимается языком и используется во фразеологическом фонде языка как свободные сочетания. Само собой разумеется, фразеологизмы не появились сами по себе, они формировались постепенно на протяжении определенного времени, и образовывались на основе свободных сочетаний. Бесспорно и то, что они соответствуют конкретным фактам (реальной) жизни определенной эпохи, мышлению, сознанию народа, его понятиям на ранних этапах развития.

В связи с социальными факторами и внутренними законами языка на основе определенного словосочетания номинативное и производное значение приобретают переносное значение. В связи с этим, широкое распространение находит эволюционное направление теории фразеологизации, предложенное А.В. Куниным. Согласно данной теории, устойчивые сочетания, образовавшиеся как «материальная» совокупность, никогда не используются в качестве устойчивых словосочетаний сразу, с самого начала, они формируются на протяжении определенного времени [1, 8].

В процессе формирования устойчивого словосочетания сначала образуется свободное сочетание, затем устойчивость формируется как окказиональный или потенциальный фразеологизм. В связи с этим, Н.Д. Петрова появление окказиональных фразеологизмов определяет как начало процесса фразеологизации. Данное мнение небезосновательно, так как окказиональным и потенциальным фразеологизмам, помимо свойственных им особенностей, присущи такие признаки как емкость, единство, образность, которые характеризуются как категориальные особенности фразеологизмов. Однако, если не будут создаваться языковые условия для формирования устойчивости, потенциальные фразеологизмы могут и не перейти в устойчивые сочетания. Для того чтобы сформироваться в языковом обороте в качестве устойчивых сочетаний окказиональные или потенциальные фразеологизмы должны, с одной стороны, избавиться (лишиться) от свойственных им признаков (однократность использования, способность к восстановлению, зависимость значения от контекста, авторство конкретного человека и др.), с другой стороны, должны зародиться условия для того, чтобы собрались и сохранились признаки, характерные для фразеологизмов.

Фразеологизмы создаются, во-первых, с целью дополнить недостающие элементы в назывании каких-либо явлений (с позиции номинации), во-вторых, с целью обогащения коннотативного фонда языка. Фразеологические обороты выполняют не только ономазиологическую функцию, но и наряду с ней

экспрессивно-коммуникативную роль. Например, в английском языке коннотативная семантика фразеологизма *at a snail's pace* (досл.пер.: как шаги улитки, ходить как улитка (черепаха)), намного живописнее, производит гораздо более сильное впечатление, чем передаваемое лексической единицей значение «очень медленно». На основе явления взаимодополняемости лексики и фразеологии в лингвистике сформировалось понятие «дополнение, дополнительность, принцип дополнительности». По данному поводу можно полностью согласиться с мнением известного ученого А.Д. Райхштейна: «... в целом система словесных комплексов функционирует в языке как дополнительное средство, выражающее преимущественно те значения и выполняющее те функции, с которыми «не справляются основные средства номинации – лексические и структурно-синтаксические» [2, 33].

Таким образом, свободные словосочетания, представляющие собой механизм создания фразеологизмов, и с точки зрения значения, выполняющие роль языковых прототипов, способствуют зарождению новых языковых единиц. В связи с этим в некоторых научных исследованиях эти языковые прототипы, то есть пути создания фразеологизмов, их внутреннее значение дается как «мотивирующая база фразеологизмов» или «мотивировка фразеологизма».

Данное значение, материализовавшись, утвердившись во фразеологической единице, образует основу его внутренней формы. Ряд лингвистов называют внутреннюю форму фразеологизма мотивирующим ономаσιологическим признаком, потому что, открывая внутреннюю форму фразеологизма, мы постоянно на основе ассоциативного сравнения опираемся на описание своеобразной особенности, признака, выбранного в качестве основы нового понятия. Невозможно рассматривать мотивировку, отделив её от внутренней формы фразеологизма. Внутренняя форма – понятие, основанное на собирательном образе, либо этимологическое значение фразеологизма. В основном, мотивировка выполняет связующую функцию между формой и знаком. Ученый И.С. Торопцев выделяет три вида мотивации: 1) мотивация уподобления; 2) мотивация признаковая; 3) мотивация содержательная. Самый продуктивный способ образования фразеологизмов – ассоциативно-образный (метафорический, метонимический) перенос значения, фразеологическое значение которых мотивируется образом внутренней формы. Будем опираться на известное определение А.А. Потебни об образовании фразеологизмов, основанное на трех элементах формально-логических категорий, данных для сравнения: а) понятие, требующее описания – полное значение сочетания; б) понятие описания – его внутренняя форма; в) связующий элемент, «мост», между этими двумя понятиями. С логико-психологической точки зрения, связующий элемент – это ассоциативные связи, а с точки зрения чисто лингвистической – это мотив, мотивировка. Попытка дать объяснение понятию «мотивация» во фразеологическом образовании сталкивается с рядом затруднений. Это связано с определением границ между видами мотивации, с несистемностью описания процесса фразеологизации значения, то есть определением места внутренней формы и функций семантической мотивации. В связи с этим, в теории фразеологической номинации понятия внутренний образ, символический образ, образно-фоновая основа, мотивация, мотивирующий образ многие ученые сделали объектом исследования и, несмотря на применение их при различных обстоятельст-

вах, приходят к схожим заключениям. Описания явлений, дающих наименования внутренней форме фразеологизмов, либо рассмотрение видов особых признаков явлений, послуживших основой для названия, встречаются и в лингвистических концепциях В. Гумбольдта.

Выводы и перспективы. В современных исследованиях этого понятия больше внимания уделяется нелингвистическим основам фразеобразования, то есть мотивирующим признакам, дающим представление об особых денотативных свойствах. Данное направление, не ограничивающееся исследованиями внутреннего значения фразеологизма, а также связей между устойчивыми сочетаниями и свободными словосочетаниями, связей между их компонентами, открывает путь для определения экстралингвистических и интралингвистических факторов образования фразеологических оборотов. В том случае, когда ясно прослеживается внутренняя форма фразеологизма, можно применять основы мотивировки. А у устойчивых сочетаний, значение которых неясно, например, таких как, в английском языке a flying pig, crocodile tears, go round like a horse in a mill, cow with the iron tail, лучше определять этимологию, нежели языковые закономерности их образования. Таким образом, также как академик А.Т. Кайдар и башкирский фразеолог З. Ураксин, считаем правильным использование в процессе исследования картины мира казахского и английского народов, стереотипов мышления, представленных в виде устойчивых сочетаний и дающих представление о различных явлениях жизни, термина образно-фоночная основа.

Литература:

1. Кунин А.В. Пути образования ФЕ / А.В. Кунин // Иностраный язык в школе. – Москва, 1971. - №1.
2. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – Москва, 1980.

Сатенова С. К. Стійкі вирази і їх образно-фонова основа / С. К. Сатенова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 130-133.

Дана стаття присвячена дослідженню стійких виразів в казахською мовою. У ній розглядаються проблеми формування стійких виразів, а також умови виникнення їх вторинного конотативного значення.

Ключові слова: образ, вирази, мислення, етнізм.

Satenova S. K. Set expressions and their figurative background base / S. K. Satenova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 130-133.

This article is devoted to the study of set expressions in the Kazakh language. It addresses the problems of formation of set expressions, and the terms of occurrence of their secondary connotative meaning are considered in it.

Key words: image, expression, thought, etnonim.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 811.161.2'282

ПЕРФОРМАТИВНІ ФРАЗЕОЛОГІЧНІ ОДИНИЦІ ЯК ВІДОБРАЖЕННЯ САКРАЛЬНИХ МІКРОТЕКСТІВ ЧЕРЕЗ ЕТНОКОД ПРОКЛЯТТЯ

Савченко Л.¹, Литвиненко О.²

¹ Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: lvs@crimea.edu

² Национальная академия природоохранного и курортного строительства, г. Симферополь,
Украина, e-mail: vol6662007@rambler.ru

У статті досліджено перформативні фразеологічні одиниці з негативною семантикою, які зафіксовані у фольклорних і лексикографічних працях XIX – поч. XX ст. Виділено двадцять фразеосемантичних рядів сакральних мікротекстів із негативною конотацією, сформованих за структурою проклять. Наявність великої кількості перформативних фразеологічних одиниць свідчить про продуктивність використання поданих мовних формул у комунікативних ситуаціях.

Ключові слова: перформативні фразеологічні одиниці, фразеосемантичний ряд, етнокод, прокляття, сакральні мікротексти.

Фразеологічний склад мови в аспекті експлікації етнокультурної інформації досліджувався в працях М. І. Толстого, В. М. Мокієнка, І. А. Подюкова, В. М. Телія, В. Д. Ужченка, М. В. Жуйкової та ін. Однак перформативні фразеологічні одиниці (ПФО) української мови комплексно не вивчалися, чим зумовлена актуальність розвідки. Фразеологічні одиниці з негативною конотацією репрезентують одну зі сторін духовної культури народу та слугують своєрідним транслятором світоглядних уявлень людини, оскільки створені на основі архаїчної віри в надзвичайну силу вимовленого слова. Вербальне спілкування впливає на людину, адже вимовлене слово характеризується певним інформаційним, емоційним та асоціативним навантаженням. Зокрема, на нашу думку, окремого дослідження потребують ПФО, що за структурою оформлені як мікротексти проклять. Перформативні конструкції формують висловлювання комунікативного наміру, під час вимови яких одночасно відбувається дія. Образи ПФО відображають акціональний рівень висловлювання і виступають сакральними знаками емоційних негативних реакцій мовців у процесі комунікації

Образи ПФО мотивовані етнокодом прокляття, який репрезентує сукупність образів, створених в уяві людини на підставі вірувань, що зашифровані в магічних словесних мікротекстах як вербальних вираженнях негативних побажань, дія яких спрямована на суб'єкт і які слугують своєрідним транслятором світоглядних уявлень людини. Основним носієм етнокоду прокляття є магічні слова, сказані, записані чи вимовлені подумки. У фразеології етнокод прокляття співвідноситься з образною основою первинного словосполучення фразеологічної одиниці, яка є формулою магічного вербального мікротексту в системі духовної культури етносу.

Метою дослідження є виявлення та фразеосемантична класифікація ПФО, підґрунтям для виникнення яких стало світосприйняття українського народу, його ані-

містичні уявлення, віра в божественну силу, демонологічні істоти та їх вплив на життя людини. Народні уявлення, відображені у ПФО, трансформуються через архетипну опозицію *добро / зло*.

Прокляття як накликання гніву на когось, побажання зла і нещастя в народі вживалися настільки часто, що стали буденними конструкціями. Прокляття є магичними вербальними мікротекстами в системі духовної культури етносу, характеризуючись формальною сталістю і відтворюваністю. М. І. Толстой такі формули порівнює з «народною «напівфразеологією». Учений стверджує, що це особливі види мікротекстів, які виражають «побажання, прокльони, ритуальні констатації та своєрідні імперативні стимули чи заборони» [5, 25]. М. В. Жуйкова зазначені вислови називає «сакральними мікротекстами» (сакральною фразеологією). У своєму плані змісту вони «відбивають народну віру в надзвичайну дієвість і силу вимовленого слова, що здатне позитивно чи негативно впливати на ситуацію та її учасників» [3, 166]. Прокльони наділені специфічною здатністю впливати на людське буття і мають різне спрямування та комунікативне навантаження.

Серед магичних вербальних мікротекстів виділено низку фразеосемантичних рядів ПФО зі значенням:

1) побажання відіслати до нечистої сили, злих духів: *хай тебе візьмуть ті, що купами трусять* [4, 193]; *чорт (чорти) ёго бери* [4, 193]; *іди до біди* [1, 2, 230]; *іди до дідькової мами* [1, 2, 230]; *іди до чорта* [1, 3, 321]; *іди до сто чортів* [1, 3, 322]; *дідько би ті вхопив* [1, 2, 588];

2) побажання відіслати в нечисте, невідоме місце, де перебуває нечиста сила, злі духи: *щоб твій и дух не пах* [2, 3, 103]; *бодай туди не дійшло и відти не прийшло! – Щоб и туди не дійшов (не доїхав) и назад не вернувся (не вертався)* [4, 191]; *щоб ти пішов круг світа* [4, 191]; *щоб тебе взяло та понесло по верху дерева* [4, 191]; *щоб тебе горою підняло* [4, 191]; *щоб тебе понесло по нетрях та по болотах! – щоб тебе нетри понесли* [4, 191]; *щоб тебе понесло поза вітряками* [4, 195]; *іди в трісця та в болото* [1, 2, 230]; *най ті Бог наверне на ліси та на дебри* [1, 2, 356];

3) побажання завдати тілесної шкоди людині з боку нечистої сили: *побила б їх морока* [4, 193]; *нужда б тя побила* [4, 190]; *най го злидні побьють* [4, 190]; *чорт би тебе спік* [4, 193]; *хай ёго побье те, що в хмарі гуде* [4, 194]; *бодай тебе чорт лизнув* [1, 2, 358];

4) побажання, щоб людиною заволоділа нечиста сила: *сто копанка дідьків ёму в голову* [4, 193]; *сто капанка дідьків ёму в голову* [4, 193]; *а сто дідьків у твої бебехи та печінки* [4, 192]; *сто дідьків ти на голову* [1, 2, 593]; *аби ті зараз дідько вхопив* [1, 2, 583]; *бодай сі тобов дідько* [1, 1, 584]; *бодай ті дідько злавав* [1, 1, 584]; *а возив би тобов дідько поліна на тамтім сьвітї* [1, 1, 252];

5) побажання завдати шкоди батькові: *чорт би вбив твого батька! – Чорт би мучив твого батька, сучий сину* [4, 193]; *чорт б казив твого батька* [4, 193]; *біс твому батькові* [2, 1, 69];

6) побажання завдати шкоди матері: *чорти б перемучили твою матір, сучий сину* [4, 193]; *мордовав би чорт твою маму! – Хай тобі (або: твою) маму мордує* [4,

194]; *сто бісів твої матері* [4, 194]; *кадук твої матері* [4, 194]; *сто сот крот ёго ма* [4, 194]; *мать би ти дідько мучив* [1, 2, 381]; *біс твоїй матері* [2, 1, 69];

7) побажання фізичної хвороби очей: *баньки ім бодай посліпило* [4, 192]; *бодай ёму повилазили* [4, 192]; *дивиця, щоб ёму повилазили* [4, 192]; *заступило би ти очи, абис світа не видів* [1, 2, 159]; *а очи би тобі викапали на горячу плиту* [1, 2, 471]; *бодай му очи завернуло* [1, 2, 471]; *бодай сс осліп* [1, 2, 482];

8) побажання фізичних ушкоджень частин тіла людини: *щоб тобі руки покорчило (або: посудомило)! – ... та посудомило* [4, 192]; *бодай тобі заціпило* [4, 192]; *щоб ти на милицях пішов* [4, 192]; *а щоб ти скрутилось, прокляте* [4, 192]; *а щоб ти не стишивсь* [4, 192];

9) побажання фізичної хвороби організму людини, спричиненої інфекційними захворюваннями: *так нехай ёму груди забье (каже побите)! – Щоб ёму груду збило* [4, 192]; *хай тебе хиндя попотрясе* [4, 192]; *бодай тебе грець вимивав* [4, 192]; *хай тобі на язиці сядуть (певно, пранці, пузири)* [4, 192]; *щоб тебе родимець побив (убив, взяв)* [4, 192];

10) побажання психічної (душевної) хвороби людини: *бодай ти не знав о собі та о білому дні* [4, 191]; *щоб ти не знав ні вдень, ні вночі покою* [4, 192]; *бодай ти не знав, що сьогодні за день* [4, 191]; *так бись обізнав, що нині за день* [1, 2, 462]; *дер бис на собі сорочку* [1, 1, 545];

11) побажання смерті людині: *вбий тя трясця* [4, 192]; *щоб ти колом став* [4, 194]; *щоб тебе на марах винесло* [4, 194]; *щоб тебе сира земля пожерла* [4, 194]; *щоб ти в сирицю вбився* [4, 194]; *щоб тобі дубовий хрест (смерть)* [4, 194]; *щоб перша куля не минула* [4, 194]; *бодай ти дідько голову урвав ...вкрутив* [1, 2 с. 584]; *на марах би ті винесли* [1, 2, 378]; *абись сі скапав як свічка* [1, 3, 106]; *на марах би ті винесли* [1, 2, 378]; *хай він під плав піде* [2, 3, 190]; *щоб тебе положили на лаву* [2, 2, 336];

12) побажання людині померти не своєю смертю: *щоб тебе поховали на ростаннях* [4, 195]; *не на могилках, а от як вішалника – на ростоньках* [4, 195]; *щоб тебе піп не ховав* [4, 191];

13) побажання людині неспокійного спочинку після смерті: *о, щоб твою кість викидало з того світа* [4, 195]; *щоб ёго земля (сира земля) не прийняла! – земля б его святая не приймала* [4, 195]; *щоб тебе, окаянного, земля не прийняла* [4, 194]; *бодай му кости з гробу викинуло! Кости би му з гробу виметало* [1, 2, 262];

14) побажання біди в господарстві, матеріальних нестатків: *щоб ти не розжився сякий-такий сину* [4, 190]; *бодай тобі закурилось* [2, 2, 56]; *бодай ти діжа не росла* [1, 1, 597]; *бода-с не знав гаразду на своїм обійстю* [1, 1, 315]; *а лазив бис по чужих коморах* [1, 2, 333]; *бодай тобі добро було, як в чужій кишени* [1, 2, 15];

15) побажання людського осуду, покарання окремій людині чи всьому роду: *бодай їх мир не знав (щоб їх и мир уже не знав)* [4, 190]; *а, щоб тебе люде не знали* [4, 190]; *хай він свосму роду сницця – свиням та собакам (лайка за очі)* [4, 190]; *щоб тебе побив несвітський сором, як ти нас осоромив* [4, 190]; *коли ти, бабо, рада, то нехай на тебе уся громада* [4, 191]; *бодай ёго корінь звівся* [4, 94]; *бодай ёго кодло з накоренком перевелось* [4, 194]; *викришило би вас до лаби* [1, 2, 312]; *з круга світа би ті зігнало* [1, 2, 315];

16) побажання зла, нещастя, лиха: *щоб ти и в старцях щастя не мав* [4, 191]; *а щоб ти під царський вінець не підішла* [4, 191]; *щоб тобі на світі добра не було* [4, 190]; *щоб тобі лихом скрутилося* [4, 190]; *видав би ті Бог на диво та на чудо* [1, 1, 557]; *диво би на тебе зайшло (прийшло)* [1, 1, 557];

17) побажання покарання природними стихіями: *щоб ти скрізь сонце пройшов* [4, 190]; *сонце би тя побило* [4, 190]; *щоб тебе буря вивернула* [4, 190]; *аби на тя нинішної днинки красної упав грім з ясного сонця, аби ані грімло, ані блискало, щоби-с не стямив ся, відки над тя надлетіло* [1, 1, 456]; *а грім би ті забив... розбив... розтріскав; а громи би тя ясні побили, грім би на ті вдарив з верха в голову* [1, 1, 456]; *а підвіяло би ті* [1, 2, 537];

18) побажання покарання однієї людини через дії іншої людини: *бодай кат спорів* [4, 191]; *ото б'є – щоб тебе кат попобив* [4, 191]; *кат би справив тебе за твою натуру* [4, 191]; *щоб тебе кат сіконув перед великими вікнами* [4, 191]; *щоб тебе не минули катівські руки* [4, 191];

19) побажання покарання людини через дії Бога: *бодай тя пан Біг мав – в чужій коморі* [4, 191]; *щоб тебе Біг покарав* [4, 191]; *а убий тебе Божа сила! – Бий тя сила Божа! – Хай ёго гнів Божий поб'є* [4, 194]; *побий тебе сила Божа на гладкій дорозі* [4, 194]; *бодай ті сила божа поразила* [1, 1, 99]; *бог би ті побив* [1, 1, 66]; *бодай за нього Бог забув* [1, 2, 141]; *бий тебе сила Божа* [1, 1, 31];

20) побажання покарання через силу сакрального атрибуту: *нехай мене святий хрест поб'є* [2, 4, 111]; *хрест би ті божий побив* [1, 3, 282]; *щоб на тебе образи падали* [4, 191].

Отже, сакральна фразеологія найяскравіше виявляється в мікротекстах ПФО, уживаних у формі проклять, які виражають різноманітні негативні почуття однієї людини стосовно іншої, висловлення злих побажань, виявлення погрози. Значна кількість мовних перформативних формул із негативною культурною конотацією та розмаїттям образних контекстів, зафіксована у фольклорних і лексикографічних працях ХІХ – поч. ХХ ст., дала можливість виділити двадцять основних фразеосемантичних рядів. Продуктивність уживання ПФО зумовлена, з одного боку, вірою в цілющу силу слова, його магічний зміст і вплив, а, з іншого боку, віруванням українців у надприродні сили, що чітко простежується в сценарії, на якому побудований сакральний мікротекст.

Література

1. Галицько-руські народні приповідки / Зібрав, упорядкував і пояснив др. Іван Франко. – Т. 1 – 3. – Львів : Наук. т-во імені Т. Г. Шевченка, 1901 – 1910.
2. Грінченко Б. Словарь української мови: У 4-х т. / Б. Грінченко / Зібрала ред. журн. «Кіевская старина», упоряд. з дод. власного матеріалу Б. Д. Грінченко. – К., 1907 – 1909.
3. Жуйкова М. В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов : Моногр. / М. В. Жуйкова. – Луцьк : РВВ «Вежа» Волин. держ. ун-ту Лесі Українки, 2007. – 416 с.
4. Українські приказки, прислів'я і таке інше / уклад М. Номис ; упоряд., прим. та вступна ст. М. М. Пазяка. – К. : Либідь, 1993. – 768 с.
5. Толстой Н. И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н. И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – С. 27–40.

Савченко Л. Перформативные фразеологические единицы как отражение сакральных микротекстов через этнокод проклятия / Л. Савченко, Е. Литвиненко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 134-138.

В статье исследуются перформативные фразеологические единицы с негативной семантикой, зафиксированные в основополагающих для украинской фразеологии фольклорных и лексикографических работах XIX – нач. XX ст. Выделено двадцать фразеосемантических рядов сакральных микротекстов с негативной коннотацией, отвечающих структуре проклятия. Наличие большого количества перформативных фразеологических единиц свидетельствует о продуктивности использования данных языковых формул в коммуникативных ситуациях.

Ключевые слова: перформативные фразеологические единицы, фразеосемантический ряд, этнокод, проклятия, сакральные микротексты.

Savchenko L. Performative Phraseological Units as a Reflection of Sacral Microtexts through Ethnocode of Curses / L. Savchenko, O. Litvinenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 134-138.

The article investigates performative phraseological units with negative semantics, which are fixed in solid Ukrainian folklore and lexicographical works of XIX - early XX century. Twenty phraseosemantic series of sacral microtexts with negative connotation, generated by structure of curses, have been distinguished. The large number of performative phraseological units indicates the productivity of linguistic formulas usage presented in communicative situations.

Key words: performative phraseological units, phraseosemantic series, ethnocode, curse, sacred microtexts.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 81'367+ 811.111-26

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК КОМПОНЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Сахнова О. И.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: sakhnova82@yahoo.com*

В статье представлены устойчивые словосочетания, которые характеризуют специфику национальной культуры Великобритании, США, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Рассмотрены дивергентные и аналоговые противопоставления данных устойчивых словосочетаний, а также фразеологические единицы, уникальные для той или иной культуры англоязычного ареала.

Ключевые слова: устойчивые словосочетания, фразеологические единицы, языковая картина мира, национальные варианты английского языка, лексико-семантические аналоги, лексико-семантические дивергенты.

Отражение национального характера, ментальности, мировоззрения народа в языке – давняя тема лингвистических исследований, которая остается актуальной и сегодня. Исследованию того, как человек видит мир через призму своего языка, посвящены работы многих отечественных и зарубежных авторов – А.Д. Беловой, В.А. Масловой, В.Н. Телия, Ж.П. Соколовской, О.А. Корнилова, Л. Вайсгербера, А. Вежбицкой и др. Однако такие вопросы, как соотношение национальных языковых картин мира (далее – ЯКМ), и сегодня остаются вне фокуса лингвокультурологов. В связи с этим представляется **актуальным** рассмотрение устойчивых словосочетаний как фрагментов национальных картин мира англоязычного ареала.

Объектом данного исследования являются устойчивые словосочетания национальных вариантов английского языка, которые отражают особенности культуры его носителей. **Предметом** – виды данных устойчивых словосочетаний национальных вариантов английского языка.

Цель статьи – систематизация устойчивых словосочетаний национальных вариантов английского языка для выявления культурной самобытности его носителей.

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

1) выделить корпус устойчивых словосочетаний в национальных вариантах английского языка;

2) провести семантическую классификацию единиц данного корпуса для выявления культурного своеобразия, которое они репрезентируют в языке.

Согласно современным представлениям картина мира состоит из разных фрагментов: она включает концептуальную и языковую картины мира, научную и наивную, терминологическую и другие. В свою очередь и каждая из данных картин мира может состоять из более мелких фрагментов. С точки зрения пространственной вариативности ЯКМ складывается из национальных картин мира. Поэтому англоязычную картину мира можно рассматривать как некую мозаику, в которой британ-

ская, американская, канадская, австралийская и новозеландская картины мира накладываются друг на друга, причем все они будут обладать как универсальными чертами, проявляющимися в наличии лексико-семантических универсалий, так и чертами общеанглийскими, характерными для англоязычного культурного ареала, и собственными уникальными свойствами, отличающими их от других национальных картин мира данного ареала.

Основными кирпичиками национальных ЯКМ являются слова и словосочетания, которые и манифестируют то культурное своеобразие, благодаря которому можно говорить о британском (BE), американском (AE), канадском (CanE), австралийском (AuE) и новозеландском (NZE) английском. Структуру национальных ЯКМ составляют также и фразеологические единицы (далее ФЕ) – слова и словосочетания. По справедливому замечанию С.В. Олейник, «ФЕ как знаки культуры составляют ряд с другими ее экспонентами и вписываются в аксиологическую систему культурных концептов, составляющих ценностную картину мира английского социума» [1, 129].

Анализ собранного материала показал, что в корпус ФЕ национальных вариантов английского языка входят лексико-семантические аналоги, лексико-семантические дивергенты и устойчивые словосочетания, которые можно отнести к собственно бритунизмам, американизмам, канадизмам и т.п. Эти группы ФЕ были выделены на основе особенностей варьирования их плана выражения и плана содержания, а также специфики их функционирования.

К лексико-семантическим аналогам вслед за А.Д. Швейцером [2] относим такие единицы (слова и словосочетания), у которых варьирует план выражения при сохранении плана содержания. Иначе говоря, в национальных вариантах они выполняют функцию, близкую синонимам. Аналоговые противопоставления, которые некоторые авторы называют аллонимами [3, 136], имеют массовый характер, и обычно приводятся целыми списками. Примерами могут служить следующие пары ФЕ: *about turn!* (BE) vs. *about face!* (AE) (воен.) «кругом!» [4, 14]; *beat them hollow* (BE) vs. *clean their clocks* (AE) «разбить кого-л. наголову» [5, 108]; *drunk as a lord* (BE) vs. *drunk as a skunk* (AE) «очень пьяный», «пьяный как сапожник» [5, 109]; *in a trice (in two ticks)* (BE) vs. *in a heartbeat (in a New York minute)* (AE) «очень быстро» [5, 119].

Некоторые из противопоставлений данной группы имеют общеанглийские аналоги, например, *to give the chuck* (BE) vs. *to give the gate* (AE) наряду с общеанглийскими *to fire, to sack* (GE) – «уволить кого-л. с работы» [4, 13]. Лексико-семантические аналоги более характерны для BE и AE, другие национальные варианты, как правило, используют британский или американский вариант.

Значительный интерес для исследователя представляют лексико-семантические дивергенты, которые А.Д. Швейцер характеризует как единицы лексико-семантического уровня, у которых наблюдается варьирование плана содержания при сохранении плана выражения [2]. Другими словами, благодаря семантической дивергенции они развивают отношения полисемии, энантиосемии и омонимии. Дивергентные противопоставления пронизывают различные тематические и стилистические подсистемы лексики, они встречаются:

- в **литературном стандарте** – *drop the (one's) gloves*: 1. “(in hockey) remove one's gloves in order to fight” (GE) vs. 2. “engage in a debate, confrontation, etc.” (CanE) [6]; *lay on the table*: 1. “to remove (a parliamentary motion) from consideration indefinitely” (GE) vs. 2. “to put (as legislation) on the agenda” (BE) [7] (другие источники [5, 107] относят первое значение к АЕ).
- в **субстандарте** – *give the bird*: 1. “dismiss someone” (BE) vs. 2. “ridicule someone” (AuE) [8]; *go bananas*: 1. “to become very angry” (GE) vs. 2. “to start behaving in a crazy or strange way, or stop working correctly” (AE) [привод. по 9, 131]; *lay an egg*: 1. “to fail, to be responsible for a dismal or disappointing performance” (AE) vs. 2. “to behave in an agitated, over-excited way” (AuE) [8]. В данной подгруппе встречаются и примеры рифмованного сленга – *pen and ink*: 1. “a stink” (BE) vs. 2. “an alcoholic drink” (AuE) [8]. Некоторые ФЕ способны образовывать дивергентные цепочки с трехсторонней локальной маркированностью – *whip (the cat)*: 1. “defeat, overcome, surpass” (AE) vs. 2. “to complain, to suffer remorse” (AuE) vs. 3. “to steal” (BE) [8].
- в **терминологии**. **Экономическая терминология** представлена такими дивергентными ФЕ, как: *in the hole*: 1. «в безвыходном положении» (GE) vs. 2. «в долгу» (AE) [10]; *on hand*: 1. «на руках; в наличии» (GE) 2. «под рукой, рядом» (AE) [10]. Семантические дивергенты **юридической терминосферы** можно проиллюстрировать следующими примерами: *bill of indictment*: 1. “draft of an indictment which is examined by the court and, when signed, becomes an indictment” (GE) vs. 2. “list of charges given to a grand jury, asking them to indict the accused” (AE) [11, 115]; *strike off the roll*: 1. «вычеркнуть из списка» (GE) vs. 2. «лишить адвокатских прав» (BE) [12].

Особое место во фразеологическом фонде английского языка как полинационального занимают те устойчивые словосочетания, которые употребляются исключительно носителями одного из национальных вариантов и не функционируют в других вариантах. Американизм *to walk tall* обозначает «быть самоуверенным», рифмованный сленгизм *bees and honey* используется для обозначения денег (*money*), повелительная форма *watch my smoke!* означает «смотри, что я делаю!» [4, 17].

Ряд ФЕ можно отнести к североамериканизмам, так как они функционируют и в США, и в Канаде. Например, *hold on to your horses!* – “Be patient! I'm getting to it!”; *It's toast!* – “broken, or damaged beyond repair”; *You're toast!* – “You are finished /lost /dead”; Преимущественно в Канаде употребляется ФЕ *Your goose is cooked* – “You are in a big trouble now!” [13].

В CanE существует целый ряд народных присказок, которые передают своеобразие местного фольклора: *He's so thin he has to stand twice in the same place just to make a good shadow* («Он такой тощий, что ему приходится дважды стоять в одном и том же месте, чтобы дать хорошую тень»); *She was pure as snow, but she drifted* («Она была чистой, как снег, но она растаяла»); *Nervous as a cat in a room of rocking chairs* («нервный, как кот в комнате с вращающимися стульями»); *Thin? Seen more meat on a hockey stick* («Худой? Да я видел больше мяса на хоккейной клюшке»); *She had more chins than a Chinese phonebook* («У нее было больше подбородков, чем у китайской телефонной книги») [14].

Отдельного внимания при рассмотрении ФЕ в национальных вариантах английского языка заслуживают аффективные устойчивые словосочетания, т.е. словосочетания с эмотивным значением, у которых эмотивность является единой составляющей их семантики. К этой группе ФЕ относятся американизмы *What in Cain...* – «Что... черт побери!»; *Dog my cats!* – «Черт побери!»; *How do you like them apples!* – «Не может быть!»; *That's all she wrote!* – «Вот и все!»; *Where's the beef?* (употребляется, когда кто-то не имеет никакого понятия о чем-либо) [15, 135 – 136]. Примером такого ФЕ в NZE может служить *too much* со значением “good, great, very pleased” [16].

В AuE устойчивые словосочетания также характеризуются наличием множества немотивированных ФЕ, которые функционируют подобно междометиям. К ним относятся: *cool bananas* (возглас понимания и согласия); *top bananas* (восклицание одобрения или восторга); *You wouldn't read about it! rip snorter!* (восклицания для обозначения чего-л. невероятного, необыкновенного); *Up there, Cazaly!* (возглас поздравления или поощрения); *Fair go* («ну-ну», используется для успокоения); *Cop this!* («как вам это нравится», «только посмотрите») и др. [17, 140 – 142].

Своим происхождением ФЕ обязаны важным историческим событиям, великим личностям, тем ценностям, которые соответствуют образу жизни данной нации. Немало ФЕ Канады связаны с хоккеем, рыбной ловлей, заготовкой леса, особенностями жизни коренных народов, флорой и фауной. В США ФЕ-американизм *off one's base* был заимствован из бейсбола – любимого вида спорта американцев, и стал употребляться в значении «не в курсе дел». Австралийцы высоко ценят свою разнообразную природу. Жизнь в окружении редких животных вызвала появление более десятка антропоморфных ФЕ, одним из компонентов которых является название уникального для Австралии животного. Названия эндемичных животных, кроме того, представляют собой одну из тематических зон вокабуляра, которая наиболее часто подвергается вторичному переосмыслению на базе метафорического переноса (см. [18]).

Проделанное исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1. ЯКМ таких полинациональных языков, как английский, представлена совокупностью национальных ЯКМ, которые соотносятся с ней как микросистемы с макросистемой.

2. ЯКМ национальных вариантов английского языка составляют слова и словосочетания (свободные и фразеологически связанные). ФЕ каждого из вариантов несут в себе особенности культуры их носителей, что нередко отражается в их семантике и структуре.

3. ФЕ разных национальных вариантов могут соотноситься друг с другом как лексико-семантические аналоги, лексико-семантические дивергенты или функционировать исключительно в определенном национальном варианте, что позволяет рассматривать их как собственно бритицизмы, американизмы, канадизмы, австрализмы и новозеландизмы.

Литература:

1. Олейник С. В. Концептуальні основи семантики оціночних фразеологічних одиниць / С. В. Олейник // Всеукраїнський науковий форум : Сучасна англїстика: стереотипність та творчість : тези доповідей / за ред. В. О. Самохіної (Дмитренко). – Харків : Торсінг Плюс, 2006. – С. 129 – 131.
2. Швейцер А. Д. Литературний англійський язык в США и Англіи / А. Д. Швейцер. – М. : Высшая школа, 1971. – 200 с.
3. Беспала Л. В. Алонімія як відбиття лінгвокультурної диференціації і інтеграції англійських країн Карибського регіону / Л. В. Беспала // Нова філологія : збірник наукових праць. – Запоріжжя : ЗНУ, 2010. – № 40. – С. 135 – 142.
4. Крицберг Р. Я. Дивергенція та конвергенція регіональних варіантів англійської мови: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Роман Якович Крицберг. – К., 2001. – 33 с.
5. Davies Ch. Divided by a Common Language / Ch. Davies. – Boston, New York : Houghton Mifflin Company, 2007. – 248 p.
6. Oxford Canadian Dictionary of Current English / [K. Barber, H. Fitzgerald, T. Howell, R. Pontisso]. – Oxford University Press. – Printed in Canada, 2005. – 998 p.
7. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. – 11th edition. – Springfield, Massachusetts, U.S.A., 2008. – 40a + 1624 p.
8. Thorne T. The Dictionary of Contemporary Slang / T. Thorne. – New York : Pantheon Books, 1990. – 583 p.
9. Синельникова К. Ю. Фразеографічна актуалізація пейоративної та меліоративної оцінки / К. Ю. Синельникова // Гуманітарний вісник. Серія: Іноземна філологія [Текст] : [всеукр. зб. наук. пр.]. – Черкаси : ЧДТУ, 2008. – Число 12. – Т II. – С. 130 – 134.
10. Жданова И. Ф. Англо-русский экономический словарь / И. Ф. Жданова, Э. Л. Вартумян. – 3-е изд. – М. : Рус. яз., 2000. – 880 с.
11. Олійник О. Американська юридична термінологіка: генетичні, структурні та семантичні особливості / О. Олійник // Нова філологія : збірник наукових праць. – Запоріжжя : ЗНУ, 2008. – № 31. – С. 112 – 116.
12. Пивовар А. Г. Англо-русский юридический словарь : право и экономика / А. Г. Пивовар. – М. : Экзамен, 2003. – 864 с.
13. Canadian/US Slang Words And Phrases [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.geocities.com/Athens/Agora/5949/Help/canus1.html>
14. Canadian English. A Little Bit of Comedy??? [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.tourcanada.com/comedy.htm>
15. Рудковська Л. А. Американізм в англійській фразеології: національно-культурний аспект / Л. А. Рудковська, А. Ю. Рудковська // Мовні і концептуальні картини світу : [зб. наук. праць]; Київський національний університет ім. Т. Шевченка. Інститут Філології. – К. : Вид. Дім Дмитра Бураго, 2004. – С. 133 – 140.
16. New Zealand English Vocabulary [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://en.wikipedia.org/wiki/New_Zealand_words
17. Беркешук Х. Національно-мовні параметри вираження емоцій в австралійській афективній лексиці / Х. Беркешук // Науковий Вісник Чернівецького університету : [зб. наук. праць]. – Вип. 430 : Германська філологія. – Чернівці : ЧНУ, 2009. – С. 137 – 148.
18. Сахнова О. І. Дивергентні процеси у семантиці емоцій антропоморфних зоонімів австралійського сленгу / О. І. Сахнова // Нова філологія : збірник наукових праць. – Запоріжжя : ЗНУ, 2009. – № 35. – С. 239 – 245.

Сахнова О. І. Стійкі словосполучення як компоненти мовної картини світу національних варіантів англійської мови / О. І. Сахнова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 139-144.

У статті представлені стійкі словосполучення, які характеризують специфіку національної культури Великої Британії, США, Канади, Австралії та Нової Зеландії. Розглянуто дивергентні та аналогічні

протиставлення даних стійких словосполучень, а також фразеологічні одиниці, які є унікальними для тієї чи іншої культури англомовного ареалу.

Ключові слова: стійкі словосполучення, фразеологічні одиниці, мовна картина світу, національні варіанти англійської мови, лексико-семантичні аналоги, лексико-семантичні дивергенти.

Sakhnova O. Set combinations as a component for language pictures of world of national version of English / O. Sakhnova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 139-144.

The article presents set expressions that characterize the specificity of the national culture of Great Britain, the USA, Canada, Australia and New Zealand. It considers divergent and analogous oppositions of the set expressions as well as phraseological units that are unique to this or that culture of the English-speaking area.

Key words: set expressions, phraseological units, linguistic image of the world, national variants of the English language, lexico-semantic analogues, lexico-semantic divergents.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 94(47).072.5

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПЕРЕПИСКЕ ФЕОДОСИЙСКОГО ГРАДОНАЧАЛЬНИКА И ГУБЕРНСКИХ ВЛАСТЕЙ ВРЕМЁН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Малышев Д. А., Близняков Р. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Украина,
e-mail: darkmalyshev@mail.ru bliznyakov80@mail.ru*

Статья посвящена деятельности городского головы Феодосии С.М. Броневского в 1812 году. На основе ранее не опубликованных архивных материалов авторы рассказывают об участии горожан в формировании земского ополчения, а также денежных пожертвованиях. Большое внимание уделено борьбе с чумой, вспыхнувшей в августе 1812 года.

Ключевые слова: история Крыма, история Феодосии, С.М. Броневский, Отечественная война 1812 года.

«...с чувством радости и восхищения о великодушном поступке...»

С.М. Броневский

Актуальность. 2012 год является юбилейным для всех историков нашей страны и Европы в целом, так как отмечается 200-летие Отечественной войны 1812 года, года нашей Победы и нашей Славы. В связи с этим появляющиеся публикации много говорят о роли различных губерний Российской империи в войне, однако практически никогда в них не упоминается Таврическая губерния. Между тем, находясь в стороне от военных действий, она внесла свою лепту в дело победы над Наполеоном. Весьма интересной в этой связи предстаёт перед нами роль градоначальника г. Феодосии в тот период – Броневского Семёна Михайловича. Практически все статьи, посвящённые жизни и деятельности этого человека только вкратце говорят о том, чем был занят градоначальник в 1812 году, между тем, это довольно важный пласт истории Крыма, который помогает лучше понять роль всей Таврической губернии в Отечественной войне. Данная статья призвана восполнить существующий пробел.

Цель и задачи. Цель – осветить на основе новых архивных материалов деятельность Броневского С.М. и феодосийцев в 1812 году. Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: изучить роль градоначальника в формировании земского ополчения и сборе денежных средств для этого; проанализировать меры, предпринятые Броневским С.М. для ликвидации чумы, вспыхнувшей в августе 1812 г. в Феодосии.

Обзор источников и литературы. Большой интерес для этой, ранее неисследованной стороны деятельности Броневского, предоставляют материалы Государственного архива при Совете министров в АРК, которые подробно говорят как о роли градоначальника в войне 1812 г., так и о его борьбе с «моровой язвой» [1–5]. Отдельные сто-

роны его биографии, достаточно хорошо освещены в работах российских (Павлова И.К. [12], Тункина И.В. [19;20]), а также крымских историков (ведущего крымоведа, основателя крымской школы биобиблиографов Непомнящего А.А. [11], специалиста в области античной истории и культуры Крыма Петровой Э.Б. [13–17], директора феодосийского краеведческого музея Евсеева А.А. [6;7]), часть работ, в том числе электронного характера, косвенно затрагивают данную тематику [8–10; 18;21].

Семён Михайлович Броневский (1763 – 1830) — участник русско-персидской войны 1796 г., директор Азиатского департамента МИД Российской империи, Феодосийский губернатор (с 1808 г.), историк Кавказа. Энергичный градоначальник проявил себя в двух ипостасях. Первая – официальная должность. Дореволюционные издания содержат ряд сведений о борьбе принципиального главы города с воровством и тайным провозом грузов, растратами казенных денег, о пресечении Броневским незаконных продаж товаров и других далеко не безвинных «грешков» феодосийских купцов. Вторым направлением в деятельности Броневского в Тавриде стала охрана предметов старины и основание первого в Крыму музея древностей [8]. Однако, практически ничего не известно о деятельности его в роковом для России 1812 году.

12 (24) июня 1812 года Наполеон со своей армией вторгся в пределы России. 6 июля 1812 г. Александр I выпустил манифест с призывом о создании ополчения: «...при всей твёрдой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимо-нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жён и детей каждого и всех» [10, 14]. Вся страна встала на защиту Отечества. Не осталась в стороне Таврическая губерния и Феодосия, как её часть. 29 июля 1812 года Таврическое благородное дворянство на общем собрании в городе Симферополе постановило: «Всякого дворянина оружие носить могущего... людьми, способными к военной службе... с сего дня считать отечественными ратниками, и всякому из них по первому позыву... идти для обороны отечества вооруженным..... тому, кто имеет имущество... а не имущие получают содержание от дворянства» [4, л.16].

5 августа 1812 года Броневский получил письмо от Таврического губернатора Бороздина А.М., в котором говорилось: «благородное дворянское сословие, равно и городские общества внутри Крыма находящиеся, приносят значительные пожертвования деньгами и прочим, ибо по соображению Таврическое Земское ополчение составляется из людей в заперекопских местах, населённых, где все способные к тому находятся. Весьма вероятно, что обыватели города Феодосии тем с большею ревностью и усердием последуют примеру прочих крымских жителей в денежном пожертвовании, мера коего совершенно зависит от воли и любви к Отечеству каждого гражданина» [4, л.23].

Уже на следующий день С.М. Броневский отвечал: «Милостивый государь Андрей Михайлович! Жительствующий в Феодосии отставной капитан Дмитрий Маркаков, будучи одушевлён усердием и ревностью в защите Отечества против врагов, в российские пределы вторгшихся, вышел ко мне с просьбою о намерении его содействовать в приглашении верных сынов Отечества для подкрепления ваших сил согласно с высочайшим манифестом в 6 день прошедшего июля изданным. Желание

Г. Маркакова состоит в том, чтобы при помощи двух его племянников собрать из разных состояний до 144 человек таких, кои по доброй воле пожелают посвятить себя на службу Отечеству и чтобы тем из них, кои по бедности лишены средств, дать... нужное пособие, прося...способствовать ему распубликованием о предприятии его в Феодосии и других местах ...губернии, равно как и о предписании кому следует, чтобы в потребных случаях оказываема была ему от полицейской стороны нужная помощь. Одобряя с моей стороны предприятие Г. Маркакова и надеясь на известную его в подобных случаях опытность, которую показал в прошедшее время при наборе Милиции, я счёл обязанностью донести до Вашего Превосходительства подвиг сего чиновника» [4, л.32]. Броневский просил губернатора прислать ему открытый лист для Маркакова, а также известить о намерении этого человека всех жителей окрестности г. Феодосии, если нет к тому каких-либо препятствий.

Спустя ещё несколько дней, 10 августа 1812 года, феодосийский градоначальник известил губернатора относительно денежных взносов: «Первое начало положено пожертвованием довольно значущей суммы и остаюсь в твёрдой убеждённости, что жители города Феодосии не откажутся и на будущее время споспешествовать во всех намерениях, доказывающих любовь и приверженность к Отечеству своему» [4, л.41].

Вскоре сумма этих пожертвований уже простиралась до 10 тысяч рублей. Причём феодосийцы вносили пожертвования не только деньгами, но и оружием, и другими вещами. Весьма показательно в этом отношении сообщение Броневского о поступке одного из феодосийцев, он писал: «...с чувством радости и восхищения о великодушном поступке поселянина из... Харьковской губернии М. Безрукова», который имел 12 пар волов и «живёт в здешнем городе перевозкою тягостей». Этот патриот добровольно жертвовал всех своих волов, а также себя и сына своего на благо Отечества, и изъявлял желание отправиться туда, куда от него потребуют. При этом градоначальник, прекрасно знающий финансовое состояние всех горожан с прискорбием сообщал, что данный поступок весьма контрастирует с поступком другого горожанина (подпоручика Ставра Цирули), который имел доход в 20 тысяч рублей ежегодно, а пожертвовал всего 20 пик и 20 рублей в пользу милиции (так называли земское ополчение – авторы). Броневский называл это «расчётливая скупость». Вместе с тем стало известно, что уже 23 феодосийца пожелали служить в создаваемом ополчении. О том, куда их отправить и спрашивал Броневский. 24 августа 1812 г. градоначальник уже сообщил, что «собранные ратники мною распущены», в связи с событиями, о которых речь пойдёт ниже [4, л.60–61; 202].

В донесении от 12 августа 1812 года Таврическому губернатору, Броневский сообщал: «Служившие под начальством моим чиновники Коллежский регистратор Русинов и Губернский регистратор Климовский испросили от должностей своих увольнение, единственно по одной приверженности к отечеству, для вступления во временное ополчение в губернском городе Симферополе дворянством собираемое. Поручая молодых людей сих явивших опыт только похвальной предприимчивости, в особенное покровительство Вашего Превосходительства, я покорнейше прошу оказать им всяческую помощь, по уважению, что они, быв доброго поведения, лишены средств по дальнейшему себя содержанию» [4, л.100].

Надо сказать, что феоdosийцы в едином порыве откликнулись на призыв о помощи Отечеству в столь трудный час. Об этом свидетельствует факт, что денежные пожертвования вносили практически все сословия и чины города – надворные советники, коллежские асессоры, титулярные советники, коллежские секретари, губернские секретари, коллежские регистраторы, губернские регистраторы, дворяне, купцы, мещане и иностранцы. К сожалению, склеившиеся листы архивного дела не позволяют установить точную сумму взносов феоdosийцев, однако можно с уверенностью сказать, что она была достаточно большой, а сумма взносов весьма разнилась, например, сам Броневский пожертвовал 1 тысячу рублей, а некий житель по фамилии Киркоров – сто рублей. Дворянин Галера (феодосийский помещик и negociант, археолог-любитель, коллекционер древностей, хранитель Феоdosийского музея древностей в 1811–1818 [11, 27–28]) — 200 руб. От феоdosийского уезда статский советник Капнист пожертвовал 25 руб. [4, л.221–224].

Известно, в то же время, что от Феоdosийского уезда поступило пожертвований 51 тысяча рублей (предполагалось собрать ещё больше – 82.058 руб. 87 коп., однако, скорее всего, причиной недоимок послужила ещё одна трагедия, затронувшая феоdosийцев и жителей уезда – вспыхнувшая неожиданно чума. «На ликвидацию заразы» из общей суммы, собранной по Таврической губернии в 1812 году (418 тыс. 130 руб. 84 ½ коп.) было израсходовано 62 тыс. 564 руб. 80 ¾ коп. по распоряжению самого Новороссийского генерал-губернатора герцога де Ришелье [4, л.704].

Помимо сбора денежных средств, в Феоdosии наблюдалось и передвижение войск. 18 июля 1812 года из Феоdosии в Севастополь выступил находившийся там Пензенский пехотный полк, под командованием кавалера Сент Лорана. На данный манёвр был особый приказ от императора Александра генерал-губернатору де Ришелье, объявленный ему через главнокомандующего Дунайской армией [2, л.117]. Скорее всего, причины данного манёвра крылись в желании усилить главный порт России на Чёрном море (русско-турецкая война закончилась совсем недавно, 16 мая 1812 года был заключен Бухарестский мирный договор, и было известно, что Наполеон подстрекал турок к новому выступлению против России, чтобы империи пришлось вести войну на два фронта).

Продолжался набор рекрутов, однако он вскоре был прекращён в связи со страшной болезнью, обнаружившейся в городе. В рапорте о рекрутском наборе на имя князя А.Б. Куракина сообщалось: «..когда все приготовления к производству сего набора были уже сделаны, в городе Феоdosии открылась заразительная болезнь. Случай сей навёл сомнение на весь Крым, почему я и предполагал приём рекрутов вместо губернского города начать в Перекопе, так как и рекруты большею частью поставлены из двух только уездов: Днепровского и Мелитопольского» [5, л. 22]. Чумой заболел один из рекрутов, скончался, и набор в итоге был остановлен. Лишь когда опасности в Симферополе уже не было, и болезнь локализовалась только в феоdosийском уезде, набор начали снова, притом в уездах за Перекопом. Перед этим специальная комиссия убедилась, что там безопасно.

Броневский и его соратники, среди которых, в первую очередь, доктор медицины, главный медицинский чиновник Феоdosийского центрального карантинного пункта Иван Иванович (Жан) Граперон (врач, коллекционер древностей, краевед, хранитель

Феодосийского музея древностей в 1818-1848), вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с эпидемией чумы, обрушившейся на город в августе 1812 года.

За четыре месяца - с 22 августа 1812 года по 29 декабря 1812 года - страшная болезнь унесла в Феодосии жизни 541 человека. Всего в 1812 году здесь переболело чумой 758 человек [11, 349]. Тяжёлые последствия эпидемии ещё более усугубились необычайно холодной и голодной зимой 1812-1813 года. Противочумные мероприятия продолжались вплоть до августа 1814 года.

Из архивных материалов, в частности «Подробного отчёта о деньгах, употреблённых на прогоны при посылке чиновников по случаю бывшей в Крыму моровой язвы» стало известно, что в августе 1812 г. сам гражданский губернатор отправился в Феодосию по первому известию о возникших там сомнениях насчёт чумы, и при нём: инспектор врачебной управы надворный советник доктор Ланг, ассессор губернского правительства Луговской и секретарь Аверкиев (на путешествие от Симферополя до Феодосии ими было потрачено 140 руб. 40 коп.). Из Феодосии Луговской отправил в Симферополь драгуна Якова Голепщина с известием о том, что слухи о чуме в городе подтвердились. В сентябре в Феодосию вновь отправился гражданский губернатор «для принятия мер осторожности от заразы». Из Севастопольской карантинной конторы в Феодосию был вызван главный лекарь Эк для составления медицинского совета [4, л. 461–462]. В Феодосии побывал даже пленный врач Ф. Мапиёр [4, л. 536]. Губернатор вместе с доктором Грапероном посетили Старый Крым и Перекоп с целью убедиться, что там нет чумы. Граперон в этом деле был незаменимым человеком. Он учился на медицинском факультете Парижской Академии (1791-1796), откуда был выпущен с дипломом доктора медицины и причислен к практикующему персоналу отделения инфекционных болезней в главном парижском госпитале Отель Дье. Как врач, Граперон приобрел хорошую репутацию еще на родине, более десяти лет являлся действительным и почетным членом нескольких обществ для поощрения и распространения медицинских, гальванических и клинических знаний. В 1809 по рекомендации императора Наполеона I Бонапарта и при содействии русского посла в Париже князя А. Б. Куракина Граперон был приглашен на русскую службу по 10-летнему контракту. В Петербурге его диплом доктора медицины 1 класса был подтвержден «испытанием» в Медико-хирургической академии 19 ноября 1809 г. [13, 14–17]. Недолгое время прослужив в столице, 20 мая 1810 г. Граперон по прошению перевелся в Крым и поселился в Феодосии, которую часто покидал во время многочисленных служебных командировок, разъезжая по воинским госпиталям и лазаретам для борьбы с чумой [9]. В мае 1813 г. он снова посещает Перекоп, а в октябре – вновь с инспекцией в Феодосии [4, л.463;465;481, 494].

В самом городе активно боролись с болезнью. В очистительный комитет феодосийского уезда на зарплату жителям чумных мест за сожжение у них заражённых вещей было израсходовано 8.334 руб. 40 коп. [4, л. 527].

Вокруг города была сооружена цепь, т. е. город был ограждён, на что было израсходовано 2.133 руб. 29 коп. Цепь, по свидетельству документов, проходила от Чёрного моря по речке Булганак до Сиваша. Для охраны этой цепи от донского казачьего полка подполковника Мелентьева в город 2 сентября были отправлены ка-

заки (31 человек), и оставлено там же было прибывших 12 числа из крепости Анапа 30 человек [1, л.98]. Данные меры возымели действие, однако, далеко не сразу. Известно, что Граперону на покупку разных медицинских материалов было выделено 26 августа 1813 г. — 200 руб., 19 декабря — 300 руб. [4, л.531; 550].

Только 23 февраля 1814 г. казённая экспедиция извещалась об окончании моровой язвы.

Необходимо отметить, что данная ситуация нанесла большой вред военным планам властей. Из феодосийского уезда предполагалось набрать 217 человек на укомплектование конно-татарского полка (к тому времени уже были укомплектованы два полка – симферопольский и перекопский), из-за эпидемии от этих планов пришлось отказаться. В рапорте Бороздину от феодосийского конно-татарского полка сотника Вели-Алиева от 16 апреля 1813 г. последний сообщал, что задержан в карантин по причине заразной болезни в городе. В итоге недостающие 217 человек распределили собрать следующим образом по уездам: симферопольский — 88 чел., евпаторийский — 55 чел., перекопский — 74 чел. [3, л. 31; 33].

В 1816 г. у Броневского вспыхнул конфликт с таможенными чиновниками и греческими купцами и он был вынужден подать в отставку. Возможно, что именно с этим связано начало расследования о денежных взносах по феодосийскому уезду (утверждать однозначно этого нельзя, так как фамилия Броневского в бумагах не упоминалась), о котором в своём рапорте от 20 марта 1816 года ассессор Луговской сообщал таврическому губернатору Бороздину А.М.: «Исполняя предписание Вашего Превосходительства, приступил я к разысканию о пожертвованной сумме на защиту Отечества обывателями уезда феодосийского, и с 12 марта при больших затруднениях едва только успел окончить по сие число. При волостном правлении найдено наличного капитала 1364 руб. 33 коп. Голова объяснил, что деньги сии остались при волостном правлении единственно по той причине, что на высылку их бывший земский исправник Маценков приказал ожидать особого предписания, коего доселе не получал. При разыскании моём открылось, что кроме сих денег оставалось на руках... взысканных или голове не представленных 970 руб. 25 ½ коп. Деньги сии по предписанию моему заседателем Лампсим взысканы и для хранения отданы в волостное правление, сопричисляя кои к первым составит сумму 2334 руб. 58 ½ коп.» При этом Луговской отмечает, что «хранить столь знатную сумму при волостном правлении не имеющем никакой стражи, крайне неудобно» [4, л.708].

Вскоре Луговской получает от губернатора новое письмо, в котором тот чётко говорил, что «При разыскании о пожертвованной сумме, дабы открыть истину, кто и сколько утаил денег, мне необходимо нужно сведения, сколько именно, когда и куда от бывшего исправника Маценкова выслано денег, поселянами к нему внесённых». За помощью в решении этого вопроса Бороздин неспроста обратился к человеку, которому доверял, так как земский исправник феодосийского уезда Парули не дал никаких сведений, сообщив лишь, что ещё не принял дела от Маценкова [4, л.710].

Однако вскоре, к счастью, выяснилось, что из собранных по феодосийскому уезду денег «утаено – 0». Об этом Бороздину сообщает сам Луговской [4, л.714].

У феодосийских градоначальников нередко возникали сложности во взаимоотношениях с горожанами. Дело в том, что в те времена население Феодосии являло

собой смешение представителей разных народов, культур и религий. Большинство горожан были переселенцами из-за пределов Российской империи в первом поколении. Многие не знали, а зачастую и не хотели признавать российских законов. Это, в свою очередь, порождало конфликты между городским обществом и градоначальниками. Не всегда эти конфликты завершались в пользу представителей власти. Броневский боролся с теми, кто нарушал закон. Его отдали под суд, и суд признал его невиновным [21].

Броневский, тем временем, поселившись на своей даче под Феодосией, много занимался литературными трудами, состоял в переписке с выдающимися российскими деятелями, в августе 1820 г. у него останавливался А. С. Пушкин [15]. Умер Броневский С.М. 27 декабря 1830 г. в Феодосии.

Комиссия Феодосийского исполкома по топонимике в октябре 2010 г. рассмотрела инициативу директора Феодосийского музея древностей Евсеева А.А. установить памятную доску одному из самых известных градоначальников Феодосии. Директор музея также предложил присвоить имя Броневского одному из скверов в центре города [18].

Феодосийцы не забыли ни своего градоначальника, ни подвига своих предков в Отечественной войне 1812 года.

Список литературы

1. Государственный архив при Совете министров в АРК ф.26, оп.1, д.750. – 146 л. «О продовольствии войск провиантом и фуражом».
2. ГААРК, ф.26, оп.1, д.751. – 192 л. «О проходящих полках и воинских командах чрез губернию».
3. ГААРК, ф.26, оп.1, д.755. – 144 л. «О наборе ратников для комплектования симферопольского, феодосийского и перекопского конно-татарских полков».
4. ГААРК, ф.26, оп.1, д. 756. – 830 л. «О составлении земского ополчения и о разных на оные жертвованиях».
5. ГААРК, ф.26, оп.1, д. 784. – 168 л. «О наборе рекрутов по 83 набору назначенному высочайшим Манифестом 4 августа 1812 года».
5. Евсеев А.А. О Феодосийском градоначальстве и градоначальниках / Андрей Анатольевич Евсеев // V Таврические научные чтения (Симферополь, 21 мая 2004 г.) Сборник научных материалов. – Симферополь, 2005. – С.49 – 51.
6. Евсеев А.А. Чума в Феодосии. Год 1812 / Андрей Анатольевич Евсеев // Феодосийский альбом. – 1997. – № 54. – С. 2.
7. Егоров Е. Семён Броневский: градоначальник и ценитель старины / Евгений Егоров // Победа. – 24.06.2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.newpobeda.org/index.php?option=com_content&view=article&id=910:2011-06-24-11-19-58&catid=103:2010-11-16-12-36-07&Itemid=400
8. Колли Л. П. Иван Иванович Грапперон: Биографический очерк / Людвиг Петрович Колли // ИТУАК. – Симферополь, 1905. – № 38. – С. 38 – 47.
9. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года: сборник документов / под ред. Бескровного Л.Г. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1962. – 547 с.
10. Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX — начало XX века): Библиографическое исследование / Андрей Анатольевич Непомнящий. – Симферополь: Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, 2000. – 360 с.
11. Павлова И. К. О сочинении Броневского / И.К. Павлова // Броневский С. М. Исторические выписки о сношениях России с Персией, Грузией и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими, со времён Ивана Васильевича доняне. – СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. – 240 с.
12. Петрова Э. Б. Античная Феодосия / Э.Б. Петрова. – Симферополь: СОНАТ, 2000. – 264 с.

13. Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей: античные памятники и их собиратели / Э.Б. Петрова // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. – М.: Институт этнологии и антропологии, 1994. – С. 20 – 34.

14. Петрова Э.Б. “Подобно старику Вергилия, разводит сад...” (А.С.Пушкин и С.М. Броневский) / Э.Б. Петрова // Крымский архив. – Симферополь, 1999. - № 4. – С.25 – 34.

15. Петрова Э.Б. Культура как объединяющий фактор в многонациональном Крыму (Феодосийский музей древностей: XIX - начало XX в.) / Э.Б. Петрова // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму: Сб. науч. тр. / Крымск. отд. Ин-та востоковедения НАН Украины, Таврический национальный университет. – Симферополь: Б.и., 1999. – С.120 – 126.

16. Петрова Э.Б. Крымский период жизни С.М. Броневского / Э.Б. Петрова // Пантикапей - Боспор - Керчь – 26 веков древней столице: Материалы междунар. конф. / Крымск. филиал Ин-та археологии НАН Украины, Керченск. гос. ист.-культ. заповедник. – Керчь: Б.и., 2000. – С.199 – 206.

17. Сквер в центре Феодосии предлагают назвать именем Броневского // Провинция. – 14.10.2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.province.in.ua/skver-v-centre-feodosii-predlagayut-nazvat-imenem-bronevskogo>.

18. Тункина И. В. Создание Феодосийского музея древностей / И.В. Тункина // Древнее Причерноморье: IV чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского (12-14 марта 1998 г.). – Одесса, 1998. – С. 140 – 143.

19. Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.) / И.В. Тункина. – СПб.: Наука, 2002. – 676 с. С. 212 – 215.

20. Феодосийское градоначальство: "...из высших государственных чиновников". Феодосия. 2500 лет истории города на портале Киммерия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://kimmeria.com/kimmeria/feodosiya/history_history_36.htm

Малишев Д. А. Особливості громадянської лексики у листуванні феодосійського міського голови та губернської влади під час Вітчизняної війни 1812 року / Д. А. Малишев, Р. О. Блізняков // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 145-152.

Стаття присвячена діяльності міського голови Феодосії С.М. Броневського у 1812 році. На основі раніше не опублікованих архівних матеріалів автори розповідають про участь городян у формуванні земського ополчення, а також грошових пожертвуваннях. Велика увага приділена боротьбі з чумою, що сполохнула в серпні 1812 року.

Ключові слова: історія Криму, історія Феодосії, С.М. Броневський, Вітчизняна війна 1812 року.

Malyshev D. A. Features of civil vocabulary in correspondence of Feodosian governor of a town and province authorities of times of Home War 1812 year / D. A. Malyshev, R. A. Bliznyakov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 145-152.

The article is sanctified to activity municipal heads of Feodosia S.M. Bronevsky in 1812. On the basis of the before not published archived materials authors tell about participating of townspeople in forming of militia, and also money offering. Large attention is spared to the fight against a plague, blazing up in August, 1812.

Key words: history of Crimea, history of Feodosia, S.M. Bronevsky, Home war 1812 year.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.161.2:378

ФОРМУВАННЯ ПРОФЕСІЙНО ВАЖЛИВИХ ЯКОСТЕЙ АГРАРНИХ СПЕЦІАЛІСТІВ У ХОДІ ВИВЧЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ЗА ПРОФЕСІЙНИМ СПРЯМУВАННЯМ

Дмитрук М.В.

*ПФ НУБіП України "Кримський агротехнологічний університет", м. Сімферополь, Україна,
e-mail: vol6662007@rambler.ru*

У статті характеризуються професійно важливі якості спеціалістів-аграріїв і їх формування у ході вивчення української мови за професійним спрямуванням.

Ключові слова: професійна підготовка, спеціаліст, професійні якості, професійна спрямованість.

Постановка проблеми. У процесі професійної підготовки майбутній спеціаліст оволодіває певною системою знань, умінь і навичок, які й формують відповідні професійні якості. На нашу думку, забезпечити формування цих якостей допоможуть різноманітні форми і методи, які повинні залучатися до навчального процесу. Українська мова за професійним спрямуванням належить до базових дисциплін, що формує такі професійні якості, без яких виконувати професійні обов'язки майбутній аграрій не зможе.

Проблема полягає в тому, що в українському мовознавстві це питання ще не було предметом наукового розгляду.

Хоч у педагогічній літературі дослідженням рівнів мотивації навчання у ВНЗ займалася Ільїна Т.І., Бойко В.В., Пахомова Н.Ю., Єгоров Ю.С. та ін. Ці вчені дають характеристику етапам навчального процесу і визначають роль викладача на кожному етапі. Проблеми сучасного фахівця – аграрія розглядалися у працях М.В.Аверіна, А.Г.Асмолова, Л.С.Виготського. Вивченню проблеми професійної освіти присвячені праці В.В.Карпова, І.Б.Моргунова, В.М.Соколова та ін.

Мета полягає в тому, щоб у ході вивчення української мови за професійним спрямуванням навчити студентів-аграріїв:

1. Здійснювати пошук інформації для вирішення професійних завдань.
2. Творчо мислити, аналізувати й систематизувати інформацію.
3. Вміння вислухати співробітника (спеціаліста чи підлеглу особу).
4. Найважливішим є не просто знайомство з видами публічного мовлення, а формування вміння публічно виступати (це виступи на зборах, нарадах, семінарах).
5. Спеціаліст-аграрій повинен уміти працювати зі спеціальним текстом і уміти перетворювати інформацію на паперових і електронних носіях.
6. Надавати професійно будь-яку інформацію (оперативну, звітну тощо).

Проблема підготовки студентів аграрних ВНЗ завжди була і залишається актуальною. Це обумовлено насамперед потребою країни у компетентних спеціалістах аграрної сфери, які вміють орієнтуватися у складних професійних ситуаціях,

спеціалістів, що мобільні, активні, готові до вирішення складних професійних завдань, а це потребує безперервної системи педагогічного супроводу студентів у ВНЗ.

Професійна підготовка здійснюється шляхом звикання студента-аграрія до нових умов праці, вимог науково-педагогічних працівників і нового колективу. Її можна визначити за рівнем оволодіння професійними навичками, сформованістю професійних якостей тощо.

Конкурентноспроможний фахівець повинен вміти ставити перед собою досяжні цілі і завдання, реалізовувати їх, вміло застосовувати теоретичні знання для вирішення практичних завдань, вміти оформити і надати результати своєї роботи.

Завдання даного дослідження:

1. Формування професійних якостей за допомогою активних методів навчання у ході вивчення української мови за професійним спрямуванням.

2. Формування культури професійного мовлення майбутнього спеціаліста-аграрія.

Для успішного виконання будь-якої професійної діяльності спеціаліст повинен володіти професійно важливими якостями (ПВЯ). У функції професійно важливих якостей можуть виступати як власне психічні й особистісні, так і біологічні властивості суб'єкта професійної діяльності – соматичні, морфологічні, нейродинамічні та ін. Певні біологічні якості людини, будучи недостатньо розвиненими, можуть стати протипоказанням для тієї чи іншої професійної діяльності. А.В.Карпов [2, 190-191] називає такі якості анти-ПВЯ. Структура професійної придатності передбачає наявність мінімальної кількості анти-ПВЯ або навіть їх відсутність. Наприклад, людина, що страждає сильним заїканням, або з недорозвиненим слуховим аналізатором не зможе працювати усним перекладачем. Чи людина з хворобами опорно – рухового апарата не зможе бути агрономом, бо не зможе проводити обстеження полів, садів, виноградників, не зможе контролювати проведення агротехнологічних заходів та ін.

Якщо психічні та особистісні ПВЯ майбутнього спеціаліста – це динамічне явище, то ПВЯ, що мають біологічну природу, піддаються формуванню важко чи не піддаються взагалі.

До останніх років вивчення мов відбувалося практично однаково при підготовці до будь-якої професії, це стосувалося насамперед вивчення української мови. В усіх навчальних закладах упродовж років вивчається українська мова. Програмою практично не враховувався майбутній фах. Але з 2009 року у навчальних планах з'являється предмет – українська мова за професійним спрямуванням. Цей предмет чітко передбачає вивчення професійної лексики та термінології, що властиві майбутній професії, розглядаються також професійно орієнтовані документи, словникові видання з майбутнього фаху та ін. Студенти займаються перекладами спеціальних текстів, вивчають професійну лексику, базові терміни та ін.

Чітке системне уявлення про професійно значимі якості спеціаліста дає можливість раціонально й ефективно організувати освітній процес.

Так, наприклад, економіст, бухгалтер повинен знати принципи і прийоми техніки – економічного планування, економіко – математичні методи і моделі в плануванні та управлінні, методи планування і прогнозних оцінок виробничої

діяльності, методики проведення техніко – економічного аналізу виробничо – господарської діяльності сільськогосподарського підприємства, методики комплексного аналізу комерційної діяльності, принципи і методи вартісного аналізу та ін. Такий спеціаліст повинен вміти організувати і вести поточну планово – економічну роботу в підприємствах та організаціях, вивчати ринок, формувати цілі підприємницької діяльності, проектувати систему управління сільськогосподарським виробництвом, обґрунтовувати заходи, що впроваджуються в господарську практику, планові управлінські рішення, розробляти систему документів із зовнішньоекономічних відносин, аналізувати виробничо – господарську, зовнішньоекономічну діяльність, робити правильні висновки та вносити пропозиції, вміти організувати свій робочий день і підлеглих осіб, формувати здорові взаємовідносини в колективі, впроваджувати нововведення, використовувати у професійній діяльності комп'ютерну техніку та ін.

Так, наприклад, агроном повинен мати гуманітарну, загальнонаукову і професійну підготовку для агрономічної діяльності в сільськогосподарському виробництві.

Агроном повинен мати загальну культуру, інтелігентність, широкий кругозір, знати мову ділового спілкування, вміти аналізувати історичні та соціально – економічні явища, процеси у суспільстві, аргументовано і коректно відстоювати свою позицію, мати високі громадянські та моральні якості. Знати основи агрономічної роботи в сільському господарстві, прогресивні технології вирощування плодоовочевої продукції і винограду, а також основні технології її зберігання і первинної переробки, оволодіти методами організації й управління роботою трудового колективу, навичками науково - технічної і новаторської діяльності, володіти високим творчим потенціалом, методикою навчально – пізнавальної діяльності, прийомами охорони праці й довкілля. Для цього майбутній спеціаліст повинен оволодіти системою знань, вмінь і навичок відповідних дисциплін, що формують професійну діяльність, а також добре володіти державною мовою, щоб легко працювати з управлінськими документами, добре знати мову ділового спілкування, щоб вести прийом відвідувачів, проводити виробничі наради, семінари, інструктувати підлеглих осіб з багатьох питань у необхідних ситуаціях та ін.

З ділової української мови майбутній агроном, бухгалтер чи економіст повинен знати: основні правила оформлення документів, підбирати відповідні терміни зі спеціальності для оформлення документації. Крім грамотного оформлення ділових паперів, необхідно вміти логічно й послідовно представляти службову інформацію з того чи іншого питання. Для цього слід навчитися правильно використовувати пасивні конструкції, характерні для ділового стилю, вміти поєднувати числові дані з іменними та ін. Спеціаліст повинен вміти логічно сформулювати думку, дотримуватися послідовності й точності викладу, додержуватись норм сучасної української літературної мови, знати особливості усної і писемної форм ділової мови та вміло ними користуватися.

Щоб майбутній аграрій зміг добре виконувати свої посадові обов'язки, у нього слід формувати надійні теоретичні знання, а також автоматизовані й міцні уміння та навички. У такого фахівця має бути стійкість до стресів, наявність можливостей

швидкого пошуку у прийнятті рішень, здатність до тривалої розумової роботи, акуратність, терпіння, зосередженість, спостережливість, стійкість уваги, а також вміння переключати увагу, міцна довготривала пам'ять, що дозволяє тримати в голові велику кількість інформації, здатність легко відмовлятися від звичного ходу думки, шукати нові варіанти вирішення проблем.

Агроном, економіст, бухгалтер повинні також мати добре розвинену логічну (сислову) пам'ять, великий обсяг вербальної пам'яті, високий рівень аналітичного мислення, щоб виділяти та групувати інформацію, перерозподіляти дані, а також високий рівень узагальнення та систематизації, щоб скорочувати і трансформувати текст на основі його смислового аналізу.

А вміння працювати з людьми вимагає не тільки знань з психології, але й ораторських здібностей, добре розвиненого усного мовлення, знання особливостей його жанрів тощо.

Але ключовим має бути підвищене почуття відповідальності за доручену справу, ось тоді всі перераховані професійні якості даватимуть необхідний результат.

Таким чином, у системі підготовки спеціаліста – аграрія велике значення має орієнтація у майбутній професії, що націлена на знання специфіки й основних функцій професійної діяльності, усвідомлення психологічних, комунікативних, особистісних вимог, які пред'являються даною професією, виявлення професійно значимих психічних та особистісних якостей, прийняття відповідальності за вибір професії і своє навчання. Але очевидним є також і те, що аграрний навчальний заклад повинен проводити професійний відбір абітурієнтів, а не йти за залишковим принципом. Життя вносить свої корективи: на деякі спеціальності конкурс дуже великий, наприклад, інженер – землевпорядник, бухгалтер, економіст, а на агрономічний факультет чи факультет плодоовочівництва та виноградарства конкурс практично відсутній.

Висновки. Отже, аграрний спеціаліст, сучасний фахівець повинен володіти якісним професійним мовленням, що повинно бути правильним, виразним, змістовним. Свого часу теоретик ораторського мистецтва Квінтіліан сказав: “Практика без теорії цінніша, ніж теорія без практики”. І справді, мовна норма твориться, формується, виробляється у процесі практики, у процесі постійного спілкування людей у різних сферах діяльності.

Додержання лексичних, граматичних, орфоепічних, акцентологічних, стилістичних норм – основа і писемного, і усного професійного мовлення.

“Як правильно?”, “Як точніше?”, “Як краще?”, “Як сказати?”, “Як написати?” – відповіді на ці питання майбутнім аграрним спеціалістам допоможуть практичні завдання і вправи на засвоєння мовних і мовленнєвих норм, а також - логіка мислення, інтуїція і, звичайно, знання української мови.

Література

1. Білодід І. Дбаймо про високу культуру мови / І. Білодід // Питання мовної культури. – К.: Наук. думка, 1969. - №3 – С. 3 – 10.
2. Карпов А.В. Понятіе професіонально важных качеств деятельности / А.В. Карпов // Психология труда / Под ред. А.В.Карпова. - М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2003.- 352с.

**ФОРМУВАННЯ ПРОФЕСІЙНО ВАЖЛИВИХ ЯКОСТЕЙ АГРАРНИХ СПЕЦІАЛІСТІВ У
ХОДІ ВИВЧЕННЯ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ ЗА ПРОФЕСІЙНИМ СПРЯМУВАННЯМ**

3. Марищук В.Л. Психологические основы формирования профессионально важных качеств / В.Л. Марищук. – Л., 1982.- 36с.
4. Маркова А.К. Психология профессионализма / А.К. Маркова. – М.: Знание, 1996.- 308с.
5. Мозговий В.І. Українська мова у професійному спілкуванні. Модульний курс / В.І. Мозговий. – К.: Центр навчальної літератури, 2006. – 592с.
6. Чорненький Я.Я. Українська мова за професійним спрямуванням. Ділова українська мова /Теорія, практика, самостійна робота: Навчальний посібник / Я.Я. Чорненький. – Київ: Центр навчальної літератури, 2004. – 304с.
7. Шевчук С.В. Українське ділове мовлення: Навчальний посібник / С.В.Шевчук. – К.: Літера, 2000. – 480 с.

Дмитрук М.В. Формирование профессионально важных качеств аграрных специалистов в ходе изучения украинского языка по профессиональному направлению / М.В. Дмитрук // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 153-157.

В статье характеризуются профессионально важные качества специалистов-аграриев и их формирование в ходе изучения украинского языка по профессиональному направлению.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, профессиональные качества, профессиональная направленность.

Dmitruk M.V. Forming is professional important qualities of agrarian specialists during the study of Ukrainian to professional direction / M.V. Dmitruk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 153-157.

In the article important qualities of specialists-agrarians and their forming during the study of Ukrainian to professional direction are characterized professionally.

Key words: professional preparation, professional qualities, professional orientation.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК: 811.161.1'367.626

ЯВЛЕНИЕ ОМОНИМИИ В ЗВУКОВЫХ КОМПЛЕКСАХ ОБОБЩАЮЩЕ-ВЫДЕЛИТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ *ВСЕГДА*, *ИНОГДА*

Руденко О. Э.

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: o1lga77@inbox.ru

В статье изложены результаты анализа семантики и особенностей употребления обобщающе-выделительных местоимений *всегда*, *иногда* с точки зрения содержания в их звуковых комплексах омонимов с временным и условным значением.

Ключевые слова: обобщающе-выделительные местоимения, категориальная соотносительность, омонимия, временное значение, условное значение, *всегда*, *иногда*.

К исследованию семантики и особенностей употребления прономинатива *всегда* уже обращались некоторые лингвисты, выявляя наиболее общие смысловые и функциональные аспекты данного слова. Так, Г. Н. Кондратьева называет рассматриваемую единицу «наречным местоимением, которое содержит семы 'всеохватность действием во времени, во всякое время, постоянно'» [1, 153]. Н. Ю. Шведова уделяет особое внимание семантической дифференциации смысла *всегда* и его реализации на грамматическом, лексическом и фразеологическом уровнях. Автор выявляет трехступенчатое внутренне расчленение на «постоянно», «начиная от... и до конца» и «отныне и навсегда» [2, 95]. Интересные наблюдения, связанные с прономинативом *всегда*, сделаны Е. В. Падучевой в монографии «Высказывание и его соотношенность с действительностью» [3].

Опираясь на исследования названных авторов и дополняя их собственными наблюдениями, проанализируем семантическую специфику местоимений *всегда* и *иногда*. В соответствии со значениями данных прономинативов, зафиксированными в толковых словарях русского языка, в звуковом комплексе исследуемых местоимений мы вслед за Е. Н. Сидоренко различаем два омонима: первый имеет временное значение (локальное); второй — значение условия. Такой подход отличается от традиционного, но позволяет объективно определить место каждого прономинатива.

Охарактеризуем детально каждый из названных омонимов.

Местоимение *всегда* с временным значением. *Всегда* имеет значение 'в любое время', 'постоянно' и обозначает непрерывно длящееся состояние или процесс. Это утверждение верно для любого момента времени, то есть для произвольного интервала на временной оси без ограничений на протяженность, например: *Во время экспедиции он [Шацкий] заметил, что жалкие ручьи в горах Кара-Тау текут всегда из-под каменных россыпей* (К.П., I, 416).

По утверждению Е. В. Падучевой, сама временная ось, однако, может быть ограничена определенными факторами:

1) если событие совершается в прошлом или будущем, то актуален отрезок временной оси, соответственно, только до или после настоящего момента, напри-

мер: Так было **всегда**. Так делали все атаманы, участвовавшие в походах с царевым войском (В.Ш., Избр., 46). Дай Бог, чтоб и **всегда** так было — с добром да удачей (В.Ш., Избр., 117);

2) временем существования компонентов ситуации, например: *Перед каждым рейсом мы его [клипер] покрывали лаком, и он **всегда** блестел как мокрый* (К.П., I, 512).

Если в высказывании речь идет о качествах, мыслях, привычках и т. д. человека, составляющих его суть, то есть характеризующих данного субъекта как личность, то ограничительным фактором, как правило, выступает вся сознательная жизнь человека, прожитая им. Таким образом, *всегда* приобретает семантическую тождественность с выражением *всю жизнь*, например: *Муратов жил во мне **всегда** (// **всю жизнь**), хоть и давал знать о себе редко...* (М.А., Драч., 204).

Существуют контексты, где эксплицитно реализуются синонимические отношения прономинатива *всегда* и выражения *всю жизнь*, например: ***Всегда, всю жизнь** от него [Степана Разина] ждали* (В.Ш., Избр., 85).

3) Один из концов временной оси или оба могут ограничиться обстоятельством времени [3, 225], например: ***Отныне он всегда** будет с нами.*

4) По мнению Е. В. Падучевой, большинство предикатов, характеризующих состояние человека, актуально только для «тех участков временной оси, когда человек, скажем, бодрствует, а не спит» [3, 225], например: *Самой надежной его [Николая] помощницей была, конечно, наша мать; материнским, **всегда** настороженным, **всегда** нацелившимся на возможную опасность для ее детей сердцем она первой почуяла надвигающуюся беду...* (М.А., Драч., 252). В более общем виде это положение автор формулирует так: актуальны только те отрезки временной оси, которые соответствуют нормальному функционированию участников ситуации, например: *Кафе **всегда** переполнено.* В данном случае *всегда* будет означать 'для всех моментов на том участке временной оси, когда кафе работает'.

Местоимение *иногда* с временным значением. Обладая семантикой 'по временам', 'время от времени', прономинатив *иногда* характеризует действие, процесс или состояние, которые имеют свойство прерываться и через некоторое время возобновляться. Это возобновление не обладает закономерным характером; в высказывании не содержатся ограничения на возможность проявления прерванного состояния, процесса или действия (для этого может быть произвольно выбран любой момент на временной оси), например: ***Иногда** вернувшаяся со двора мать подхватывала меня на руки, давала легкий подзатыльник и уносила в горницу...* (М.А., Кар., 7). *В другое время Степан отпугнул бы жену окриком, может, жогнул бы разок сгоряча плеткой, которую постоянно носил на руке и забывал **иногда** снять дома* (В.Ш., Избр., 149).

Значение 'время от времени', 'по временам' предполагает, что действие, состояние или процесс возобновляются с определенной долей регулярности, то есть повторение происходит хотя и незакономерно, но постоянно на данном отрезке временной оси. Но *иногда* может приобретать совсем иную семантику — наоборот, подчеркивать исключительность, возможно, редкость действия, состояния или процесса. В этом случае исследуемый прономинатив принимает значение 'иной раз', 'порою' и является близким к неопределенному местоимению *кое-когда*, например:

Сам Егор, бунтовавший против слов пустых и ничтожных, умел **иногда** так много трещать и тараторить, что вконец запутывал других (В.Ш., Избр., 352). Но **иногда** среди записей о ветрах, облачности, долготах и широтах и обкуривании кораблей серой у Кука попадаются неожиданные строчки (К.П., I, 582).

Местоимение всегда с условным значением. Имея семантику 'во всяком случае', 'при всех условиях', *всегда*, омонимичное прономинативу с временным значением, несет информацию об определенных условиях, при которых совершается действие или происходит процесс, например: *Тире в простом предложении ставится **всегда** (=во всех случаях), если подлежащее и сказуемое выражены именами существительными.*

Историки языка утверждают, что многие значения в древности были синкретичными. К сожалению, до настоящего времени не исследованы и не описаны все случаи подобного синкретизма. Можно считать, что одним из таких проявлений служит синкретизм времени и условия в прономинативе *всегда*. При этом образуются два варианта значений.

1. Проявление свойства периодически, но не нуждается в обуславливающей ситуации. Оно зависит от экстралингвистических факторов, связанных с участниками ситуации — живыми существами, людьми, например: *Нутрии дерутся сутками, и **всегда** (= в любое время, во всех случаях) насмерть* (К.П., I, 505). Здесь явно доминирует условный компонент, так как значение *всегда* сводится к следующему: 'в какое бы время ни происходила драка, при любых условиях совершения она обязательно оканчивается смертью одного из противников'. Временной план имеет место, но ограничен экстралингвистическими факторами.

В предложении *У него [Михи] была привычка улыбаться **всегда**, даже в самые неприятные минуты жизни* (К.П., I, 546) временной компонент значения *всегда* усиливается уточняющей конструкцией. А в предложении *Он **всегда**, при всех обстоятельствах, носил с собой оружие* уточняющей конструкцией конкретизируется условный компонент семантики *всегда*.

2. Постоянные свойства, ситуации присущи неодушевленным предметам, например: *Листья эвкалиптов **всегда** повернуты ребрами к солнцу, и потому в эвкалиптовых лесах нет тени* (К.П., I, 544). Е. В. Падучева называет это значение *всегда* «не временным» и указывает, что оно подразумевает наличие общего свойства у класса однородных объектов любой природы [3, 225]. Таким образом, для синкретичного значения *всегда* важен контекст употребления.

Местоимение иногда с условным значением. В данном варианте исследуемый прономинатив означает 'в некоторых случаях'. При этом *иногда* также несет информацию о повторении действия, состояния или процесса, однако это повторение возможно уже при определенных условиях, например: *Белые тыквы **иногда** выросли до таких размеров, что были неподъемны для одного мужика...* (М.А., Драч., 251).

В исследуемом значении рассматриваемый прономинатив семантически тяготеет к разряду неопределенных местоимений, что было отмечено в лингвистической литературе. Описывая смысловой исход «когда — время», Н. Ю. Шведова относит местоимение *иногда* к средствам выражения сегмента неопределенности наряду с местоимениями *когда-нибудь, кое-когда* и др. [4, 33; 5, 93].

Таким образом, подвергнув семасиологическому анализу обобщающе-выделительные прономинативы *всегда*, *иногда*, мы пришли к заключению, что в их звуковых комплексах содержатся два омонима: один имеет темпоральную семантику, другой – значение условия. Каждый из двух омонимов определяется соотношением по категориальному значению с наречием времени и с семантикой условия, не имеющей специального отражения в наречиях, но представленной в расчлененных единицах именования (предложно-падежных формах, фразовых номинантах и т. д.). Оба омонима в звуковом комплексе *всегда* характеризуются семантикой обобщения, омонимы, содержащиеся в звуковом комплексе *иногда*, имеют общее значение выделения.

Литература

1. Кондратьева Г. Н. Обобщенность как структурно-семантическая категория в современном русском языке / Кондратьева Г. Н. — М. : Прометей, 1993. — 198 с.
2. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл : Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Шведова Н. Ю. — М. : Азбуковник, 1998. — 176 с.
3. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью : (Референц. аспекты семантики местоимений) / Падучева Е. В. — М. : Наука, 1985. — 272 с.
4. Шведова Н. Ю. Система местоимений как исход смыслового строения языка и его смысловых категорий / Н. Ю. Шведова, А. С. Белоусова. — М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1995. — 120 с.
5. Шведова Н. Ю. Местоимение и смысл : Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Шведова Н. Ю. — М. : Азбуковник, 1998. — 176 с.

Список условных сокращений

1. (М.А., Кар.), (М.А., Драч.) – Алексеев М. Н. Карюха ; Драчуны : Диалогия / Михаил Алексеев. — М. : Худож. лит., 1985. — 287 с.
2. (К.П., I) – Паустовский К. Собрание сочинений : в 9-ти т. / Константин Паустовский. — М. : Худож. лит., 1981. — —
3. Т. 1 : Романы и повести. — 1981. — 623 с.
4. (В.Ш., Избр.) – Шукшин В. Я пришел дать вам волю : романы, повести, рассказы / Василий Шукшин. — Кишинев : Лит. артистикэ, 1984. — 639 с.

Руденко О. Е. Явище омонимії в звукових комплексах узагальнювально-видільних займенників *завжди*, *іноді* / О. Е. Руденко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». — 2012. — Т. 25 (64), № 3, ч. 1. — С. 158-161.

У статті викладені результати аналізу семантики і особливостей вживання узагальнювально-видільних займенників *завжди*, *іноді* з точки зору наявності в їхніх звукових комплексах омонимів з часовим і умовним значенням.

Ключові слова: узагальнювально-видільні займенники, категоріальна співвідносність, омонімія, часове значення, умовне значення, *завжди*, *іноді*.

Rudenko O. The homonymy phenomenon in sound complexes of generalized-secretory pronouns *always*, *sometimes* / O. Rudenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. — Series: Philology. Social communications. — 2012. — Vol. 25 (64), No 3, part 1. — P. 158-161.

In article results of the analysis of semantics and features of the use of generalized-secretory pronouns *always*, *sometimes* from the point of view of the contents in their sound complexes of homonyms with temporary and conditional meaning are described.

Key words: generalized-secretory pronouns, a categorial correlation, homonymy, temporary meaning, conditional meaning, *always*, *sometimes*.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811=81'32+81'33

ПРИНЦИПИ СТВОРЕННЯ ЕЛЕКТРОННОЇ КАРТОТЕКИ ДАНИХ ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ ДАВНЬОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ

Шаталіна О.Ф.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: shatalina-elena@mail.ru*

У статті дається спроба створення принципів електронної картотеки даних літературознавчої термінології давньої української літератури.

Ключові слова: термін, літературознавча термінологія, лексикографія.

Постановка проблеми. Останнім часом все більшого поширення набуває функціонально-комунікативний підхід до вивчення мовних явищ, зокрема до природи терміна. Цілком резонною видається думка, що про термін є смисл говорити як про одиницю яка, передаючи деяку інформацію, закладену в плані її змісту, розкривається лише в комунікативних умовах. Це дає підстави висувати гіпотезу про текстовий характер природи терміна. Термін, як всі інші мовні універсалиї, важко піддається дефінуванню. Через складність та дискусійність такого завдання в лінгвістиці існує чимало найрізноманітніших спроб визначення термінів. Наведемо тут лише дві дефініції терміна, що відображають та синтезують, на нашу думку, різні міркування щодо цього, які взаємно доповнюють одне одного. Б.М. Головін [1, 21] пише, що термін – це окреме слово чи утворене на базі іменника підрядне словосполучення, що означає професійне поняття та призначене для задоволення специфічних потреб спілкування у сфері певної професії. Дане визначення є досить вдалим та містким, хоча деякі моменти можуть викликати заперечення. За відправне визначення терміна може бути за трактовкою М.С. Зарицького «Термін – мовний знак, що позначає поняття певної галузі знання – науки, техніки, мистецтва, політики [2, 43]. На властивості терміна семантично самореалізуватися тільки у реальному комунікативному середовищі свого часу наголошувала О.С. Ахманова: «Зміст терміна цілком розкривається через його реальне функціонування, через даний «мета синтаксис» [3,8]. Така думка певною мірою перегукується із висловленого дещо раніше сентенцією щодо слова взагалі: «У словникові слова – це можливі значення, але вони нічого не кажуть. Слово є словом не інакше як тоді, коли тільки мовлене ким-небудь кому-небудь. Тільки таким чином, функціонуючи як конкретний живий факт, що спрямований від одного людського ества до іншого, слова мають вербальну реальність... Розглядати слово інакше – означає перетворювати його в абстракцію, спотворювати...» [2, 48]. У свою чергу слушно зауважує Я. Яремко, що функціонально-комунікативний підхід зумовлює переакцентацію основних функцій терміна, якими донедавна вважалися номінативна чи дефінітивна [4, 64]. Українська літературознавча термінологія не була предметом всебічного і детального дослідження. Одним із

наслідків недостатньої уваги українських літературознавців і лінгвістів до проблеми її становлення і розвитку є відсутність на Україні ґрунтового словника літературознавчих термінів.

Словникарство – одна з найдавніших галузей науково-практичного мовознавства, але теорія й технологія його протягом віків існували лише імпліцитно як традиція. Разом із величезними досягненнями світової лінгвістики в ХХ ст.. помітних успіхів здобула й лексикографія, що нині беззастережно трактується як повноправна мовознавча дисципліна із власними теоретичними засадами (див. зокрема, праці Л. Щерби [5], П. Денисова [6], В. Гака [7] та ін..). Знання лексикографічної технології дуже важливе для творця словника. У наш час в різних сферах громадського життя відбуваються зміни, що свідчать про ноосферний перехід до інформаційно-комунікативних знань [8, 495]. В інфраструктурі сучасних знань ключове значення має доступ до нових інформаційних технологій, що і зумовило **актуальність** обраної теми. **Мета** даної роботи полягає у використанні комп'ютерних технологій при створенні електронної картотеки даних літературознавчої термінології давньої української літератури.

Поставлена мета передбачає вирішення таких **завдань**:

1. Пошук та інтерпретація термінів у давніх словниках і текстах;
2. Дати визначення літературознавчого терміна і визначити підходи до виділення поняття;
3. Розробити словникову статтю терміна з метою використання комп'ютерної технології при створенні електронної картотеки даних літературознавчої термінології давньої української літератури;
4. Визначити принципи, за якими можливо створювати електронну картотеку.

У роботі використана **методика** описання за лексико-семантичними групами, **методика** лексикографічного опису, **методика** співставлення.

«Незнання елементарних вимог лексикографії відразу впадає в око в багатьох словниках, доданих до праці із історіографії, до нелінгвістичних видань різних текстів (особливо – давніх)», - свідчить В.В. Німчук [9,3].

При створенні електронної картотеки даних можливо взяти за основу рекомендації академіка В.Широкова [10] і розташовувати літературознавчу термінологію за реєстровою одиницею, але ця реєстрова одиниця мусить бути гіперонімом.

Так гіперонімом на позначення назв видів творів у давній українській літературі є термін «пѣснѣ». Це «пѣсни половецкія», наприклад «Володимерѣ умерлѣ естѣ вѣротися, брате, пойдѣ вѣ землю свою, молви же ему моя словеса, пойдѣ же ему пѣсни половецкія...» [11, 77].

«Обычныя пѣсни», «богохвальныя пѣсни», які співали городяни, оплакуючи смерть князя Володимира: «И епископѣ же володимерьскый Евсегѣный, и вси игумени, и попове сего города пѣвше надѣ ним обычная пѣсни, и проводима сѣ богохвалными пѣсни...» [11, 148].

«Обычныя пѣсни», навіть, частіше виконували під час проведення поховальних обрядів, наприклад на смерть князя Лестко Казимировича «Епископѣ те, игумени, и попове и діакони, спрятавшѣ тѣло его и пѣвше обычный пѣсни» [11, 140]. Князю Данилѣ, який звільнив багато полонених русичів під час походу за річку Нарву

«...многы хрестіана отъ плѣненія избиваста, и пѣснь славну пояху има, Богу помосу шла...» [11, 111].

У невеликому за обсягом творі давньої літератури «Слово о полку Ігореві» термін «пѣснь» зафіксовано 5 разів, він вживається як віршована розповідь про події: «... пѣти было пѣснь Игореві того» [11, 67] – говорити Ігореві, що у усіх кінців землі Руської збираються дружини: із Путивля, Новгороду, Києва, із-за Сум, доречно навести ще приклад: «яще кому хотяше пѣснь творити» [11, 66]. Вживання терміна «пѣснь» надає цій розповіді урочистого характеру.

Термін «пѣснь» часто вживається у давній літературній пам'ятці. «Повѣсть времѣнных лѣт» (Лаврентієвським літописом 1337 року). Виокремлюємо так словосполучення «обычныя пѣсни», наприклад: «... примѣдинѣ черноризьци, пѣвше обычныя пѣсни...» [11, 140] або просто «пѣснь», як возвеличення Бога: «Пойте Богу пѣснь» [11, 69]. Зустрічається таке словосполучення як «бѣсовская пѣсни». Із тексту першоджерела видно, що «бѣсовская пѣсни» являють собою народні пісні, які виконувалися під час язичеських обрядів: «... схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская пѣсни» [11, 15]. Тільки не прийняте християнство викоринювало язичество, тому звичайно, що пісні, які виконувалися під час язичеських свят світська влада іменувала «бѣсовськими». Таким чином, ми бачимо появу і формування важливого літературознавчого терміна в давній літературі.

Наступним етапом при створенні електронної картотеки буде визначення взаємодії термінів давньої літератури із літературознавчими термінами зафіксованими у сучасних словниках. На прикладі терміна «пѣснь» з'ясуємо, що літературознавчий словник – довідник подає його як «пісня» - словесно – музичний твір, призначений для співу. Нині розрізняють «пісню фольклорну», як жанр писемної поезії та «пісня», як самостійний вокально-музичний твір до поетичного тексту або не пов'язаний з ним. [12, 535-536].

«Літературознавча енциклопедія», укладач якої Ковалів Ю.І. розглядає «пісню» як синкретичний або синтетичний музично-поетичний різновид мистецтва, призначений для співу словесно-музичний твір на три-п'ять куплетів, найпоширеніша форма народної та професійної вокальної музики, де поєднується текст і мелодія; є найдавнішим жанром лірики [13, 217].

Таким чином пропонується за можливе створювати електронну картотеку за таблицею (таблиця 1).

Висновки таким чином у результаті даної роботи нами здійснена спроба визначення підходів до виділення понять літературознавчої термінології, визначено принципи за якими можливо створювати електронну картотеку. Основні принципи – це порівняння і зіставлення давньої і сучасної літературознавчої термінології, а також використано класифікацію за діахронічним принципом. Розроблено словникову статтю терміна, що дає змогу використання комп'ютерної технології при створенні електронної картотеки даних літературознавчої термінології давньої української літератури.

У **перспективі** подальшого дослідження розроблення таксономічних і композиційних зв'язків літературознавчої термінології давньої української літератури.

**ПРИНЦИПИ СТВОРЕННЯ ЕЛЕКТРОННОЇ КАРТОТЕКИ ДАНИХ
ЛІТЕРАТУРОЗНАВЧОЇ ТЕРМІНОЛОГІЇ ДАВНЬОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ЛІТЕРАТУРИ**

Таблиця 1

Термін літературознавчої термінології давньої літератури	Визначення терміна	Види за часом вживання	Класифікація давньої літературознавчої термінології	Класифікація сучасної літературознавчої термінології
Піснь	<p>1. Піснь - словесний твір, що має як строфічну так і астрофічну будову, важливий копонент обрядів</p> <p>*Пісня - синкретичний або синтетичний музично-поетичний різновид мистецтва, призначений для співу словесно - музичний твір на три-пять куплетів, найпоширеніша форма народної та професійної вокальної музики, де поєднується текст і мелодія.</p> <p>ΔПісня - словесно - музичний твір, призначений для співу.</p>	<p>Давні пісні "Піснь світова" У мені тоскно, жаль не малий, Скорбі многи мя обняли, Отця й матір оставим-ем А сам одних заблудив-ем. [14, 48]. ""Сучасні пісні" Пісня про рушник</p> <p>Рідна мати моя, ти ночей не доспала, Ти водила мене, у поля край села, І в дорогу далеку, ти мене на зорі проводжала І рушник вишиваний на щастя і долю дала [15,211].</p>	<p>піснь волшебная [14, 150] піснь - гимнъ [14, 107], пісні половецькія[11, 21], обычныя пісні[11, 23], богохвальныя пісні [11, 28], бѣсовская пісні [11, 25].</p>	<p>Розрізняють пісню фольклорну, пісня як жанр писемної поезії та пісня як самостійний вокально-музичний твір до поетичного тексту або не пов'язаний з ним. *, Δ.</p>
Слово	<p>Слово - основна семантична одиниця мови, що є назвою конкретних та абстрактних понять, а також літературних творів.</p> <p>Слово - основна структурно-семантична одиниця мови, що є назвою предметів, їх властивостей, процесів, явищ дійсності Δ</p> <p>Слово- мінімальна структурно-смилова, вільно відтворювана одиниця мови, що служить для побудови висловлювань (речень)*</p>	<p>Термін «слово» у давній літературі: "Слово нѣкогого калаугера" Изборник 1076 року [11, 84]. "...множество Ламех словес глаголів" [11, 56]. Слово – жанр візантійської та слов'янської літератури, що належить до ораторської повчальної прози. *</p>	<p>Слово похвалны, слово мудро. Притягю рече слово, словесы мудрыя,[11, 26] слово псаломское, слово Божие [14, 84] Слово як назва літературного твору: "Слово о князях,[11, 84] "Слово о полку Ігореві", "Слово о пришествии писцев", "Киево-Печерський Патерик" ,[11, 45].</p>	<p>Слово - жанр візантійської і слов'янської літератури, що належить до ораторського-повчальної прози, заснованої в період середньовіччя.</p> <p>Δ</p> <p>"Слово" - перший громадсько-політ. Літер. Журнал (1861-1887 рр.) "Слово і зброя" - антологія української поезії 1968 р. "Слово і час" - журнал, "Слово о полку Ігоревім", "Слово про Данила Заточеника" *</p>

* Ковалів Ю.І. Літературознавча енциклопедія в 2 т. – К.: Академія, 2005 - . – (Серія «Енциклопедія ерудита»). – ISBN 978-966-580-234-7. Т.2. – 2007. – с. 605. ISBN 978-966-580-234-1

Δ Літературознавчий словник – довідник / [уклад. О. Астаф'єв та ін.]. – К.: Академія, 2007. – с. 752. ISBN 978-966-580-244-0

Література:

1. Головин Б.Н. Термин и слово / Головин Б.Н. – В кн.: термин и слово. Горький: Изд-во Горьк. Ун-та, 1980. – С. 186.
2. Зарицький М.С. Актуальні проблеми українського термінознавства / Зарицький М.С. – К.: Політехніка НТУУ «КПІ», 2004. – 124 с. – ISBN 966-622-163-2
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / Ахманова О.С. – М.: Наука, 1996. – 607 с. – ISBN 978-966-798-686-8
4. Яремко Я.П. Термін і дискурс / Яремко Я.П. Українська мова №3. – К.: 2008. – 142 с. – ISBN 1682-3540.
5. Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии / Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Мысль, 1974. – 304 с. – ISBN 1682-3856-25
6. Денисов П.Н. Основные проблемы лексикографии: автореф. дис. на здобуття ступеня докт. філол. наук / Денисов П.Н.; Московский государственный университет им. В.Н. Ломаносова. – М.: 1976. – 80 с.
7. Гак В.Г. Лингвистический – энциклопедический словарь / Гак В.Г. Гл. ред Н.В. Ярцева. – М.: Наука, 1990. – 464 с. – ISBN 1693-3641
8. Дикарева С.С. Сценарное моделирование виртуальной академической коммуникации: зб. наук. пр. / наук. ред. А.В. Широков. – К.: Довіра., 2009. – С. 305. – ISBN 978-966-507-257-7
9. Німчук В.В. Про сучасну українську тлумачну лексикографію / Німчук В.В. Українська мова №3. – К.: 2012. – С. 3-30. – ISBN 1682-3540
10. Широков В.А. О скрытой симметрии лексикографической системы словаря украинского языка: зб. Наук. пр. / наук. ред. А.В. Широков. – К.: Довіра., 2008. – 510с. – ISBN 978-966-507-237-9
11. Українська література XI-XVIII ст.: [хрестоматія / наук. Ред.. Білоус П.В.]. – К.: Академія, 2011. – с. 682. ISBN 978-966-580-350-8
12. Літературознавчий словник – довідник / [уклад. О. Астаф'єв та ін.]. – К.: Академія, 2007. – с. 752 с. – ISBN 978-966-580-244-0
13. Ковалів Ю.І. Літературознавча енциклопедія в 2 т. – К.: Академія, 2005 / Серія «Енциклопедія ерудита». – ISBN 978-966-580-234-7. Т.2. – 2007. – с. 605. – ISBN 978-966-580-234-1
14. Українська література 18 ст.: [хрестоматія / наук. Ред.. Кречотень В.І.]. – К.: Наукова думка, 1983. – 693с. – ISBN 4702590100-470
15. Олійник О.Б. Мова моя калинова / Олійник О.Б. Мова моя калинова. – К.: Інститут українознавства, 1997. – С. 292. – ISBN 5-7707-0288-5

Шаталіна Е.Ф. Принципи творення електронної картотеки даних літературознавчої термінології давньої української літератури / Е.Ф. Шаталіна // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 162-166.

В статтю пропонується один із принципів створення електронної картотеки даних літературознавчої термінології давньої української літератури.

Ключевые слова: термін, літературознавча термінологія, лексикографія.

Shatalina O.F. Educational principles electronic data files of literary terminology old Ukrainian literature / O.F. Shatalina // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 162-166.

This article attempts to create electronic catalogs principles dates literary terminology old Ukrainian literature.

Key words: term, literary terminology, lexicography.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 81'373.45/ 821.163

ТЮРКИЗМЫ В ЯЗЫКЕ ФОЛЬКЛОРА ЮЖНЫХ СЛАВЯН

Агасиева Г.

*Институт литературы им. Низами Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку,
Азербайджан, e-mail: agasislav@mail.ru*

В статье рассматривается проблема языковых контактов тюркских и славянских народов Балканского полуострова.

Ключевые слова: лингвистика, лексический состав языка, языковые контакты, турецкий язык, южные славяне

Постановка проблемы. Проблема языковых контактов в современном языкознании является одной из наиболее актуальных и значимых. Соприкосновение различных культур народов, населявших Балканский полуостров, отразилось на образе жизни и языке местного населения Сербии, Черногории, Македонии, Боснии и Герцеговины. Длительное пребывание тюркоязычных племен в данном регионе способствовало многочисленным языковым контактам, которые, в свою очередь, сказались на словарном фонде южных славян. Изучение языкового материала этого региона позволяет нам назвать его таким же «тюркологическим музеем, как Анатолия или Туркестан». Удивительный синтез ориентального и славянского можно продемонстрировать на примере лексического анализа севдалинок. По мнению ведущих специалистов разного профиля, литературоведов, музыкантов, этнографов, севдалинки являются «самыми стильными лирическими творениями европейской устной народной поэзии». Этот изумительно красивый и интереснейший жанр зародился в самом центре Балканского полуострова, который стал ареной слияния и взаимодействия традиций культур многих народов Востока и Запада. В его создании участвовали как близкородственные по своему происхождению, языку и культуре южнославянские народы Сербии, Хорватии, Македонии, Черногории, Далмации, так и многочисленные тюркские народы. В этом смысле севдалинки можно с полным правом назвать «восточно-славянскими» жемчужинками.

Само название жанра происходит от турецкого слова «севда», обозначающего любовь во всех ее проявлениях, а в арабском языке слово «sawda» значит черная желчь.

Считается, что зародилась севдалинка в конце XV – начале XVI века, когда территория Боснии и Герцеговины вошла в состав Османской империи. Длительное присутствие восточной цивилизации не могло не отразиться на культуре, образе жизни и языке местного населения. Мусульманская культура и религия глубоко проникли в среду славянского государства. В результате тесных культурных связей и появился великолепный восточно-славянский стиль, до сих пор присутствующий в архитектуре, музыке и литературе этой страны. « Выросли мечети, дворцы, караван-сарай, бани (хамамы), мосты через реку. В XV веке Сараево был одним из первых городов Европы, получивших водопровод. Развитию торговли способствовала

постройка «безистанов» - некоторого прообраза «гостиных дворов» и современных универмагов....., школы – «медресе», гостиницы – «ханы», множество торговых зданий. Стали развиваться и народные ремесла, объединяющиеся по роду производства в «эснафы» - цехи.»

Соответственно видоизменилась и городская структура, приобретшая восточный колорит, когда выстроились городские махалы, в которых дома, в зависимости от возможностей хозяев, имели отдельные пространства: огражденный двор с капиджиком (балконом, выступающим на улицу), садик с верхней галереей (чардаком), ашик-пенджере (окно, предназначенное специально для беседы влюбленных) и много другое. Именно в таких новых условиях специфической городской жизни зарождается севдалинка, став уникальной поэтической летописью исторического прошлого Боснии и Герцеговины.

Выводы и перспективы. Исследование турцизмов, встречающихся в севдалинках, позволяет нам свидетельствовать о том, что их использование в качестве стилистического средства позволяет максимально точно воспроизвести национальное своеобразие быта и культуры южнославянского этноса.

Агасієва Г. Тюркізми в мові фольклору південних слов'ян / Г. Агасієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 167-168.

У статті розглядається проблема мовних контактів тюркських та слов'янських народів Балканського півострова.

Ключові слова: лінгвістика, лексичний склад мови, мовні контакти, турецьку мову, південні слов'яни

Agasieva G. Turkism in English folklore of the South Slavs / G. Agasieva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 167-168.

The problem of language contact Turkic and Slavic peoples of the Balkan peninsula are devoted in this article.

Key words: linguistics, vocabulary of a language, language contacts, Turkish, South Slavs

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.112.2'27/28

СУЧАСНА НІМЕЦЬКА МОВА З ПОГЛЯДУ РЕГІОНАЛЬНОЇ ТА СОЦІАЛЬНОЇ ДИФЕРЕНЦІАЦІЇ

Пономарьова Г. В.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: ponomarova_anna@ukr.net*

У представленій статті розглядаються актуальні питання територіальної варіативності сучасної німецької мови, а також проблеми впливу соціальних чинників на німецькомовне середовище.

Ключові слова: діалект, регіолект, соціальна стратифікація.

Із погляду сучасного мовознавства, будь-яка мова може розглядатися у вертикальній та горизонтальній площинах. Вертикальне членування мови пояснюється існуванням у суспільстві певних груп, які використовують той чи інший соціолект. Горизонтальне членування викликане наявністю в мові територіальної варіативності – тобто територіальних діалектів, наріч або говірок.

Мета даної статті полягає у розгляді аспектів функціонування сучасної німецької мови у вертикальній та горизонтальній площинах.

Актуальність пропонованої теми пов'язана з тим, що процеси соціалізації територіальних діалектів, які відбуваються нині в будь-якому суспільстві, дають змогу говорити не про регіональні або соціальні мовні варіації в «чистому» вигляді, а про соціотериторіальні, в яких особливості мовної поведінки кожної людини є результатом складної взаємодії чинників територіальної, стратифікаційної, а також ситуативної варіативності.

Німецька мова є своєрідною «архісистемою», що поділяється на кілька функціональних підсистем, які відрізняються саме територією поширення. [1]. Деякі з функціональних підсистем німецької мови мають політично-адміністративний базис (так звані *Arealsprachen*), а інші розуміють як регіональні мови або діалекти.

Як зазначає А. І. Домашнев, німецька мова є не лише територіально варіативною, але й національно неомогенною [1]. І. Д. Перковська розуміє національний варіант як явище не лише лінгвістичне, а й мовно-соціологічне, як «літературно нормовану мовну систему, яка є всеохоплюючим засобом писемного й усного спілкування самостійного колективу» [2, 8]. Ю. О. Жлуктенко тлумачить національний варіант як «особливу форму існування певної мовної системи», до того ж, автор наголошує на його значущості для самих мовців, виокремлює відмінності характеристик та функцій мовних засобів, їх варіативний характер (наявність повсякденної розмовної мови, діалекту, літературної мови), а також існування письмово закріпленої національної норми [3, 19].

Регіональна варіативність німецької мови привертала увагу як вітчизняних, так і закордонних дослідників. У 20-х роках ХХ ст. одним з найважливіших напрямків у вивченні діалектів в Німеччині був так званий лінгвогеографічний напрямок, в

центрі уваги якого знаходилося горизонтально-просторове розчленовування діалектів. При цьому спочатку досліджувалися звукові й морфологічні ознаки діалектів, а пізніше увагу стала привертати так звана словникова географія. Лише поступово в діалектології, передусім завдяки зусиллям Т. Фрінгса [4], при визначенні діалектних меж почали враховуватися історичні чинники: політична та релігійна історія ареалу, історія заселення, історія становлення господарства тощо.

Варто зазначити, що діалект тлумачиться як різновид певної мови, що вживається як засіб спілкування між особами, пов'язаними територіальною, соціальною чи професійною спільністю [5, 105]. Деякі дослідники (Ф. Т. Жилко [6], С. О. Ігнатенко [7]) вважають, що діалект є тотожним такому поняттю, як говірка. Проте «діалект» та «говірку» варто розглядати як відносно синонімічні поняття, адже пояснюються вони мовознавцями часто по-різному. Так, Х. Поль [8], наприклад, під говіркою (нім. *Mundart*) розуміє географічно обмежену розмовну форму, яка вживається в окремих місцях певного мовного ареалу. Діалект, натомість, являє собою сукупність мовних ознак, спільних для кількох говірок певного мовного ареалу. До того ж, як зазначає Ф. Т. Жилко [6], сукупність структурно близьких діалектів утворює наріччя, а сукупність усіх наріч – діалектну мову, яка поряд з літературною, є однією з основних форм існування національної мови. Згідно з визначенням В. М. Жирмунського, діалект являє собою єдність, історично складену в процесі суспільно обумовленої взаємодії з іншими діалектами загальнонародної мови, тобто, є результатом не лише диференціації, але й інтеграції [9, 23].

Загальновідомо, що між двома різними діалектами за певних сприятливих умов можуть утворюватися мовні варіанти перехідного типу, які об'єднують у собі притаманні територіально близьким діалектам риси. Змішані діалектні форми можуть виникати не лише в зонах безпосереднього контакту двох діалектів. Змішення може бути результатом контакту діалекта місцевого населення з діалектом мігрантів або навпаки. Воно спостерігається також у діалектах, які знаходяться в іншомовному оточенні. У результаті взаємодії говірок або діалектів можуть утворюватися специфічні мовні риси, не представлені в жодному з мовних варіантів, які брали участь у процесі взаємодії. Так, наприклад, у міських говірках північної Німеччини, які виникли на нижньонімецькій основі, спостерігається заміна початкового *z-* (нижньонім. *t-*) на *s-*, наприклад: *Seit* замість *Zeit* (нижньонім. *tid*) [10, 140]. Аналогічно, у східних, змішаних за своїм характером середньонімецьких діалектах початкове *f-* з'являється замість північно-німецького *p-* у якості недосконалого відтворення південно-німецького *pf-*, при цьому незвичний звук замінюється найближчим схожим у фонетичній системі північно-німецьких діалектів [10, 135].

Питання щодо зіставлення діалектів із регіональними мовами є одним з актуальних питань сьогодення в межах дослідження варіативності німецької мови. Роблячи висновок з опозиції «діалект – літературна мова», які, згідно А. І. Домашневу, складають нижню й верхню «опори» мовних варіацій [11, 112], можна побудувати наступну парадигму: «діалект – перехідна зона – літературна мова». У результаті взаємодії діалектів та літературної мови в якості засобу спілкування в межах достатньо великих територій формуються так звані регіолекти. Перехід від діалекту до

регіолекту являє собою континуум проміжних форм існування мови з вираженими процесами конвергенції.

Термін «регіолект» впровадив у науковий обіг О. С. Герд, розуміючи його як «особливу форму усної мови, в якій вже втрачена значна частина архаїчних рис діалекту, і розвинулися нові особливості. Ця форма, з одного боку, не досягла ще статусу літературної мови, а з іншого, завдяки наявності багатьох ареальних рис, які варіюються, не співпадає повністю із міським просторіччям. Регіолекти охоплюють ареал ряду суміжних діалектів, включаючи міста й селища міського типу, тобто велими значні групи того або іншого етносу [12, 23]. П. фон Поленц також зазначав, що «регіолект – це варіант німецької мови, який знаходиться у постійному розвитку та характеризується системою мовних відмінностей, прояв яких не є обов'язковим і може також мати місце за межами позначеного регіону» [13, 456]. Сьогодні спостерігається процес розширення функцій, структури та ареалів панування діалектів, тобто, трансформація територіальних діалектів в регіональні розмовні мови.

Німецькі діалекти та регіолекти є не тільки «засобами комунікації», але й виконують функцію «засобів самоідентифікації». Саме цією функцією Х. Дінгельдейн пояснює відносно стабільне становище діалекту на півдні Німеччини. Діалектом розмовляють близько 60-80 % жителів Баварії та Баден-Вюртемберга, 40-60 % населення в Північній Рейн-Вестфалії та Берліні [13, 457]. Таким чином, на півночі діалектом розмовляє половина населення, на півдні Німеччини – дві третини. Тобто у процентному відношенні південь залишається більш схильним до діалекту, а північ – менш.

Проблема впливу на діалект соціальних чинників, разом з чинниками часу і простору, привернула увагу дослідників значно пізніше, головним чином завдяки роботам представників лейпцизької школи Т. Фрінгса, хоча, як зазначав В. М. Жирмунський, дослідники німецьких діалектів «здавна повинні були звернути увагу на їх соціальну диференціацію» [10, 525].

Стратифікаційна варіативність пов'язана, перш за все, з соціально-класовою структурою суспільства, з його поділом на класи, соціальні прошарки й соціальні групи. При цьому основною одиницею аналізу є мовні колективи – сукупності соціально взаємодіючих індивідів, що виявляють спільність мовних систем, якими вони користуються. Проте і в цьому випадку між мовними й соціальними структурами відсутні ізоморфні стосунки: одному і тому ж мовному колективу можуть відповідати різні елементи соціально-політичних, соціально-класових та інших соціальних структур [14, 82–85].

Всі або майже всі соціально обумовлені різновиди мови, незалежно від їх структурних і функціональних особливостей, у широкому розумінні можуть бути віднесеними до категорії соціальних діалектів (соціолектів). Соціолект – це специфічна форма існування й функціонування мови, властива певній соціальній групі [15, 12]. О. Д. Петренко визначає соціолект як основну одиницю соціальної стратифікації мови і підкреслює, що, незважаючи на наявність різних формулювань у визначенні даного поняття, всі їх об'єднує загальна теза стосовно того, що це є мовний варіант, типовий для певної соціальної групи носіїв мови [16]. У той же час В. М. Жирмунський до числа соціальних діалектів відносить і територіальні діалекти (наприклад, говірки селян), і напівдіалекти (мова міського міщанства), і літерату-

рну мову (у її розмовній і писемній формах), вважаючи їх «соціальними рівнями мови», а отже, наслідком класової диференціації суспільства [17, 23]. Проте арго, на думку В. М. Жирмунського, «не є соціальним діалектом у чіткому розумінні», оскільки воно розвивається у межах тієї або іншої мови і діалекту як «лексика і фразеологія спеціального призначення» [17, 25]. Такої ж думки щодо професійних мов, жаргонів і арго дотримується Б. О. Серебренников, який називає їх не діалектами, а «соціальними варіантами мови» або «мовними стилями», оскільки «вони не мають специфічної фонетичної системи, специфічної граматичної будови й існують на базі звичайної мови» [18, 496].

На думку В. Д. Бондалетова, «загальною рисою всіх мовних утворень, що належать до категорії соціальних діалектів, є обмеженість їх соціальної основи: вони виступають додатковим засобом спілкування окремих соціальних, виробничо-професійних, групових і вікових колективів, а не цілого народу (як літературна мова) і не всього населення регіону (як територіальні діалекти)» [19, 68].

Соціолекти сучасної німецької мови – одне з найбільш численних і розгалужених мовних угруповань: проте серед лінгвістів до теперішнього часу немає єдності стосовно самих кваліфікаційних ознак, на підставі яких те або інше явище може бути віднесене до цієї групи. Одна із загальновизнаних тез зводиться до того, що джерелом їх розвитку є субкультура суспільства. В. Кьоніг вважає, що до соціолектів, у першу чергу, слід відносити різні особливі або спеціальні мови (нім. *Sondersprachen*), до числа яких, на його думку, належать лексичні групи, що вживаються учнями, молоддю, студентами, хіпі, неробами, в'язнями. Характерною особливістю таких мов, на його думку, є те, що всі вони сприяють «інтеграції» членів певного співтовариства та їх ізоляції (нім. *Abschließung*) від зовнішнього оточення, а також служать засобами самоідентифікації [20]. В. Функе, у свою чергу, наводячи поняття «соціолект покоління» (нім. *Generationssozialekt*), вбачає в його основі соціологічну категоризацію як упорядковуючу систему [21, 79].

Одним із найважливіших критеріїв підходу до вивчення соціолінгвістичної варіативності мовлення є питання вибору мовцем лінгвістичних засобів, зумовлених позамовними чинниками соціально-психологічного характеру. Отже, стратифікація як методологічний підхід дозволяє аналізувати закономірності мовної поведінки людини в реальних умовах, які об'єднуються згідно наступних страт-факторів: 1) вік; 2) стать; 3) клас/верства; 4) рівень освіти; 5) місце народження; 6) соціальна роль тощо.

Гендерна дихотомія, яка проявляється в самій структурі німецької мови, знаходить своє відображення і в різних стратегіях мовної поведінки комунікантів. Практично в усіх дослідженнях західних лінгвістів зазначається, що жінки, на відміну від чоловіків, дотримуються престижніших мовних форм, а отже, їх мовна поведінка ближче до нормативної. Так, емпіричні дослідження гендерно обумовленого вживання діалекту в окрузі Рейн-Зіг (Німеччина) в 1992 році показали, що жінки послуговуються діалектом значно рідше, ніж їх родичі чоловічої статі. Вірогідною причиною був той факт, що чоловіки здебільшого були зайняті в ремісництві, в той час як жінки мали офісну роботу. Результати пізніших досліджень доводять, що особи жіночої статі, в силу зміни ролі жінки у сім'ї, більш дистанційовані від діалекту, ніж чоловіки, та намагаються уникати його [22, 134]. Тобто, можна вважати, що гендерні розбіжно-

сті в мові обумовлюються різницею чоловічого й жіночого становища у суспільстві. Спираючись на результати порівняльного аналізу чоловічих і жіночих інтерв'ю, О. В. Спірюшкіна зазначає, що диференціація комунікативних стилів чоловіків і жінок обумовлена не лише соціальним чинником, але і психологічним: особливостями темпераменту, логічного мислення, сприйняття і спостережливості [23, 16].

На відміну від досліджень у сфері гендерної варіативності мовлення, системне вивчення вікових характеристик німецької мови у лінгвістиці являє собою менш розроблений аспект. Проте, як зазначає О. Д. Петренко, мовленнєві характеристики різних генерацій різняться суттєво, оскільки кожен мовець є представником саме свого покоління. Крім того, акустичні параметри кожного індивіда змінюються протягом усього його життя [24]. Значна увага в соціолінгвістичних дослідженнях останніх років приділялася вивченню мовленнєвих характеристик дітей і підлітків (дисертації О. С. Христенко [25] та О. Д. Петренка [24]). Однак зміни мовленнєвих особливостей індивіда неможливо пояснити лише впливом часу, натомість вони обумовлюються такими чинниками, як професія, освіта, мобільність, стиль життя, сімейний статус, соціальне середовище тощо [26, 206–207].

Отже, дослідження варіацій сучасної німецької мови, пов'язаних з дією соціальних чинників, вимагає також брати до уваги регіональні чинники, які проявляються у мовній поведінці особи як у повсякденному, так і в офіційному спілкуванні. Регіональні особливості мовлення мають прояв передусім у рамках ситуативної варіативності, тому що залежно від ситуації спілкування мовці допускають більшу або меншу кількість діалектних реалізацій. До того ж, ступінь використання місцевого діалекту у мовленні свідчить про рівень освіти людини, традиції сімейного чи соціально-групового мовлення.

Література:

1. Домашнев А. И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах / Анатолий Иванович Домашнев. — Л., 1983. — 231 с.
2. Перковская И. Д. Дифференциальные признаки швейцарского варианта немецкого литературного языка (на материале швейцарской художественной литературы XIX и XX вв. и современной швейцарской прессы) : автореф. дис... канд. филол. наук : 10.02.04 / И. Д. Перковская. — М., 1972. — 28 с.
3. Жлуктенко Ю. А. Варианты полинациональных литературных языков / Юрий Олексійович Жлуктенко. — Киев : Наукова думка, 1981. — 280 с.
4. Frings T. Studien zur Dialektgeographie des Niederrheins zwischen Dьsseldorf und Aachen. / Theodor Frings. — Marburg, 1913. — 243 S.
5. Розенталь Д. Э. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. — М. : ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век» : ООО Изательство «Мир и Образование», 2003. — 623 с.
6. Жилко Ф. Т. Ареальные единицы украинского языка / Ф. Т. Жилко // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. — М. : Наука, 1972. — С. 5–17.
7. Игнатенко С. А. Динамические тенденции в вокалической системе тарского старожильческого говора : автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. : 10.02.01 / С. А. Игнатенко. — Омск, 2004. — 22 с.
8. Pohl H. D. Gedanken zum цsterreichischen Deutsch (als Teil der „pluriarealen“ deutschen Sprache) / Heinz Dieter Pohl // Цsterreichisches Deutsch und andere nationale Varietцten plurizentrischer Sprachen in Eurora. — Wien, 1997. — S. 67–87.
9. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты / Виктор Максимович Жирмунский. — Л. : ГИХЛ, 1936. — 299 с.
10. Жирмунский В. М. Восточно-средненемецкие говоры и проблема смешения диалектов / В. М. Жирмунский // Язык и мышление. — Том 6–7. — М. : Изд-во АНСССР, — 1936. — С. 133–159.

11. Домашнев А. И. Понятие структуры современного немецкого языка в трудах В. М. Жирмунского / А. И. Домашнев // Вопросы языкознания. — М., 1980. — № 2. — С. 111–126.
12. Герд А. С. Введение в этнолингвистику / Александр Сергеевич Герд. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургск. ун-та, 2005. — 456 с.
13. Polenz P. von Deutsche Sprachgeschichte vom Spdtmittelalter bis zur Gegenwart / Peter von Polenz. — Bd. III. XIX und XX Jahrhundert. — Berlin, New York : Walter de Gruyter, 1999. — 757 S.
14. Базиев А. Т., Исаев М. И. Язык и нация / А. Т. Базиев, М. И. Исаев. — М. : Наука, 1973. — 248 с.
15. Цвиллинг М. Я. Функциональный стиль, подъязык, социальный диалект. К вопросу о соотношении понятий / М. Я. Цвиллинг // Общие и частные проблемы исследования функциональных стилей. — М. : Наука, 1986. — С. 5–29.
16. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии: дис. ... доктора филол. наук : 10.02.04 / Петренко Александр Демьянович — К., 1998. — 453 с.
17. Жирмунский В. М. Проблемы социальной дифференциации языков / В. М. Жирмунский // Язык и общество. — М. : Наука, 1969. — С. 22–38.
18. Серебренников Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка. / Б. А. Серебренников // Общее языкознание. — М. : Наука, 1970. — С. 451–501.
19. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика / Василий Данилович Бондалетов. — М. : Просвещение, 1987. — 160 с.
20. Künig W. Welche Normen? Wessen Normen? Fünfzehn Sdtze zu Info DaF / Werner Künig // Info DaF: Informationen Deutsch als Fremdsprache. — 2008. — N 35 (1). — S. 61–63.
21. Funke W. Charakteristika des Generationssozialekts der Jugendlichen in der DDR / W. Funke // Kwartalnik XXIX, 1-2. — 1982. — S. 79–80.
22. Luffler H. Germanistische Soziolinguistik / Heinrich Luffler. — Berlin : Erich Schmidt, 1994. — 256 S.
23. Спирюшкина Е. В. Проявление гендерного фактора в немецком языке (на материале немецкой публицистики) автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Спирюшкина. — Н. Новгород, 2006 — 22 с.
24. Петренко А. Д. Изучение произносительных особенностей детской речи в фоностилистическом аспекте / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко // Культура народов Причерноморья. — Симферополь : ТНУ, 2008. — № 107 — С. 7–12.
25. Христенко О. С. Німецький молодіжний сленг: лінгвокогнітивний та соціолінгвістичний аспекти : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / О. С. Христенко. — К., 2009. — 20 с.
26. Eckert P. Language and Gender / P. Eckert, S. McConnell-Ginet. — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — 366 p.

Пономарева Г. В. Современный немецкий язык с точки зрения региональной и социальной дифференциации / Г. В. Пономарева // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». — 2012. — Т. 25 (64), № 3, ч. 1. — С. 169-174.

В представленной статье рассматриваются актуальные вопросы территориальной вариативности современного немецкого языка, а также проблемы влияния социальных факторов на немецкоязычную среду.

Ключевые слова: диалект, региолект, социальная стратификация.

Ponomareva G.V. Modern German language in terms of regional and social differentiation / G.V. Ponomareva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. — Series: Philology. Social communications. — 2012. — Vol. 25 (64), No 3, part 1. — P. 169-174.

The following article deals with the actual questions of regional variability of contemporary German as well as the influence of social factors on the German language.

Key words: dialect, regional language, social stratification.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 811.111

“NIGHT & DAY” BY TOM STOPPARD: THEMATIC ANALYSIS OF THE TEXT

Бондаренко Л.В.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: lybond@mail.ru*

“Night & Day” is a play about journalism, which also features intellectual debate on the eternal issues of freedom, love and fidelity, based on binary opposition of characters and their views on the matters.

Key words: journalism, freedom, binary oppositions, close shop, fantasy scene.

Tom Stoppard’s desire to write about journalism stemmed from personal connections. A former journalist, Stoppard says, he reads “three newspapers a day as a minimum, five on Sunday” [1, 99]. He also claims that he once dreamed of being a great journalist: “My first ambition was to be lying on the floor of an African airport while machine-gun bullets zoomed over my typewriter” [2; 91]. Stoppard notes that “very few people think of journalism on the level of social philosophy or examine it for its importance” [3,137]. So “Night & Day” (1978) weds the author’s personal inclination for journalism with his desire to write a realistic love story.

The problem. Critics responded to Stoppard’s realist and in a way political play with both delight and despair. So John Barber from the “Daily Telegraph” felt that the play “makes all other Stoppard’s plays look like so many nursery games” [4, 281]. Whereas Bernard Levin of the “Sunday Times” found it a “deeply disappointing play” with some horribly clumsy preaching, stiff with caked earnestness” [4, 281]. “Night & Day”, however is far from pure naturalism, resembling a drawing room of Shavian’ comedy, it is a more narrative-based play than previous works of the author. “Stoppard modifies the tenets of realism as his narrative includes a dream sequence, an expressionistic fantasy, melodramatic plot points, dialectical debates and an aside-like “inner voice” for Ruth” [4, 139].

Novelty. We offer a new outlook on the play base on its text thematic analysis. Unlike “Travesties” and “Jumpers”, where the two main variant texts correspond to different productions, the two main published editions of “Night & Day” (1978 and 1979) are related to the same production. Some alterations in the narrative appear in the emended 1979 version.

Importance. The main focus of “Night & Day” is journalism, with its burning issues of freedom, independence, risk, corruption and others which are still very much up to day and widely discussed in the media. The play also engages with three different struggles for freedom. The central debate on the *freedom of the press* argues over the best way to operate newspapers. *Sexual and personal freedom* is what can give meaning and vitality to Ruth’s bored housewife life. The action of the play is set in amidst the backdrop of Kambawe, an imaginary African state in the midst of political calamity. Though Kambawe is independent and emergent, it is “*neither free from strife nor from the vested economic interests of the big powers*” [5, 124].

The perspective on journalism is provided through five characters with different relations to the press. In turn they all speak with the author's voice. Wagner is a seasoned veteran who considers union to be more important than the news, while the youthful anti-union Milne has idealistic view toward the privilege of journalism. Guthrie is a mixture of Wagner's experience and Milne's idealism, tempered with pragmatism, though placing top priority on delivering the news. Guthrie is the most laconic of the three, but his actions speak louder than his words as he is willing to work with Milne and he is genuinely surprised that Wagner tries to hinder Milne from publishing his story. Ruth provides a cynical perspective of someone who has been pursued by the tabloids and offers counterargument to all of them. Ruth apparently does not fit into the rest of the play, she is involved into significant debate with each of the three journalists. The fifth, most hush perspective is that of Mageeba, the political dictator opposed to the idea of a free press.

The first extended press discussion revolves around how much control should unions have. In 1977 Britain's National Union of Journalists (NUJ) sought a "closed shop", i.e. only the union members had the right to work for a newspaper. In "Night & Day" the anti-union Milne offers Stoppard's libertarian acclaim of unionist, leftist sympathizers. The implication is that the journalist union is dictatorial and oppressive to dissenters. In his speech Milne ridicules the catchphrases of the political Left, showing the tendency to express political views in clichéd phrases that elicit knee-jerk responses instead of informed debate. At the same time Stoppard does not supply Wagner with any pro-union argument. Thus the debate involving two journalists sounds much weaker than the discussion of journalism in scenes with Ruth participation. The idea of the closed shop reflects a conflict between the ideal and the real as part of it is to establish professional standards. As in "Jumpers", the characters who hold views in opposition to Stoppard's rarely speak for themselves, but rather have their views summarized. And Milne's view that there should be no limits on the press, being strong in theory, lacks the practical application.

Mageeba puts his own "spin" on the events. Like Milne, Mageeba perceives journalism as special, but for Mageeba its specialness means that it is to be controlled. Thus Mageeba makes a conclusion that "a free press is that edited by one of his relatives". Mageeba embodies Stoppard's concern that media control is a vital weapon of government repression and that prohibition of free speech is often accompanied by violent enforcement. The idea of totalitarianism whether it be the Left or the Right is absolutely unacceptable in democratic society according to Stoppard's political plays of 1970s.

Money and freedom of the press are other controversies. Pursuing the role money plays in the operation of the media, Ruth via the imaginary conversation with her son notes: "people don't buy rich men's papers because the men are rich: the men are rich because people buy their papers" and thus concludes: "Freedom is neutral" [6, 99). However the idea of freedom being a neutral matter is not developed in the play, which is based on binary controversies of the characters and views they voice. Neil Sammells argues that Stoppard is unwilling to accept that a "free-market society is the necessary index of a free one [press]" [4, 147]. But it is Ruth who champions the free-market system in the play, offering most severe argument against the divide between the ideal and the real, between the stated principles and the actual practice.

Together with profuse discussion of journalism, two events, carrying most consequences happen. The entry to the war zone, which results in Milne's death and Wagner's union protest that backfires and blocks his own scoop. Milne? In Stoppard's eyes, is a reporter of the truth thus his death has much significance. But in the play Milne dies because of lack of experience and not due to his bravery. He could have maintained his ideals and stayed alive, so it is not the death of a martyr but that of an inexperienced idealist.

Another thematic line in the play is "The Ruth", i.e. "Ruth" Love Line. While Ruth plays an active role in the journalism debate, her main part is to carry the love plot. While journalism discussion revolves around the nature and ethics of a free press, the love plot's central theme focuses on fidelity. On her recent trip to London Ruth had an affair with Wagner, about which her husband did not have a slightest idea. Ruth's inner voice takes over expressing her guilty conscience. The audience witness Ruth's internal debate explaining the stream of thoughts of a married woman faced with temptation. She rationalizes the affair, trying to maintain her self-respect.

This female character embodies Freud theory of split personality and Stoppard's favorite "A minus A" formula, i.e. binary oppositions. While "Ruth" expresses a variety of feelings, Ruth is seen to have no deep emotional links with anyone else, and she admits that she does not love her husband, but rather likes him a great deal more than others. Stoppard continues "Ruth"/Ruth device, and so the audience is led to believe they are privy to a seduction scene between Ruth and Milne. However the perception and objective observation do not correspond to each other as ultimately the scene appears to be a fantasy, an imaginary encounter between Ruth and the object of her passion. In essence the fantasy is the materialization of the subjective interior self, and thus the scene is really between "Ruth" and her construction of Milne as she wants him to be.

Within the fantasy scene, the author reveals ramifications of infidelity. The fantasized Milne talks about an imagined affair with Ruth that occurred in a "parallel world". In the fantasy scene Stoppard allows the double "Ruth" to materialize and pursue an "illusory love affair which is more impossible than ever she knows, since with heavy irony, Milne is by this time already dead" [4, 152]. In contrast, Ruth, though not particularly fascinated by Wagner, turns to him for solace on the edge of despair and exhaustion.

Conclusion. Indeed one of the recurring features of "Night & Day" is the insatiable tension between the ideal and the real and the way in which the ideal can be invoked as a mask for the real or the way in which the two are intertwined.

Though "Night & Day" is not in the upper echelon of Stoppard's canon, it contains statements which are still flourished. The playwright has changed his view on the play, saying in his interview to Mel Gussow in December 1994: "I don't know what I want now. I've arrived at a kind of defensive position, which is not entirely where I stand intellectually" [1, 97].

So, "Night & Day" is another intellectual play, in which Tom Stoppard brings forward some eternal issues for discussion, such as freedom as philosophical category, fidelity, journalism, and other minor topics. This work, though not the most prominent of Stoppard's has its place in the literary career of the writer and is definitely worth analyzing both the text and production.

References

1. Gussow M. So Rude, So Complex, SO Like Oneself / Mel Gussow. – NY.: New York Times, 1998. – 125 p.
2. Bradshaw J. Tom Stoppard, Nonstop: Word Games with a Hit Playwright / Jon Bradshaw. – NY.: Michigan, 1993. – P. 89 – 99.
3. Berkvistr. This Time, Stoppard Plays It (Almost) Straight / Robert Berkvist. – NY.: University of Michigan Press, 1979. – P. 135 – 140.
4. Fleming J. Stoppard's Theatre / John Fleming. – Austin: University of Texas, 2001. – 325 p.
5. Billington M. Joker Above The Abyss / Michael Billington. – London: London Theatre Record. – No 5. – 288 p.
6. Stoppard T. Night and Day / Tom Stoppard. – L.: F&F. – 38 p.

Бондаренко Л. В. «Ночь и День» Тома Стоппарда: тематический анализ текста / Л.В. Бондаренко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 175-178.

“Ночь и день” – это пьеса о журнализме, в которой также представлены интеллектуальные дебаты на вечные темы свободы, любви, верности, построенные на бинарных оппозициях характеров и их мнений. Это одна из первых «реалистичных» пьес Стоппарда, которая по своим художественным достоинствам не уступает «Аркадии», «Изобретению любви», «Настоящей вещи» и другим признанным работам британского драматурга. Тематическое наполнение пьесы тесно связано с театральными эффектами постановки, подчеркивающими наиболее важные смысловые моменты текста.

Ключевые слова: журнализм, свобода, бинарные оппозиции, закрытое предприятие, сцена фэнтези.

Бондаренко Л.В. «Ніч і День» Тома Стоппарда: тематичний аналіз тексту / Л.В. Бондаренко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 175-178.

“Ніч та день” є п'єса на тему журналізму, що також містить засноване на бінарних протиставленнях характерів та їх поглядів, обговорювання таких вічних питань філолофії як свобода, любов, вірність.

Ключові слова: журналізм, свобода, бінарні протиставлення, закрите підприємство, сцена фентазі.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 81'373.72

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ МОРСКОЙ ТЕМАТИКИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Чернобай С. Е.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: svetoniya@mail.ru*

В статье рассматриваются семантические особенности фразеологических единиц английского языка морской тематики.

Ключевые слова: фразеологизм, семантика, национально-культурная специфика.

Постановка проблемы. Многие исследователи убеждены, что «в языке народ выражает себя полнее и многостороннее, чем в чем-либо другом... все, что есть у народа в его быте и понятиях, и все, что народ хочет сохранить в своей памяти, выражается и сохраняется языком» [1, 3]. В своей работе Г. Гачев акцентирует внимание на том, что национальный мир представляет собой единый космос, в котором слиты человек и природа, испокон веков окружавшая его, и которая влияет на социальную психологию этноса, формирует национальный характер и определяет направленность его практической деятельности [2]. Е. В. Назаренко отмечает, что природа и пространство образуют «исторический дом народов, священную сокровищницу их воспоминаний. Культура и природа – это два параметра того простора, в границах которого возникает и развивается любой народ» [3, 43].

Актуальность. В диссертационном исследовании Е. В. Городецкой, посвященном национально-маркированным концептам британской языковой картины мира XX века подчеркивается, что изолированное островное положение государства способствовало формированию индивидуализма британцев и центральным для понимания британского национального характера является одноименный концепт [4, 13]. Также в научных исследованиях рассматривалась роль влияния географического фактора на формирование британского менталитета [5]. Как отмечает О. А. Корнилов, «географическая среда, та «единственность» мира, та точка пространственно-временного континуума, которая оказалась в поле непосредственного чувственного восприятия каждого из этносов на этапе их становления и самоидентификации, оказала решающее воздействие на физиологию, психологию и, в конечном итоге, на историческую судьбу каждого народа» [6, 145]. Несомненно, именно в сфере фразеологии наиболее ярко выражается национальный способ видения мира, судьба народа, его быт и традиции. Ввиду островного положения Великобритании жители острова активно занимались мореплаванием, кораблестроением и рыболовством, что не могло не найти своего отражения во фразеологическом фонде английского языка. **Цель** исследования – рассмотреть семантические особенности английских фразеологических единиц морской тематики.

Изложение основного материала. Пытаясь представить характерные черты типичного англичанина, каждый наверняка сразу же вспоминает английскую чопорность и педантичность, желание все содержать в порядке и чистоте, быть хоро-

шо организованным. Именно такую идею выражает идиома с компонентом «ship» и топонимом «Bristol»: *all shipshape and Bristol-fashion* 'in good order, tidy, well-organized and fully equipped (данная идиома восходит к тому времени, когда Бристоль был важным торговым портом)'. Прежде чем приступить к выполнению важного дела или задания, англичанин обязательно тщательно подготовится: *cast an anchor to windward* 'принять меры предосторожности, заблаговременно подготовиться'; *clear the decks* 'they make sure that everything that they have been doing is completely finished, so that they are ready to start a more important task'.

На основе метафорического переосмысления возникает фразеологизм *the ship of the desert* "корабль пустыни", верблюд'. Государство сравнивается с кораблем *the ship of state* 'государственный корабль, государство', так как им также не просто управлять в постоянно меняющемся мире, который напоминает бушующий океан.

Ряд фразеологизмов обозначает занятие морской профессией: *go to sea/follow the sea* 'стать моряком'; *before the mast* 'в качестве (простого) матроса (с to sail и to serve) [на парусном судне помещение для команды расположено в носовой части перед фок-мачтой]'; *set sail* 'отправляться в плавание, отплыть'. Подчеркивается идея солидарности: *sail/row in the same boat with smb.* 'действовать сообща, совместно с кем-л., быть связанным общим делом с кем-л'; *a black ship* 'судно, которое портовые рабочие отказываются разгружать (в знак солидарности с бастующими)'

Часть фразеологических единиц указывают на географический объекты и естественное состояние морских вод: *the four seas* 'четыре моря, омывающие Великобританию (имеются в виду Северное и Ирландское моря, Атлантический океан и пролив Ла-Манш)'; *the narrow seas* 'проливы, отделяющие Великобританию от континента Европы и от Ирландии (о Ла-Манше и Ирландском море)'; *beyond the sea* 'за морем, за границей, в чужих краях'; *the high seas* 'открытое море, море за пределами территориальных вод'; *blue water* 'открытое море'; *heavy sea* 'бурное, неспокойное море'; *rolling sea* 'длинная волна'; *tenth wave* 'девятый вал'.

В английской фразеологии морской тематики представлена фразеосемантическая группа «риск»: *between the devil and the deep blue sea* 'you are in a difficult situation where the two possible courses of action or choices that you can take are equally bad'; *rock the boat* "раскачивать лодку", нарушать равновесие, ставить под удар, подвергать опасности, создавать опасное положение'; *be in hot water* 'иметь неприятности, быть в затруднительном положении (по своей вине)'; *be in deep water* 'горевать, тревожиться; находиться в тяжёлом, затруднительном или опасном положении'; *sail close to the wind* '1) идти круто к ветру; 2) поступать рискованно'; *between wind and water* '1) на уровне или ниже ватерлинии; 2) в наиболее уязвимое место'; *be caught in a net* 'попасться в сети, попасть в ловушку'.

Преодолевая трудности, часто приходится сокращать свои материальные расходы, а кто-то может оказаться и без работы: *in dry dock* 'без работы; "на мели"'; *be in low water* 'быть без денег, находиться в стеснённых обстоятельствах; ≈ сидеть на мели'; *haul in one's sails* '1) умерить рвение, пыл [убирать паруса], 2) сократить потребности, начать жить поскромнее'; *reef sail* 'принять меры предосторожности, действовать более осторожно; ≈ затянуть потуже пояс'. Однако неразумная чрезмерная эко-

номия не одобряется: *spoil the ship for a ha'porth of tar* 'испортить или потерять что-л. ценное из-за мелочи (из-за грошовой экономии) [ship искажённое sheep]'.

Поскольку 'после бури наступает затишье' (*after a storm comes a calm*), то приложив усилия, человек справляется со всеми невзгодами и проблемами, достигая поставленных целей: *the best fish are near the bottom* 'все хорошее нелегко дается'; *all hands on deck* 'it requires everyone to work hard to achieve an aim or carry out a task'; *be in smooth water* 'преодолеть трудности, затруднения, препятствия, достичь "тихой пристани"'; *land one's fish* 'добиться своего'; *a second wind* 'being tired, one can suddenly find the strength or motivation to go on and succeed in what they are doing'; *ride the storm* 'to survive a difficult situation or period without being seriously harmed or affected very badly by it'.

Фразеологизмы с лексическим компонентом «sail» передают антонимические фразеологические значения 'прилагать усилия' – 'прекращать попытки': *full sail* 'полным ходом'; *put on all sail* 'сделать всё возможное, стараться изо всех сил [поставить все паруса]' – *shorten sail (shorten (ulu take in) sail)* '1) замедлить ход, идти медленнее [убавить парусов или убрать паруса], 2) умерить пыл; сбавить тон'; *strike sail* 'признать себя побеждённым, признать своё поражение [убрать паруса]'. При этом в жизни всегда важно проявлять смекалку, быть внимательным к происходящему вокруг и действовать без промедления: *trim one's sails to the wind* '≈ держать нос по ветру'; *hoist your sail when the wind is fair* "'поднимай паруса, пока дует попутный ветер"; ≈куй железо, пока горячо'.

Море является символом народа, поэтому изменения погодных условий на море, действия, связанные с управлением судном, во фразеологии выражают общественные настроения, бунтарский дух, способность как отстаивать собственное мнение, так и изменить его под давлением общности: *bring a storm about one's ears* 'вызвать бурю (негодования, протестов)'; *calm (ulu lull) before the storm* 'затишье перед бурей'; *tidal wave* 'взрыв общественных чувств; волна увлечения [приливная волна]'; *nail one's colours to the mast* 'открыто отстаивать своё мнение, свои убеждения, взгляды; проявлять настойчивость, стоять на своём, не сдавать своих позиций'; *a sea change* 'a definite and important change in a situation or in people's opinion'; *back water* '1) тарабанить, грести веслом в обратную сторону 2) отступать, идти на попятный'; *bow before the storm* 'уступить под давлением общественного протеста; уступить натиску'.

Фразеологизмы морской тематики выражают отношения между людьми в обществе такие, как случайные знакомства: *like ships that pass in the night* 'мимолётные, случайные встречи (разошлись как в море корабли)', 'people or groups who meet briefly and probably for the only time in their lives'. При этом человек не всегда чувствует себя комфортно в определенных ситуациях (*a fish out of water* 'человек не в своей стихии') или не вписывается в определенные рамки поведения, навязываемые социумом (*an odd fish* 'чужаковатый человек'). А некоторые индивидуумы склонны к обману или самообману: *sail under false colours* 'they deliberately deceive people'; *dead sea apple* 'обманчивый успех'.

Традиция разбивать шампанское о корму корабля при его спуске на воду находит отражение во фразеологии, обозначая шумное, роскошное празднование: *push*

the boat out "спрыснуть", "отметить" какое-л. событие', 'to spend a lot of money in order to have a very enjoyable time or to celebrate in a lavish way'.

Море также является символом активной жизни не только народа, но и отдельного человека. Когда человек покидает родные места в поисках своей мечты или лучшей жизни, то он как будто ставит паруса, чтобы отплыть на своем символическом корабле: *hoist sail (hoist (ulu make) sail)* 'уходить, отправляться'. Зная о высоких целях человека, при пожелании успеха в его стремлении достичь их, мы говорим: «Большому кораблю большое плавание» – *a great ship asks deep waters*. Мы хотим надеяться, что это плавание будет легким: *plain sailing* 'it will be easy to do or achieve'. А когда его корабль вернется к родным берегам, то человек достигнет материального благополучия и счастья: *when one's ship comes home* ≈ 'когда счастье ему (ей и т. д.) улыбнется; когда он (она и т. д.) разбогатеет'.

Выводы и перспективы. Таким образом, в английской фразеологии морской тематики нашли отражение многие сферы жизни человека: занятие мореплаванием, материальные затруднения, умение рисковать, преодолевать трудности и достигать поставленные цели. Представлены также особенности поведения в обществе, стремление отстаивать собственные убеждения или необходимость поступаться ими в поисках компромисса или случае слабости. Как отмечает А. В. Павловская, особенности английского характера чаще всего объясняют островным положением страны, даже термин такой имеется – «островная психология». Возможно, понадобилось смешение в единое целое разных народов в условиях определенного климата на конкретной географической широте, которое привело к появлению народа, столь не похожего на других европейцев [7, 238]. Перспективным представляется сравнительно-сопоставительное изучение фразеологии неблизкородственных языков в русле лингвокультурологии, поскольку собственная культурная идентичность гораздо лучше проявляется и осознается через соприкосновение с другой культурой.

Литература

1. Верещагин Е. М. Язык и культура : Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – [3-е изд., перераб. и доп.]. М. : Русский язык, 1983. – 269 с. – (Библиотека преподавателя русского языка как иностранного).
2. Гачев Г. Национальные образы мира / Георгий Гачев. – М. : Советский писатель, 1988. – 448 с.
3. Назаренко О. В. Українська фразеологія як вираження національного менталітету : дис. ...канд. філол. наук : 10. 02. 01 / Назаренко Олена Володимирівна. – Дніпропетровськ, 2001. – 192 арк.
4. Городецька О. В. Національно-марковані концепти в британській мовній картині світу ХХ століття: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 „Германські мови” / О. В. Городецька. — Київ, 2003. — 21 с.
5. Чернобай С. Е. Роль географического фактора в формировании британского менталитета (на материале английской фразеологии) / С. Е. Чернобай // Культура народов Причерноморья. – № 199, Т.2. – Симферополь: ТНУ имени В. И. Вернадского, 2011. – С.161 – 163.
6. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. - [2-е изд., испр. и доп.]. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
7. Павловская А. В. Англия и англичане / А. В. Павловская . – [2-е изд.]. – М.: Издательство Московского университета; Памятники исторической мысли, 2005. – 270 с. : ил. (Регионоведение. Страны и народы: Вып. 1).
8. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин ; лит. ред. М. Д. Литвинова. – [4-е изд., перераб. и доп.]. – М.: Рус. яз., 1984. – 944 с.

9. Collins COBUILD Dictionary of Idioms. – Glasgow : The University of Birmingham, HarperCollins Publishers, 2001. – 494 p.

10. Cowie A. P. Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – [8th impression], 2002. – 686 p.

11. Longman Idioms Dictionary. – [3d impression]. – Huntington ; Cambridgeshire : Pen and Ink, 2000. – 398 p.

Чорнобай С. Є. Фразеологізми морської тематики в англійській мові / С. Є. Чорнобай // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 179-183.

Ця стаття розглядає семантичні особливості англійських фразеологічних одиниць морської тематики.

Ключові слова: фразеологізм, семантика, національно-культурна специфіка.

Chornobay S. Y. Marine idioms in english / S. Y. Chornobay // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 179-183.

The article scrutinizes semantic peculiarities of marine idioms in English.

Key words: phraseologism, semantics, cultural identity.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 81-13

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ НАСТОЙЧИВОСТИ И ЗАПРЕТА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Асланова Ш. В.

*Азербайджанский университет языков, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Данная статья посвящена функционально-семантическому анализу настойчивости и запрета в немецком языке. Проанализированы случаи употребления настойчивости и запрета и их функциональных синонимов в тексте.

Ключевые слова: функциональный, семантический, выражения значения настойчивости и запрета, немецкий язык, синоним

Постановка проблемы. В категории функционально-семантической модальности поле побуждения занимает свое определенное место. Как известно, в лингвистической литературе модальное макрополе делится на два больших функционально-семантических поля: поле действительности и поле недействительности. В свою очередь поле недействительности делится на три области: потенциально-ирреальное микрополе, микрополе побуждения и микрополе предположения. Каждая из этих микрополей имеет присущую для себя систему средств выражения. Например, основным средством выражения поле действительности - это индикативный (изъявительное наклонение) вид глагола. Основным средством выражения потенциально-ирреального поля является конъюнктив, а именно его формы прошедшего времени. Императивная форма глагола является доминантной в функционально-семантики поля побуждения [2, 76). В литературе языковедения закреплено мнение, что особенностью микрополя предположения является то, что в его структуре отсутствует доминирующая часть и значение предположения осуществляется различными языковыми средствами [2, 101).

Вокруг императивного наклонения глагола группируются другие конститuentы функционально-семантического поля побуждения. Сюда, помимо компонентов ядра, входит большое количество периферийных, то есть дальних, маргинальных средств выражения. Как и по утверждению языковых фактов, эти средства друг с другом вступают в многосторонние синонимические отношения, дополняют смысл друг друга, уточняют, в отношении друг к другу выражают дополнительные оттенки значения.

Главные компоненты поля побуждения можно обобщить ниже указанным образом:

- 1) Императивное наклонение глагола
- 2) Настоящее время изъявительного наклонения глагола
- 3) Будущее время изъявительного наклонения глагола
- 4) Односоставные предложения
- 5) Модальные глаголы

6) Построении предложений такого типа как - *Dass du nicht wieder hier bist, Mach, dass du fortgehst*

7) Инфинитивные предложения

8) Безличное пассивное и т. д.

В литературе современного языкознания группа глаголов под названием перформативные глаголы в действительности отражают характер побуждения и выводят на первый план содержания действие речи. Эти глаголы в первичном виде будучи средствами лексики реализуют разнообразные оттенки значения побуждения. Даже в предложениях с описательным характером императивное значение находит свое отражение.

Просмотрим примеры изложены с низу.

(1) *Er befahl seinem Freund, zu Hause zu bleiben.*

(2) *Die Frau bat ihren Mann ums Geld.*

(3) *Der Vorgesetzte ordnete an, alles nagelneu zu putzen.*

(4) *Der Student bestand darauf, die Seminarstudien rechtzeitig abzuhalten.*

(5) *Der Präsident rief das Volk auf, sich entschieden gegen den Feind einzusetzen.*

Как видно из примеров, в первом предложении разговор приказного характера, во втором предложении разговор имеет форму просьбы, в третьем предложении категоричный приказ, в четвертом настойчивость, а в пятом имеет содержание призыва. Несмотря на то, что изначально эти глаголы сформированы не повелительным видом потенциально передают смысл побуждения, создают различные оттенки семантики императивности.

Без сомнения, когда перформативные глаголы используются в повелительной форме, то содержание конкретного действия речи становится более ясным и четким. В таких предложениях побудительный смысл бывает более экспрессивным, бывает более действенным и выражает законченную мысль. В общем, эмоциональность побудительной речи, очевидно проявляется непосредственно во время разговора. Обратим внимание на примеры изложенные внизу:

(6) *Ich befehle Ihnen, die Arbeit anzustellen!*

(7) *Ich bitte dich endlich aufzuhören!*

(8) *Ich appelliere an Sie, die Gefangenen freizulassen!*

(9) *Wir raten dir, kein Risiko einzugehen.*

(10) *Ich verbiete Ihnen zu rauchen.*

Как видно из примеров, становится ясным, что конкретно какие оттенки побудительного значения выражаются в лексическом содержании глаголов.

Не случайно, что самые разные оттенки значения побуждения равномерно выражаются соответствующими личными формами императивной формы глагола. Больше всего в грамматике побуждение используется во втором лице единственного и множественного числа.

В литературе лингвистики, в многочисленных источниках относящиеся к разным системам языков, отмечены следующие типы значений побуждения, другими словами, семантика побуждения выражается такими формами: 1) категорический приказ, 2) запрет, 3) совет, 4) призыв, 5) просьба, 6) нейтральный приказ и т. д. В формировании конкретных оттенков значений побуждения нужно особенно отме-

тить роль контекста и ситуации. Необходимо иметь в виду, что контекст и ситуация также играют большую роль в выявление оттенка с которым реализуются функциональные синонимы глагола побудительного наклонения [6, 79-80). Эта черта в основном относится к средствам синтаксического выражения побудительного поля. Например, инфинитивные предложения (Infinitivsätze), в предложениях формованные II формой партисипа (Partizipialsätze), так же роль контекста и ситуации особенно возрастает в односоставных предложениях формованные на основе существительного и наречия, они обретают вид интонации. Сказанное можно отчетливо увидеть в ниже изложенных примерах.

- (11) Tempo, Tempo! Schneller (A. Zeghers)
- (12) Sofort antreten! Nicht stehebleiben! (W. Bredel)
- (13) Vorwärts, vorwärts! Gewehr über! (H. Fallada)
- (14) Daß du nie wieder den Mund aufmachst!
- (15) Mach, daß sofort das Haus verläßt!

Как можно видеть, во всех предложениях с (11) по (15) были выражены категорический приказ, приказ, настойчивость и угроза. Это показывает то, что параллельно с контекстом и ситуацией многочисленные функциональные синонимы повелительной формы глагола, в том числе выше изложенные конститuentы поля, также обретают семантическую определенность. Надо отметить, что размещенные в относительно периферийных слоях поля, структуры haben+zu+infinitiv, sein+zu+infinitiv выражают угрозу и категоричность. Рассмотрим ниже указанные примеры.

- (16) Sie haben diese Arbeit im Laufe von einem Monat zu verrichten.
- (17) Diese Aufgabe ist binnen von einigen Tagen unbediht zu lösen.

В представленных конструкциях выражение модальных значений как принуждение, необходимость и оттенки значения категоричности четко показаны. В отличие от предложений с (11) до (15) в предложениях с (16) до (17) значение угрозы и категоричного поощрения выражаются относительно нейтрально. В предложениях (11) – (15) выражение эмоционального отношения к этой ситуации говорящего при разговоре с оппонентом не вызывает никаких сомнений. Не случайно, что большинство таких моделей предложений соответствуют структуре идиоматических предложений и обязательно характеризуются как экспрессивные единицы с определенными ограниченными обработками [3, 268).

В литературе языкознания особо отмечено, что побудительная форма глагола, соединившись с элементами отрицания непосредственно выражает значение запрета. Элементы отрицания все оттенки побуждения направляют в противоположное семантическое русло, в общем придерживаясь императивного значения коммуникативное направление речи меняется. В поле отрицания собраны самые разные средства выражения [7, 32). Обратив внимание на ниже указанные примеры:

- (18) Sprich Deutsch, Sprich nicht Denglisch!
- (19) Hör nicht auf, unsere Freunde zu unterstützen.
- (20) Sage nicht, daß du mich liebst (A. Seghers).

(21) Erzähle mir nicht, was nicht geschehen ist, erzähle mir, was geschehen ist und geschehen wird.

(22) Sag aber kein Wort. Was sich damals abgespielt hat.

Анализ примеров показывает, что с использованием различных отрицательных компонентов выражаются различные значения и эмоциональные оттенки запрета.

В общем, в значении запрета отмечен психо-эмоциональный момент. Запрещение, разрешение, запрет, отвержение чего-либо обязательно характеризуется определенной активностью, эмоциональным отношением к объекту или к происшествию. Как стало известно из примеров, в приказных предложениях в момент выражения значение запрета, элементы запрета не могут быть использованы такой же интенсивностью, возникают множество ограничений и препятствий. Языковые факты доказывают, что при выражении значения запрета больше всего используется конституент «nicht», который является доминантой, главным способом выражения в поле функционально-семантического отрицания и привлекает внимание слабыми оттенками значения и широтой функциональности.

Надо отметить, что и формы выражения, являющийся функциональными синонимами императивного вида глагола принимают участие с выражением значения запрета. Отмеченные моменты попробуем объяснить на основе ниже приведенных примеров.

(23) Du gehst nicht gerade aus, du bleibst hier und machst, was ich dir sage.

(24) Er wird nicht bei uns übernachten, er wird nach Hause gehen und sich um seine Kinder kümmern.

(25) Nicht widersprechen und sagen, ehrlich sagen, was sich tatsächlich ereignet hat.

Как видно из примеров, работа функционального синонима императивного вида формы Präsens с отрицанием, представляет значение категоричности с особенным оттенком, в сравнение с повелительной формой имеет более высокую экспрессивность. Про (24) пример можно сказать тоже самое. Первая форма будущего времени как функциональная противоположность побудительной формы глагола при взаимоотношении с компонентами отрицания выводит на первый план в значение запрета оттенки категоричности и эмоциональности и выражает значение безусловности и исключения. В (25) примере, при формировании предложения играющий большую роль форма инфинитива, при присоединение к нему элемента отрицания придает значению приказа оттенок настойчивости. Это еще больше обогащает общий смысл предложения, увеличивает силу его прагматического воздействия. То же самое можно сказать и про (12) и (13) предложение.

Выводы и перспективы. Таким образом, доминант микрополя лексико-грамматического побуждения на ряду с повелительной формой, которая является главным средством выражения, взаимодействуя с другими функциональными противоположностями расширяет возможности синонимов и обеспечивает семантическому и эмоциональному выражению побуждения многосторонность и разнообразие красок.

Литература:

1. Адмони В. Г. Синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони. – Л., 1973.
2. Гулыга Е. А. Грамматико-лексические поле в современном немецком языке / Е. А. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М.: Просвещение, 1969.
3. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache / O. Moskalskaja. – М., 1983.
4. Соломонова М. М. Повелительные наклонение современном немецком языке / М. М. Соломонова. – М.: АҚД, 1953.
5. Riesel E. Deutsche Stilistik / E. Riesel, E. Schendels. – М., 1975.
6. Schendels E. Deutsche Grammatik (Morphologie. Syntax. Text) / E. Schendels. – М., 1982.
7. Abdullayev S.Ə. Müasir alman və Azərbaycan dillərində inkarlıq kateqoriyası / S.Ə. Abdullayev. – Bakı, 1998.

Асланова Ш. В. Засоби вираження значення наполегливості і заборони в німецькій мові / Ш. В. Асланова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 184-188.

Дана стаття присвячена функціонально-семантичному аналізу наполегливості і заборони в німецькій мові. Проаналізовані випадки вживання наполегливості і заборони та їх функціональні синоніми у тексті.

Ключові слова: функціональний, семантичний, вираження значення наполегливості та заборони, німецька мова, синонім

Aslanova Sh. V. Means of expression of insistence and prohibition in German / Sh. V. Aslanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 184-188.

This article investigates functional-semantically analyses of insistence and prohibition in modern German language. In this article the usage of insistence and prohibition and theirs functional antonyms in the text have been analyzed.

Key words: functional, semantic, expression of insistence and prohibition, German language, synonym

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.161.2

ЯВИЩА ПЕРЕХІДНОСТІ В СИСТЕМІ ЧАСТИН МОВИ

Глуховська Н. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: ata423@mail.ru*

У статті розглядається матеріал про явища перехідності в українській мові на основі прикладів зі «Словника української мови» з урахуванням класифікації та з'ясуванням стилістичної навантаженості досліджуваних частин мови.

Ключові слова: явища перехідності, взаємоперехід, повнозначні частини мови, неповнозначні частини мови.

Постановка проблеми. Частини мови становлять єдину систему з дванадцяти лексико-граматичних класів слів. Але в мові є багато слів, які за певних умов можуть набувати інших ознак і переходити з однієї частини мови в іншу. Ще О.О. Потебня зазначав, що мова – це діяльність, і не можна дивитися на дієслово, іменник, прикметник, прислівник як на щось незмінне, оскільки навіть у відносно невеликі періоди ці категорії постійно змінюються. Такі зміни відбуваються в межах морфолого-синтаксичного способу словотворення [1, 661].

Перехідні явища характеризують перетворення в системі, розвиток мови, її життя. Сама система, як певна цілісність, не тільки не руйнується наявністю перехідних категорій, а, навпаки, ще більше зміцнюється й урівноважується. Без них система застигла б, стала нерухомою, а через те й змертвою. Перехідні явища скріплюють систему частин мови в процесі її розвитку. Як і в кожній системі, тут, крім головного є й побічне, без якого цілість також не може бути повною. Велика стійкість граматичної будови не заперечує й не виключає її безперервної змінності, хоч і дуже поступової. Так само й явища переходу не становлять суперечності в системі, а мають глибоке обґрунтування в природі самої системи. Перехідні категорії – це носії нового, які поступово наростають в результаті того, що граматики «вдосконалюється, поліпшує і уточняє свої правила, збагачується новими правилами».

Явища переходу частин мови досліджували такі російські та українські мовознавці, як О.О. Шахматов «Синтаксис русского языка», А.М. Пешковський «Русский синтаксис в научном освещении», В.В.Виноградов «Вопросы современного русского словообразования», В.М. Мігірін «Очерки по теории процессов переходности в русском языке», В.В. Лопатін «Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке», В.С. Вашенко «Явища переходу в системі частин мови», І.Р. Вихованець «Частини мови в семантико-граматичному аспекті», Й.О. Дзендзелівський «Проніміналізація в українській мові», Т.М. Довга «Частини мови та перехідність у системі частин мови», Г.М. Гнатюк «Ад'єктивація дієприкметників у сучасній українській літературній мові», Д.Г. Гринчишин «Явище субстантивації в українській мові», В.О. Горпинич «Морфологія української мови», М.А. Жовтобрюх «Словотвір сучасної української літературної мови», В.Ф. Сич «Перехід у за-

йменники слів інших частин мови», О.О. Селіванова «Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія», М. Я. Плющ «Грамматика української мови», Ю.О. Карпенко «Ще раз про критерії виділення частин мови», О.П. Кушлик «Комплексне визначення частиномовного статусу «перехідних» одиниць», Л.М. Мацько «Інтер'єктивізація в українській мові», Г.М. Мукан «Перехідні явища в системі частин мови» та інші.

Однак ще немає систематизованого опису фактів переходу слів з однієї частини мови в іншу, що й зумовлює **актуальність** обраної теми. **Мета** роботи – на основі картотеки, укладеної методом суцільної вибірки із «Словника української мови» в 11 томах (2500 мовних фактів), виявити типові моделі морфолого-синтаксичного способу словотворення. Досягнення поставленої мети передбачає розв'язання таких **завдань**: розглянути історичні пошуки принципів виділення частин мови, з'ясувати сутність явища частиномовної транспозиції, опрацювати різновиди морфолого-синтаксичного способу словотвору, охарактеризувати взаємоперехід серед повнозначних частин мови, описати взаємоперехід серед неповнозначних частин мови, опрацювати перехід повнозначних частин мови в неповнозначні, проаналізувати перехід неповнозначних частин мови в повнозначні, подати перехід повнозначних частин мови у вигук, описати перехід неповнозначних частин мови у вигук, розкрити перехід вигуків у повнозначні частини мови, подати перехід вигуків у неповнозначні частини мови, описати поліперехідність частин мови.

Методологічною основою статті є науково-критичні статті та наукові розвідки таких дослідників, як В.В. Виноградов, В.В. Бабайцева, В.С. Ващенко, Г.М. Гнатюк, Й.О. Дзедзелівський, Ю.О. Карпенко, О.П. Кушлик, Л.М. Мацько, І. Кучеренко, Г.М. Мукан, В.Ф. Сич.

Основним **методом** статті є описовий, за допомогою якого виділено, почленовано й покласифіковано явища переходності. Використано також прийоми класифікації та систематизації, а також компонентний і кількісний аналіз.

У сучасній українській літературній мові, як і в інших сучасних слов'янських мовах, перехідних явищ досить багато. Вони охоплюють сферу майже всіх повнозначних і службових частин мови. На думку В.С. Ващенка, перехідні явища характеризують перетворення в системі і свідчать про розвиток мови, її життя. Сама система, як певна цілість, не тільки не руйнується наявністю перехідних категорій, а, навпаки, ще більше зміцнюється й урівноважується. Без них система застигла б, стала нерухомою, а через те й змертвою. Перехідні лексико-граматичні явища скріплюють систему частин мови в процесі її розвитку. Як і в кожній системі, тут, крім головного явища, є й побічне, без якого цілість також не може бути повною. Велика стійкість граматичної будови не заперечує й не виключає її безперервної змінності, хоча й дуже поступової. Так само і явища переходу не становлять суперечності в системі, а мають глибоке обґрунтування в природі самої системи. Отже, перехідні лексико-граматичні категорії – це носії нового, яке поступово наростає в результаті того, що грамматика вдосконалюється і поповнюється новими правилами. В.С. Ващенко вказує на те, що без перехідних явищ немає нового, немає руху, немає розвитку мови. От чому в російській академічній граматиці, у повній згоді з фактами живої мови, зафіксовано таке положення: «Не слід думати, що частини мови відокремлені одна від одної непроникними перегородками. Навпаки, у

живій мовній дійсності постійно спостерігаються випадки пересування слів з однієї частини мови до іншої...». А далі вага і значення явищ переходу для науки про мову та їх природа визначається так: «Шляхи й засоби пересування слів з однієї частини мови до іншої історично мінливі. З'ясування живих способів переходу слів з одного граматичного розряду до іншого становить важливе завдання морфології. Адже з цими переходами пов'язані зміни і в формах словозміни, і в формах словотворення» [2, 14 – 15].

У процесі взаємопереходу однієї частини мови в іншу відбуваються глибокі внутрішні зміни як змісту, так і форми слова. Саме тому одним із важливих завдань морфології є з'ясування живих способів переходу з одного лексико-граматичного класу слів до іншого, адже з цими переходами органічно пов'язані зміни і в межах словозміни, і в сфері словотворення.

Аналіз мовних фактів, вилучених зі «Словника української мови» в 11 томах, підтверджує висновки дослідників про те, що найбільше перехідних явищ спостерігається у сфері повнозначних частин мови. Найчастіше спостерігається перехід прикметників та дієприкметників в іменники. Пор.: ***Пасажирський** багаж був загублений* (прикметник *пасажирський* має значення «належний пасажирові», є означенням і може змінюватися за родами) – *Незабаром пройде **пасажирський**, а після нього прибуде товарний* (синтаксичний іменник *пасажирський* означає «поїзд, що перевозить пасажирів», є підметом і вживається тільки у формі чол. р.); *Насіння, **доспіле** на пні, важке, жирне, мов волосський горіх* (дієприкметник *доспіле* означає завершений процес, є означенням і керує залежними словом) – *Втягла в ніс присмний запах **доспілих** яблук* (прикметник *доспілих* утратив дієслівні ознаки: виражає статичну ознаку предмета, не має залежних слів).

Значно менше фактів переходу прислівників в іменники. Пор.: *А ти, Степане, ляжеш спати, бо **завтра** рано треба встати да коня сідлати* (прислівник *завтра* означає «наступного дня», є обставиною часу) – *Сьогодні сиву шапку набакир зверне, помолодикує: на **завтра** – чорну смушеву* (синтаксичний іменник *завтра* має значення «другий день», є обставиною часу, разом з прийменником на стоїть у позиції 3. в.).

Непродуктивними є і перехід числівників в іменники та займенників у прислівники. Пор.: *Чоловік умер, **двоє** діток мені покинув, два сини* (збірний числівник разом з іменником утворює зв'язане словосполучення і є частиною прямого додатка) – *Вже можна було розібрати, що там сиділо четверо – **двоє** на веслах, а двоє – один проти одного* (синтаксичний іменник *двоє* позначає певну кількість осіб, є самостійним підметом) – *Я хотів би дати не **будь-що**, а таку річ, яка справді виправдала б постанову редакції* (неозначений займенник *будь-що* стоїть у 3. в., є прямим додатком) – *Василько **будь-що** заповзвся наловити йому на юшку бубирів*, (прислівник *будь-що* має значення «у будь-якому разі», не відмінюється за відмінками і є обставиною).

Поодинокими є факти переходу частки в сполучник: *Хіба мій батько панський був? **Адже** він – москаль? – Каже, здивувавшись, Чіпка* (стверджувальна частка *адже* вказує на реальність змісту висловлювання) – *Я старався заспокоїти себе: **адже***

то були звичайні господарські розмови, які ведуться скрізь (сполучник **адже** поєднує підрядну частину причини з головною).

Перехід повнозначних та неповнозначних частин мови у вигук теж малопродуктивний. Наприклад, *Дрозд фуркнув і полетів собі **геть*** (прислівник **геть** – у значенні «куди-небудь, у невизначеному напрямку»), у реченні виконує функцію обставини місця). У реченні – ***Геть**, одчепись!* – крикнула Лукина й глянула Уласові просто в вічі (Левицький. *Пропащі*) (вигук **геть** – у значенні «як наказ відійти»), у реченні служить для підсилення наказу). *О думи мої! О славо злая! За тебе марно я в чужому краю караюсь, мучусь..., **але** не каюсь!* (О думи мої! О славо злая! Шевченко)(сполучник **але** – у значенні «протиставлення», в реченні поєднує однорідні присудки). У реченні – *Та яке там лихо? Кажіть швидше, спати хочу. – **Але** кому спати, а кому ні!* (вигук **але** – у значенні «уточнення з елементами іронії», використовується для уточнення).

У «Словнику української мови» в 11 томах було зафіксовано багаторазовий (поліперехідність) перехід частин мови. Одна частина мови може переходити три або п'ять разів. В цьому році відділ народної освіти прислав у село завязтого учителя, який *недарма отримував щомісяця тридцять фунтів жита, **один** фунт цукру та дві пачки сірників* (числівник **один** – у значенні «міри», виконує функцію прямого додатка). У реченні *Двоє кукало, а **одно** полетіло* (іменник **одно** – у значенні «кількості», виконує роль підмета). У реченні ***Один** я на світі без роду, і доля – стежина – билина на чужому полі* (прикметник **один** – у значенні «одинокий, самотній», виступає іменною частиною складеного присудка). У реченні *Пішла я на заробітки в город; стала в **одних** панів за наймичку* (**одних** – у значенні «якийсь, котрийсь», виконує функцію узгодженого означення). У реченні *Лежить Карпо на лаві плазом, мов зарізаний кабан, і пальцем не ворухне, **одно** постогнує* (прислівник **одно** – у значенні «безперервно», обставина способу дії).

Висновки. У ході дослідження виявлено, що найчастіше відбувається перехід серед повнозначних частин мови, значно менше простежується переходів повнозначних слів у неповнозначні. Зафіксовано також явища переходу однієї частини мови у два, три, чотири, п'ять лексико-граматичних класів слів.

Оскільки мова розвивається, удосконалюється і збагачується, то відбуваються поступові зміни в її складі. Частини мови є організованою й виразно окресленою системою, у ній відбуваються різноманітні переміщення і перетворення, які треба враховувати під час наукового аналізу, а також в ході аналізу у вищій та середній школі. Перехідні явища серед частин мови – це те, що збагачує мовлення, розширює виражальні засоби. Наявність в українській мові перехідних явищ є свідченням живих процесів розвитку в системі частин мови.

Перспектива роботи. Перспективним є розробка укладання Граматичного словника української мови з детальним описом явищ перехідності зі стилістичним коментарем.

Література

1. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / [редкол.: Русанівський В. М., Тараненко О. О., Зяблюк М. П. та ін.]. – К.: Українська енциклопедія, 2004. – С. 661 – 662.
2. Ващенко В. С. Явища переходу в системі частин мови / В. С. Ващенко // Українська мова в школі. – 1953. – № 6. – С. 14 – 15.
3. Словник української мови : в 11 т. – К.: Наукова думка, 1970 – 1980.

Глуховская Н. А. Явления переходности в системе частей речи / Н. А. Глуховская // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 189-193.

В статье рассматривается материал о явлении переходности в украинском языке на основании примеров из «Словаря украинского языка» с учетом классификации и выяснения стилистической нагруженности исследованных частей речи.

Ключевые слова: явление переходности, взаимопереходность, самостоятельные части речи, служебные части речи.

Glukhovska N. The transitional phenomom of the system of parts of speech / N. Glukhovska // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 189-193.

The material concerning transitional phenomenon of Ukrainian language is researched in this article. It is based on examples from a «Dictionary of Ukrainian language» with the taking into consideration classification and realizing of stylistically and stylistic meaning of the parts of speech which are analyzed.

Key words: transitional phenomenon, mutual transition, notional parts of speech, functional parts of speech.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.512.145(07)

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ НА ОСНОВЕ СЛОВАРЯ

Мамутова З. С.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Украина,
e-mail: rusridmam@mail.ru*

В статье «Методика формирования этнокультурологической компетенции учащихся на основе словаря» рассматривается целостность и системный подход по формированию навыков исследования, поиска информации, расширению словарного запаса учащихся.

Ключевые слова: слово, речь, этнолингвистика, крымскотатарский язык, семантика

Актуальность. Полиязыковая среда обучения предполагает обязательное обращение к этнокультурологическому подходу в процессе обучения.

Постановка проблемы. С позиций обозначенного подхода данный процесс представляет собой диалог культур, в котором ученик изначально занимает активную позицию и раскрывается как субъект межъязыковой, межкультурной и межличностной коммуникации. Основы обогащения речи крымскотатарской лексикой в условиях полилингвизма представляет собой процесс познания культуры (крымскотатарской, украинской, русской) на уже сформировавшейся национально-культурной базе родного языка, поскольку она является основанием для приобщения личности к культуре другого народа. Эффективность данного процесса зависит от целенаправленного создания в культурно-образовательном пространстве национальных школ с крымскотатарским языком обучения, условий для самоопределения, саморазвития и самореализации языковой личности.

Овладеть каким-либо языком – значит приобрести определенный, максимально возможный словарный запас, усвоить грамматический строй изучаемого языка и научиться ими пользоваться в речевой практике. Все эти стороны в овладении языком одинаково важны, взаимосвязаны и взаимообусловлены [1, 384–386].

Выбор средств обучения крымскотатарскому языку, в том числе и средств развития речи учащихся, опирается на достижения педагогики, дидактики, которая дает обобщенное понятие процесса обучения (это необходимо учителю). Успешное изучение крымскотатарского языка невозможно без знания психологии учащихся. В подростковом возрасте серьезно изменяются условия жизни и деятельность школьника, что приводит к перестройке психики. В 5 классе школьники переходят к систематическому изучению основ наук, что требует от их психической деятельности более высокого уровня: глубоких обобщений и доказательств, понимания более сложных и абстрактных отношений между объектами, формирования отвлеченных понятий.

В основе понятия профессиональной коммуникативной компетенции лежит коммуникативная культура личности. Коммуникативная культура, являясь основой общей культуры человека, характеризуется личностной ценностью, формируется во всех видах деятельности и общения и, в свою очередь, объединяет эмоциональную культуру, культуру мышления, культуру речи учащихся. Коммуникативная культура личности в условиях полиязычия определяется нами как совокупность умений (лингвистических, социокультурных), необходимых для реализации процесса общения в соответствии с конкретными целями и условиями коммуникации.

Методисты обращают внимание на то, что при отборе содержания обучения следует учитывать: 1) необходимость и доступность содержания обучения для достижения поставленных целей; 2) доступность содержания для усвоения обучающимися.

Вместе с тем актуальным остается вопрос о том, как обеспечить такую организацию материала и учебной деятельности, при которой было бы возможным оптимальное сочетание систематизации учебного материала с коммуникативностью обучения.

Необходимо понимать всю специфику культур изучаемого в школе украинского, русского и родного крымскотатарского языка. Учитывая особенности крымскотатарского языка и его культуры, учащиеся могут столкнуться со следующими трудностями при чтении текста: 1) особенности морфологии (аглютинация / аффиксальный способ образования слов); 2) синтаксическая особенность крымскотатарского языка (основная смысловая нагрузка находится в конце предложения, т. е. глагол всегда стоит в конце предложения); 3) системой родства и статусных отношений внутри семьи (крымскотатарская семья выступает в качестве хранителя традиционных национальных ценностей); 4) отсутствие категории рода в крымскотатарском языке 5) стилистические особенности крымскотатарской речи и др.

Необходимо отметить, что обогащение учащимися 5–6 классов крымскотатарской лексикой было соотнесено с целым классом предметов, включающие лингвистические и культурологические понятия. Это обусловлено крымскотатарскими национальными реалиями, которые могут отсутствовать в других национальных культурах или не имеют соответствующих эквивалентов. При этом важнейшими критериями отбора учебного материала являются культурологическая и этнокультурологическая ценности.

Каждый человек усваивает определенную систему правил, благодаря которой возможно понимание предложений и структур, которые никогда раньше не встречались ему в речевой практике. Овладение данной системой правил происходит через усвоение языковых образцов с учетом психологических особенностей усвоения изучаемых других языков (в этническом пространстве) вне условий языковой среды, вполне отождествляя процесс формирования речевых навыков.

Психологами установлено, что процесс образования любых навыков в условиях практической деятельности осуществляется быстрее, они сохраняются дольше, особенно при условии сознательного выполнения различных заданий, упражнений работы со словом.

В.М. Филатов отмечает, что «успешность в овладении словом зависит от наличия у школьников умений:

- наблюдать, сравнивать, анализировать языковые явления;
- догадываться по контексту или словообразовательным элементам о значении незнакомой лексической единицы;
- работать с различными словарями;
- вести учебный словарь, выбирая удобную форму записи. Данные навыки и умения составляют общеучебный компонент содержания обучения лексической стороне речи» [5, 340].

Следовательно, речь является не только компонентом предметной деятельности учащихся, но и тем фактором, без которого невозможно достижение производительных результатов той или другой индивидуальной активности учащихся. Речь, языковое общение – это основа индивидуального и социального становления личности, условие ее самореализации.

Как было отмечено раньше, различают два основных способа формирования операций – осознанный и неосознанный (И. О. Зимняя, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн). Отличия между ними предопределены расхождениями в способах усвоения родного и неродного языков. Однако пока еще отсутствующие психолого-педагогические исследования, посвященные проблеме совершенствования и развития коммуникативной компетенции (речевой и социокультурной) школьников средствами безэквивалентной и фоновой лексики, которая имеет в разных языках расхождения в семантической ассоциации, средствами языкового этикета и средствами обращения как способом выражения этнокультурной специфики.

Практическое значение полярных исследований необходимо не только для повышения эффективности обучения, в данном случае, лексике неродных языков, но и для совершенствования лексикографической базы такого обучения, для двуязычной (многоязычной) лексикографии в целом. Положения сопоставительной лексикологии органично переплетаются с этнолингвистикой, лингвокультурологией, теорией и практикой перевода, проблемами межкультурной коммуникации. Результаты сопоставления языков так или иначе отражают сознательное регулирование психолингвистических процессов порождения и восприятия словарных единиц при владении более чем одним языком. Знать эти различия – значит знать эти языки.

В усвоении родного языка эта связка появляется параллельно с приобретением опыта. Создание подобного запаса у учеников, изучающих второй язык, требует специальной целеустремленной работы, так как существуют расхождения ассоциативных процессов в разных языках.

С. Николаева и К. Онищенко, принимая во внимание разные пласты лексического материала и рецептивный или производительный характер соответствующего вида речевой деятельности, отмечают необходимость формирования таких видов навыков:

- а) производительные лексические навыки, то есть навыки правильного употребления лексической единицы активного минимума
 - мгновенное соединение соответствующей единицы с другими словами, которые создают синтагму и фразу за правилами лексической сочетаемости;

б) рецептивные лексические навыки, то есть навыки распознавания и понимания лексической единицы активного и пассивного минимумов при чтении и аудировании;

в) навыки обоснованной догадки о значении лексической единицы, которая относится к потенциальному словарю при чтении и аудировании;

г) навыки пользования разными видами словарей (двухязычных, одноязычных, толковых, переводных, фразеологических, тематических, топонимических) [3, 319].

Лексический речевой навык включает в себя два основных компонента: словоупотребление и словообразование.

Лексическая правильность речи выражается в правильном словоупотреблении, то есть в семантически правильном сочетании слов изучаемого крымскотатарского языка по его нормам, которые часто отличаются от семантических правил сочетаний в языках, которые изучают (украинский язык и русский язык), на котором идет общение в школе.

Интерферирующее влияние родного языка может быть преодолено или ослаблено путем пояснения черт сходства и различия в употреблении слов в обоих языках, например: (килим (крым.тат) – килими (укр.)– ковер (рус.); серник –серники – спички; кьушакъ – кушак – пояс и др.). Необходима речевая практика в новом языке в процессе которой создаются прочные, гибкие речевые лексические навыки, способные противостоять интерферирующему влиянию родного языка.

Следующий этап – это та же операция с неизвестными словами. Чтобы правильно пользоваться словарем, учащиеся должны уметь выбирать подходящее для данного контекста значение многозначного слова. Такие упражнения проходят при обучении самостоятельному чтению. Обращаться к словарю необходимо и для проверки догадки о значении незнакомого слова по контексту, а также и для проверки орфографии при письме, что характерным является для крымскотатарского языка (закон сингармонизма в слове, созвучия звуков). Очевидно, что наиболее успешное овладение всеми вышеперечисленными навыками возможно лишь в процессе коммуникативной тренировки с помощью коммуникативных упражнений.

Принципы отбора упражнений:

1. Обеспечение деятельностного характера овладения лингвокультурологической лексикой;

2. Учет первичности слухо-моторных связей, принцип устного опережения.

3. Опора на образец, на действие по аналогии.

4. Стимулирование речемыслительной активности и самостоятельности учащихся.

5. Опора на принцип наглядности, доступности, прочности и систематичности.

Для формирования лексических умений и навыков в работе над языковым материалом, целесообразно применение оперативного метода. Этот метод оказывается в упражнениях аналитического и конструктивного плана, что соответственно направляют действия учеников. Например, во время работы с этнокультурологической лексикой ученики выполняют ряд аналитических заданий (нахождение, выпишивание этнокультурологических слов из текста), направленных на усвоение знаний из языка.

Наличие множества лексических заимствований в крымскотатарском языке является наиболее важным в речевой деятельности. Они выступают как связывающее звено в цепи лексических единиц. Назовем только некоторые из них: к̆апыста (крт.) – капуста (укр.) – капуста (рус.); автобус (крт.) – автобус (укр.) – автобус (рус.); радио (крт.) – радио (укр.) – радио (русс.) и др. В украинском и русском языках тюркские заимствования преобладают: башлык (укр.) – башлык̆ (крымтат.), караул (укр.) – к̆аравул (крт.), базар (укр. крт.), атлас (укр. крымтат, козак (укр.) – к̆зак̆ (крт.), сундук (укр.) – сандык̆ (крт.) и др. Для работы при изучении лексических заимствований можно пользоваться словарем Г. Халимоненко «Тюркiзми у професiйно-виробничiй лексичi українськoї мови».

Любой тип двуязычия / многоязычия предполагает интерференцию, позитивное и негативное действие которой объясняется исключительно структурно-типологическими особенностями родного и изучаемого языков. Решение вопросов интерференции в полиязыковой среде позволяет выявить причины затруднений в овладении правильной речью и найти эффективные пути их предупреждения и преодоления.

1. С учетом лингвокультурологических особенностей аспектов обучения крымскотатарскому языку в работе содержательного наполнения уровней компетенций данного понятия представлено в таблице № 1..
2. Таблица 1 .
3. Содержательное наполнение уровней компетенций обучения на крымскотатарском языке (в лингвокультурологическом аспекте)

Компетенции лингвокультурологического уровня	Компетенции социокультурного уровня
<ul style="list-style-type: none"> ↪ знание и владение нормами литературного языка; ↪ знания о стилистических особенностях языка; ↪ достаточный словарный запас и правильное применение лексем как в письменной, так и в устной ее формах; ↪ целостное раскрытие темы или определенного раздела, анализ конкретных фактов, четкость аргументации 	<ul style="list-style-type: none"> ↪ знание и владение социальными нормами коммуникативного поведения; ↪ знание основ этических норм профессиональной лексики, культурологические знания, необходимые для успешной межкультурной коммуникации в условиях полиязычия.

Перспектива. Анализ исследуемого материала показывает, что оптимизация развития интеллектуальных способностей и формирования коммуникативных умений достигается за счет разработанных модели обучения крымскотатарскому языку, включающей психолого-информационную и речевую деятельности под руководством преподавателя, в целях развития самостоятельной исследовательской и творческой групповой работы учащихся (работа с текстами, словарями и т д.).

В целом процесс обучения крымскотатарскому языку в лингвокультурологическом аспекте призван сформировать у учащихся способность участвовать в диалоге культур, для углубления своих знаний в различных областях науки, техники и общественной жизни.

Литература:

1. Гудзик И. Ф. Компетентностно ориентированное обучение русскому языку в начальных классах (в школах с украинским языком обучения) / И. Ф. Гудзик. – Черновцы. : Букрек. – 2007. – 21 с.
2. Богданович Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г. Ю. Богданович. – Симферополь. : Доля, 2002. – С. 384–386.
3. Николаева С. Ю. Методика навчання іноземних мов у середніх навчальних закладах : підручник для студентів вузів / [С. Ю. Николаева]. – гол. редактор К. І. Онищенко. – К. : Ленвіт, 1999. – 319с.
4. Филатов В. М. Методика обучения иностранным языкам / В. М. Филатов. – М. : ФЕНИКС, 2004. – 412 с.

Мамутова З. С. Методика формування лінгвокультурологічної компетенції учнів на основі словника / З. С. Мамутова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 194-199.

У статті «Методика формування етнокультурологічної компетенції учнів на основі словника» розглядається цілісність і системний підхід щодо формування навичок дослідження, пошуку інформації, розширення словникового запасу учнів.

Ключові слова: слово, мова, етнологістика, кримськотатарська мова, семантика

Mamutova Z. S. Methods of forming etnoculturological competence of students on the basis of the dictionary / Z. S. Mamutova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 194-199.

In the article "Methods of forming etnoculturological competence of students on the basis of the dictionary" is considered holistic and systemic approach to build research skills, information retrieval, vocabulary students.

Key words: word, speech, etnolinguistics, the Crimean Tatar language, semantics

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК: 378.147~371.3

АКТИВІЗАЦІЯ НАВЧАЛЬНО-ПРОФЕСІЙНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ СТУДЕНТІВ-АГРОНОМІВ ЗАСОБАМИ ПРОЕКТНИХ ТЕХНОЛОГІЙ

Кандрашова Л.І.

*ПФ НУБіП України "Кримський агротехнологічний університет", м. Сімферополь, Україна,
e-mail: vol6662007@rambler.ru*

У статті розглядається сутність проектних технологій, етапи роботи, їх класифікація та застосування у навчальному процесі.

Ключові слова: проектні технології, проекти, студент-агроном, професійна діяльність.

Проблема пов'язана з тим, що існують різні погляди на застосування проектних технологій, а активізація навчально-професійної діяльності студентів-агрономів засобами проектних технологій ще й досі не була предметом наукового розгляду.

Метою дослідження є обґрунтування проблеми активізації навчально-професійної діяльності студентів-агрономів засобами проектних технологій.

На підставі мети визначені **завдання дослідження:**

На основі аналізу педагогічної літератури виявити рівень розробленості даної проблеми.

Актуальність дослідження обумовлена теоретичними і практичними завданнями вдосконалення активізації навчально-професійної діяльності студентів-агрономів як майбутніх фахівців нового типу, що орієнтуються у сучасному світі, де професійне вдосконалення є постійною потребою особистості.

У процесі модернізації сучасної системи освіти основним завданням педагогічного процесу у ВНЗ стає формування у студентів умінь самостійно здобувати знання, а також застосовувати їх у професійній діяльності. Систематичне включення студентів у проектну діяльність забезпечує формування у них ключових компетенцій: ціннісно-сислової, загальнокультурної, навчально-пізнавальної, інформаційної, комунікативної, соціально-трудової, особистісного самовдосконалення.

За останні роки викладачі загальноосвітніх і спеціальних дисциплін все частіше звертаються до проектних технологій у навчальному процесі. На початкових етапах проектні технології розповсюджувалися спочатку у середній школі і середніх професійних навчальних закладах, а згодом і у вищій школі проектні технології також займають значне місце – наприклад, дипломні проекти. Дослідження проектних технологій у вищій школі, їх реалізація у практиці професійної підготовки студентів-агрономів ВНЗ є метою даної роботи.

Проектні технології, під впливом сучасної тенденції до технологізації педагогічної науки, розвинулися з методу проектів, поява якого, у свою чергу, обумовлена ідеями Дж. Дьюї - навчанням «за допомогою діяння».

Методологічну основу проектного навчання складають дослідження американських педагогів: Дж. Дьюї, У. Кілпатріка, Е. Коллінгса, а також праці вчених-дослідників: А.П. Аношкіна, В.С. Безрукова, Е.С. Заір-Бек, І.А. Колесникової, М.П.

Горчакової-Сибірської, А.М. Новікова, О.І. Савенкова, А.А. Філімонова. У зазначених роботах проектного навчання розкриваються концептуальні засади, принципи й етапи організації. Але на думку багатьох дослідників, основоположником методу проектів є У. Кілпатрік, який позначив його як « від усього серця проведеною доцільною діяльністю, яка проявляється у відомих суспільних умовах...» [1, 42].

Проект – від лат. «proiectus», що означає «виступаючий», «такий, що кидається у вічі». Проект створює те, чого ще немає, це поняття багатозначне й багатоаспектне, воно може розглядатися з різних точок зору і в різних площинах:

1. Як відображення інтересів учасників.
2. Як організована самодіяльність (розробка особистого плану дій, вибору індивідуального рішення тощо).
3. Як робота в команді (ролі лідера - організатора, дослідника, експерта тощо).
4. Як творча лабораторія (багатоваріантність шляхів вирішення проблеми, принцип оригінальності).
5. Як організація ціннісних смислів (формування особистої і громадянської позиції, досвід соціальної комунікації).
6. Як вільний вибір освітньої області, тематики проекту, траєкторія діяльності.
7. Як включення усіх суб'єктів у пошукову, дослідницьку діяльність.
8. Як систематичне дослідження результатів роботи, презентацій.
9. Як фіксований час, контроль і рефлексія.
10. Як засіб вивчення будь-якого предмета, аудиторна і позааудиторна діяльність, формування великого спектру професійних умінь та навичок порівнюючи отриманий результат із замислом [2].

У даний час у ВНЗ до проектних технологій звертається багато вчених-педагогів (Є. С. Полат, М. Ю. Бухаркін, М. В. Моїсеєва, А. Є. Петров, Н. Ю. Пахомова, С. А. Красносільський, Л. Б. Переверзєв, І. Д. Чечель, І. С. Сергєєв і багато інших). Аналіз науково-методичної літератури показав, що проектна технологія широко застосовується в освіті педагогами-практиками. На нашу думку, найбільш повно методологія навчальних проектів розглянута в працях сучасних дослідників Е.С. Полат [3] і Н.Ю. Пахомової [4]. У роботах цих авторів сформульовані визначення методу проектів (проектної технології), виділені основні етапи проектної діяльності, визначена типологія проектів, розроблена методика здійснення навчального проекту, а також визначені параметри зовнішньої оцінки проекту. «Метод проектів» у трактуванні Н.Ю. Пахомової звучить наступним чином: «Метод навчального проекту - це одна з особистісно орієнтованих технологій, спосіб організації самостійної діяльності учнів, спрямований на вирішення завдання навчального проекту, що інтегрує в собі проблемний підхід, групові методи, рефлексивні, презентативні, дослідницькі, пошукові та інші методики» [4, 30]. Є.С. Полат визначає метод проектів як «спосіб досягнення дидактичної мети через детальну розробку проблеми (технологію), яка повинна завершитися цілком реальним, відчутним практичним результатом, оформленим тим або іншим чином» [3, 66].

Дослідження показують, що проектні технології мають широку сферу застосування в освіті у найрізноманітніших галузях знань, під час вивчення майже будь-якого предмета. Багато дослідників відзначають величезну роль проектних техноло-

гій у навчанні. Л.Б. Переверзев вважає, що «метод проектів» - є «навчальний засіб, що дає надію успішніше справлятися з " вічними "освітніми проблемами [5, 107]. У числі таких проблем - підвищення навчальної мотивації і розвиток пізнавального інтересу, подолання труднощів, пов'язаних з організацією власної навчальної діяльності учнями і студентами, розвиток творчих здібностей та інші. Усі дослідники, що займаються розробкою «методу проектів» (проектних технологій), а також педагоги, які використовують його в практиці навчання, сходяться на думці, що «метод проектів» (проектна технологія) має широкі педагогічні можливості, сприяє більш глибокому засвоєнню програмного матеріалу, формуванню умінь і навичок практичного використання досліджуваного предмета, планування власної навчальної діяльності, розвитку особистості учня. Разом з тим, використання проектних технологій розвиває власне проектні вміння та навички, які є необхідними якостями особистості в сучасних умовах, коли проектування знаходить своє застосування в різноманітних сферах життя і діяльності людини й суспільства. На думку Н.Ю. Пахомової, «метод проектів - це чудовий дидактичний засіб для навчання проектуванню - вміння знаходити вирішення різних проблем, які постійно виникають у житті людини, що займає активну життєву позицію» [4, 30].

Аналіз різних систем цілей використання проектних технологій, сформульованих у сучасній науково-методичній літературі, показує їх багатоцільовий характер, так як проектні технології сприяють досягненню різних педагогічних цілей: освітніх, виховних, розвиваючих.

Ще один найважливіший аспект використання проектних технологій - планування етапів діяльності процесу проектування, або структура проекту. Слід зазначити, що загальні підходи до структурування проектів у різних авторів схожі, представлені лише з різною часткою подробиць. Н.Ю. Пахомова представляє структуру проекту у вигляді таблиці 1.

Коротко описуючи схему, автор зазначає, що в основі будь-якого проекту лежить проблема, яка обумовлює мотив діяльності. Мета проектної діяльності - пошук способів вирішення проблеми, завдання - досягнення мети в певних умовах [4, 18-19].

Таблиця 1.

Структура навчального проекту

НАВЧАЛЬНИЙ ПРОЕКТ		
Проблема проекту	Чому? (це важливо для мене особисто)	Актуальність проблеми, мотивація
Ціль проекту	Навіщо ми робимо проект?	Очікувана мета
Методи і засоби	Що для цього ми робимо? Як ми це можемо зробити?	Постановка задач Вибір засобів і методів планування
Результат	Що вийде? (як вирішується проблема)	Очікуваний результат

Розкриваючи поняття навчального проекту, Пахомова Н.Ю. вважає, що це дидактичний засіб, який дозволяє цілеспрямовано знаходити вирішення проблеми, визначає його як « Метод навчального проекту – це одна з особисто орієнтованих технологій, засіб організації самостійної діяльності, спрямований на розв'язання

**АКТИВІЗАЦІЯ НАВЧАЛЬНО-ПРОФЕСІЙНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ
СТУДЕНТІВ-АГРОНОМІВ ЗАСОБАМИ ПРОЕКТНИХ ТЕХНОЛОГІЙ**

задачі навчального проекту, що інтегрує у собі проблемний підхід, групові методи, рефлексію, презентацію, дослідження та інші методи» [4, 30]. Автор поділяє навчальний проект на п'ять етапів, які ми відобразили у таблиці 2.

Таблиця 2.

Характеристика основних етапів проектної діяльності

№ п/п	Етап	Задачі	Діяльність учасників	Діяльність керівника проекту
1	Ініційований	Визначення соціально значущої проблеми: дослідної, інформаційної, практичної	Визначення теми, уточнення мети. Вибір робочої групи	Мотивує учасників, пояснює мету, спостерігає. Ставить мету і задачі навчання, розвитку, виховання у контексті теми проекту.
2	Основний	Планування дій з вирішення проблеми – операційна розробка проекту, у якому є перелік конкретних дій із зазначенням результатів, термінів і відповідальних. Визначення виду продукту і строки презентації.	Аналізують проблему, формують задачі, визначають джерела інформації, обирають критерії оцінки результатів, обґрунтовують свої критерії успіху, розподіляють ролі у команді, складають план конкретних дій.	Допомагає в аналізі і синтезі, спостерігає і контролює. Формує необхідні специфічні вміння та навички.
3	Прагматичний	Дослідження учасників як обов'язкова умова кожного проекту. Пошук інформації, яка потім обробляється, осмислюється і представляється учасниками проектної групи.	Проводять дослідження. Збирають і уточнюють інформацію, обирають оптимальний варіант, уточнюють плани дій.	Спостерігає, консультує. Узагальнює новий зміст знань, здобутих у результаті роботи над проектом.
4	Заключний	Результатом праці над проектом є продукт, який створюється учасниками проектної групи у ході вирішення поставленої проблеми.	Оформлюють проект, виготовляється продукт. Беруть участь у колективному аналізі проекту, оцінюють свою роль, аналізують виконаний проект, виявляють причини успіху, невдачі. Проводять аналіз досягнення поставленої мети.	Спостерігає, радить, спрямовує процес аналізу. Допмагає у забезпеченні проекту.
5	Остаточний	Представлення замовнику готового продукту з обґрунтуванням, що це найбільш ефективний засіб вирішення поставленої проблеми, тобто презентація продукту.	Захищають проект, беруть участь у колективній оцінці результатів проекту.	Бере участь у колективному аналізі й оцінці результатів.

Розкриваючи проектну діяльність у навчальному процесі аграрних ВНЗ, слід урахувати психолого-педагогічні умови проектування. Студент не повинен сприй-

мати проектну діяльність тільки як самостійну роботу, насамперед це самоорганізуюча система зі своїми принципами, нормами, правилами, що дозволить організувати діяльність студента від ідеї до кінцевого продукту – практичного впровадження.

Розглянувши етапи й організаційно-методичні умови проектної діяльності, необхідно пам'ятати, що проекти бувають різні. При їх класифікації враховують типологічні ознаки [6, 28-30]. У дану класифікацію ми внесли корективи з урахуванням навчання у ВНЗ і подали у таблиці 9.

Таблиця 9

Класифікація навчальних проектів

Домінуюча діяльність учасників	Типологічні ознаки проекту				
	Предметно-змістова область	Кількість учасників	Координація	Характер кон-тактів	Тривалість
Практико-орієнтована	Монооб'єкти	Індивідуальні	Відкрита (явна)	Внутрішньо-групові	Міні-проекти (одна пара)
Дослідницька				Внутрішньо-факультетські	Коротко-тривалі (дві-три пари)
Інформаційна	Міжпредметні об'єкти	Групи	Скрита (неявна)	Внутрішньо-вузівські	Тижневі
Творча				Міжвузівські	Довгострокові (річні)
				Міжнародні	

У даній класифікації чітко простежується індивідуальне та групове виконання проектної діяльності. Слід зазначити педагогічні особливості такої роботи учасників проекту. Дані проекти ми відобразили у таблиці 10.

Таблиця 10

Проект	
Індивідуальний	Груповий
Тема проекту обрана з урахуванням інтересу й індивідуальних особливостей учасника.	Тема проекту обирається відповідно з колективним інтересом.
Формується відчуття особистої відповідальності за прийняті рішення і дії, потребується велика самостійність, дисциплінованість, організованість, ініціативність.	Формується відчуття колективної відповідальності.
Можливість досягнення результату у своєму темпі.	Злагожденість за строками виконання частин проекту.
Здобувається досвід роботи на всіх етапах проектної діяльності.	
Формуються важливі вміння і навички: дослідні, презентаційні, оціночні тощо.	Навички у виконанні даного виду роботи, наприклад, тільки підготовка візуального ряду проекту.
Впевненість в особистій думці.	Думка кожного учасника приймається і підтримується, учасники здобувають упевненість у собі.
Виникає феномен індивідуаліста.	Виникає феномен групового впливу на особистість.
Створюються умови для прояву і формування	Створюються умови для прояву і формування

**АКТИВІЗАЦІЯ НАВЧАЛЬНО-ПРОФЕСІЙНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ
СТУДЕНТІВ-АГРОНОМІВ ЗАСОБАМИ ПРОЕКТНИХ ТЕХНОЛОГІЙ**

основних якостей творчої особистості.	основних якостей творчої особистості.
Діяльність несе соціальну спрямованість.	Діяльність несе соціальну спрямованість.
Проект може бути виконаний одностороннє й упереджено	Проект може бути виконаний глибоко і різнобічно.

Проектна діяльність є формою навчально-пізнавальної активності студентів, яка включає мотиваційні досягнення свідомо постановленої мети, забезпечує єдність різних сторін навчання і є засобом розвитку особистості суб'єкта навчального процесу. Проектна діяльність виконує важливу роль:

- по-перше, забезпечує повноцінне засвоєння навчальних ситуацій і дій, контролю й оцінки.
- по-друге, зовнішнє прийняття заданої навчальної мети.

Викладачам, що впроваджують проекти, доводиться виступати в різних ролях і виконувати різноманітні функції. Зокрема, при впровадженні проектних технологій викладач виконує нові, незвичні для нього обов'язки, включаючи роботу як організатора, психолога, ігротехніка (розробника), експерта і т.д. Кожен з цих нових видів діяльності вимагає розвитку конкретного вдосконаленого набору навичок, вербальної і невербальної компетентності, комунікативної та інтерактивної грамотності.

Отже, нами була розроблена і впроваджена рольова гра «**Бізнес-планування**» з **виращування озимої пшениці у ВП «Колос»**.

Зміст рольової гри:

1. Резюме.
2. Галузь та її продукція.
3. Вивчення ринку та маркетинговий план.
4. Виробничий план.
5. Організаційний план.
6. Фінансовий план.
7. План охорони навколишнього середовища.
8. Оцінка ризику і шляхи управління ним.
9. Висновки.

Основні завдання рольової гри:

1. Необхідно скласти резюме ВП «Колос» (вказуємо ґрунтові можливості району, запит на зерно пшениці, можливості реалізації). Дати обґрунтування доцільності виращування озимої пшениці.
2. Вказати головний напрямок роботи підприємства. Дати характеристику даному виду продукції. Дати рекомендації найкращих сортів пшениці для виращування у цьому районі, що можна виготовляти, реалізувати (не тільки зерно).
3. Вказати головний ринок збуту. Розподілити між можливими покупцями продукцію у відсотковому співвідношенні. Вказати якості насіння за ГОСТом.
4. Необхідно вказати посівну площу (га), планову врожайність, валовий збір, вихід соломи; скласти технологічну карту (враховані усі види діяльності, розраховані затрати на робочу силу, матеріали, с/г техніку, складена виробнича програма). (Табл. 1)

Виробнича програма на вирощування озимої пшениці

№ п/п	Показники	Од. вимі-ру	Дані
1	Площа	га	350
2	Врожайність	ц/га	45
3	Валовий збір зерна у первісній зареєстрованій масі	ц	15750
4	Валовий збір зерна після доопрацювання	ц	14645
5	Валовий збір соломи	ц	15750
6	Оплата праці і нарахування на оплату праці	грн.	201600
7	Зерно	грн.	120960
8	ПММ	грн.	262080
9	Добрива	грн.	395240
10	Засоби захисту рослин	грн.	128520
11	Затрати на с/г техніку	грн.	100800
12	Інші затрати	грн.	18900
13	Усього прямих затрат	грн.	
14	Загальновиробничі і загальногосподарські видатки	грн.	276800
15	Усього затрат, у т.ч. на зерно, соломі	грн.	1594900 1384508 120392
16	Собівартість 1 ц: зерна соломі	грн.	94,54 7,64

5.Скласти організаційний план (підготовка ґрунту до посіву і догляд за культурою на основі технологічних карт). Вказати, які кадри управління, робочі кадри є на даному підприємстві. Вказати, що є в наявності для вирощування озимої пшениці (добрива, засоби захисту рослин, с/г техніка: трактори ДТ і т.п., гр. машина ГАЗ -54 і т.п.). Вказати положення про оплату праці, форму оплати, порядок оплати.

6.На основі виробничої програми (див. вище) зробити планову калькуляцію собівартості 1 ц зерна і соломи (зерна 94,54 грн., соломи 7,64 грн.) Вказати, де буде реалізована солома, наявні витрати. На реалізацію 1 ц зерна додаткові затрати 0,52 грн. Повна собівартість зерна - 95,06 грн. (94.54+0,52). Зробити остаточний розрахунок за підсумками вирощування насіння. (Табл. 2).

Рівень рентабельності = $795015:1422239*100= 55,8\%$

Поріг беззбитковості = $1504900:165=9120ц:350=26ц/га$.

Вказати, у плані витоки забруднення навколишнього середовища у процесі вирощування озимої пшениці й прослідкувати, що відбувається при недотриманні норм видатків та засобів безпеки. Надати перелік засобів, що найменш шкідливі для екології та ефективніші для вирощування озимої пшениці. Вказати, коли і як будуть вноситися добрива.

Таблиця 2.

Розрахунок балансового прибутку, чистого результату і рівня рентабельності

№ п/п	Показники	Од. вимі-ру	Дані
1	Валовий збір насіння після доопрацювання	ц	14645
2	Зерновий фонд	ц.	700
3	Плата за паї	грн.	250
4	Товарне зерно	ц.	13695
5	Середня ціна реалізації 1 ц	грн.	165
6	Виручка від реалізації зерна	грн.	2259675
7	Солома до реалізації	ц	15700
8	Ціна реалізації 1 ц соломи	грн.	9,50
9	Виручка від реалізації соломи	грн.	149150
10	Виручка усього	грн.	2408825
11	Повна собівартість реалізованого зерна	грн.	1301847
12	Собівартість соломи	грн.	120392
13	Балансовий прибуток від реалізації зерна	грн.	1106978
14	Балансовий прибуток від реалізації соломи	грн.	28758
15	Балансовий прибуток, усього	грн.	1135736
16	Сума податку	грн.	340721
17	Чистий результат	грн.	795015
18	Повна собівартість реалізованого товару	грн.	1422239
19	Рівень рентабельності	%	

Вказати, який можливий ризик у процесі вирощування і реалізації с/г продукції, насамперед озимої пшениці, і у якому випадку. Розкрити, що таке «погашення ризику».

Оцінка ризику, якщо посіви загинуть під час зими:

- Ціна насіння ярових зернових=350*2*200=140000 грн.
- Ціна мех. роботи =350:20=17,5 н/см.*4,9=85,75 ум.ет.га*100=8575 грн.
- Оплата праці і нарахування на оплату:

Трактористам-машиністам 17,5*99,06=1734*2,1=3640 грн.

Іншим працівникам 17,5*57,36=1004*2,1= 2108 грн.

Усього: 154323 грн.

Висновки після закінчення гри.

Даний проект допомагає майбутньому агроному вчитися планувати професійну діяльність, керувати колективом, працювати з іншими спеціалістами та добиватися значних результатів, використовувати теоретичні професійні знання на практиці, бути розвиненим та мислити глобально, знаходити вихід зі складних професійних ситуацій, підвищує уміння та навички майбутнього спеціаліста.

Залучення студентів до участі у проектах було націлене на формування здатності самостійного набуття та використання знань з різних джерел інформації. Найбільш ефективно в такого роду проектах розвивалися такі групи професійних умінь:

1. Уміння здійснювати пошук інформації для вирішення завдань.

2. Творчо мислити, аналізувати й систематизувати інформацію.
3. Вміння вислухати думку іншої людини.
4. Вміння публічного виступу.
5. Вміння перетворювати інформацію на електронних і паперових носіях.
6. Вміння представляти результати роботи.

Висновки. Отже, застосування проектних технологій у навчально-професійній підготовці студентів-агрономів дозволяє наблизити майбутніх фахівців до професійної діяльності, а також дозволяє студентам об'єднати теорію і практику, навчає вільному спілкуванню з колегами і найголовніше - активізується професійно-пізнавальна активність, що сприяє закріпленню професійних знань, умінь і навичок.

Література:

1. Джуринский А.Н. История педагогики: Учебное пособие для студентов пед. вузов. М.: Гуманитарный издательский центр «ВЛАДОС», 1999. – 431 с.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 томах. Т. 3. - М.: Прогресс – 1997 - С.832.
3. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: Учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Е.С. Полат, М.Ю. Бухаркина, М.В. Моисеева, А.Е. Петров; Под ред. Е.С. Полат. — М.: Издательский центр «Академия», 2001. — 272с.
4. Пахомова, Н.Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении: Пособие для учителей и студентов педагогических вузов. - М.: АРКТИ, 2003. - 112с. (Метод. биб-ка). 121. Пахомова Н.Ю. Метод проектов в преподавании информатики // Информатика и образование. - 1996. - №1,2. - С. 46-50.
5. Методология учебного проекта. Материалы городского методического семинара. Редактор-составитель Н.Ю. Пахомова. -М.: 2000. – 114 с.
6. Краля Н.А. Метод учебных проектов как средство активизации учебной деятельности учащихся: Учебно-методическое пособие / Под. ред.. Ю.П. Дубенского. – Омск:Изд-во ОмГУ, 2005. – 59с.

Кандрашова Л. И. Активизация учебно-профессиональной активности студентов-агрономов с помощью проектных технологий / Л. И. Кандрашова // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 200-208.

В статье рассматривается суть проектных технологий, этапы работы, классификация и применение в учебном процессе.

Ключевые слова: проектные технологии, проекты, студент-агроном, профессиональная деятельность.

Kandrashova L. I. Essence of design technology, milestones, classification and application in the teaching process / L. I. Kandrashova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 200-208.

The article deals with the essence of design technology, milestones, classification and application in the teaching process.

Key words: projects technologies, projects, students of agrarian, professional activity

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

ТЮРКОЛОГИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

УДК. 821.512.162

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКА ТАТОВ АЗЕРБАЙДЖАНА

Гусейнова Г.

*Национальная академия наук Азербайджана,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Словарный состав языка неизменно подвергается определенным изменениям. Эти изменения непосредственно связаны с изменениями в общественной жизни. В статье исследуется лексический состав языков татов Азербайджана.

Ключевые слова: словарный состав, лексика, таты, заимствования

Постановка проблемы. Некоторые проблемы лексического состава языка татов, проживающих в Азербайджане до сих пор в определенной степени затрагивались как в зарубежном, так и в азербайджанском языкознании, в частности в работах А.Л.Грюнберга «Язык североазербайджанских татов» [1], Т.М.Ахмедова «Azərbaycan və tat dillərinin leksik əlaqələri» (Azərbaycan dilinin Quba dialekti və tat dilinin Qonaqkənd ləhcəsi materialları əsasında) [2], М.И.Гаджиева «Tat dilinin Qonaqkənd ləhcəsi» [3], Г.И.Гусейновой «Lahic tatlarının dili» [4].

Известно, что одной из традиционных форм классификации словарного фонда языка является генеалогическая классификация. В процессе этой классификации лексические единицы языка разделяются соответственно их происхождению. Естественно, что такое разделение в первую очередь даёт возможность дифференцировать в словарном составе того или иного языка два основных пласта:

1) исконные по происхождению слова; 2) заимствования.

В каждом языке исконные по происхождению слова составляют его основной лексический фонд. Каждый язык входит в определённую языковую семью. Языки, входящие в одну и ту же языковую семью, сформировавшись на различных этапах развития, все же обнаруживают определенное сходство или же общие особенности. Разносторонний анализ лексического состава языка, генеалогическая классификация его словарного фонда создают предпосылки и для будущих исследований в области изучения заимствований из этого конкретного языка.

Словарный состав языка неизменно подвергается определенным изменениям. Эти изменения непосредственно связаны с изменениями в общественной жизни. В то же время изменения в словарном составе зависят от языковых контактов носителей языка, порожденных изменениями в общественно-политической, экономической и культурной жизни. Г.Джафаров, характеризуя изменения в словарном составе языка как динамичный процесс, отмечает: «Словарный состав нестабилен и постоянно изменяется, на каждом этапе развития языка, наряду с возникновением но-

вых слов, выходят из употребления старые. И поэтому словарный состав языка производит впечатление отрицания постоянства. Несмотря на все изменения в языке, он не должен оставаться вне поле зрения систематического исследования» [5, 17]. Несомненно, что во всех языках, в том числе и в языке татов Азербайджана наблюдается процесс непрерывного изменения и обновления лексического состава. В татском языке образуются новые слова, его словарный состав пополняется также за счёт заимствований.

Словарный состав языка татов Азербайджана складывается, в основном, из материалов диалектов и говоров, собранных в процессе исследований. Эти исследования явились хорошим началом и подспорьем для дальнейших исследований в данной области.

В исследованиях, посвященных лексике языка татов, слова, составляющие его словарный состав по происхождению разграничиваются на три основные группы: 1) слова общеиранского происхождения; 2) специфическая лексика; 3) заимствованные слова.

В существующих исследованиях слова общеиранского происхождения – это лексические единицы, использующиеся в большинстве иранских языков. В процессе этимологического истолкования выявляются фонетические варианты и близкие по семантике варианты того или иного слова в разных иранских языках. Выявление данных вариантов даёт основание для выделения данного слова как общеиранского. Известно, что «язык, разделенный географически от родственных языков, в отличие от них, развивается и представляет собой совокупность черт, свойственных только ему одному. В то же время, если этот язык начинает делиться, то его диалекты сохраняют общность черт, не смешиваясь с территориально чужими диалектами и свидетельствуют о более тесном родстве. Они действительно создают особые ветви, идущие от одного и того же корня» [6, 343-344]. Язык татов-лагичей, проживающих в Азербайджане, развивался оторванно и от родственных языков, и от языка татов, проживающих вне Азербайджана, и от языка других татов, проживающих в республике. И поэтому есть основание считать, что слова общеиранского происхождения в татском языке составляют древнеиранский пласт в виду давности их бытования в исследуемом языке.

Связи татского и азербайджанского языков имеют многовековую историю и они оказали существенное влияние на лексику татского языка. В результате татский язык не только обогатился за счёт заимствований из азербайджанского языка, но и за счёт образования гибридных слов или гибридных композитов. Гибридные слова или гибридные композиты – это сложные слова, составные компоненты которых принадлежат разным языкам. Данные слова образуются в каждом конкретном языке или же могут быть заимствованы из других языков в «препарированном виде». Учитывая данное положение, в языке татов Азербайджана выделяются гибридные композиты, состоящие из элементов азербайджанского и татского языков, а также гибридные композиты, заимствованные посредством азербайджанского языка. В составе гибридных композитов в татском языке, заимствованных посредством азербайджанского языка, выявляются лексические элементы арабо-персидского и европейского происхождения. Таким образом, словарный состав языка татов Азербай-

джана разделяется на три основные группы: 1) исконная лексика; 2) заимствования; 3) гибридные слова (композицы).

Каждая группа подразделяется на подгруппы. Исконная по происхождению лексика может быть разделена также на говоры. Здесь правомерно было бы разграничение на слова общеиранского происхождения и слова татского происхождения. Необходимо также отметить, что в некоторых говорах языка татов Азербайджана используется очень большое количество слов общеиранского происхождения. К примеру, лексический состав Лагичского говора татского языка состоит, в основном, из слов общеиранского происхождения. Небезинтересно также отметить, что определенная часть этих лексических единиц используется в других говорах татского языка или совершенно без изменений или же подвергшись некоторым фонетическим и семантическим изменениям.

Взаимосвязь и взаимовлияние языков прежде всего отражается в заимствовании слов, т.е. в переходе слова из одного языка в другой. В процессе связей язык адаптирует слова и отдаёт слова. Но позиции языка-источника и языка-реципиента в корне различны. Эти явления зависят от статуса языка-реципиента и от степени доминантности каждого из двух языков. Как правило, слова языка-доминанта очень часто переходят в другие языки. Каждое заимствованное слово влияет на словарный состав языка-реципиента. Таким образом, «заимствование не только обуславливает изменение лексической системы принимающего языка, но и создаёт основу для влияния на другие языки» [7, 176].

Группу заимствованных слов в языке татов Азербайджана целесообразно было бы разделить на три подгруппы: 1) заимствования из азербайджанского языка; 2) заимствования посредством азербайджанского языка; 3) прямые заимствования из других языков.

В подходе к данному вопросу возникает необходимость обратить внимание на ряд моментов. Таты Азербайджана, наряду с другими народами, контактируют также с народами Дагестана, а также с их языками. Это положение создаёт предпосылки для прямых заимствований из этих языков. Скрупулёзный анализ говоров татского языка позволил прийти к заключению, что прямые заимствования из дагестанских языков характерны для Губинского и Хачмазского диалектов Азербайджана. Хотя основной лексический фонд татского языка составляют слова и термины иранского происхождения, всё же в этом языке множество слов и терминов из азербайджанского, арабского, персидского, а также русского и дагестанских языков (лезгинского, крызского, будухского, хуналугского и т.д.). Р.Гейдаров, высказывая своё отношение к языковому союзу в Азербайджане, отмечал, что ввиду того, что страна в течение многих веков располагалась на пересечении торговых путей, обладала богатыми природными ресурсами, всегда находилась в центре внимания соседних народов и захватнических государств, на этой территории расселялись разные этносы и этнические группы, а также были переселены некоторые этносы – по всем этим причинам здесь имелись условия для формирования языкового союза [8, 17].

Татский язык больше всего имел контакты с азербайджанским языком. Весомое положение азербайджанского языка связано с его функциональной спецификой и той ролью, которую он играет в регионе. Одна из его важнейших и решающих

функций – это функция государственного языка. Азербайджанский язык – это официальный государственный язык Азербайджана, обязательный для всего населения республики, использующийся в учебных заведениях и во всех сферах повседневной жизни. И поэтому, на территориях распространения татского языка носители этого языка хотя в повседневной жизни, в разных областях общественной жизни свободно общаются на этом языке, но в средствах массовой коммуникации, в учебных заведениях используют азербайджанский язык как официальный язык. И по этой причине лексический фонд татского языка обогатился с помощью азербайджанского языка словами и терминами, обозначающими различные понятия, отражающими разные сферы общественно-политической жизни. В этой связи А.Л.Грюнберг и Л.Х.Давыдова правомерно отмечают: ...«в условиях интенсивного двуязычия можно сказать, что любое слово, присущее азербайджанскому языку, может использоваться в татском языке и быть понятным всем». По их мнению, слова тюркского происхождения заимствуются как в южных, так и в северных диалектах татского языка, получают в нём гражданство и занимают ведущее положение в языке. Эти авторы приводят в качестве примеров следующие слова: *qeyinata, yara, bulut, daq//doq, qaqlovo, qıskac, kazan, yovluq, vuğuq, yaşov (yaşayış), tütün* и т.д. [9, 284].

Известно, что хотя языки в первую очередь обогащаются за счёт внутренних ресурсов, специфических единиц самого языка, всё же экстралингвистические факторы играют весомую роль в процессе обогащения языка, создают количественные и качественные изменения в фонетической, лексической и грамматической системе языка. С этой точки зрения необходимо на основе материалов конкретного языка глубоко исследовать его взаимосвязи с другими языками и причём изучение заимствований в историко-хронологическом аспекте, а также на основе новейших достижений современной лингвистической науки и определение места заимствований в языковой системе и анализ их функционально-структурных типов, а также выявление их роли в формировании и развитии языка – все эти проблемы вкуче представляют особую значимость.

Но к сожалению, такие проблемы как взаимосвязи татского языка с азербайджанским и другими языками, лингвистическое изучение заимствований из этих языков, хотя и затрагивались в ряде работ, всё же до сих пор не были предметом комплексного исследования. Связи азербайджанского языка с другими языками были исследованы в различных аспектах. Несмотря на то, что заимствования в азербайджанском языке были исследованы по происхождению, всё же исторические связи азербайджанского языка с другими языками, и особенно исследование заимствованных слов из языков малочисленных народов, с которыми он контактировал, не были предметом лингвистического изучения.

Заимствования в татском языке разделяются на прямые и опосредованные. Заимствования в татский язык перешли в основном посредством азербайджанского языка. В татском языке азербайджанизмы занимают особое место. Вместе с тем, татский язык имеет давние исторические связи и другими тюркскими языками. И поэтому определенную часть тюркских заимствований составляет общетюркский пласт. Всестороннее исследование тюркизмов в татском языке представляет особую значимость как для исторической лексикологии татского, так и исторической лекси-

кологии тюркских языков. Другую большую группу заимствований в татском языке составляют следующие:

- 1) заимствования из современного азербайджанского языка (бахış, sona);
- 2) заимствования из русского языка (quruşqə, akuşkə);
- 3) арабо-персидские заимствования (xollu, qal, olım);
- 4) заимствования из дагестанских языков (fərzənd);
- 5) заимствования из семитских языков (ивритский язык) (bahur, kadim).

Выводы и перспективы. Таким образом, заимствования в татском языке прямо или опосредованно обогатили его лексический состав новыми словами и терминами, подняв его на качественно более высокий уровень.

Литература:

1. Грюнберг А. Л. Язык североазербайджанских татов / А. Л. Грюнберг. – Ленинград, 1963.
2. Əhmədov T. M. Azərbaycan və tat leksik əlaqələri (Azərbaycan dilinin Quba dialekti və tat dilinin Quba ləhcəsi materialları əsasında) / T. M. Əhmədov. – Bakı, 1969.
3. Hacıyev M. İ. Tat dilinin Qonaqkənd ləhcəsi / M. İ. Hacıyev. – Bakı, 1971.
4. Hüseynova G. İ. Lahic tatlarının dili / G. İ. Hüseynova. – Bakı : Nurlan, 2002.
5. Cəfərov Q. Azərbaycan dilinin leksik-semantik sistemi / Q. Cəfərov. – Bakı : Elm, 1984.
6. Ferdinand de Sössur Ümumi dilçilik kursu / Ferdinand de Sössur. – Bakı : BDU, 2003.
7. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – Киев : Высшая школа, 1974.
8. Heydərov R. A. Dillərarası əlaqələr və dillərin inkişafı. Fil.e.nam : diss. avtoferatı / R. A. Heydərov. – Bakı, 2008.
9. Грюнберг А. Л. Татский язык. Лексика / А. Л. Грюнберг, Л. Х. Давыдова // Основы иранского языкознания (новоиранские языки). – Москва : Наука, 1982.

Гусейнова Г. Загальна характеристика лексичного складу мови татів Азербайджану / Г. Гусейнова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 209-213.

Словниковий склад мови незмінно піддається певним змінам. Ці зміни безпосередньо пов'язані із змінами в суспільному житті. У статті досліджується лексичний склад мов татів Азербайджану.

Ключові слова: словниковий склад, лексика, тати, запозичення

Guseynova G. General characteristics of the lexical structure of the language Tats in Azerbaijan / G. Guseynova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 209-213.

Vocabulary of a language constantly undergoes certain changes. These changes are directly related to changes in society. This article examines the lexical composition languages Tats in Azerbaijan.

Key words: vocabulary, vocabulary, Tats, borrowing

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК . 821.512.162

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ КУЛЬТУРНОГО ГЕРОЯ-ДЕМИУРГА В МИФОЛОГИИ

Касумова Ф.

*Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье рассматривается культурный герой-демиург – древнейший персонаж мифологии, которая является результатом обобщения трудового опыта, а мифы о культурных героях с самого начала поэтизируют творческие возможности человека, хотя их и относят к доисторическому времени.

Ключевые слова: мифология; культурный герой; демиург; первопредки.

Постановка проблемы. Культурный герой-демиург – древнейший образ мировой мифологии. Более архаическими можно считать только персонажи тотемных предков – полулюдей-полузверей.

Повсеместно деятельность культурных героев относятся к далеким мифическим временам [8, 251; 9, 44]. Современное состояние мира рассматривается как результат их действий. Поэтому мифы о культурных героях богаты этиологическими мотивами, т.е. объяснениями происхождения различных явлений природы, особенностей культуры и быта [7, 15].

Культурные герои создают современный рельеф местности, правильное чередование прилива и отлива, времен года, добывают солнце, месяц и звезды, приносят огонь и пресную воду, предназначают в пищу человеку те или иные растения или животных, обучают человека различным приемам охоты и земледелия, изобретают орудия труда, вводят деление на тотемные группы, роды, брачные классы, устанавливают правила поведения, обычаи и обряды. Культурные герои - первые люди и одновременно создатели или "воспитатели" людей. Завершив свои дела, они уходят в землю или на небо, где превращаются в звезды или уплывают в безбрежный океан. Далеко не всегда поступки демиургов носят целенаправленный характер. Очень часто важнейшие черты ландшафта и культуры оказываются следствием совершенно случайных обстоятельств их жизни, а вовсе не плодом сознательных творческих усилий. Первобытная мифология не дифференцирует в достаточной степени природу и общество. Социальные институты изображаются тождественно с природными явлениями. Поэтому, с одной стороны, происхождение родовой организации и правил общественного поведения описывается как естественный процесс, тождественный процессу создания ландшафта; с другой стороны, добывание света небесных светил сближается с изобретением огня и орудий труда как создание условий, необходимых для нормальной жизнедеятельности людей. В сказаниях о создании элементов культуры более отчетливо проявляется сознательная целеустремленность демиургов, их стремление организовать жизнь людей и облегчить их труд. Эти сказания проникнуты пафосом покорения природы, подчинения ее человеку.

Очень характерно, что свет, огонь, пресную воду, семена злаков и орудия труда культурному герою приходится иногда отнимать у их первоначальных хранителей - животных, злых духов-людоедов, колдунов или у старух, образ которых особенно характерен для древнейших австралийских и меланезийских мифов. Похищение элементов культуры, чаще всего тайно, с помощью хитрости - обычная тема мифов о культурных героях [3, 336-337].

Как отмечают Е.М.Мелетинский, «параллельно или стадияльно позднее возникают мифы об изготовлении природных или культурных объектов демиургом с помощью гончарных, кузнечных и других орудий (элементы дифференциации между собственно культурными героями и демиургами отразились в мифах, где наметилось начало различения природы и культуры)... В архаических же мифологиях представления о первопредках – демиургах – культурных героях переплетены между собой, вернее, синкретически не расчленены» [4, 25].

Едва ли нужно доказывать, что творцам мифов чуждо историческое мышление. Общественное устройство, обычаи и навыки (конечно, в масштабах племени) мыслятся как неизменные и незыблемые. Успех или неуспех целиком зависит от строгого соблюдения традиционных предписаний. Все существующее однажды возникло в мифическую эпоху как результат действий культурного героя или тотемных предков. Если же устанавливается новый обычай, изобретаются более совершенные орудия труда или приемы хозяйственной деятельности, то вслед за тем появляются и новые мифы, в которых нововведение переносится в мифическую эпоху и приписывается культурному герою, получая тем самым определенную санкцию, законность [3, 337].

Не вызывает сомнений связь между культурным героем и богом. Любой культурный герой, даже не имея прямого отношения к нуминозному, наделен божественными чертами. Грань между культурным героем и богом порой отсутствует. Многие боги наделены чертами, свойственными культурным героям. Боги творения, боги закона, боги войны – в каждом из них присутствует аспект культурного героя. Равно как вполне "земной" культурный герой богоравен, либо ведя род от богов, либо будучи признан последними равным себе. Богосущность – аспект как культурных героев архаической эпохи: Гильгамеша, Йимы, так и культурных героев исторического периода: Кира Великого, Александра Великого, Августа [10].

В мифах о культурных героях идеализируется творческая деятельность человека. Но в моральном отношении, особенно в архаических версиях, культурные герои не идеализируются и их приключения и неблагоприятные поступки служат людям как бы в назидание, давая примеры и того, "как надо", и того, "как нельзя". Известная снисходительность к нарушению культурными героями установленных правил отчасти объясняется тем, что они действовали в эпоху творения, до установления строгого миропорядка.

В чем заключались функции культурного героя? Их можно определить как мироустройство, причем как определяющее мироустройство, так как под понятие "мироустройства" можно подвести абсолютно любое человеческое деяние – как позитивное, так и негативное, как макрокосмическое, так и микроскопическое.

Космизация под силу далеко не каждому герою, но лишь культурному герою божественного ряда, причем первому, изначальному поколению культурных героев – Гильгамешу, Йиме, Прометею, Мауи. Более поздние культурные герои эпохи эпического героизма способны лишь на частичную "космизацию".

Процесс гармонизации хаоса проявляется в различных аспектах. Это миротворение: от высшего, демиургического к вполне земному, "бытийному". Для Индры – это разделение мира; для Прометея – сотворение, воссоздание человека и организация человеческой жизни; для Йимы – организация упорядоченного мира, космоса посреди хаоса неоформленных стихий; для Гильгамеша – сооружение стен Урука, что тождественно вычленению из хаоса организованного космоса.

Но преодоление безраздельного хаоса и космизация – лишь первый, хотя и самый значимый акт мироустройства. Культурному герою назначено обустраивать мир бесконечно. Он должен избавить мир от порождений хаоса, какими подразумевались разного рода чудовища и враждебные народы. Т.е. культурный герой выступает в роли защитника. Большинство культурных героев выделяются именно этой функцией. Гильгамеш побеждает соседнего царя Агу, убивает великана Хумбабу, побеждает Небесного быка. Геракл, отмеченный чертами культурного героя, истребляет целые сонмы нечисти. Ему "способствуют", обустраивая гармонию мира, Беллерофонт, Тесей, Персей...

Не менее важной функцией являлось дарование всевозможных благ. Прометей даровал людям огонь, пищу, знания, а Деде Коркут - музыкальные инструменты. Не меньшее для человека сделал полинезийский герой Мауи – человек, принимавший образ птицы. Он также добыл первый огонь, а кроме того, изобрел копье, рыболовный крючок, построил лодку, поймал сетью солнце, заставив его двигаться медленнее [1, 119-121].

И, наконец, важнейшим мотивом культурных героев было стремление одарить людей бессмертием, а точнее, вернуть бессмертие, украденное богами. На указанном поприще "отметились" Гильгамеш, Мауи, Урал-батыр (эпический герой, но с чертами героя культурного).

Е.М. Мелетинский выделяет особую категорию демиургов – «демиурги-первопредки», или «тотемные культурные герои». Эти мифологические персонажи моделируют коллектив и являются носителями мифологических традиций в целом. Тотемные культурные герои, согласно исследованию Е.М.Мелетинского, являются медиаторами между «временами сновидений» и современными людьми и задают своеобразный природный код для классификации различных явлений, прежде всего социальных [4, 178].

Думается, что другой главной функцией тотемного героя, помимо консолидации социума, является сближение природы и культуры. Тотемные культурные герои могут образовывать близнецные пары, где один из близнецов созидает все положительно-значимое для человека, а другой является носителем демонизма, внося в социальный мир отрицательно значимые компоненты. Так тотемические мифы переходят в близнецные, а в мифологии появляется культурный герой – трикстер. Трикстер как культурный герой, с одной стороны, сохраняет положительные компоненты старого в социуме, с другой, привносит новые социальные изменения, традиции,

обряды, он открыватель нового, находится на грани между новым и старым в обществе, поэтому, с одной стороны, его любят, с другой – боятся и ругают. Интересна включенность трикстера в оппозицию «мужское – женское», где женское является стабилизирующим элементом социума, а мужское – вносящим инновации [2, 63-71].

Итак, целью культурного героя являлось устройство мира, причем не просто некое абстрактное устройство, но устройство антропоцентрического порядка, т.е. с человеком как основополагающей частью мира. В связи с этим культурный герой часто противопоставлен богам, проявляя такую яркую черту своего характера как богоборчество.

Не вызывает сомнений, – о чем говорилось выше, – что богоборчество, как аспект качеств культурного героя, первоначально – шаманская черта. Магическим искусством владели многие культурные герои, в том числе и божественного "статуса": шумерский Эреду, греческий Прометей, иранский Йима, скандинавские Локи и Один, мордовский Тюштян...

Уже в силу своей претензии властвовать над природой шаман, приобретший статус культурного героя, противопоставлен богам, как силе, также претендующей властвовать – и не только над природой, но и над человеком. Человек, имея силу и благодаря этой самой силе основание на власть, не желает подчиняться, выступая против богов.

Культурные герои воспринимают богоборчество как благо. Их цель вообще – удовлетворить все потребности человека, добыть для него блага. Добыть любым путем, даже через хитрость и коварство. Даже через дисгармонию. Что характерно, культурный герой не только осуществляет космизацию через преодоление хаоса, но и нередко обеспечивает частичное восстановление или оставление хаоса, что объяснимо – мир способен существовать и развиваться лишь при условии дихотомии, а, значит, наряду с космосом непременно должен существовать хаос, причем не изначальный, который сохраняется за пределами мира сам по себе. Герой вносит элементы социального хаоса, выражающиеся эгоизмом, жадностью, коварством, чрезмерным эротизмом [10].

Образ культурного героя, особенно значимый в архаических мифах и выполняющий функцию медиации между природой и социумом, обнаруживает множество общих черт с фигурой шамана. С появлением шамана как социального деятеля происходит передача функций от мифического персонажа к реальному лицу, переход от архетипической мифологемы к социально значимой фигуре и развитие наряду с коллективными представлениями индивидуального самосознания [6, 34].

Выводы и перспективы. Таким образом, на почве религиозных представлений культурный герой может эволюционировать к богу, пророку и шаману, на почве народного художественного творчества он может превратиться в героя эпоса. Героизация культурного героя достигла высшего развития в образах Прометея, Огузхана, Манаса и др.

Литература:

1. Бирлайн Дж.Ф. Параллельная мифология / Дж.Ф. Бирлайн. – М., 1997. – 336 с.
2. Иванова Е. В. К проблеме нового культурного героя в мифотворчестве XX века / Е. В. Иванова // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 34. – С. 63-71.

3. Мелетинский Е.М. Избранные статьи. Воспоминания / Е. М. Мелетинский. – М., 1998. – 576 с.
4. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – М., 1976. – 407 с.
5. Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / [гл.ред. С. А.Токарев]. – М., 2000. – Т. 2. – 720 с.
6. Нам Е. В. О некоторых истоках шаманского мировоззрения (культурный герой шаман) / Е. В. Нам // Вестник Томского Государственного Университета (Общественно-научный периодический журнал). – 2012. – № 358. – с. 34 – 38.
7. Самозванцев А. М. Мифология Востока / А. М. Самозванцев. – М., 2000. – 384 с.
8. Bəydili С. Türk mifoloji sözlüyü / С. Bəydili. – Bakı, 2003. – 418 s.
9. Hüseyinoğlu K. Mifin mənşəyi, mahiyyəti və tipologiyası / K. Hüseyinoğlu. –Bakı, 2010. – 180 s.
10. <http://mifologiya.com/>

Касумова Ф. Сутність і функції культурного героя-деміурга у міфології / Ф. Касумова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 214-218.

У статті розглядається культурний герой-деміург - найдавніший персонаж міфології, яка є результатом узагальнення трудового досвіду, а міфи про культурних героїв із самого початку поетизують творчі можливості людини, хоча їх і відносять до доісторичного часу.

Ключові слова: міфологія; культурний герой; деміург; першопредки.

Kasumova F. Essence and function of cultural hero-demiurge in mythology / F. Kasumova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 214-218.

The cultural hero-demiurge is an ancient personage in the mythology. Arising as generalizing the working experiment the myths about the cultural heroes from the beginning make the poetry of the creative possibilities of the man, though they also concern before the historical time.

Key words: mythology, cultural hero, demiurge, ancestors.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.512.162

ГУСЕЙНГУЛУ САРАБСКИ И БАКИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Сафарова М.

*Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В отношении Г. Сарабски к бакинскому фольклору ярко выражаются жизненное содержание, лирические, драматические и сатирические краски, богатство индивидуальных и типичных, общественных и психологических мотивов. В статье исследуются труды Г.Сарабского о Бакинском фольклоре.

Ключевые слова: Гусейнгулу Сарабски, Бакинский фольклор, искусство

Постановка проблемы. Большую часть публицистики Г.Сарабского составляет его характеры, особенно обширная информация о Бакинском фольклоре. Если в актерской деятельности он известен как драматический и трагический актер, в публицистской и творческой деятельности он проявляется во всей красе сатирического стиля. Создавая свои произведения, он хотел очистить жизнь, общества от уродливых и дефективных проявлений. Например, когда он писал о Бакинском фольклоре, особенно о свадебных обрядах, которые являются неотъемлемой частью фольклора, он показывал свою привязанность к древним традициям своего народа, и критиковал проявления, пользующиеся ими в корыстных целях и превращающих их в источник доходов. Судьбу незнакомых молодых людей решали свахи, сводницы и знакомые, встречающиеся в женских банях. Критику и иронию Г. Сарабски использовал как жало, будто бы стрелок метко пользуется своим оружием. Смело можно сказать, что читая эти публицистские произведения, все могут взять от них то, что им нужно, и соответственно получить свое наказание. Паразитные элементы, которые не оценивают сцену и искусство, используют фольклор в своих целях, искажающих древние обычаи и обряды, целыми днями занимающихся петушиными и собачьими боями, приговорены к моральной смерти и «расстреливаются» огнем высмеивания со стороны Г. Сарабского.

Эти чувства и общественный уклон являются характеризующими чертами публицистики Г. Сарабски. Можно отметить еще две стороны, излагающие и характеризующие его записи о Бакинском фольклоре. Наблюдательность, знания в области жизни, характеров и умение подняться на вершину творчества и художественного исполнения.

В отношении Г. Сарабски к Бакинскому фольклору ярко выражаются жизненное содержание, лирические, драматические и сатирические краски, богатство индивидуальных и типичных, общественных и психологических мотивов. Это доказывает, что он является врожденным талантом и совершенным в своем деле деятелем искусств. Наряду с тем, что он являлся актером с чувством действительности и глубокими мыслями, также был исследователем, имеющим многостороннее творчество и навыки наблюдателя.

Что стало причиной того, что Г. Сарабски обратился к Бакинскому фольклору? В первую очередь, любовь и привязанность к народному творчеству и его традициям. Г. Сарабски в произведении «Старый Баку» представляет прошлую жизнь Баку так, что читатель воспроизводит все эти картины перед своими глазами: бедные, грязные и узкие улицы, вооруженные хулиганы, священнослужители, грязные комнаты мусульманских духовных училищ, невежественные люди проводящие время на собачьих боях, развлечения на празднике Новруз, свадебные обряды.

Г. Сарабски родился и вырос, жил и творил в Баку. Может быть, знакомство с образом жизни, жизненными действительностями, социальным положением Баку связано с этим. С детства Г. Сарабски находился в этой среде и был свидетелем традиций, ритуалов, обрядов, семейно-бытовых проблем, национально-культурных традиций, игр и развлечений, различных поверий, народных примет, религиозных взглядов и мировоззрения, свойственных характерных сторон, типических особенностей бакинцев, этнографии, одним словом, всех особенностей Баку, усваивал и применял их. Особенно произведения, собранные в книге «Старый Баку» являлись выражением души мастера, ставшего свидетелем всех жизненных сторон и мужественно противостоящего трудностям.

Традиции жителей Баку, праздники, игры, занятия, тогдашняя бедная жизни азербайджанского народа демонстрируется в широкой форме. Все это можно увидеть в произведениях под заголовком «Свадьба богатых» и «Свадьба бедных», в которых фольклор выражается более типично.

«Свадьба богатых продолжалась 7 дней и 7 ночей. На второй день свадьбы дворовые невежды ели плов. На третий и четвертый день стол накрыли для аксакалов. На пятый, шестой день за одним столом собрались друзья и знакомые. На седьмой день вновь были приглашены аксакалы. Однако, свадьба бедных продолжалась не более двух дней. Свадьбы проводятся в казармах и больших складах. Они заимствовали у соседей ковры, паласы и стелили их на пол. Вешали на столбы лампы, взятые у соседей» [53, 101].

Его мысли об играх и развлечениях, являющихся основными элементами Бакинского фольклора, очень ценны и важны. Г. Сарабски сумел внимательно исследовать и собрать игры и развлечения, потому, что совершал этнографические поездки в различные места Баку и Азербайджана, точнее, неоднократно участвовал на свадьбах и религиозных обрядах. Среди них можно указать прятки, салки, бабки и т.д.

Мысли Г. Сарабски о Бакинском фольклоре знакомят читателей с разнообразными образцами устного творчества, помогают осознать мудрые особенности народа, геройскую славу, творение добра, любовь к родине, матери, верность к возлюбленной.

Что является секретом притяжения в творчестве Г. Сарабски и безграничной любви зрителей к его искусству?

Г. Сарабски является воспитанником Апшерона, точнее, города Баку, являющегося его культурной колыбелью. Источники и корни созидания творчества великого мастера можно найти в народных песнях, в сокровищнице мугама, выражающих печали и радости народа.

Детство, юность и молодость Г. Сарабски прошла в трудностях. Трудовая жизнь, творческий путь Г. Сарабски – это путь терпения, выносливости, продолжительного и эффективного труда. Он развивал свой талант трудом, обучением и знаниями, раскрывал новые пути искусства, сказал свое слово в исполнительском искусстве и оставил после себя великолепную школу.

Стремление к исполнению песен зародилось у Г. Сарабски с детских лет. Первым уроком для Г. Сарабски были народные песни, элегии, исполняемые на религиозных мероприятиях. Творчество Г. Сарабски зародилось от мугама, и воспитывалось им. Простота, искренность и тепло, характеризующие его исполнительские особенности получены именно из этого источника. У него был очаровательный и очень красивый голос, редкая музыкальная память. В результате длительной певческой практики он сумел добиться результатов в направлении глубокого изучения азербайджанской национальной музыки, исполнения и пропаганды. Он являлся знатоком нескончаемого количества народных песен, богатых и сложных мугамов. Г. Сарабски был незаменим в знании мугама, в умении ощущать содержание, форменные особенности, информационную красоту народной музыки, в мастерском разнообразном, душевном исполнении фольклорных произведений.

Выводы и перспективы. Г. Сарабски также был великолепным актером. Известно, что актерство в опере требует двойного мастерства. Каждый актер оперы, выходя на сцену, наряду с исполнением трудной партии, также, должен уметь дополнять исполнение своими движениями, то есть, его пение и игра должны быть единым целым. С этой точки зрения, в творчестве Г. Сарабски всегда чувствовалась искренность. Когда он исполнял партию Меджнуна в «Лейли и Меджнун» он мастерски выражал свои мысли и чувства. Г. Сарабски умел выражать мысли чувства исполняемого произведения, как свои мысли и чувства. Он глубоко понимал содержание и смысл исполняемого произведения, полностью определяет для себя отношение к произведению и цель исполнения. Это качество создает возможность общения между исполнителем и зрителем, повышает силу воздействия исполняемого произведения. Зрители всегда чувствовали оригинальность в исполнении этого мастера, однако, это нужно связывать не только с врожденным талантом исполнителя, но и с сознательным отношением к стихам и музыке исполняемого произведения. Г. Сарабски в одинаковой мере знал цену слов и голоса, стихов, музыки и движения на сцене, и стремился к их органическому единству, гармоничному синтезу. Его мастерство в направлении стихов, исполнения и актерства было неповторимым.

Литература:

1. Сарабский Г. Музыкальная энциклопедия / Г. Сарабский ; [гл. ред. Ю. В. Келдыш, Т 4. Окунев – Симович]. – Москва : Советская энциклопедия, 745 с.
2. Сарабский Гусейнкули : [Электронный ресурс] , режим доступа : <http://dic.academic.ru/dic.nsf>.
3. Сарабский Гусейнкули : [Электронный ресурс] , режим доступа : <http://wapedia.mobi/ru>.

Сафарова М. Гусейнгулу Сарабскі і Бакинський фольклор / М. Сафарова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 219-222.

У відношенні Г. Сарабскі до бакинському фольклору яскраво виражаються життєвий зміст, ліричні, драматичні та сатиричні фарби, багатство індивідуальних і типових, громадських і психологічних мотивів. У статті досліджуються праці Г.Сарабского про Бакинському фольклорі.

Ключові слова: Гусейнгулу Сарабскі, Бакинський фольклор, мистецтво

Safarova M. Huseyngulu Sarabski and Baku Folklore / M. Safarova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 219-222.

There are such cultural figures who made a big contribution to prosperity and development of national theater and their activity reflects in itself creative force of the people, development of national consciousness and culture. Life and activity of such art workers are directly connected with public and cultural development. In article the relation Sarabski to the Baku folklore is investigated.

Key words: Huseyngulu Sarabski, Baku folklore, art

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 821.512.162

ЖАНРОВАЯ ОСОБЕННОСТЬ НАРОДНЫХ ПОГОВОРОК

Алиева Э.

*Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье рассматриваются пословицы и поговорки, приводятся признаки их разграничивающие, рассматривается жанровое своеобразие народных поговорок.

Ключевые слова: поговорка, пословица, жанр, фольклор

Постановка проблемы. В качестве одного из надежнейших источников, подтверждающих своеобразную особенность народных поговорок с точки зрения жанра, большое значение имеют «эмсал» (на арабском имеет одинаковые корни со словом «поговорка»). Самым характерным примером подобного типа эмсалов может быть показан «Меджмуаул-эмсали-Магомедали», изданный под названием «Огузнаме». Этот незаменимый источник, выявленный в свое время в библиотеке факультета востоковедения Ленинградского (нынешнего Санкт-Петербургского – Э.А.) Государственного Университета доктором филологических наук, профессором Саметом Ализаде, отражает в себе около двух тысяч пословиц и народных поговорок.

Данная книга, изданная покойным ученым-языковедом под названием «Огузнаме», может считаться и оцениваться как первая инициатива с точки зрения своеобразного характера народных поговорок, как образных выражений.

Будучи образным выражением, народные поговорки исторически представлялись как отдельные термины и понятия, что не создавало возможности для установления их индивидуальной специфики как жанра, эти ценные жемчужины фольклора собирались и издавались параллельно и наравне с пословицами, являющимися другими видами образного выражения, в форме «сава» (сав), «поговорки», «поговорок», «дарбимасал», «зарбимасал», «зарб-масал».

Подобный подход, естественно, не позволял изучать и исследовать народные поговорки, как отдельный жанр.

Причины представления пословиц и народных поговорок вместе в образных выражениях под названием «сав», начиная с отдельных памятников письменности, на основе богатых фактов и примеров выявляет схожие, а также отличительные особенности обоих фольклорных жанров, специфические признаки, характеризующие паремиологические единицы.

Такие памятники раннего средневековья, как «Кюль тигин» (южная сторона, строка 5, 6), «Бильгя хаган» (восточная сторона, строка 1), «Тонюкук» (строка 12, 30, 36), «Ирк-битик» («Фалнаме») (строка 12), в том числе серия «Огузнаме», рассказывающая о жизни и быте, истории битв и борьбы тюркских народов и объединений племен, привлечены к исследованию в качестве источников, создающих наглядное представление о фольклоре и этнографии тюркской этнической культурной системы, образные выражения, имеющие свое место в этом богатом наследии в свя-

зи с различными обстоятельствами и ситуациями, были проанализированы и истолкованы на основе вышеназванных источников, как надежные первоисточники.

Частота использования понятия сав в последующих памятниках, его лексические и семантические особенности, смысловые оттенки были рассмотрены со ссылкой на величественный эпос «Китаби – Деде Горгуд», являющийся главной книгой огузских тюрков, было выявлено, что встречающиеся в отдельных разделах эпоса слова «савган» и «савсын» имеют совершенно различные лексические смыслы и содержания. Наряду с этим, в результате исследований, проведенных над многочисленными образными выражениями, данными в «Предисловии» эпоса, на конкретных примерах было установлена схожесть большей части этих образцов именно с формой и моделью (структурой) народных поговорок, а также отражение в них в большинстве случаев всех характерных моментов и преимуществ жанра.

С точки зрения обработки паремиологических образцов в прозе и в стихах, эпос может считаться одним из незаменимых источников. К примеру, неправильно представлять характерное образное выражение «Сын является продолжателем отца, он свет его очей» в «Предисловии» эпоса, как обычное выражение, замкнутую модель речи, несущую определенные сведения и информацию. Этот текст привлекает внимание как образец, основанный на определенной рифму и ритм, гармонию и деление. Известно, что многие образцы устной народной литературы обладают особенностью играть роль основной базы и источника и для других жанров. Такие внутржанровые переходы активно участвуют в формировании народных поговорок. Так как закономерности перехода от пословиц к народным поговоркам, от народных поговорок к пословицам в достаточной степени обоснованы во многих исследованиях и изучениях, нет нужды останавливаться на данном вопросе подробно.

Анализ и исследования самых характерных образцов других фольклорных источников, переходящих к народным поговоркам, подробно открывает образные выражения, переходящие из анекдотов, преданий, ашугских стихов, в том числе эпосов в народные поговорки полностью, а иногда с исключением отдельных сторон и компонентов.

Эквивалент подобного типа народных поговорок рассматривается в примере других тюркских географических ареалов, проявление чисто территориальных и региональных незначительных различий только в отдельных образцах слов и выражений, еще раз подтверждает, что духовно-моральная близость родственных с точки зрения корня и происхождения народов становится более выраженным благодаря таким фактам. К примеру, паремиологическая единица «Из дождя да в ливень» (Из огня да в полымя), широко распространенная в азербайджанской устной народной литературе, в гагаузском фольклоре употребляется в виде «Из дождя да в град». Это также можно увидеть в образце оборота «Лучшие груши в лесу достаются шакалам». Употребление в гагаузской словесной литературе «Лучшие яблоки достаются свиньям» может послужить наглядным примером вышеотмеченных особенностей.

Такие образцы можно увидеть на примере конкретных текстов в Керкюкско-туркменском фольклоре.

Наряду с участием народных поговорок в живом общении, речевом обмене, их пригодность для выражения своеобразного чувственно-эмоционального настроения и влияния в письменной (авторской) литературе прослеживалась в творчестве из-

вестных мастеров Азербайджанской, Восточной и мировой литературы, сформировано наглядное представление о характерных сторонах авторских оборотов, развившихся до уровня мудрых сказаний.

Народные поговорки отличаются от других образцов словесной литературы с точки зрения формы и содержания.

Как известно, под формой предусматривается основное структурное строение народных поговорок, методы их образования из шаблонов и средств, как закрытая речевая модель. К примеру, шаблон-модель «Старая баня, старое корыто» привлекает внимание с точки зрения отражения всех особенностей, свойственных народной поговорке. В этом обороте, образовавшемся путем повторения прилагательного-эпитета «старый», структура предложения также неполная, здесь отсутствует сказуемое, и восстановить его невозможно. Этот пример, отражающий с точки зрения семантического смысла неизменную, необновленную сущность чего-либо, безусловно, демонстрирует обладание совершенным содержательным планом в связи с живой речью.

Как отмечено выше, народные поговорки образуются различными способами и средствами. По этой причине, склонность их к изменчивости и «нестабильности» с точки зрения разнообразия формы вытекает из естественной закономерности. Надо особо подчеркнуть, что подавляющее большинство образцов, ставших народными поговорками в виде готовой формы-модели, наряду с собой сохраняет достоинства, являющиеся главным требованием данного жанра, что тесно связано с «восстановлением» события и истории, излагаемой в тексте.

В народных поговорках, как и в письменной литературе, форма и содержание запоминается особенностью к склонности реализовать возможности во внутреннем единстве.

Народные поговорки сгруппированы и классифицированы в следующем порядке:

1. Народные поговорки об исторических личностях.
2. Народные поговорки, возникшие в связи с религиозно-мифическими личностями.
3. Народные поговорки, возникшие при участии понятий и топонимов, связанных с религиозными сектами и содержащих названия священных мест.
4. Народные поговорки, сформированные непосредственно в связи с именами и названиями (имена людей, названия городов, гор и рек).

Отношение сказителя-информатора к рассказываемому в тексте событию и ситуации реализуется различными способами и средствами. Отношение к образному выражению в действительности осознается и воспринимается как отношение к рассказываемому событию и ситуации.

Событие и событийная основа в народных поговорках имеет большую ценность, как главное условие и компонент. Одним из заслуживающих внимания моментов является то, что сами народные поговорки связаны с соответствующим событием и ситуацией, в этом смысле необходимость отношения к основному событию и подробностям неопровержима. Это, конечно же, излагается различными способами; иногда во вспомогательных выражениях и словосочетаниях, используемых перед поговоркой, как «есть такая поговорка», «неспроста сказали наши отцы», «к слову тюрка», можно устанавливать конкретное отношение к событию, ситуациям, указывающим на событие.

В письменной литературе, в частности, художественной прозе это служит благоприятным стимулом для полного и всестороннего раскрытия и познанию образа или характера.

Выводы и перспективы. Подавляющее большинство народных поговорок содержит имена конкретных лиц, исторических личностей, названия мест и территорий, что излагается в контексте определенного события. В этом смысле, безусловное название паремиологических единиц, связанных с именами лиц, народными поговорками, не вызывает споров. Например, образное выражение «И Али дурак, и Вали дурак», при использовании в конкретных условиях и ситуации, выражает точное содержание и адрес. Конечно же, это образное выражение можно встретить в некоторых территориях и географических пространствах в полной форме. Полностью данное образное выражение звучит так: «И Али дурак, и Вали дурак, и ни одного умного».

Конечно же, здесь показатель имени условный, условное имя в определенной ситуации приобретает конкретность, дает возможность внести точность в описываемое в тексте событие.

Литература

1. Гаврин Г.С. К вопросу об отличии пословицы от поговорки / Г. С. Гаврин // Уч. зап. Пермского педин-та. – Пермь, 1958. – с. 23 – 46.
2. Даль В. И. Напутное / В. И. Даль // Пословицы русского народа. – М., 1957. – с. 6 – 31.
3. Морозова Л. А. Пословицы и поговорки / Л. А. Морозова // Вестник МГУ. – 1972. – № 2. – Серия 10. Филология. – с. 57 – 65.
4. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка / А. А. Потебня. – Харьков, 1914.
5. Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова. – М., 1961.
6. Снегирев И.М. Русские пословицы и притчи / И. М. Снегирев. – М., 1995.
7. Штокмар М. Стихотворная форма русских пословиц, поговорок, загадок и прибауток / М. Штокмар // Звезда Востока. – 1965. – № 11. – с. 149-163.
8. <http://pogovorki.net/>

Алієва Е. Жанрова особливості народних приказок / Е. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 223-226.

У статті розглядаються прислів'я та приказки, наводяться ознаки їх розмежовують, розглядається жанрова своєрідність народних приказок

Ключові слова: приказка, прислів'я, жанр, фольклор

Aliyeva E. Genre features of the proverbs / E. Aliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 223-226.

Proverbs are bordered by the proverbial sayings and they are often confused. Proverbs, sayings a complete thought expressed in a sentence. Proverb is figurative, expressive in its form an element of judgement. Being a carrier of voice expression, saying should be accounted for as a metaphor for suspension or suspension compared.

Key words: Proverbs, proverbial sayings, genre, folklore

Поступила в редакцію 03.09.2012 г

УДК. 81-13

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ТОПОНИМАХ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

А. А. БАКЫХАНОВА «ГЮЛИСТАНИ-ИРЕМ»

Амрахова М.

Институт языкознания им. Насими Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку,
Азербайджан, e-mail: azfolklor@yahoo.com

На материале произведения А.А.Бакиханова «Гюлистан-Ирем» рассматриваются факты замены согласных в начале, в середине и в конце слова в составе топонимов, что представляет собой характерное явление для большинства тюркских языков и их диалектов и говоров.

Ключевые слова: фонетика, гласные, согласные, А.А.Бакиханов

Постановка проблемы. Выявление наблюдаемых в топонимах фонетических явлений с системным их изучением имеет важное значение. Различные изменения в фонетической структуре слова характерно для топонимов. Фонетические явления порождает поток речи. Место использования звуков и их соседство становится причиной подверженности их различными изменением при речи. Замена в зависимости от положения, занимаемого тем или иным звуком и под воздействием других звуков, считается фонетическим изменением. Подверженность любого слова фонетическому изменению, наряду с другими факторами, в то же время зависит и от степени интенсивности его участия в потоке речи. По сравнению с другими лексическими единицами, интенсивность специальных названий, в том числе и топонимов, в потоке речи более высока. Поэтому происхождение периодических изменений в звуковом составе топонимов естественно. «Изменения, происходящие в качестве разговорных звуков, точнее, их замена другими звуками, не может помешать их лингвистическим задачам, то есть различению и узнаванию морфемов» [8, 45]. Это крайне важно и с точки зрения устранения искажений, возникших по определенным причинам в названиях, уточнения названий, упорядочивания фонда топонимов во время исследований, проводимых в данном направлении. С этой точки зрения такие произведения, как «Гюлистан-Ирем», выступают в роли ценного исторического источника для исследователя. При анализе отображенных в произведении различных топонимов и их сравнении с современными вариантами наблюдаем различные фонетические изменения, преимущественно замену звуков. Рассмотрим примеры:

a~e. *Eniq*. Это явление замены, встречающееся в составе топонима *Eniq* из произведения, считается одним из характерных особенностей, присущих тюркским языкам. Профессор Э.Азизов отмечает существование подобной замены во многих тюркских языках, включая и уйгурский. Замену **a~e** можно наблюдать и в эпосе «Деде Коркут». Это явление палатализации, характерное для наших диалектов и говоров, присутствует и в составе слов, перешедших их тюрко-азербайджанского языка в фарси: *qeumaq, yeqlaq, qeytan, qeys, qeysi, qeyçi* [4, 142]. Явление звукозамены **a~e** широко распространено и системе топонимов. Исследовательница Т.Бахшиева примером это-

му приводит отображение широко распространенного в тюркском ареале ойконима **Abdal** как *ebdal* в первой части названия населенного пункта *Ebdal-aya* Гунибского округа Дагестанской области, а также топонима, возникшего на основе используемого на Кавказе, в том числе в азербайджанском быту, слова *tabaq*, как *Tebek-Maxi* Даргинского уезда Дагестанской области, *Tebek-el* Нальчикского округа Терской области. Это явление палатализации в древних тюркских языках наблюдается и в использовании слова *bay*, передающего смысл «богатый», как слова *beu* (например, ойконим *Beysuq* в Екатеринодарском округе Кубаньской области).

Это явление замены можно увидеть и в составе ряда топонимов, возникших благодаря числительному шесть. Например, один из топонимов, сформировавшихся под воздействием числительного шесть, показан в Грозненском округе как аул *Elti*.

а~э. Замена звука *a* звуком *ə* представляет собой явление, характерное для всех диалектов и говоров Азербайджана, особенно для восточных и южных групп диалектов и говоров. Это явление, широко распространенное в дербентском диалекте азербайджанского языка, можно встретить и в корнях слов, и в аффиксах. Замену звука *a* на звук *ə* можно встретить и в начале, и в середине, и в конце слова [1, 7]. В развитии замены звука *a>ə*, помимо взаимного влияния звуков друг на друга, определенную роль сыграло азербайджано-персидское двуязычие. С.Ализаде пишет: «Согласно орфографии фарси, *hə* в конце персидских слов выражает гласную *e*. Даже перешедшие из азербайджанского языка в фарси многие слова, оканчивающиеся на *a*, пишутся как *hə* и последний звук произносится как *ə//e*».

Замена *a>ə* нашла свое отражение, можно сказать, в большинстве диалектов и говоров Азербайджана. Палатализация *a>ə* охватывает порой слово, а порой – один слог. В сказанном есть истина, но и в других тюркских языках существует палатализация *a>ə*. Замена *a>ə* есть и в языке иракских туркмен: *yəxədi*, *qəri*, *qəmçi*, *qərə* [6, 14].

В других тюркоязычных ареалах замена *a>ə* наблюдается в уйгурском, башкирском и татарском языках: в уйгурском языке - *ətlas*, *ədəm*, *əstə*; татарском языке - *bəyrəm*, *yəş*, "gənc" *kərdəş* "qohum", *bəğer* (*bağır* - А.А.) "can, *ürək*"; башкирском языке - *əylən*- "dolanmaq" *əyt*- "söyləmək", *bəylə*- "bağla", *yəy*- "yay", *səs*- "sac" [4, 140]. Звуковая замена *a~ə* проявляется и в других тюркских языках. Топонимы *Yəyik-Yayik-Yaik*, зафиксированные в бассейне реки Урал в 3 вариантах, тому доказательство. Этот топоним нашел свое отображение и в произведении «Гюлистан-Ирем». Исследователи полагают, что проявление замены *a~ə* и в древнем печенегском языке вытекает из древности данного фонетического явления [12, 190].

А азербайджанская исследовательница Т.Бахшиева обосновывает частое проявление звуковой замены *a~ə* в системе топонимов азербайджанского языка склонностью нашего языка к палатализации. Поэтому, и среди зафиксированных в произведении «Гюлистан-Ирем» названий местностей много топонимов, в которых происходит замена звука *a~ə*: *Yuxarı Təbərsaran* (*Yuxarı Tabasaran*), *Şəhbani* (*Şahbanu*), *Şəmpara kəndi* (*Şampara*), *Xabala* (*Qəbələ*), *Səlyan* (*Salyan*), *Mərağə* (*Marağa*), *Günbat* (*Günbat*), *Əğvan* (*Ağvan*), *Ərran* (*Arran*), *Mərağə* (*Marağa*), *Qamqam*, *Bəlxanı* (*Balaxanı*).

ə~i Еще одним фонетическим явлением, встречающимся в звуковом комплексе топонимов произведения, является замена звука *ə* звуком *i*. В целом, замену звука *ə*, сужающегося до звука *i*, можно увидеть в диалектах и говорах азербайджанского языка.

Такие слова, как *pəhlivan, zincir, şikil, meşiyə, şiriyə* и пр. могут быть тому примером. Для тюркских языков кыпчакской группы данная замена особенно характерна. С этим явлением можно столкнуться и в топонимах на территории Кавказа. И в содержании «Гюлистан-Ирема» встречаем ряд топонимов с заменой *ə~i*: *Ərzəncan, Ərkəvan*.

Замена звука *e~i* также характерное явление для многих топонимов тюркского ареала. Так, некогда зафиксированные в «Кавказском календаре» *Edilli* Карягинского уезда Елизаветпольской губернии, *İdileti* в Тифлисской губернии могут служить тому примером. Существовавший когда-то в Нальчикском округе Терской области *Kirtük*, населенный пункт *Kertik*, зафиксированный в Даргинском ущелье Дагестанской области, доказывают историчность проявления звуковой замены *e~i* в тюркской топонимии Северного Кавказа. [2, 52]. В тюркских языках слово *kirtük* выражало значение «шрам», «рана». В произведении «Гюлистан-Ирем» это явление замены видим в топониме *Abesikun*.

e~ə Явление перехода звука *e* в звук *ə* является одним из основных признаков южных говоров азербайджанского языка. Эта замена более распространена в говорах. Замена *e>ə* сильна и в языке Керкукских туркман: *ənni, ərkək, əv, əlti, əniş, ərkən, gənə, gəri* и др. В произведении «Гюлистан-Ирем» можно увидеть замену *e~ə* в нескольких топонимах: *Bəyləqan (Millər) ~ Beyləqan; Beyqurd-Bəyqurd*.

В произведении можно увидеть факты замены ряда других гласных. Рассмотрим примеры: *a-i. Çıldiran səhrası; u-i Qabistan; o-a Qabistan; i-a Atil; ö-ü Hürümüz yolu; u-i Şibani, Şəhbani kəndi, Şəhbani qalası; i-ü Şamlü; ə-e. Çəkəm*

Произведение «Гюлистан-Ирем», наряду с заменой гласных звуков в топонимах, богато и фактами замены согласных звуков. Замена согласных звуков - характерное явление для большинства тюркских языков и их диалектов и говоров. Это фонетическое явление можно видеть и в начале слова, и в середине его, и в конце. В произведении «Гюлистан-Ирем» наблюдаем 4 вида замен согласных звуков:

1. Замена глухих согласных звонкими согласными.
2. Замена глухих согласных глухими согласными.
3. Замена звонких согласных глухими согласными.
4. Замена звонких согласных звонкими согласными.

b~v. Vəlbələ. Это звуковая замена встречается и в топонимах произведения «Гюлистан-Ирем». Это фонетическое явление характерно, преимущественно, для северных и западных говоров азербайджанского языка.

Замена *q-x. Qonaxkənd, Yaxsay, Çanaxçı yolu, Xabala.* В системе топонимов Кавказа много географических названий, хранящих древнюю диалектическую параллельность *q-k-x*. А.М.Щербак использование согласной *x* в тюркских языках относит примерно к X веку и связывает использование в рунических письменах *x* с особенностями графики. Замена *q-x* в начале слова наблюдается также в современном чувашском, хакасском, тувинском, якутском языках [13, 31-32].

М.Кашгари превращающих *q* в *x* полагает одним из племен халуджей. Изменение *q-k-x* в начале слова встречается в языке огузских и кипчакских племен [7, 452]. В диалектах татарского языка существует звуковая замена *k-x*. Данное фонетическое явление встречается в диалектах и говорах азербайджанского языка [5, 187].

Древний диалектный элемент *q~k~x* встречается в ойконимах *Kart* Нарзанского округа Терской области, *Kart yurt* Владикавказского округа Терской области, *Xarthiq Yeni Bəyazıt* округа Иреванской губернии, *Kerman* Владикавказского округа Терской области, *Qermənşek-otarı, Qermənşek* Хасав-Юртского округа Терской области, *Qusar Ərəş* уезда Елизаветпольской губернии, *Xusar Xınsaq* Веденского округа Терской области, *Xaraul* Артвинского округа Батумской области, *Karaulxana* Кубинского уезда Бакинской губернии, *Uruş* Владикавказского округа Терской области, *Uruq* Борчалинского уезда Тифлисской губернии, *Kirka* Кази-Кумукского округа Дагестанской области, *Xırxatala Ərəş* уезда Елизаветпольской губернии, *Qundelen* Нальчикского округа Терской области, *Köndələn çay, левый приток реки Аракс, Qəşəd* Шемахинского уезда Бакинской губернии, *Koşet* Нарзанского округа Терской области, оронимах *Qırx qız* Ленкоранского уезда Бакинской губернии, *Kız burun* Пятигорского округа Терской области, *Kek taş* Нальчикского округа Терской области; гидронимах *Göy göl* Елизаветпольской губернии, *Naqı kol, Tashı kol, Karakel* Хасав-Юртского округа Терской области и пр. [2, 156].

d~t. Одним из фонетическим особенностей, встречающихся в составе топонимов произведения «Гюлистан-Ирем», является явление *d~t*: *Xudad qalası*. Н.К.Баскаков полагает использование звонкой согласной *d* в тюркских языках в начале слова огузской, глухой согласной же *t* кипчакской особенностью [11, 118]. А.М.Ширалиев используемое в говорах азербайджанского языка явление замены звука *d* в начале слова на звук *t* описывает как особенность кыпчакского языка [9, 82]. Замена *d~t* является характерной особенностью и для казахского языка [10, 173]. Это фонетическое явление можно увидеть и в эпосе «Деде Коркут».

В одинаковых словах, участвующих в составе топонимов на территории Кавказа, встречаются и глухой звук *t*, и звонкий *d*. На основе лексической единицы *polad/polat* сформировалось название населенного пункта *Polad-Ayrım* Казахского уезда Елизаветпольской губернии; на основе лексической единицы *dağ/tağ* - населенных пунктов *Şintaq* Елизаветпольской губернии, *Köhnə Tağ* Карягинского уезда, *İnerdağ* Батумского округа Батумской области, *Qaradağ* Кубинского уезда Бакинской губернии; на основе лексической единицы *dəmir/temir* - населенных пунктов *Dəmirli* Борчалинского уезда Тифлисской губернии, *Temir-aul* Хасав-Юртского округа Терской области; на основе лексической единицы *dil/til* - населенных пунктов *Şulanti* Кази-Кумукского округа Дагестанской области, *Çirdili* Тионетского уезда Тифлисской губернии; на основе лексической единицы *daş/taş* - населенных пунктов *Taşkopur* Даргинского округа Дагестанской области, *Daşlı-yataq* Кубинского уезда Бакинской губернии; на основе лексической единицы *dovşan/tavşan* - населенных пунктов *Tavşan qışlaq* Александропольского уезда Иреванской губернии, *Dovşanlı Ərəş* уезда Елизаветпольской губернии; на основе лексической единицы *duz/tuz* - населенных пунктов *Duzluca* Карского округа Карсской области, *Tuzuqlu* Нальчикского округа Терской области, *Tuzla-maxi* Даргинского округа Дагестанской области и пр. Замена *d~t* встречается и в топонимах, образованных благодаря слову *dizə*. В источнике зафиксированы такие ойконимы как *Tortiza* Горийского уезда Тифлисской губернии, *Dizə* Сурмелинского уезда Иреванской губернии, *Mirzə Cəfər*

dizə, Kərbəlayi Oruc dizə, Kərimqulu dizə, Mirzə Həsən dizə Нахичеванского уезда и пр. *Dizə* на среднеперсидском означает *dizək, qala*.

Выводы и перспективы. Приведенные ниже отрывки из произведения тоже создают определенное представление о различиях между зафиксированным в произведении вариантом и современной формой топонимов «Гюлистан Ирема»: *Salatov ~ Salavat, Qaris ~ Gorus, Kiçik Qabardı ~ Kiçik Kabardin, Kəsamaxı~Şamaxı, Şerovaner ~ Şirvan, Hacı Tərhan~ Həştərhan, Ucarud ~ Ucar, Urmu ~ Urmiya, Mollakəndi ~ Mollakənd, Məşqətə~Maştağa, Lahıcan ~ Lahıc, Ləngərkünən ~ Lənkəran, Qostəntiniyyə ~ Konstantinopol, Əmir Həsən ~ Əmircan.*

Литература

1. Дербентский диалект азербайджанского языка. – Баку : «Эльм». – 448 с.
2. Бахшиева Т. Историко-лингвистический анализ топонимов, зафиксированных в «Кавказском календаре» : диссертация на соиск. учен. степени доктора филологических наук / Т. Бахшиева . – Баку, 2010.
3. Ализаде С. Азербайджанский письменный язык в средние века / С. Ализаде. – Баку : Издание АГУ, 1985.
4. Азизов Э. Историческая диалектология азербайджанского языка / Э. Азизов. – Баку : Издательство Бакинського государственного университета, 1999. – 354 с.
5. Гаджиев Т. История азербайджанского языка / Т. Гаджиев, К. Велиев. – Баку : «Маариф», 1983. – 187 с.
6. Курбанов А. Современный азербайджанский литературный язык / А. Курбанов. – Баку : Маариф, 1985.
7. Кашгари Махмуд Словарь тюркских наречий : в IV т. / Кашгари Махмуд ; [перевел Бесим Аталай]. – Türk Dil Kurumu Yayınları, 1992. – т. III – с. 452.
8. Мамедов Н. Введение в лингвистику / Н. Мамедов, А. Ахундов. – Баку : Маариф, 1966. – 299 с.
9. Ширалиев М. Основы азербайджанской диалектологии / М. Ширалиев. – Баку : «Маариф», 1968. – 423 с.
10. Зейналов Ф. Основы тюркологии / Ф. Зейналов. – Баку : Маариф, 1981. – 347 с.
11. Баскаков Н. А. Тюркские языки / Н. А. Баскаков. – 1960.
12. Насыров Д. С. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и диалектная система / Д. С. Насыров. – Казан : «Нукус», 1976. – 190 с.
13. Серебrenникова Б. А. О некоторых частных деталях процесса образования множественного числа –лар в тюркских языках / Б. А. Серебrenникова // Советская тюркология. – 1970. – № 1. – с. 31-32.

Амрахова М. Б. Фонетичні явища в топонімах творів А.А.Бакіханова «Гюлістане-Ирем» / М. Б. Амрахова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 227-231.

На матеріалі твору А.А.Бакіханова «Гюлістане-Ирем» розглядаються факти заміни приголосних на початку, в середині і в кінці слова в складі топонімів, що являє собою характерне явище для більшості тюркських мов і їх діалектів і говорів.

Ключові слова: фонетика, голосні, приголосні, А.А.Бакіханов.

Amrakhov M. B. The phonetic phenomena of toponyms in “Gulustani-Irem” of A.A.Bakikhanov / M. B. Amrakhov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 227-231.

“Gulustani-Irem” of A.A.Bakikhanov along with replacement of vowel sounds in structure of toponyms, is rich also with the facts of replacements of concordants. Replacement of consonants represents the characteristic phenomenon for the majority of Turkic languages and their dialects and dialects. This phonetic phenomenon can be observed both at the beginning, and in the middle, and in the word termination.

Key words: phonetics, vowels, concordants, A.A.Bakikhanov

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.512.145' 276.6:34

**ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЯВЛЕНИЯ
В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ, ПРИАЗОВЬЕ И КРЫМУ
УЙГУРСКИХ И БУЛГАРСКИХ ПЛЕМЕН**

Умеров Э. Ш.

*Юридическая служба «Омер-Бекташ», г. Симферополь, Украина,
e-mail: edie70@mail.ru*

В данной статье, на основе китайских, латинских, армянских, сирийских и византийских летописей и хроник древних авторов, исследуются временные рамки появления в Восточной Европе, в период с I века до н.эры до IV-VII вв. н. эры, тюркских племен – он-уйгуров, болгар и их государств. Исследование данных Именника хагъанов дунайских болгар, в сравнении с памятниками древнетюркских наречий – «Huastuanift», «Altun Yaruk», «Kutadgu bilig», «Codex Cumanicus», и др., обосновывается тюркоязычие он-уйгуров и болгар и отнесение их языка к языку древних чувашей.

Ключевые слова: «Ойхарды», «Оунной», «Ноннок», «Къан–гю», «Токургурь», «Patria Onoguria», «Veghentur Bulgar», «Var.Ventur, Bulgar», «Оногундур», «Ziezi ex quo Vulgares», «Именник», «Хронограф», «булгарский род Дуло», «Magna Bulgaria».

Постановка проблемы. В 2007 году, автором, была опубликована статья «Актуальность исследования истории крымтатарского [3, 6] государства и права» [3, 32]. В 2012 году, автором, были сделаны краткие сообщения об основных признаках и критериях древнейших крымтатарских государств «Patria Onoguria» и «Magna Bulgaria». В указанных статьях, обосновывались актуальность и необходимость в фундаментальных исследованиях, специально посвященных истории государства и права государства (ханства) десятиплеменных уйгуров «Patria Onoguria» и государства (ханства) древних болгар «Magna Bulgaria» [15, 88-92]. Однако, впоследствии, выяснилось, что в опубликованных статьях, остались не исследованными вопросы появления названных народов и племен в Восточной Европе, остались не очерченными временные рамки их появления в Северном Приазовье, Северном Причерноморье и на территории Крымского полуострова. Разрешению вопросов времени появления в Восточной Европе, названных выше племен, и их государств, на основе исследования источников древних авторов, и посвящено настоящее исследование.

Древнейшее упоминание этнонима «Уйгур» у европейских писателей, мы находим в «Географии» Клавдия Птолемея, где он указывает на них как на «ойхардов» [25, 3]. Реннель высказал мнение о том, что «ойхарды» К. Птолемея тождественны уйгурам [23, 31]. К нему присоединился и В.В. Григорьев [4, 70]. В то же время, не надо забывать и о том, что если Клавдий Птолемей, в своей «Географии», располагает уйгуров на востоке, за Каспийским морем, то самих, уже европейских гуннов, он локализует прямо у подножия Карпатских гор [12, 238]. Позднейшие события на

Балканах и в Подунавье, запечатленные в иных письменных источниках, подтверждают правильность сведений, изложенных Клавдием Птолемеем, ещё, в 162 году н. эры. Второе, после К. Птолемея, сообщение об Уйгурах, было сделано жившим, в начале II-го века нашей эры, Дионисием Ливийцем, другие авторы называют его Периегетом, который упоминает в своей «*Orbis terrarum descriptio*» о том, что в его время в Европу, уже проникла весть о том, что некоторый народ, называемый «Оунной», живет позади прикаспийских скифов, в местности прилежащей к Аральскому морю, то есть, как раз, в тех частях туранской низменности, куда, по показаниям китайцев, называемый «Къан-гю», выселились потомки восточных тюрков, носящих в китайской истории имя Хунну [20, 509-510]. В связи с чем, мы имеем полное право, вместе с В.В. Радловым, отождествить оба народа, среднеазиатских Хунну и восточно-европейских «Оунной», как это и сделали, в свое время, Дегинь [18,340], Нейман [21, 214], и Вивье де Сен-Мартен [8, 83]. Говорим так, поскольку вместе с хуннами в европейскую пушту устремились уйгурские и уй-суньские (булгарские) племена. Далее, Моисей Хоренский [16, 55-56], упоминает о гуннах, называя их «Ношпок», как о народе, управляемом Дертадом или Тиридатом Великим, и живущем, к северу от кавказского хребта. Это обстоятельство доказывает, что в течение III-го века н.э., гунны, проникли еще далее, на запад, и расширили свою область в этом направлении [17,62]. Об этом же говорит и свидетельство Зонары, взятое вероятно из более древних источников о том, что, – «император Кар потерпел неудачу, в 284 году н.э., в походе на гуннов» [28,611].

Таким образом, Он-уйгуры составляли наиболее могущественный союз, ставший основой древнейшего крымтатарского государства на территории Северного Причерноморья, Северного Приазовья и в Крыму, государства Он-уйгуров, о чем, вплоть до VII века н. эры, писали европейские географы. Это обстоятельство доказывает следующая заметка, находящаяся в *Cosmographia Ravennatis Anonimi*, – «...Item juxta mare Ponticum ponitur patria, quae Onogoria, quam subtilius Livantus philosophus vicinam paludis Maeotidis orientalis esse decernit, adserens multitudinem piscium ex vicinantibus locis habere, sed ut barbarus mos est, insulae eos perfruere» [24, 2].

Собственно гунны (восточные тюрки и уйгуры) составляли, несомненно, лишь часть, нахлынувших в Европу, полчищ. Очевидно, самые различные племена, западные тюрки, уйгуры, булгары, сабиры и другие племена, двигались вперед, имея в гуннах предводительствующее племя, и нарастая, подобно лавине, во время движения [13,103]. При императоре Валенте, то есть, во второй половине IV столетия, гунны явились в Европе, разбили в прах могущество алан, и проникли до Дуная, покоряя и увлекая с собою народы, обитавшие вдоль Северного Приазовья, Северного Причерноморья и на территории Крымского полуострова [13,104]. Более подробную и полную сводку племенных имен уйгурского народа, в Восточной Европе, мы находим у Приска, который, в 461-465 годы нашей эры, перечисляет названия племенных союзов Уйгур, называя их – сарагуры, или Сары-уйгуры (то есть, желтые уйгуры), оногуры, или Он-уйгуры (то есть, десятиплеменные уйгуры), котригуры, или Кутургуры (или, по мнению В. Радлова, токургуры – девятиплеменные уйгуры), от-уйгуры, и отузгуры (то есть, тридцатиплеменные уйгуры) [5,80].

В свою очередь, А. Куник, говоря об уйгурах, отождествляет их с булгарами, считая их конным народом тюркской расы, несомненно, переселившихся в Европу с Алтая. До сих пор, обыкновенно, принимали, что они, под этим названием, в первый раз, появились в истории около 120 года до Р.Х. [6,119-161]. Мовсес Хоренаци, писавший около 470 года, на основании свидетельства Мара Абаса – катины, говорит, что во время второго армянского Арсакида, Аршака, приблизительно, около 120 г. до Р.Х., толпа изгнанных из своей родины Булгар – «Veghentur, Var.Ventur, Bulgar» спустилась с высот Кавказа, в область Карса, которая, с того времени, по имени предводителя Булгар «Ванд», получила свое название Вананд [16, 62]. А.Куник, название «Veghentur Bulgar» сопоставляет с оногундурами, то есть, с он-уйгурами [6, 119-161]. Во второй раз, известие о Булгарах, неподалеку от Понта или современного Приазовья, сообщается нам одной греческой хроникой, заканчивавшейся 237 годом, по Рождеству Христову, от которой сохранилась в латинском переводе таблица народов. «Ziezi ex quo Vulgares», - гласит краткая заметка, означающая, буквально, «Зиези, происшедшие от Булгар». Укажем попутно о том, что этноним «Зиези» зафиксирован в Ветхом завете, поскольку, в этом Хронографе Аноним среди потомков Сима упоминает и булгар [19, 354-358]. Наконец, третьим, и одним из важнейших источников, подтверждающим существование в Северном Причерноморье, Приазовье и Крыму, древнейшего крымтатарского государства «Magna Bulgaria», непрерывной протяженностью в более чем 500 лет, является «Именник» правителей – хаганов дунайских Булгар, датированный 354 годом нашей эры, обнаруженный в Хронографе XV века, Андреем Поповым [11, 25-27], достоверность которого была подтверждена исследованиями А.А. Шахматова и др. авторами [16,121].

Выводы и перспектива. Выполненные нами исследования позволяют сделать следующие предварительные выводы:

1. Часть уйгурских и усуньских (булгарских, рода Дуло) племенных союзов пришли в Восточную Европу из Средней Азии, вместе с северными хуннами, во 2-ой половине I-го века до нашей эры и были основным, стержневым компонентом, в составе государств – ханства оногуров, ханства булгар, империи европейских гуннов;

2. Образование государств – ханства уйгуров – «Patria Onogoria» а, затем – ханства булгар – «Magna Bulgaria», отдельно, а затем, и в составе державы европейских гуннов, следует датировать, не позднее 2-ой половины I-го века до нашей эры, дальнейшее самостоятельное существование названных государств, можно, примерно, датировать не ранее 2-ой половины V-го века н. эры.

3. Уйгуры и булгары, как впрочем, и гунны, были тюрками по своему происхождению, являются родственными племенами, говорили на древнетюркском, смешанном, по классификации В.В. Радлова наречии [1, 280-291], образцами для которого служат, соответственно, известные памятники древнетюркской и крымтатарской литературы и языка, каковыми, соответственно, являются – «Huastuanift», в дешифровке и прочтении Ле Гокка [27, 150], «Altun Yaruk» Малова [26, 352], орхон-енисейский памятник в честь «Кюль-Тегина» П. Мелиоранского [10, 144], классический уйгурский «Kutadgu bilig» В.Радлова [22,200], и, его же, памятник языка и литературы крымских татар – «Codex Cumanicus» [14, 53].

4. Язык древних уйгуров – карауйгуров, в Средней Азии и он-уйгуров, в Восточной Европе, соответственно, по В. Потанину и В. Радлову, разделенных на две группы, является монгольским в Средней Азии и тюркским в Восточной Европе, в связи с чем, подтверждается родственность и близость уйгуров хунну китайских летописей и гунну латинских, армянских, сирийских и византийских хроник [13, 109].

5. Язык древних болгар, по-мнению В. Радлова, является остатком языка древних чувашей, имевших в своей грамматической основе соответствующий тюркский вокализм, такт и сохраняющий правила сингармонизма, одновременно, наряду с тюркской лексикой, исследование д-ра Латам (Latham) [7, 45], по мнению Н.Я. Марра [9, 210] со ссылкой на Ашмарина и Серебрянского [2, 51-56], частично, уводит нас к урало-алтайской группе языков, уже упомянутый мною, «Именник хаганов дунайских болгар», датированный 354 годом, сохранившийся в одной из древних рукописей в Ватикане [11, 25-27], свидетельствует о принадлежности болгар к древнейшему тюркскому роду Дуло, к которому принадлежал и гуннский шаньюйский (ханский) род, что ещё раз, подтверждает тюркоязычность болгар, поскольку, тюркоязычность хунну, китайских летописей, и, гунну, латинских, армянских, сирийских и византийских хроник, сегодня, уже не только не подвергается сомнению, а подтверждает их бесспорное тюркоязычие [1, 350—352, 400-403].

6. Некоторые, необобщенные данные, прямо указывающие на существование племени куманов в составе племенных союзов уйгуров, болгар, наконец, державы европейских гуннов, отчетливо и рельефно подтверждаются данными архаической лексики из памятника крымскотатарского языка и литературы «Codex Cumanicus», как на это прямо указывал В.В. Радлов.

Литература

1. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей / Н.А.Аристов / Живая старина. – Вып. III-IV. – СПб., 1896. – 456.
2. Ашмарин Н.И. Болгары и чуваша / Н.И.Ашмарин. – Казань, 1902. – 148.
3. Буджакълы Э. Актуальность исследования истории крымтатарского государства и права / Э.Буджакълы. – Симферополь, Крымучпедгиз. – 2007. – 32.
4. Григорьев В.В. Восточный Туркестан / В.В.Григорьев. – вып. II. – 270.
5. Дестунис Г. Сказания Приска Панийского / Г.Дестунис – СПб., 1860. – 80.
6. Куник А., барон Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах / А.Куник, барон В.Розен. – Ч. I. – СПб., 1878. – 230.
7. Латам, О раннем водворении в некоторых частях Европы тюркских племен / «Вестник РГО». – 1854. – т. X, V. – 52.
8. Малов Е. Altun Yarıuk, Сутра золотого блеска / Е.Малов. – СПб, 1910. – 352.
9. Марр Н.Я. Скифский язык / Н.Я.Марр. – АИМК, 1927. – 210.
10. Мелиоранский П. Памятник в честь Кюль-Тегина / П.Мелиоранский. – СПб., май, 1899. – 144.
11. Попов А. Обзор хронографов русской редакции / А.Попов. – М., 1866. – 375
12. Птолемей К. Географическое руководство / К.Птолемей // ВДИ – №2. – 1947. – М. – 400.
13. Радлов В.В. К вопросу об уйгурах / В.В.Радлов. – СПб., 1893 – 130.
14. Радлов В.В. О языке куманов / В.В.Радлов. – СПб., 1884. – 53.
15. Умеров Э.Ш., Основные признаки и критерии первого крымскотатарского государства «Magna Bulgaria» / Э.Ш.Умеров / / Культура народов Причерноморья – №224. – 2012. – 205
16. Хоренский М. История Армении / М.Хоренский. – II, 6, СПб, М., 1893 – 240
17. Шахматов А.А. К вопросу о происхождении хронографа / А.А.Шахматов. – СПб., 1899. – 121.
18. Deguignes. Mmoire sur Porigine des Huns et des Turcs (Paris 1748).P.280
19. Theophanous – Op. – P. 400

20. Mannert Geographie der Griechen und Romer. – Nurnberg 1795. – P. 580.
21. Neumann, «Asiatics Studien». (Leipzig 1837).P.180.
22. Radloff W.W. Das Kutadgu Bilig ... / W.W. Radloff – XIII, Petersburg, 1890. – 200.
23. Rennel Geographical Sistem of Herodotus. – London 1830, pg. 140.
24. Ravennatis Anonimi Cosmographia. – Berolini, 1860. – Lib. IV. – cap. 2., P.84
25. Serika. – Liber IV. – Cap. 16, 3. P.46.
26. Vivien - de – Saint – Martin, «Sur les Huns ouraliens», t.III, 1848, P.354.
27. Huastuanift. – Von Le Coqun ingilizce tercumesinden. – Ankara, 1941. – S. 150.
28. Zonaras, «Annales», ed. Pinderi, lib. XII, 30 pg. 700

Умеров Е. Ш. Питання дослідження появи в північному Причорномор'ї, Приазов'ї та Криму уйгурських і болгарських племен / Е. Ш. Умеров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 232-236.

У даній статті, на основі китайських, латинських, вірменських, сирійських і візантійських літописів і хронік древніх авторів, досліджуються часові рамки появи в Східній Європі, в період з I століття до н. ери до IV-VII ст. н. ери, тюркських племен - он-уйгурів, болгар та їхніх держав. Дослідження даних іменників хаганов дунайських болгар, в порівнянні з пам'ятниками древнетюркської прислівників - «Huastuanift», «Altun Yaruk», «Kutadgu bilig», «Codex Cumanicus», та ін, обґрунтовується тюркоязичні он-уйгурів і болгар і віднесення їх мови до мови стародавніх чувашів.

Ключові слова: «Ойхарди», «Оунноі», «Hounok», «K'an-gyu», «Токургури», «Patria Onoguria», «Veghentur Bulgar», «Var.Ventur, Bulgar», «Оногундур», «Ziezi ex quo Vulgares», «Именник», «Хронограф», «болгарский рід Дуло», «Magna Bulgaria».

Umerov E. Sh. Research questions of visiting northern Black Sea, Azov and the Crimea and Uighur Bulgar tribes / E. Sh. Umerov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 232-236.

In this paper, based on Chinese, Latin, Armenian, Syrian and Byzantine annals and chronicles of ancient authors, study time frame appearance in Eastern Europe, from century to n.ery I to IV-VII centuries .. n. AD, the Turkic tribes - he Uighurs, Bulgars and their states. Explore data list of names haganov Danube Bulgars, in comparison with the monuments of Ancient dialect - «Huastuanift», «Altun Yaruk», «Kutadgu bilig», «Codex Cumanicus», etc., it is justified tyurkoyazychie Uighur and the Bulgars and the allocation of their language to language ancient Chuvash.

Key words: "Oyhardy", "Ounnoi", "Hounok", "K'an-gyu," "Tokurgury», «Patria Onoguria», «Veghentur Bulgar», «Var.Ventur, Bulgar», «Onogundur», «Ziezi ex quo Vulgares», «list of names", "Chrono", "Bulgar Barrel race», «Magna Bulgaria».

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.222.1

ЖИЗНЬ АМИРА ШАХИ САБЗАВАРИ

Казими Р.

*Институт рукописей Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье на основе первоисточников изучается жизненный путь известного персидского поэта XV в. Амира Шахи Сабзавари. Он родился в городе Сабзавар в 1385 г. Там же получил образование. Он не только писал задушевные стихи, но был также прекрасным каллиграфом и художником. Одно время был приглашен в Герат – культурный центр Империи Тимуридов для службы в придворной библиотеке. В последние годы жизни был назначен правителем города Астрабад, где и в 1453 г. умер.

Ключевые слова: персидская литература, Сабзавари, каллиграфия

Постановка проблемы. Поэтическое творчество известного персидского поэта-лирика Амира Шахи Сабзавари (1385-1453 гг.) еще при его жизни пользовалось огромным успехом не только в Восточном Иране, где он жил и творил, но и в ряде сопредельных стран. Его диван (собрание лирических стихотворений) был высоко оценен такими знаменитыми поэтами и антологистами XV века, как Абдар-Рахман Джами [6, 148], Алишер Навои [7, 24] и Даулат-шах Самарканди [5, 480-484].

Поэзия Амира Шахи оказала значительное влияние на творчество целого ряда как современных ему авторов, так и поэтов последовавших периодов. Сам Шахи в своих высокопоэтических стихах выражал прогрессивные идеи великих поэтов предшествовавших веков. В отличие от многих поэтов его времени, которые были вынуждены посвятить панегирики сильным мира сего, Шахи не написал ни одной хвалебной касыды. Он писал задушевные газели, в которых воспевались искренние человеческие чувства и которые вызывали к себе широкий интерес среди литераторов, музыкантов и знатоков поэтического искусства [2, 726; 3, 295]. Его лирике подражали не только поэты XV века гератского круга, но и сам османский султан Селим I Грозный [4, 3].

Как единогласно утверждают средневековые антологисты, Амир Шахи происходил из сербедаров Сабзавара. Сербедарское движение в Хорасане, разгромленное Тамерланом, было направлено, по существу, против любой формы эксплуатации и за установление утопически представляемой справедливости на земле.

Отец Амира Шахи – Джамал ад-Дин Фируз-Кухи, как явствует из нисбы, был уроженцем города Фируз-Кух, находящегося ныне в Иране, в Тегеранской провинции. Согласно утверждениям первоисточников, во время разрастания восстания сербедаров в Хорасане со всех концов Ирана и Мавераннахра туда собирались крестьяне, ремесленники и рабы и, вооружаясь, вступали в ряды сербедаров [2, 4]. Видимо, в это время отец Амира Шахи и прибыл в Сабзавар.

Сведения об Амира Шахи, содержащиеся в средневековых источниках, отрывочны и неполны, и в определенной степени, противоречивы. Тем не менее, эти сообщения дают возможность проследить основные вехи его жизни.

Важнейшими источниками для изучения жизненного пути Амира Шахи являются сводные тазкире (антологии), написанные в XV в. И произведения самого автора.

Первый источник, в котором содержатся сведения об Амира Шахи, «Газкират аш-шуара» («Антология поэтов») Даулат-шаха Самарканди, составленный в 1487 г., т.е. через 34 года после смерти Шахи [5, 480-484].

«Маджалис ан-нафаис» («Собрание изящных») Алишера Навои, написанный в 1490-1491 гг., как по близости ко времени жизни Амира Шахи, так и по важности приведенных сведений о нем, является вторым источником [7, 24]. Эти два сочинения являются главными источниками для изучения жизни поэта. Что же касается сводных тазкире позднего происхождения, то их авторы так или иначе повторяют сведения вышеупомянутых источников. Причем в некоторых из них тоже содержатся новые сообщения об Амире Шахи, но в отношении достоверности, ни одно из них не выдерживает критики; они представляют собой лишь смещение реальных и вымышленных фактов о его жизни и деятельности.

Согласно сведениям первоисточников, настоящее имя Амира Шахи – Ак-Мелик, а «Шахи» его поэтический псевдоним, которым он подписывал свои произведения.

Год рождения поэта в источниках не указан, однако его можно установить ибо некоторые из составителей тазкире отмечают год смерти поэта и в каком возрасте он умер. Так, по сообщению Даулат-шаха, Амир Шахи прожил семьдесят с лишним лунных лет и умер в 1453 г. (857 г.х.). На основании данного сообщения Даулат-шаха, приведенного также в абсолютном большинстве поздних источников, год рождения поэта можно определить как 1385 г. (787 г.х.).

В источниках не имеется никаких сведений о детстве и юности поэта. Известно лишь то, что он родился в Сабзаваре. Здесь же, видимо, он получил начальное образование. Судя по сведениям средневековых антологистов, свидетельствующих об очень высокой степени его учености и большом таланте в ряде видов искусства, Амир Шахи был широко образованным человеком; он изучал поэтику, историю, астрономию, каллиграфию и музыку.

Предки поэта были из сербедарских знатных людей. А последний сербедарский правитель Али Муаййад был его родственником. Точнее, он приходился Ак-Мелику дядей со стороны матери [5, 480].

При падении сербедаров движимое имущество и наследственные имения Амира Шахи были конфискованы в пользу местного правительства. Когда он по этому поводу обратился к правителю Хорасана – тимуриду Мирза Байсункару, некоторые из них были возвращены ему стараниями упомянутого царевича, который в то же время пригласил Амира Шахи к себе на службу в гератскую придворную библиотеку.

В Герате – культурном центре империи Тимуридов – за короткое время Амир Шахи завоевал большое уважение среди поэтов, ученых и других известных людей города и стал приближенным Байсункара.

В первые времена Амир Шахи пользовался большим расположением царевича. Однако, несмотря на всю свою симпатию к поэту, видимо, Байсункар все же не мог

забыть о его сербедарском происхождении и, вскоре между ними возникают сложные отношения. Причину возникновения конфликта между бывшими друзьями источники объясняют по-разному. Наиболее близким к истине представляется сообщение о том, что псевдоним «Шахи» очень нравился Байсункару, который тоже писал стихи. Однажды он потребовал, чтобы Амир Шахи в угоду ему отказался от своего поэтического прозвища. А после того, как Амир Шахи отклонил это требование, царевич стал оказывать ему мало внимания [5, 484].

Далее Даулат-шах пишет, что в Хорасане многим людям было известно, что отец Амира Шахи когда-то на охоте ударом ножа убил одного из сербедаров. Однажды во время охоты в окрестностях Герата Амир Шахи и Байсункар оказались вдвоем наедине, и царевич напомнил этот случай поэту. Амир Шахи обиделся на недоверие Байсункара и после этого покинул его двор, дав себе зарок, что больше государям служить не будет [5, 484].

Поэт вернулся к себе на родину – в Сабзавар, где в своем небольшом имении, доставшемся ему в наследство от отца, с большой охотой занимался земледелием.

В источниках нет никаких сведений о семье Амира Шахи. Если исходить из содержания одного из его рубаи, написанного поэтом, по всей вероятности, под конец своей жизни, под старость он был совершенно одиноким, т.е. у него не было ни жены, ни детей.

В последние годы жизни поэт жил в Астрабаде, куда, по словам Даулат-шаха, был вызван сыном своего прежнего покровителя Абул-Касимом Бабуром, чтобы расписать дворец Гулафшан [5, 183]. По сообщению же Алишера Навои, в период проживания в Астрабаде Амир Шахи некоторое время правил этим городом и народ был доволен его справедливым правлением [7, 24].

Амир Шахи умер в 1453 г. (857 г.х.) в Астрабаде в возрасте 68 лет (по современному календарю).

Согласно завещанию, его тело было привезено в Сабзавар и похоронено с почестями рядом с могилами его предков. Похороны были устроены отцом Алишера Навои Гияс ад-Дином Кичкини, правившим в то время городом Сабзавар [7, 24].

Автор исторического сочинения Вали-Кули Шамлу отмечает, что в приеме, устроенном в 1543 г. правителем Мешхеда Шараф ад-Дин оглу Таклу в честь второго шаха государства Великих Монголов Хумаюна ибн-Бабура, убежавшего из Индии и прибегнувшего к покровительству иранского шаха Тахмасиба Сефевии, певец пел газель Амира Шахи, начинающей с двустушия:

Благословен тот дом, в которой живет такая луналикая,

Августейша та страна, которой правит такой шах [2, 726].

Выводы и перспективы. Все эти сведения о пении газелей Амира Шахи музыкантами и та высокая оценка его лирики, которая была дана крупными знатоками персидской поэзии, являются ярким свидетельством огромной популярности стихов поэта среди любителей поэзии, а также аргументом в пользу дальнейшего изучения поднятого нами вопроса.

Література

1. Амир Шахи Сабзавари Диван / Амир Шахи Сабзавари ; [Елми-тангиди матнин тартибчиси К. Гусейноғлы]. – Баку, 2007.
2. Браун Е. Аз Сади та Джами / Е. Браун ; [Бе тарджуме-йе Али Асгар Хикмет]. – Техран, 1321 (1942).
3. Кази Нуруллах Шуштари Маджаліс ал-моминин / Кази Нуруллах Шуштари. – Техран, 1351 (1972).
4. Гусейноғлу К. Предисловіе к кн. Амир Шахи Сабзавари «Диван» / К. Гусейноғлу ; [Елми-тангиди матнин тартибчиси К. Гусейноғлы]. – Баку, 2007. – С. 3 – 18.
5. Даулат-шах Самарканди Тазкират аш-шуара / Даулат-шах Самарканди. – Техран, 1337 (1958).
6. Джами Абд ур-Рахман Бахарістан / Джами Абд ур-Рахман. – Москва, 1987.
7. Навои Алишер Маджаліс ан-нафаіс / Алишер Навои. – Техран, 1333 (1954).

Казімі Р. Життя Аміра Шахи Сабзаварі / Р. Казімі // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 237-240.

У статті на основі першоджерел вивчається життєвий шлях відомого перського поета XV в. Аміра Шахи Сабзаварі. Він народився в місті Сабзавар в 1385 р. Там же отримав освіту. Він не тільки писав задушевні вірші, але був також прекрасним каліграфом і художником. Один час був запрошений в Герат - культурний центр Імперії Тимуридів для служби в придворній бібліотеці. В останні роки життя був призначений правителем міста Астрабад, де і в 1453 р. помер.

Ключові слова: перська література, Сабзаварі, каліграфія.

Kazimi R. Life of Amir Shahi Sabzavari / R. Kazimi // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 237-240.

The life of the great Persian poet of XV century Amir Shahi Sabzavari is investigated in the article on the base of initial sources. He was born in 1385 in Sabzavar city. He got his education in the same city. Besides writing sincere poem she was a great calligrapher and artist. He was invited to Heart, the cultural center of Teymurisempire in order to work in the library. He was appointed to the position of governor of Astrabad city at the end of his life and died there in 1453.

Key words: Persian literature, Sabzavari, calligrapher.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК. 81-13

ОТРАЖЕНИЕ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЛЕКСИКИ В ДИАЛЕКТАХ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Курбанова И.

*Институт рукописей Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Этнолингвистический анализ показывает, что исследование диалектизмов не только важно с лингвистической точки зрения, но и с исторической, так как отражают в себе историю развития языка. В статье исследуются древнетюркская лексика в диалектах Азербайджанского языка

Ключевые слова: диалект, тюркские языки, термин, словарь, кыпчакские языки.

Постановка проблемы. Диалекты азербайджанского языка составляют очень ценный материал для всестороннего изучения исторических, а также других спорных вопросов, интересующих историков и лингвистов. Задача диалектологов – глубже исследовать богатейшие возможности, скрытые в говорах и диалектах. Если учесть, что подавляющая часть диалектных слов и сочетаний исконно тюркские, то их ценность ещё больше увеличится.

При работе над диалектологическим словарем азербайджанского языка были выявлены некоторые диалектизмы, обозначающие конкретный отрезок времени и возраст людей и животных. Интересен тот факт, что ареал распространения выше указанных терминов намного шире азербайджанских диалектов. Отметим также, что данные слова были отмечены в древних письменных памятниках. Сравним, например слово *Pezi* [1]. Оно в близких по своему лексическому значению, но в разных фонетических вариантах широко распространено в азербайджанских диалектах, а также в других тюркских языках.

Bozau	Теленок	Чуваш.яз.
Pezi	Сильный	Кюрд.,исмал.,гов. Аз.яз.
Peyi	С большим носом	Лачин. Гов.аз.яз.
Pişdix	Молодой буйвол	Зенг.гов.аз.яз.
Pıtix	Молодой буйвол	Келб.гов.аз.яз.
Pozu	Теленок в свою первую весну	Сарыг-югурский яз.
Perik	Большой, важный	Сарыг-югур.яз.
Pezik	Большой, важный	Сарыг-югур.яз

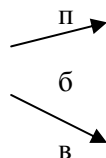
Как видно из таблицы, в некоторых словах наблюдаются фонетические переходы, характерные для той или иной подгруппы тюркских языков.

Например, о переходе *b-p* или же *p-b*, зафиксированном в данном случае, Максютова пишет: «Вообще, как подтверждают памятники древнетюркской письменности»

сти, употребление начального **п** представляет собой явление весьма древнее, пережиточное для многих языков тюркской системы [2, 35].

Вообще, данному переходу в тюркологической литературе было отведено большое место. Ахметьянов исследуя татарский и чувашский языки отмечает:

« После второго этапа « обнаженные» в анлауте **б,г,д,з** должны были оглушаться под воздействием анлаутных глухих (последующих слов), т.е. совершались переходы:

[3, 69].

Отметим также, что переход **п-б** наблюдается и в казахском говоре азербайджанского языка: *budaq-putax; bişirir-pişirer; bitî-pitki; bükdür-püktər*” [4, 11]. Исследуя кубинский диалект азербайджанского языка Ширалиев отмечает:»» **п-б**. Данный переход в Кубинском говоре в некоторых случаях наблюдается в первых и во вторых слогах слов: *bişik, tabbaca*.

Переходы **п-б** и **б-п** проявляют себя в бакинском, сальянском говорах азербайджанского языка [5, 54].

Следует отметить, что при работе над этимологическим словарем тюркских языков было выявлено, что 90% процентов указанных слов, начинающих на **п** имеют эквиваленты с начальным **б**.

Тот же самый процесс наблюдается и в некоторых диалектах кыпчакской подгруппы тюркских языков. Сравним, например: казах. *başlıq-paşıq*; чуваш. *paşlıq-başlıq, per-bir, pelet-bulud*; хакас. Тенишев исследуя строй сарыг-югурского языка тоже отмечает вышеуказанный переход.

Оглушение звонкого **б** в некоторых случаях отмечается и в намаганском диалекте узбекского языка [8, 60].

Ещё один факт привлёк наше внимание. Как известно, переходы **м-п-б** тоже характерны для тюркских языков. Во многих источниках, посвященных фонетическим особенностям тюркских языков наша мысль находит подтверждение [7, 28]. В инициалах анлаута корреспондируют **б,п – м,в,ф** *пәкә-бәкә-вәкә-прорубь* [7, 78].

Переход **б-м** в начале слова показывает себя в кыпчакских языках. Сравним: каракал.-*тоуун(boyun)* каз.-;*miüz(büz)*; тув.-*myüz(buynuz)*; хами.-*munus(buynuz)* ; намаг.гов.узб.-*mişiğ-pişik*; сарыногор.-*misik-pişik*;

Касаясь данного факта в связи с этимологией слова –*малай* в «Этимологическом словаре тюркских языков» дается следующее определение: «парень, парнишка, дитя, мальчишка... имеется достаточно оснований видеть в нем одну из форм тюркского в качестве **исходной тюркской основы можно предположить bala**» дитя, ребёнок, парень, девица» . **Анлаутное - м в рассматриваемом слове вторичное(м-б)** [10, 21].

При сравнение исследуемой лексемы с данными кыпчакских языков были обнаружены следующие факты:

Matır	Богатырь	Кумандинский диал.
Mökö	Богатырь	Кумандинский диал.
Mıça	Немного	Сарыгюгор.яз.

Что говорит о том, что фонетические варианты данного слова в анлауте с **m**, являются кыпчакского происхождения и ареал их распространения кыпчакские языки.

Что можно сказать и о соответствии **e-ö**, которое представляет собой более регулярное явление в диалектах азербайджанского и некоторых других тюркских языков. Например: **evey-övey, evrenmek-övrenmek** (ёмудский диалект туркменского языка), **ev-öy** (северо - восточный диалект азербайджанского, а также башкирский, уйгурский, татарский языки). Оглубление гласных, как мы знаем, является кыпчакским элементом в тюркских языках.

Другим фонетическим переходом в данных словах является переход **e-i**. О переходе **e-i** Максютова пишет: « Особый интерес представляет соответствие **e-i**, звук **e** говора в начале слова соответствует звуку **i** литературного, а также юго-восточной группы говоров башкирского языка» [2, 30]. Также как и в татарском литературном языке, в некоторых его говорах оглублению подвергаются негубные гласные **i, e** после **ö, o**. Действие губной гармонии проявляется и в третьих слогах слова с постепенно ослабевающей степенью лабиальности: коро-коры (сухо); төрле төрлө(разный) .

Переход а-о прежде всего, происходит в слогах, а иногда и в последующих слогах слов. Он наблюдается также в литературном азербайджанском языке. Сравним, например: ев (терец.); ев (туркмен.); – во (азур.); чавыч (терец.); чавыч (гагауз) – Овруч (азур.); савурмак (турец.); - совурмаг (азер.); тавук(турец.) – тойуг (азер.). Процесс лабиализации довольно распространенное явление во многих говорах и диалектах азербайджанского языка. Переход **а в о** в первую очередь связан с губными согласными. Лабиализация наблюдается прежде всего или перед или же после, а иногда между согласными: **б, м, в**. Например: covan, ovam, yovaş, qomiş ,hova, boş, şoftalı, moşın.

Фонетический вариант данного слова **-Bozau** в чувашском языке и ссылка в « Этимологическом словаре « на слово **büyü** в толкование слова pezi(Pezi –расти см. Büyü [10,107], а также семантическая близость данных слов свидетельствует об общем корневом начале. Сравним: pezi-rozu-bozau-boy-böy и др.. Это подтверждает и вышеуказанные фонетические переходы, характерные для тюркских языков: **pe-pi-pu-po-bo-bö-ba-bü-mü-mö-mi**.

Слово изначально было связано с ростом чего-либо. Существующие на данный момент в литературном азербайджанском и его диалектах слова, как: boy (рост),böumək(расти),bəgk(твердый) подтверждает эту нашу мысль.

Лексема нашла свое отражение во всех тюркских языках с присущими каждой подгруппе вышеуказанными фонетическими переходами: **bozau, pezi, peyi, pişdix, pitix, pozu, boy, pezik, perik, matur, mökö, mıca**.

Если учесть, что *P* в анлауте один из самых древних этапов в тюркских языках, то можно предположить, что слово *pezi* в азербайджанских диалектах один из самых древних вариантов данной лексемы.

То есть пережиток того времени, когда переход *p-b* в анлауте полностью не завершился, ещё точнее не завершился сам процесс дифференциации тюркских языков в определенные языковые подгруппы. Позднее слово начало приобретать фонетические черты, характерные для той иной подгруппы тюркских языков. В огузских языках оно начало выступать в анлауте с *b* и обозначать конкретно рост. В кыпчакских языках в анлауте с *p* и *m* оно означало конкретный возраст или же размер чего-либо. Что можно наблюдать и в азербайджанских диалектах подвластных кыпчакскому влиянию.

Ещё одним интересным термином, связанным с ростом и временем, по нашему мнению, является термин *dünən* (*dün,tün*)-вчера. Заметим, что термин *tüncü* был отмечен и Махмудом Кашкари и Ибн-Муханной [11, 591; 12,75] в близких лексических значениях. Сравним данное слово:

Tür	Дерево распустило корни	М.Кашкари
Tün	Первенец в семье	Ибн-Муханна
Tuççi	Первенец	Ибн-Муханна
Tünci	Первенец	Ибн-Муханна
Turçu	Молодое дойное животное	Борчал.гов.аз.яз
Tüncü	Молодое дойное животное	Шушин.,зэнг.гов.аз.яз.
Tünci	Пора для замужества девушки	М.Кашкари
Tüm	Целое, все	Турец.лит.яз.
Bütün	Всё, целое	Азер.лит.яз.
Tönön	Жеребенок или телка по четвертому году	Кумандинский диал.

Как видно из значений, лексема во всех указанных случаях обозначает уже более позднее время. Сравним значения данной лексемы: первый ребенок, вчера, время для замужества девушки, молодой буйвол с такими её значениями, как: корень дерева, целостность, всё вместе взятое.

При сравнении становится абсолютно ясным, что исследуемая лексема изначально обозначала начало времени, его стартовую точку, отчего все берет начало. Например, от вчера берет начало сегодня, от первого ребенка берут начало последующие, молодой буйвол является началом своего старения, девушка поспела к замужеству и т.д.

Нужно также отметить, что серьезных фонетических переходов, характерных для тюркских языков в данном случае не наблюдается. Слово, зафиксированное древними памятниками, в таком же фонетическом виде используется и в современные времена. Исключение составляет переход *n-p*.

Думаем, что прямого перехода *n-p* в тюркских языках не существует. Это могло произойти следующим образом: *n-m-p*. О переходе *m-p* в данной статье упоминалось выше. Переход *n-m* в тюркологической литературе довольно широко исследован. Атамирзаева отмечает этот факт в намаганском диалекте узбекского языка: «По линии диссимиляции *n* переходит в *m* под влиянием *t* сравним: *üstüm-üstün*» [8, 68].

В аргяшском говоре башкирского языка: *senləu-semdəü ; semdətəü – tənqəl* [2, 104]. В кызылском говоре башкирского языка:» Носовой согласный **m** имеет довольно стабильную особенность, отражающуюся в диалектах всех тюркских языков- чередование с **b**. В башкирских говорах обнаруживаются единичные случаи перехода **m-n** [2, 262].

«Это явление встречается в городском кубинском говоре азербайджанского языка. Например: *yansalamağ- yamsılamaq, aftanabil-avtomobil*. Оно также широко распространено в в Бакинском, муганских говорах ,в нахичеванских говорах. Оно проявляет себя как в начале, так и в середине слов [9, 77].

Итак, проводя фонетические параллели можно прийти к выводу, что переход **n p** осуществлялся следующим образом:

n p →
m ↗

Tür-turçı-tüm-tün-tünci-tünçi-tuççı-tönən и т.д.

Безусловно, лексема относится к более древнему слою лексики тюркских языков. Дошедшая до наших дней в диалектах азербайджанского и других тюркских языков и отмеченная древними письменными памятниками лексема, наиболее поздний вариант. Она отражает в себе слой лексики пратюркского языка и также как и выше исследуемый термин является преемником того периода, когда ещё не завершился процесс дифференциации тюркских языков. Наличие в азербайджанских диалектах подобного рода лексических единиц ещё раз доказывает пребывание тюркских племен на территории Азербайджана с древнейших времен. Как правильно отмечает Г. Казымов : «Формирование языка произошло за счет аборигенных тюркских племен, а возвращение временами сюда тюркских племен только усилило этот процесс » [13, 5].

Выводы и перспективы. Этнолингвистический анализ ещё раз показывает, что исследование диалектизмов не только важно с лингвистической точки зрения, но и с исторической, так как отражают в себе историю развития языка.

Литература

1. *Azərbaycan dialektoloji lüğəti*. – Ankara, 2003.
2. Максютлова Н. Х. Восточный диалект Башкирского языка / Н. Х. Максютлова. – Москва, 1976.
3. Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков / Р. Г. Ахметьянов. – Москва, 1978.
4. *Şirəliyev M. A. Qazax dialektologiyası haqqında ümumi obzor* / M. A. Şirəliyev. – Bakı, 1943.
5. *Şirəliyev M. Bakı dilekti : ikinci nəşr* / M. Şirəliyev. – Bakı, 1957.
6. Тенишев Э. Р. Строй Сарыг-Югурского языка / Э. Р. Тенишев. – Москва, 1976.
7. Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урал-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики / Т. М. Гарипов. – Москва, 1979.
8. Атамирзаева С. Экспериментально – фонетическое исследование наманганского говора узбекского языка / С. Атамирзаева. – Ташкент, 1974.
9. *Rüstəmov R. Quba dialekti* / R. Rüstəmov. – Bakı, 1961.
10. Этимологический словарь тюркских языков. – Москва, 2003.
11. *Battal Aptullah İbnü Mühənnə lüğəti* / Aptullah Battal. – İstanbul, 1934.
12. *Kaşğari Mahmud Divani lüğət-it-türk* / Kaşğari Mahmud ; [tercümesi Serap Tuba Yurtsevər ve Seçkin Erdi]. – İstanbul, 2005.
13. *Kazımov Q. Müasir Azərbaycan dili* / Q. Kazımov. – Bakı, 2010.

Курбанова І. Відображення давньотюркської лексики в діалектах Азербайджанської мови / I. Kurbanova // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 241-246.

Етнолінгвістичний аналіз показує, що дослідження діалектизмів не лише важливо з лінгвістичної точки зору, але і з історичної, так як вони відображають в собі історію розвитку мови. У статті досліджуються давньотюркська лексика в діалектах Азербайджанської мови

Ключові слова: діалект, тюркські мови, термін, словник, кипчакські мови.

Kurbanova I. Reflection ancient Turkic vocabulary in dialects of Azerbaijani language / I. Kurbanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 241-246.

This article studies the issues associated with the reconstruction of language on materials of Azerbaijani dialects, as well as the related Turkic languages. The ethnolinguistic analysis is conducted on some examples that indicate the specific ages of humans and animals. The study shows that even separate words can shed a light on such controversial issues in linguistics, as substrates in the Turkic languages

Key words: the dialect of Turkic languages, a term dictionary, Kipchak languages.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.512.161+367

YAŞAR KEMAL'İN “İNCE MEMED” ROMANINDA KONUŞMA DİLİ YAPISININ (SÖYLEM DİLBİLİMİ IŞIĞINDA İNCELENMESİ)

Yılmaz S.¹, Yılmaz A. U.²

¹ *Университет Мармара, г. Стамбул, Турция,
e-mail: selimyilmaz@marmara.edu.tr*

² *Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция,
e-mail: auras@istanbul.edu.tr*

Bu çalışmada Yaşar Kemal'in “İnce Memed” (1955) başlıklı romanında geçen karşılıklı konuşmalar söylem dilbilimi ışığında incelenecektir. Bunun için, öncelikle karşılıklı konuşmaları barındıran farklı yapıdaki sözceler biçimbilim ve sözdizim esaslarına göre özenle seçilerek tasnif edilecektir. Daha sonra, bu sözceler, *söylem çözümlemesi* yapılarak dilbilimsel özellikleri bakımından gözlemlenmeye çalışılacaktır.

Anahtar kelimeler: Dilbilim, Konuşma dili, Söylem, Sözcem, Sözdizim, Türkçe.

Giriş. Öncelikle, bu araştırmanın¹, belirli bir yazınsal bütüncü üzerinde yapılan bir inceleme olduğundan, bir durum çalışması olduğunu belirtmekle başlayalım. Çalışmanın amacı, Yaşar Kemal'in bu romanında konuşma dilinin nasıl işlediğini saptamaya çalışmak ve aynı zamanda şu iki soruya ışık tutabilmektir: 1. “İnce Memed”te geçen konuşmalar, romanın kaleme alındığı döneme özgü yöresel sözlü dil kullanımı mı, yoksa daha ziyade yazara ait bir edebî üslup mudur? 2. Karşılıklı konuşma yapılarının, bir klasik haline gelmiş bu edebî romandaki yeri, önemi ve işlevi nelerdir? Çalışmada izlenecek temel kuram ve yöntem gelince, özellikle batıda uygulamalı dilbilimde kullanılan “Söylem” [10], “Sözceme” [5] ve “Sözlü dil” [4] gibi çağdaş dilbilim alanlarına ilişkin konuşma diline yönelik analitik ve pragmatik yaklaşımlardan yararlanılacaktır. Yaşar Kemal “İnce Memed” romanına zaman (güz, bahar, yaz, gün batımı, vs), uzam (Toros dağları, Çukurova, Akdeniz, vs) ve kişilerin (Abdi Ağa, köylüler, bir çocuk, vs) tasvirleriyle başlıyor, öyle ki, romanın ilk üç sayfasında yoğun betimlemeler görüyoruz. Konuşmalar ancak dördüncü sayfadan itibaren başlıyor. Konuşma dilinin yapısal özellikleri, sözcenin her sözdizimsel bölgesinde ve farklı dil unsurlar üzerinde görülebilir. Sözcenin konu ve yorum (fr. *thème/rhème*) olmak üzere iki bölümden oluştuğunu düşünecek olursak, sözlü dile özgü kullanımlar her iki bölgede olabileceği gibi, sözcük, biçimbirim ve hatta tüm sözce boyutunda da olabilir. Bir sözcede yorumdan sonra ek bir bölüm daha varsa, bu

¹ Bu araştırma konusunu seçmemizin asıl nedeni, bildiğimiz kadarıyla, Yaşar Kemal'in dünyaca tanınan ve milyonlarca kişi tarafından beğeniyle okunan bu meşhur eserindeki konuşma dili yapısının *söylem çözümlemesi* yöntemiyle irdelendiği bir çalışmanın şimdiye kadar yapılmamış olmasıdır. Çalışmamızın bu boşluğu az da olsa doldurmasını umuyoruz. Bu araştırmayı yaptığımız esnada, yazarın merakla beklenen “Çıplak Deniz Çıplak Ada” (Bir Ada Hikâyesi 4, YKY Yayınları, 2012) başlıklı romanının yayımlanması, çalışmamızda bizi ayrıca yüreklendirdiğini belirtmeden geçemeyeceğiz. Bu çalışma, Marmara Üniversitesi BAPKO birimi tarafından Sosyal B Tipi Çok Disiplinli Araştırma Projesi kapsamında (SOS-D-070211-0020) desteklenmiştir (Proje yürütücüsü: Doç. Dr. Selim Yılmaz).

zaten sözlü dile özgü bir sözdizimsel olaydır. Konuya giriş yapmadan önce “sözce/sözcelem” (fr. *énoncé/énonciation*)¹ kavramlarının tanımını vermek yerinde olacaktır. Vardar’ın [13, 189] *Dilbilim Sözlüğü*’ne baktığımızda, bu iki kavramın özellikle “edim” (fr. *performance*) terimi kullanılarak şu şekilde tanımlandığını görüyoruz: “Sözce, bir konuşucunun ürettiği, iki susku (durak) arasında yer alan söz zinciri parçası; sözceleme edimiyle ortaya çıkan söylem. Tümce, sözün çözümlenmesiyle elde edilen bir birimdir, sözceyse bu türlü bir işlemde önce belirlenen bir bütündür. Sözceleme ise sözce üretme edimi; bireyin sözceleri belli bir bağlam ve durum içinde gerçekleştirmesi. Sözceleme kuramları dili bir edim olarak kavramaya çalışmakta, sözceyi salt göndergesel işlevi dışında, konuşucunun edimiyle özdeşleşmesi ve dinleyicide bir etki yaratması açısından ele almaktadır.”

1. Konuşma dili nedir?

Bu soruya hemen tatmin edici bir yanıt bulabilmek kolay değildir. Zira, insanoğlu doğası gereği, her gün yaptığı bir işi, bir eylemi veya bir alışkanlığı anlatması veya tanımlaması basit değildir. Ancak, bu durum da, dilsel olgularda olduğu gibi genelleştirilemez, çünkü bazen söylem eylemden, bazen de eylem söylemden daha zor olabilir. Ayrıca, birkaç dilbilgisi ve dilbilim kitap ve sözlüğüne baktığımızda, farklı içerikli tanımlarla karşılaşırız. Bu sebeple, öyle görünüyor ki, her bir tanımda konuşma dilini betimleyecek önemli terimleri alıp bir araya getirmek ve aralarında bir ilişki kurarak değerlendirmek gerekecektir. Örneğin, Korkmaz [9, 102], *Gramer Terimleri Sözlüğünde*, “konuşma” ve “konuşma dili” kavramlarını tanımlarken “söz” ve “söyleyiş” terimlerini kullanır: “Konuşma, düşünceyi sözle ifade etme işi, aynı dili konuşan bireyler arasında sözle anlaşma biçimidir. Konuşma dili ise çeşitli söyleyiş özellikleri olan ve yazı dilinden farklı olan dildir. Karşıtı yazı dili’dir.” Buradan hareketle, Saussure [12, 16] “dil – söz” ikili terimini öne sürerken, dilin genel ve toplumsal, sözün ise özel ve bireysel özellikte olduğunu ileri sürmüştür. Diğer bir deyişle, konuşma dili, belirli bir bağlamda sözü ve söyleyişi üreten konuşan özneye doğrudan bağlı bir dilsel kullanımdır. Diğer yandan, Blanche-Benveniste ise [4, 2], konuşma dilini açıklarken daha çok edimbilim, yani pragmatik ve sözcelem alanları üzerinde durmuştur: “Konuşmanın ürettiği dilsel oluşumu dikkatle inceleyen Edimbilim, Sözcelem ve bilişsel araştırmalar gibi Dilbilimde yeni alanların ortaya çıkışı, kuşkusuz konuşma diline olan ilgiyi arttırmıştır.”

1.1. Karşılıklı sözlü etkileşim

Konuşma dilinde karşılıklı sözlü etkileşim, gündelik yaşamımızda kullandığımız, dilin canlılığını ve devingenliğini, yerine göre de doğaçlama yapısını olduğu gibi yansıtır. Bu özellikler, konuşma dili türüne, amacına ve “gönderici” ile “alıcı” (konuşmacı–muhatap) arasındaki etkileşimin şekline bağlıdır. Dolayısıyla konuşma dilinin yapısal oluşumu, dildışı ve pragmatik etkenlere göre değişebilir. Yaşar Kemal “İnce Memed” romanında, konuşma diline ve özellikle de karşılıklı konuşmalara (sözlü iletişim ve etkileşim) azımsanmayacak derecede önemli bir yer ayırmıştır. Romanda geçen karşılıklı konuşma zincirine bir örnek verelim:

(1) Topal Ali : “Duydun mu İnce Memed,” dedi. Memed gözleri apaydınlık güldü. “Yook.” “Ne yok? Sen de...” / “Vallahi yok.” Ali : “Dur öyleyse...” / “Söyle.” (S.434)

¹ Bu çalışmada Fransız Dilbilim kuram ve yönteminden yararlandığı için, söylem dilbilimi ile ilgili bazı önemli terimlerin Fransızca karşılıkları parantez içinde verilmiştir.

1.2. "Ben – Sen" sözlü etkileşimi

Konuşma dilinde özellikle "ben – sen" etkileşiminden söz etmek kaçınılmazdır. Bu dilsel kullanım bir iletişim şekli olduğuna göre, bir konuşmacı ve en az bir muhatabı olmalıdır. Söylem dilbiliminde "gönderici – alıcı" terimleri ile karşılanan konuşan özne ve dinleyici etkileşiminde, "ben sana konuşuyorum" eyleminin dilsel olduğu kadar, düşünsel, yargısal ve öznel açılardan *karşılıklı sözceme* (fr. *co-énonciation*) boyutunda söylemlere yansımalarıdır. Bu durumda, konuşan özne karşısında ancak "sen" varsa, "ben" adını kullanarak konuşabilir ve dolayısıyla da öznel bir duruş sergileyebilir. Bu sözlü etkileşim, genel bir sözceme yaklaşımı ile şu şekilde yorumlanabilir: "Ben konuşuyorsam, sen şimdi burada karşımda beni dinlediğin için konuşuyorum". "Ben – sen" etkileşimini aşağıdaki örnek iyi yansıtmaktadır:

(2) İnce Memed başını kaldırıp gülümsedi: "Ben çarık bile dikerim Süleyman emmi," dedi. "Ama sen iyi dikmişsin bunu." (S.24)

1.3. Öznellik ve kipsellik

Konuşma dilinin başlıca özelliklerinden olan konuşmacının kişisel duygu, düşünce ve yargısını yansıtan öznel tutum ve davranışları, yani "öznellik" (fr. *subjectivité*) durumu, sözlü söylemin doğasını, özünü, kısaca temelini oluşturur. Konuşma dilinde "öznellik" ve "kipsellik" (fr. *modalisation*) birbiriyle çok yakın ve bağlantılı iki dilbilimsel olgudur. Bu bağlamda, konuşma dilini kabaca dilde öznellikte birlikte kipselliğin ön plana çıkarılması olarak değerlendirebiliriz. Genellikle dilde üretilen konuşma zincirleri ve söylemlerde öznellikten bahsedebilmek için, öncelikle "kipsellik"ten bahsetmek ve kipsel unsurları göz önüne almak gereklidir. Burada önemli olan soru şudur: Kipsel öznellik mi? Öznel kipsellik mi? Konuşma zincirlerinin, sözcelerin bağlam durumuna göre, kimi zaman "öznel kipsellik", kim zaman da "kipsel öznellik" içerikli olmalarıdır. Bu iki durum birbirine elbette çok yakındır, ancak doğal olarak, sözü edilen bu dilbilimsel olgulardan biri diğerine göre daha biçimsel ve sözdizimsel olarak daha baskın olacaktır. Aşağıdaki sözce, konuşma dilinin duygulara ilişkin kipsel unsur barındırabildiğini gösteren somut bir örnektir. Bu duygu yoğunluğu, konuşma kısmından önceki tasvir bölümündeki anlatımdan da kolaylıkla anlaşılmaktadır:

(3) Asım Çavuş bunu beklemiyordu. Bir Hatçeye, bir Iraza, bir Memede baktı. *Gülümsemesi* dudaklarında dondu kaldı. Elini Memede uzattı, kelepçeyi aldı. "İnce Memed!" dedi, *sustu*. Gözgöze, öylece *sustular kaldılar*. "İnce Memed!..." Sesi gürlüdü : "İnce Memed, *ben de bu durumda seni* teslim alacak adam değilim." (S.426)

2. Sözdizimsel oluşumlar

Çalışmamızın bu bölümünde, konuşma dilinde gözümüze çarpan çeşitli sözdizimsel oluşumları incelemeye çalışacağız. Bu sözdizimsel oluşumlarda farklı sözce yapıları söz konusu edilecektir. Sözceler, konuşma dilindeki önemi ve kullanım sıklığına göre şu başlıklar altında toplanarak incelenecektir: 1) Devrik sözceler, 2) Deyimsel sözceler, 3) Tekrarlamalı ve ikilemeli sözceler, 4) Ünlemsel sözceler, 5) Eksik sözceler.

2.1. Devrik sözceler

Konuşma diline özgü en belirgin sözdizimsel oluşum devrik yapılarıdır. Klasik dilbilgisinde "devrik yapı" olarak bilinen bu sözdizimsel oluşum, sözceme ve pragmatik açılarından irdelendiğinde "gönderici–alıcı" (fr. *émetteur–récepteur*) etkileşimi çerçevesinde bu dilsel kullanımın mutlaka bir sebebi vardır. Bu sebebi anlayabilmek ve

belirleyebilmek için öncelikle sözcenin yorum bölümü ile yorum sonrası bölüm arasındaki anlamsal ilişkiyi çözümlenmekle işe başlanmalıdır. Sözcenin yorum bölümünden sonra eklenen parçasal kısma “artyorum” (fr. *postrhème, postfixe*) da denebilir. Başka bir deyişle, yüklem ve yüklem sonrası birim (fr. *élément post-prédicatif*) arasında anlambilimsel bir inceleme yapılmalıdır. Zülfikar [14, 123] devrik cümle kuruluşu ile ilgili şu sözlere yer verir: “Devrik cümle çağımızda ortaya çıkmış bir cümle türü değildir. Kökü çok eskilere gider. Pak çok atasözü ve deyimlerimizde kullanılır. Halk ağzında da çok yaygın olarak kullanılır. Devrik cümle daha çok konuşma dilinin cümle türüdür.” “İnce Memed” Romanında devrik sözceler sıkça karşılaştığımız sözdizimsel yapılardır. Sözcenin yorum bölümünden sonra ve özellikle de yüklemden hemen sonra eklenen birimler, konuşan öznenin yargısıyla veya yorumu ile ilgili ek bir bilgi verebileceği gibi, muhatabın dikkatini eklenen söz konusu unsur üzerine çekmek amacıyla kullanılır. Bu sözdizimsel oluşuma birkaç örnek verelim:

(4) Süleyman: “Canı istediği kadar kalsın *evde*.” (S.20)

(5) Süleyman: “Çok mu sıkıştırdı *seni Abdi Ağa*?” diye sordu. (S.21)

(6) Ana: “Nasıl olur?” dedi. “Siz nasıl gidersiniz *kasabaya bu yaşta*? Olur mu? Sonra Abdi Ağa ne der?” (S.63)

2.2. Deyimsel sözceler

Edebî eserlerde ve özellikle de romanlarda “deyimler” önemli bir yer tutar.¹ Deyimsel sözcüklerin kullanımı, anlatıma canlılık katmak ve ifade edilen olguyu desteklemek için yazarların başvurdukları biçimsel, yani stilistik bir yöntemdir. Deyimlerin kullanılış şekli ve işleyişleri, aslında Biçembilim (fr. *stylistique*) ve Sözbilimin/Deyişbilim (fr. *rhétorique*) araştırma alanına girer. Ancak, karşılıklı konuşmalarda duygu ve düşüncelerimizi desteklemek amacıyla, uygun olabilecek deyimleri yeri geldiğinde kullanabiliriz. Bu biçimsel yöntem, konuşmacının kişisel düşünce ve yargısını muhatabına ikna edici bir yolla iletebilmesi için kullandığı etkili bir yöntemdir. Deyimsel sözcelere bütünceden şu üç örneği verebiliriz:

(7) Sonra, “olmaz,” dedi kendi kendine. “*Adamı kurt kuş yer*.” (S.12)

(8) Hatçe: “Can,” dedi. “Yolunu, *yolunu çok gözledim. Gözlerim yollarda kaldı*.” (S.81)

(9) “Vay benim başıma gelenler!... Kızım! Kızım! *Sürüm sürüm sürünesin* inşallah. *Namusumu iki paralık ettin kızım! Kahrol! Kızım! İki gözün önüne aksın kızım!*” (S. 100)

2.3. Tekrarlamalı ve ikilemeli sözceler

Konuşma dilinde tekrarlamalı ve ikilemeli sözcelerin çok sık kullanıldığı bilinen bir gerçektir. Tekrarlama, herhangi bir sözcüğün veya sözcük öbeğinin yinelenmesidir. Hatta tekrarlamalı kısa bir sözce düzeyinde de olabilir. İkilemede ise yinelenen sözcüğün biçimi değişikliğe uğrayabilir ve ifade açısından deyimsel bir özellik göze çarpar. Vardar’a [13, 125] baktığımızda, “İkileme” terimini şu şekilde tanımladığını görüyoruz: “Anlama güç katmak amacıyla bir birimi, seslemi yineleme, aralarında benzerlik bulunan birimleri art arda kullanma (örn. *ölen ölene, güzel güzel, ev mev, vb.*). Edebî metinlerdeki konuşmalarda, tekrarlamalı ve ikilemelerin en önemli *söylemsel işlevleri* (fr. *fonction*

¹ Aksan (1993 : 83) “deyimler”in önemini şu şekilde açıklar: “Deyimler bir dili konuşan toplumun dünya görüşünü, yaşam biçimini, çevre koşullarını, gelenek, görenek ve inançlarını, önem verdiği varlık ve kavramları, kısacası, maddi ve manevi kültürünü yansıtan, o toplumun düşünme biçimini, hatta nükte ve buluşlarını ortaya koyan, dilbilim açısından önemli olduğu kadar yazın ve halkbilim açısından da önemli olan sözlerdir.”

discursive) anlatıma bir zenginlik katmak ve/ya söylemin belirli bir noktasına vurgu yapmaktır. Vurgulanan kısım, tekrarlanan veya yinelenen unsur olmakla birlikte, daha ziyade yüklem sözce içindeki anlamsal etkisini güçlendirir.

2.3.1. Tekrarlamalar

"İnce Memed" romanında en çok tekrarlanan dilsel unsurun *yüklem* olduğunu söyleyebiliriz. On beş sözceden oluşan aşağıdaki söylem parçasında yüklem tekrarlanmıştır: "Giderim" yüklemi üç kez, "bulurum" yüklemi iki kez, "göremez" yüklemi iki kez, "ölürüm" iki kez tekrarlanmıştır. Bunun yanı sıra, sözceler arasında anlamsal bağlantıyı kurma işlevi gören ve konuşma diline özgü bir kullanım olan "işte" sözcüğü altı kez tekrarlanmıştır. Bu tekrarlamaya belirli bir söylemsel durumu vurgulamak amacıyla dile getirilmektedir.

(10) "Giderim," diyordu. "Giderim bulurum o köyü. Kimse bilmez oraya gittiğimi. Gider bulurum. Giderim işte. Çoban olurum işte. Çift sürerim işte. Anam beni arasın işte. Arasın aradığı kadar. Keçisakallı göremez yüzümü. Göremez işte. Ya köyü bulamazsam? Bulamam! Aç kalır ölürüm. Ölürüm işte." (S. 12)

2.3.2. İkilemeler

Edebî metinlerde geçen konuşma bölümlerinde, ikilemeler daha çok ifadeye doğrudan etki eden ve deyimsel özellik taşıyan bir dilsel kullanımdır. Bu dilsel kullanım, yazarın edebî üslubu ve yazı tekniğiyle yakından ilgilidir. Dolayısıyla, her yazarın, ikilemeleri kullanma biçimi ve ölçüsü farklı olabilir. Hatta, bu durum romanda geçen hikayeye de birebir bağlı olduğundan, "İnce Memed"de karşılıklı konuşmaların ifade bakımından zenginliği ikilemelerin yoğun kullanılmasını gerektirmiştir. Aşağıdaki iki örnekten birincisinde, ikilenen unsur yüklemi dolaylı olarak etkilerken, ikinci örnekte ise, ikilemeler bir kelime oyunu ile birlikte yüklem anlamını doğrudan etkiler ve böylece anlamını güçlendirir. "Sürüm sürüm sürünsün" ve "yılın yılın yatsın" bir tekerleme gibi, hem kelime oyunu hem de sesletim açısından (/s/ ve /y/ sesleri) yüklem üzerinde bir pekiştirme sağlar. Demek ki, ikilemelerde seslerin yinelenmesi de ifadeyle birlikte anlama güç katar ve bu sayede karşı tarafın dikkati ifade edilen olgu üzerine çekilmiş olur. Böylece, söylem çözümlemesi yapıldığında, dilbilimsel işlev olarak ikilemelerde "yüklemsel odaklama" denilen dilsel olgusundan söz etmek mümkündür. Sözlü dil Türkçesinde ikilemelere çok sık rastlamamızın sebebi, Türkçenin ses açısından uyuma ve dilin melodisine verdiği önem ile açıklanabilir. Aynı zamanda, bu ikilemeli kullanımlar, güçlü, ilgi çekici ve etkileyici anlatım şeklini ortaya koyan bir kelime oyunu tarzıdır. "yılın yılın yatsın" ile "kıyık kıyık kıyar beni" ifadeleri günümüz konuşma dilinde pek kullanılmamaktadır:

(11) Abdi Ağa: "Zahmeti mahmeti yok," dedi. "Göster bana yerini çocuğun." (S.46)

(12) "Onmasın inşallah..." / "Sürüm sürüm sürünsün." "Kurt işlesin tenine inşallah." / "Yılancıklar çıkarsın da yılın yılın yatsın." (S. 90)

(13) Memed: "Beni bulursa... Allah var demez... Kıyık kıyık kıyar beni." (S. 22)

2.4. Ünlem sözceleri

Ünlem sözceleri de özellikle sözlü söylemlerde duyguların düşünceler ile birleştirilmesi veya başka bir deyişle düşünce ve davranışların duygular (kızgınlık, öfke, korku, sevinç, mutluluk vs) ile beslenmesi bakımından önemli sözcelerdendir. Günlük konuşma dilinde, ünlem sözcelerinin tonlama ve bürünsel, yani prosodik yapısı çok

önemlidir. Karşılıklı konuşmalarda, ünlem sözcüsünün söylemsel değeri, sözcenin bürünsel yapısı incelenerek belirlenebilir. Ancak, buradaki durumda olduğu gibi, edebî metinlerde geçen konuşmalardaki ünlem sözcülerinin söylemsel değerleri, bağlam ile birlikte seçilen sözcüklerin anlamları ve noktalama işaretleri incelenebilir. Meselâ, aşağıdaki örneklere bakıldığında, birinci sözcede iki yüklem emir kipi ve olumsuz yapıda olması ve sözcenin sonundaki ünlem işareti söylemin ünlemsel değerini somut bir şekilde ortaya koymaktadır. Oysa, ikinci örnekte anlam ağır bastığından dolayı, yazar sözcenin sonuna ünlem koyma gereği duymamıştır.

(14) Memed: “Etme eyleme Hatçe!” (S. 419)

(15) Memed: “Allah belanı versin.” (S. 419)

2.4. Eksik sözceler

Konuşma dilinde, sözcenin tamamlanmadığı veya eksik kaldığı durumlar da söz konusu olabilir. Biz buna “eksik sözcü” diyoruz. Bu sözdizimsel oluşum, konuşma diline özgü, önemli dilsel özelliklerden biridir. Yaşar Kemal, konuşmaların geçtiği bölümlerde, kişiler arasında geçen konuşmanın canlılığını vermek amacıyla eksik sözcü kullanımına başvurur. Bu yöntem aynı zamanda, sözcenin geri kalan kısmını, yani tamamlanmayan bölümünü okuyucunun tahminine bırakarak okumayı sıkıcılıktan ve monotonluktan uzaklaştırmak amacıyla da kullanılabilir. Başka bir deyişle, yazarlar eksik sözcü kullanımını edebiyatta bir çeşit yazınsal üslup olarak da değerlendirebiliyorlar. Eksik sözcü, bağlamdan hareketle muhatabın (dinleyici ya da okuyucu) yargısına bırakılan bir anlatım şeklidir. Bu kullanımlar, sözlü dilde muhatabın da var olduğu çıkarımını sağlayan, karşı tarafı öne çıkararak söylem türleridir. Bu açıdan bakıldığında, eksik sözcüler karşılıklı düşünmeye sevk eden dilsel kullanımlar olduğundan, karşılıklı sözcüleme durumu söz konusudur. Örneğin:

(16) Sonunda: “Kovarsa kovsun Abdi Ağa,” dedi. “*Biz de...*” (S. 64)

(17) “Nasıl bulacaklar bu ormanın içinde bizi? *Sen de...*” (S.98)

Sonuç. Bu araştırmanın giriş bölümünde belirttiğimiz gibi, burada söz konusu olan belli bir bütüne üzerinde yapılan bir durum çalışması olduğundan, bu çalışmada belirlenen ve incelenen sözcü ve gösterge ulamları konuşma dili açısından genelleştirilemez. “İnce Memed” romanında, Anadolu’nun belli bir bölgesindeki ağız (konuşma dilinin kullanım şekli) yoğun kullanılmasına rağmen, konuşma dili yapısı söylem dilbilim açısından bakıldığında, oldukça zengin bir dil perspektifi görebiliyoruz. Geniş yelpazeli bu dilsel kullanım, konuşma dilinin özünü olduğu gibi yansıtan farklı yapıdaki sözcü kuruluşları ile gerçekleşir. Konuşurken sıkça kullanılan ve konuşma dilinin özelliğini yansıtan “devrik yapılar, deyimler, tekrarlamalar, yinelemeler ve eksik söylemler” bu çalışmamızda bize oldukça zengin *sözcü örnekleri* sunmuştur. Öyle ki, bu çeşitli sözcüler arasında seçim yapmak ve örnekleri sınıflandırmak bizim açımızdan bu araştırmanın en zor kısmı olmuştur. Elbette ki, konuşma dilini betimleyen etkenleri bu kadarla sınırlamak mümkün olmadığı gibi doğru bir yaklaşım da olmaz. Zira, konuşma dilinin doğası gereği devingen bir yapıda olması, söz(ce) ve söylem üretimi sonsuz sayıdadır. Ancak şunu rahatlıkla söyleyebiliriz ki, bu çalışmada incelediğimiz kadarıyla, “İnce Memed” romanında geçen konuşmalar, sözlü dil yapısı ve işleyişine özgü en belirgin dilsel öge ve olgularını barındırmaktadır.

Kaynakça

1. Aksan D. Türkçenin gücü / Aksan D. - Ankara: Bilgi Yayınevi.- 3. Basım, 1993.- 200 s.
2. Banguoğlu T. Türkçenin grameri / Banguoğlu T. - Ankara: TDK Yay.- 4. Baskı, 1995.- 628 s.
3. Bazin L. Introduction à l'étude pratique de la langue turque / Bazin L. - Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien Maisonneuve, 1987. - 201 s.
4. Blanche-Benveniste Cl. Approche de la langue parlée en français / Blanche-Benveniste Cl. - Paris: Ophrys, 1997.- 164 s.
5. Culioli A. Pour une linguistique de l'énonciation / Culioli A. - Paris: Ophrys.- vol.1, 1990.
6. Ergin M. Türk dil bilgisi / Ergin M. - İstanbul: Bayrak Basım Yay.- 19.baskı, 1990. - 384 s.
7. Golstein B. Grammaire du Turc / Golstein B. - Paris: L'Harmattan, 1997.- 282 s.
8. Kemal Y. İnce Memed 1 / Kemal Y. - İstanbul: Adam Yayınları .- 1.bsk.1955, 1995.- 422 s.
9. Korkmaz Z. Gramer Terimleri Sözlüğü / Korkmaz Z. - Ankara: TDK Yayın, 1992.- 212 s.
10. Maingueneau D. Les termes clés de l'analyse du discours / Maingueneau D. - Paris: Editions du Seuil.- 2.baskı, 2009.- 143 s.
11. Sarıca M. Sözlü dil yapısı / Sarıca M. - İstanbul: Multilingual, 2005.- 151 s.
12. Saussure F. Genel dilbilim dersleri / Saussure F. / Çeviren: Berke Vardar. - Ankara: Birey ve Toplum Yayınları, 1985.- 272 s.
13. Vardar B. Açıklamalı Dilbilim Terimleri Sözlüğü / Vardar B. - İstanbul: ABC Yayınevi, 1998.- 295 s.
14. Zülfikar H. Yüksek öğretimde Türkçe yazım ve anlatım / Zülfikar H. - İstanbul: İlyaz Basımevi.- 1.baskı, 1977.- 255 s.

Йылмаз С. Структура разговорной речи романа Яшара Кемала "İnce Memed" (как объект лингвистического дискурса) / С. Йылмаз, У. Йылмаз // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 247-253.

В статье рассматривается структура речи романа Яшара Кемала "İnce Memed" как объект лингвистического дискурса, на основе морфологии и синтаксиса отобраны и классифицированы различные типы высказывания, по результатам дискурсивного анализа описаны языковые особенности разговорной речи.

Ключевые слова: лингвистика, разговорная речь, дискурс, язык, синтаксис, турецкий язык.

Йилмаз С. Структура розмовної мови роману Яшара Кемала "İnce Memed" (як об'єкт лінгвістичного дискурсу) / С. Йилмаз, У. Йилмаз // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 247-253.

У статті розглядається структура мови роману Яшар Кемала "İnce Memed" як об'єкт лінгвістичного дискурсу, на основі морфології та синтаксису відібрано та класифіковано різні типи висловлювання, за результатами дискурсивного аналізу описано мовні особливості розмовної мови.

Ключові слова: лінгвістика, розмовна мова, дискурс, мова, синтаксис, турецька мова.

Yilmaz S. Yasar Kemal, "Thin Memed" Novel Speech Language Structure. Light of Linguistics Discourse Analysis / S. Yilmaz, A. Yilmaz // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 247-253.

In this study, the mutual conversations and oral discourses which take place in the novel "1955; "İnce Memed" (Thin Memed) of Yasar Kemal will be examined in the light of linguistic discourse. First of all, the different types of utterances will be carefully selected and classified on the basis of morphology and syntax. Afterwards, these utterances will be observed in terms of linguistic features by carrying out the *discourse analysis*.

Key words: Discourse, Enunciation, Linguistics, Spoken language, Syntax, Turkish

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.512.162

КАЛЕНДАРНЫЕ МИРОВОЗРЕНИЯ АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ТЮРКОВ

Аллахвердиев Р. Н.

*Институт Фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: allahverdiyev1983@mail.ru*

В статье рассматривается связь календарных мировоззрений и календарных обрядов азербайджанских тюрков, описывается понятие времени, приводятся календарные мифы.

Ключевые слова: календарь, обряд, время, модель, антропоморфическая модель, зооморфическая модель, миф, Коса, Козел, Хыдыр (Хадир), Хызр.

Постановка проблемы. Обычаи и обряды - самый ценный источник, в котором отражается своеобразность этноса. В этносе отчетливо сохраняются специфические черты того или иного народа, календарные обряды и обычаи. В первобытном сознании азербайджанских тюрков, как и у древних тюрков, календарные обряды, обычаи занимают особое место. Это характерно для всех народов мира. Первобытное мировоззрение древних народов связано с календарём и проявляется в текстовой, и обрядовой форме.

Как у некоторых народов мира - Китая, Монголии и у древнетюркских народов существовал двенадцатилетний циклический календарь, представленный двенадцатью разными животными. Известный ученый Махмуд Кашгари в своей книге - «Дивани лугат-ит-тюрк» дает древнетюркский циклический календарь в следующей последовательности:

«Год мыши;
Год быка (коровы, вола);
Год барса, (каплана, тигра):
Год зайца (кролика);
Год крокодила (дракона);
Год змеи;
Год юнда (лошади);
Год овцы;
Год обезьяны;
Год курицы;
Год собаки;
Год свиньи» [1, 354-355].

Двенадцатилетняя циклическая календарная система, существующая и действующая в рамках специфического свойства мифологического мышления, подчинено внутренней закономерности мифического сознания. Повторение и смена времени, следующая друг за другом двенадцатилетнего года, отражает в себе вечное повторение в замкнутом круге, в мифологическом мышлении.

Календарные обряды азербайджанских тюрков связано с переходом из зимы к весне. С точки зрения мифологии такие обряды, обозначающие переходный акт из хаоса к космосу, охватывает в себе оппозицию тех или иных символических образов в соответствии с оппозиционным инвариантом хаоса - космоса. С этой точки зрения обряд «Коса-Коса» у азербайджанских тюрков, привлекает особое внимание. Впервые этот обряд описал Али Султанлы. Он отметил некоторые особенности этого обряда в своей книге [2, 36-44].

С мифологического аспекта, обряд «Коса-Коса»- оппозиция Коса – Козла символизирует оппозицию Зимы – Весне. М. Сеидов отмечает что, «в обряде «Коса-Коса», Коса- символ Зимы, а Козел- символ Весны. Коса готовится в долгое путешествие, поэтому участники обряда понимают, что зима прошла, а весна наступила, но Коса не хочет уходить. В конце Козел – Весна убивает Косу – Зиму» [3, 28].

В действительности, оппозиция Коса – Козла является трансформированным вариантом, инвариант оппозиция - Хаоса – Космосу. То есть, Коса является трансформированным символом зимы, а Козел весны. Образ Косы антропоморфическая модель времени (конкретно зимы), которая представляется в человеческом образе. А образ Козла зооморфическая модель времени (конкретно весны), которая представляется нам в животном образе. Если оппозиция Коса – Козла, является трансформированным вариантом, инвариантом, то оппозиция Хаоса – Космос и антропоморфическая модель времени Косы, символизирует - Хаос, а зооморфическая модель Времени- Козла, символизирует - Космос.

Как видно, в этом обряде Козел убивает Косу. На самом деле, всё это происходит требованием внутреннего содержания логико-мифического мышления. «Для того чтобы началось нечто истинное, нужно полностью уничтожить остатки старого цикла. Иначе говоря, если мы желаем абсолютного начала, то конец мира должен быть самым радикальным» [4, 59]. С этой точки зрения уничтожение Косы необходимо, то есть, уничтожение антропоморфической модели времени Косы, в действительности, уничтожение старого - зимы, хаоса - является началом нового- весны, космоса.

Одним из древних обрядов азербайджанских тюрков является «Коду-кодуду». Об этом календарном обряде, было написано в 1890-ом году в «Сборнике материалов по описанию местностей и племен Кавказа». А. Акимов в своих заметках в дневнике, написал об этом следующее: «В один из долго длившихся пасмурных дней прошлого месяца, я был встревожен странными криками, которые доносились до меня со двора моей квартиры. Я вышел во двор, и глазам моим представилась следующая картина: несколько мальчиков из местных мусульман (азербайджанских тюрков – Р.А.), немилосердно стуча палками, произносили татарские (азербайджанские, тюркские – Р. А.) слова. Когда мальчики умолкли, один из них поднес ко мне куклу, обвитую янтарными четками. Кукла, без сомнения, изображала женскую фигуру. На вопрос мой: «Что это за кукла?» мальчик ответил, что это – «Коду» (так назвал он куклу).

– «Что же значит Коду?» спросил я снова мальчика.

– «Солнце и Месяц», ответил он, наверное, бессознательно.

Не добившись, толку относительно «Коду», я попросил мальчика продиктовать мне ритмованные слова. Мальчик продиктовал мне следующее:

Qodu, Qodu! Hay, Qodu, Qodu!	Коду, коду! о, Коду, Коду!
Qoduya salam verdinmi?	Отдал ли ты салам Коду?
Qodu buradan ötəndə,	Когда пролетел отсюда Коду,
Qırmızı gün gördünmü?...	Не видел ты красного солнышка?...
Qara toyuq qanadı,	Крыло черной курицы
Kim vurdu, kim sanadı?	Кто ударил, кто сочелал?...
Göyçəliyə getmişdim,	Был я Гекчали, –
It baldırımı daladı, –	Собака укусила меня в икру.
Yağ verin yağlamağa,	Дайте масло умастит,
İp verin bağlamağa:	Дайте веревки привязать!
Verənin oğlu olsun,	Кто дасть, у того пусть родится сын:
Verməyənin bir kor qızı olsun.	Кто не дасть, у того пусть родится слепая дочь
O da çatlasın ölsün.	Да и та пусть лоннеть и помереть!» [5, 128-129)

Календарное мировоззрение у азербайджанских тюрков, отражено и в мифологических текстах. В этих текстах календарные мировоззрения проявляют себя в рамках свойства мифопоэтического мышления. Характеризуя свойства мифического мышления, Е. М. Мелетинский отмечает: «Некоторые особенности мифологического мышления являются следствием того, что «первобытный» человек еще не выделял себя отчетливо из окружающего мира и переносил на природные объекты свои собственные свойства, приписывал им жизнь, человеческие страсти, сознательную, целесообразную хозяйственную деятельность, возможность выступать в человекообразном физическом облике, иметь социальную организацию и т. п.» [6, 164-165].

В действительности, мифологическое мышление, воспринимает человека и окружающий мир как единое целое. С этой точки зрения, первобытное мышление воспринимает и представляет понятие времени, календарные мировоззрения в рамках специфической особенности мифопоэтического мышления. Конкретный отрезок времени, Зима воспринимается и представляется в человеческом виде, как Старуха и три ее сыновья - Старший Чилле, Младший Чилле и Боз Чилле (Месяц). Обратим внимание на следующий мифологический текст:

«Зима - одна Старуха. У нее три сына - Старший Чилле, Младший Чилле, Боз (Серый) Чилле. Мать отправила Старшего Чилле. Когда он вернулся, мать спросила: «Что ты сделал?», он сказал: «Я собрал людей вокруг очага.

Потом Младший Чилле отправился. Когда он вернулся мать и спросила его: «Что ты сделал?». Он ответил: «Бросил людей в огонь»

И, наконец, Боз (Серый) Месяц отправился. Когда он вернулся, мать спросила: «А ты, что сделал?» От ответил: «Я выносил из огня» [7, 59].

Таким образом, можно сказать, что антропоморфические модели времени, как Старуха, Старший и Младший Чилле, содержат в себе негативную семантику.

Один из древних обрядов азербайджанских тюрков - «Хыдыр (Хадир)», или Чыдыр Наби. Образ Хыдыр-Наби (Хадир) широко распространено в мусульман-

ской мифологии, в том числе тюркской мифологии. Даже в священной книге - «Коран», Хыдыр отмечается как образ пророка. К. Юнг писал: «Коран действительно не обнаруживает различия, в этой истории, между Аллахом, говорящим от первого лица, множественного числа, и Хадиром. Но совершенно ясно, что эта часть представляет собой простое продолжение вспомогательных действий, описанных ранее, и вместе это доказывает тот факт, что Хадир - есть символизация или «инкарнация» Аллаха» [8, 182].

В тюркской мифологии, образ Хадир и Хызр (Хызыр) имеют некоторую своеобразность. Часто, в научной литературе, образ Хадир и Хызр отождествляется. На самом деле, Хадир и Хызр разные образы. М. Тахмасиб отмечал, что « у нас Хызр часто называют – Хыдыр. Обосновываясь, вышеуказанным, принимает псевдоним пророка - Ильяса. На самом деле, они являются мифологическими образами из разных мифов» [9, 41]. Исследователь А. А. Аджалоглу отмечает что, анализ материалов, доказывает что, оба образа имеют тюркское происхождение, имя Хызыр древнее чем Хыдыра» [7, 299].

Следует обратить внимание на обряд - «Хыдыр Наби». Мы подходим к анализу вопроса, мифологическим аспектом. Разумеется, обряд «Хыдыр Наби» охватит первые десять дней Младшего Чилле [10, 101], то есть Хыдыр Наби определенный отрезок зимы (в широком смысле времени). Значит, определенный отрезок зимы, представляется образом Хыдыра. С мифологической точки зрения, Хыдыр Наби – антропоморфическая модель времени (конкретно зимы). И охватывает в себе негативную семантику, как старого, хаотического. Есть такая азербайджанская пословица: «Хыдыр пришел, зима пришла, Хыдыр ушел, зима ушла». И это означает, что Хыдыр антропоморфическая модель зимы и не связано с весной, зеленью. А Хызр антропоморфическая модель весны и заключает в себе зелень, новое, космическое.

В. В. Радлов отмечает что, «руз-и Хызыр 23-й день апреля - первый день весны» [11, 1724]. М. Сейидов подтвердил тюркское происхождение образа Хызыра и отмечал, что «Хызыр - мифический образ в человеческом виде, теплота, жара, сила весны, или же принесет эти явления» [12, 110]. А М. Тахмасиб написал, что « Становится ясно, что Хызыр мифический образ, связанный с приходом весны, с цветением» [9, 40].

Выводы и перспективы. Таким образом, Хыдыр и Хызыр – это разные образы, с мифологического аспекта - Хыдыр антропологическая модель Зимы, а Хызыр антропологическая модель Весны.

Литература

1. Kaşğari M. Divanü Luğat-it-türk : Dörd cildde / M. Kaşğari; [Tərcümə edən və nəşrə hazırlayan: Ramiz Əkbər]. – Cild 1. – Bakı: Ozan, 2006. – 512 s.
2. Sultanlı Ə. Azərbaycan dramaturgiyasının inkişafı tarixindən / Ə. Sultanlı. Bakı: Azərbaycan Dövlət nəşriyyatı, 1964. – 301 s.
3. Seyidov M. Yaz bayramı / M. Seyidov. – Bakı : Gənclik, 1990. – 96 s.
4. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде. – Москва : Академический Проект, 2010. – 251 с.
5. Сборник материалов местностей и племен Кавказа. – 9-ый выпуск. –Тифлиси, 1890. – 480 с.
6. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. – Москва : Издательство Наука, 1976. – 406 с.
7. Əsatirlər, əfsanə və rəvayətlər. – Bakı : Şərq-Qərb, 2005. – 304 s.

8. Юнг К. Г. Синхрония: аказуальный объединяющий принцип / К. Г. Юнг. – Москва : АСТ Москва, 2010. – 347 (5) с.
9. Təhmasib M. Seçilmiş əsərləri : 2 cildə / M. Təhmasib. – Cild 1. – Bakı : Mütərcim, 2010. – 488 s.
10. Novruz bayramı ensiklopediyası. – Bakı : “Səda” nəşriyyatı, 2008. – 208 s.
11. Seyidov M. Azərbaycan mifik təfəkkürünün qaynaqları / M. Seyidov. – Bakı : Yazıçı, 1983. – 326 s.
12. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2. Ч. 2 / В. В. Радлов. – С-Петербург, 1889. – 1814 (64) с.

Аллахвердиев Р. Н. Календарні світогляди азербайджанських тюрк / Р. Н. Аллаxвердіев // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 254-258.

У статті розглядається зв'язок календарних світоглядів і календарних обрядів азербайджанських тюрків, описується поняття часу, наводяться календарні міфи.

Ключові слова: календар, обряд, час, модель, антропоморфіческому модель, зооморфіческая модель, міф, Коса, Козел, Хидир (Хадір), Хизир.

Allahverdiyev R. Views connected with calendar of Azerbaijan turks / R. Allahverdiyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 254-258.

Views connected with calendar (time) of Azerbaijan turks reflect in the ceremony of calendar. Xhosa – Xhosa, Khodu – Khodu, Khidir Nabi are these ceremony. The conception of time modelizes image of human and animals in the mythological texts connected with myth of calendar.

Key words: calendar, ceremony, myth, time, model, antropomorphological model, zoomorphological model, Xhosa, Goat, Khidir, Khizr.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 821.512.164

ТУРКМЕНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ-БЕЛОЭМИГРАНТ ИЗ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ МЕКСИКИ

Соегов М.

*Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана, г. Ашхабад, Туркменистан,
e-mail: msoyegov@gmail.com*

На ярком и богатом историческом фоне рассказывается о боевых поступках, жизни и творчестве туркменского писателя Хан Хаджиева (1895–1966), который был вынужден жить в эмиграции в Мексике.

Ключевые слова: туркменская литература, Бегназар Хан Хаджиев, писатель-белоэмигрант, история, Туркменский кавалерийский полк

Писатель-белоэмигрант
Бегназар Хан Хаджиев

Постановка проблемы. Как явствует из обнародованных документов по Интернету, он появился в свет 22 июля 1895 года в семье туркмена-ёмуда колени байрамшалы, который ранее переехал с территории современного Туркменистана на постоянное местожительство в город Турткуль, преобразованный после перехода в 1873 году правого берега Аму-Дарьи от Хивинского ханства к России в Петро-Александровское укрепление (с 1920 года город опять начал носить прежнее название Турткуль и в 1932–1939 гг. был столицей Каракалпакии), нынешней Республики Каракалпакстан, которая находится в составе независимого государства Узбекистан. Родители своего новорожденного сына нарекали настоящим туркменским именем Бегназар, но в последующих документах он числился как Надзар-Бек или Разак/Резак Бек, а фамилия его писалась в виде то Хан Хаджиев, то Байдаран (Байлархан?) Хаджиев. Есть предположение, что предки Бегназара происходили древнего

туркменского ханского (правлящего) рода. Дальнейшая его судьба сплеталась с бурными военными и политическими событиями, развернувшиеся в Российской империи в первых десятилетиях прошлого столетия, которые нами кратко рассматриваются в нижеследующих главах.

Из истории формирования туркменского кавалерийского полка. Туркменская конная милиция, учрежденная еще 24 февраля 1885 года с местом дислокации в селе Кёши под Ашхабадом, 7 ноября 1892 года была преобразована в Туркменский конно-иррегулярный дивизион, который с 30 января 1911 года стал называться просто Туркменским конным дивизионом. На основе данного дивизиона 29 июля 1914 года на средства местного населения и был сформирован Туркменский кавалерийский полк, который в последующем воевал в составе Кавказской туземной конной дивизии («Дикая дивизия»), сформированной 23 августа 1914 года в связи с началом Первой мировой войны и состоящей в основном из добровольцев-мусульман – представителей народов Северного и Южного Кавказа, а также Закавказья.

Туркмены, как и все местные жители Средней Азии и Кавказа, по законодательству Российской империи не подлежали призыву на военную службу. Поэтому Туркменский кавалерийский полк был добровольческим, и полностью содержался за счет пожертвований туркменского населения Закаспийской области Туркестанского генерал-губернаторства (края). Поскольку Туркменский кавалерийский полк состоял в основном из представителей туркменского племени теке, проживающего в Ахале и Мерве (нынешние Ахалский и Марыйский велаяты Туркменистана) 31 марта 1916 года он был переименован в Текинский кавалерийский полк, хотя адъютант генерала Л.Г. Корнилова, в составе армии которого в последующем находилась Кавказская туземная конная дивизия, Бегназар Хан Хаджиев был представителем туркменского племени ёмуд, населявшего нынешний Дашогузский велаят. Генерал своего адъютанта всегда называл просто «Ханом». В Текинском кавалерийском полку наряду с туркменами-теке служили также добровольцы из нынешнего Лебапского велаята (бывшая Чарджоуская область). Таким образом, полк был как бы первым в начале XX века «обштуркменским» боевым соединением.

Участие полка в боевых действиях. Туркменский полк в составе Кавказской туземной конной дивизии участвует в боях на Юго-Западных фронтах (Австрийском и Германском). Известный русский писатель и публицист, представитель первой волны белой эмиграции Николай Николаевич Брешко-Брешковский (1874–1943) в главе «Всадники из глубины Азии» своего романа «Дикая дивизия», изданного в Москве в 1991 году, в частности, пишет: «Русская, так называемая регулярная, конница всегда стояла на большой высоте. Но в то же время необъятная империя обладала еще и прирожденной конницей, единственной в мире по числу всадников, по боевым качествам своим. Это – двенадцать казачьих войск, горские народы Северного Кавказа и степные наездники Туркестана. Ни горцы, ни среднеазиатские народы не отбывали воинской повинности, но при любви тех и других к оружию и к лошади, любви пламенной, привитой с самого раннего детства, при точном тяготении к чинам, отличиям, повышению и наградам путем добровольческого комплектования можно было создать несколько чудесных кавалерийских дивизий из мусульман Кавказа и Туркестана.... Еще только двигалась она (Кавказская

туземная конная дивизия – М.С.) на запад эшелон за эшелон, а уже далеко впереди этих эшелонов неслась легенда. Неслась через проволочные заграждения и окопы. Неслась по венгерской равнине к Будапешту и Вене. В нарядных кофейнях этих обеих столиц говорили, что на русском фронте появилась страшная конница откуда-то из глубины Азии» [13].

Эти слова писателя соответствовали действительности. Хотя многие всадники Туркменского (Текинского) полка были сыновьями героических защитников знаменитой Геоктепинской крепости в 1779 и 1981 годах и их отцы сражались против регулярной русской армии, теперь они в составе этой армии участвовали в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны. Один из командиров полка Ораз Хан (среди туркмен знаменит как Ораз Сердар) – сын Дыкма Сердара, организатора обороны Геоктепинской крепости. Несколько забегаая вперед и опережая события, отметим, что уже в период Гражданской войны приказом главнокомандующего войск Юга России генерала А.И. Деникина в 1918 году полковнику Ораз Хану (Сердару) был присвоен чин генерала. Он был первым туркменом, который удостоен этого высшего военного звания в XX веке. Туркменское (Мусульманское) Правительство, созданное под руководством осенью 1918 года в г. Безмеин (нынешний Абадан), просуществовало всего три месяца. Ораз Хан (Сердар) в составе белой эмиграции покинул страну и умер в 1929 году в Белграде.

Возвращаясь к событиям мировой войны, следует отметить, что 23 ноября 1914 года Текинский кавалерийский полк разгромил германскую пехоту под деревней Дуплице-Дуже. 28 мая 1916 года бойцы полка отличились в бою у Доброноуца. В результате стремительной атаки они уничтожили около 2000 и взяли в плен около 3000 австрийцев, захватили большое количество артиллерийских орудий, пулеметов, винтовок, боеприпасов, лошадей и т.д. [2].

За один только 1916 год Кавказская туземная конная дивизия, в составе которой воевала также Туркменская конница, провела 16 конных атак – пример небывалый в военной истории. Количество пленных, взятых дивизией за годы войны, в четыре раза превысило её собственный численный состав. Конечно же, за время своей боевой деятельности Кавказская туземная конная дивизия понесла и большие потери. Полки дивизии несколько раз пополнялись прибывавшими с мест их формирования запасными сотнями. За три года через службу в дивизии прошло в общей сложности более семи тысяч всадников, уроженцев Кавказа, Закавказья и Средней Азии [Из материалов Википедии – свободной энциклопедии в Интернете].

Из воспоминаний знавших близко участников-туркмен Первой мировой войны узнаем, что один из офицеров Туркменского полка Аннамурат Потра (Сарыев) был в одно время личным телохранителем Его Величества генерала-майора великого князя Михаила Александровича (младшего брата Царя) – командира Кавказской туземной конной дивизии.

Вместе с Верховным Главнокомандующим. Свержение Русского Царя – Ак падишаха в феврале 1917 года для бойцов Текинского полка было нечто сверхъестественным. Добровольцы сильно разочаровались этому, но остались верными своим командирам и Отечеству. В целом, 1917 год стал трагическим для кавалеристов

Текинского полка. Октябрьский переворот застал их в Киеве. Полк официально был расформирован здесь же, в Киеве.

Из материалов соответствующих сайтов Интернета, которые подготовлены на основе ранее изданных книг и статей, явствует, что вскоре после июньского 1917 года наступления, Председателем Временного правительства А.Ф. Керенским генерал Л.Г. Корнилов назначается Верховным Главнокомандующим. После того, как Корнилов стал Верховным Главнокомандующим (19 июля 1917), Текинский полк был переведен в Могилёвскую ставку, а Хан Хаджиев, с сотней составляли его конвой во время пребывания на Московском Государственном Совещании. В августе 1917 начинается Корниловское выступление («мятеж»), так называемая «корниловщина» [14].

Распоряжением командующего 8-й армии генерала Л.Г. Корнилова из числа добровольцев Текинского полка был выделен отряд для охраны Штаба армии. Начальником отряда был назначен корнет Хан Хаджиев. Текинцы осуществляли охрану «быховских узников» – генерала Корнилова и еще ряда офицеров и гражданских лиц (в том числе генералов А.С. Лукомского, А.И. Деникина, С.Л. Маркова), предательски арестованных Временным правительством по делу о так называемом «Корниловском мятеже». В Быхове Хан Хаджиев был доверенным лицом Корнилова, выполнял многие его поручения. Свидетельством верности текинцев своему командиру является тот факт, что никто из них не поддавался агитации Могилевского Совета и не покинул Быхов. В случае если бы это произошло, узников ожидала бы неминуемая расправа со стороны распропагандированной солдатской массы. В октябре 1917 года Временное правительство было свергнуто большевиками. Но при этом А.Ф. Керенский некоторое время оставался формально Верховным Главнокомандующим, а на посту его Начальника Штаба оставался генерал Н.Н. Духонин. Именно по его приказу 19 ноября 1917 года были освобождены из заключения «быховские узники». А следующей ночью Текинский конный полк (24 офицера, около 400 всадников и 2 офицера Георгиевского батальона) во главе с Л.Г. Корниловым походным порядком выступил на Дон. Поход был крайне труден, не хватало теплых вещей, оружия, патронов. В столкновениях с отрядами красных было потеряно более половины состава полка.

27 ноября 1917 года в бою у разъезда Песчаники под Унечей 3 офицера и 264 всадника попали в плен и были помещены в брянскую тюрьму. 30 ноября в деревне Нагара Корнилов отпустил текинцев по домам, взяв с них клятву верности. 6 декабря 1917 года Корнилов и его сподвижники прибыли в Новочеркасск. Впоследствии, в начале января 1918 года в Новочеркасск прибыла партия текинцев, порядка сорока человек, которых Корнилов также отпустил по домам, выдав предварительно по 25 рублей на дорогу. До конца с Корниловым, которого по личной инициативе Хана Хаджиева текинцы продолжали называть «Верховный» даже после передачи им командования Добровольческой армией генералу М.В. Алексею, осталось 6 человек текинцев и один киргиз (казах) из киргизского (казахского) взвода полка, вошедших в его личный конвой и прошедших с ним весь путь, вплоть до самой гибели Корнилова 31 марта 1918 года под Екатеринодаром [6].

Удручает тот факт, что, спустя несколько дней после похорон генерала Корнилова, – бывшего Верховного главнокомандующего, солдаты создаваемой Л.Д. Троцким (Бронштейн, 1879–1940) Красной Армии выкопали его и издевались над телом покойника. С другой стороны, нужно отметить и то, что генерал Корнилов очень ценил верных текинцев и всегда разговаривал с ними на их родном туркменском языке. Будучи еще капитаном, в конце XIX столетия он служил в Закаспийской области (Туркмении) и изучал язык местного населения. А казахским языком генерал владел еще с детства, ибо мать его была по национальности казашкой.

Всего до своей родины – Туркмении из бойцов Текинского полка в конечном итоге добралось не более 100-150 человек.

Адъютант его Превосходительства и писатель в эмиграции. Бегназар Хан Хаджиев окончил 3-й Московский Императора Александра II кадетский корпус и Тверское кавалерийское училище (01.10.1916 г., 8-й ускоренный выпуск) – вышел в Нерчинский казачий полк Забайкальского казачьего войска. Вскоре был откомандирован в Текинский конный полк.

Когда же генерала Л.Г. Корнилова арестовали, Текинский полк стал нести караульную службу у Быховской тюрьмы, тайно освободил его и сопровождал на Дон. Здесь Хан Хаджиев стал адъютантом генерала Корнилова, сопровождал его в первом Кубанском походе и был непосредственным свидетелем его гибели под Екатеринодаром. Генерал умер на его руках. Хан Хаджиев является участником Ледяного похода (знак отличия Первого Кубанского похода № 824). 21 сентября 1918 года уволился из Добровольческой Армии.

Материалы соответствующих сайтов Интернета, подготовленные на основе уже изданной литературы, свидетельствуют, что возвратившись из Кубанского похода, Хан Хаджиев отправился на родину в Туркменистан, организовал там отряд и с ним продолжал борьбу против большевиков. 9 января 1919 года приказом генерала А.И. Деникина в составе Вооружённых сил Юга России была образована Туркестанская армия под командованием генерал-лейтенанта В.П. Савицкого. Из рядовых бойцов-текинцев и вышедших из подполья офицеров Текинского конного полка была сформирована Текинская кавалерийская дивизия этой армии под командованием полковника Ораз Хана (Сердара). В ряды данной дивизии и влился вернувшийся на Родину отряд Хан Хаджиева. Основой Туркестанской армии стала Текинская кавалерийская дивизия Ораз Хана (Сердара), в которой служил поручик Хан Хаджиев. В отряде Юсуп Хана (младшего сына легендарного Нурберди Хана) Хан Хаджиев участвовал в боях под Байрамалы в мае 1919 года. В том же году он проделал нелегкий путь в Бухару, к тамошнему Эмиру и в Хиву к Джунаид Хану, одному из крупных лидеров басмаческого движения в Средней Азии. Сделано это было по поручению командующего Войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта Савицкого и начальника его Штаба генерал-майора В.П. Ласточкина.

Хан Хаджиев Боевое знамя доблестного Туркменского (Текинского) конного полка, которое последнее время находилось у него, передал своему командиру Ораз Хану (Сердару), который эмигрировал в Сербию и сдал знамя на хранение в один из православных храмов Белграда. Дальнейшая судьба первого туркменского генерала Ораз Хана (Сердара) неизвестна. Боевое знамя полка в 1945 году после освобожде-

ния Белграда от немецких войск было передано правительством Югославии Маршалу Советского Союза Ф. И. Толбухину, освободителю города и Народному герою Югославии. Оно было перевезено в Центральный Музей Вооружённых Сил в Москве, где, должно быть, хранится и поныне.

После ликвидации вооруженного белого сопротивления и окончания Гражданской войны в Туркменистане в 1920 году Хан Хаджиев эвакуировался в Персию (Иран). В 1921 году через Багдад (Ирак) и Индию прибыл во Владивосток. В составе армии адмирала Колчака некоторое время воевал против красных на Дальнем Востоке, затем эмигрировал в Китай и жил в Шанхае. Затем добрался до Японии, а оттуда в 1923 году переехал в Мексику. Начал работать чернорабочим, потом открыл своё фотоателье, писал статьи в мексиканских газетах, особенно в белоэмигрантской прессе. Еще он любил охотиться в дебрях Мексики. Следует отметить и то, что Хан Хаджиев наладил дружеские отношения с местными американскими индейцами.

Хан Хаджиев настолько увлёкся творчеством, что написал роман «Великий Бояр» («Улу Бояр»), большое по объёму произведение о кумире своей бурной боевой молодости, Лавре Георгиевиче Корнилове, великом воине и белом генерале. «Великий Бояр» («Улу Бояр»), состоящий из 397 страниц, был издан в 1929 году в Белграде (Югославия) и пользовался популярностью среди русских эмигрантов [8]. В 246-м номере литературно-художественного журнала русского Зарубежья «Новый журнал» за 2007 год напечатана статья Эджегуль Курбановой о романе Хан Хаджиева «Великий Бояр» [5]. По существу данное произведение является первым романом, созданным туркменским автором и изданным восемь лет раньше, чем роман «Ганлы пенжеден» («Из кровавых ноктей») Хыдыра Дерьяева, который был выпущен в 1937 году и считается до сих пор первым сочинением подобного жанра [10, 11].

Писатель Хан Хаджиев еще печатался в журнале «Вестник первопоходника» (Сан-Франциско), на страницах которого в 1962 году читатели ознакомились с его повестью «Атчапар» [7]. Данная повесть наряду с его романом «Великий Бояр» («Улу Бояр») является одним из самых ранних произведений, изданных туркменским писателем за рубежом, а также редким образцом белоэмигрантской литературы, принадлежащим перу неевропейца. В своем произведении автор передает интересные сведения о белой армии в самый канун октябрьского переворота 1917 года, перемежая прозу штабной жизни с захватывающим описанием удали офицеров и рядовых кавалеристов-туркмен, которые в трагический период истории встали на защиту Царя и Империи. В настоящее время начата работа по переводу произведений Хан Хаджиева на его родной туркменский язык. Туркменский перевод повести «Атчапар» опубликован в апрельском номере журнала «Garagum» за 2012 год [9]. Его роман, повесть и статьи ждут своего исследования со стороны ученых-литераторов и историков и имеют полное право занимать достойное место в истории нашей литературы XX века. Надеемся, что в этом важном деле – в деле изучения художественно-литературного наследия своего земляка, писателя Хан Хаджиева – уроженца Турткуля, не останутся в стороне и каракалпакские ученые.

Прожив вдали от Родины, на чужбине, на той стороне океана 43 года, туркмен Бегназар Хан Хаджиев умер от сердечного приступа 20 мая 1966 года в Мехико Си-

ти в возрасте 71 года. Был погребен на Французском кладбище мексиканской столицы [1; см. еще 3, 4].

Потомки Хан Хаджиева, надо полагать, до сих пор живут в Мексике. Но о его супруге и детях конкретной информацией не владеем, из литературы знаем лишь, что в Мексике жила его внучка – Анна Элеонора Гулд (Кайзер).

Выводы и перспектива. В 2014 году исполняется 100 лет со дня начала Первой мировой войны, которая действительно была социальной катастрофой мирового масштаба, начатой по вине «великих» держав и вовлекшей также так называемые «малые народы». В данной статье мы попытались на примере истории одного полка и трагических судеб отдельных лиц, а также проявленного массового народного героизма показать антигуманную сущность всех войн, больших и малых, несмотря на то, что какими убедительными доводами хотят их оправдать

Всадники добровольческого Туркменского (Текинского) кавалерийского полка, которые воевали в составе Кавказской туземной конной дивизии, в годы Первой мировой войны прошли славный боевой путь. Многие из них награждены ратными орденами и медалями. Бывшим джигитам-кавалеристам, возвратившимся в родной Туркменистан, в советское время до конца их жизни не были оказаны надлежащие почести, которые заслужили ветераны мировой войны своим подвигом на фронтах. Их просто не хотели замечать, а сами они были очень скромными людьми, любили молчать, нежели рассказывать о своем героическом прошлом [12]. Немалая часть их них была вынуждена покинуть родную страну. Об этом свидетельствует горькая судьба Хан Хаджиева и других.

В настоящее время продолжается работа по полному восстановлению истории Туркменского кавалерийского полка, как и Кавказской туземной конной дивизии, в целом, ибо народы вправе и должны знать своих героев.

Литература

1. Адьютант генерала Корнилова поручик Разак Бек Хан Хаджиев [некролог] // Вестник первоходника, 1966. - № 59 – С. 60.
2. Гундогдыев О. Текинский конный полк: слава и трагедия (1914–1918 гг.) / Гундогдыев О., Аннаоразов Дж. - Ашхабад, 1992.
3. Кузнецов Н.А. Адьютант генерала Л.Г. Корнилова / Кузнецов Н.А. // Доброволец, 2004. - № 1. - С. 22 – 24.
4. Курбанова Э. Адьютант генерала Корнилова / Курбанова Э. // Новый журнал, Литературно-художественный журнал русского Зарубежья, 2006. - № 244.
5. Курбанова Э. Хан Хаджиев. «Великий Бояр» / Курбанова Э. // Новый журнал, Литературно-художественный журнал русского Зарубежья, 2007. - № 246.
6. Соегов М. Текинский кавалерийский полк / Соегов М. // Türkmen ylmy Galkynyş we halkara gatnaşyklar ýolunda. Ýlmy makalalar ýygundy - 2011/3. Aşgabat, 2011. - S. 96 – 117.
7. Хаджиев Х. Атчапар (Повесть) / Хаджиев Х. // Вестник первоходника, 1962, № 13. - С. 3 – 16; № 14. - С. 23 – 25; № 15. - С. 15 – 23.
8. Хаджиев Х. Великий Бояр (Роман) / Хаджиев Х. - Белград, 1929.
9. Hajyýew H. Atçapar (Powest) / Hajyýew H. // Garagum. - No 4. - aprel. Aşgabat, 2012. - S. 33–55.
10. Söyegov M. İlk Roman Yazan Türkmen veya Daşoğuz'dan Meksika'ya Kadar Uzanan Ömür Yolu / Söyegov M. // Türkmeneli Aylık Edebiyat, Kültür ve Sanat Dergisi. - No 45. - Ekim. Kerkük (Irak), 2011. S. 11–12.
11. Söyegov M. İlk Türkmen Romancı: Han Hacıyev // Türk Edebiyatı Aylık Fikir ve Sanat Dergisi. No 559 Ocak. Ankara (Türkiye), 2012. S. 66 – 67

12. Söyegov M. Türkmenler ve Birinji Jahan Uruşy / Söyegov M. // Türkmenistan'ın Bağımsızlığının Sekizinci Yılına Armağan. -Aşgabat, 1999.- S. 1 – 19.
13. <http://militera.lib.ru/prose/russian/breshko1/index.html> (10.07.2011).
14. <http://www.ksenofobu.net/events-info.php?n=6&p=> (12.07.2011).

Соєгов М. Туркменський письменник-білоемігрант із сполучених штатів Мексики / М. Соєгов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 259-266.

На яскравому і багатому історичному тлі розповідається про бойові вчинки, життя та творчість туркменського письменника Хан Хаджієва (1895 - 1966), який був змушений жити в еміграції в Мексиці.

Ключові слова: туркменська література, Бегназар Хан Хаджі, письменник-білоемігрант, історія, Туркменський кавалерійський полк.

Goeze M. Turkmen writer-wite émigrés of United States of Mexico / M. Goeze // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 259-266.

The bright and rich historical background tells of combat actions, the life and work of the Turkmen writer Han Hajiyeve (1895 - 1966), who was forced to live in exile in Mexico.

Key words: Turkmen literature, Begnazar Khan Hajiyeve, writer-white émigrés, history, Turkmen cavalry regiment.

Поступила в редакцію 03.09.2012 з.

УДК 811.512.162

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ДЕЕПРИЧАСТИЕМ В СОВРЕМЕННОМ АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Абдуллаева З.

Университет «Одлар Юрду», г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com

В статье рассматриваются вопросы истории формирования и структура словосочетаний с деепричастием, их семантические особенности и классификация в современном азербайджанском языке.

Ключевые слова: азербайджанский язык, отглагольные части речи, деепричастие, классификация, глагольные словосочетания

Постановка проблемы. Деепричастие прошло сложный и разнообразный путь развития в современном литературном азербайджанском языке, и он многосторонен по своему составу. Некоторые из деепричастий стали архаичными при воздействии нашего литературного языка, а остальные стали нормой для литературного языка и употребляются по сей день. На протяжении многих лет деепричастие обозначалось различными терминами. В старых книгах о грамматике эта грамматическая категория называлась “siğeyi-rətbiiyə”, “rəbt siğəsi”, “feli-zərfl”, “feli bağlama forması”, “feli bağlama şəkli”, теперь она именуется «feli bağlama»-деепричастием. Впервые деепричастие было исследовано в начале XIX века в труде Мирзы Казым бека [1, 335]. Следует подчеркнуть, что в работе М.Афшара были отмечены 12 видов деепричастий. В грамматиках азербайджанского языка, опубликованных в разные годы, деепричастиям было уделено достаточно широкое место. Деепричастие образуется с помощью аффиксов как “-kən / -ikən, -diğimdən / -diyimdən, -mamış / -məmiş”, например: *Gözlədiyimdən qat-qat çox maraqlı bir tamaşa idi* (М.Ибрагимов). *O bura gəlməmiş, mənə cavab vermə* (Б.Байрамов). *Uşaq ikən gördüyüm hadisələr bir kino lentası kimi gözlərimin qarşısında ötüb keçirdi* (С.Гедирзаде). В вышеуказанном примере форма “-ikən” употребляется вместе со словом “uşaq” и в результате образуется деепричастие, которое указывает время исполнения действия. Исторически, в некоторых книгах грамматики аффиксы “-ib, -ib, -ub, -üb” были указаны как формальный признак деепричастий, и как изъявительная форма прошедшего времени. А в современном литературном языке эти аффиксы утвердились больше как форма деепричастия, а не изъявительная форма прошедшего времени. Некоторые тюркологи классифицировали деепричастие по временам. Так, А.М.Щербак аффиксы “-a/-ə” – принимал как показатель прошедшего времени, а Н.К.Дмитриев аффиксы “-ib, -ib, -ub, -üb” как показатель будущего времени [5, 167; 6, 75].

В некоторых книгах грамматики аффиксы “-ib, -ib, -ub, -ub” были указаны как формальный признак деепричастий и как изъявительная форма прошедшего времени. Тогда как в современном литературном языке эти аффиксы утвердились больше как форма деепричастия.

Некоторые тюркологи классифицировали деепричастие по категории времени. Так, А.М. Щербак аффиксы “-a/-” – принимал как показатель прошедшего времени, а Н. К. Дмитриев аффиксы “-ib, -ib, -ub, -"ub” как показатель будущего времени. А.Н.Кононов справедливо отметил, что классифицировать деепричастия по категории времени неправильно, их следует классифицировать только по форме, так как деепричастия независимо от других слов не выражают времени. Смысл их временного оттенка определяется при сопоставлении с глаголом, следовательно, временной оттенок деепричастий определяется при зависимости от временной принадлежности независимого глагола [2, 277].

С точки зрения М.Г.Гусейнзаде, термин «деепричастие» возник из синтаксического роли аффиксов. Он отмечает, что в родном языке существует ряд аффиксов, которые внутри одной простой, или одного сложного предложения связывают два действия, то есть выполняют одновременно две работы, одна из них является независимым действием, а другая становится зависимым от него [4, 244-245]. Внутри предложения зависимый глагол всегда употребляется перед независимым глаголом и не принимает личных, или временных аффиксов. Их личная и временная принадлежность определяется независимым и основным глаголом, употребляемым после них и вступающим в качестве сказуемого предложения. Так: “*mən gələndə sənədləri gətirəgəm, sən gələndə sənədləri gətirmişdin, o gələndə sənədləri gətirəcəkdir*”. В этом предложении личная и временная принадлежность деепричастия “*gələndə*” зависит от последующего глагола. На каждом из трех примеров деепричастие “*gələndə*” обозначает лишь личную и временную принадлежность, соответствующую временной и личной принадлежности основного глагола. Другой пример: “*Firudin şanani hələ döyülməmiş taxıl dərzlərinə söykənib süfrəyə yaxın gəlmişdi... Gülnaz da gəlib anasının yanında əyləşdi. Onlar çörəyi tikə-tikə kəsərək, mis kasadakı pendirdən onun arasına qoyur və iştaha ilə yeyirdilər*” (М.Ибрагимов). Деепричастие “*söykənib*” в первом предложении в прошедшем времени, в единственном числе, в третьем лице, а глагол “*yaxın gəlmişdi*” указывает на то же время и лицо. На втором предложении деепричастие “*gəlib*” имеет аналогичное значение. Оба предложения выражают завершенность действия. Но в третьем предложении действие не закончено, в силу этого деепричастие “*kəsərək*” в связи с временной и личной принадлежности последующего глагола “*yeyirdilər*” передает незавершенность действия в прошедшем времени изъявительного наклонения, во множественном числе и третьем лице. Из вышеперечисленных примеров ясно что, в Азербайджанском языке деепричастия зависят от основного глагола, то есть от глагола с личными и временными аффиксами. А основной глагол образован от глаголов, употребляемых как независимые части речи и находятся в основной позиции в предложении.

Известно, что некоторые специалисты не видят разницы между деепричастиями и наречиями. В.В. Виноградов считал деепричастие частью речи, которая явилась результатом смешения наречий. Наверное, он делал подобные выводы, приняв во внимание некоторое синтаксическое сходство между деепричастием и наречием. В частности, тот факт, что наречие и деепричастие не сопрягается по лицу. Но это не весомый довод, так как деепричастие, выступая в роли наречия, в отличие от наречия, употребляется в качестве второстепенного сказуемого и отвечает на один из

вопросов: «что делает?», «что сделал?»). С другой стороны, в отличие от наречия, деепричастие обладает переходными качествами глагола [3, 379]. Часть сложных глаголов состоящих из совместного употребления деепричастий и глаголов, становятся переходными, а большинство непереходными. Например: *Qonaqlar süfrədəkilərin hamısını yeyib-içdilər. Günəş hər tərəfi yandırır-yaxırdı* (М.Ибрагимов). *Mən səni ...bir kukla kimi atıb-tutaram* (Дж.Джаббарлы) – (переходные глаголы). *Gözlərini qaranlıq həyatə zilləyən uşaqlar dinib-danışmurdular* (Б.Байрамов). *Hirsindən alışıb-yanırdı gözü* (С.Вургун). *Mən indi doktorlar, ədiblər, filosoflar ilə oturub-dururam* (Дж.Джаббарлы) - (непереходные глаголы). Перечисленные примеры показывают, что в первых трех предложениях глаголы требуют винительного падежа управляемого им слова, а в четвертом, пятом и шестом предложениях глаголы этого не требуют. В исследовании мы пришли к такому выводу что, с точки зрения вида и переходности существует определенная родственность между деепричастиями и причастиями. Но наряду с этим, между ними существуют различия. Так, одно из основных различий между ними, заключается в том, что причастия более близки к существительным. Согласно способу выражения мысли, они выполняют атрибутивную функцию внутри предложения. Деепричастия в свою очередь никакого отношения к существительным не имеют. В основном они относятся к глагольной группе. Несмотря на это, в отличие от глаголов, деепричастие самостоятельно обозначает время, лицо и количество. Из-за всех указанных особенностей появляется необходимость дать такое определение деепричастиям: “Слова не выражающие независимого значения, обозначающие положение-состояние, время, причину-последствие внутри предложения в зависимости от основного глагола, но без личной, количественной принадлежности именуется деепричастием”. Деепричастие обладает особенностями характерными как для глагола, так и для наречия. Особенности характерные для глагола: категории вида, переходности и отрицательности: “*yoxlayanda – yoxlamayanda; yazanda – yazılarda – yazışanda – yazdıranda; görəndə, biləndə, axtaranda* (переходный), *güləndə, oyananda, uxulayanda* (непереходный)”. Особенности деепричастия характерные для наречия: 1) Неизменность. Деепричастие, как правило, не принимает никаких слов, изменяющих аффиксов и не подвергается к грамматическим изменениям; 2) Деепричастие в предложении принадлежит к другому глаголу и объясняет его: *Qatarımız Şaxtaxtı stansiyasından Şərqə doğru hərəkət etdikdə, günəş Maku dağlarının arxasından aşır qərbə doğru enməkdə idi* (М.С.Ордубади). *Qatar beli qırılmış ilan kimi burulur, torpağın üstünə döşənmiş relsləri qucaqlayaraq keçir və yoxuşlara dırmaşarkən dərin nəfəs alırdı* (М.С.Ордубади); 3) Деепричастие, как и наречие в предложении выступает в роли обстоятельства, например: *Qanad kimi, qayıqların al yelkəni Süzüb gedir, seyr edirəm onları mən...* (С.Вургун). В отличие от наречия, деепричастие в предложении обозначает дополнительное действие, например: *Hazırlaşanda qiymət almaq olar, çalışmayanda iş çətinləşir. Onlar qorxub geri çəkildilər* [8, 147]. Современный литературный Азербайджанский язык богат деепричастиями с образующимися аффиксами, помимо этого значения, выраженные ими, деепричастия выражают состояние-положение, общее время, способ выражения. Содержание, которое они передают, в основном зависит от общего значения предложения, в особенности от основного глагола. Так, в пред-

ложении “Tərləyəndə soyuq su içməzlər” деепричастие “tərləyəndə” обозначает значение словосочетаний “tərləyən zaman” и “tərləmiş halda”, отвечающими на вопросы “nə vaxt?” и “nə halda?”, но здесь временное понятие чувствуется больше, чем понятие состояние-положение [7, 246].

Деепричастия образуются в основном с помощью нижеперечисленных аффиксов. Например: 1) “-ib, -ib, -ub, -üb”, Onu görəndə Pərviz lal kimi *dayanıb* qalmışdır (М.Ибрагимов). *İztirabı bitib* indi oxşayır ancaq Pəriyi-təsəlli soyuq dodaqlarını (Дж. Джаббарлы). *Biz onu üç saat oturub* gözləyirdik (Б.Байрамов). *Bütün Təbriz yorğanına bürünüb* Təbriz haqqında düşünürdü (М.С.Ордубади). *Qəmər bəxtinin siyah çarşafına bürünüb* geniş fəzaları dolanırdı (С.Рагимов); 2) “-araq, -ərək”, например: *Cavanşir sevinclə bağıraraq* Urmuza möhkəm bir zərbə vurdu (Г.Мехди). *Polad qılınclar yenicə doğan günəşin qızıl şüalarını əks edərək* parıldıyırdı (Г.Мехди); 3) “-dıqca, -dikcə, -duqca, -dükcə”, например: *Yığdıqca* rəhbəri o, qalaq-qalaq, Neyrətdə buraxır azad insanı (А.Бахар). *Sevinc yaşları ilə dülür gözləri, Gəzdikcə* bu doğma, azad yurdunu (А.Бахар); 4) “-yınca, -incə, -yuncə, -üncə” например: *O bir şey almayınca* çıxıb gedəsi deyildi (А.П.Макулу). *Bu sözü eşidincə* Rüstəmin qarşısı çatıldı (А.Şaiq). *Bağırbəy Əlimərdanın* alınanda üstünə yağlı qara basılan yara yerini *görüncə*, onu qəribə bir xəyalət götürdü (А.П.Макулу); 5) “-kən, -ikən”, например: *Vuruşarkən* uzun danışmaq mənə çox baha oturdu (Г.Мехди). *Dün oxurkən* bir müdiri-məktəbin məktubunu, Min qələt gördüm qarışmış bir vərəq imlasına (М.А.Сабир); 6) “-dıqda, -dikdə, -duqda, -dükdə”, например: *Məryəm xala qarını açdıqda* Firidun və Kürd Əhməd içəri girdi (М.Ибрагимов). *Cəlil içəri girib salam verdikdə* oturanlar hamısı ayağa durdu (М.Ибрагимов). *Qarı döyüldü, kim olduğunu soruşduqda* bir qadın səsi eşitdi (М.Ибрагимов). *Xavər Firidunu gördükdə* köyrəkləndi (М.Ибрагимов); 7) “-alı, -əli”, например: *Səbri təhsildən qayıdali* iki ildir (Г.Мехди). *Bakıya gələli* bu nöqsanı qismən düzəltmişəm (Г.Мехди); 8) “-madan, -mədən”, например: *Ah, azadlıq... İnsanın qəlbində min həvəs və ehtiras oyudaraq yorulmadan* yaratmağa, ağrı və əzab hiss *etmədən* yaşamağa, ülvü, müqəddəs bir həyatla yaşamağa ruhlandırır (М.Ибрагимов). *Gözlənilmədən* sinfə girən bu məchul adamın sifəti hər dəqiqə gəlib onun önündə dururdu (Г.Мехди); 9) “-anda, -əndə, -yanda, -yəndə”, например: *Oxuyan tələbə oxumayandan* seçilir. *Qulam dayının* bu cavabını *eşidəndə* o özündən çıxdı (Г.Мехди). *Ədhəmi bütün şəhər tanıyanda* Səbri hirsəndi (Г.Мехди). *Bu sözləri ona deyəndə*, Şamilin üzü döndü; 10) “-mış, -miş, -muş, -müş”, например: *O, dörd-beş gündən sonra bəri ürəyini narahat edən* bu sualların cavabını *almamış*, bu sirri *öyrənməmiş* əl çəkməyəcəkdi (Г.Мехди).

Следует отметить, что глагол и деепричастия тесно связаны между собой и отвечают на идентичные вопросы. Деепричастие выражает основное словарное значение действия и держит независимого глагола в зависимом положении от себя. В результате, глагол теряет свое независимое значение и несет вспомогательную функцию. Глаголы, обозначаемые деепричастием выражают, продолжительность, развитие, и превращение в положение действие, акта и положения.

Выводы и перспективы. Таким образом, в современном азербайджанском литературном языке, в основном, однокоренные глаголы образуют деепричастия, соединяясь, в частности, с не однокоренными глаголами. Такие деепричастия привлекают внимание как широтой употребления в письменных памятниках, так и часто-

той употреблении в устном литературном языке. Внутри предложения они обозначают способ выполнения действия, само же действие описывается с помощью основного глагола. Таким образом, из вышеперечисленных примеров становится ясным что, глагольные словосочетания, образуемые из деепричастия, в большей части употребляются в разговорной речи и на языке художественных произведений.

Литература

1. Казембек К. Общая грамматика турецко-татарского языка / К. Казембек. – Казань, 1846. – с. 335.
2. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России / А. Н. Кононов. – А.: Наука, 1972. – с. 277.
3. Виноградов В. В. Вопросы изучения словосочетания / В. В. Виноградов. – М.: В. ш., 2004. – с. 379.
4. Hüseynzadə M. Muasir Azərbaycan dili / M. Hüseynzadə. – Bakı : Maarif, 1983. – с. 244 – 245.
5. Щербак А. М. Грамматика староузбекского языка / А. М. Щербак. – М-Л., 1968. – с. 167.
6. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка / Н. К. Дмитриев. – М-Л., АН СССР, 1948. – с. 75.
7. Muasir Azərbaycan dili. – Cilt II. – Bakı : AEA, Elm, 1980. – с. 246.
8. Seyidov Y. M. Azərbaycan dilinin qrammatikası / Y. M. Seyidov. – Bakı : BDU, 2000. – с. 147.

Абдуллаева З. Дієслівні словосполучення з дієприслівником у сучасній азербайджанській мові / З. Абдуллаева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 267-271.

У статті розглядаються питання історії формування і структура словосполучень з дієприслівником, їх семантичні особливості та класифікація у сучасній азербайджанській мові

Ключові слова: азербайджанська мова, віддієслівні частини мови, дієприслівник, класифікація, дієслівні словосполучення

Abdullayeva Z. Gerund word combinations in the modern Azerbaijani language / Z. Abdullayeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 267-271.

The article examines the history of the formation and structure of the Azerbaijan languages Gerund word combinations, their semantic features and classification.

Key words: Azerbaijan language, verbal parts of speech, participle, classification, verb word combinations

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.222.1/930.85

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГРАММАТИКИ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА В ИРАНЕ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ С НИМ СТРАНАХ ДО КОНЦА 19 ВЕКА

Сухоруков А. Н.¹, Сухорукова А. В.²

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: 'sankafd2004@gmail.com; alla_persik@gmail.com*

В данной статье рассматривается процесс формирования взглядов на грамматику персидского языка в период до конца 19 века в Иране и сопредельных с ним странах, в первую очередь в Турции и Индии.

Ключевые слова: грамматика персидского языка, морфология, Иран, Индия, Турция.

Постановка проблемы. До последнего времени вопрос истории изучения и становления грамматики персидского языка (ГПЯ) на первом этапе своего развития не привлекал устойчивого внимания как иранских, так и зарубежных ученых. Если данный вопрос и рассматривался, то лишь в качестве небольшого экскурса без точных указаний и расширенного анализа во введении к той или иной работе по грамматике персидского языка. Однако с недавнего времени среди иранских ученых этот процесс приобрел выраженный исследовательский характер. В отечественной иранистике история изучения грамматики персидского языка остаётся малоизученной и ограничивается небольшим кругом статей общего характера.

Целью данной работы является рассмотрение процесса формирования взглядов на грамматику персидского языка в период до конца 19 века в Иране и сопредельных с ним странах.

В соответствии с поставленной целью нами выдвигаются следующие задачи:

1. изучить имеющиеся источники по рассматриваемой теме;
2. перечислить и дать краткое описание наиболее известным и значимым трудам по грамматике персидского языка, написанным до конца 19 века, которые оказали заметную роль в формировании и становлении современного взгляда на ГПЯ;
3. рассмотреть особенности содержания трудов по грамматике, объем и качество информации, посвященной изучению вопросов грамматики;
4. проследить эволюцию и преемственность взглядов ученых Ирана и сопредельных с ним стран, в первую очередь — Турции и Индии, на ГПЯ.

Анализ последних исследований и публикаций. На постсоветском пространстве признанным специалистом в этой области является Рубинчик Ю.А. Однако наиболее глубоко эту тему исследовали современные иранские учёные, в первую очередь Мохаммад Мехйар и Хафиз Садекпур. Мохаммад Мехйар в своей статье [1] рассматривает топографическую классификацию грамматик персидского языка с кратким описанием трудов по данной теме. Другой исследователь - Хафиз Садекпур предлагает хронологическую классификацию работ по грамматике с относительно полным описанием их характеристик [2].

Основной материал. На начальном этапе изучения грамматики персидского языка исследователи исходили из более разработанной арабской грамматической традиции. В конце 8 в., когда новоперсидский язык ещё не сложился и языком науки был арабский, именно Сибавейхи, перс по происхождению, составил первое систематическое изложение грамматики арабского языка с точки зрения человека, для которого он не был родным языком, благодаря чему ему удалось выделить некоторые характерные элементы, на которые сами арабы не обращали внимание. Главное его произведение - «аль-Китаб» впоследствии стало известно как «Коран грамматиков», а самого Сибавейхи нарекли «Имамом грамматиков».

Первой известной ученым работой, в которой содержались сведения о грамматических правилах непосредственно персидского языка, считается книга, написанная Абу Али ибн Синой (Авиценной) в Исфахане в 980 году и посвящённая исфаханскому правителю того времени Алааддоуле Зияриду. «Данешнаме-йе элайи» (دانشنامه‌ی علایی) считается также и первой книгой по философии на персидском языке. В одном из разделов книги под названием «Логика» автор после пространной вступительной части высказывает мнение о необходимости делить все слова на три части речи: اسم - имя существительное, كلمه - глагол, ادات - служебные части речи [3, 34]. В целом, вопросам, связанным с ГПЯ автор уделяет не более трёх страниц текста. Данная книга получила популярность среди учёных Ирана, часто переписывалась вручную и была опубликована впервые в 1891 г. в Хайдарабаде. Кроме того, Ибн Сина известен исследованиями в области артикуляционной фонетики, в которой он смог совместить свои познания в медицине с изысканиями в области языка. Занимался Ибн Сина и сравнительным анализом фонетического строя персидского и арабского языков.

Краткие сведения о ГПЯ содержались также в таких работах по философии и логике, как:

1. «Асас аль-Эктебас» (اساس الاقتباس) — книга по философии, написанная на персидском языке ученым и философом Ходжа Насир ад-Дин Туси для одного из гиланских правителей. Её написание, основываясь на многочисленных рукописных изданиях книги, относят приблизительно к 1245 году [4].

2. «Жемчужина короны для украшения Дибаджа» (درة التاج) - книга, автором которой является Котб ад-Дин Ширази и составлена она была приблизительно в 1306 году.

Отдельные сведения о ГПЯ можно найти в работах средневековых иранских авторов, основной темой исследований которых была литература и правила стихосложения. Из числа подобных работ можно выделить следующие:

«Альмоаджам фи моайер ашар альаджам» (المعجم في معايير اشعار العجم) Шамсадина Мохаммада бен Кисрази. Его исследование считается одним из старейших в области ГПЯ. Написанное в 1220 году, оно было утеряно во время нашествия монголов, но в 1226 году, по просьбе местного правителя, написано повторно. Книга состоит из двух частей. В первой части освещены вопросы синтаксиса и стихосложения «аруз». Вторая часть посвящена законам рифмовки и критическому исследованию поэзии, особенностям словообразования и служебным частям речи. Несмотря на то, что книга имеет литературную тематику, в ней довольно подробно для того времени

рассмотрены такие вопросы морфологии, как «суффиксы» («حروف») - автор в данном случае имел в виду именно «суффиксы», а не «буквы» или «служебные части речи», что понималось под этим словом большинством исследователей той эпохи), «суффиксальное словообразование», «степени сравнения прилагательных», «масдар», «причастия действительного залога», «союзы», которые, играя вспомогательную роль в изучении риторики и стихосложения в 13 веке, впоследствии легли в основу изучения ГПЯ [5, 36].

«Мантег аль-хорс фи лесан аль-фарс» - книга, написанная Абухияном Нахви (1256-1344 гг.) на арабском языке и посвящённая описанию грамматических правил персидского языка. К сожалению, сама книга не сохранилась, но доказательства ее существования ученые находят в работах Ибн Шакера Катаби («Фават аль-Вафият») и Мохаммада Багера Хансари («Рузат аль-Джанат»).

«Халият аль-энсан фи халабат аль-лисан» Сейд Джамалладина Ахмада бен Али бен Мехна (ум. 1425 г.). Написана на арабском языке и рассматривает грамматические правила трех языков: персидского, арабского и монгольского, так как, по словам самого же автора, знание трех указанных языков во времена правления монголов было необходимо. В книге уделено внимание особенностям спряжения глаголов, множественному числу, степеням сравнения прилагательных, функционированию арабской лексики в персидском языке [2, 67].

«Лесан аль-галим дар шарх-е лефаз-е аджам» - книга Абдолькахара бен Асхака, известного как «Шариф», написанная в конце 15 века и посвящённая султану Абулькасем Бабар Бахадорхану (1482 г.р.). Как отдельная работа книга не сохранилась, однако дошла до нас в виде приложения к другим исследованиям по ГПЯ.

По утверждению современных иранских исследователей, в период с 15 по 19 вв. на территории Ирана, Индии, Турции, Египта и Бейрута было написано более 100 книг по ГПЯ [6, 21], но далеко не все они дошли до настоящего времени.

С 16 столетия в Иране устанавливается правление тюркских династий и интерес к исследованиям в области ГПЯ значительно снижается. В период с 16 по 18 вв. в самом Иране не появляется ни одной ценной работы в этой области. Новые исследования представляют, преимущественно, пересказы прежних работ с комментариями и пояснениями. Но за пределами Ирана интерес к персидскому языку как литературному языку ближнего и среднего востока остаётся по-прежнему высоким. В рассматриваемый период основные исследования в области ГПЯ осуществляются на территории сопредельных с Ираном стран — Османской Турции, Индии и некоторых арабских стран. Примечательна в этом отношении работа Мохаммада бен Хаким аль-Зинини аш-Шандуни ас-Сини под названием «Менхадж ат-Талаб». Эта книга представляет собой отдельную работу по ГПЯ и была написана на персидском языке в 17 веке в Китае. Труд ас-Сини является довольно полным анализом ГПЯ и включает много новых для того времени сведений. Традиционно, в основу книги легли правила арабской грамматики. Автор выделяет только три части речи: فعل - глагол, اسم - существительное, حرف - служебные части речи [7, 23]. В книге также подробно рассмотрены такие темы, как «подлежащее», «объектное дополнение», «глагол», «формы глагола», «глагол-связка», «инфинитив». Не так давно в

Исфахане при содействии известного современного грамматиста Мохаммада Джавада Шариата «Менхадж ат-Талаб» ас-Сини впервые была опубликована.

История также сохранила для нас имена отдельных исследователей ГПЯ из Турции — Кейсари, Хатиб Ростам Моуляви, Карахесари, Шахеда, Солеймани, Амир Эфенди, Хаджи аль-Йас, Сиваси, Шати Эдерневи и др. Отдельные работы написаны на арабском языке и многие из них в настоящее время хранятся в библиотеках Турции. Более детально с развитием изучения ГПЯ в Турции можно ознакомиться в работе Мохаммада Мехйара [1].

Помимо специальных исследований в области ГПЯ в Турции также составлялись словари персидских слов, которые сопровождали различными по объёму сообщениями по ГПЯ. Традиция составления подобных словарей-«фархангов» особое развитие получила в Индии периода Великих Моголов, где персидский язык имел статус государственного языка. Среди ранних толковых словарей, составленных в Индии и в состав которых входили важные сведения по ГПЯ, можно выделить следующие:

1) «Фарханг-е Джахангири» (فرهنگ جهانگیری) — толковый словарь, составленный в 1608 году. Словарь был посвящен индийскому шаху Акбару, затем был переписан и преподнесен новому правителю — Джахангиру. Автором этого словаря является Джамаладдин Хосейн бен Фахраддин Инджави Ширази, известный как «Азодаддоуле». Тридцать лет автор посвятил изучению слов и выражений персидского, дари и пехлевийского языков. Для составления словаря Джамаладдин Хосейн использовал не только литературные произведения современников, но также обращался к жителям разных районов для выяснения значений тех или иных слов и включения их в свой словарь. Большинство комментариев к словарным статьям, традиционно, включают примеры из поэтических произведений.

2) «Бархане катэ» (برهان قاطع), или «Неоспоримые доказательства» - автором этого словаря является Мохаммад Хосейн бен Халаф Табризи, известный как «Бархан». Словарь был составлен в 1651 году в Хейдарабаде, первое печатное издание его датируется 1818 г. (Калькутта). Приступая к составлению словаря, автор задался целью создать наиболее полный труд в данной области. Словарь, по разным подсчётам, включает от 19 400 до 20 200 словарных статей. Во введении к нему автор, после описания различных иранских, египетских, турецких, индийских, греческих, пехлевийских и др. языков и диалектов, уделяет внимание вопросам морфологии и словообразования в персидском языке.

3) «Хафт гелзам» - словарь в двух томах, составленный Хейдар Падишахом Гази в 1822 году в Лакхнау (Индия). За основу был взят словарь «Бархане катэ», однако, в отличие от словаря Бархана, правила пользования этим словарем очень сложны и запутанны. Словарь выполнял также функции учебника по синтаксису, морфологии, метрике, рифме, риторике, поэтических фигурах [8, 157].

Одной из самых старых грамматик персидского языка, составленных на территории Индии считается «Тахик аль-каванин» (تحقیق القوانین), написанная в 1845 году Хадж Мухаммадом Яхья Хейраном. Вслед за ней одна за другой стали появляться грамматики персидского языка, которые, как и прежде, по структуре напоминали грамматики арабского языка с примерами на персидском.

В Иране также продолжается работа по изучению ГПЯ. Стоит отметить, что в период продолжения правления тюркских по происхождению династий до восшествия на престол Насераддин-шаха в сер.19 в. интерес к ГПЯ не носил устойчивого характера. В это время составление грамматики, зачастую, было вызвано потребностью отдельного человека, занявшегося обучением персидскому языку и желанием последнего создать удобное учебное пособие с максимально полным изложением грамматических правил персидского языка. Примером могут служить две работы, указанные ниже. В предисловии обеих книг есть слова авторов, которые следующим образом разъясняют причины написания данных работ по грамматике: «так как ребенок мой ... занялся изучением грамматики (морфологии и синтаксиса), я приступил к составлению этой книги ...» [5, с.42].

1) «Гаваед-е сарф о нахв-е фарси» (قواعد صرف و نحو فارسی) - «Правила персидской морфологии и синтаксиса», книга Абдолькярима ибн Аби аль-Касем Ирвани, известного как Моллабаши, изданная в 1845 г. Считается, что это первая полностью посвященная грамматике персидского языка книга. В книге уделено внимание морфологии, словообразованию. На составление «Гаваед-е сарф о нахв-е фарси» повлиял словарь Мохаммада Табризи «Бархане катэ». С точки зрения содержания книга не представляет большой ценности.

2) «Сарф о нахв-е фарси» (صرف و نحو فارسی) - «Персидская морфология и синтаксис», книга Хадж Мохаммада Кяримхана Кермани, изданная в 1858 году в Кермане. Работа предназначалась для изучения арабской морфологии и синтаксиса, однако в ней также содержались грамматические правила и персидского языка.

Некоторую определенность и систематичность в ГПЯ попытался внести выдающийся литературный деятель Ирана 19 в. «эмир поэтов» Реза Гули-хан Хедаят, известный также как «Лале Баши». 1860-ым годом датируется выход его словаря «Фарханге анджомане араие насери» (فرهنگ انجمن آرای ناصری). Словарь состоял из 24 «анджоманов» или разделов, каждый из которых был посвящен той или иной букве персидского алфавита. Этот словарь считается более полным по сравнению с предыдущими. При описании грамматических правил за основу были взяты «Бархане катэ» и «Фарханг-е Джахангири» [5, 40].

Новая эпоха в истории составления ГПЯ связана с именем знаменитого иранского лингвиста Мирза Хабиба Эсфахани (میرزا حبیب اصفهانی). Он родился в 1834 году, получил образование в Тегеране и Исфагане, отучился четыре года в Багдаде, а затем вернулся на родину. Нападение Ахмад-хана заставило М.Х. Эсфахани эмигрировать в Турцию, в Стамбул, где он стал преподавать арабский и персидский языки, а также познакомился с французским и турецким языками. В процессе преподавания персидского языка в Стамбуле М.Х. Эсфахани ощутил потребность в полной и подробной грамматике персидского языка, поэтому в 1872 им была написана книга под названием «Грамматика языка» (دستور سخن), при написании которой автор опирался на опыт западных грамматистов. Однако, по причине использования автором нового и доселе неизвестного термина «دستور» вместо старого и пришедшего из арабского языка «صرف و نحو» для обозначения термина «грамматика», книга не привлекла достаточного внимания. В 1880 автору пришлось ее переиздать под новым названием «دبستان پارسی». С того времени «دستور» - новый термин, вошел в широкое употребление и стал активно использоваться другими лингвистами. Мирза

употребление и стал активно использоваться другими лингвистами. Мирза Хабиб Эсфахани разделил предложения на два вида: глагольные предложения и предложения с именным составным сказуемым, выделил 10 частей речи, из которых главными остались существительное, глагол и служебные части речи, а все остальные как зависимые от них или их разновидности, в т.ч. اسم - существительное, صفت - прилагательное, ضمير - местоимение, كنايه - неопределенное местоимение, فعل - глагол, فرع فعل - зависимые от глагола части речи, متعلقات فعل - производные от глагола части речи, حرف - служебные части речи, اصوات - междометия, а также ادوات - союзы и предлоги, которых автор причислял к «частицам» [9].

Многие иранские исследователи утверждают, что Эсфахани стал первым, выделившим 10 частей речи, однако сам автор написал: «Другие так классифицировали (части речи/слова), мы также предпочли данный метод ...» [10]. Видимо, Эсфахани имел в виду европейский подход - его классификация частей речи полностью совпадает с французской классификацией (для которой характерно 9 частей речи), однако Эсфахани добавил также «неопределенное местоимение» (كنايات) и «зависимые от глагола части речи» (فرع فعل), но при этом убрал нехарактерные для персидского языка артикли, что в итоге и дало 10 частей речи [11]. Именно Эсфахани ввел в иранское языкознание такие термины, как اسم عام (имя нарицательное), اسم خاص (имя собственное), اسم جنس (вещественное существительное), اسم مشتق (простое существительное), اسم جامد (производное существительное) и т. д. [12, 32]. С точки зрения терминологии интересным представляется употребление термина ادات رابطه, который автор использовал для понятия «глагол-связка» [13, 599]. В грамматиках, написанных до конца 19 века часто для служебных частей речи использовался термин «ادات» или «حرف», а иногда, как мы это можем наблюдать у Эсфахани допускалось одновременное использование обоих. Заметим, что в современной науке это значение термина вышло из употребления и такое словосочетание сегодня считается недопустимым. Современное значение термина ادات - «обстоятельство; реже-частица», для передачи понятия «глагол-связка» используются термины «فعل ربطی», «فعل رابطه», «فعل اسنادی». Эсфахани стал первым, кто попытался максимально отделить правила арабского языка от грамматики персидского. Работа Мирзы Хабиба Эсфахани считается «матерью» современной грамматики.

Под влиянием трудов М.Х. Эсфахани и опять же на территории Турции, в Стамбуле, в 1881 году публикуется «Танбих ас-Сабиан» - краткая грамматика персидского языка Мохаммад Хосейн Масуд бен абд-ар-Рахима аль-Ансари. Данная работа состояла из введения, двух глав и заключения. Первая глава была полностью посвящена морфологии, а вторая - синтаксису. На воззрения составителя заметное влияние оказал толковый словарь «Фарханге анджомане арайе Насери». Автор выделяет пять видов изафета и среди времен прошедшего времени отмечает перфект (ماضی نقلی) и плюсквамперфект (ماضی بعید).

Тем не менее, в самом Иране, как уже отмечалось выше, работа Эсфахани первое время оставалась неоцененной, и взгляд на ГПЯ через призму грамматики арабского языка продолжал быть общепринятым и незыблемым. Так, в 1887 году, через 15 лет после первого выхода «Грамматики языка» Эсфахани, в Тегеране публикуется «Лесан аль-Аджам» (لسان العجم) Мирзы Хасанхана Талегани, которая традиционно

для того времени базировалась только на арабской грамматике. Данная работа представляла собой свод правил по морфологии и синтаксису персидского языка, хотя и была составлена на арабский манер. Книга включала в себя введение, две главы и заключение. В первой главе содержались сведения по морфологии, которая делилась только на следующие разделы: имя существительное (اسم), глагол (فعل), служебные части речи (حروف). Также автор выделил 5 видов прошедшего времени, 3 вида настоящего времени и восемь видов изафета. Во втором разделе содержались незначительные сведения по синтаксису персидского языка. В заключении излагались правила перевода. Первое издание состояло из 263 страниц, второе - на 172 страницах и было опубликовано в 1904 в Бомбее в Индии.

Влияние европейской, в первую очередь французской, грамматической школы на иранских лингвистов стало заметно к самому концу 19 в. В 1898 году Мирза Али Акбархан Назем аль-Атба составил грамматику «Наме-йе забан амуз-е парси» (نامه (زبان آموز پارسی)). В этой книге была предпринята попытка описать грамматику персидского языка при помощи правил арабского и французского языков. Аль-Атба также, подобно Эсфахани, выделял 10 частей речи, кроме того, он подробно остановился на вопросах прямого и косвенного дополнений (متنم بی واسطه و بلاواسطه).

Относительно синтаксиса стоило бы отметить, что хотя раздел с ним и включался традиционно в грамматики иранских лингвистов того времени, однако, в процентном соотношении он занимал лишь незначительную часть. Некоторые вопросы синтаксиса, в т.ч. «сложное предложение» практически полностью игнорировались.

Выводы. Работы, написанные в Иране и в сопредельных с ним странах в период до конца 19 века отличаются подражанием арабской грамматике, простотой и ненаучностью изложения правил, использованием произведений классической поэзии и реже прозы (без примеров из разговорного языка) для иллюстрации грамматических правил, а также, преимущественно, несистематизированной подачей материала.

Исследования ГПЯ активно велись не только в Иране, но и в близлежащих от него странах. Наибольший вклад в изучение ГПЯ на рассматриваемой территории до к. 19 в. внесли учёные Индии и Турции.

Таким образом, грамматика персидского языка, начав свое развитие как приложение к другим наукам, испытал влияние арабских, а затем европейских (в первую очередь французских) грамматических школ, в 1872 году в работе М.Х.Эсфахани родилась как «грамматика персидского языка», которая положила начало новой, современной иранской лингвистической традиции.

Литература

1. محمد مهیار. پیشینه دستورنویسی برای زبان فارسی / محمد مهیار [منبع الکترونیکی] / محمد مهیار // نقد پارسی / مرکز تحقیقات - شماره 15/27. <http://aryaadib.blogfa.com/post-645.aspx>
2. حافظ صادق پور. تاریخچه دستور زبان فارسی / حافظ صادق پور // کیهان فرهنگی. - مهر 1382
3. خسرو فرشیدورد. دستور مفصل امروز: شامل پژوهشهای تازه‌های درباره‌ی آشناسی و صرف و نحو فارسی معاصر و مقایسه آن با (ص 703). - 2009 قواعد دستوری انگلیسی و فرانسه و عربی، با اشاراتی بفارسی قدیم و زبان محاوره / دکتر خسرو فرشیدورد. - تهران، - ISBN 978 - 964 - 372 - 039 - 1
4. <http://www.tahoordanesh.com/page.php?pid=16619>
5. 26-68 ص. 2 شماره 1322 گفتار در صرف و نحو فارسی / نامه فرهنگستان (قدیم) سال اول / خرداد - تیر /

6. عبد الرحيم همایونفرخ. دستور جامع زبان فارسی. هفت جلد در یک مجلد / عبدالرحیم همایونفرخ. به کوشش رکن الدین همایونفرخ. ص 1207. - 1951، علی اکبر علمی. مؤسسه مطبوعات علمی. چاپ اول 1364 (1985- سوم تیر) تقی وحیدیان کامیار. اقسام کلمه / دکتر تقی وحیدیان کامیار // فصلنامه تخصصی ادبیات فارسی. نشریه علمی پژوهشی. - دانشگاه 7 - ISSN: 1735-8000. - 20-29. - ص. 16 و 15. - شماره 1386 آزاد اسلامی - واحد مشهد، پاییز و زمستان هجری در هند و پاکستان/ ثریا پناهی. نامه فرهنگستان. - پاییز 13 ثریا پناهی. رده شناسی و روش شناسی فرهنگهای فارسی قرن 8. - شماره مسلسل 1378 - ISSN 1025-0832. - 152-157. - ص. 13. - شماره مسلسل 1378
9. <http://www.farkhari.com/My%20Web%20Site/Books/Dastoor-e-Sokhan/Qesm1a.htm>
10. <http://tarfandestan-mob.mihanblog.com/extrapage/4>
11. <http://chb.irib.ir/about-us/ostan/205--/393----->
12. خوبینی عصمت. اشتقاق در زبان فارسی / خوبینی عصمت // مجله دانشکده ادبیات و علوم انسانی. ویژه نامه تخصصی زبان و ، سال 53 و 52. - از انتشارات بنیاد نیکوکاری نوریانی. - شماره 1385) - دانشگاه تربیت معلم، بهار و تابستان 5 ادبیات فارسی (31 - 44 - ISSN: 1735-9740. - چهاردهم - ص. 554 - 550. - ص. 55. - شماره 1356 کتر فرشیدورد. ادات در منطق و دستور و علم بیان/ دکتر فرشیدورد// گوهر. - مهر د 13.

Сухоруков О. М. Історія вивчення граматики перської мови в Ірані та суміжних з ним країнах до кінця 19 століття / О. М. Сухоруков, А. В. Сухорукова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 272-279.

У даній статті розглядається процес формування поглядів на граматику перської мови в період до кінця 19 століття в Ірані та суміжних з ним країнах, в першу чергу в Туреччині та Індії.

Ключові слова: грамика перської мови, морфологія, Іран, Індія, Туреччина.

Sukhorukov O. M. The history of studying Persian grammar in Iran and it's neighboring countries until the end of 19th century / O. M. Sukhorukov, A. V. Sukhorukova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 272-279.

This article deals with the process of forming views on Persian grammar during the period until the end of 19th century in Iran and it's neighboring countries, especially in Turkey and India.

Key words: grammar of Persian language, morphology, Iran, India, Turkey.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК. 821.512.162

НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Эминова С.

*Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье рассматривается национальный образ: совокупность взглядов автора, реализованных в национальных образах, сквозь национальный разум и национальный взгляд на мир изображений картин природы и быта, жизненных реалий, человеческого бытия, «мира вещей».

Ключевые слова: национальный образ, литература, творчество

Постановка проблемы. Художественное выражение реальности требует художественного подхода, обусловленного многими факторами, в том числе национальными факторами. Безусловно, объект изображения обладает основами, которые писатель должен принимать во внимание. Однако восприятие и изображение жизни обладает своими отличительными особенностями и это отображается в созданных воображением автора и выраженных в произведениях образах, которые всегда носят национальный оттенок.

Любое произведение искусства представляет собой художественное отображение мира, созданное автором.

Как и сам мир, создавший в своих произведениях этот мир автор также национален. Народная жизнь, изображенная писателем посредством национальных образов, является художественным воплощением его национальной сущности.

Одним словом, национальный образ состоит из взглядов автора, реализованных в национальных образах, полученных путем переживания сквозь национальный разум и национальный взгляд на мир изображений картин природы и быта, жизненных реалий, человеческого бытия, «мира вещей». Национальный мир совокупностью составляющих единый вкус внешних и внутренних, «видимых» и «невидимых» компонентов определяет национальную самобытность литературы. Она состоит из конкретной реальности, воплощенной в произведении в художественной форме неповторимыми художественными образами, а также конкретных человеческих типов.

Художественность, наглядность отображения жизни дает человеку в своем роде ключ для понимания национальных особенностей искусства, позволяет выявить своеобразие, особенности, характерные признаки, отличающие одно произведение от другого, одно охудожествленное событие от другого. Поскольку общее образуется из большого количества частных отображений. И поэтому очень интересно отслеживать в произведениях отдельных писателей, какими конкретно образами какие именно стороны реальности освещаются.

Когда речь идет о писателях, относящихся к различным национальным литературам, это сравнение особенно интересно. Особенно потому, что на современном этапе наблюдается «возврат» к национальным корням, обычаям, более точное ис-

следование первичных источников национального саморазвития, истории народа в целом. А это, в свою очередь, открывает большие возможности для сравнения, поиска и отличий.

Выражение «Общечеловеческая культура ничто иное, кроме как непрерывный и всесторонний диалог неповторимых национальных культур, и этот диалог придает ей жизнь. Если этот диалог прекратится, тогда завершатся развитие и прогресс общечеловеческой культуры...» точно отображает этот момент [4, 96].

Писатель является выразителем эстетического отношения человека к миру. Поэтому в каждом художественном произведении в обязательном порядке задействованы приметы писательской личности и этнопсихологические особенности народа, к которому принадлежит данный писатель.

Созданный писателем эстетический мир отражает особенности мировоззрения, установившегося под воздействием жизни, основывающейся на культурный опыт столетий, обычаи и традиции, формирующегося благодаря определенной национальной среде и атмосфере исторического времени, окружающих его.

Пространство и время являются и особыми субстанциями, и формой существования жизни. Повторное восприятие этого писателем и повторное воспроизведение в своих произведениях составляет основу изображения реальности и характеризует, каким видится с его стороны национальный мир.

Как античные этапы истории человечества, и более древние формы художественности становились причиной выявления материальности мира и, наряду с этим, национальных реалий. Суждение «мир и литература с течением времени все больше усложняются, «материальность» отдалается и устраняется, однако национальный взгляд на мир, национальное художественное сознание остается и еще более совершенствуется» (5, 154), присуще приверженцам подобной концепции.

Прежде всего, в основе подобных концепций стоят слова Н.В.Гоголя «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Изображая совершенно посторонний мир и глядя на этот мир глазами национальной среды, поэт и сам становится национальным...» [2, 51]. Утверждая отсутствие необходимости «в изображении сарафана» Гоголь в то же время в своих произведениях, преимущественно, в произведении «Вечера близ хутора Диканька», уделяет достаточно внимание элементам национального быта украинского народа, реалиям национальной жизни. При этом национальный колорит превращается в один из основных моментов в создании национального изображения мира. Разве может кому-то в голову прийти порицать Гоголя за реальные отображения в созданном им национальном мире?

В произведениях многих национальных писателей, например, в ходе анализа произведений М.Сулейманлы, мы основываемся на предположении, которое полагаем верным, то есть на мысли о том, что национальность отображается не только духовным, но и столь же реальным, осязаемым моментом, как и география, быт, жизненный уклад, обычаи, традиции, среда, природа и пр. Разумеется, речь не идет об этнографической точности изображения составляющих основы истинного искусства эмоциональной субъективности, эстетических интересах автора, самобытной оценки изображенных предметов, не имеющих принципов обобщения жизненных реалий, климатических условий. Именно они помогают созданию национальных

художественных образов. Наоборот, равнодушие к реальности, изображение духовности как единственной реальности ограничивает изобразительные возможности художественного произведения.

В формировании национального образа мира фольклор играет особую роль, в основе чего лежат и исторический опыт, и эстетические идеалы, и моральные понятия нации. Всем известен процесс обогащения на всех уровнях за счет устного народного творчества в современной литературе. Об этом много написано. Например, Г.Гачев, анализируя повесть Ч.Айтматова «Джамиля», отмечал: «... патриархально-этическое и жанровое состояние фольклора живут в художественном сознании автора, изначально определяют его отношение и в то же время сами оказываются подвержены изменениям» [1, 7].

Национальная специфика проявляется и на проблемно-тематическом уровне. Несмотря на общность «вечных тем», общечеловеческих тем, в зависимости от социально-исторических условий, путей прогресса нации, экономических, политических, морально-этических, религиозных и пр. факторов, в каждой из национальных литератур заметен индивидуальный выбор, индивидуальный подход к важным проблемам известной литературы. Однако писатели не только показывают ту или иную проблему. Цельная идейная система литературного произведения определяется также и личностью писателя, его мировоззрением, в том числе национальным восприятием мира. Композиция произведения как формальная структура, организованная из различных элементов, определяется во всем разнообразии его комментариев. В совокупности с особенностями и принципами материальной организации, это завершенная замкнутая система. Она обладает цельной структурой и вместе с другими категориями становится причиной выражения авторской концепции мира. Национальность при этом отражается, прежде всего, в элементах композиции и методах их организации. Разумеется, создание национального изображения мира требует от писателя обладания богатством национального языка, умения находить необходимые средства для отражения с максимальной полнотой более точно, с художественной точки более ярко и адекватно, реальности и характеров, нахождения аккуратно, точно и правильно, прилежно подобранных слов» [3, 212].

При исследовании национальной самобытности самой важной проблемой является проблема национального характера. Эта проблема давно находится в центре внимания теоретико-эстетического сознания. И в наши дни существуют различные концептуальные течения: теории биологического, географо-климатического подхода, теория локальных культур, рассматривающая аналогично климатическим, ландшафтным и пр. порожденным естественной средой природным организмам и т.д. Во второй половине XIX века начала широко распространяться наука об элементах и законах духовной жизни народов – этнопсихология. Этнопсихологи исследуют проблемы изучения и систематизации форм отображения «национального духа» - мифов, религии, искусства, обычаев и моды, лингвистических свойств и пр. Образовались отдельные области этнопсихологии, изучающие различные стороны этой проблемы.

Естественно, в азербайджанской литературе в анализе самых ведущих произведений на первый план выходит, в первую очередь, вопрос степени его связанности с национальной почвой.

Акиф Гусейнов пишет об А.Айлисли: «Необходимо принять во внимание, что художественному мышлению А.Айлисли присуще значимое достоинство – богатство национального колорита – и благодаря этому мы в его изображениях постоянно ощущаем широту, характерность, каждое точное наблюдение кажется нам естественным, характерным, и все это в массовой форме оживляет перед нашими глазами самобытность, панораму среды» [6, 89].

Выражения Вагифа Юсифли о романе «Кочевье» М.Сулейманлы «Этот роман преимущественно философское, психологическое произведение, однако, хотя в романе исторические облики и события отсутствуют, на него можно смотреть и как на историческое произведение»... Произведение «Кочевье» можно считать историко-этнографическим романом. Разумеется, историчность носит здесь достаточно условную сущность... автор, сохранив исторический дух периода, порой осознанно нарушает хронологию, допускает «перемещения» в изображении далекого и недавнего прошлого. С другой стороны, М.Сулейманлы создает своеобразную связь между прошлым и нынешним и этим избегает временной ограниченности. В романе Мовлуда имеются в большом количестве и этнографические детали, мотивы, пришедшие из народного творчества» [7, 119-121], акцентируют обусловленность основных моментов творческого успеха достаточно известных писателей непосредственной связью с народным творчеством, этнографией народа

В ряде случаев непосредственная связь названий художественных произведений с фольклором сама по себе создает национальный колорит.

Произведения «Сказка о Сарыкёйнек и Валехе» Ильеса Эфендиева, «Сказка об одиноком гранате» Акрама Айлисли, «Сказка о хорошем падишахе» Анара и др. могут быть примером этому.

Выводы и перспективы. Таким образом, можно подтвердить, что во время создания национального изображения мира писатель использует целый арсенал художественных методов и средств на всех уровнях являющегося цельным организмом художественного произведения. Создание национальным писателем целостного изображения мира художественными методами и художественными образами отображает специфику исторической жизни народа. Не беззаботная идеализация патриархальности, не отрицание прогресса, уничтожающего оригинальность и неповторимость национальной жизни, а объективное изображение мира вместе со всеми гуманистическими ценностями и чистыми национальными свойствами, поэтизация существующих в национальном образе жизни народа начал, категорический протест против утративших значение форм - именно они должны стоять в центре произведений, претендующих на статус «национальные произведения».

Литература

1. Гачев Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – Москва, 1988. – 445 с. 7.
2. Гоголь Н. Полное собрание сочинений : Т. VIII. – Москва, 1937. – 816 с. 51.
3. Горький М. Собрание сочинений в 30-ти томах : Т. 27. – Москва, 1953. – с. 212 –213.
4. Кожин В. Статьи о современной литературе / В. Кожин. – Москва, 1990. – 542 с. 96.
5. Национальное и интернациональное в советской литературе. – Москва, 1971. – 518 с. 154.
6. Гусейнов А. Чаение времени и прозы / А. Гусейнов. – Баку: Язычы, 1980.
7. Юсифли В. Путь поиска / В. Юсифли // Лит. Аз. – 1987. – №5. – с. 119 –121. (120).

Емінова С. Національна самобутність у літературній творчості / С. Емінова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 280-284.

У статті розглядається національний образ: сукупність поглядів автора, реалізованих в національних образах, крізь національний розум і національний погляд на світ зображень картин природи і побуту, життєвих реалій, людського буття, «світу речей».

Ключові слова: національний образ, література, творчість

Eminova S. National originality in literary creativity / S. Eminova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 280-284.

The national image consists of the views of the author realized in national images, received by filtering through national reason and a national view of the world of images of pictures of the nature and a life, vital realities, human life, «the world of things».

Key words: national image, literature, creativity

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК – 81. 411. 21' 367. 625' 373. 7

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ КНИЖНЫХ И РАЗГОВОРНО-БЫТОВЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СОВРЕМЕННОГО АРАБСКОГО ЯЗЫКА

Бекиров Р. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: rbekirov@mail.ru*

В статье делается попытка выявления стилистических ресурсов фразеологизмов арабского языка. Ставятся следующие задачи: собрать, систематизировать, классифицировать и исследовать в этимологическом и стилистическом планах фразеологизмы.

В ходе исследования установлено, что фразеология как древняя и обширная часть состава арабского языка представляет собой интерес для изучения ряда проблем арабского языкознания.

Ключевые слова: фразеологизм, стилистика, словосочетание, этимология, арабский язык.

Постановка проблемы. Малоисследованной областью арабского языкознания является фразеология. Это связано с тем, что фразеология рассматривалась лишь как вторичный раздел стилистики, риторики и других наук. Стилистические ресурсы фразеологических единиц арабского языка трудно переоценить.

Актуальность. Несмотря на длительный период существования и развития арабского языка мало изученной остается область фразеологии. Современный арабский литературный язык, также как и классический, является флективно-агглютинативным, синтетическим языком [2]. Актуальность исследования определяется не разработанностью проблемы и недостаточной изученностью арабских фразеологических единиц, а также их стилистические ресурсы. В современной арабистике изучение фразеологии и дополнение на этой основе словарей, пособий, других лексикографических изданий является актуальным направлением в арабском языкознании.

Цель статьи - собрать, систематизировать, классифицировать и исследовать в этимологическом и стилистическом планах книжные и разговорно-бытовые фразеологизмы. Особое внимание, по нашему представлению, следует уделить:

- 1) сбору, изучению, обобщению и систематизации сведений из разных источников по арабскому языкознанию;
- 2) выявлению стилистических ресурсов фразеологических единиц в письменных источниках;
- 3) исследованию лексико-семантических и грамматических особенностей фразеологизмов;

Для научных изысканий в этой области, материалом могут послужить данные первоисточников (произведения доисламской поэзии, Коран, материалы классического и современного арабского литературного языка и живых народных говоров и

другие письменные источники), а также сведения арабских средневековых авторов, доводы современных исследований в области арабского языка.

Для решения поставленной задачи необходимо использовать наработанную уже в общем языкознании методологию подобных исследований. Из которой, прежде всего, мы бы выделили: сравнительно-исторический, описательный, сопоставительный, функциональный и типологический приемы и методы исследования [1, 5].

В методологическом отношении, обоснованным является исследование фразеологии арабского языка в сравнительно-историческом, семасиологическом, этимологическом и других планах [1, 8].

Благодаря яркой выразительности большинства арабских фразеологизмов, авторы могут использовать их как богатое стилистическое средство. В большинстве случаев писатели, поэты и журналисты используют фразеологические обороты без изменения их формы, так как устойчивый оборот уже сам по себе обладает высокой степенью образности, эмоциональности и всегда экспрессивно окрашен.

Часто фразеологические единицы находят употребление в синонимичном ряду или с фразеологизмами, или с отдельными словами. При этом они располагаются так, что каждый последующий член ряда включает в себе большую степень признака или действия, чем предыдущий. Возможен и прием антитезы – использование фразеологизмов в антонимическом ряду.

Одним из способов употребления фразеологических оборотов является стилевой контраст, когда в одной фразе могут сталкиваться фразеологизмы книжные и разговорные, архаичные и действующие в современном арабском языке, жаргонные и межстилевые.

Мы можем встретить в предложении следующие выражения:

«لا يعرف الألف من الياء» - 'Не знает ни бельмеса (он ничего не знает)'. – (букв.) 'Он не отделяет букву алиф от йа' [6, 40].

«لا يفرق بين قبيله وديبره» - 'Он круглый (набитый) дурак (он ничего не знает)'. – (букв.) 'Он не разделяет (отделяет) того, что перед ним и позади него' [6, 620].

Книжные фразеологизмы имеют повышенную эмоционально-стилистическую окраску официальности, торжественности, поэтичности и употребляются преимущественно в книжной речи. Например:

«أدخل في الأذهان» - 'Вбить в голову'. – (букв.) 'Вводить, вносить в голову' [6, с. 247].

Среди современных арабских фразеологизмов большой пласт составляют разговорно-бытовые фразеологизмы. Они находят употребление в устной речи, но имеют сниженную, по сравнению с книжными, экспрессивно-стилистическую окраску, которая может быть шуточной, ироничной, презрительной, фамильярной и др. Например:

«خرّاج ولاج» - 'Выходящий сухим из воды. Ловкий (иронично)'. – (букв.) 'Выходящий и всюду проникающий' [6, 215].

Среди разговорных фразеологизмов выделяются просторечные:

«بكل جوارحه» - 'Всеми фибрами души'. – (букв.) 'Всеми частями своего тела' [6, 124].

Просторечные фразеологизмы и слова отличаются от разговорных некоторой степенью грубости и, зачастую, носят отрицательную окраску неодобрительности, пренебрежения и т.д.:

«حليب أمه على فمه» - 'У него молоко на губах не обсохло. Молокосос'. – (букв.) 'Молоко его матери у него на губах' [6, 190].

В стилистическом плане фразеологические единицы арабского языка имеют более яркую эмоционально-экспрессивную окрашенность чем свободные словосочетания. Структурно фразеологизм схож со свободным сочетанием слов, так как и в свободном сочетании, стержневое слово принадлежит к определенной части речи. К примеру, это может быть имя существительное:

«حجر الزاوية (الاسس)» - 'Краеугольный камень' [6, 157].

Имя прилагательное:

«ثابت القلب» - 'Непоколебимый'. – (букв.) 'С твердым сердцем' [6, 108].

Глагол:

«حشر أنفه» - 'Совать свой нос' [6, 175].

Однако, сходство фразеологизма со словосочетанием является чисто внешним. Так как, с одной стороны, слова в свободном сочетании могут вступать в связь с широким кругом слов, тогда как во фразеологических единицах эта сочетаемость ограничена. Так в предложении:

«عندما محمد رجع الى قريته وجد انه احرق بيته» - 'Когда Мухаммад вернулся в свою деревню, он обнаружил, что его дом уничтожил пожар'.

«أحرق قلبا» - 'Сжигать, уничтожать (о пожаре) дом'. Данное выражение является свободным сочетанием слов. В то же время во фразеологизме: «أحرق قلبا» - 'Причинять горе'. – (букв.) 'Сжигать сердце' [6, 167], компонент «أحرق» - 'сжигать', имеет несвободное значение и сочетается только со словом «قلب» - 'сердце'.

С другой стороны, фразеологизм и свободное словосочетание по-разному ведут себя в предложении. Например:

«أحمد خرج من بيته ورأى أن المطر لا يسقط.» - 'Ахмад вышел из дома и увидел, что дождь не идет (падает)'. В составе придаточного предложения, сказуемым является одно слово «يسقط» - «идет (о дожде), падает». А в предложении:

«قلت له إنه لا تسقط خردلة من يده» - 'Я сказал ему, что он чрезвычайно скуп'. В составе придаточного предложения, сказуемым будет весь фразеологизм:

«لا تسقط خردلة من يده» - 'Он чрезвычайно скуп. Он большой скряга'. – (букв.) 'Из его руки горчица (горчичное зерно) не упадет', потому что он неразложим.

По мнению Тагиева М.Т.: «Глаголы лексико-фразеологического типа напоминают сложные глаголы. Они состоят из двух слов, первый из которых имя существительное, а второе глагол. Но в отличие от сложных глаголов, где второй элемент несет грамматическую функцию, глагол, входящий в состав идиомы лексико-фразеологического типа, имеет образное значение, что и придает образный характер всему сочетанию. То, что этот глагол в образном значении сочетается только со строго ограниченным количеством слов, придает всему сочетанию устойчивый характер. Такое сочетание, однажды возникнув как образное выражение, становится как бы особой моделью лексико-фразеологической единицы, которая представлена одним данным выражением.» [3, 81].

Ушаков В.Д. относит к глагольным те фразеологические единицы, которые включают в свой состав глагол в качестве обязательного компонента, а также другие части речи. Далее автор отмечает, что: «Основная проблема, возникающая при

анализе глагольных фразеологизмов арабского языка, заключается в различении глагольных фразеосочетаний и глагольных фразеопредложений. При рассмотрении именных фразеологических оборотов этой проблемы не существует, так как фразеоречение со структурой словосочетания «غليظ القلب» - 'жестокосердный' – (букв.) 'грубый сердцем', явным образом отличается от фразеологического предложения «قلوبنا غلف» - 'сердца наши не обрезаны'» [4, 44]. Проблема разграничения глагольных фразеологических словосочетаний от глагольных фразеологических предложений заключается в том, что в отличие от большинства других языков, глаголы арабского языка не имеют инфинитивной формы.

Относительно наречных фразеологизмов можно отметить, что их употребление в арабском языке, расширяет выразительные возможности говорящих и пишущих.

«أما الفلاحون المصريون فوقعوا بعد تأميم الإقتصاد فى حيص بيص.» - 'Что касается египетских крестьян, то они, после национализации экономики, попали в трудное положение'.

В адъективных фразеологических сочетаниях, например:

«ثاقب النظر» - 'Дальновидный. Зоркий'. – (букв.) 'Пронзающий взглядом' [6, 110].

Компонент, выраженный прилагательным, не может иметь форм степеней сравнения. Более того, некоторые устойчивые словосочетания употребляются только в строго фиксированной грамматической форме.

«أكل جواب رسالة» - 'Не ответить на послание'. – (букв.) 'Съесть ответ на письмо' [6, 39]. На лексическом уровне не допускает перемены компонентов.

Управляющий глагольный компонент, как правило, ограничен в выборе форм залога, он не может выражать и различные лексико-грамматические оттенки.

Дословный перевод составных частей фразеологизмов приводит к неточности или даже курьезам.

В арабском языке, так же как и в других языках, есть такие фразеологические единицы, которые свойственны только арабскому языку. Тем не менее, имеются и такие фразеологические обороты, даже дословный перевод которых на русский язык, приведет к их полному и точному восприятию. Например:

«عين بعين» - 'Око за око'. – (букв.) 'Глаз за глаз' [6, 554].

«تقبل الفهم» - 'Тугодум'. – (букв.) 'Понимающий с трудом' [6, 111].

«أبو حيب مخزوق» - 'Транжира'. – (букв.) 'Отец дырявого кармана' [6, 151].

«ذرف دموع التماسيح» - 'Проливать (лить) крокодильи слезы'. – (букв.) 'Проливать слезы крокодила' [6, 105].

Арабский литературный язык, типологически, достаточно близок как к русскому, так и украинскому языкам. По этой причине, фразеология арабского языка, в некоторых случаях, могут иметь общие черты с фразеологией последних.

Таким образом, материалы исследования показывают, что стилистические ресурсы книжных и разговорно-бытовых фразеологических единиц богаты. Отличительными чертами книжных и разговорно-бытовых фразеологизмов является не только их лексический состав, но и различия в грамматическом плане. Эквивалентность фразеологизма словосочетанию в стилистическом плане не наблюдается, так как эмоционально-экспрессивная окраска первых значительно выше.

Литература

1. Иванова Л.П. «Методы лингвистических исследований»/ Л.П. Иванова. - Киев: ІСДО, 1995, - 87 с.
2. Мишкурин Э.Н. Основы теоретической грамматики современного арабского языка: Курс лекций/ Воен. институт/ Э.Н. Мишкурин. – М.: Военный институт, 1978.
3. Тагиев М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка. – Баку, 1966.
4. Ушаков В.Д. Фразеология Корана. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 204 с.
5. Юшманов Н.В. Грамматика литературного арабского языка./ Н.В. Юшманов – М.: Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1985. – 175 с.
6. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь: Ок. 42000 слов./ Х.К. Баранов. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1989. – 928 с.
7. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1978. - 543 с.

Бекіров Р. О. Стилiстичні ресурси книжкових і розмовно-побутових фразеологізмів сучасного арабської мови / Р. О. Бекіров // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 285-289.

У статті робиться спроба виявлення стилістичних ресурсів фразеологізмів арабської мови. Ставляться наступні завдання: зібрати, систематизувати, класифікувати і досліджувати в етимологічному та стилістичному планах фразеологізми.

У ході дослідження встановлено, що фразеологія як стародавня і велика частина складу арабської мови являє собою інтерес для вивчення ряду проблем арабського мовознавства.

Ключові слова: фразеологізм, стилістика, словосполучення, етимологія, арабська мова.

Bekirov R. A. Stylistic resources bookstores and colloquial phraseology household Modern Arabic / R. A. Bekirov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 285-289.

This article attempts to identify the stylistic resources phraseology Arabic. Are to: collect, organize, classify and investigate the etymological and stylistic idioms plans.

The study found that the phraseology of both ancient and extensive part of the Arabic language is of interest to study a number of problems Arabic linguistics.

Key words: idiom, style, phrase, etymology, Arabic.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК. 821.512.162

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА (1990-2000 ГОДЫ)

Кулиева Х. П.

*Сумгаитский государственный университет, г. Сумгаит, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Значение терминологических словарей не ограничивается удовлетворением потребности в знании терминологии специалистов различных областей. В статье исследуются в хронологическом порядке терминологические словари Азербайджанского языка, изданные с 1990-2000 года.

Ключевые слова: словарь, терминология, Азербайджанский язык

В современный период создание терминологических словарей считается самой развитой областью в лексикографии Азербайджана. Значение терминологических словарей не ограничивается удовлетворением потребности в знании терминологии специалистов различных областей. Из истории словареведения становится ясно, что эти словари служат основной базой для создания филологических словарей, особенно терминологической лексики толковых словарей. Основная задача терминологических словарей отобразить особую лексику языка.

Терминологические словари азербайджанского языка, изданные в 1990-2000 годах следующие:

«Русско-азербайджанский словарь административных терминов»;

«Русско-азербайджанский словарь терминов рыночной экономики»;

«Русско-азербайджанский толковый словарь военных терминов»;

«Толкование терминов и имен, используемых в классической литературе Азербайджана»;

Имдад Тагиев «Словарь радиотехнических терминов»;

Фарида Ляман «Словарь эпитетов Азербайджана художественного языка»;

«Словарь геологических терминов»;

Саялы Садигова «Толковый словарь физико-математических терминов в Азербайджанском языке»;

Акиф Аббасов, Хумар Асим кызы «Англо-азербайджанский педагогико-психологический словарь»;

«Азербайджано-русский словарь слов арабского происхождения»;

«Русско-азербайджанский правовой словарь».

«Русско-азербайджанский словарь административных терминов» был издан в 1991 году в главной редакции Азербайджанской Энциклопедии. Словарь состоял из 64 страниц. Редактор словаря Азер Багиров. Составители: доктор филологических наук Мамед Гасымов, кандидат филологических наук Бахруз Абдуллаев. В словарь были включены часто используемые административные термины и даже образцы некоторых документов. Словарь был рассчитан на работников предприятий и

управления, редакций и типографий, студентов высших учебных заведений и техникумов, переводчиков, лиц интересующихся составлением и написанием различных документов на азербайджанском языке.

В период возрастания общественной функции и расширения сфер использования азербайджанского языка как государственного языка Азербайджанской ССР, его использование в переписке между управлениями и предприятиями республики, а также составление различных документов, отчетов на этом языке, конечно, имеет особое значение. Однако отсутствие в азербайджанском языке точных административных терминов, неправильное образование эквивалентов в азербайджанском языке некоторых административных терминов русского языка или же их разностороннее использование до сих пор создавало определенные трудности. Основной целью создания такого словаря была ликвидация хотя бы части этих сложностей [1,3]

«Русско-азербайджанский словарь терминов рыночной экономики» был издан в 1993 году в издательстве «Azəpnəşr». Словарь состоит из 77 страниц. Редакторы словаря Саида Султанова, Джовдат Мамедзаде. Составители: кандидат экономических наук Н.А.Рустамли, В.М.Бабаев, И.В.Лукьянова.

В 1992 году страна вступила в рыночную экономику. Формирование рыночной экономики есть решающий шаг в расширении экономической независимости республики. В связи с переходом на рыночную экономику составленный словарь имеет целью помочь населению республики, деловым людям, руководителям хозяйств, специалистам, людям, работающим по направлению внедрения новых форм и развития предпринимательства.

«Русско-азербайджанский толковый словарь военных терминов» был издан в 1993 году в издательстве «Azəpnəşr». Составитель М.М.Сеидов. Этот словарь состоит из 336 страниц. В словаре дано всестороннее толкование около 2500 обще-военных, военно-политических, военно-исторических терминов, слов и выражений. Словарь рассчитан на широкий круг читателей интересующихся военными знаниями.

«Русско-азербайджанский толковый словарь военных терминов» служит первоисточником информации на азербайджанском языке для офицеров в отставке, молодежи получающей образование, студентов учебных заведений, руководителей оборонных и патриотических организаций, работников печати и типографий, журналистов, а также широкого круга читателей интересующихся военно-исторической литературной и военными мемуарами.

Основная цель словаря доступное толкование особых военных терминов, слов и выражений, встречающихся при обучении военному делу в школах и учебных заведениях, анализе художественной и военно-технической литературы, статей на военные темы в газетах и журналах. В то же время она может помочь изучающим русский язык, занимающимся переводом с русского на азербайджанский и изучающим азербайджанский язык.

В словаре учитывается опыт войны 1941-1945 годов, а также послевоенных лет. В связи с объемом книги исторической терминологии было уделено мало места. В последние годы армия и флот были оснащены самой новейшей боевой техникой. Учитывая это, при составлении словаря много места было уделено военно-техническим терминам, в частности лексике относящейся к радиоэлектронике, ра-

кетной и авиационной технике. В общем, в алфавитном порядке дана информация примерно 2500 термину, словам и выражениям.

Используя словарь, следует учитывать следующее:

1. Название и перевод каждой статьи – информации дается большими буквами. Объем толкования каждого выражения или термина зависит от значимости, важности темы, а также в информативной части дается краткое содержание, определение термина или выражения.

2. В связи с невозможностью широкого комментирования всех проблем данной темы в краткой статье-информации, а также взаимосвязанности многих терминов в словаре широко используется система ссылок на другие статьи-информации, где дополнительно разъясняется или хотя бы затронута данная тема.

3. В книге используются только общепринятые сокращения. За исключением названия статьи данной заглавными буквами никаких других специальных условных сокращений в словаре не используется.

4. Если термины, заимствованные из иностранных языков не используются в азербайджанском языке, то они относятся к терминам, имеющимся в русском языке [2, 3-4].

В 1993 году был издан издательством «Maarif». Словарь состоит из 291 страницы. Составитель словаря А.М.Бабаев.

В 1993 году издательством «Azərnəşr» был издан «Словарь радиотехнических терминов». Этот словарь состоит из 187 страниц. Составитель словаря Имдад Тагиев. Словарь включает в себя термины и выражения, касающиеся как, в общем, радиотехники и связи, так и связанных с ними радиофизики, электроники, проектирования радиоэлектронных систем и технологий, транспорта, технической эксплуатации радиооборудований, автоматической и многоканальной электрической связи, радиосвязи, а также терминов и выражений, относящихся к передачам по радио и телевидению.

Словарем могут воспользоваться преподаватели и студенты средних, средне-технических и высших учебных заведений, специалисты соответствующих областей, а также широкий круг читателей.

В 1995 году «Словарь эпитетов художественного азербайджанского языка» был издан издательством «Elm». Словарь состоит из 220 страниц. Составитель словаря Ляман Фарида. Редактор Мусеиб Мамедов. Система иносказаний художественного языка является сокровищницей этого словаря. В этой сокровищнице ярко блистают художественные определения эпитетов. Эпитеты играют особую роль в повышении экспрессивности выражений и силы их воздействия, в раскрытии богатства и красоты нашего языка. Кроме того эпитеты самый действенный способ выражения, раскрывающий индивидуальный стиль автора. Слова в словаре располагаются в алфавитном порядке, примеры выбраны в основном из современных художественных произведений. Преимущество в словаре составляют индивидуальные эпитеты. Этот словарь первая такая инициатива в азербайджанской филологии. В словаре дается более 100 эпитетов использованных в книгах более 200 авторов. Здесь еще не были в полной мере использованы примеры из устного народного творчества, классиков, произведений современных поэтов и писателей.

В 1996 году «Словарь геологических терминов» был издан издательством «Elm». Словарь состоит из 360 страниц. Редакторами словаря являются академик А.Ализаде и А.Ш.Шихалибейли, а составителями П.Н.Абдуллаев, академик А.Ализаде, Т.А.Ализаде, Ш.Ф.Мехдиев.

«Словарь геологических терминов» был впервые издан в большом объеме в 1958 году. Здесь было охвачено более 7000 тысяч терминов. В последующие после этого издания 36 лет в геологии возникли новые области, и пошел процесс его обогащения новыми терминами, словами, понятиями. В то же время многие термины уже устарели, поменяли свое значение или же вышли из употребления.

Стремительное развитие науки и техники за последние 20-25 лет пополнил технический словарный фонд многих языков, в том числе и русского языка новыми терминами. В этом смысле использование словаря облегчает читателям понимание советской научно-технической литературы и зарубежной на русском языке, помогает при составлении учебных пособий, написании научных трудов, а так же поднимает вопрос о необходимости составления словарей отвечающих современным требованиям различных наук.

В 1998 году издательством «Elm» был издан «Толковый словарь физико-математических терминов в Азербайджанском языке». Словарь состоит из 166 страниц. Составитель Саялы Садигова. В работе даются разъяснения основным понятиям и теоретическая информация о физико-математических терминологических словарях. Словарем могут воспользоваться преподаватели, студенты и научные сотрудники средних и высших учебных заведений.

Для того чтобы приступить к составлению физико-математических терминологических словарей надо сперва решить следующие вопросы [4, 3]:

1. Определить основные понятия, в общем, всех точных наук особенно физико-математической науки.
2. Систематизировать эти понятия и определить дефинитивность этих понятий.
3. В случае если существующая терминологическая система в том или ином виде была нарушена, необходимо заново усовершенствовать ее на основе какого-нибудь определенного критерия.

Первые словари, касающиеся физико-математической науки, были изданы в 1922-1931-ом годах. Сегодня издано много различных словарей относящихся к физико-математической науке. При составлении этих словарей были уточнены определения описываемых понятий, при определении запутанных терминов использовались внутренние ресурсы азербайджанского языка, за основу были взяты способы словообразования в нашем языке.

Несмотря на все это, в общем, в существующих терминологических словарях есть определенные недостатки и в содержании и в лексикографии. Во-первых, словари не соответствуют современному уровню развития физико-математических наук. Таким образом, одно и то же понятие в разных словарях обозначается разными терминами и наоборот разные понятия обозначаются в различных словарях одним и тем же термином. Например, в математике.

Отрицательной чертой словарей является и то, что наука слишком нагружена терминами, заимствованными из других языков.

В 1999 году издательством «Mütərcim» был выпущен «Англо-азербайджанский педагогико-психологический словарь». Словарь состоит из 100 страниц. Составители: Акиф Аббасов, Хумар Асим кызы. Слова в словаре были расположены в алфавитном порядке. Сюда были включены также некоторые слова и выражения, часто встречающиеся в литературе по педагогике и психологии, но вышедшие из употребления в силу изменившегося общественного строя.

Словарь является первым шагом в создании словаря на английском языке в области педагогической и психологической науки.

В 2000 году в издательстве «Тефеккюр» был издан «Азербайджано-русский словарь слов арабского происхождения». Словарь состоит из 244 страниц. Составители: Фархад Маземли и Яшар Алхасов. В нашем языке есть очень много слов и выражений арабского происхождения, смысл которых остается читателю непонятным. Каждый, кто обратится к этой книге, будет знать точный смысл, корень интересующего его слова. Впервые составленный в азербайджанской лексикографии этот словарь рассчитан на широкий круг читателей, учеников, студентов, преподавателей.

В 2000 году в издательстве «Qanun» был издан «Русско-азербайджанский правовой словарь». Словарь состоит из 224 страниц. Составитель словаря кандидат юридических наук Рауф Мамед оглы Караев. Этот словарь содержит в себе свыше 15000 слов и словосочетаний касающихся юридической терминологии. В основном это переводной словарь. Но вместе с тем здесь встречаются и элементы толкового словаря. Это относится к широко распространенной в современной юридической лексике латинской юридической терминологии, а также научным философским, экономическим, банковским, биржевым и т.д. терминам.

Выводы и перспективы. В словаре нашли свое отражение термины, относящиеся к международному праву, международному специальному праву, конституционному праву, административному праву и т.д. «Русско-азербайджанский правовой словарь» предназначен для юристов, банковских работников, ученых, преподавателей и студентов факультета международного права и широкого круга читателей. Основная цель научно-практической работы «Русско-азербайджанского правового словаря» на сегодняшний день ближе ознакомить читателя в современной правовой лексикой широко используемой в юридической литературе и юридической практике.

Литература

1. Русско-азербайджанский словарь административных терминов. – Баку, 1991.
2. Русско-азербайджанский толковый словарь военных терминов. – Баку : «Наука», 1998.
3. Словарь геологических терминов. – Баку : «Наука», 1996.
4. Толковый словарь физико-математических терминов в Азербайджанском языке. – Баку : «Наука», 1998.

Кулієва Х. П. Термінологічні словники азербайджанської мови (1990-2000 роки) / Х. П. Кулієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 290-295.

Значення термінологічних словників не обмежується задоволенням потреби в знанні термінології фахівців різних областей. У статті досліджуються в хронологічному порядку термінологічні словники Азербайджанської мови, видані з 1990-2000 року.

Ключові слова: словник, термінологія, Азербайджанська мова

Kuliyeva Kh. P. Dictionaries of Azerbaijan language (1990-2000) / Kh. P. Kuliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 290-295.

The value is not limited to terminology dictionaries meeting the knowledge needs terminology specialists in various fields. In the article in the chronological order, the Azerbaijani language terminology dictionaries that are published from 1990-2000 year are described.

Key words: dictionary, terminology, Azerbaijan language

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.82-84:80

АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКА И ПРОБЛЕМА ИХ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Онищенко Ю. А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: yilan7708@rambler.ru*

В статье проводится попытка выявить сходства, отличия и трудности при переводе на русский язык некоторых ФЕ турецкого языка.

Ключевые слова: ФЕ – фразеологическая единица, лексическая сочетаемость, моделированные единицы, фразеологические сращения.

Постановка проблемы. Фразеологизмы играют роль носителей этнокультурного содержания, чем продолжают привлекать внимание лингвистов разных стран. Изучение фразеологии является необходимым звеном при усвоении языка, при повышении культуры речи, так как во фразеологии воплощен богатый исторический опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом, культурой и интеллектом людей. Правильное и уместное использование фразеологизмов придает языку неповторимое своеобразие, необычную выразительность, точность, образность.

Сравнительное изучение языков является актуальной проблемой современного языкознания, так как направлено именно на выявление схожих черт и различий. Особый интерес представляют исследования в области фразеологии, которая наиболее ярко отражает своеобразие жизни того или иного народа, его культуру, традиции и менталитет. Поэтому изучение фразеологических единиц становится неотъемлемой частью при овладении языком. Очень важным является привлечение в качестве объекта сравнительного анализа фразеологического материала разнотипных и типологически различных языков.

В турецком языкознании в области фразеологии известны труды таких лингвистов, как Д.Аксана, Л.С.Узуна, О.А.Аксоя, Ш.С. Елчина, С. Емира, С.К. Кнесбаева, Ш.У. Рахматуллаева и др. ..

На современном этапе развития фразеологии важно выявление фразеологических универсалий и национальной специфики фразеологизмов, что делает актуальным рассмотрение данной темы, поскольку семантико-сравнительное изучение фразеологических единиц в языках, различные по структуре, необходимо для выявления и описания межязыкового сходства и различия фразеологических фондов различных языков и дает возможность получить новые данные о системном устройстве языков, взаимосвязях и различиях их подсистем.

В статье проводится анализ некоторых ФО турецкого языка и на основе проведенного исследования делается попытка выявить трудности их перевода на русский язык. Для чего будут рассмотрены некоторые фразеологические единицы турецкого языка и их функционирования в речи.

Все фразеологические единицы, которые были рассмотрены А.А. Аксом, с позиции их структуры, по грамматической признаку были отнесены к трем группам идиом турецкого языка: так называемым глагольным, номинативным и коммуникативным [12]. Коммуникативные ФО выделяет также и Кунин, но в его трактовке в ФО относятся пословицы и поговорки, в то время как в тюркологии пословица не входят в разряд фразеологизмов:

1) глагольные фразеологизмы - это сочетание, состоящие из одного-трех слов, доминантой которых является глагол: *açık olmak* "быть открытым", 2) группу номинативных фразеологизмов составляют словосочетания, в которых отсутствует модальность: *dar boğaz* "большие трудности", букв. «Узкое горло», 3) коммуникативные фразеологизмы включают или полностью оформлены пословица, или образные предложение, смысловой глагол которых, в зависимости от применения, может изменяться по времени, родам и числам: *Ah edip eh işitmek* "постоянно кричат", букв.

«Сказал" ах", слышать" эх"» - *Ali, ah edip eh işitti* "Али постоянно кричала". [12].

Для выявления специфики ФО турецкого языка с точки зрения их смыслового значения все единицы было соотнесено с типологией фразеологизмов, которую предложил В.В. Виноградов и которая была дополнена Н.М. Шанским. Отнесение отдельных слов, имеющих образное значение, к какой-нибудь группе фразеологизмов классификации, не представляется возможным, так как фразеологические сращения, единства, сообщения и высказывания предполагают наличие фразы, которая состоит как наименьшее из двух лексем [5; 187]. Среди глагольных фразеологизмов турецкого языка чаще всего встречаются фразеологические единства (понимание которых является последствиями слияния значений с лексических компонентов): *ağzından bal akmak* "заливаться соловьем", букв. «Изо рта мед капать». В значительно меньшей степени предоставляются фразеологические сочетания (обороты, в которых есть слова как со свободными, так и с фразеологически связанными значениями): *afal afal bakmak* "смотреть удивленно" и фразеологические сращения (эквиваленты слов, имеющих целостное, неделимое значение): *büyük söylemek* "хвастаться, бахвалиться", букв. «величественно говорит».

Все номинативные фразеологизмы делятся на фразеологические сращения и единства: *asemi çaylak* "неловко", букв. «Неопытный коршун». Фразеологические сочетания и выражения в группе номинативных фразеологизмов обнаружить не удалось [11].

Очень сложным является вопрос о соотношении коммуникативных ФО (особенно тех, которые определяются как законченные фразы) в тот или иной группе фразеологизмов по классификации В.В. Виноградова и Н.Ш. Шанского. Через свою семантическую завершенность эти единицы не входят в состав этой классификации (но, по классификации, которую предложил А.В. Кунин, их можно отнести к разряду фразеологизмов) [9; 362]. Однако следует отметить, что по своим семантическими характеристиками коммуникативные фразеологизмы все же сближаются с фразеологическими единствами (понимание высказывания возникает из слияния значений лексических компонентов фразы) и фразеологическими выражениями (коммуникативные фразеологизмы семантически можно членить): *acı götmüş* "видавший виды, горе", букв. «Он (а) видел (а) горе». Коммуникативные фразеологизмы, име-

ющие в своей основе неопределенной формы глагола, соотносятся с фразеологические единства: *ağzı olup dili olmamak* 'быть почтительным, учтивым ', букв. «Имея рот, не иметь язык».

Особенности значений фразеологизмов: перенос значения и конкретизация фразеологических единиц; фразеологические единицы, которые используются в буквальном смысле; тематические фразеологические единицы; сравнение фразеологических единиц и слов, удваиваются.

Рассматривая фразеологические единицы как устойчивые, неделимые, несущие определенную смысловую нагрузку сочетания слов, мы можем выделить следующие видовые особенности:

- Устойчивость, обозначающий невозможность изменения определенного набора слов, составляющих фразеологизм. Например, словарный набор фразеологизма "*göze girmek*" (выслужиться, снискать расположение) может меняться на "*kulaga girmek, burna girmek*", или фразеологизм "*süt dökmüş kedi gibi*" (как нашкодившая кошка) не может изменить свой набор слов, не утратив своего значение '*süt dökmüş köpek gibi*' "(как пролившая молоко собака). Также все слова фразеологизма имеют четкую последовательность, которую нельзя ломать: порядок слов фразеологизма "*delik büyük, yama küçük*" (советов бы в рай, да грехи НЕ пускают) может меняться "*yama küçük, delik büyük*" [11].

На сегодняшний день, во многих диалектах современного турецкого языка встречаются фразеологические единицы, яки несут одинаковое смысловое значение, но в которых произошли определенные изменения. Например, следующие фразеологизмы имеют разный набор слов, которые их образуют:

Фразеологические единицы '*tepesi atmak* "и" *beyni atmak* "(приходит в ярость) - *tere* (макушки), *beyin* (ум, разум)" *sütü bozuk* "и" *mayası bozuk* "(низкий, подлый) - *süt* (молоко), *mayas* (йогурт) '*fena gözle bakmak* "и" *kötü gözle bakmak* "(показывать враждебность) - *fena* (скверны), *kötü* (плохой)" *avuç aşmak* "и" *el aşmak* "(ходит с протянутой рукой) - *avuç* (ладонь) , *el* (рука) "*ele verir talkını, kendi yutar salkımı* '," *halka verir talkını, kendi yutar salkımı* "и" "*herkese verir talkını, kendi yutar salkımı*" (сам ест виноград, а вторым дает пустую ветку) - *el* (чужой) , *halk* (народ), *herkes* (все, каждый); '*kızım sana söylüyorum, gelinim sen dinle* ", "*kızım sana söylüyorum, gelinim sen işit*' и '*kızım sana söylüyorum, gelinim sen anla*" (дочь, тебе говорю, а ты, невестка, смекай) - *dinlemek* (слушать), *işitmek* (слышать), *anlamak* (понимать). Фразеологизмы "*tencere yuvarlanmış, karağını bulmuş*" и "*tencere yuvarlandı, karağını buldu*" (сошлись, два сапога пара) оформлены разными аффиксами времени: *yuvarlan-mış* - субъективный прошедшее время, *yuvarlan-dı* - объективный прошедшее время [9].

Как мы видим, некоторые фразеологические единицы турецкого языка не относятся к «устойчивым», но при этом изменение слова в составе фразеологизмов допускается только в случае его использования в данном виде определенной группы людей, которые имеют свой диалект.

- Возможность образованием из двух или более слов; фразеологизмы в турецком языке обычно состоят из двух или более слов: *Akıllı uslu* (мудрый), *ana baba günü* (ад крошечный, хаос), *ağır başlı* (серьезный), *bini bir paraya* (очень дешевый), *çıkag yol* (выход, исход), *geri kafalı* (человек отсталых взглядов), *gizli kapaklı* (тай-

ный, скрытый), *elden düşme* (купленный по случаю), *hali vakti yerinde* (процветающей, обеспеченный), *ipsiz sapsız* (бесмысленный, бессвязный), *parmak hesabı* (счет на пальцах), *sivri akıllı* (оригинал, своеобразный человек).

В турецком языке есть фразеологические единицы, состоящие из одного слова, но их не много: *aşamcı* (выпивающих каждый вечер), *fişlama* (незаконнорожденный), *iblis* (хитрец, интриган), *kaşarlanmış* (Бывалый, опытный), *sulu* (беспардонный, наглый, нахальный), *basaksız* (коротышка), *gedikli* (завсегдатай), *yağcı* (льстец, подхалим), *çirkef* (отвратительный, грязный), *kaşık* (чокнутый, тронутый), *pişkin* (пронырливый, пробивное), *yüzsüz* (бессовестный, беспардонный).

- Фразеологизмы, имеющие в своем составе глагольную форму (инфинитив): в турецкий языке группа ФО имеет в своем составе глагол, и в этом случае при спряжения фразеологизм трансформируется в предложение. Например, *aklı takılmak* (забывать голову), *burnundan kıl aldırılmak* (проявят своенравие), *deli divane olmak* (быть безумно влюбленным, обезуметь от любви), *etekleri zil çalmak* (захлебываться от радости), *gönül bağlamak* (полюбит), *işi başından asmak* (быть занятым по горло, быть заваленным делами), *kismetі çıkmak* (выпал счастье выйти замуж), *kol kanat gergmek* (бать под свое крылышко), *ölümü göze almak* (рисковать жизнью), *saman altında su yürütmek* (исподтишка заниматься махинациямы), *tatlıya bağlamak* (уладить вопрос, договориться), *ucuz atlatmak* (легко отделаться), *üstüne gül koklamamak* (проявят постоянство в любви), *yüzünün akıyla çıkmak* (выходить с честью) [9; 146].

Возможности достижения полноценного словарного перевода ФО зависят главным образом от отношений между единицами исходного языка и языка перевода. ФО переводят или фразеологизмом (фразеологический перевод), или другими способами (за отсутствием фразеологических эквивалентов) - нефразеологичный перевод.

Подразделяют:

1) полные эквиваленты, т.е. ФО, имеют одно значение, одно и то же стилистическую окраску и внутреннюю форму. Например, *kedi ciğere bakar gibi bakmak* - смотреть, как кот на печенку; *kedi ile köpek gibi (olmak)* - жить как кошка с собакой.

2) неполные или частичные эквиваленты, которые имеют сходное значение, но наделенные иным характером образности внутренней формы. Они отличаются от исходной ФО по следующим показателям: другие, часто синонимические компоненты, небольшие изменения формы, изменение синтаксического построения, другое морфологическое отнесения, сочетаемость и др. .. По другим показателям они являются полноценными соответствиями ФО, переводят «относительность» которых скрадывается контекстом: *kara listeye almak* - вносит в черный список; *kara talih* - Несчастливая судьба.

3) безэквивалентной фразеологизмы. Для их перевода на другой язык используются нефразеологични способы перевода, такие как: *etekleri zil çalmak* (захлебываться от радости), *ağır başlı* (серьезный) [6, с.205].

1. Калькирование, или дословном переводе, предпочитают обычно в случаях, когда другими приемами, в частности фразеологическими, невозможно передать ФО в целостности ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, которое необходимо донести до читателя.

2. Описательный перевод ФО сводится, по сути дела, к переводу не самого фразеологизма, а его толкования, как это часто бывает вообще с единицами, которые не имеют эквивалентов в МП. Это могут быть объяснения, сравнения, описания, толкования - все средства, которые передают в максимально выразительной и сжатой форме содержания ФО: *burna gelmek* - столкнуться лицом к лицу; *burnunu havaya dikmek* - «задира нос»; *kağıni tamam etmek* - отправить на тот свет .

Иногда таким способом можно «обыграть» безэквивалентный фразеологизм, что при переводе необходимо принять не только кальку, но и краткий исторический комментарий. Такой способ перевода называется двойным, или параллельным [4; 95].

Также следует упомянуть и различные исторические высказывания или крылатые выражения. Трудность заключается в том, что иногда они имеют несколько соответствий, как в языке оригинала, так и в языке перевода.

Опираясь на анализ трудностей перевода и особенностей ФО, которые были перечислены выше, можно сформулировать основные правила перевода фразеологических единиц:

1. Оптимальным переводческим решением, безусловно, является поиск идентичной ФО. Однако следует признать, что количество подобных соответствий в английском и русском языке очень ограничено.

2. При отсутствии непосредственных соответствий, фразеологизм, который употребляли в языке оригинала, можно перевести с помощью аналогичной фразеологической единицы, хотя он и будет построен на другой словесно-образной основе. Следует также учитывать, что стилистическое или эмоциональную окраску не всегда совпадают. В этом случае взаимозаменяемость невозможна.

3. Калькирование, или пословный перевод, иногда допустимы, хотя этот метод не всегда является эффективным. При переводе текстов культурно-исторической тематики применяют калькирование с объяснением в наиболее сжатом виде. Такой вид перевода называется двойным, или параллельным.

4. Если в языке перевода нет фразеологизмов, в большем или меньшем объеме эквивалентных исходной фразеологической единицы, надо искать соответствующие по содержанию и окраске слова, так называемые однословные частичные эквиваленты фразеологизмов.

Фразеологизмы в своем подавляющем большинстве берут начало в народном языке. Внутреннее содержание отражает различные стороны жизни людей: здравомыслящего или наоборот неразумное поведение, успех или неудачу, а также отношения между людьми: их жизненные впечатления и чувства (одобрение, чаще неодобрение, дружелюбие и враждебность, ссоры и примирения, соперничество, коварство, осуждение, наказания и др. [3; 131].

Работа над данной статьей и анализ научной литературы позволил сделать вывод, что фразеологическая единица (ФО) представляет собой не моделируемое словосочетание, связанное семантической единством. В речи такое единство не создается, а воспроизводится в готовом виде (немодельовано) и функционирует как общий член предложения. Несмотря на свою немоделированность, ФО достаточно четко распределяются по типам структур, которые их образуют: ФО, по форме совпадают

с соответствующими свободными словосочетаниями; вымышленные структуры; ФО с предикативной структурой.

Проведенный семантико-сопоставительный анализ турецких ФО показал, что классификация фразеологизмов с точки зрения семантической слитности их компонентов, принадлежит академику В.В. Виноградову, который выделяет: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания, и фразеологические выражения. В турецком языке среди глагольных фразеологизмов часто встречаются фразеологические единства. В значительно меньшей степени предоставляются фразеологические сочетания и фразеологические сращения. Все номинативные фразеологизмы делятся на фразеологические сращения и единства, фразеологические сочетания и выражения в группе номинативных фразеологизмов обнаружить не удалось, а коммуникативные фразеологизмы, имеющие в своей основе неопределенной формы глагола, соотносятся с фразеологические единства.

ФО переводят или фразеологизмом (фразеологический перевод), или другими способами (за отсутствием фразеологических эквивалентов и аналогов) - нефразеологичный перевод. Среди фразеологических единиц различают: полные эквиваленты; неполные или частичные эквиваленты и безэквивалентные фразеологизмы, для перевода последних другом языке используются нефразеологични способы перевода, такие как: калькирование, или описательный перевод (объяснение, сравнение, описание, толкование). Иногда таким способом можно «обыграть» безэквивалентный фразеологизм, что при переводе необходимо принять не только кальку, но и краткий исторический комментарий. Такой способ перевода называется двойным, или параллельным.

При переводе ФО на другой язык, в частности русский, первостепенной задачей переводчика является умение распознавать ФО в тексте, отличать устойчивое словосочетание от переменного. Следует также иметь в виду тот факт, что многозначность и омонимия свойственны не только словам, но и фразеологизмам, то есть одно и то же словосочетание может одновременно быть и устойчивым, и свободным. Еще одной неизбежной трудностью при переводе является национально-культурные различия между близкими по смыслу ФО в разных языках. Часто, совпадая по смыслу, ФЕ имеют разную эмотивную функцию или стилистическую окраску. Аналогичные проблемы могут возникнуть даже при переводе фразеологизмов, имеющих одинаковое источник, например, библейский, античный или мифологический. С наибольшими трудностями переводчику приходится сталкиваться при переводе ФО, основанные на современных реалиях. Только некоторые из них быстро становятся популярными и проникают в международных словарей. Также следует упомянуть и различные исторические высказывания или крылатые выражения. Трудность заключается в том, что иногда они имеют несколько соответствий, как в языке оригинала, так и в языке перевода.

Литература

1. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии / Н.Е. Амосова. – М.: Научная книга, 1993. – 226с.
2. Виноградов В.В. Основные понятия русской фразеологии или лингвистические дисциплины / Виноградов В.В. Труды юбилейной научной сессии. – Л.: ЛГУ, 1993. – 264с.

3. Каплуненко А.М. Историко-функциональный аспект английской идиоматики / А.М. Каплуненко. – Ташкент: Полигран – Т, 1991. – 294с.
4. Кунин А.В. Английская фразеология / А.В. Кунин – М.: Просвещение, 1994. – 567с.
5. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 2-е изд., перераб. / А.В.Кунин – М.: Высш. Шк., Изд. Центр «Феникс», 1996. – 321с.
6. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Спецкурс по общей и английской лексикологии / М.В.Никитин – Владимир: Медиа – резерв, 2005. – 375с.
7. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики / Никитин М.В – М.: Просвещение, 2003. – 253с.
8. Örnekleriyle Türkçe Sözlük. – İstanbul: Milli eğitim basımevi, 2000. – 564s.
9. Püsküllüoğlu A. Türkçe deyimler sözlüğü. – Ankara: Arkadaş yayınevi, 1998. – 926s.
10. Edebiyat Dünyası <http://www.edebiyatdunyasi.com>
11. Kültür Türkiye <http://www.kultur.gov.tr>
12. Türk Dili - Forsnet <http://www.elele.gen.tr>

Оніщенко Ю. О. Аналіз деяких фразеологічних одиниць турецької мови та проблема їхнього перекладу на російську мову / Ю. О. Оніщенко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 296-302.

У статті проводиться аналіз деяких ФО турецької мови та робиться спроба виявити їх відмінності, схожості, а також труднощі їх перекладу на російську мову.

Ключеві слова: ФО – фразеологічні одиниці, лексична сполучуваність, не модельовані одиниці, фразеологічні зрощення.

Onischenko Y. A. Analysis of some phraseological units of Turkish language and the problem of translation into Russian / Y. A. Onischenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 296-302.

The article offers a comparative analysis of some Turkish phraseological units and makes an attempt to find out their differences and similarities and also difficulties of translating them into Russian.

Key words: phraseological units, lexical combinative power, set expressions, phraseological fusion.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.111`37 =512.161

TURKISH LANGUAGE AND WORD BORROWING PROBLEMS

Ozdemir D. A.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: ozdemir67@hotmail.com*

The problem of languages contacts and linguistic borrowing, the place of Turkish language among other languages, the historical background of the formation of the Turkish languages vocabulary are described.

Key words: linguistics, languages contacts, Turkish, French, vocabulary, vocabulary of a language, the languages borrowing.

Türkçe ve Ödünçleme problemi (2.bölüm)

Bugüne kadar ki yapılan çalışmalarda genel olarak ele alınan ödünçlemeler, dilin en önemli problemi olarak, insanlar arasında ilişkileri de içine alacak şekilde incelenmemiş olarak karşımıza çıkıyor. Türkçe oluşum süreci itibariyle çeşitli dillerle ilişki içine girdi ve kuşkusuz bunun dil üzerinde dönemler itibariyle az veya çok birtakım etkileri oldu. Değişik yönleri itibariyle karşılıklı etkileşim hala bugün de devam etmektedir. Bu etkileşimin gelmiş olduğu son durum tam olarak mercek altına alınmamış olup **problem** güncelliğini korumaktadır.

Amaç ve hedefimiz. Bu makalede, Türkiye ve Dünyada yer alan bazı Türk ve yabancı dillerin alıntılar üzerine fikirlerine temas edip geçeceğiz. Bunun yanında yerküre üzerinde konuşulan dil çeşitliliğine bakacak, alıntıların daha çok nasıl kategorize edildiğine yer verecek ve ödünçleme türleri üzerinde duracağız. Daha da özelden Türk yazı dilinin tarihine kısaca değinip devri itibariyle ödünçlemeler hakkında bilgi verilecek ve günümüzdeki duruma bakılacaktır.

Makalede şu yollar (**metot**) takip edildi. Konu incelenirken, kelimeler üzerine gözlemlenebilirlik metodundan en başta faydalandı. Onların yazı içindeki pozisyonları tasvir edilmeye çalışıldı. Alıntılarının yoğunluğu ve durumunun tarihsel ve karşılaştırılmalı halleri incelendi. Bunun yanında konuya leksikolojik açıdan bakılıp, kartografik metotlar göz ardı edilmedi.

Divânü Lûgati't-Türk'te yer alan Şu destanı, M.Ö. 330'larda Türklerin Mâveraünnehir'de oturduklarını gösteriyor. Bu tarihlerde Mâveraünnehir'e gelen İskender ordularının Türkleri sıkıştırarak Altay dağlarına çekilmelerine sebep olduklarını Şu destanından öğreniyoruz. Ancak yine bu destan, 22 Oğuz boyu ile 2 Halaç boyunun doğuya çekilmeyip eski yurtlarında kaldıklarını belirtiyor. Şu destanın bize öğrettiği bir önemli husus daha var: Motun'dan (Mete'den) 120-130 yıl önce Oğuz boyları mevcuttu. Bu boylar da Oğuz Kağan'ın çocuklarından türediğine göre Oğuz Kağan, Motun'dan yüzlerce, hatta binlerce yıl önce yaşamış olmalıydı. Belki de Türklerin mitolojik atasıydı. Ama sonra, nesilden nesile aktararak durmadan zenginleşen destan, Motun'un yaptıklarını da Oğuz Kağan'a mal etti. İşte bu tarihin şafağında ilk Türk atası Oğuz Kağan, belki de milâttan birkaç bin yıl önce, Kafkasları aşarak Anadolu, Suriye ve Mısır'a seferler yapmıştı. Bir

yandan da Hind'e, kuzeyin buzlu ülkelerine ve Moğolistan'a kadar uzanmıştı. Reşîdedin'in Câmîü't-Tevârih'inde ve Ebûlgazi Bahadır Han'ın Şecere-i Terâkime'sinde yer alan Oğuz Kağan, Türklerin bütün asırlarda yayıldıkları alanların adeta destana yansımış bir ifadesidir. Bu haliyle Oğuz Kağan, Türk milletinin şuuru altındaki ülkünün de timsalidir.

M.Ö. 220'lerde Tuman ve Motun'la birlikte, tarihimizi hemen hemen kesintisiz olarak takip edebildiğimiz çağlara giriyoruz. Motun (Mete), Çin fağfuruna yazdığı bir mektupta "Kuzeydeki yay çeken bütün kavimleri birleştirdim" diyordu. Bu, Mançurya'dan Kafkasların kuzeyine kadar olan bir alanı kapsasa gerekir. Ancak biz, Kafkasların ve Karadeniz'in kuzeyi ile Balkanlardaki Türk tarihini M.S. 370'lerden itibaren takip edebilmekteyiz. Kafkaslar, Karadeniz'in kuzeyi ve İdil-Ural hiç olmazsa bu tarihten itibaren, bugüne kadar, kesin şekilde Türk yurduudur.

Balkanlar ve Orta Avrupa 4. yüzyılın sonundan itibaren Türkleri tanır. Hun, Bulgar, Avar, Kuman, Uz, Peçenek Türkleri buralarda asırlarca hüküm sürerler. 14. yüzyılın sonlarında ise Osmanlı Türkleri ile Balkanlar Türk yurdu olur. Kuzey Afrika'daki Türk hâkimiyeti de 16. asırdan 18. asra kadar uzanır [14, 21-22].

Dilimizin yazılı vesikaları ancak Göktürlere kadar uzanmaktadır. Son zamanlarda Orta Asya da, M.Ö. dördüncü asra ait Türkçe birkaç cümle yazılı bulunduğu bazı malzemeler ele geçmişse de bunlar üzerindeki araştırmalar henüz devam etmektedir [14, 25].

Türk dilinin ilk yazılı metinleri 8. yüzyılda Orhun abideleriyle başlar. 8. asırdan önceki dönem bugün için karanlık dönemdir. Araştırmacılar, 6. yüzyıldan geriye doğru milâtt yıllarına kadar olan döneme Ana Türkçe (Proto-Turkic), milâttan önceki döneme ilk Türkçe (Pre-Turkic) adlarını verirler. Bu devirlere ait hiçbir metin elimize geçmemiştir. Çuvaş ve Yakut lehçeleri asıl Türkçeden bu dönemlerde ayrılmışlardır. Elimizde metin bulunmayan dönemlerde ayrıldıkları için Türk dilinin bu kollarına "lehçe" adını veriyoruz. Bu lehçelerden Çuvaşça, tarihteki Bulgar Türklerinin dili olmuştur. Bulgar Türkçesinden, idil Bulgarlarına ait mezar kitabeleri hariç bugüne intikal eden metin yoktur. Çuvaşça ve Yakutça, asırlar boyunca sadece konuşma dili olmuş, ancak son asırlarda yazı dili haline getirilmiştir. Bu yüzden, yani yazılı metinleri olmadığı için Çuvaşça ve Yakutçanın, Türk dilinin tarihî gelişme seyri içindeki macerasını takip edemiyoruz.

8. yüzyıldan, hatta birkaç küçük metinle 7. yüzyıldan itibaren, yazılı metinlerden takip edebildiğimiz Türkçe ise 13. asra kadar tek bir yazı dili olarak geldi. Köktürk, Uygur ve Karahanlıları içine alan bu döneme Eski Türkçe adı verilir. Eski Türkçe döneminde hangi boya mensup olursa olsun bütün Türkler aynı yazı dilini kullanmışlardır [14, 27].

Köktürk, Uygur ve Karahanlı devri eserleri arasında gramer yapısı bakımından çok küçük bir iki fark dışında hiçbir değişiklik yoktur. Uygur ve Karahanlı eserleri arasında sadece kelime hazinesi bakımından önemli bir fark vardı. Uygur eserlerinde Sanskritçeden girmiş veya Türkçeden yaratılmış bulunan Budizm ve Manihaizmle ilgili kelimeler; Karahanlı eserlerinde Arapça ve Farsçadan girmiş veya Türkçeden yaratılmış Müslümanlıkla ilgili kelimeler vardı. Bunlar dışındaki kelime kadrosu da yine ortak [14, 28].

Eski dilleri eski metinlerden öğreniyoruz. Türkçenin elimize geçen en eski örnekleri de 7'nci yüzyıl sonlarından geliyor. Bu zamandan 13'ncü yüzyıl başlarına, yani Moğol istilâsına kadar olan devrin Türkçesine *Eski Türkçe* diyoruz [8, 77].

Eski Türk yazı dili bu devirde üç ayrı bölgede ayrı dinlere mensup *Türkler* tarafından çeşitli yazılar kullanılmak yoluyla meydana getirilmiştir.

1. *Köktürkçe*: 7'nci yüzyıl sonlarından, yani ikinci *Köktürk Devletinin* kuruluşundan bu yana mezar taşı yazıtlarına rastlıyoruz. Bunlar Tunyukok, Költegin ve Bilge kağan anıtlarında büyük tarihî belgeler ölçüsünü alıyor.

Köktürk yazısı taş, bazen da ağaç üzerine yazılan runik bir yazıdır. *Türklerin* kendi icatları olmalıdır. 8. ve 9 yüzyıllarda yaygındır. Yazıtlar başlıca *Yukarı Yenisey*, *Orhon* ve *Talaş* bölgelerinde bulunmuştur. *Köktürkçe* oldukça gelişmiş bir yazı dili görünüşündedir.

2. *Uygurca*: *Köktürk* ve *Maniheizt* yazılarını da kullanmış olan *Uygurlar* 9 uncu yüzyıldan bu yana *Doğu Türkistan'da* en çok *Uygur* yazısı dediğimiz bir yazıyla daha geniş bir yazı dili yaratmışlardır. Bunların çokluğu Budizm'e ait dinî eserlerdir. Edebî, tıbbî eserler ve çeşitli yazılı belgeler de bulunmuştur. Bu devirde Çince'den ve Sanskritçe'den Uygurcaya birçok çeviriler yapılmış olduğu görülmektedir. Budist olan *Uygurların* yazı dili 14 üncü yüzyıla kadar sürer.

3. *Karahanlıca*: 10 uncu yüzyılda Müslüman olan Karahanlılar *Kaşgar*, *Balasagun* ve *Yedisu* bölgelerini içine alan bir devlet kurdular. Sonra *Fergane* ve *Nehir Ötesi* şehirlerini de alırlar. Bunlar bir Müslüman Türk edebiyatı meydana getirmişlerdir. *Kur'an çevirisi*, *Kutadgubilig*, *Aybetülhakaik* bu devrin eserlerindedir. Divanü Lügatittürk bu Türkçe'nin sözlüğüdür. Bunlar da önce *Uygur* yazısıyla yazmışlar, sonraları *Arap* yazısını da kullanmaya başlamışlardır.

Üç ayrı yazı diline ait gibi görünen bu eski dil yadigârları incelendikçe görülmüştür ki hepsi aynı lehçenin ürünleridir. Aralarında ancak ağız farkları vardır. Yazı değişikliğine, bölge, din ve kültür ayrılıklarına rağmen de bunlar birbirinin, yani aynı yazı dili geleneğinin az çok devamıdır. Bu sebeple bunları *Eski Türk* yazı dili adı altında toplayabiliyoruz [8, 80].

Décsey, Proto Türkçede ödünç 313 kelimedenden bahsetmiştir [11, 90]. Bu kelimeler onun verdiği Proto Türkçe-İngilizce kelime listesinde yer almayan kelimelerdir. Ödünç alınan diller arasında Moğolca zikredilmemiştir. Bu demektir ki; Décsey'ye göre henüz Proto Türkçe çağında bir Türk-Moğol kelime alışverişi, en azından Moğolcadan Türkçeye, görülmemektedir.

1. Sanskritçe ödünç kelimeler 166 adet
2. Eski Türkçedeki İrancı ödünç kelimeler 28
3. Eski Türkçedeki Çince kelimeler 85
4. Eski Türkçedeki Sogdça kelimeler 28
5. Eski Türkçedeki Suriye diline ait ödünçlemeler 4
6. Eski Türkçedeki Toharca kelimeler 2
7. Eski Türkçedeki Sakaca kelimeler 1 [15, 455].

Gyula Décsey, çalışmasında Ana Türkçe döneminde Türkçenin söz varlığı üzerinde de durmuştur. Décsey, Ana Türkçenin kelime hazinesini 3.400 kelime olarak hesaplamıştır. Ona göre bu sayı aynı dönem diğer dillerin kelime hazinesine göre oldukça zengindir. Çünkü M.Ö. 4000 ile 3000 yılları arasında Ana Türkçede (Old Turkic / Proto Turkic) 3.400 kelime mevcut iken Ana-Ural (Proto-Uralic) dilinde 500, Ana-Fin-Ugor (Proto-Finno-Ugric) dilinde 1.200, Ana-Hint-Avrupa (Proto- Indo-European) dilinde 2.400 kelime mevcuttur. M.S. 800'lerde Ana-Slav (Proto-Slavic) dilinde 2.000 ve M.S. 500'lerde Ana-German (Proto-Germanic) dilinde ise 1.800 kelime mevcuttur [11, 10-11; 15, 456].

Türklerin, 13 yüzyıllık edebi dil örnekleri kuzeydoğuda tabiat dininde ve Gök Türk yazısı ile kuzeybatıda Hıristiyan dininde ve Nasturî yazısı ile güneydoğuda Buda dininde, Soğd, Uygur ve Pali yazısı ile Mani dininde Mani ve Uygur yazıları ile ve daha sonra **İslâm** dininde, Arap yazısı ile yazılmıştır [17, 532]. Gerek yabancı muhitlerin tesiri ile girmiş olan dinler ve gerek yabancılardan alınarak kısmen Türk dili hususiyetlerine göre değiştirilmiş olan alfabeler, daima aynı dilin yazı ifadesi olarak kullanılmış ve bu kültürlerden alınmaları zarurî olan bir kısım kelimeler haricinde, yazı dilinde hiçbir değişiklik vücuda gelmemiştir. Aslında birbirinden çok farklı olan bu yazı vasıtaları Türk muhitine girince, Türk'ün ananesini almak ve imlâlarına varıncaya kadar umumi vaziyete uymak mecburiyetinde kalmışlardır [7, 60].

Eğer Köktürk yazıtları incelenecek olursa bu metinlerde yabancı öğelerin sayısının pek az olduğu görülür. Dile Çince'den giren *kunçuy* 'prens', *senün* 'general', *totok* 'askeri vali' gibi unvanların ve kimi yer adlarının dışında ancak *taluy* 'deniz' sözcüğü ve kimi yazarlarca Çince kökenli olduğu ileri sürülen birkaç sözcük bunlardandır. Kendi yaptığımız sayıma göre (bkz. Aksan 1977 b, 344-347) bu yapıtlarda yabancı sözcüklerin oranı % 1'in altındadır [3, 126; 6, 45].

Türklerin, yerleşik yaşama geçtiği Uygur döneminde Şamanizm'in yanı sıra Budizm, Maniheizm, hatta Hıristiyanlığı kabul ettikleri görülmekte, bu dönemden elimizde pek çok kaynak bulunmaktadır. Uygurlardan günümüze, dinsel metinlerden masallara, bitkiyle tedaviden fal kitabına kadar değişik konularla ilgili metinler ulaşmış olup bunlar içinde Sanskrit'ten, Çince'den, Soğdca'dan ve daha başka dillerden alınmış sözcükler geçmekte, ancak bunların oranı yine Aksan'a göre % 2 ile % 5 arasında değişmekte, kimi yerlerde % 12'ye kadar çıkmaktadır. [Aksan 2007: 116].

Uygur dönemi Türkçenin, pek çok türetmeyle sözcük varlığını geliştirdiği bir evredir. Bir yandan Türkçe kök ve eklerden türetilmiş birçok yeni sözcük karşılıklı olarak bir yandan da yabancı kavramların dilde anlatım bulması için yeni türetmeler ve çeviri sözcüklerin oluşturulduğu görülmektedir. Burada, özellikle dinsel metinlerden Uygurlarcaya giren öğelere birkaç örnek vermek istiyoruz:

Soğdca'dan Türkçeye giren *tamu* 'cehennem', yine Soğdca'dan gelme *çakşapat* 'dinsel akide' ve "bir [3, 126] ay adı". Sanskritçeden Toharcaya, oradan Uygurcaya giren *açarı* "üstat, öğretmen", Sanskrit kökenli *paramit* 'erdem', Çince'den alınan *toyın* 'rahip', *titsi* 'öğrenci' bunlardan birkaçıdır [3, 127].

Eski Türkçe pek az sayıda yabancı alıntı kelime kabul etmiş olmakla birlikte zengin bir arı dil kelime dağarcığına sahiptir. Kelime yaratma gücünde gelişmiştir. Türkler tarih boyunca hep hâkim ulus olarak yaşadıklarından hakim dil baskısı görmemişler ve konuşmada dillerinin temel kelime varlığını korumuşlardır. Dilimize yabancı kelimeler hep farklı veya ileri teknik veya kültür kelimeleri olarak girmiş olup bunlarında çoğu yazı dilinde kalmıştır.

Hunlardan gelen uluslar Avrupa-Asya kıtası üzerinde pek uzun mesafelere yayılmış olduklarından *Türk (Hun) dilleri* farklı dillerden etkilenmişlerdir. Türkler Müslüman olmazdan önce başlıca Çin ve Hint-Avrupa dillerinden kelimeler aldılar. Fakat Eski Türkçede, Doğu Türkçesi alanında rastlanan daha çok din ve yönetim hayatına ait yabancı kelimelerden pek az bir kısmı Eski Oğuzcaya geçmiş görünüyor.

Lehçemizde bu en eski, kimi dolaylı alıntı kelimelerden kalan yadigârlar sayılıdır. Bildiğimiz kadar:

Sanskritçeden *bal*, Yunancadan *bez*, Çince *inci*, Orta İrancadan *şeker*, *kürküm* (safir), Orta Farsçadan *bağ*, *kamu*, Soğutçadan *kadın*, *kâğıt*, Sakacadan *don* (giysi), Toharcadan *küncüt* (susam) gibi.

Doğu Türkçesi daha çok doğudan, Çince etkilenirken Batı Türkçesinin öteden beri daha çok batıdan kelimeler aldığı anlaşılıyor. XI yüzyılda Kaşgarlı Öğuzcanın bir dereceye kadar Farsça etki alanına girmiş olduğunu belirtir. Bu zamanda iki lehçe arasındaki farklı kelimelerden bir takımı zaten daha eski zamanlarda *Hint-Avrupa dillerinden* Öğuzcaya gelmiş olmalıdır :

bal / arı yag, çetük / muş (kedi), *kent / balık, pamuk / yün, aftarı / kumgan* (bakır güğüm), *saxt / üstem* (kakma, işleme) gibi [9, 142].

Yabancı kültürlerle sıkı ilişkilerin kurulduğu, Şamanizm'in yanı sıra Buda, Mani ve Hıristiyan dinlerinin benimsendiği Uygurca evresinde ise, özellikle dinsel kavramları karşılamak, değişik dinlerin metinlerini Türkçeye aktarmak üzere pek çok türetmeler yapıldığı halde, alınma sözcüklerin de birden arttığı görülür.

İslam'ın kabul edilmesinden (X. yüzyıl) sonraki ilk dönemde ve Anadolu da gelişen Türk yazı dilinin ilk evresinde Arapça ve Farsça öğelerin sayısı yüksek değildir; başlangıçta bir bölüm Türkçe öğelerin, yabancılarıyla bir arada yaşamakta olduğu görülür. Ancak Anadolu da gelişen yazı dilinde, XIII. yüzyıldan sonra Arapçanın, özellikle yazım kanalıyla da Farsçanın etkisi durmadan artar; XVI.-XVII. yüzyıldan sonra daha büyük oranda yabancılaşma görülür. Cumhuriyet dönemine kadar süren bu gidişin sonucunda Osmanlıca adı verilen, Türkçe, Arapça ve Farsça karışımı bir yazı dili yerleşir [6, 45].

Çağdaş bilim ve tekniğin baş döndürücü ilerlemeleri, hemen her gün gerçekleştirilen yenilikler, yapılan buluşlar, ortaya atılan öneriler, durmaksızın yeni yeni kavramlar, yeni yeni nesnelere yaratıyor. Bu kavram ve nesnelere belirtmek için geleneksel terimlerle yetinmek olanaksız. Onun için boyuna yeni kelimeler yapıyor: türeten türetene, bileştiren bileştirene. Fen dalları da, insan bilimleri de bu güçlü, bu gitgide hızlanan akımın etkisi, hatta baskısı altında. Eski biçimlere yeni anlamlar yüklendiğinde de bu hareketli görünüm değişmiyor: çünkü dilbilim açısından biçim yeniliğiyle anlam yeniliği arasında nitelik yönünden bir ayrım yapılamaz; bunların her ikisi de aynı başlık altında toplanır.

Bilim ve teknikte ileri gitmiş ulusların dillerinden yeni kelimeler bazen oldukları gibi başka dillere aktarılıyor, bazen de, anadillerine saygılı bilim adamlarınca ikinci dilin öz kaynaklarıyla karşılanmaya çalışılıyor [22, 93].

Bilim ve uygulayımın baş döndürücü bir gelişme gösterdiği bir çağda yaşamaktayız. Bu gelişmeye koşut olarak, bildirişim gereksinimlerinden kaynaklanan terimsel etkinlikler, özellikle de terim üretimi ve buna bağlı çeşitli çalışmalar başka hiçbir çağda görülmeyen bir yoğunluğa ulaşmış bulunuyor. Hem aynı dilsel topluluktaki bireyler, hem de değişik diller kullanan topluluklar arasındaki bildirişim eyleminde beliren terim gereksinimini gidermek için alınan önlemler, belli bir toplumsal çevrede ortaya çıkan yeniliklerin, yapılan buluşların o çevrede olduğu gibi başka dilsel topluluklarda da yol açtığı adlandırma eylemi ivedi çözümler gerektiren birincil nitelikli sorunlar arasında yer almaktadır. Gerçekten de, özel bir bilgi ya da etkinlik alanına, bir bilim ya da uygulayım dalına özgü sözcükler uzmanlar arasında etkin bir bildirişim sağlayıcı temel öğeler olduğundan, bilim ve uygulayımındaki gelişmeler yeni bir bilim dalının doğmasına yol açmıştır [22, 195].

Özel terimlerde görülen hızlı yenilenmenin yanı sıra genel dilin sözlük kesiminde karşılaşılan güçlü değişim ve yaratım sürecine yol açan nedenler arasında kuşkusuz uluslararası işbirliğinin, yeni bir uygarlık biçimine yönelişin payı büyüktür. Her dilin her döneminde değişimler olduğu bir gerçektir. Ne var ki günümüzde, söz konusu süreç son derece hızlanmış. Sözcük üretimindeki yoğunluk Türkçede olduğu gibi çağdaş uygarlığa açık öbür dillerde de ilgi çekici bir aşamaya ulaşmış bulunuyor. Bir "*sözcük patlaması*" çağında yaşadığımızı söyleyebiliriz [22, 196].

Dil değişmelerine neden olan en önemli etkenlerden birisi dili değişik konuşan kişi ya da kişilerin toplumsal konumudur. Hangi nedenle olursa olsun (örneğin ister yanlış yaptığı için, ister değişiklik yaparak ilgi çekmek için) bir konuşucu bir dilde bazı şeyleri farklı söylemeye başladığında, eğer söz konusu kişi çevresinde önemli bir toplumsal konumdaysa o konuşucunun dil tutumu çevredeki değişik konuşucular tarafından taklit edilmeye başlanır. Eğer değişikliği yapan katman toplumsal olarak önemli görülürse bu yeni kullanım giderek tüm dilsel topluluğa yayılır, iste o zaman genel dilde değişiklik ortaya çıkar. Günümüzde bu, televizyonun etkisiyle eski dönemlere oranla çok daha büyük bir hızla gerçekleşmektedir [16, 63].

Dil değişmeleri dil modaları dışında o dilin konuşucularının dünyalarının değişmesiyle de gerçekleşir. Konuşucuların dünyasının değişimi, doğadaki, teknolojiadaki, düşünce yapısındaki değişimleri içerir. Bütün bu değişimler dile de yansır. Doğanın değişmesi ve bunun gözlemlenmesi pek çok yeni kavramın oluşturulmasına ve dile yansıtılmasına, yani yeni sözcüklerin oluşturulmasına yol açmıştır. Teknolojik değişimler nedeniyle de hem dünya değişir, hem de pek çok yeni sözcük oluşturulur. Ama aslında tüm bu değişmelerin temelinde düşünsel değişimler yatar. Çünkü doğayı gözlemleyip çözümlenmek de, teknolojiyi geliştirmek de hep düşünmeye dayanır. Dilsel topluluk bilimsel çalışmalar yapan, yazınsal metinler üreten ve bu yolla sürekli yeni bilgiler edinen, düşünceler, kavramlar geliştiren bir topluluksa, o dilin yalnızca söz varlığı değişmez, dilbilgisi ve metin yapısı da değişir.

İleriki yüzyıllarda, Avrupa ülkeleri bilim dünyasına ve bu nedenle teknolojiye ege-men olmaya başlayınca, İtalyanca ve Fransızcadan sözcükler alınmıştır [16, 64].

Türklerin batıya açılmaları sonucunda en çok ilişkide bulunulan ülke Fransa olduğu gibi, batı dillerinden alınma öğelerin başında da Fransızca kökenli sözcükler gelir. Özellikle Tanzimat'tan sonra kendini belli etmeye başlayan Fransızca etkisi yazın, bilim ve teknik konularındaki çeviriler, çeşitli öğretim kurumlarındaki ders kitapları ve basın aracılığıyla dilde birçok Fransızca öğenin yerleşmesine neden olmuş, özellikle toplum içindeki aydın kesimle varlıklarının Fransızcaya olan eğilimi, etkinin güçlenmesini hızlandırmıştır. Alıntılar; *şimendifer* (*ehemin de fer*), *tren* (*tren*), *vapur* (*bateau a vopeur*'den kısaltarak), *kamyon* (*camion*), *otomobil* gibi, tekniğe ilişkin öğelerden başlayarak *kanape* (*canape*), *gardrop* (*garde-robe*), *vestiyer* (*vestiaire*), *panjur* (*abat-jour*'dan bozulma) gibi eşyaya, giyim kuşama, yiyecek içeceklerle, *mersi* (*merci*), *konferans*, (*conference*), *direktör*, (*directeur*) *sekreter* (*secrtaire*) gibi değişik kavramlara, kısacası maddi ve manevi kültürle ilgili hemen bütün kavram alanlarına uzanan Fransızca etkisi yalnızca sözcüklerde kalmamıştır. Aynı zamanda çeviri öğelerin yanı sıra anlam etkilenmeleri de olmuş, çeşitli anlatım biçimleri, Türkçeye yansımıştır [6, 46-47].

Arapça ve Farsçadan sonra, ana dilimizi en çok etkilemiş dil, Fransızcadır. Özellikle Osmanlı'nın son zamanlarda Avrupa ile ilişkiler genellikle Fransa kanalıyla gerçekleş-

miştir. Fransızcanın etkisi yazın alanının yanı sıra hukuk, siyaset ve çeşitli bilim alanlarında da görülmeye başlanmış, birçok terimin yanında batı yaşamının ve düşüncesinin özellikle varlıklı ve aydın kesimlerdeki yansımalarıyla günlük yaşama ilişkin pek çok sözcük Türkçeye girmiştir [4, 120].

Avrupa'yla ilişkiler daha çok Fransızca kanalıyla gerçekleşmiş, 1839 Tanzimat Fermanı'ndan sonra her alanda olduğu gibi yazın alanında da Fransa'yla kurulan bu ilişkiler bilim terimlerinden günlük yaşam kavramlarına kadar pek çok ögenin Fransızcadan aktarılmasına neden olmuştur. Günlük yaşamda geçen *abajur* (Fr. *abat-jour*'dan, *panjur* (yine Fr. *abat-jour*'dan), *gişe* (Fr. *guichet*), büfe (Fr. *buffet*), *kanape* (*canape*), *gardrop* (*gardc-robe*), *gazoz* (*eau gazeuse*'den), *kürdan* (*cure-dent*), *tren*, *vapur* (*bateau à vapeur* "buharlı gemi'den kısalma), *bagaj* (*bagage*), *buket* (*bouquet*), *dekor* (*decor*), *fren* (*frein*), *kalorifer* (*calorifere*), *kartvizit* (*carte visite*), *konserve* (*conserved*), *makyaj* (*maquillage*), *restoran* (*restaurant*) gibi sözcüklerin sayısı yüzleri geçmektedir. Bunlara, değişik alanlardan bilim ve teknik terimlerini de eklemek gerekir ki, çoğunluğu Latince ve Yunanca kökenli olan bu öğeler de hep Fransızca kanalıyla dile girerek yerleşmiştir. Bugün de hâlâ İngilizcenin bütün dünyadaki etkisine karşın birçok yabancı kavramın Fransızca karşılıkları dilde yerleşik olarak kullanılmaktadır. Bunlardan birkaç örnek vermekle yetineceğiz: *alternatif*, *aktüalite*, *amortisman*, *burjuva*, *delegasyon*, *devalüasyon*, *envestisman*, *federasyon*, *frigorifik*, *hipertansiyon*, *kapitülasyon*, *kordiploamatik*, *meteoroloji*, *organizasyon*, *provokatör*, *radyoaktif*, *santrifüj*, *standardizasyon*, *transformatör*, *ütopik*, *veteriner* [3, 132].

Sonuç olarak diyebiliriz ki her dil şu veya bu şekilde birbirleriyle alışverişe girer. Bunlara engel olmak demek bu dünyanın dışında her hangi bir yerde yaşamak demektir. Oda olmayacağına göre alacağımız kelimelere Türk dil tarihin derinliklerinden Türkçe karşılıklar bulmalı. Bu gerçekleştirilemediği takdirde dilimizin gramer, leksikolojik ve morfolojik yapısına uydurularak kelimeler alınmalıdır.

Daha sonraki yapılacak çalışmada alıntıların yukarıda zikredilen leksikolojik ve morfolojik yapısı ele alınacaktır.

Bibliyografya

1. Ahanov, Kaken. Dil bilimin Esasları / Kaken Ahanov.- Ankara: TDK Yayınları, 2008.- 464 s.- ISBN 978-975-16-2085-9
2. Aksan, Doğan. En Eski Türkçenin İzlerinde / Doğan Aksan.- İstanbul: Multilingual Yayınları, 2003.- 160 s.- ISBN 975-6542-30
3. Aksan, Doğan, Türkçenin Söz Varlığı / Doğan Aksan.- Ankara: Engin Yayınevi, 2004.- 250 s.- ISBN 975-7287-89-X
4. Aksan, Doğan, Türkiye Türkçesinin Dünü, Bugünü, Yarını / Doğan Aksan.- Ankara: Bilgi Yayınevi, 2007, 184 s.- ISBN 975-494-910-7
5. Aksan, Doğan, Her Yönüyle Dil / Doğan Aksan.- Ankara: TDK Yayınları, 2009.- C 1, 162 s.- ISBN ISBN 975-16-0975-5
6. Aksan, Doğan, Her Yönüyle Dil / Doğan Aksan.- Ankara: TDK Yayınları, 2009.-C 3.- 244 S.- ISBN ISBN 975-16-0975-5
7. Arat, Reşit, Rahmeti. Türk Milletinin Dili / Reşit Arat / Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü .- Ankara: Türk Dünyası El Kitabı.-2. Cilt, 1992.- 632 s.- ISBN ISBN 975-456-049-8
8. Banguoğlu, Tahsin. Eski Türkçe Üzerine / Tahsin Banguoğlu // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi, 1964.- S. 77-84
9. Banguoğlu, Tahsin. Türkçenin Grameri / Tahsin Banguoğlu.- İstanbul: Baha Matbaası, 1974.-630 s.
10. Başkan, Özcan. İnsan Dilinin Doğuşu / Özcan Başkan // TDAY Belleten.- Ankara, 1968.- S. 143-156

11. Décsy, Gyula. The Turkic Protolanguage: a Computational Reconstruction / Gyula Décsy.- Indiana: Eurolingua Yayınları, 1998.-216 s.- ISBN ISBN 0931922429
12. Demir, Nurettin. Popüler Dil Tartışmalarına Dil İlişkileri Açısından Bakış / Nurettin Demir // Cumhuriyetimizin 80. Yılında Türkçemiz.- Ankara: Anaçev Yayınları, 2003.- 168 s.- ISBN ISBN 978-975-7306979
13. Durak, Mustafa. Terimden Anlama Dilbilim / Mustafa Durak.- İstanbul: Multilingual Yayınları, 2005.-128 s.- ISBN ISBN 975-6542-55-2
14. Ercilasun, Ahmet, Bican. Türk Dünyası Üzerine İncelemeler / Ahmet Bican Ercilasun.- İstanbul: 1992.- 311 s.- ISBN 975-3380003
15. Ersoy, Feyzi. Türk Moğol Dil İlişkisi ve Çuvaşça / Feyzi Ersoy : Doktora Tezi.- Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü.- Türk Dili ve Edebiyatı.- Ankara, 2008.- 718 s.
16. Huber, Emel. Dilbilime Giriş / Emel Huber. -İstanbul: , Multilingual Yayınları, 2008.-336 s.- ISBN 975-6008-53-9.
17. İsen, Mustafa. Başlangıçtan XVIII. Yüzyıla Kadar Türk Edebiyatı / Mustafa İsen // Türkler.- Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002.- S. 532-572.- ISBN 975-6782-33-1
18. Johanson, Lars. Structural Factors in Turkic language Contacts / Lars Johanson.- London and New York: Taylor&Francis publication, 2002, 186 s.- ISBN 978-0700711826
19. Karaağaç, Günay. Dil, Tarih ve insan / Günay Karaağaç.- Ankara: Akçağ Yayınları, 2005.-255 s.- ISBN 975-3384157
20. Porzig, Walter. Dil denen mucize / Walter Porzig . - Ankara: TDK Yayınları, 2011.- 276 s.- ISBN 975 – 16-0718-3
21. Toklu, M., Osman. Dilbilime Giriş / Osman Toklu M.- Ankara: Akçağ Yayınları, 2011.-184 s.- ISBN 978-975-338-472-8
22. Vardar, Berke Dilbilim Yazıları / Berke Vardar.-İstanbul: Multilingual Yayınları, 2001, 216 s.- ISBN 975-7262-91-X

Оздемир Д. А. Турецкий язык и проблема языковых заимствований / Д. А. Оздемир // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 303-310.

В статье рассматривается проблема языковых контактов и языковых заимствований, место турецкого языка среди других языков мира, исторические предпосылки формирования словарного состава турецкого языка.

Ключевые слова: лингвистика, языковые контакты, турецкий язык, французский язык, лексика, словарный состав языка, языковые заимствования.

Оздемір Д. А. Турецька мова і проблема мовних запозичень / Д. А. Оздемір // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 303-310.

У статті розглядається проблема мовних контактів і мовних запозичень, місце турецької мови серед інших мов світу, історичні передумови формування словникового складу турецької мови.

Ключові слова: лінгвістика, мовні контакти, турецька мова, французька мова, лексика, словниковий склад мови, мовні запозичення.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ И ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 811.161.1 : 070

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ДИСКУРСА СОВРЕМЕННЫХ МАСС-МЕДИА

Егорова Л. Г.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: legora@list.ru*

В статье на материале медиатекстов продемонстрированы наиболее показательные особенности дискурса масс-медиа на современном этапе. Анализ специфики проводится сквозь призму оценочной категоризации, определяемой системой предпочтений социума.

Ключевые слова: масс-медиа, ценностная картина мира, дискурс, социум, индивид.

Постановка проблемы. Как известно, сила воздействия журналистского текста зависит от доступности, значимости, определенности, логичности информации, ее аргументированности как интерпретативному фактору, авторитета адресанта и соответствия ожиданиям адресата. Из этого следует, что для медиатекста в основном характерна психологическая детерминированность: он никогда не бывает деперсонализированным как по «фактору адресанта», так и по «фактору адресата». Адресант и адресат – равнозначимые субъекты текста: адресант komponует текст с акцентом на позитивных признаках имиджа; адресат соотносит выделенные признаки со своей картиной мира, то есть со своим пониманием положения вещей. При этом адресант обязан учитывать особенности восприятия и понимания сказанного адресатом. Адресант-адресатные отношения в медиатексте – это отношения живых людей, пребывающих в конкретных (актуальных) условиях жизни – экономических, социальных, культурных, политических.

Актуальность. Человек не является пассивным созерцателем окружающего мира. Многочисленные явления, события, предметы и их качества по-разному воздействуют на него, способствуя тем самым формированию у него мнений и оценок. В зависимости от этой оценки человек также группирует предметы и события в определенные категории. В этом случае и возникает необходимость говорить об оценочной категоризации. Под оценочной категоризацией понимается «группировка объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие оценочные классы и категории, то есть система оценочных категорий (статический аспект), или мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией (динамический аспект)» [цит. по: 6]. В естественные категории объекты объединяются по принципу «фамильного сходства» (Э. Рош), оценочной категорией объединяются совершенно

разные классы предметов, явлений благодаря сходному воздействию на человека. Итак, оценочная категоризация определяется системой предпочтений социума.

Проблема ценностей – постоянно актуальная проблема, связанная с вопросами о полезном и вредном, добре и зле, справедливом и несправедливом, должном и недопустимом, прекрасном и безобразном, об идеале и благе: «культуры и их отдельные представители могут быть охарактеризованы по системе ценностных приоритетов... язык и коммуникативная деятельность выступают важной формой репрезентации ценностей и открывают доступ к ценностно-нормативной системе социума» [цит. по: 2].

Читатель-избиратель видит (читает) в тексте то, что он хочет / может увидеть, а автор вкладывает то, что нужно увидеть аудитории. Таким образом, текст, с одной стороны, продукт деятельности адресанта, с другой – объект деятельности адресата. Он объединяет две стороны коммуникативного процесса – конструкцию и реконструкцию, которые соотносятся с такими деятельностными принципами, как анализ и синтез. Основной категорией, характеризующей текст в системе Говорящий – Текст – Слушающий, является категория коммуникативности. Понятно поэтому, что любой медиатекст должен соответствовать ожиданиям социальной среды, поэтому в нем акцентируются близкие и понятные адресату ценности. Адресат может быть представлен «сигналами» его языковой личности (экспрессивные фразы молодежного сленга, разговорные языковые единицы, цитирование и др.). Адресант медиатекста с полным основанием может квалифицироваться как субъект, управляющий процессом внушения, он «стремится ввести адресата в определенное состояние и побудить к определенным действиям. Речевое суггестивное воздействие – неотъемлемый компонент акта коммуникации, состоящий в изменении конфигураций стандартных и индивидуальных ментальных схем под влиянием информации текста. Устойчивость этих изменений может быть различной: *от минимальной*, когда когнитивная система адресата быстро возвращается в первоначальное состояние, до *максимальной*, когда возникшие изменения в структуре ментальных схем и узлов сохраняются в течение длительного времени, влияя на поведение адресата» [4, 308].

Цель статьи – на материале медиатекстов продемонстрировать наиболее показательные особенности дискурса масс-медиа на современном этапе.

Создателем и потребителем медиапроизведения является языковая личность, представляющая собой не только совокупность особенностей вербального поведения человека, но и базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка. В дискурсе когнитивной лингвистики утверждается триединство: «язык – национальная личность – культура». Национальная личность в системе коммуникативных поступков объективирует языковую личность, которая непосредственно раскрывает себя в значениях языковых единиц и смыслах текстов, демонстрируя образ жизни и систему ценностных координат человека как представителя определенной культуры. Исследовательница И. Ерофеева выделяет три типа ядерных ценностей российской культуры, составляющих семантический контекст аксиосферы медиатекста: *нравственные ценности, ценности социальных отношений, ценности самореализации личности*. Автор отмечает, что «славянский менталитет характеризуется ориентацией социальных представлений личности и общностей на

нравственный идеал. Синтез нравственных составляющих концентрируется в константе «добро», которая, доминируя, противостоит «злу». В дискурсе СМИ вербализация глобального ментального конструкта осуществляется ресурсами дополнительных когнитивных моделей: *вера, совесть, надежда, любовь, богатство, деньги* и др. Одновременно ситуация постмодерного плюрализма с соответствующей ей манерой письма, провоцирует нейтрализацию духовных конструктов, размывает границы Добра и Зла. «Политика фактов», наиболее распространенные экономико-политические темы вытесняют духовные вопросы. Нравственные доминанты в гедонистическом медиатексте приобретают амбивалентность, основными средствами трансформации исконных концептов являются: ирония, сарказм, штампы, обобщения, речевая агрессия» [3].

Отличительной чертой новейшей журналистики является умело завуалированное манипулирование массовым сознанием, выражающееся с помощью оценки. Которая может быть имплицитной, т.е. заложенной в значение слова, и эксплицитной, присущей не конкретному слову, а его употреблению [5].

Проявлением имплицитной оценки в медиадискурсе является, например, использование эвфемизмов. Например: *К сожалению, юридическая аргументация КСУ в решении № 20-рп/2010 удивляет своим легкомыслием и «лаконичностью»* [ЗН, №41, 06 ноября 2010] (Комментарий: лаконичный, лаконическая, лаконическое; в качестве кратк. форм употр. лаконичен, лаконична, лаконично (книжн.)). Сжато выраженный, немногословный, отличающийся лаконизмом. Лаконический стиль. Лаконическое известие. Лаконическая надпись. Лаконический ответ. Лаконический афоризм. Здесь: лаконичная – сумма значений «несправедливая», «сфабрикованная»); *Первородний же гріх вторинності покутуємо трудами праведними, а не посипанням голови попелом. І проаналізуємо на решті останній склад Верховної Ради, де поважна половина «обранців» під народним омофором крадуть або дахують крадіїв* [ЗН, №20, 03 июня 2011] (Комментарий: избранник, избранника, м. (книжн. ритор.). 1. Лицо, избранное для исполнения важных, высоких обязанностей. Народный избранник. Новгородский посадник всегда был избранником веча. Здесь: избранник в значении «коррупционер», «вор»).

Следует отметить, что количество эвфемизмов в проанализированных нами медиатекстах невелико. Среди них чаще встречаются «связки» эвфемизм + ирония, эвфемизм + оценка с помощью контекста. Тематика статей – политическая и социальная с преобладанием первой.

Использование устойчивых выражений, имен нарицательных, а также слов, оценочный компонент в которых является факультативным, приближает контексты к высказываниям с имплицитно выраженной оценкой, т.к. выведение оценочного смысла основывается здесь уже не только на самом значении вербальных компонентов высказывания, но и на соотношении их значения с существующими фоновыми знаниями, пресуппозициями коммуникантов. Эти типы высказываний находятся на границе между эксплицитным и имплицитным выражением оценки в тексте, при этом в ряде случаев трудно провести четкую грань между этими типами высказываний.

Контекст, связанный с оценочным значением, не всегда исчерпывается одним-двумя предложениями. Выражение оценки дополняется пояснением причин или це-

лей ее появления. Сама оценка может являться как результатом, выводом из какого-либо описания, так и, наоборот, предшествовать контексту, служащему разъяснением того, на основании чего она была сделана. Таким образом, развитие оценочного контекста может двигаться как в направлении дедукции, так и в направлении индукции (от общей оценки к ее расшифровке и аргументации или от описания фактов, ситуации к оценке, как обобщенному выводу на основании сказанного). Ряд контекстов строится по индуктивному принципу: описание определенной ситуации или поведения, характеристика лица или объекта по различным параметрам завершается выражением оценки, служащей обобщением или являющейся своего рода выводом об отношении пишущего к предмету речи [7], например:

*Одесский строитель Сергей Дейкун стал «уголовником», готовясь поздним июньским вечером ко сну. Около 23 часов в комнату общежития, где он проживал на законных основаниях, вошла группа милиционеров, один из которых объявил: проверка соблюдения паспортного режима. Второй понятой Александр Аристов числится приписанным в доме №1 по Студенческому переулку, хотя по этому адресу не проживает, также является наркоманом и «штатным понятым» для подписи любых бумаг по указанию своего куратора — «борца с наркотиками» Форманчука [ЗН, № 30, 21 августа 2010] (Комментарий: уголовник, уголовного, м. (простореч.). 1. Уголовный преступник. 2. Адвокат по уголовным делам. Здесь: переносное значение, ирония, «статье уголовником» - быть привлеченным к уголовной ответственности без оснований на это, быть привлеченным по сфабрикованным доказательствам); *Немец в плену. Герой кинохита «Счастье мое» стал горой за бацьку Лукашенко* [ЗН, №41, 06 ноября 2010] (Комментарий: содержание заголовка раскрывается в следующей цитате: «Правда, столь серьезный и мрачный фильм придется по вкусу далеко не всем поклонникам киногламура. Так как это совсем другая киноэстетика. Белорусский актер Виктор Немец — стопроцентное попадание в эту эстетику и в образ главного героя. Он играет водителя-дальнотойщика, которому предстоит дорога в российскую глубинку, и этот путь обернулся для него увечьем и перерождением...»); *Верховный представитель ЕС обеспокоена...* [ЗН, №41, 06 ноября 2010] (Комментарий: цитата из текста: «Верховный представитель Европейского Союза по вопросам внешней политики и политики безопасности, вице-президент Европейской комиссии Кэтрин Эштон обеспокоена сообщениями от ряда наблюдательных миссий о нарушениях во время местных выборов в Украине»).*

Следует отметить, что негативную оценку могут содержать не только номинации субъекта, совершившего предосудительный поступок, но и характеристика его поступков. Воссоздание журналистом таких поступков, релевантных для определения аксиологического статуса, вызвано необходимостью обусловить этические претензии [2].

В целом для контекстов с отрицательной оценкой персоны / ситуации характерна определенная информационная недостаточность, отмечает Л. Гуслистая, поскольку информация оценивания сводится не к развернутому описанию состояния дел, а к выражению субъективно-оценочного отношения к нему. Результатом этого является использование широкого диапазона языковых средств, содержащих негативную оценку способа реализации могущего причинить вред обществу действия.

Например: *Наши читатели даже не заметили, что ими вертели, как марионетки. При свете дня их нагло облапошили политические наперсточники* [ЗН, №42, 13 ноября 2010].

Контрастное выделение поступка Другого, вступающего в противоречие с общими нормативными ожиданиями и общественными интересами, также способствует дискредитации субъекта и приводит к понижению его ценностной позиции. Поэтому в контекстах осуждения интерпретативные компоненты, как правило, превалируют над фактической информацией. Объект негативной оценки выступает в качестве субъекта морального выбора, что первично обусловлено оппозицией *добро – зло*, на основе которой актуализируются этические понятия как критерии и оценка поведения Другого [2].

В таких медиатекстах задействованными оказываются базовые моральные категории и ключевые понятия этики: *добро и зло, честь и достоинство, обязанность и справедливость*. Такие понятия, как *ответственность, вина, наказание, раскаяние и др.*, придают осуждению характер обвинительного приговора. Ср.: *Кто ответит за исчезновение и гибель журналистов? Осмелится ли Александр Лукашенко все-таки предать огласке информацию о виновных в исчезновении граждан его государства?; Доколе мы будем сетовать на многомиллионные убытки, которые несет государственная казна, и при этом быть безмолвными свидетелями абсолютно безнаказанного сколачивания – на взятках и на отчуждении госсобственности – миллиардных состояний* [ЗН, №20, 03 июня 2011].

Выводы. Итак, СМИ обладают большими возможностями активного влияния не только на восприятие людьми отдельных явлений, событий и персон, но и на формирование отношения к любому объекту действительности. Этот процесс осуществляется через влияние на разум и чувства человека. В демократических государствах преобладает *рациональная* модель массовых коммуникаций, рассчитанная на убеждение с помощью аргументированной информации. Эта модель предполагает состязательность различных СМИ в борьбе за внимание и доверие аудитории. Однако, наряду с рациональным, широко применяются методы *эмоционального* воздействия для более активного приобщения широкой публики к транслируемым идеям и ценностям. Потому что слово и зрительный образ обладают большой силой эмоционального влияния на личность, способной затмить рациональные доводы. Блез Паскаль писал о соотношении «способа убеждать» и «способа понравиться», отмечая при этом, что из двух равных способов воздействия на людей наиболее эффективный – последний.

Литература

1. Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: автореф. дисс... доктора филол. наук / Гузель Анваровна Багаутдинова. – Казань, 2007.
2. Гуслиста Л. О. Негативна етична оцінка в контекстах осуду (на матеріалі сучасної публіцистики): спеціальність 10.02.02 – російська мова: автореф. дис... канд. філол. наук / Людмила Олексіївна Гуслиста. – Харків, 2002.
3. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI в.) Специальность 10.01.10 – Журналистика: автореф. дисс... доктора филол. наук / Ирина Викторовна Ерофеева. – Санкт-Петербург, 2010.

4. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиа дискурса : О проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М. Р. Желтухина. – М. : Ин-т языкознания РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

5. Клушина Н.И. Общие особенности публицистического стиля [Электронный ресурс] / Н.И. Клушина. – Режим доступа: http://evartist.narod.ru/text12/15.htm#з_03.

6. Кумахова Д. Б. Оценочная категоризация действительности в пословичной картине мира (на материале кабардино-черкесского и русского языков) 10.02.19 – теория языка: автореф. дисс... канд. филол. наук / Джульетта Борисовна Кумахова. – Нальчик, 2011.

7. Полякова Е. В. Отрицательная оценка в русских письмах: специальность 10.02.01 - Русский язык: дисс... канд. филол. наук / Елена Владимировна Полякова. – Саратов, 2001.

Єгорова Л. Г. Про деякі особливості дискурсу сучасних мас-медіа / Л. Г. Єгорова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 311-316.

У статті на матеріалі медіатекстів продемонстровано найбільш істотні особливості дискурсу мас-медіа на сучасному етапі. Аналіз специфіки здійснено крізь призму оцінної категоризації, яка є зумовленою системою уподобань суспільства.

Ключові слова: мас-медіа, ціннісна картина світу, дискурс, соціум, індивід.

Yegorova L. Some features of the discourse of modern media / L. Yegorova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 311-316.

The most revealing features of the media discourse at the present stage in this article are showed on the media texts material. Analysis of the specificity carries out by means of estimated categorization determined by the system of society preferences.

Key words: media, value world view, society, individual.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК. 81-13

ВЕДУЩАЯ РОЛЬ ПРОПОЗИТИВНЫХ И ПРЕСУПОЗИТИВНЫХ СВЯЗЕЙ ПРИ ДЕКОДИРОВАНИИ ИМПЛИЦИТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБЩЕНИЯ

Гаджиева М. А.

*Азербайджанский университет языков, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Тема статьи охватывает одну из актуальных проблем последних лет. Взаимный процесс общения играет одну из ведущих ролей социального общества. Общение, так же как и обычное слово, обладает двухсторонним образом: первый из них, состоящий из материальной оболочки, лексический пласт, т. е. эксплицит, второй – невидимый, смысловой т. е. имплицитная сторона.

Ключевые слова: имплицитный, эксплицитный, пропозиция, пресуппозиция

Постановка проблемы. Информация создается и воспринимается говорящим и слушателем в конкретной ситуации в рамках широкого социально-культурного контекста. С этой точки зрения, создание актов (общения) является и социальным, и когнитивным явлением. На первый взгляд для каждого владеющего в совершенстве языком субъекта этот процесс носит характер обыденности. Но, на самом деле, процесс общения – это механизированный процесс, образующийся не так и простым способом. С начала и до конца дня этот процесс обмена непрерывно продолжается. Основу общества и составляет правильно выполненный процесс общения. Но, к сожалению, этот процесс сопровождается некоторыми затруднениями. По Дж. Сьёрлу, есть возможность высказать мысль на любом языке [9, 31-33]. Но, во многих ситуациях говорящий не высказывает то, что у него в уме, а, используя другое выражение, затрудняет общение. Дж.Сьёрл ввёл термин «принцип выразительности», и так назвал всё, о чем можно думать и по поводу чего можно высказаться [9, 34]. По этому принципу, любая мысль, превратившись в специальные речевые акты, может быть вовлечена в процесс общения. Но, несмотря на существование этого принципа, не все акты отражают реальности мира. А основная причина здесь связана, в основном, с эксплицитными и имплицитными формами. Говорящий, который пытается передать информацию слушающему, в большинстве случаев выражает свою мысль не так, как он оформлял ее в уме, а полагаясь на когнитивные знания слушателя. А это, как известно, не всегда оправдывает себя успешным результатом. При этом основные трудности возникают из-за имплицитности информации переданной говорящим. Эксплицитное значение заключается в том, что оно однозначное, реально существующее и понятное. Во многих источниках её еще называют надслойкой, или верхним слоем. А имплицитное значение носит характер неточности, неясности, многозначности, абстрактности и непонятности. Это значение в большинстве литературных источниках называется подслойкой, т.е. нижним слоем. Если сказать более конкретно, если эксплицитная форма выражается четкими, конкретными словами - знаками, то имплицитная форма, в отличие от неё, является более абстракт-

ной и скрытной. Один из видных ученых П.Грайс комментировал это как «не произнесённое высказывание» [7]. Такие явления, в основном, не создают больших проблем для носителей языка. Основная проблема возникает при общении обучающегося языку. «Адресат думает одно, а эксплицитными выражениями высказывает другое, рассчитывает на интеллектуальный уровень, мировоззрение, знания слушающего. По этому плану рамки высказывания ограничиваются» [2, 45]. А в целом существует связь между не высказанными (эксплицитными) и невыраженными (имплицитными) частями текста.

На наш взгляд, возникновение такого рода проблем основывается на неверном кодировании и декодировании пропозитивных и пресуппозитивных связей в речевых актах. Что такое пропозиция? Пропозиция своего рода логическое умозаключение, рассуждение, которое показывает отношение высказанного к реальности. Здесь речь идет об отношении вещей к миру. С этой точки зрения пропозиция – это раскрытие связанных с другим миром нюансов. Она означает переход от семантики названий к полному значению предложений. До возникновения этого понятия в науке, значение целого предложения рассматривалось как совокупность значений существующих в его составе слов. Но впоследствии с введением понятия пропозиции, слова стали рассматриваться не как самостоятельные семантики, а как функции, обслуживающие значению предложения. Такой подход возник, приблизительно, в конце 60-х годов XX столетия. Информация, организованная на основе актуального членения, обладает различными значениями, содержаниями по отношению к действительности. Обнаружение, правильное оформление этих отношений возможно на основе существующих внутри одного акта денотативных значений. В соответствии с этим денотативные значения выражений связывают их с миром, с реальностью. По Б.Расселу, денотативные фразы сами по себе не являются смыслоносителями, но вовлекаясь в словообразование пропозиции, обладают значением [8, 43]. Как известно, смысл и значение выражения совершенно разные понятия. Какое-нибудь выражение, обладающее и значением, и смыслом, т.е. денотацией, создает целый комплекс. Существующее денотативное значение каждого акта расценивается по двум критериям: подлинным и ошибочным (неверным). Подлинная денотация высказанного выражения основывается на реальности. В неверной денотации высказанное выражение не имеет соответствия в реальном мире. «Пропозиция связана с подлинным значением выражения, является способом определения его интерпретации; выражение в зависимости от данных мировых соответствий может быть или подлинным, или ошибочным» [4, 208-209]. А определение этой подлинной или неверной денотации, выступая как основная функция пропозиции, является абстрактной структурой, выведенной из семантического аспекта из глубин предложения [3, 33]. Если в пропозитивном анализе «логические основы» значения себя оправдывают, значит, пропозиция этого выражения полностью соответствует действительности. Значения с помощью знаков превращаются внутри пропозиции в смысл. Первичные думы человека бывают в невидимой форме. Впоследствии они проявляются с помощью пропозитивных знаков. Без пропозиции предложение не будет иметь смысла. На основе высказанного, можно прийти к заключению, что пропозиция – это семантическая конструкция предложения. А основой этой семантической конст-

рукции является семантический предикат, который пытается создать вокруг себя определенные связи. В составе каждой пропозиции помещается одна или несколько элементарных пропозиций. Посредством этих пропозиций мы можем определить подлинность или ошибочность пропозиции целого предложения. Как пишет Г.Г.Почепцов, «пропозиция описывает в репрезентативной форме в верхней структуре предложения: часть описывает целое. Основываясь на этом вся ситуация реконструируется» [5, 255]. По его рассуждениям, в акте, который использует говорящий, часть ситуации доносится до слушателя посредством пропозиции. Иногда эта пропозиция бывает достаточной для раскрытия смысла. Но случаются и такие нюансы, когда использованные в акте пропозиции требуют семантического обоснования. Тогда у слушателя возникают вопросы по поводу этой пропозиции. Впоследствии слушатель делает определенные дополнения, соответствующие этой пропозиции, которые на основе актуального членения выражения помещаются или в тему, или же в рему [5, 256]. В дополнении к пропозициональному содержанию, вернее, в правильном оформлении общения и говорящий, и слушатель несут общую ответственность. Например, в обычном диалоге типа «вопрос-ответ» говорящий, задавая вопросы, пользуется пропозицией, так что требуется дополнение информации. Кроме того, для когерентности какого-либо текста очень важна связь между пропозициями. Для того чтобы общение смогло бы стать полномочным носителем целой информации, важным условием является цепная связь всех составляющих его структуру пропозиций. На основе вышесказанного, можно утверждать, что общение состоит не из совокупности отдельных предложений, а тесно связанных между собой объединений пропозиций. В общении информация собирается порциями в соответствии с определенной пропозицией и которая впоследствии передается поочередно. Чем больше пропозиций в текста взаимосвязаны, тем больше текст связан с коммуникативным процессом. Говорящий, который передает информацию своему слушателю, в созданных им актах так регулирует чередование пропозиций в соответствии с подлинным пропозитивным содержанием, чтобы воспринимающий информацию слушатель в свою очередь смог бы правильно декодировать получаемые сообщения. Из сказанного о пропозиции становится ясным, что если возникает затруднение при понимании содержания выражения, то основная проблема состоит из неправильного анализа пропозиции. На основе этого можно утверждать, что пропозитивное кодирование играет очень важную роль при раскрытии содержащейся в общении информации.

В этих взаимоотношениях своеобразное значение имеют также пресуппозитивные связи. «Пресуппозиция – это всегда отношение говорящего, автора к имеющейся в предложении информации» [1, 271]. Каждое высказанное выражение имеет свою пресуппозицию. И основная связь каждой пресуппозиции состоит в том, что говорящий считает информацию, известную слушателю или воспринимаемую слушателем, подлинной. Говорящий, осуществляющий какой-либо акт демонстрирует этим уровень знания по этому явлению или предмету. Каждое выражение направлено на предположение какого-либо соображения. Вынесенные из какого-либо акта соображения могут выявить часть знаний, которыми обладают и говорящий, и слушающий. Пресуппозиция может рассматриваться как не являющаяся с семантической точки зрения афор-

мально подлинным выражением (семантическая пресуппозиция) и в соответствии с контекстом как уместно использованное (прагматическая пресуппозиция). На основе членения на тему-рему, говорящий, в зависимости от своей субъективности, представляет используемые выражения по-разному. Здесь говорящий, действует в основном, в соответствии своими намерениями. Естественно, субъекты и здесь различаются по эксплицитности или имплицитности намерений. Главное, в том что переданная информация была понятна для слушателя. Впоследствии воспринимаемое слушателем намерение превращается для говорящего в цель для слушателя. Но цель большинства подходов к пресуппозиции в итоге состоит из устранения семантических неясностей, так как пресуппозиция каждого выражения помогает пониманию содержания выражения имплицитного оформленного в эксплицитной форме. С этой точки зрения, она выступает в рамках теории речевого акта как семантико-прагматическое понятие. Р.С. Столнейкер по поводу прагматической пресуппозиции высказывает такое мнение, что «пропозиция с прагматической точки зрения тогда становится пресуппозицией, когда говорящий и так считает её подлинной и основывается на том, что и другие участники контекста считают это таковым...» [6, 427]. Информативная функция пресуппозиции, выдвинутая, в основном, Г.Г. Почепцовым, обладает более высокой позицией при правильном и полном процессе общения [5, 262]. По этой информативности, переданная в пресуппозиции предложения информация не должна быть отражена в последующем за ней предложении. Можно сказать в большинстве случаев что, пресуппозиции определяются на основе существующих ситуаций. «Ситуация – центр стабильного равновесия» [4, 109]. Иногда, когда предложения вырываются из ситуации и представляются кому-то из внеконтекста, тогда это предложение покажется слушателю бессмысленным. Основываясь на этом утверждении, можно сказать, что каждый речевой акт должен быть употреблен в соответствии с ситуациями. Их можно считать проводником внутри общения. Пресуппозиция – это часть предложения, которая не называется в нем, но легко восстанавливаема. Фактически пресуппозиция является истинным значением, реальной действительностью предложения. Так, пресуппозиция каждого выражения помогает восприятию имплицитного содержания выраженного в эксплицитной форме высказывания. Например, в предложении – «Я в 2008-м году впервые побывал в Германии» – слушатель при беседе, учитывая пресуппозиции речевого акта, может предупредить многие акты.

Анализ этой пресуппозитивной связи в процессе общения – существенный фактор как с точки зрения высказывания выражения говорящим, так и уровня его восприятия слушателем. Для правильного построения общения и его продолжения на должном уровне обязательно нужно включить в основную часть лингвистических и экстралингвистических компонентов пресуппозитивную связь. С помощью его ведущей позиции между сторонами может возникнуть полное общение. Пресуппозиции относятся не к эксплицитной стороне речевого акта, а к имплицитной. В целом, текст – это продукт интеллектуальной деятельности и носит условный характер и является симметричным.

Выводы и перспективы. Даже в обычном процессе общения можно увидеть значения, выполняемые и пропозитивными и пресуппозитивными связями. В то же время для эффективной реализации коммуникативной прагматики эти связи долж-

ны соответствовать друг другу во взаимозависимом порядке. С этой точки зрения, имплицитно-эксплицитные связи носят «исследовательско-аналитический» характер. Выявление именно этого «исследовательско-аналитического» характера возможно при подробном, глубоком анализе пропозитивных и пресуппозитивных связей речевых актов обоими участниками общения. На основе вышесказанного можно прийти к выводу, что пропозитивные и пресуппозитивные связи следует причислять к средствам общения. И пропозиция и пресуппозиция являются основой для взаимопонимания. Раскрытие этих связей означает в какой-то мере, декодирование расположенной в «подложке» информации. Наконец, кодирование-декодирование возможно в результате анализа этих связей между гворящим-слушателем.

Литература

1. Veysælli F. Dil / F. Veysælli. – Вакı : “Təhsil” NPM, 2007. – 298 s.
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
3. Бокашев Ж. Концептуальная реконструкция: диалектика эксплицитного и имплицитного / Ж. Бокашев // Спорное в языкознании. – Изд. Ленинградского университета, 1974. – 157 с.
4. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 159 с.
5. Иванова И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка / И. П. Иванова, В. В. Бурлакова, Г. Г. Почепцов. – М.: “Высшая школа”, 1981. – 285 с.
6. Столнейкер Р. С. Прагматика / Р. С. Столнейкер // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16: Лингвистическая прагматика (электронная книга) ; [отв. ред. Е. В. Падучева]. – М.: Прогресс, 1985. – 504 с.
7. Grice Herbert Paul Meaning in Philosophical review 66 / Herbert Paul Grice. – New York, 1957. – 377 p.
8. Russell B. Logic and Knowledge. Essays 1901-1950 / B. Russell ; edited by RC Marsh. – London, 1956. – 276 S.
9. Searle John R. Speech Acts : Ein sprachphilosophischer Essay / John R. Searle, R. und R. Wigger-shaus. – Suhrkamp 1992. – 305 S.

Гаджиева М. А. Провідна роль пропозитивних і пресупозитивних зв'язків при декодуванні імпліцитності в процесі спілкування / М. А. Гаджиева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 317-321.

Тема статті охоплює одну з актуальних проблем останніх років. Взаємний процес спілкування відіграє одну з провідних ролей соціального суспільства. Спілкування, так само як і звичайне слово, володіє двостороннім чином: перший з них, що складається з матеріальної оболонки, лексичний пласт, тобто експліцит, другий - невидимий, смисловий тобто імпліцитна сторона.

Ключові слова: імпліцитний, експліцитний, пропозиція, пресупозиція

Hajiyeva M. A. The main role of the relations of the proposition and presupposition in decoding implication in the communication processes / M. A. Hajiyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 317-321.

Article subject as a whole covers one of the actual problems of the last period. Mutual communication plays one of the leading roles in social society. As well as any simple word, communication also possesses in a bilateral way, first of which it is the material bark consisting of a lexical layer, otherwise explicit, and the second- invisible to an eye, the implicitly party.

Key words: Implicate, Explicit, Proposition, Presupposition

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.11-25

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ ГЕРМАНИИ

Бридко Т.В., Кравченко С.В.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: tanyusha23@mail.ru*

Статья посвящена изучению лексических особенностей употребления немецкого языка молодым поколением Германии. Кроме того, в данной статье были выявлены как причины, побуждающие немецкую молодежь к использованию данного социолекта, так и сфера его употребления.

Ключевые слова: немецкий язык, социолект, молодежный язык

Целью данной статьи является рассмотрение лексических особенностей немецкого языка молодого поколения Германии на материале песен молодежных групп, журналов и общения в Интернет-пространстве.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Выявить причины, побуждающие немецкую молодежь использовать социолект.
2. Определить сферы употребления молодежного языка.

3. Установить особенности в употреблении немецкого языка молодежью Германии.

Актуальность работы обусловлена повышением интереса лингвистов к изучению проблем социальной и возрастной вариативности языка, в частности, к особенностям функционирования немецкого языка в молодежной среде Германии. Подобного рода исследования исходят из предположения, что если представители одной возрастной группы отличаются от другой своим мировоззрением, социальным статусом и опытом, то их языковое поведение различается.

Изучением данной проблемы занимались как отечественные (А.Д.Петренко, Д.А.Петренко, Э.Ш.Исаев, Г.В.Быков, Т.Ю.Виноградова, Т.В.Бридко), так и зарубежные ученые (П.Шлобински, Е.Нойланд, Г.Эманн, А.Рэддер, Х.Рихтер).

Некоторые результаты этих исследований отражаются в словарях современного разговорного молодежного языка, наиболее известными из которых являются словари издательства PONS „Wörterbuch der Jugendsprache“ [1].

Необходимо отметить, что отношение лингвистов к словарям подобного рода неоднозначно. Так, профессор Ганноверского Университета П.Шлобински в одной из статей пишет, что данные словари неплохи, но они искажают действительность [2]. Известную своими работами в области социалингвистики Е.Нойланд беспокоит и даже в некоторой степени раздражает данная ситуация со словарями. В журнале «JOY» она пишет, что «Jugendsprache wird zum Konsumgut» [3].

Возможно, словари молодежного языка действительно искажают действительность. Старшее поколение, читая словари подобного рода, видит в них огромное количество ругательных слов и англицизмов, и полагает, что молодые люди пред-

почитают английский, а не их родной немецкий язык и, что именно английский язык заполняет все языковое пространство молодежи. В некоторых случаях взрослые люди думают, что молодежь специально пренебрегает родным языком или же вовсе его не знает. В качестве примера они приводят тот факт, что в современной молодежной среде многие немецкие слова заменяются английскими. Например, слово из английского языка «*shoppen*» вытеснило немецкое слово «*einkaufen*».

Несмотря на это, многие взрослые так же употребляют некоторые слова и выражения молодежного языка (сленга). Например, английское слово «*cool*» заменяется немцем «*gut*» [4].

При рассмотрении данной проблемы невозможно не задуматься о причинах, побуждающих молодое поколение использовать такой сложный и в некоторых случаях даже непонятный для старшего поколения язык. Во-первых, молодые люди хотят общаться друг с другом в присутствии чужих, при этом оставаясь непонятыми. В своей работе Г.Эманн объясняет это тем, что в последнее время взрослые люди (родители, учителя) все чаще используют при разговоре с представителями молодежной культуры социолект, пытаясь, тем самым, наладить контакт и добиться уважения со стороны молодого поколения. Однако, Г.Эманн указывает на то, что в большинстве случаев, такое языковое поведение взрослых воспринимается немецкими подростками как бестактное вмешательство в их личное пространство [5, 10].

Во-вторых, причиной вынужденной языковой дифференциации между поколениями становится возрастающий темп жизни, за которым представители старшего поколения не всегда успевают. Мобильные телефоны с сервисом SMS, электронная почта, ICQ и Интернет, способствуют тому, что в языке подростков все чаще встречаются простые конструкции, с помощью которых можно максимально быстро передать свою мысль. Следовательно, фактически в устной речи все больше и больше используется так называемый «телеграфный стиль», который зачастую раздражает людей старшего поколения, привыкших к более глубокому, а потому более медленному осмыслению информации.

В-третьих, Г.Эманн говорит о том, что важнейшей причиной использования молодежного сленга является «аспект протеста» (*der Protestaspekt*). Молодежь понимает свой язык в основном как оружие против языковых норм взрослого мира и, в первую очередь, против самих взрослых, где грубость и цинизм чаще всего адресованы не товарищам, а своим «предкам» [5].

Кроме того, молодежный язык используется, когда молодые люди просто не знают что ответить и находятся в замешательстве. Однако в тех случаях, когда речь идет об обиде либо об оскорблении им всегда есть что сказать, причем в не очень вежливой форме. Именно эта достаточно агрессивная лексика в последнее время стала чаще использоваться молодыми людьми. Причинами этому являются удобство, быстрота и возможность открыто высказывать свое мнение. Для подростков и молодежи употребление подобной лексики иногда служит в качестве своеобразной эмоциональной разрядки.

Данный молодежный современный разговорный язык имеет свои сферы использования. Наиболее простая форма его проявления – это обычное общение со

своими сверстниками в определенных группах и кружках. Многие молодые люди (в основном подростки) большую часть своего времени проводят сидя за компьютерным столом, «переписываясь» и общаясь со своими друзьями в интернет-чатах. Они оставляют разные комментарии на всемирно известных музыкальных сайтах, всячески пытаются привлечь внимание к своей персоне.

При анализе лексики, выявленной в результате исследования, было отмечено, что молодежь активно использует синонимические пары, а иногда и целые синонимические ряды. Например, наречие «*sehr*»(очень) заменяется синонимичными словами: «*Super*», «*Prima*», «*Klasse*», «*Toll*», «*Geil*», «*Megageil*», «*Cool*», «*Krass*», «*Funky*», «*Tierisch*», «*Höllisch*». Употребление подобного синонимического ряда свидетельствует о том, что молодые люди стремятся нестандартно выражать свои мысли.

Нельзя не отметить роль и влияние английского языка на молодежь, следовательно и на ее язык. Молодое поколение активно использует английские слова в речи, так как, по их мнению, это является модным и более престижным в молодежной среде. К наиболее распространенным англицизмам относятся: *End*, *Party*, *Handy*, *Computer*, *Team* и т.д.

Данная тенденция заметна в журналах для молодой аудитории, где заимствования подобного рода встречаются практически на каждой странице: *Look (New-Look, neuer Look, der Kreativ-Look)*, *Party (Party-Ableger, Partywelt, Partypeople)*, *Star (Star-Model, Star-Fotograf)* и т.д.

Исследуя лексику журнальных статей, было установлено, что речь современной молодежи обладает большим количеством сокращений. Данное явление широко используется, так как молодое поколение стремится экономить время и желает быть понятыми только внутри своей возрастной группы. Кроме того, для разговорной речи характерны усечения имен собственных. Например, *Alf* используется вместо *Alfred*, *Alex* употребляется вместо *Alexander*.

В отличие от лексики присущей немецкому литературному языку, лексика, употребляемая при общении в просторах мировой паутины, имеет свои особенности. Во-первых, в сети Интернет очень популярны сокращения и аббревиатуры. Это объясняется не только экономией времени, но и тем фактом, что многие представители этого поколения не знают правильного написания слов, или просто ленятся. В качестве яркого примера подобной лексики выступает на первый взгляд совершенно непонятный набор символов для человека старшего поколения.

ild = *ich liebe dich*

kA = *keine Ahnung*

kP = *kein Plan*

GUK = *Gruß und Kuss*

LU = *Liebevoller Umarmung*

Выводы: молодежь – это тот слой общества, который наиболее остро реагирует на всё происходящее вокруг. Молодое поколение стремится выразить свое мнение различными путями. Оно реагирует на проблемы как внутри страны, так и за ее пределами. Именно социальные проблемы, являющиеся наиболее острыми для об-

щества, находят отклик в молодежном языке с его богатым, стилистически окрашенным словарем.

Молодежный язык отражает, с одной стороны, специфику отдельно взятого поколения, и с этой точки зрения он служит для отграничения от мира взрослых, для групповой идентификации и для разграничения разных групп внутри самой молодежи. Молодежный язык, хотя и опирается на структуру и словарный запас стандартного языка, по-своему отличается от него. С другой стороны, молодежный язык влияет на развитие стандартного языка. Большая часть слов и выражений молодежного языка недолговечна и бесследно исчезает, но некоторые из них, видимо наиболее меткие и отвечающие духу языка, выживают, и то, что вчера было нарушением языковой нормы, сегодня оказывается уже общепринятым.

Дальнейшее изучение языка молодежи будет способствовать лучшему пониманию языковых процессов, происходящем в немецком языке различных поколений.

Литература

1. Словарь молодежного языка = Wörterbuch der Jugendsprache (von Schülerinnen und Schülern aus ganz Deutschland) — Stuttgart u. a.: Ernst Klett Sprachen GmbH, 2008. — s. 143. — ISBN 978-312-517-653-9.
2. Schlobinski P. «Синтаксис разговорного немецкого языка» = «Syntax des Gesprochenen Deutsch» / Schlobinski P. — Opladen: Westdeutscher Verlag, 1997. — s. 411. — ISBN 353-113-071-4.
3. Susanne Prebitzer. Jugendsprache für Anfänger [Электронный ресурс] // Frankfurter Allgemeine Gesellschaft. — 2008. — November, 02. — Режим доступа к журн.: <http://m.faz.net/aktuell/gesellschaft/jung-neues-woerterbuch-jugendsprache-fuer-anfaenger-1726548.html>. — Назв. с экрана_
4. Neuland E. Jugendsprache-Jugendliteratur-Jugendkultur; Interdisziplinäre Beiträge zu sprachkulturellen Ausdrucksformen Jugendlicher / Neuland E. — Frankfurt. Peter Lang Europäischer Verlag der Wissenschaften, 2003. — s. 254. — ISBN 363-139-739-9.
5. H. Ehmman. Ein paar Facts voraus // Das neuste Lexikon der Jugendsprache : Artikel / — München, Verlag C. H. Beck, 2001. — s. 195.

Брідко Т.В. Особливості вербальної комунікації молоді Німеччини / Т.В. Брідко, С. В. Кравченко // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 322-325.

Стаття присвячена вивченню лексичних особливостей вживання німецької мови молоддю Німеччини. Крім того, в даній статті встановлено причини, які спонукають німецьку молодь використовувати даний соціолект, та сфера його уживання.

Ключові слова: німецька мова, соціолект, мова молоді

Bridko T. V. The peculiarities of verbal communication among youth in Germany / T.V. Bridko, S.V. Kravchenko // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 322-325.

The following article studies the lexical peculiarities of the German language used among youth in Germany. The reasons which make the German youth use this sociolect as well as the sphere of its usage are discussed in this article.

Key words: the German language, sociolect, youth language

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.161.2'373/374

АНАЛІЗ СЕМАНТИЧНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ У ФРАЗЕОЛОГІЗМАХ (НА МАТЕРІАЛІ ЛЕКСИКОГРАФІЧНИХ ПРАЦЬ КІН. XVI – ПОЧ. XX СТ.)

Воек К.В.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: vol6662007@rambler.ru*

Стаття присвячена аналізу семантичних трансформацій у фразеологічних одиницях (далі ФО), які зафіксовані в мікроструктурі лексикографічних праць кін. XVI – поч. XX ст.

Ключові слова: аналіз, семантика, трансформація, фразеологічна одиниця, лексикографічна праця.

Вивчення фразеології української мови значною мірою базується на результатах опрацювання численних лексикографічних праць кін. XVI – поч. XX ст. На підставі багатьох лінгвістичних досліджень попередників та глибокого власного аналізу професор О. В. Кунін розробив відому структурно-семантичну класифікацію ФО, з рівнями поділу на класи, підкласи та розряди [1, 312-340], і яка слугувала і нині слугує теоретичним фундаментом сотень досліджень. Проте уже в цій класифікації вчений звертав особливу увагу на семантичний аспект вивчення фразеологічного фонду мови [1, 321, 323], що призвело до більш пізньої класифікації ФО, побудованої в основному на семантичному принципі. У цій праці дослідник наголошував на проблемі структурної складності та різноманітності ФО, яка переплітається з проблемою семантичної ускладненості: для фразеологічної семантики характерні наявність образних значень різних ступенів, експліцитних та імпліцитних значень, фразеологічно пов'язаних і вільних значень, наявності або відсутності оцінювальних сем, великого впливу конотативного аспекту, поєднання узуальності та okazіональності. Крім того, ФО властиві заміненість та незамінність компонентів, що також відбивається на семантиці у процесі актуалізації ФО [1, 99-100]. Ці спостереження мають велике теоретичне значення, що підтверджується даними інших фразеологів, зроблених на матеріалі інших мов [Баран Я. А., Гак В. Г., Мокієнко В. М.].

Отже, вивчення семантичного аспекту актуалізації ФО має цікаву історію та серйозні теоретичні обґрунтування. Тому *мета даної статті* – спробувати проаналізувати семантичні зрушення ФО, зафіксовані в мікроструктурі словників.

Види семантичних змін у значенні ФО на матеріалі лексикографічних праць кін. XVI – поч. XX ст. вивчалися з різних підходів, що вплинуло на особливості класифікацій: розглядався передусім стилістичний потенціал таких змін. Проте в низці досліджень усі випадки змін у структурі та семантиці ФО трактуються як прояв мовленнєвої варіативності або як результат суто okazіонального функціонування. На жаль, названі підходи не висвітлюють вичерпно суть питання.

Таким чином, варто запропонувати узагальнену класифікацію семантичних трансформацій ФО:

1. Розширення компонентного складу ФО. Це найбільш частотний тип семантичних зрушень, який має на меті уточнення значення ФО, що зумовлене конкретною комунікативною ситуацією:

а) розширення значення ФО завдяки появі атрибута при іменному компоненті ФО. Українська мова збагатилася ФО-синонімами народного походження, що виражають глузування, кепкування з когось, чогось, із перевагою ключового компонента вже у формі однини, який паралельно уживається з іменниками *глум* (*глузи*), *кпини*. Порівняємо ФО *На сміх підіймати* (кого); *Сміх збити* (з чого) [Гр., 4, 158] → *Підіймати* (*підіймати*, *здіймати*, *знімати*) *на сміх* (кого, що) [СУМ ІХ, 409]; *Брати на глум* (*на глузи*, *на кпини*, *на сміх*) (кого, що) [СУМ ІІ, 87]; *Наробити сміху* (*смійків*) (з кого, кому) [ФСУМ 533].

До великих гріхів належить і брехня, яка затемнює душу та ясність думок, пригнічує людину. Тому саме компонент *душа* у ряді ФО староукраїнської й сучасної мов виступає об'єктом, на який скеровується дія. Наприклад, стукр. *На свою душу внесли* [Піск., 103]; суч. укр. *Кривити душею* у значенні „бути нещирим, лицемірити” [СУМ ІІ, 447] (відбувається конкретизація значення, а саме уточнюється несхвальний учинок); *Брати / Взяти гріх* (*гріха*) *на душу* (*на себе*) у таких значеннях: 1) „діяти всупереч власній совісті, загальноприйнятим нормам моралі; щось робити несхвальне”; 2) „чинити злочин, убивати кого-небудь”; 3) „нести моральну відповідальність за кого-небудь, за чийсь учинки, дії” [ФСУМ 49]. Отже, у структурі останньої ФО простежується розвиток полісемії, наявність видових варіантів дієслова, морфологічних варіантів стрижневого компонента, а також паралельне вживання сполучень *на душу // на себе*, які трансформувалися з поєднання *на свою душу*.

б) розширення ФО завдяки лексичній конкретизації ступеню прояву ознаки, вираженої адвербіальним компонентом. Високий ступінь експресивності властивий багатьом ФО у досліджуваних словниках, утворених шляхом гіперболічного переосмислення. Дуже часто в цих ФО втілено образ проливання, виливання сліз із очей, тобто сльози порівнюються зі сильним потоком води, що вказує на розпач людини, її важкий емоційний стан. Такі ФО є носіями додаткової семи „сильно, голосно” (плакати), тобто „ридати”. Наприклад: *Сльози виливати* [Павл., 173]; *Плачте жь всѣ, слезы выливайте...* [Закр., 8]. Інколи в одному реченні функціонують дві ФО, які сконденсовано передають два взаємозумовлені стани людини – страждання і плач, зокрема: *Око слезы проливаєть* [Верх., 57]. Аналогічні ФО фіксуються в сучасному фразеологічному словнику: *Виливати / Вилити сльози* зі значенням: „гірко плакати” [ФСУМ 93] із синонімічним відповідником: *Захлинатися плачем* [ФСУМ 93].

Наведені приклади доводять, що зміна лексичного значення одного з компонентів, який усередині ФО виявляє ознаки слова або фрази з власною семантикою, призводить до певного семантичного зрушення – контекстуальної конкретизації – у семантиці ФО в цілому. Прагнення автора максимально уточнити семантичне значення вжитої ФО особливо яскраво спостерігається у представленому прикладі.

Як було зазначено вище, даний вид семантичних зрушень є найчастотнішим, проте спроби далі подрібнити семантичне явище конкретизації або уточнення, які пропонуються у дослідженні І. О. Новікової [5, 34-36], вважаємо досить дискусійними у зв'язку з тим, що пропоноване автором подріблення (підсилення / послаблення значення ФО) вступає у протиріччя з аналізом контекстуальних зв'язків деяких аналізованих ФО: у названій роботі не аналізуються імплікативні особливості ФО з семантичними зрушеннями.

в) розширення у вигляді синтаксичного розгортання ФО, що також зумовлене потребою мовця конкретизувати висловлювання. Наприклад, *Ані пари з рота* в значенні „не обізвався ані словом” [Чоп., 19]; *Німиї як риба* в значенні „риба не видає ніякого голосу” [Б.-Н., 78]; *Решетом воду міряти* в значенні „робити якусь безплідну роботу” [Піск., 74]; *Золоті слова* в значенні „ти говориш святу правду” [А.-Ч., 102].

Приклади подібного розгортання є проявом протиріччя між роздільнооформленістю ФО та її семантичною цілісністю, яке реалізується у таких випадках ослабленням спаяності компонентів та збільшенням їх семантичної автономії, що, у свою чергу, призводить до семантичних зрушень. Проте, як зазначав М. В. Нікітін, автономно сприйнятий компонент ФО набуває значення тільки з позицій сприйняття цілого, тобто з позицій сприйняття значення базової ФО, як значущий елемент значення ФО [6, 562], тому семантичне значення модифікованої таким розширенням ФО не втрачається, а навпаки, стає конкретнішим та яскравішим.

2. Скорочення компонентів складу ФО:

а) скорочення у вигляді простого відсікання початкової або кінцевої частини ФО. Наприклад: *Упрямого могила справить* [Б.-Н., 200] – *Могила виправить* у значенні „хто-небудь залишиться таким, як є, не зміниться” [ФСУМ 500]; *Не такий страшний бись, як його малюють* [Б.-Н., 219] – *Ніякий чорт не страшний у значенні „хто-небудь нікого не боїться”* [ФСУМ 951]; *В такій сороці ходит все ваточ на стаї* [Верх., 34] – *Народитися в сороці* в значенні „бути везучим, щасливим” [ФСУМ 533].

У цьому фрагменті спостерігаємо відсікання кінцевої предикативної частини прислів'я. Таке використання можна прояснити, зробивши семантичний аналіз скорочуваного прислів'я та виділивши „архісеми” (методика С. А. Мошіашвілі), які відбивають предметно-логічний зміст ФО. У даному випадку автор обрав номінативну архісему, з очевидною фразеологічною образністю, що забезпечило експресивність контексту.

Тут також спостерігається відсікання предикативного компонента прислів'я. Треба зазначити, що такий вид семантичного зрушення виходить за межі оказіональної зміни ФО: скорочена ФО переходить до узусу як нова, самостійна ФО, що зафіксовано в одному з останніх (за часом укладання) фразеологічних словників.

Аналіз цього виду семантичних зрушень показує, що він є характерним саме для прислів'їв та приказок, причому факти утворення нової ФО не є поодинокими.

б) скорочення у вигляді стягнення, коли **ФО змінює свій мовний статус, а з ним – і морфологічну належність**. Наприклад: *Ни в тин ни в ворота – хай ому так икнецьця як собака с тину ввирвецься* [Шейк., 1, 115] – *Ни туди ні сюди* в значенні „ні з місця” [ФСУМ 903], *Ни в тин ні в ворота* в значенні „не затний виконувати свої прями обов’язки” [ФСУМ 882].

У цьому прикладі, відбувається стягнення значення, що виражений атрибутивною формою. Іншими словами, спостерігаємо зміну понять, що призводить до семантичного зрушення.

Отже, стягнення зазнає ФО, яка має адвербіальну належність. Проте тут вона вживається в атрибутивній функції, тобто ФО набуває характеристик ад’єктивності, що також призводить до семантичного зрушення. У випадку аналізованої ФО також спостерігається утворення нової ФО, зафіксованої словником.

3. Заміна одного з компонентів ФО, який сприймається як слово з самостійним значенням:

а) **заміна повнозначного компонента ФО**. У дослідженнях попередніх років відзначалися значна частотність та експресивність цього виду семантичних зрушень у ФО, а також лексична різноманітність компонентів-замінників.

ФО до складу якої входить компонент *мечь* зберігає негативну оцінку й не мають високого ступеня експресивності. Вони представляють і прийменникові конструкції (*Подъ мѣчь вывести, Презъ мечъ скарати* (кого)), і безприйменникові з паралельним функціонуванням словотвірних варіантів дієслів *Предати / Поддати* (*мечу предати / поддати; Мечемъ згодовати; Мечемъ карати* (кого)). Наявність таких ФО, на нашу думку, зумовлена тим, що в давні часи, згідно із законодавством, поширеним явищем було засудження за злочин та покарання через відрубання мечем голови злодія. Наприклад: *Под мѣчь вывести* [Чоп., 2]; *Сказали, абы обоє мечемъ были караны* [Ум., 187]. За допомогою цих висловів автори передають факт убивства, іноді застосовуючи дистанційне розташування компонентів ФО зі вказівкою на вбивцю або погрозу смертною карою, уживаючи поряд із ФО для підсилення та емоційного впливу на читача іменник *Смерть: положити під меч* (кого) [ФПМЛ 243].

Деякі ФО з іменником *мечь* мають чимало варіантів у давній російській мові, де прослідковується постпозитивне вживання іменника; пор. стукр. *Подъ мѣчь вывести* → стр. *Положити подъ мечь* [СРЯ 9, 138]; стукр. *Мечу предати / поддати* → стр. *Предати (предаяти) мечу* (*въ мечь, на мечь, подъ меч*) [СРЯ 9, 137].

Семантичною суттю заміни є те, що її результат визначається складною взаємодією структурно-семантичних особливостей базової ФО, семантики слова-замінника та контексту. Наприклад: *Спасити зъ тѣла* (зъ лица) [Парт., 15]; *Там було народу до бися* (до ката, до госпида) [Б.-Н., 119]; *Смотрѣть (жити) бирюкомъ* [Ум., 46].

Тут у ФО спостерігається заміна компонентів що спричиняє значне семантичне зрушення, оскільки компонент ФО, що замінюється, та слово-замінник належать до різних семантичних груп.

Слово-замінник може бути антонімічним по відношенню до компонента-замінника, наприклад, ФО *Крутити нись – Подимать нись* [А.-Ч., 126]; *Пускатись на удачу – Пускатись на одчай* [Ум., 18].

Ці приклади переконливо свідчать про вагомість подібних семантичних зрушень для актуалізації смислових зв'язків широкого контексту.

б) заміна артикля. Артикль є службовим компонентом ФО, проте його заміна при реалізації ФО у певній комунікативній ситуації може мати неабияку контекстуальну значущість. Так, у ФО *На [сесь] свѣтъ прийти / Приходить (показатися, появитися) // Прийти (выйти) на свѣтъ* зі значенням „народжуватися / народитися” в українській мові, вказує на важливість не самого процесу, а події. Іноді він супроводжується конкретизатором *сесь*, тобто *цей*, що пов'язано з віруванням про існування цього, земного, світу і того, потойбічного. До того ж у структурі більшості ФО вжито дієслова в доконаному виді з перевагою компонента *прийти*, оскільки душа ще не народженої дитини вже існує, а в призначений Богом час проходить своєрідний шлях від втілення у лоні матері до народження. Вони не відзначаються високим ступенем експресивності й констатують сам факт народження, появи людини. ФО з іменником *свѣтъ* активно функціонують у конфесійному та полемічному стилях і вимагають суб'єктного оточення – назв осіб (пересічні люди або святі). Наприклад: *...котороежъ нас вспоможет посвѣдчит слово жебы тот, который на свѣтѣ показался млѣ тыж в ѣбѣ быти...* [Бер., 138]; *...были и иншиѣ воины великиѣ межѣ жидами и поганами, которіѣ всѣ на свѣтѣ пришедши знесль, потлумиль...* [Бер., 161]; *На свѣтъ ся появивши, моць свою розширили...* [Син., 33].

4. Зміна синтаксичної функції використання ФО. Поняття предметності в базовій ФО можуть трансформуватися в поняття предикативності або атрибутивності. Так, базова ФО використана таким чином:

а) розширення одного компонента ФО та скорочення частини ФО. Наприклад: ФО *Свое время понесет* [Ум., 47], *Понесль крсть его* [Ум., 118]. Ідентичні однозначні ФО зафіксовано в староросійській та сучасній українській мовах, пор. стр. *Понести крестъ свой* [СРЯ 17, 52]; суч. укр. *Нести (носити) / донести [свій (важкий, тяжкий)] хрест* [ФСУМ 548] у значенні: „терпеливо переборювати труднощі, незгоди, все те, що стало неминучим у чиемусь житті”.

Почуття горя, туги, безнадії, що супроводжується плачем, криком, передає ФО *Посыпати голову [свою] попеломъ* (*...посыпавши голову свою попеломъ* [ЛС 261]), яка, до речі, поширена і в сучасних слов'янських мовах. Пор. суч. укр. *Посипати (присипати) попелом голову (голови)* [ФСУМ 680]. Існує припущення, що джерелом походження аналізованої ФО є Старий Завіт, у якому попіл – символ суму людини, „пригніченої нещастям”. Людина у розпачі, „у час смертельної небезпеки” посипає голову попелом, щоб „показати стан, до якого вона дійшла” [СББ 603].

Випадки взаємодії різних видів семантичних зрушень є, на наш погляд, переконливим свідченням мобільності, нестійкості лексичних характеристик ФО [4, 10], яка забезпечує її динамізм, готовність до оновлення для досягнення необхідної експресивності та точності виконання конкретного комунікативного завдання.

5. Контекстуальне переосмислення ФО на базі семантичних зрушень різного ступеня складності:

а) зміна семантики одного з компонентів ФО в межах базової структури, детермінованої широким контекстом. ФО зі значенням „низько вклонятися (кому); просити (кого); скаржитися (кому)” характеризуються полісемією. Показовим прикладом служить ФО *Бити (бивати) чоломъ (челомъ) // Чоломъ бити / Ударити* зі значенням, якій, крім прихильності, є засвідчення шани: *Чоломъ бьст* [Зиз., 47]; *Чоломъ ударити...* [Ум., 1121]. Звернемо увагу, що значення “скаржитися на когось” є омонімічним до двох попередніх, тобто віддаленим від них, і не виявляє виразного зв’язку з ними.

ФО *Преклонивши колѣна* [Б.-Н., 19]. Відмітимо, що в сучасному фразеологічному складі функціонують багатозначні синонімічні ФО зі соматизмами *колѣна, ноги*, у яких переважають дієслова *падати / упасти*, наприклад: *Падати (кидатися, припадати) / Упасти (припасти, кинутися) в ноги (під ноги, до ніг, до стіп); Падати / Упасти на колѣна (навколѣшки, ниць)* у значенні: 1) „стаючи на колѣна, принижуючись, просити пощади, помилування”; 2) „виявляти до когонебудь почуття великої вдячності”; 3) „підкорятися чийй-небудь волі, чиємусь впливу”; 4) „виявляти кому-небудь велику шану” [ФСУМ 602].

Цілком очевидно, що розуміння модифікованої ФО у даному випадку можливе лише з опорою на весь попередній контекст та на численні смислові зв’язки усього тексту.

б) виділення одного з компонентів ФО та функціонування його як самостійного слова на фоні актуалізації базової ФО. Мовленнєва діяльність людини виявляється саме в метонімічних ФО зі соматизмами *губа, уста* та перевагою дієслова *выпускати / пускити*, ступінь експресивності яких залежить від специфіки внутрішньої форми та конотативної модальності.

Відтінок грубості, негативну оцінку завдяки розмовному предикату несе в собі ФО *Губу роззѣвити*, яка вимагає об’єктного оточення у формі родового відмінка: *Не смѣте анѣ губы роззѣвити* [Жел., 148]. Із часом ця ФО набула структурного розширення (уживання предиката недоконаного й доконаного виду), багатозначності. Крім того, можлива відсутність додатка і в ролі суб’єкта може виступати особа / неособа. Пор. суч.укр. *Роззявляти / Роззявити рот (рота)* зі значенням: 1) „говорити, казати що-небудь, починати говорити щось”; 2) „слухати дуже уважно, захоплено”; 3) „бути дуже враженим чимось”; 4) „бути неухважним” 5) (на що) „посягати, зазіхати на що-небудь чуже”; 6) „просити їсти”; 7) „рватися, зношуватися” [ФСУМ 750].

Тут спостерігається семантичне зрушення, яке надає вузькому контексту більшої експресивності завдяки імпліцитній грі слів, побудованій на багатозначності слова, що підсилюється використанням ФО та слова-еквівалента компонента ФО в межах одного речення.

в) семантична концентрація образності, яка виникає при використанні декількох ФО у вузькому контексті. Наприклад: *Надривать животики – кишки рвати* (жартивливе), *За боки братися, качатися від сміху* [Ум., 472]; *Він сів долі,*

поневолі в Кузю зогнувшись (в наслідку). В кузю ізогнути – свернуть в бараний рогь [Піск., 118].

Концентрація образності в цьому фрагменті детермінована наявністю спільної семи у значенні усіх трьох використаних ФО – рішучість. При сприйманні фрагмента читачем ця сема інтуїтивно сприймається як повторюване поняття, від чого інформативна експресивність фрагменту зростає.

г) семантична контамінація, яка спостерігається при зливанні двох ФО в одну. Наприклад: *Він ему не в чім не йме, баки ему заб'є* (в наслідку) [Піск., 11]. У цьому фрагменті при повторенні ФО вона фактично злита зі скороченою ФО *Бити баки*. Розуміння цього фрагменту реалізується на численних текстових імплікативних зв'язках.

Слід зазначити, що випадки контекстуального переосмислення ФО важко піддаються моделюванню у зв'язку з унікальністю кожного комунікативного завдання. Усі випадки семантичного зрушення цього виду характеризуються високим ступенем експресивності й тому заслуговують на подальше вивчення з точки зору їх комунікативно-прагматичного потенціалу.

Виділені види семантичних зрушень у ФО ілюструють значний потенціал активності фразеологічного шару лексики в процесі реалізації їх значень у контексті та здатність фразеологічного значення до гнучкості, мотивованої особливостями комунікативного завдання.

Список літератури:

1. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс). – М.: Высшая школа. – 1970. – 343 с.
2. Баран Я.А. Фразеология у системі мови : Автореф. дис...докт. філолог. наук. – К., 1999. – 32 с.
3. Гак В.Г. Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака // Труды Самарканд. гос. ун-та им. А. Навои. Вып. №277. Вопросы фразеологии. – Самарканд, 1976. – С.15-27.
4. Мокиєнко В.М. Протиріччя фразеології і її динаміка / Автореф. дис...докт. філолог. наук. – Ленінград, 1976. – 32 с.
5. Новикова І.А. Некоторые окказиональные изменения фразеологических единиц со структурой предложения / Вопросы фразеологии и фразеоматики. – М., 1983. – С. 33-39.
6. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – Ст.-П., 1997. – 754 с.

Список джерел:

- А.-Ч.** – А.С. Афанасьев-Чужбинский Словарь малорусского наречия // Собр. соч.: В 9 т. – СПб., 1890-1893. Т.9. – С. 289-464.
- Б.-Н.** - П. П. Білецький-Носенко Словник української мови / Підгот. До друку В. В. Німчук. – К.: Наук. думка, 1966. – 423 с.
- Верх.** – Ів. *Верхратський* Знадоба до словаря южнорусского / Написав Иван Верхратский. Т.І. – Львів, 1877. - 88 с.
- Жел.** – Є. Желєхівський і С. Недільський Малоруско-німецький словар. - Львів, 1882.
- Піск.** - Ф. Піскунов Словник живої Народної, Письменної і Актової мови Руських Югівчань Російської і Австрійсько-Венгерської Цесарії. - К., 1882. – 307 с.
- СУМ** – Словник української мови: В 11 т. – К.: Наук. думка, 1970. – Т. I (А-В); 1971. – Т. II (Г-Ж); 1973. – Т. IV (І-М); 1974. – Т. V (Н-О); 1976. – Т. VII (Поїхати-Приробляти); 1978. – Т. IX (С); 1979. – Т. X (Т-Ф); 1980. – Т. XI (Х-Ь).
- Ум.** – М. Уманець і А. Спілка. Словарь російсько-український / Зібр. і впорядк. М. Уманець і А. Спілка. – Берлін: Державне вид-во України, 1925. – 1149 с.
- ФСУМ** – Фразеологічний словник української мови: У 2 кн. – К.: Наукова думка, 1993. – Кн. 1-2.

**АНАЛІЗ СЕМАНТИЧНИХ ТРАНСФОРМАЦІЙ У ФРАЗЕОЛОГІЗМАХ
(НА МАТЕРІАЛІ ЛЕКСИКОГРАФІЧНИХ ПРАЦЬ КІН. XVI – ПОЧ. XX СТ.)**

Вовк К.В. Анализ семантических трансформаций в фразеологизмах (на материале лексикографических работ кон. XVI – нач. XX в.) / К.В. Вовк // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 326-333.

Статья посвящена анализу семантических трансформаций в фразеологических единицах (далее ФЕ), которые зафиксированы в микроструктуре лексикографических работ кон. XVI – нач. XX в.

Ключевые слова: анализ, семантика, трансформация, фразеологическая единица, лексикографическая работа.

Vovk K.V. Analysis of semantic transformations in phraseological units (of the lexicographical work of XVI c. – the beginning of XX c.) / K.V. Vovk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 326-333.

The article is devoted to analysis of semantic transformations in phraseological units that are fixed in microstructures of lexicons of the lexicographical work of XVI c. – the beginning of XX c.

Key words: analys, semantics, transformations, phraseological unit, lexicographical work.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК – 81.161.1 = 512.161 + 347.78.034

**ТРАНСФОРМАЦИИ И СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ И ТУРЕЦКИХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ
РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»)**

Гванцеладзе А. Н.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: annagvantseladze@hotmail.com*

В статье приводятся разные взгляды переводоведов на термины «трансформации» и «соответствия», рассматриваются особенности использования трансформаций и соответствий на примере перевода текстов с русского языка на турецкий язык.

Ключевые слова: трансформации, соответствия, переводоведение, турецкие языки, турецкий язык, русский язык.

Постановка проблемы. В литературе по теории и практике перевода часто употребляются термины «трансформации» и «соответствия» [1 – 7]. Неудобства начинаются тогда, когда оба понятия используются для номинации одних и тех же явлений, что осложняет понимание теоретического материала. В результате возникает вопрос «трансформации» и «соответствия» – это одно и то же, или, будучи разными явлениями, имеют четко определенные границы? Восприятие переводческих трансформаций как закономерных соответствий, а не как приемов перевода, применяемых в определенных условиях на основании смысла отдельной лексической единицы, содержания высказывания и общего контекста, может привести к установлению ложных стереотипов [8].

Цель исследования состоит в определении границ терминов «трансформации» и «соответствия» с точки зрения теории перевода. Для реализации поставленной цели предполагается решить ряд **задач:** **1)** проанализировать понимание переводоведами терминов «трансформации» и «соответствия», **2)** рассмотреть особенности использования «трансформаций» и «соответствий» на примере перевода текстов с русского языка на турецкий язык.

Объектом нашего исследования стали лексические единицы (и их переводческие эквиваленты) в контексте сложносочинённых союзных предложений.

Методология. Методологической основой исследования служат описательный, сравнительно-сопоставительный, контекстный и семантический анализ.

Переводческие трансформации рассматриваются в ключе теории закономерных соответствий (ТЗС) Я. И. Рецкера и А. В. Федорова, которая, в равной степени, имеет как последователей, так и критиков. Одним из основных недостатков ТЗС считают сосредоточение на поиске аналога лексической единице, или грамматической конструкции оригинала.

Переводчик имеет дело, в первую очередь, не просто с абстрактным значением лексической или грамматической единицы, а со смыслом – «актуализированным в

речи значением языковой единицы» [9, 114]. Я. И. Рецкер определяет употребление слов в речи как контекстуальное значение, которое «является реализацией потенциально заложенных в слове значений» [10, 18].

«Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяет соответствие как «особое соотношение звуков, форм, моделей построения и т. п., обнаруживаемых у отдельных представителей данной языковой семьи, обуславливающее их возведение к общей праформе, модели и т. п. и являющееся основой сравнительно-исторического языкознания» [11]. При анализе межъязыковых соответствий для языков разных семей такая трактовка термина не совсем уместна, поскольку соответствия в теории перевода предполагают совпадение значения и сферы употребления языковой единицы.

В. Н. Комиссаров определяет переводческие соответствия как «единицу ПЯ, регулярно используемую для перевода данной единицы ИЯ», трактуя последнее как коммуникативно равноценный, основанный на близости значений исходной и переводной единиц, устоявшийся аналог единице ИЯ [12, 136]. Данное определение соответствия делает упор на частоту употребления той или иной единицы ПЯ для отражения смысла единицы оригинала, не учитывая способ нахождения нужной единицы в системе ПЯ. То есть в широком смысле слова соответствием будет именоваться любая единица ПЯ, передающая значение и смысл единицы оригинала. Итог применения той или иной переводческой трансформации при передаче значения лексемы оригинала может рассматриваться как соответствие.

Я. И. Рецкер выделяет три типа соответствий: эквиваленты равнозначные и независимые от контекста единицы ПЯ, служащие для обозначения соответствующих единиц ИЯ в силу «тождества обозначаемого, а также традиций языковых контактов»; варианты и контекстуальные соответствия; переводческие трансформации [13, 12].

Традиционно готовыми эквивалентами считают те лексические единицы оригинала и перевода, которые полностью совпадают по значению и функции в тексте. К ним относят имена собственные, термины, названия организаций и т.д. [14, 156]. Мы считаем необходимым отметить, что данный пласт лексики можно считать готовыми эквивалентами тогда, когда он не несет дополнительных коммуникативных нагрузок. Так, например: *Пашенька без него ничего бы не выдумала...*(125). = *Bi herif olmasaydı, Paşenka, bir başına bir halt edemezdi* (163). – *O olmasaydı, Paşenka bir başına bir şey uyaramazdı...*(152) – транслитерация не передает иностранному реципиенту ласкательность лексемы *Пашенька*, не отображает экспрессию лексемы оригинала. Не совсем корректно говорить о существовании одного определенного способа передачи имен собственных или существовании единственного эквивалента. С. Флорин в книге «Муки переводческие» отмечает, что в зависимости от характера текста оригинала одно и то же имя собственное будет иметь несколько иной план выражения [15, 22].

Эквиваленты относятся к сфере языка, а значит, фактически, устанавливаются вне контекста, исходя из тождества обозначаемого лексических единиц [16, 9].

Однако наличие у лексемы ИЯ «постоянного равнозначного соответствия» в ПЯ может не обеспечить полного перевода информации сообщения оригинала: ... и

Дуня, *оскорбленная и опозоренная*, должна была проехать с мужиком целых семнадцати верст в некрытой телеге. = *Aşağılanmış, namusu lekelenmiş zavallı Dünya, o kadar uzun yolu bir Rus köylüsünün yanında, açık bir araba içinde almak zorunda kalmış.* – *Horlanmış, aşağılanmış Duneçka da on yedi verstlik yolu, üstü açık bir arabada, bir mujiğin yanında almak zorunda kalmış.* Рассмотрим передачу лексем «оскорбленная и опозоренная», которые в первом варианте передаются как «*aşağılanmış, namusu lekelenmiş*», а во втором – как «*horlanmış, aşağılanmış*». Анализ данных двуязычных и толковых словарей говорит о том, что в некоторых случаях переводчик отказался от использования готовых словарных соответствий для передачи данных лексем. Лексема «оскорбленная» содержит в себе компоненты, указывающие на *тяжелую обиду + унижение*, отражая значение двух семантических долей (СД), одна из которых передана существительным «*aşağılanmış*» (унижать).

Во втором переводе используется лексема «*horlanmış*», образованная от глагола «*horlamak*» прямым соответствием которой в двуязычном словаре указывается «*презирать, пренебрегать, унижать*». Глагол «*horlamak*» получен, в свою очередь, от прилагательного «*hor*», означающего «низкий, презренный, ничтожный».

Выбор лексем для перевода слова оригинала, таким образом, построен на наличии в значении каждой из них общей СД – «унижение». При этом, оба переводчика находили единицы перевода, логически анализируя состав сем лексемы оригинала, и отказались от словарных эквивалентов «*hakaret etmek; (gönlünü) kırmak; incitmek*», в силу того, что «*kırmak; incitmek*» требуют пояснительных слова (*birinin gönlünü) kırmak; (birinin hissleri) incitmek* и создали бы громоздкие выражения. Что касается перевода лексемы «опозоренная», то вместо словарного эквивалента «*rezil etmek*» (*опозорить*), были использованы «*namusu lekelenmiş*» и «*aşağılanmış*». Лексема «опозорить» имеет в составе сему «честь» как «обесчестить, очернить», что и отражено в первом переводе словосочетанием «*namusu lekelenmiş*» (*ее запятнанная честь*). Второй перевод менее удачен, т.к. использует лексему «*aşağılanmış*» (*униженная*).

Если под равнозначностью подразумевать полное совпадение области значения лексем и их прагматических характеристик, то деление эквивалентов на частичные и относительные не должно иметь смысла. Хотя, если понимать эквиваленты как единственно возможный и устоявшийся в ПЯ способ отображения лексемы оригинала, то тогда характеристика каких-то единиц ПЯ, использующихся для перевода лексем ИЯ, как частичных и относительных эквивалентов возможна.

Выбор лексемы перевода зависит также от традиции в системе ПЯ использовать ту или иную лексему для описания определенной ситуации. Так, например, рассмотрим перевод фраз «*послышались еще шаги (170) = başka ayak sesleri duyuldu (238), ayak sesleri duyuldu (226)*», «*первый шаг сделать (429) = hayatta ilk adımı atmak (295), ilk adımımı atmak (649)*», где перевод лексемы «шаги» в одном случае осуществляется через одноаффиксную изафетную конструкцию «*ayak sesleri*», а во втором случае – с помощью словарного соответствия «*adım*». Это объясняется тем, что лексема «*adım*» относится в большей степени непосредственно к самому акту движения, тогда как, если мы говорим о звуке идущего человека, имея ввиду «*послышались шаги*», в турецком языке это будет передаваться сочетанием

«*ayak sesleri*», с непосредственным компонентом *ses* \звук, т.к. услышать можно только звук, а шаг – сделать. На уровне описания ситуации примеры «*poslyshalisъ еще шаги (170) = başka ayak sesleri duyuldu*» будут эквивалентными, т.е. эквивалентными будут лексемы «*шаги*» и «*ayak sesleri*». Основой смыслового отождествления разноязычных текстов служит здесь универсальный характер отношений между языком и экстралингвистической реальностью [17, 57].

Путаницу в объяснения Я. И. Рецкера вносит еще и то, что говоря о единичной лексеме оригинала, в качестве примера перевода он приводит словосочетание или целую фразу, в контексте которой и в соответствии с нормами узуса ПЯ смысл лексемы оригинала передается иным способом.

Таким образом, видно, что в речи практически нет эквивалентов лексемам оригинала. Стоит обратить внимание на то, что эквиваленты имеют, прежде всего, термины, имена собственные, географические названия и т.д., но это тоже относительно. Так, например, если термины и имена собственные употребляются для выражения определенной интенции автора, создания коммуникативного эффекта, т.е. приобретают дополнительные коннотации, в том числе и с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов, тогда транслитерированные лексемы ПЯ не будут передавать весь спектр описываемой ситуации, а недостающие семантические доли переводчик должен будет восполнить лексически, с учетом того, что грамматически создать подобный оригиналу эффект невозможно.

В трактовке Я. И. Рецкером вариантных соответствий и трансформаций возникает неопределенность. Вариантные соответствия определяются как наличие в «языке перевода нескольких слов для передачи одного и того же значения исходного слова» [18, 18]. Как правило, вариантные соответствия характерны для недифференцированных слов исходного языка с широкой семантикой, которые порождают определенные соответствия в ПЯ согласно контексту.

Некоторые вариантные соответствия были окказиональными, а потом перешли в узуальные, образовав устойчивые традиции употребления именно данного соответствия для перевода исходной единицы в определенной позиции. Использование вариантных соответствий всегда сопряжено с определенными семантическими трансформациями значения исходной единицы в силу ее большей или меньшей дифференциации по сравнению с лексической единицей ПЯ.

А. Д. Швейцер отмечает, что различия между эквивалентами и вариантными соответствиями Я. И. Рецкера можно рассматривать только с лексикографической точки зрения. Автор делает еще одно замечание относительно независимости эквивалентов от контекста, поскольку «частичные эквиваленты», свойственные многозначным словам и словам с широкой семантикой, зависят от контекста и актуализируются в определенном лингвистическом окружении [19, 77].

В. Н. Комиссаров определяет вариантные соответствия как «несколько регулярных способов перевода данной единицы ИЯ, выбор между которыми определяется условиями контекста» [20, 140]. Относительно выбора между вариантными соответствиями тоже существует определенная трудность, заключающаяся в отсутствии точных критериев этого выбора. Кроме того, «восприятие переводчика ... не способно оказаться одинаковым в силу самых различных личностных, культурных и социаль-

ных причин» [21, 19]. Выбор правильного вариантного значения слова оригинала в переводе зависит от лингвистических показателей сочетаемости лексемы с другими словами, от влияния контекста фразы или целого отрывка произведения, а также от частоты употребления данного слова в системе речи ПЯ. Исходя из данных психолингвистики, можно отметить, что ассоциации и правила узуса будут превалировать в первичном выборе варианта перевода лексемы оригинала, и лишь глубокий и детальный семантический анализ и сопоставление с экстралингвистическим контекстом побудит переводчика искать более подходящий эквивалент. Так, переводчик будет осуществлять поиск единственно верного для данной описываемой ситуации переводного эквивалента, стремясь достичь верного отражения действительности.

Выбор того или иного синонима как вариантного соответствия – при условии, что в данном контексте их значения совпадают – скорее всего, будет зависеть от соотношенности значения данной лексемы и смысла высказывания с действительностью в представлении реципиента, в данном случае – переводчика. Кроме того, знание затекста, т.е. действительной ситуации, может обусловить выбор варианта перевода [22, 90 – 98].

Как уже отмечалось, переводческие трансформации рассматриваются в ключе теории закономерных соответствий как пример несоответствия единицы исходного текста (ИТ) единице переводного текста (ПТ), или как целенаправленные приемы переводческой деятельности [23].

Если рассматривать трансформацию как процесс, то любой выбор лексических средств, для приведения текста оригинала и перевода к эквивалентному соотношению, будет описываться как трансформация. Если же подходить к трансформациям как к одному из приемов достижения эквивалентности, то ученые определяют последние как эквиваленты оригинала, которые порождает переводчик в случае отсутствия готового арсенала средств [24; 8]. При этом трансформации, наряду с готовыми и вариантными соответствиями, вводятся в единую систему достижения эквивалентности [25, 153 – 155].

Мы считаем, что трансформации необходимо рассматривать как способ достижения эквивалентности перевода, а не как сам процесс. К ним прибегают не только при отсутствии готового словарного соответствия, но также в случае, если существующий эквивалент приводит к изменениям мотивационного контекста, является стилистически неудобоваримым, либо не отображает прагматику оригинала и не отвечает нормам узуса ПЯ.

Словарь лингвистических терминов Д. Э. Розенталя определяет термин «трансформация» как «закономерное изменение основной языковой модели (ядерной структуры), приводящее к созданию вторичной языковой структуры» [26].

А. А. Яковлев, принимая позицию Л. С. Бархударова в характеристике трансформаций как целенаправленных действий переводчика, определяет переводческие трансформации как изменение структуры пресуппозиции, изменение отношений между пропозициями. Таким образом, переводческие трансформации рассматриваются как действия переводчика в определенной ситуации по достижению эквивалентности – «соотношения смыслов высказывания» [27, 159]. Поскольку поиск соответствий может свести процесс перевода к «последовательной подстановке вместо ... единиц

оригинала эквивалентных единиц ПЯ, т.е. соответствий», что ведет к буквализму в переводе [28]. Ведь задача переводчика – не подыскать соответствия каждому слову и словосочетанию исходной фразы, а перевыразить ее смысл [29, 33].

А. Д. Швейцер рассматривает переводческие трансформации как «межъязыковые операции «перевыражения» смысла», как замену одной формы выражения другой. В качестве причин применения трансформаций ученый указывает безэквивалентные формы и конструкции, расхождение в словообразовательных моделях и наборе языковых средств для выражения коммуникативного членения предложения, передачу экспрессии оригинала. Так, А. Д. Швейцер говорит о грамматических и синтаксических преобразованиях на формальном уровне выражения содержания оригинала при сохранении сем сообщения. В то же время ученый рассматривает вопрос разных способов «семантической интерпретации внеязыкового содержания» [30, 118 – 123].

В. В. Сдобников определяет переводческие трансформации через понятия приема и способа перевода как определенную переводческую операцию, решение на использование которой переводчик принимает при невозможности описания определенной ситуации или явления с помощью формальных соответствий в ПЯ [31, 259 – 263]. Таким образом, переводческие трансформации предполагают преобразования текста с точки зрения формального выражения содержания в соответствии с нормами и узусом ПЯ, обращение к реальной действительности и прагматическую адаптацию текста на ПЯ.

А. Г. Витренко определяет это как «интерференцию бытового значения словосочетания «перевод слова» из обихода преподавания практики иностранных языков: выделение активного словаря, его «перевод» и т.п.» и настаивает на том, что «подход к трактовке эквивалентов как постоянных равнозначных соответствий, не зависящих от контекста, фактически лежит вне пределов собственно перевода». Ученый относит эквиваленты и аналоги (вариантные соответствия), выделяемые Я. И. Рецкером к лексикографическим явлениям, отвечая тем самым на вопрос о разнице между соответствиями и трансформациями [32].

Судя из рассмотренных выше доводов критики ТЗС видят разницу между данными явлениями в закреплённости в двуязычных словарях и традиции употребления, что произвело окказиональные соответствия, полученные при использовании различных трансформационных приемов, в ранг узуальных с последующим отражением в системе двуязычных словарей.

*Все эти отклики и разговоры **сдержали** Раскольникова, и слова «я убил», может быть, готовившиеся слететь у него с языка, замерли в нем. = Bütün be seslenişler ve konuşmalar, Raskolnikov'u **durdurdu** ve belki de dudakları arasından çıkmak üzere olan, “Ben öldürdüm”, sözleri sönüp gitti. - Bütün bu sözler, konuşmalar Raskolnikov'u söylemeye hazırladığı sözleri söylemekten **ahkoyuyordu**; “Ben öldürdüm!” sözleri donup kalmış gibiydi dudakları arasında.*

Толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой определяет значение лексемы «сдержать» как «1. кого-что. Остановить, ослабить то, что движется, развивается с силой. 2. перен., кого-что. Не дать обнаружиться полностью, затаить. 3. что. Исполнить (обещанное)» [33]. Понятно, что лексема используется в переносном значении, однако присутствует явный параллелизм с первым прямым

значением слова «остановить», на этом основан выбор первым переводчиком лексемы «*durdurmak*», что означает понудительное наклонение от «*durmak*» «остановиться, стоять, находиться без движения». Второй переводчик выбирает лексему «*alıkoутak*», что значит «удерживать от чего-либо, от желания сделать что-либо», что по замыслу и интенции автора более правдоподобно отражает смысл лексической единицы оригинала, хотя и влечет за собой перестройку предложения, т.к. нужное значение лексема «*alıkoутak*» приобретает лишь в случае сочетания с зависимым по смыслу словом в форме исходного падежа. Полный анализ системы взаимных отношений данной лексико-семантической группировки позволяет увидеть, что лексема оригинала и лексемы перевода лишь частично отражают значения одна другой, имея гораздо более широкий спектр означаемых. Это может указывать на, практически, невозможность существования готовых эквивалентов для обиходно-бытовой лексики по сравнению с терминами и ономастической лексикой, при условии, что последние не несут иной коммуникативной нагрузки кроме наименования какого-либо объекта или предмета действительности.

А. А. Яковлев говорит о трансформациях как о «переходе» прагматической пресуппозиции в логическую и наоборот. «Изменения отношений между пресуппозициями практически неизбежны при переводе и направлены на адекватное выражение смыслов исходного текста средствами языка перевода в соответствии с контекстом» [34, 158]. В приведенном примере использование лексемы «*alıkoутak*», которая требует перед собой косвенного дополнения в исходном падеже, влечет вербализацию прагматической пресуппозиции «*söylemeye hazırladığı sözleri söylemekten*». Данную прагматическую пресуппозицию можно определить по средствам узкого контекста предложения, но более очевидной картина происходящего, оправданность выбора переводчика в пользу вербализации этой информации, становится при обращении к широкому контексту, состоящего из нескольких предыдущих абзацев. А именно, по фразе: «Он вдруг вспомнил слова Сони: "Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и перед ней согрешил, и скажи всему миру вслух: "Я убийца!"».

В то же время опущение вводного слова «может быть», выражающего возможность действия, меняют оттенок значения фразы, переводя ее из разряда вероятностных – в точную, утверждая, что главный герой без колебаний готов был произнести признание. Обращая внимание на подобные случаи А. А. Яковлев говорит, что семантические трансформации «не просто «добавляют» или «отнимают» одну из пресуппозиций или переставляют их, они качественно меняют логические соотношения между пропозициями... То есть, семантические трансформации граничат с ошибками, деформациями» [35, 159].

Обе женщины ждали, на этот раз вполне верую обещанию Разумихина; и действительно, он успел притащить Зосимова (186). – Anne kız verdiği söze iyice bel bağladıkları delikanlıyı bekliyorlardı... Delikanlı gerçekten de Zosimov'u getirmeyi başarmıştı (263). – İki kadın da bu kez Razumihin'in verdiği sözü yerine getireceğine inanarak bekliyorlardı. Gerçekten de Zosimov'u getirmeyi başarmıştı Razumihin (254) – в первом случае переводчик прибегнул к приёму конкретизации – одного из видов лексико-семантической трансформации. Словосочетание существительного с соби-

рательным числительным «обе женщины» передается в переводе через сочетание двух существительных «*anne kız*». При этом меняется как план выражения словосочетания, так и план содержания: единица оригинала – «обе женщины» – может означать каких угодно двух женщин и лишь обращение к широкому контексту позволяет провести параллель и установить отношения эквивалентности между двумя лексическими единицами. Второй пример демонстрирует интерлинейный перевод и использование готового эквивалента «*iki kadın*». В отношении передачи смысла и первый, и второй варианты перевода имеют все основания считаться верными, тогда как с формальной точки зрения второй перевод ближе к оригиналу и не требует обращения к широкому контексту для подтверждения сходства. Этот пример указывает на то, что в случае с трансформациями отношения эквивалентности устанавливаются единоразово, в условиях четко определенного контекста. Не стоит забывать о том, что контекст – лакмусовая бумажка для готовых и вариантных соответствий, который определяет их пригодность или непригодность для описания определенной ситуации с целью произвести определенный коммуникативный эффект.

Выводы. Рассматривая подходы к определению и пониманию трансформаций и соответствий в контексте общей теории перевода, мы выявили, что существует разница между трансформациями и соответствиями, под которыми мы понимаем эквиваленты и аналоги (вариантные соответствия), выделяемые Я. И. Рецкером: трансформации являются одним из приемов перевода и подтверждают целенаправленность действий переводчика, а соответствия относятся, скорее, к лексикографическим явлениям [36]. При этом некоторые вариантные соответствия образованы при помощи конкретизации недифференцированных лексем оригинала и отличаются от итогов применения трансформаций закрепленностью в двуязычных словарях и традицией употребления. Окказиональные соответствия, полученные при использовании различных трансформационных приемов, за счет частоты употребления могут перейти в ранг узусальных с последующим отражением в системе двуязычных словарей. В то же время нельзя умалять роль закономерных соответствий для теории и практики перевода.

Дальнейшее изучение проблем перевода с русского на турецкий язык определяет **перспективу** наших изысканий.

Литература

1. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика : очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. - М. : Международные отношения, 1974. – 214 с.
2. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: Учеб. пособие для студентов фи-лол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.С. Алексеева. – М. : Издательский центр «Академия», 2004. – 352. – ISBN 5-7695-1542-2.
3. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. - М. : Высшая школа, 1990. – 253 с. – ISBN 5-06-001057-0.
4. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Федоров. – М. : ООО «Издательский дом «Филология Три», 2002. – 416 с. – ISBN 5-94545-014-6.
5. Бархударов Л. С. Язык и перевод (вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
6. Швейцер А. Д. Теория перевода (статус, проблемы, аспекты) / А. Д. Швейцер. – М. : «Наука», 1988. – 215 с. – ISBN 5-02-010882-0.

7. Левицкая Т. Р. Теория и практика перевода с английского языка на русский / Т. Р. Левицкая, А. М. Фитерман. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1963. – 263 с.
8. Витренко А. Г. Надо ли учить переводческим трансформациям? / А. Г. Витренко // Вестник МГЛУ. – Вып. 488: Перевод и стилистические ресурсы языка. – М., 2004. – с. 90 – 106. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://agvitrenko.3dn.ru/publ/1-1-0-6>.
9. Швейцер А. Д., там же.- С. 114.
10. Рецкер Я. И., там же.- С. 18.
11. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://www.classes.ru/grammar/174.Akhmanova/>.
12. Комиссаров В. Н., там же.- С. 136.
13. Рецкер Я. И., там же.- С. 12.
14. Рецкер Я. И., там же.- С. 156.
15. Флорин С. Муки переводческие (практика перевода) / С. Флорин. – М. : Высшая школа, 1983. – 184 с. – [Электронный ресурс], режим доступа http://www.superlinguist.com/index.php?option=com_content&view=article&id=1393:2011-08-06-11-25-22&catid=18:2009-11-23-13-42-17&Itemid=18.
16. Рецкер Я. И., там же.- С. 9.
17. Комиссаров В. Н., там же.- С. 57.
18. Рецкер Я. И., там же.- С. 18.
19. Швейцер А. Д., там же.- С. 77.
20. Комиссаров В. Н., там же.- С. 140.
21. Белянин В. П. Психолингвистика / В. П. Белянин. – М. Флинта, 2004. – 232 с. – ISBN 5-89349-371-0.
22. Белянин В. П., там же.- С. 90 – 98.
23. Яковлев А. А. Соотношение между трансформациями и видами пресуппозиций в переводе / А. А. Яковлев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 8 (223). Филология. Искусствоведение. Вып. 51. – с. 158 – 160. – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://www.lib.csu.ru/vch/223/035.pdf>.
24. Алексеева И. С., там же.- С. 8.
25. Левицкая Т. Р., там же.- С. 153 – 155.
26. Розенталь Д. Э. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь – [Электронный ресурс], режим доступа : http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/DicTermin/index.php.
27. Яковлев А. А., там же.- С. 159.
28. Витренко А. Г., там же.
29. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с. – ISBN 5-7552-0041-6. – [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.linguists.narod.ru/downloads.html>.
30. Швейцер А. Д., там же.- С. 118 – 123.
31. Сдобников В. В. Теория перевода / В. В. Сдобников, О.В. Петрова. – М. : Восток-Запад, 2006. – 448 с. – ISBN 5-478-00306-9.
32. Витренко А. Г., там же.
33. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://ozhegov.info/slovar/>.
34. Яковлев А. А., там же.- С. 158.
35. Яковлев А. А., там же.- С. 159.
36. Витренко А. Г., там же.
37. Türk Dil Kurumu Büyük Türkçe Sözlük – [Электронный ресурс], режим доступа : <http://tdkterim.gov.tr/bts/>.
38. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Харьков : Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1983. – 480 с.
39. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza: 2 Cilt / F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2002. – 738 s. – ISBN 975841478X.
40. Dostoyevski F. M. Suç ve Ceza / F. M. Dostoyevski. – İstanbul: Kumsaati Yayınları, 2010. – 687 s. – ISBN 978-975-458-902-3.

Гванцеладзе А. М. Трансформації і відповідності в перекладі (на матеріалі російських та турецьких паралельних текстів роману Ф.М. Достоевського «Злочин і покарання») / А. М. Гван-

**ТРАНСФОРМАЦИИ И СООТВЕТСТВИЯ В ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ
И ТУРЕЦКИХ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО...**

целадзе // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 334-343.

У статті надаються різні погляди перекладознавців щодо термінів «трансформації» та «відповідності», розглядаються особливості використання трансформації та відповідності на прикладі перекладу текстів з російської мови на турецьку мову.

Ключові слова: трансформації, відповідності тюркські мови, турецька мова, російська мова, перекладознавство.

Gvantseladze A. N. Transformations and correspondences in translation (on the material of the Russian and the Turkish parallel texts of F.M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment") / A. N. Gvantseladze // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 334-343.

Different points of view of different scientists on the terms "transformations" and "correspondences", the peculiarities of usage of transformations and correspondences on the example of translation from the Russian language into the Turkish one are described in this article.

Key words: transformations, correspondences, translation, the Turkic languages, the Turkish language, the Russian language.

Поступила в редакцію 03.09.2012 з.

УДК. 821.512.162

ТРАКТОВКА ИЗБЫТОЧНОСТИ ПО РАЗЛИЧНЫМ АСПЕКТАМ

Багирова С. М.

*Азербайджанский университет языков, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

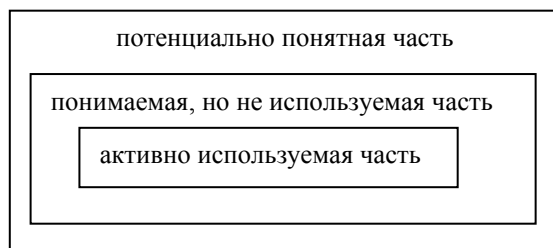
Статья посвящена изучению избыточности, что является неотъемлемой чертой любого естественного языка. Нося идиоэтнический характер, она проявляется в речевом акте. Необходимо подчеркнуть, что степень проявления избыточности разнится от языка к языку. В русском языке развитая флективная система (а также согласование и управление) сильно влияет на избыточность языковых элементов.

Ключевые слова: избыточность, информация, парадигматический, коммуникативный

Постановка проблемы. Можно сказать, что средства, создавшие избыточность в языковой системе и ее реализации в речи, носят идиоэтнический характер. Прежде всего, это относится к кодированной избыточности. Например, в русском языке специфике избыточных средств свойственна сильная развитость флективной морфологии и морфологической замены. Сюда можно отнести также согласование и управление. В то же время есть основание считать избыточность неуниверсальной. Языки отличаются друг от друга не только тем, что они допускают пропуски тех или иных элементов (эллипсис), но и тем, что с легкостью могут повторять (правила избыточности) одни и те же элементы. На избыточность в языке влияет не только жанровое различие текстов, но и письменность или же устность текста. В письменных текстах больше грамматической избыточности, а в устных лексической.

С.Бурлак и С.Старостин выражают свое отношение к избыточности следующим образом: «Возможность (и неизбежность) языковых изменений вытекает из самой сущности языка как информационного кода, обеспечивающего взаимопонимание между людьми. Для адекватной передачи информации язык должен обладать существенным свойством информационного кода, а именно, избыточностью» [2, 47].

Как мы уже отметили, избыточность - имманентная особенность естественных языков. Наблюдаемые в естественных языках избыточные явления С.Бурлак и С.Старостин объясняют как главные причины изменений в языке. По их мнению, причина возможности (неизбежности) в языке изменений появляется от информационного кода языка, обеспечивающего взаимопонимание между коммуникантами. Для адекватной передачи информации язык должен обладать свойством избыточности информационного кода. «Действительно, в любой момент времени в языке имеется столько элементов, что каждый идиолект может выбрать себе часть из них, еще много всего останется» [2, 25]. Авторы так описывают язык:

С.Бурлак и С.Старостин наличие в языке избыточности объясняют, как следствие функционирования в сообществе биологических организмов в языке. По их мнению, система коммуникации, лишенная избыточности, в случае с биологическими организмами потерпела бы полный крах. В ходе эволюции имеет шанс выжить лишь та коммуникативная система, которая будет избыточной [2, 26].

Авторы отмечают, что фактор избыточности относится ко всем видам коммуникации. Они утверждают, что у самых разных существ - от насекомых до человека - коммуникативная система обладает свойством избыточности. Избыточность языка, как и любого информационного кода, способствует взаимопониманию. При наложении шума на основной сигнал некоторые смыслоразличительные признаки могут быть нейтрализованы, но наличие дополнительных признаков, все же, позволяет однозначно интерпретировать сообщение. Например, при разговоре шепотом на английском языке глухость-звонкость, естественно, нейтрализуется, однако дополнительная аспирация глухих согласных все же позволяет различать минимальные пары $/bet^h - p^h et^h/$.

Таким образом, можно прийти к заключению, что наличие в языке избыточности - следствие того факта, что эта коммуникативная система функционирует в сообществе биологических организмов, а они не бывают полностью идентичными. Поэтому система коммуникации, лишенная избыточности, в случае с биологическими организмами потерпела бы полный крах: ни один из коммуникантов не смог бы добиться точного воспроизведения заданного эталона. Кроме того, развитая система коммуникации, лишенная избыточности, потребовала бы огромных затрат на обучение новых поколений.

Избыточность тесно связана с двумя факторами. Во-первых, многие элементы языка несут одинаковую или сходную смысловую нагрузку; некоторые из них могут быть в рамках языкового выражения – заменены на другие без существенного ущерба для смысла выражения, чего принято называть парадигматической избыточностью. Во-вторых, одна и та же информация в языковом выражении может многократно дублироваться. А это явление в языкознании называют синтагматической избыточностью.

Парадигматическая избыточность пронизывает все уровни языка. В лексике существуют синонимы. Например, в азербайджанском языке - $/dilçilik-linqvistika/$ (наука о языке). В современном русском языке синонимический порядок таково: лингвистика-языкознание- языковедение. Один и тот же смысл может быть выражен словом и словосочетанием. Например, компаративистика и сравнительно-историческое языкознание. Одно и то же морфологическое значение может быть передано при помощи разных аффиксов.

В синтаксисе для описания одной и той же ситуации может быть использовано несколько различных конструкций. Например: в азербайджанском языке /N.Gəncəvi “Sirlər xəzinəsi”ni yazmışdır// или же /“Sirlər xəzinəsi” N.Gəncəvi tərəfindən yazılmışdır//.

Н.И.Жинкин к этому вопросу подходит совсем по-другому. По его мнению, внутренняя речь, в отличие от естественных языков полностью освобождена от избыточности. «Формы естественного (натурального) языка были определены серьезными нормами. В результате этого взаимосвязанные элементы когерентны, т.е. наличие одних обуславливает присутствие других – это и является избыточностью. Во внутренней речи смысловые связи предметны, а не формальны, содержание имеет суть и конвенциональное правило, к которому относится это смысл, является временным» [5, 36].

Как следует из цитаты, Н.И.Жинкин предлагает отличать натуральный языка от языка логического и внутренней речи. Здесь показывается и то, что речевой акт возникает после появления слушателя, так как на стадии внутреннего языка (речь, которая адресована носителю языка, где не участвует слушатель) никакой избыточности нет [5, 36].

Вопросы избыточности в естественном языке и внутренней речи Н.И.Жинкин схематизирует так:

Таблица 1.1

избыточность (+)	избыточность (-)
естественный язык	логический язык
	язык внутренней речи

С момента возникновения информационной теории избыточность объединяет в себе два явления: определение избыточности внутри контекста и настоящая избыточность текста. По мнению Г.Глисона, избыточность не то же, что повторение, она совсем не обязательно связана с повторением [4, 362]. Г.Глисон подчеркивал очень важный момент: «Устранение избыточности могло бы произойти только за счет уничтожения всей структуры, и код как таковой оказался бы полностью разрушенным. Избыточность - следствие структуры языка и, вероятно, именно с этой точки зрения она, прежде всего и интересует лингвистов. Однако избыточность выполняет и другую роль, в некоторых случаях весьма важную» [4, 372].

Далее автор вводит понятие шума и ведет речь о необходимой степени избыточности самого сообщения, эта степень может быть увеличена при наличии большой порции шума или же уменьшена, если степень шума носит среднестатистический характер [4, 372].

Вне всякого сомнения, шум уменьшает эффективность системы связи. Любой идеальный код (т.е. использующий полностью передающую способность канала) невозможно применять при наличии помех, поскольку малейший шум исказит сообщение. Единственным средством, позволяющим избежать этого, является избыточность. Искажение сообщения можно предотвратить повторением данного сообщения, а также и некоторыми другими способами. Действенный код должен обладать достаточной избыточностью, чтобы компенсировать шум в системе. Поскольку в каждом языке обычно существует избыточность, свойственная его структуре, его можно использовать и при наличии умеренного количества шума [4, 373].

А.В.Бондарко по-другому трактует данное языковое явление. По мнению А.В.Бондарко, избыточность является следствием выражений категориальных

грамматических значений: «Грамматические значения выражаются не только тогда, когда это необходимо для данного акта речи, для выражения определенного мыслительного содержания в процессе коммуникации, но и в тех случаях, когда такой необходимости нет, когда для адекватной передачи смысла вполне можно было бы обойтись без выражения данного значения» [1, 244].

Выводы и перспективы. Итак, такое восприятие избыточности связано тем, что в тексте нет необходимости какой-либо информации. Кроме того, такой подход устраняет лексико-семантическую сферу. Однако, если сказать по словам В.Г.Гака, главное правило лексической семантики это семантическое единогласие. И оно показывает себя в повторяющихся семантических компонентах слов [3].

Следует подчеркнуть, что понятие избыточности употреблялось как в бывшей советской, так и в зарубежной лингвистике. При этом в терминологическом отношении наблюдается большой спектр конкретных терминов. К таковым относятся «гиперхарактеристика», «плеоназм», «избыточность» и т. д. Иначе говоря, разные лингвисты и школы пользовались различными способами для обозначения одной и той же сущности. Однако многие вопросы, связанные с толкованием языковой избыточности остаются по сей день неешенными.

Литература

1. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – М.: Наука, 1978. – 175 с.
2. Бурлак С. А. Сравнительно-историческое языкознание: учебник [для студентов высших учебных заведений] / С. А. Бурлак, С. А. Старостин. – М.: Издательский центр Академия, 2005. – 432 с.
3. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 367 – 395.
4. Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику / Г. Глисон. – М.: Изд-во ЛКИ, 1959. – 496 с.
5. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.

Багірова С. М. Тракткування надмірності з різних аспектів / С. М. Багірова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 344-347.

Стаття присвячена вивченню надмірності, що є невід'ємною рисою будь-якої природної мови. Носючи ідіотнічний характер, вона проявляється в мовленевому акті. Необхідно підкреслити, що ступінь прояву надмірності різниться від мови до мови. У російській мові розвинена флективна система (а також узгодження і керування) сильно впливає на надлишковість мовних елементів.

Ключові слова: надмірність, інформація, парадигматичний, комунікативний

Bagirova S. M. Some aspects of redundancy / S. M. Bagirova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 344-347.

The article is devoted to the study of redundancy that is an integral feature of any natural language. Having ideotnic character, it appears in the speech act. It should be emphasized that at the degree of manifestation of redundancy varies from language to language. In the Russian language developed inflectional system (also coordination and management) strongly affects the redundancy of language elements. Languages differ not only in that they allow the omission of certain elements, but the fact that they can repeat the same elements.

Key words: redundancy, information, paradigmatic, communicative

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.161.2+ 347.78.034

ВЛАСНІ НАЗВИ В ПЕРЕКЛАДАХ ЛЕСІ УКРАЇНКИ ТА ЇЇ ТВОРАХ НА ГРЕЦЬКУ, ІТАЛІЙСЬКУ, ЄГИПЕТСЬКУ ТЕМАТИКУ

Мазур І. В.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: irina_mazur4231989@mail.ru*

У статті розглянуто матеріал про ономастику та ономастичні дослідження творчості Лесі Українки, а також на основі традиційної класифікації онімів в окремих перекладах авторки та її поезіях на грецьку, італійську, єгипетську тематику визначено стилістичні особливості власних назв.

Ключові слова: ономастика, антропоніми, топоніми, теоніми, міфоніми

Постановка проблеми. Власні назви, або оніми – індивідуальні найменування окремих одиничних об'єктів. Належність одиниці – провідна ознака імен. Дослідженням власних назв займається *ономастика* – наука про власні назви всіх типів, про закономірності їхнього розвитку й функціонування [1, 269]. Розвиток ономастики в Україні розпочався з розробки питань топоніміки і, меншою мірою, антропоніміки. Пов'язаний він з діяльністю М. Максимовича, І. Срезневського, І. Філевича, І. Франка, В. Григоровича, М. Сумцова, а також О. Соболевського, О. Шахматова, Г. Ільїнського. Різні аспекти української ономастики досліджували Л. Гумецька, Ю. Редько, пізніше – В. Горпинич, І. Железняк, О. Карпенко, Ю. Карпенко, М. Худаш, П. Чучка та ін. Розробки Ю. Карпенка заклали основи для фундаментальних теоретичних узагальнень щодо природи і функціонування власних назв у художньому творі, здійснених як російськими (С. Зінін, Е. Магазаник, В. Михайлов, В. Ніконов, О. Фоякова та ін.), так і вітчизняними науковцями (Л. Белей, В. Калінкін, Л. Колоколова, В. Лучик, Т. Ковалевська, М. Мельник та ін.) [2, 1].

Постійний інтерес до проблем онімної лексики на сьогодні засвідчується досить широким спектром дослідницького пошуку, зокрема поглибленим розглядом як окремих методів вивчення власних назв (функціонального, психологічного), так і місця онімів у художній літературі. Переважно ономастичний простір драм Лесі Українки продовжує привертати увагу науковців, тоді як на периферії залишається її поезія, а також переклади, що й зумовлює **актуальність** обраної теми. **Мета** полягає у дослідженні особливостей функціонування власних назв у перекладах Лесі Українки та її поезіях на грецьку, італійську, єгипетську тематику. Зразками поетичних творів для аналізу стали: «Напис на руїні», «Забута тінь», «Бранець», «Таємний дар», «Пророчий сон патріота», «Ізраїль в Єгипті», «Хамсін» тощо, серед перекладів – «Атта Троль», «Маврський король» Г. Гейне, «Одіссея» Гомера, «Німфи» І.Тургенева, ліричні пісні давнього Єгипту та переклади з «Ріг-веди». Досягнення поставленої мети передбачає розв'язання таких **завдань**: дати характеристику явища ономастики, та визначити науково-лінгвістичні основи дослідження ономастич-

ної лексики; зафіксувати в перекладах Лесі Українки власні назви, подати їхню тематичну характеристику; описати функціональні особливості власних назв.

Методологічною основою статті є науково-критичні статті та наукові розвідки дослідників. Основним **методом** є описовий, що дозволило схарактеризувати змістові, стилістичні, естетичні функції власних назв у творах Лесі Українки. Використано також прийоми класифікації та частково етимологічний аналіз.

Існує ряд індивідуально-авторських бачень розв'язання проблеми класифікації власних назв. Так, А. Гардінер розглядав оніми з погляду їх зв'язку з певним денотатом і пропонував розділити власні назви на втілені та невтільнені [3, 30]. Втілені – власні назви, закріплені за конкретними об'єктами іменування, невтільнені – ті самі імена, безвідносно до конкретного денотата. С. Перкас вказував на те, що носії втілених імен є широко відомими, а невтільнені власні назви сприймаються як такі, що можуть співвідноситися з рядом індивідуальних об'єктів, але, на відміну від апелятивів, не є узагальненням по відношенню до цих об'єктів. З іншого боку, в певному контексті вони будуть стосуватися конкретного індивідуума [4, 42]. Загальнонауковим вважається підхід, що спирається на розмежування власних назв живих істот і неживих предметів, який був узятий за основу при вивченні онімів у досліджуваних творах Лесі Українки.

Як уже зазначалося, актуальним і достатньо поширеним є дослідження власних назв у художніх творах. Комплексний підхід онімних одиниць різних класів здійснила О. О. Усова у праці «Ономастикон художніх творів Миколи Хвильового». Авторка дійшла висновку, що своєрідність онімного простору творів М. Хвильового є такою: помітні тенденції до використання антропо- і топоформул, властивих Слобожанщині; для підсилення достовірності розповіді автор часто звертається до поетонімів, утворених за моделлю реальних онімів; у рамках одного класу наявні оніми, які простежуються в декількох творах [5, 17].

Вітчизняні мовознавці вивчають не тільки творчість українських письменників. Так, у дисертації О. Д. Петренко «Ономастика дитячих творів Роалда Дала» вперше досліджено ономастику дитячих творів відомого англійського письменника. Найяскравішою рисою Далової онімії слід вважати його феєричну ономасторичність. Промовистість імен, їх нестандартне обігрування, їх фантазійність і оригінальність, прозорість і зрозумілість притаманна всій поетонімосфері письменника [6, 14 – 15].

Чимало науковців досліджували художню творчість Лесі Українки. Відомі такі праці: «Художня майстерність Лесі Українки. Лірика» (К., 1964) Г. Аврахова, «Над сторінками Лесі Українки. Статті дослідження» (Сімферополь, 1999), «Шлях до «Одержимої» (Сімферополь, 2002) В. Гуменюка, «Міфологічні постаті драми-феєрії «Лісова пісня» та їх місце в структурі драматичного конфлікту» (2004) М. Багрій, «Драматургія Лесі Українки: втілення трагічного» Я. Поліщука та ін.

Основна увага в сучасному дослідженні творчості Лесі Українки загалом зосереджена на її драматургії та художніх творах, пов'язаних з її перебуванням у Криму. Зокрема, літературознавець В. Мержвинський об'єднав дві актуальні тематики у дисертації «Драматургія Лесі Українки: поетика власних назв». У цій праці було проаналізовано основні теоретичні розробки та методологічні підходи до дослідження власних назв у системі поетики художнього твору, розглянуто художні фун-

кції власних назв у структурі драм Лесі Українки на матеріалі конкретних семантичних груп. Систематизувавши основні результати дисертації, В. Мержвинський зазначив, що власні назви в системі поезики драматургії Лесі Українки є вельми специфічною категорією, яка відіграє істотну роль на всіх рівнях художнього твору. Для індивідуального стилю письменниці не властиві розгорнуті описи часу, простору, інтер'єру і т. ін. Ця ошадливість авторської мови, яка часто знаходить вираження в характерних для драматургії ономастичних прийомах, набуває тут своєрідного оформлення [7, 15 – 16].

Серед мовознавчих праць виділяється дослідження, присвячене лінгвістичному аналізу ономасіологічного простору драматургії письменниці, – дисертація Т. Крупеньової «Ономастика драматичних творів Лесі Українки» (2001). У цій праці автор зазначила, що до 1907 р., до написання «Кассандри», поетеса називала своїх персонажів апелятивними номінаціями і взагалі помітно уникала власних назв, однак після створення вище зазначеного твору у своїх наступних драмах поетеса використовує власні назви широко й різнобічно. Ономастичний простір кожного твору ретельно відпрацьовується, будується таким чином, щоб кожна назва була яскраво індивідуалізованою і водночас добре пасувала до інших, увіходила в онімічний ансамбль твору і тим самим працювала на весь твір, стала виразником і теми твору, і концепцій письменниці [8, 14].

Зафіксовані у перекладах та поезіях на грецьку, італійську, єгипетську тематику власні назви можна поділити на антропоніми, топоніми, а також виокремити категорію міфонімів з їх поділом на міфоніми та теоніми.

До антропонімікону розглянутих творів зараховуємо імена реальних та імена вигаданих (чи гіпотетичних) носіїв. До реальних належать імена відомих письменників, митців, учених і мислителів, історичних діячів. Антропоніми в перекладах Лесі Українки виконують як номінативну, так і експресивно-оцінну функцію, а коли справа стосується найменувань історичних осіб – емотивну (тобто автобіографічні оніми, взяті з власного письменницького досвіду, відповідно такі, що відбивають особистий стосунок автора), характеристика яких в контексті варіюється, надаючи онімам і урочисто-піднесеного, й іронічного, сатиричного забарвлення. Крім того, такі антропоніми використані для розкриття часопростору та національного колориту. Це ж стосується й онімів у поезіях, смисловий простір яких зростає також за допомогою прийомів стилізації тексту (прийоми алітерації, симплоки, використання метафор, символізація), однак у цьому разі оніми виконують у більшості випадків лише хронотопічну функцію (вказівка на певний час і місце або лише на одну з цих двох координат):

*...перш усього
Я не дівчина невинна,
А удруге – ще тим більше –
Я не в стані прочитати
Вірші **Пфіцера Густава**
І при тому не заснути!* [9, 254]

У перекладах з давньої єгипетської Леся Українка намагалася якнайточніше передати зміст тексту, не ставлячи на перше місце форму. Антропоніми в таких творах

служують для розкриття часопростору, тоді як розміреність вірша надає йому урочистого стилю і піднесеності:

*Чув я слова **Імготена**, слова **Гордодуфа**,
тож-бо за тії слова прославляють їх так по всім світі, –
де ж тепер місто царів тих і що їм тепера належить?* [9, 305]

Найменування літературних персонажів привертають увагу з погляду негативної чи позитивної конотації, зокрема в поемі «Одіссея» оніми набувають яскравішого відображення за допомогою епітетів, повторів і виконують як номінативну, так і хронотопічну, а в деяких випадках і акумулятивну функцію (мається на увазі накопичення культурної інформації про систему онімів). Наприклад, імя Айгістоса в поемі постійно супроводжується такими словами, як «легкодухий», «злий», «лихий»: «Яку згубу замислив той зломисленийний **Айгістос**?»

У досліджуваних творах Лесі Українки зафіксовані майже однакові різновиди топонімів: гідроніми (власні назви водних об'єктів), ойконіми (власні назви поселень), урбаноніми (назви внутрішньоміських топографічних об'єктів), ороніми (назви елементу рельєфу земної поверхні), хороніми (власні назви будь-яких територіально-адміністративних одиниць), інсулоніми (власні назви островів).

У перекладах більшість топонімів використана з метою відтворення часопростору з постійною вказівкою на певні історичні події, у деяких випадках – для вираження міфологічної культури певної країни, що може супроводжуватися символізацією онімів, увиразненням їхнього позитивного чи негативного забарвлення.

У поемі «Атта Троль» оронім *Ронсеваль* постає як багатофункціональна власна назва. По-перше, онім використаний не тільки для створення просторового колориту (Ронсеваль – долина в Західних Піренеях в Іспанії), а й цікавий з історичного погляду. Леся Українка у додатках наводить тлумачення географічної назви, при цьому вказуючи на те, що у свій час Ронсевальська долина стала свідком зіткнення басків та франкських військ Карла Великого, у якому загинув його небіж Роланд, що послугувало створенню знаменитого епосу «Пісня про Роланда». По-друге, автор зміщує дві історичні епохи, повертаючи читача до свого часу, внаслідок чого Ронсеваль символізується через ототожнення із синьою квіткою, яка у німецьких романтиків є символом невиразного прагнення людини до високого і безсмертного, і набуває тим самим відповідних ознак:

***Ронсеваль**, долино славна!
Як твоє імення чую,
Затремтить, запахне в серці
Квітка синяя забута!* [9, 204]

В іншому випадку онім саме через свою причетність до історичних подій набуває негативного забарвлення і деякою мірою символізує уже місце смерті:

*На долині **Ронсевальській**,
Там, в тім самім згубнім місці...
Там поліг і *Атта Троль*...* [9, 263]

У перекладі твору Г. Гейне «Поворіт додому» гідронім *Рейн* не тільки виконує просторову функцію, але й виступає своєрідним культуронімом, є однією з найбі-

льших річок Західної Європи і окрасою Німеччини. Поетеса передає захоплений стан автора, який нарешті повернувся додому.

*Гордо ми пливли по **Рейні**
І дивилися згори,
Як палав зелений берег
Од вечірньої зорі [9, 165].*

Серед ойконімів у перекладах Лесі Українки можна виділити оніми, зафіксовані в уривку з поеми «Одіссея». У тексті, який, як уже зазначалося, має урочисто-піднесене забарвлення, оніми загалом виконують номінативну функцію і вказують лише на часопростір.

*Вітер здійнявся і з свистом повіяв, і дуже ми прудко
По многорибній дорозі примчалися і у **Герайстос**
Ми прибули уночі [9, 312].
А я простував до **Пілосо**, весь час не спинявся
Вітер, котрого для нас послав віяти бог іще вперше [9, 312].*

Міфоніми й теоніми як у перекладах, так і поезіях Лесі Українки використовуються для відображення міфологічної дійсності, виконують хронотопічну й експресивну функцію, а також мають тенденцію символізуватися в певному контексті і переходити з одного класу онімів у інший.

Міфонім *Харон* у поемі «Атта Троль» загалом має нейтральне забарвлення і використаний у тексті як засіб відтворення міфологічної культури країни. Нагнітання шиплячих та свистячих приголосних створює враження таємничості, неприродного спокою, дещо нагадує ковзання човна по воді.

*Може, озеро – то темні
Хвилі Стіксу? Прозерпіна
По мене замість **Харона**
Може, сих служниць послала? [9, 226]*

У поезії на єгипетську тематику «Хамсін» міфонім *Хамсін* є міфоперсонімом, хоча поза контекстом це анемонім – вид оніма, власна назва стихійного лиха, включаючи вітри, урагани, циклони, тайфуни [10, 29]. У поетичному тексті онім служить для відтворення міфологічної культури Єгипту. Йому притаманна експресивність, крім того, у контексті образ *свавільного* Хамсіна доповнюється новими рисами за рахунок порівняння його польоту з диким весіллям, ознака «рудий» допомагає розкрити образ божества через походження назви пустелі Сахари, звідки з'являється вітер, і яка етимологічно має зв'язок з прикметником *ashar* – пустельний, червонятого кольору.

Серед теонімів у перекладах Лесі Українки одразу ж привертає увагу онім *Геліос*, який не тільки використовується для розкриття міфологічного простору, бог сонця уособлює саме світло, на чому акцентує автор, вдаючись до повторів «І зайшов Геліос, і темнота настала», «Геліос отже зайшов, і всі вулиці посутеніли...». У поемі «Одіссея» цей онім уживається досить часто, тому текст твору характеризується урочисто-піднесеним забарвленням:

***Геліос** вихопивсь, – озеро красне лишивши,
В небо мідняте, щоб там для безсмертних сіять... [9, 307]*

В іншому випадку вставка зменшено-пестливого «візочок» надає тексту відтінку ласкавості:

*Феб у сонцевім візочку
Поганяв огнистих коней,
І якраз до половини
Свій небесний шлях проїхав... [9, 250]*

Висновки. На відміну від оригінальних творів Лесі Українки, у яких апелювативні номінації переважають над власними назвами, у перекладах, зокрема в «Одіссеї» Гомера, зберігається достовірність, а оніми в контексті набувають певного емоційно-експресивного чи оцінного забарвлення, що якнайповніше відображає її індивідуальну стилістичну манеру написання творів. Основна мета використання онімів у творах письменниці – окреслення часопростору, міфологічної культури або ж національного колориту. Крім того, авторкою було використано не тільки предметно-понятійну інформацію онімів (у більшості випадків це стосується топонімів), але й актуалізовано їхню внутрішню форму із застосуванням семантичної трансформації (тропеїзації, символізації тощо).

Перспектива роботи. У наступній статті планується розгляд перекладів Лесею Українкою творів англійських письменників (Дж. Байрон, У. Шекспір) та визначення особливостей їх функціонування у порівнянні з драматургією авторки, беручи також до уваги етимологію власних назв.

Література

1. Бондар О. І. Сучасна українська мова: Фонетика. Фонологія. Орфоепія. Графіка. Орфографія. Лексикологія. Лексикографія / О. І. Бондар, Ю. О. Карпенко, М. Л. Микитин-Дружинець. – К.: ВЦ «Академія», 2006. – 386 с.
2. Лупол А. В. Онімний простір у поезії Василя Стуса: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 01.02.07 «Українська мова» / Алла Вікторівна Лупол. – Одеса, 2011. – 23 с.
3. Смольников С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материалах деловой письменности Русского Севера 16 – 17 вв.): дис. на соискание уч. степени доктора филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Сергей Николаевич Смольников. – Санкт-Петербург, 2005. – 425 с.
4. Дергач Д. В. Стилістика онімів в українських мас-медіа : монографія / Д.В. Дергач. – К. : ВПЦ "Київський університет", 2010. – 270 с.
5. Усова О. О. Ономастикон художніх творів Миколи Хвильового: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Оксана Олегівна Усова. – Донецьк, 2006. – 20 с.
6. Петренко О.Д. Ономастика дитячих творів Роалда Дала: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.04 «Германські мови» / Оксана Дмитрівна Петренко. – Одеса, 2006. – 20 с.
7. Мержвинський В. В. Драматургія Лесі Українки: поетика власних назв: дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / В. В. Мержвинський. – К., 2005. – 20 с.
8. Крупеньова Т. І. Ономастика драматичних творів Лесі Українки: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 «Українська мова» / Тетяна Іванівна Крупеньова. – Одеса, 2001. – 20 с.
9. Українка Леся. Твори (у 10-ти томах). Том 2 / Леся Українка // за ред. О. І. Корженевич. – К.: Держ. вид-во худ. літератури, 1963. – 358 с.
10. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М.: Наука, 1978. – 198 с.

Мазур І. В. Имена собственные в переводах Леси Украинки и её произведениях на греческую, итальянскую, египетскую тематику / И. В. Мазур // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 348-354.

В статье рассмотрен материал об ономастике и ономастических исследованиях творчества Леси Украинки, а также на основе традиционной классификации онимов в отдельных переводах автора и его поэзиях на греческую, итальянскую, египетскую тематику определены стилистические особенности имён собственных.

Ключевые слова: ономастика, антропонимы, топонимы, теонимы, мифонимы.

Mazur I. Proper nouns in Lesya Ukrainka translations and her works concerning Greek, Italian and Egyptian subject matter / I. Mazur // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 348-354.

The material about onomastics and onomastic research of Lesya Ukrainka works is considered in this article. On basis of traditional classification of onims in certain translations of the author and his poetry concerning Greek, Italian, Egyptian subject matter stylistic features of proper nouns are determined.

Key words: onomastics, anthroponims, toponims, theonims, miphonims.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

УДК 811.161.1+811.161.2+811.411.21+811.512.161

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО, ТУРЕЦКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ)

Шеремет В. В.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: sheremetvitaliy@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности падежной системы в аспекте перевода и специфика работы с грамматическими лакунами, возникающими в процессе сопоставления разнородных языков.

Ключевые слова: языкознание, перевод, падеж, словосочетание, содержание.

Постановка проблемы. Категория падежа, несомненно, является важным элементом смысловой структуры предложения, словосочетания. Она изучается многочисленными учеными в различных аспектах. Интерес к ней не пропадает и по сей день, не смотря на то, что уже созданы ее фундаментальные описания в формальном, семантико-функциональном, синтаксическом, концептуальном планах [1; 2; 3; 4]. Актуальными остаются сравнительно-сопоставительные, типологические аспекты исследования падежа. Так, падеж недостаточно изучен в аспекте перевода на разнородные языки: не дано точного определения падежу в рамках этого подхода, остается не до конца ясной роль категории падежа в переводе, в виду существования процесса перевода только в переводческих, но не грамматических единицах. Это поднимает вопрос собственно права категории падежа на существование при двуязычном рассмотрении. Поэтому в нашем исследовании мы поставили перед собой **цель** выявить роль падежа в лингвистической подготовке при создании словаря лингвистических эквивалентов. Для достижения данной цели решались следующие **задачи**: 1) изучить, что представляет собой падеж в переводе; 2) выявить роль падежа в переводе; 3) описать роль категории падежа в словаре лингвистических эквивалентов.

Категория падежа наблюдалась в параллельных текстах, составленных на основе переводов повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» на украинский, турецкий и арабский языки (первая глава).

Для того, чтобы изучить что представляет собой падеж в переводе мы прежде всего обратились к историографии исследований. Так, падеж изучался, как элемент системы [5], как некий семантический инвариант [6], как семантический инвариант, конкретизирующийся под влиянием синтаксических отношений [7], как строительный элемент отношений более высокого уровня [8], как формальный показатель состояния слова [9], как проявление неких глубинных отношений [10], как элемент языка не только обладающий абстрактной семантикой, конкретизирующейся под влиянием контекста, но и проявляющийся на коммуникативном уровне [11]. Падеж также рассматривался учеными, как элемент неких устойчивых сочетаний (фразем – И.А. Мельчук [12], ассоциативных полей – Ю. Н. Караулов [13]), как один из элемен-

тов вербализирующих концепт «Отношение» [14]. Однако эти теории падежа нацелены прежде на описание его в пределе одного языка и не дают ответа на вопрос: «Что такое падеж в переводе?» – они не позволяют выявить конкретное употребление падежа в языке перевода, принципы его формирования, связь с функциональным аппаратом другого языка. В историографии перевода его основополагающим фактором видится общность ситуации, цели коммуникации и лингвистических средств их описания для двух языков [15]. Коммуникативную эквивалентность можно отнести к области перевода диалогов. Ситуативную – перевода монологической речи. Общность лингвистических средств, особенно в аспекте разнородных языков, теряет свой смысл в виду слишком разнородных языковых инструментариев. В материале работы преобладает монологическая речь, основная задача которой – описание внеязыковой ситуации. Внеязыковая ситуация во время переноса в язык передается не полностью, а только в виде осмысленных отношений – содержания [16]. При этом содержание уже определенным образом категоризировано и классифицировано и в целом представляет собой определенный целостный фрагмент [17]. Последние исследования в области морфологической концептологии [18], теории предикации [19] уточняют понятие содержания, показывая, что его можно расчленивать. Так, оно формируется на основе переноса в языковую среду объектов и отношений внеязыковой действительности. Падеж в содержательном аспекте мыслится неотъемлемой частью конструкции, передающей внеязыковое отношение. Структуры, передающие отношение и объекты – неделимы, особенно по отношению к переводу, т.к. в них заключается содержательная сторона ситуации, общность которой, как было сказано выше, является залогом эквивалентности. Расчленение этих структур может отразиться на целостности передаваемой ситуации. Поэтому минимально неделимым синтагматическим отрезком, передающим внеязыковую ситуацию, является сочетание слов (как правило, предикативное) – передающее достаточную для перевода внеязыковую ситуацию. **Падеж** в переводе является функционально-значимой категорией: он предполагает набор функций, которые могут быть использованы для описания той или иной ситуации и поэтому является категорией принадлежащей семантике предложения, дополняющей более сложные предикативные конструкции. В связи с этим падеж не может рассматриваться как самостоятельная единица перевода. Однако, помимо контекстуальной нагрузки сочетания слов содержат в себе проблему разнообразности форм существования. Существующие классификации носят скорее описательный характер и строятся на основе дедуктивного подхода: первичными признаются конструкции более высокого уровня. Падеж является универсальным катализатором предикативных отношений и классификация сочетаний на основе грамматической категории падежа позволит выявлять особенности функционирования крупных синтагматических отрезков за счет обращения к более мелкой семантике.

Из первой главы параллельных текстов нами было выделено 100 эквивалентных случаев употребления предикативных и непридикативных конструкций на основе принципа целостности передаваемой ситуации или явления, лица. В процентном соотношении категория падежа употреблялась в них со следующей частотностью: И.п. – 26 %, Р.п. – 17%, Д.п. – 15%, В.п. – 13%, Т.п. – 10%, П.п. – 12%. Та-

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЛАКУНЫ КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, УКРАИНСКОГО, ТУРЕЦКОГО И АРАБСКОГО ЯЗЫКОВ)

ким образом, морфологически выраженные случаи употребления категории падежа составляют 93%, что позволяет создать на основе падежа классифицирующую схему предикатов. Оставшиеся 7 процентов являются грамматическими лакунами, т.к. выявляются только на основе сопоставления с другими языками. По своей мотивирующей основе они делятся на семантические (см. таб. 1.1.) и лексические (см. таб. 1.2.):

Таблица 1.1. Семантическая мотивация грамматических лакун падежа

№	Русский язык	Украинский язык	Турецкий язык	Арабский язык
1	бабушка объявил бы куда следовало	заявив би куди на-лежало	gerekli yere bildirecek	لاعلن للمراجع المختصة
2	кажется, дитя (скрытый В.п.: кажется, что дитя)	----	----	أحب ان الولد
3	Куда как нужно тратить	Дуже деть потрібно витратити	Boşu boşuna para harca	فما الداعي إلى إنفاق

В предикативном сочетании «бабушка объявил бы **куда следовало**» дательный падеж не выражен явно, не находит он свое выражение и в украинском языке, однако в турецком языке можно наблюдать аффикс Д.п., в арабском – предлог соответствующий Д.п. В выражении «кажется, дитя...» можно наблюдать семантику винительного падежа, скрытую конверсией «кажется, (что?) [что] дитя...», в арабском языке в этом случае используется морфологически выраженный падеж, оформляемый при помощи частицы *ان* и маркера В.п. – фатхи. «Куда как нужно тратить» - скрытая семантика В.п.: «нужно (что?) тратить», в украинском языке В.п. падеж также не проявляется морфологически, в турецком языке используется смысловой перевод, в арабском – мы наблюдаем использование предлога *إلى* в качестве эквивалента В.п. В данных случаях падеж, отсутствуя в русском, украинском языках приобретает свое выражение в турецком и арабском. Оказывает влияние на выражение категории падежа и лексическая зависимость (см. таб. 1.2.).

Таблица 1.2. Лексическая мотивация грамматических лакун падежа

№	Русский язык	Украинский язык	Турецкий язык	Арабский язык
1	Воспитывались не пононешнему	не по-теперішньому	eğitim yöntemi şimdikinden başkaydı.	تربيتي تربية مختلفة كل الاختلاف عن تربية اليوم
2	не очень понимая	не дуже розуміючи	-----	دون أن يفهم على وجه الدقة.
3	(говоря по-русски)	-----	Rusça söylersek	-----

Как можно видеть в этой таблице перевод слова «не пононешнему» в турецком языке представлен описательно, при этом переводчиком используется исходный падеж: *şimdikinden*. «Не очень понимая» в арабском языке передается как «не по-

нимаемая точно», при этом эквивалент сочетания «не очень» транслируется при помощи предлога «على».

Вывод. Падеж представляется возможным выделить как элемент на котором бы основывалась иерархия лингвистических эквивалентов собранная в словарных статьях. Однако, при этом необходимым является обращение к анализу фразеологических единиц и скрытых падежных употреблений. В этом аспекте падеж выступает универсальным признаком, структурирующим употребление предикативных конструкций, способствующим систематичному вводу **переводческих** единиц в словарные системы. В перспективе это дает возможность продолжить изучение предикативных конструкций с точки зрения абстрактной семантики падежа в аспекте прикладного применения в машинном переводе и процессе преподавания.

Список использованных источников и литературы

1. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: словоизменение / Зализняк А. А. – М. : Рус.яз., 1980. – 880 с.
2. Лутин С. А. Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке : автореф. дис. ... д.фил.наук: 10.02.01. – «Русский язык» / Лутин Сергей Алексеевич, рос.ун-т дружбы народов. – М., 2008. – 44 с.
3. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Золотова Г. А. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 352 с. – ISBN: 978-5-397-00589-0.
4. Беседина Н. А. Морфологически передаваемые концепты : дис. ... док. филол. наук : 10.02.04 «Германские языки» / Беседина Наталья Анатольевна. – Тамбов, 2006. – 354 с.
5. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды / Фортунатов Ф. Ф. – М., 1956. – Т.1. – С. 161-162.
6. Ельмслев Л. Можно ли считать, что значения слов образуют структуру? / Ельмслев Л. // Новое в лингвистике. – М., 1962. – Вып. 2. [электронный ресурс], режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/149.new-in-linguistics-2/source/worddocuments/_4.htm.
7. Якобсон Р. О. Избранные работы / Звегинцев В. А. – М. : «Прогресс», 1985. – С. 169-172.
8. Там же, [3].
9. Апресян Ю. Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря / Апресян Ю. Д., И. М. Богуславский и др. – М. : Языки славянских культур, 2010. – 408 с. – ISBN : 978-5-9551-0386-0.
10. Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь / Филлмор Ч. // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : «Прогресс», 1981. – Вып. 10 [электронный ресурс], режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/155.new-in-linguistics-10/source/worddocuments/_21.htm.
11. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / Кацнельсон С. Д. – Л. : Наука, 1972. – 213 с.
12. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре / Л. Н. Иорданская, И. А. Мельчук. – М. : Языки славянских культур, 2007. – С. 215 –245. – ISBN: 5-9551-0181-0.
13. Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка / Караулов Ю. Н. – М. : УРСС, 2010. – 328 с. – ISBN: 978-5-382-01098-4.
14. Там же [4].
15. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / Комиссаров В. Н. – М. : Высш. шк., 1990. – С. 68.
16. Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка / Валгина Н. С. – М. : АГАР, 2000. – С. 8. – ISBN: 5-89218-113-8.
17. Храковский В.С. Деривационные отношения в синтаксисе / Храковский В. С. // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. – М. : Наука, 1969. – С. 138-147.
18. Там же [4].
19. Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка / Курдюмов В. А. – М. : Воен. ун-т, 1999. – 194 с.

Шеремет В. В. Граматичні лакуни категорії відмінку (на матеріалі російської, української, турецької та арабської мов) / В. В. Шеремет // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 355-359.

У статті розглядаються особливості системи відмінку в аспекті перекладу та особливості роботи з граматичними лакунами, які виявляються в процесі зіставлення різномовних мов.

Ключові слова: мовознавство, переклад, відмінок, словосполучення, зміст.

Sheremet V. V. The grammatical lacunas of the case grammatical category (on the material of the Russian, Ukrainian, Turkish and Arabic languages) / V. V. Sheremet // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 355-359.

In the article the question of the comparative and contrastive analysis of the case grammatical category and specialties of the grammatical lacunas is observed.

Key words: linguistics, translation, case, phrase, meaning.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

УДК 821.111-2.09

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ОСКАРА УАЙЛЬДА И СУФИЗМ

Лаврова А.А.

Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский, Украина, e-mail: lavrusha1406@i.ua

Цель статьи – выявить типологические соответствия произведений Оскара Уайльда с категориями суфийской философии, символики и поэтики.

Ключевые слова: Оскар Уайльд; суфизм; масонство; символика; поэтика.

Среди всего массива публикаций, посвящённых анализу творчества Оскара Уайльда, нет ни одной, посвящённой рассмотрению проблемы взаимосвязей поэтики писателя с суфийской литературой. Единственным из найденных нами упоминанием о том, что таковое имеет место, стала реплика из статьи об Уайльде в англоязычной википедии, характеризующая основной мотив сказки писателя «Соловей и Роза» как суфийский и мистический [16].

Нами уже была выдвинута гипотеза, согласно которой обращение Уайльда к суфийской доктрине не случайно, а является следствием его участия в масонском движении [7]. Исследователи ислама и масонства отмечают тот факт, что масонская доктрина многое взяла у суфизма как на уровне тщательно разработанного драматического ритуала вступления в семи- или девятиступенную организацию, так и на уровне пути постижения истины: «Восточные корни есть у масонов, розенкрейцеров, <...> начавших <...> с мистики, затем склонившихся к этике, а потом ставших политической организацией» [8, 25]. Прослеживается, по мнению учёных, и взаимосвязь в символике обеих систем. Вообще, по мнению суфия Идрис Шаха, крупнейшего авторитета в области суфизма и литературоведа, суфизм является своего рода «питательным веществом» («суфизм – это дрожжи») всего человеческого общества, внутренним, «тайным» учением, скрытым в любой религии» [15, 5].

Будучи инициированным в Ложу Аполлона в Оксфорде (кстати, до сих пор активно действующую) и получив там высокие градусы посвящения, Уайльд, таким образом, изначально оказался в среде, которая и стала для Англии источником соприкосновения с мусульманской религией, культурой и литературой, т.к. именно в Оксфорде возникает теологическая школа во главе с Роджером Бэконом, который читает лекции по философии и иллюминизму. В иллюминизме Бэкона (как и в трудах других францисканцев, в частности, Роберта Гроссетеста и Джона Пекема [3, 21]) современные исследователи обнаруживают влияние суфиев Ибн Сины и ал-Фараби: «Роджер Бэкон, читавший в Оксфорде лекции по иллюминистской философии (но осторожно называвший ее просто «восточной»), был францисканцем, а на связь между суфиями и францисканцами всегда указывало достаточное количество

фактов» [9]¹. К тому же, с суфийской литературой и философской мыслью английский читатель и интеллектуал (как и – шире – европейский) продолжил знакомство в 1661 г. благодаря Эдварду Поукоку, который перевёл великого Аль-Тургаи, современника Омара Хайяма, и Абу-л-Фараджа. Усилиями Фридриха Рюккerta, профессора восточной литературы Эрлангенского и Берлинского университетов и переводчика, Европе стали известны труды и художественные произведения суфиев Саади, Фирдоуси, Кааба бен Зогейра. Таким образом, смеем предположить, что обращение Уайльда к «восточным» темам и мотивам обусловлено не только «глубинными процессами развития собственно европейской культуры», как утверждает А.В. Геласимов [1, 24], но и упомянутыми выше причинами.

Принимая во внимание то, что объём статьи не позволяет детально рассмотреть все аспекты заявленной проблемы, остановимся на нескольких наиболее, на наш взгляд, характерных моментах.

Нельзя не обратить внимание на близость эстетики Уайльда к эстетике суфизма. Причём близость эта наблюдается на нескольких уровнях. Прежде всего, это понимание Красоты. Суфийская концепция красоты признаёт существование абсолютной, вечной красоты Бога. В принципе, Бог – это и есть Красота. А искусство призвано выступать в роли средства постижения божественной сущности (ср.: «<...> стремление познать связь между Красотой и Истиной и место Красоты в Космосе нравственной и интеллектуальной жизни» [11, 141]). Бог, пишет Алишер Навои в «Искандеровой стене», проявляется во всём. Следовательно, Бог бесконечен, он никогда не перестаёт осуществлять свои желания – совершенствоваться, проявлять свою красоту и наслаждаться ею: «Красота твоя проявляется во вселенной всё время / Во всех атрибутах, / Твоей красоте – всегда другое зеркало» [цит. по: 4, 262]. Обращает на себя внимание созвучность уайльдовского тезиса «Искусство – зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь» [12, 54] этому утверждению. Бог, заявляет суфий Навои, проявился в виде конкретного мира. Все различные вещи, предметы, природа, люди суть формы проявления единой божественной субстанции. Бог никогда не перестаёт проявляться в новых различных формах. Это и есть искусство, и Бог – это искусство. Бог показывает себя в разных зеркалах, и человек также является одним из таких зеркал. Вот почему «Порок и Добродетель – материал для его творчества» [12, 54]. У теоретиков суфизма мы часто встречаем сравнение Бога с великим художником, создавшим мир подобно произведению искусства. Бог, как искуснейший художник, сумел воплотить себя в собственном произведении – в Красоте (ср.: «портрет, написанный с любовью, – это, в сущности, портрет самого художника, а не того, кто ему позировал. Не его, а самого себя раскрывает на полотне художник» [12, 58]). Вся красота мира и вещей – не что иное, как отражение совершенства самого Бога. А поскольку в реальном мире существует безобразное, то при сравнении красоты Бога с красотой природы последняя казалась суфиям иллюзорной и несовершенной. Если же природа прекрасна, то она – творение Бога-художника. С этой эстетической позицией созвучно мнение Уайльда о том, что природа наследует искусство, а не наоборот.

Суфийские теоретики не поддавали сомнению тот факт, что «красота есть неотъемлемое свойство предметов, вещей, которые сами по себе обладают этим дос-

тоинством» [6, 93]. Они обратили внимание и на то, что красота связана с определённой формой предметов: изяществом, грациозностью, симметричностью, порядком, пропорциональностью и т.д. Именно потому они связывали эстетическое восприятие с наслаждением (ср.: «<...> цель искусства – переживание во имя переживания» [11, 163]; «Истина <...> в искусстве – это последнее из пережитых нами настроений» [11, 172]). Вообще, уайльдовский гедонизм сродни культуре наслаждения жизнью в суфийской поэзии. Так, у Навои читаем: «О драгоценная жизнь, я люблю тебя больше, чем свою душу! / О драгоценная жизнь, я люблю тебя больше, чем даже ты сама себя»; «В мирском саду сколько бы дней ты ни жил, – наслаждайся» («Чар-диван»); «Жизнь – единственный благоприятный случай» («Муншаат») [цит. по: 4, 250]. Искусство «красивой жизни», привнесённое в европейскую культуру из мусульманской через испанских арабов, требовало, чтоб общество, как минимум высшие его слои, выработало изысканный вкус [13, 44]. Одним из главных составляющих «красивой жизни» было знакомство с образцами литературы, любовь к книгам. Вот почему знаток и апологет искусства «красивой жизни» Уайльд объединяет эти понятия: «Два высших и труднейших искусства – Жизнь и Литература» [11, 139]. Последователь суфия Зирйаба³, который стал «законодателем вкусов калибра Петрония или Бо Брюммеля» [13, 45], Уайльд и сам воплощал его черты, и придавал их своим героям, например, лорду Генри.

Блистательный «принц Парадокс», Уайльд «для противостояния официальной идеологии использует метод контраста как способ отражения действительности, ключом к пониманию которой становятся притчи и парадоксы. Метод контраста и парадокса становится его оружием в борьбе с уродливостью жизни» [10, 12]. На эту особенность творческого метода Уайльда обращали внимание многие исследователи. Однако нам бы хотелось сделать акцент на том, что именно использование парадоксов сближает Уайльда с суфизмом. Так, Роберт Орнстайн отмечает, что «суть суфийского учения не может быть выражена как система взглядов; <...> дух суфизма может быть выражен только парадоксом» [цит. по: 8, 40]. Роберт Грейвс полагает, что многие из суфийских парадоксов существуют в виде забавных рассказов, встречаются также в баснях Эзопа, которого суфии считают одним из своих предшественников [2, 16].

Исследователь отмечает, что шут испанских королей является суфийской фигурой [2, 16], как и Чарли Армстронг, придворный шут английского короля Чарльза I (как тут не вспомнить сказку Уайльда «День рождения инфанты»!).

Философско-эстетические и религиозно-мистические идеи суфизма нашли своё выражение в символической форме: «Суфийский символ своей конкретной чувственностью сильно воздействовал на психику человека, возбуждая у него определённые ассоциации. При помощи подобного рода символа любое эстетическое явление (прекрасное, возвышенное, мера, гармония и т.д.) несло на себе отпечаток абстрактно-божественного, рассматривалось под углом таинственного, мистического» [6, 81]. Для Оскара Уайльда «красота – это символ символов. Красота открывает нам всё, поскольку не выражает ничего. Являя нам себя, она являет весь огненно яркий мир» [11, 154].

Исследователи творчества Уайльда обращали внимание на такие особенности стиля писателя, как словесная орнаментальность, повторы, метафоричность. Это сближает его поэтику с поэтикой суфийской литературы, использовавшей своеобразные художественные приёмы возбуждения психики человека путём резкого перехода к высказыванию (парадоксу), тяготение к символам, аллегориям, изысканной игре слов.

В эстетической доктрине суфизма огромное внимание уделяется трагическому, которое выражается через понятия «смерть», «страдание», «мучение», «тоска», «одинокость» и т.д.: «Смерть в суфизме приобретает мистико-трагическое содержание, ибо путь к небытию (фано), а затем к вечности (бако) лежит через смерть. Вечность (бако) – есть кульминационный пункт трагического в суфизме» [6, 94]. Разве не трагична фигура Саломеи в одноименной пьесе Уайльда? Через страдание из-за любви к человеку Иоканаану и смерть принцесса иудейская получает высшее откровение. Г. Ионкис справедливо замечает, что «Саломея добилась своего: она поцеловала мёртвые уста и произнесла то, что открылось ей на исходе её короткой жизни, когда смерть уже осенила её: «Я знаю, ты полюбил бы меня, потому что тайна любви больше, чем тайна смерти. Лишь на любовь нужно смотреть». Эти **главные слова пьесы** (выделено нами. – А.Л.) остались незамеченными, на Уайльда обрушился град обвинений в безнравственности, в декадентстве» [5]. Именно эти «главные слова» суть доктрина масонской инициации, в результате которой посвящаемый проходит путь духовного прозрения и познания от тезиса, что единственной абсолютной истиной в мире является смерть, до религии любви, стоящей отдельно от всех религий, а через эту истину – до незаметного перехода от любви к Богу (суфийский принцип «У тех, кто любит Бога, нет религий – есть только Бог») к любви к Мудрости, которая по порядку, числу и гармонии (атрибуты гносиса, которому поклоняются масоны) приравнивается к Богу, но являться им не должна.

Примечания

1. Э. Скотт по этому поводу пишет: «Та деятельность святого Франциска, о которой нам известно, и природа францисканского учения предполагают связь с источником на Востоке — факт, который, по-видимому, не спешила подтверждать ни одна из сторон. В книге, написанной сравнительно недавно итальянским теологом (графом Альберто Денти ди Пираньо (*см. библиографию, [15] – А.Л.*), не слишком озабоченным метафизическими вопросами, есть любопытный фрагмент о дружбе католического (францисканского) епископа и суфийского учителя» [9]. В свою очередь, Роберт Грейвс прямо называет Роджера Бэкона суфием [2, 14].

2. Так, И.А. Козловский пишет: «Есть гипотеза, что до ислама суфиями в Сирии и Северной Аравии называли странствующих монахов и анахоретов различных христианских направлений» (Козловский И.А. Избранные лекции по теории и практике религиозного мистицизма. В 2-х т. – Т. 2 : Суфизм. – Донецк: Норд-Пресс, 2010. – С. 10).

3. Музыкант и певец, суфий Зирйаб жил в Кордове с 822 г. и до своей смерти в 857 г. В молодости он играл в Багдаде перед великим Гарун аль-Рашидом. Зирйаб многое сделал для формирования вкуса и стиля «красивой жизни», например, определил последовательность подачи блюд, которому до сих пор следуют на торжественных обедах, был автором многих рецептов изысканных кушаний, наглядно доказал, что тонкая стеклянная посуда изящнее тяжеловесной золотой и серебряной, был законодателем мод в области причёски и ввёл обычай носить разную одежду в зависимости от сезона.

Литература

1. Геласимов А.В. Оскар Уайльд и Восток : Ориентальные реминисценции в его эстетике и поэтике : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.05 «Литература народов Европы, Америки и Австралии» / Андрей Валерьевич Геласимов. – М., 1997. – 226 с. – Библиогр.: с. 221-226.
2. Грейвс Р. Введение / Роберт Грейвс // Шах И. Суфии / [Пер. с англ. Н. Богомоловой]. – Х. : ПКП «Прогресс», 1993. – С. 3-17. – (За семью печатями). – ISBN 5-85-273-254-0.
3. Журавский А.В. Христианство и ислам : Социокультурные проблемы диалога / Алексей Васильевич Журавский. – М. : Наука, ГРВЛ, 1990. – 128 с. – Библиогр.: с. 117-123 (220 назв.). – ISBN 5-02-016992-7.
4. Захидов В.Ю. Мир идей и образов Алишера Навои / Вахид Юлдашевич Захидов. – Ташкент : Гослитиздат УзССР, 1961. – 376 с. – Библиогр. в постраничных примеч.
5. Ионкис Г. Оскар Уайльд и Саломея, царевна иудейская / Грета Ионкис // Заметки по еврейской истории : Сетевой журнал. – № 20. – 29 сентября 2002 г. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.berkovich-zametki.com/Nomer20/Ionkis1.htm
6. Курбанмамадов А. Эстетическая доктрина суфизма : (Опыт критического анализа) / [Отв. ред. А. Мухаммедходжаев; АН ТаджССР, Отд. филос.] / Акназар Курбанмамадов. – Душанбе : Дониш, 1987. – 108 с. – Библиогр. в примеч. : с. 96-108.
7. Лаврова А.А. Оскар Уайльд и категории суфийской философии, символики и поэтики / Алла Александровна Лаврова // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка : Філологічні науки. Вип. 30. – Кам'янець-Подільський : Аксіома, 2012. – С. 183-187. – Библиогр. в конце ст. (22 назв.).
8. Русанова М.А. А.С. Грибоедов и суфии / Мария Александровна Русанова. – Новосибирск : Новосибирская государственная консерватория (академия) им. М.И. Глинки, 2003. – 144 с. – Библиогр.: с.129-141. – ISBN 5-9294-0027-X.
9. Скотт Э. Люди тайны [Пер. с англ. А. Степанов, Ю. Переведенцев] / Эрнст Скотт. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fourthway.narod.ru/lib/SecHum/glava9.htm>
10. Тумбина О.В. Контраст и парадокс в повествовательной прозе Оскара Уайльда : (К характеристике творческого метода писателя) : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.01.03 «Зарубежная литература» / Ольга Владимировна Тумбина. – СПб., 2004. – 191 с. – Библиогр.: с. 184-191.
11. Уайльд О. Критик как художник / [Пер. с англ. А. Зверев] / Оскар Уайльд // Писатели Англии о литературе : XIX-XX вв. : Сб. статей. – М. : Прогресс, 1981. – С. 131-186.
12. Уайльд О. Портрет Дориана Грея / [Пер. с англ. М. Абкиной] / Оскар Уайльд // Уайльд О. Стихотворения; Портрет Дориана Грея; Тюремная исповедь. Киплинг Р. Стихотворения; Рассказы. – М. : Худож. лит., 1976. – С. 53-234 : ил. – (Библиотека всемирной литературы. Серия вторая: Литература XIX века. – Т. 118).
13. Уотт, Монтгомери У. Влияние ислама на средневековую Европу / [Пер. с англ. С.А. Шуйского, отв. ред. и автор предисл. А.В. Сагадеев] / Уильям Монтгомери Уотт. – М. : Наука, ГРВЛ, 1976. – 128 с. – Библиогр. в примеч. : с. 111-123.
14. Шах И. Суфии / [Пер. с англ. Н. Богомоловой; предисл. Р. Грейвса] / Идрис Шах. – Х. : ПКП «Прогресс», 1993. – 141 с. – (За семью печатями). – ISBN 5-85-273-254-0.
15. Pirajno A.D. di. A Cure for Serpents / Alberto Denti di Pirajno. – L. : Eland Books, 2006. – 272 p. – ISBN-10: 0907871445, ISBN-13: 978-0907871446.
16. The Happy Prince and Other Tales / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/The_Happy_Prince_and_Other_Tales

Лаврова А. О. Естетичні погляди Оскара Вайльда і суфізм / А. О. Лаврова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 360-365.

Стаття має за мету виявити типологічні відповідності творів Оскара Вайльда з категоріями суфійської філософії, символіки та поетики.

Ключові слова: Оскар Вайльд; суфізм; масонство; символіка; поетика, естетичні погляди.

Lavrova A.A. Oscar Wilde's Aesthetic Views and Sufism / A. A. Lavrova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 360-365.

The purpose of the article is to identify the typological correspondence of the works by Oscar Wilde with the categories of Sufi philosophy, symbolism and poetry.

Key words: Oscar Wilde, Sufism, Freemasonry, symbolism, poetics.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г

УДК 821.512.162

СОВРЕМЕННАЯ ПОЭЗИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Абдулгасанлы Т.

Азербайджанский государственный экономический университет, г. Баку, Азербайджан

В современной поэзии периода Независимости встречается обращение поэтов к баяты, гошма, гярайлы, теснифам, дейишме, агы, охшама, колыбельным и к другим образцам поэтического жанра, которые открывают большие возможности для точного выражения идеи произведения. В статье автор ограничивается разбором характерных особенностей этих жанров на основе произведений некоторых авторов.

Ключевые слова: поэзия, период независимости, баяты, гошма, гярайлы

Постановка проблемы. Среди поэтических примеров, возникших в поэзии 1991-2005 годов, больше всего внимания привлекают баяты, гошма, герайлы, теджнис, дейишме, агы, охшама, колыбельная, песня и другие стихотворные формы. К жанру баяты обращались разные поэты. Образцы, созданные в жанре баяты, встречаются в творчестве поэтов как старшего, так и среднего литературного поколения, а также молодых поэтов. «В баяты, относящихся к лирическому жанру, воспеваются мысли и чувства человека о жизни и обществе, привязанность к родине, любовь и красота. Для этого жанра очень характерны такие мотивы как краткое философское обобщение, всеобщая печаль, любовные страдания, тоска по возлюбленной, предательство соперника».

«В баяты пределы объема более компактны, поэтому создание в его малых структурных объемах четких поэтических образов, удачных средств художественного изображения, привлекательных стилистических оттенков требует большого мастерства». «Баяты, являющиеся совершенными образцами искусства, органически связаны с укладом жизни народа, с его бытом. Когда читаем этот стихотворный отрывок, перед глазами как картины оживают дни, как радости, так и печали всенародной. Читаешь и воспринимаешь строки, с первого взгляда кажущиеся нам обычными, и удивляешься их внутренней динамике, точности смысла». Этим определениям, четко выражающим жанровые оттенки баяты, следует добавить только то, что в упрощении и совершенствовании нашего литературного языка воздействие и возможности этого жанра ни с чем сравнить невозможно.

В исследованиях встречаются и иные, в некоторой степени отличные взгляды на жанр баяты. По мнению ряда исследователей, «их жанровая дифференциация представляется слабой, так как они являются относительно замкнутой и традиционной художественной формой. На самом деле, разделение баяты на отличающиеся по своей сути жанровые типы представляется достаточно относительным».

В современной поэзии к жанру баяты в своем творчестве обращались Бахтияр Вахабзаде, Халил Рза Улутюрк, Мамед Араз, Фикрет Садыг, Габил, Мамед Исмаил, Мамед Аслан, Нусрет Кесеменли, Кемаля Агаева и др. Конечно, здесь из-за невоз-

возможности наблюдения за творчеством тех поэтов, представляется более правомерным обращение к характерным особенностям жанра.

В стихах Фикрета Садыга, создающего интересные образцы баяты, нашло свое серьезное художественное воплощение дух и ритм нашего времени. Более открыто это чувствуется в одних из баяты, написанных на фоне путешествия поэта в Ирак: Мосты Багдада, С далеких времен, Тешат стариков, Дарят старость младенцам.

Баяты, написанные в последние годы Кемалей Агаевой, открыто демонстрируют новые по своему содержанию оттенки этого жанра. В этом отношении представляет интерес цикл «Баяты шейхов», вошедший в книгу автора «Удивляюсь Богу». Эти баяты, посвященные памяти шейхов, пожертвовавших собой во имя независимости Азербайджана, отличаются глубоким содержанием, языковыми и стилистическими особенностями, силой воздействия и воплощения.

Среди поэтических образцов 1991-2005-х годов заслуживают внимания поэтические произведения, написанные в жанре герайлы. В отличие от герайлы, создаваемых в традиционной форме, художественные образцы этого периода прежде всего выделяются новизной в содержательном плане. Герайлы, «являющиеся одной из наиболее распространенных лирических форм устного азербайджанского стихотворчества», как правило, «создаются в слоговой форме; затрагивают темы красоты, любви, природы, дружбы и отличаются простотой, сладкоязычием. Состоят из нескольких строф (количество строф - 3, 5, 7...). В каждой строфе содержатся 4 восьмисложные строки. Система рифмовки соответствует формам в жанре гошма». В литературно-эстетической мысли на фоне художественных образцов современного периода встречаются и другие оценки, характеризующие поэтику жанра: «Герайлы - игривая и лаконичная форма - отличается от гошмы количеством слогов - их 8. Герайлы делится на строфы, рифмуется как гошма, пишется в ритме слога».

Герайлы встречается и среди жанров, к которым в своем творчестве в последние годы обращается народный поэт Азербайджана Бахтияр Вагабзаде. Принадлежащие перу поэта такие герайлы, как «Хочу быть обманутым», «Гадалка», «Мост далек от речки», «Как отцовское добро» и др. привлекают внимание глубиной содержания, философским духом и формально-эстетическими особенностями.

Герайлы народного поэта Габилы своим художественным совершенством также занимают особое место в ряду соответствующих образцов литературной эпохи. Эти герайлы привлекают внимание прежде всего с точки зрения художественного выражения насущных проблем современности. Например, герайлы поэта «Не привыкайте к палаткам» написаны как обращение к беженцам, изгнанным армянскими дашнаками из Нагорного Карабаха и приютившимся в палатках.

Ряд оригинальных и неповторимых образцов жанра герайлы в поэзии 1991-2005-х годов принадлежит перу Рамиза Ровшана. Значительная часть стихотворений, вошедших в книги поэта «Крылья бабочки» и «Дыхание», состоит из герайлы. Такие герайлы Рамиза Ровшана как «Падает», «Половина первого ночи», «Что выше Бога?», «Последнее дыхание», «Дамам, проходящим мимо», «Уйдет», «Свеча», «Не посмотрит», «Горе», «Слово», «Выходит», «И этот стих я порвал и выбросил», «Стена», «На эту стену камней не хватило», «Я - одинокий остров», «Лодка», «Ко-

гда мир перед глазами», «Дорога» могут быть охарактеризованы как неповторимые, читаемые, новаторские образцы жанра.

Одним из авторов, последовательно обращающихся к жанру герайлы в поэзии 1991-2005-х годов, является Фикрет Садыг. Часть стихов в книге Фикрета Садыга «Между работой и домом» собрана в разделе под названием «Герайлы». В этих стихах, охватывающих более сорока поэтических примеров, автор постарался создать ценные, неповторимые и художественно совершенные образцы жанра. Среди них наиболее характерными представляются такие герайлы как «Плачь», «Когда обижаешься на весь свет», «Есть», «Сон», «Человек», «Меня», «Идет», «Нет», «Колесо фортуны», «Старость», «Лунная ночь», «Сам себе» и др. Одни из герайлы Фикрет Садыг назвал «Герайлы, посвященные герайлы». Здесь поэт старается в художественной форме отразить свою привязанность к жанру герайлы, раскрыть его выразительные возможности:

Герайлы, по душе вы мне,
Словно земля золотая.
Вы точно как плодородный,
Щедрый сад.

По мнению Фикрета Садыга, герайлы, похожие на «знакомую и привычную» «для ашугов и поэтов» «комнату с четырьмя углами», «с открытыми окнами и дверями» и «со светлыми стенами и потолком», являющиеся «зеркалом добра и зла», пахнущие «как свежие листья», представляется основой поэзии. Стихотворение поэта «Герайлы, посвященные герайлы», содержащее оригинальные поэтические раздумья и состоящее из пяти строф, завершается следующими строками:

Ты и ритмична, и слажена,
Ты как бойкий юнец, и как мудрый старик.
В тебе всего несколько строф,
А выглядишь как высокая гора!

Народный поэт Азербайджана Сабир Рустамханлы в послесловии под названием «Поэт света и доброты», написанном к книге Фикрета Садыга «Жизнь, которую я ожидал», так подытоживает свои размышления о жанре герайлы в современной поэзии: «На самом же деле линия герайлы нашей поэзии никогда не прерывалась. Просто изменились средства изображения. Разрушилась целостная система воспитания и веры, связывающая образов и символов герайлы Юниса Имры, Бурханаддина, Хатаи... В те времена, веря в Бога, ощутив условия становления его крупницей, шли к Богу, смотрели на смерть как на начало иной жизни и, честно прожив под светом божественной любви, приобретали это право. Сегодня молятся, не веря в бога, живя как крупинка не его, а дьявола, не осознавая смерть и единение, не ведая, к кому и куда идут, кого и что умоляют».

Заслуживает внимание и ряд теджнисов рассматриваемого периода. Особенно характерны теджнисы Музаффара Шукюр Меджхула, опубликованные в журнале «Азербайджан». Теджнисы поэта, начинающиеся со строк «Слезы льются, растет горе», «Что это за сад...», «Почернел от улыбки рока», «Все, что заработал от жизни», дают богатый материал для выявления, насколько был удачен жанр в поэзии времен независимости.

Я - Меджхул, погорел за каждую травку степи,
Стал дарящим огонь поленом, сгорел.
Сгорел огнем земли огней,
В любви к отчизне я - пепел, пепел!

По своему содержанию и форме вызывает интерес теджнис «Что поделать» представителя среднего поколения поэзии Сабира Сарвана, начинающийся со строки «Была да ушла возлюбленная душа». Он по языку изложения не сильно отличается от классических теджнисов, написанных в стиле народного стиха, и воспринимается как нечто целостное и завершенное.

В поэзии периода независимости встречаются также образцы, написанные в жанре дейишме. В этих образцах, не очень-то популярных в последние годы, отразились общественно-политические и духовно-нравственные проблемы эпохи. Среди созданных художественных образцов вызывают интерес стихотворение Залимхана Ягуба «Не перекликайся с Сонмез» (имеется в виду Керим Мешрутечи Сонмез из Южного Азербайджана), стихотворения поэта-литературоведа Шамиля Замана «Дейишме» (с поэтом Ахмедом Седерекли) и «Это стихосложение с Агасаном Бадалзаде».

В поэзии 1991-2005-х годов привлекают внимание в первую очередь по структурно-содержательной новизне поэтические образцы, созданные в жанре агы (плачь). Образцы, написанные в этот период, наряду с сохранением традиционных свойств жанра, обогатились некоторыми новыми оттенками. «Один из видов азербайджанского устного народного стихосложения; лирико-драматическая импровизация, связанная со смертью и бедствием. Здесь все содержание и весь дух бывают печальными и грустными. В устной народной литературе является отражением марсии (причитания), имеющей место в письменной литературе... Агы, названные сагу в тюркской литературе до принятия Ислама, читались с целью чтить память, вспоминать умершего. Имеются также образцы, посвященные исчезнувшему навсегда возлюбленному, а также сочиняемые в связи с природным бедствием, землетрясением, пожаром, губительной эпидемией».

В литературе описываемого периода Халил Рза Улутюрк, Фикрет Садыг, Залимхан Ягуб и другие мастера слова писали стихотворения в жанре агы.

В поэзии периода независимости создан ряд интересных, оригинальных поэтических образцов и в жанре лайла (колыбельная).

Если не учесть традиционные колыбельные, написанные для детей, целый ряд стихотворений, сочиненных в этом жанре, заслуживают внимания своеобразными особенностями. Это своеобразие обусловлено богатством общественно-политических мотивов в новых образцах данного жанра, соответствующих времени.

Привлекает внимание с точки зрения обогащения поэтики жанра стихотворение «Лейла», входящее в книгу Фикрета Садыга «Черно-белые стихи». В отличие от традиционных колыбельных, здесь поэт старается в оригинальной форме отразить отцовскую любовь к своему сыну. В общем настрое стихотворения «Лайла» продолжают жить те или иные оттенки жанра.

В поэзии периода независимости одним из привлекательных жанров являются песни. В последние годы этот жанр, недостаточно популярный в поэзии былых времен, обогатился весьма интересными образцами. Заслуживают внимания поэтиче-

ские образцы, сочиненные в этом жанре такими поэтами как Бахтияр Вагабзаде, Нусрет Кесеменли, Сабир Рустамханлы, Чингиз Алиоглу, Вугар Ахмед и др.

Стихотворение Сабира Рустамханлы «Не спрашивай, каково мне» привлекает внимание как один из оригинальных и неповторимых образцов песенного жанра.

Земля моя ранена, народ мой ранен,
Цветы мои ранены.
Я беженец, я переселенец -
Не спрашивай, каково мне!
Обними меня –
Не спрашивай, каково мне!

В числе художественных образцов, написанных в последние годы в жанре песни, стихотворение Чингиза Алиоглу «Недоконченная песня» также отличается по своей форме подхода к художественному объекту, дополнения поэтических особенностей жанра новыми оттенками.

Может, больше не встретимся,
Кто знает, что случится.
Попрощаемся с любовью,
Давай в последний раз попрощаемся!
Те счастливые дни улетели
Как перелетные птицы.
Завяли и больше не оживут
Розы, выращенные нами.

Как видно, присущие песенному жанру такие поэтические особенности как текучесть, гармоничность и простота нашли свое проявление в стихотворении Чингиза Алиоглу «Недоконченная песня».

Выводы и перспективы. Нет сомнения в том, что обращение нашей поэзии к словесной, песенной памяти народа - к баяты, теджнисам, агы, колыбельным и другим жанрам народного творчества сегодня представляется достаточно актуальным и значимым, ибо обогащает поэзию новым содержанием.

Литература

1. Бахлул Абдулла Баятыларым / Абдулла Бахлул. – Баку : Озан, 2006. – 132 с.
2. Бахлул Абдулла Баяты Буйнуза / Абдулла Бахлул. – Баку : Озан, 2007. – 124 с.
3. Вугар Ахмед Мои песни / Ахмед Вугар. – Баку : Араз, 2002. – 464 с.
4. Алиоглы Чингиз Геометрия души / Алиоглы Чингиз. – Баку : Гапп-полиграф.
5. Кесеменли Нусрат Избранные сочинения / Кесеменли Нусрат. – Баку : Шарг-Гарб, 2004. – 256 с.
6. Ровшан Рамиз Дыхание. Книга книг / Ровшан Рамиз. – Баку : Ганун. – 760 с.

Абдулгасанли Т. Сучасна Поезія Азербайджану / Т. Абдулгасанли // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 366-371.

У сучасній поезії періоду Незалежності зустрічаються звернення поетів до баяти, гошма, гярайли, тесніфи, дейішме, аги, охшама, колискових та інших зразків поетичного жанру, які відкривають великі можливості для точного вираження ідеї твору. У статті автор обмежується розбором характерних особливостей цих жанрів на основі творів деяких авторів.

Ключові слова: поезія, період незалежності, баяти, гошма, гярайли // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 366-371.

Abdulgasanly T. Contemporary poetry of Azerbaijan / T. Abdulgasanly

In the poetry of independence period we can observe poetic examples created in genres of bayati, gerayli, tejnīs and so on, which different writers referred to. It is connected by the creation of great possibilities for the clear pronounce of mentions and works, wrote in national method.

Key words: poetry, independence period, bayati, gerayli, tejnīs

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 821.14'06-3.09

ПРОБЛЕМА ДВОЙСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РОМАНЕ РЕИ ГАЛАНАКИ "ЕЛЕНА, ИЛИ НИКТО"

Банах Л. С.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: lilybanakh@mail.ru*

В статье анализируется отображение феномена двойственной идентичности греческой художницы Елены Алтамура-Букура в романе Реи Галанаки «Елена, или Никто».

Ключевые слова: новогреческая литература, двойственная идентичность, первая греческая художница

Постановка проблемы. Идентичность – чувство тождественности человека самому себе, ощущение целостности, принимаемый им образ себя во всех своих свойствах, качествах и отношениях к окружающему миру [1]. В эпоху модернизма принцип поиска идентичности стал концептуальным, а в греческой литературе совпал со сменой акцентов в женской социокультурной практике. По сравнению с прозой прошлых лет, где женщине отводилось место исключительно в семейно-бытовой сфере, в литературе Греции XX века активно осваиваются социальные, национальные, профессиональные площадки бытия женщины. Возникновению подобной литературной ситуации способствовали социально-политические изменения в стране, а также подъем феминистического движения в 70–80-е годы. Получив еще в 1944 году право принимать участие в голосовании на выборах, греческие феминистки добились того, что Конституция 1974 года утвердила принцип равенства обоих полов. Стали появляться произведения о женщинах, реализовавших себя в труде, в творчестве, в саморазвитии. К таковым относится роман Реи Галанаки "Елена, или Никто" («Ελένη, ή ο Κατένας», 1998), повествующий о жизни Елены Алтамура-Букура (1821-1900), первой гречанке, ставшей профессиональной художницей, получившей образование по специальности в Италии и признанной как равной в кругах художников-мужчин.

Целью данной статьи является раскрытие сущности понятия «двойственной идентичности» по отношению к образу Елены Алтамура-Букура. Ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении подобное исследование не проводилось, но позволяет говорить о его **новизне**. Для достижения поставленной цели ставятся следующие **задачи**: 1) определить причины двойственной идентичности главной героини, 2) выявить уникальность формы романа, 3) проанализировать роль пространственно-временных координат и типов повествовательной дистанции в раскрытии сложной психической жизни героини. Проблема возможностей женщины самореализоваться, оказываясь перед выбором между работой и ролью жены и матери, продолжает быть **актуальной** в любом обществе, о чем свидетельствует тот факт, что роман "Елена, или Никто" удостоен Государственной премии за лучший

роман (1999) и представлял Грецию на Европейском конкурсе за премию в области литературы «Аристион», войдя в последнюю тройку номинантов. Роман переведен на испанский, итальянский, английский, чешский, литовский языки.

Эрик Эрикссон считал, что идентичность личности объединяет в себе помимо природных задатков, потребностей и способностей, значимые идентификации и постоянные, устойчивые социальные роли [2, 170]. В качестве измерений идентичности исследователи называют расу, гендер, сексуальную ориентацию, религиозные убеждения, принадлежность к той или иной культуре и социальному классу [3, 10]. Сложность проблемы двойственной идентичности хорошо раскрывается в диалектике «Я» и маски, где маска – это не «Я», а нечто, не имеющее ко мне отношения. Искусству имитации Елена Букура научилась, проводя много времени в театре, владельцем которого был ее отец: «Она познала значение подражания, и это знание, выходя за пределы театральных условностей, стало решающим для Елены» («Εμαθε τη σημασία της μίμησης, γνώση που, βγαίνοντας έξω από τις θεατρικές συμβάσεις, στάθηκε καθοριστική για την Ελένη» [4, 62]). В течение жизни греческой художнице пришлось надевать различные маски. Так, для того, чтобы получить образование в художественном училище при одном из самых строгих мужских монастырей Италии, ей пришлось переодеться в мужчину. Эта роль стала самой тяжелой для Елены, поскольку, обретя в образе молодого художника, которого она сама называла «Никто», свободу и доступ к знаниям, Елена ощущала внутри себя и женщину, и мужчину одновременно, причем эта трагическая двойственность привела ее к потере самоидентичности. Так, в разговоре с сыном Александром она задается вопросом: «Действительно ли все это была я: умелый художник, молодой мужчина и женщина, которая когда-то родила этого ребенка, или я была отображением всех этих лиц и масок?» («Αν όντως ήμουν εγώ ταυτόχρονα η επιδέξια ζωγράφος, ο νέος άντρας και η γυναίκα που τον είχε κάποτε γεννήσει, ή αν ήμουν το απείκασμα όλων ετούτων των προσώπων και των προσωπείων;» [4, 166]). Маска под названием «Никто» стала для Елены роковой, помешав ей сохранить брак с итальянским художником Саверио Алтамура, от которого она родила троих детей; двоих Елена воспитала сама, младшего забрал ее муж.

В душе Елены происходит постоянная борьба между двумя ее идентичностями: личной (т.е. женщины) и социальной (т.е. художницы). Восстав против своей женской сущности, против общественных канонов Греции середины 19 века, стремясь получить запретные для женщины знания, Елена, как она признается в разговоре с умершим сыном, известным маринистом Иоаннисом Алтамура, не смогла избежать женской доли: «Я была женщиной и не смогла от этого уйти. Я прожила жизнь смертного человека. Но я пыталась рисовать. Вас растить. Вас любить» («Γυναίκα ήμουν, δεν ξέφυγα, έζησα μια θνητή ζωή. Προσπάθησα όμως να ζωγραφίσω. Να σας μεγαλώσω. Να σας αγαπώ» [4, 178]). Елена «женщина» хотела любить и быть любимой: «Первый раз по прошествии стольких лет, внутри меня Елена восстала против Никто, как обычно жизнь восстает против смерти. Если победит Елена, то она потеряет все привилегии, которые ей обещает Никто. Если победит Никто, тогда я навсегда потеряю душу» («Πρώτη φορά έλειπα από τόσα χρόνια, η εντός μου Ελένη εξεγέρθηκα εναντίον του Κανένα, όπως πάντα εξεγείρεται η ζωή εναντίον του θανάτου.

Αν ενικούσε η Ελένη, θα έχανε όλα τα προνόμια που της υποσχόταν ο Κανένας. Αν ενικούσε ο Κανένας, τότε εγώ θα έχανα για πάντα την ψυχή μου» [4, 98]). Не случайное, на наш взгляд, сравнение Реи Галанакис природного призвания женщины с жизнью, а творческого начала со смертью, подготавливает читателя к трагическому финалу.

Поскольку формирование идентичности происходит на протяжении всей человеческой жизни и сопровождается кризисами - конфликтами между сложившимся содержанием идентичности и актуальной социальной ситуацией, для того, чтобы в человеке зародилось его новое я, его новая самоидентификация, он должен «перерасти» свое предыдущее «я», предыдущую самоидентификацию, чтобы перейти на новую ступень своего развития. Так, Елена постоянно совершенствуется, открывая в себе каждый раз что-то новое, ей кажется, что «в течение ее жизни различные женщины шли одна за другой по одной и той же дороге, и каждая из них, порождая следующую, должна была исчезнуть» («...κατά τη διάρκεια της ζωής της διαφορετικές γυναίκες είχανε βαδίσει η μια μετά την άλλη στην ίδια οδό. Και ότι η καθεμιά τους, γεννώντας την επόμενη, έπρεπε να χαθεί» [4, 13]).

Третьей причиной, приведшей молодую художницу к двойственной идентичности, стала вынужденная смена вероисповедания. Чтоб узаконить своих детей, рожденных в гражданском браке, Елена приняла католичество, что болезненно отразилось на ее этнической идентичности как гречанки и отдалило ее от родительского благословения. Как отмечают исследовательницы М.В. Михайлова и А.А. Альчук, наиболее частотные слова в женской прозе – это страх и стыд [5, 312]. В рассказе Елены о себе часто присутствуют слова «вина» («ενοχή») и грех («αμαρτία»). Будучи воспитанной в патриархальном обществе, она ожидает наказания за свое отступничество и «предательство» своей женской сущности. Таким наказанием она считает раннюю смерть двух своих детей. Поэтому, оставив столицу, последние 20 лет жизни Елена проводит на родном острове Спецес в полном уединении, созерцании, молитвах и разговорах с умершими, замкнувшись в бесконечной скорби, в чтении Святого писания, выбрав в качестве единственных собеседников священника Анастасия и служанку Ласкарину. И хотя можно трактовать такой монашеский образ жизни Елены как следствие помутнения рассудка, нам представляет более верным предположение критика Лизи Циримоку: «это назвали «сумасшествием», чтобы определить отличие, нарушение правил, отклонение от прямой линии» («...το είπαν «τρέλα» για να ορίσουν η διαφορά, την παράβαση του κανόνα, την απόκλιση από την ευθεία» [6, 6]). Опубликованная в газете «Νέα εφημερίδα» статья, которую Елена Алтамура написала в 74 года о своем отце, показывает полную ясность ума художницы [4, 277]. Следовательно, Елена сделала сознательный выбор, проведя вторую часть своей жизни в созерцательном уединении. Один лишь раз она нарушила аскетическое молчание, согласившись встретиться с Калиррой Паррен, издательницей «Дамской газеты», известной феминисткой того времени, которая настойчиво просила первую греческую художницу о встрече. Паррен нужен был пример Елены, как женщины, доказавшей равенство полов в профессиональной сфере, Елене же не хотелось позиционировать себя как эгалитарную феминистку, она стремилась познать истину и получить знания, за это, по ее мнению, она и была наказана, как женщина, преступившая общественные каноны.

Четвертой причиной, усилившей проблему двойственной идентичности, стало маргинальное этническое самовосприятие Елены: по линии отца она была албанкой, по линии матери гречанкой. И хотя отец просил Елену «не забывать, что она гречанка» («να μη λησμονήσω ότι είμαι Ελληνίδα» [4, 76]), сама же художница всегда идентифицирует себя как греко-албанку (Ελληναρβανίτισσα). Быть гречанкой означало для нее быть непокорной, мужественной, как Ласкарина Бубулина, «Великая госпожа» острова Спецес, ставшая военачальником во время восстания 1821 года, возглавившая боевой корабль «Агамемнон» и не потерпевшая ни одного поражения в бою. Бубулина всегда была для Елены примером для подражания. Так, капитан Иоаннис Букурас, отмечал: «Он никогда не видел на острове Спецес другой девочки с такой смелостью и таким упрямством. Словно на нее падала, думал он, измученная тень их Великой Госпожи» («Δεν είχε ματαδεί στις Σπέτσες άλλη κόρη με τέτοιο θάρρος και με τόσο πείσμα. Σαν να έπεφτε, συλλογιζόταν, πάνω της ο βασιανισμένος ίσκιος της Μεγάλης τους Κυράς» [4, 22]). Галанаки нашла интересное сюжетное решение, введя в роман образ домработницы по имени Ласкарина, которой суждено было стать единственным свидетелем последних лет жизни Елены, тем самым соединив судьбы этих двух загадочных женщин.

Для раскрытия внутреннего психологического конфликта главной героини писательница выбирает форму автобиографии с элементами исповеди. Биографический роман «Елена, или Никто» начинается с описания детских лет героини и заканчивается ее смертью, однако в средней части романа Рея Галанаки осуществляет то, чего не успела сделать при жизни сама Елена, а именно, пишет автобиографию героини, оживив из архивных материалов, биографических данных, документов, переписки Елены Алтамура-Букура, газетных и журнальных статей, интервью с Каллирои Паррен яркий, многомерный образ первой греческой художницы. Уникальность формы романа, представляющего собой автобиографию, заключенную в рамки биографии, позволяет Рее Галанаки достичь высокого уровня психологизации. Выбранная форма обуславливает и особенности фокализации (если в первой (главы Α-Δ) и третьей частях романа (главы Υ-Ω) повествование ведется от третьего лица, то во второй части (главы Ε-Τ) читатель видит события жизни Елены Алтамура-Букура ее глазами.

Очень интересны пространственно-временные координаты романа. Все произведение делится на три части, главы названы буквами греческого алфавита по принципу рапсодий. Отображая раздвоение сознания главной героини, автобиографическая часть романа симметрично разделена на чередующиеся восемь частей, написанных Еленой в здравом сознании (ее воспоминания хронологически упорядочены), и восемь частей, написанных в гаснущем сознании одинокой, скрывшейся от людей Елены, которые представлены как ее диалоги с умершими детьми, с отцом, с мужем. Повествование построено как игра со временем. Все происходит в сознании героини, доминирует «хронотоп воспоминания». Особая функция отведена курсиву, при помощи которого представлены диалоги Елены с умершими.

Выводы и перспективы. Таким образом, содержание идентичности первой греческой художницы Елены Алтамура-Букура под влиянием историчной обстановки и социальной ситуации ее времени оказалось двойственным, а скорее даже мно-

жественным. Конфликт гендерной, личной, социальной, религиозной и этнической идентичностей личности Елены привел ее отказу от мирской жизни, к раскаянию, к уходу в мир мистики, к существованию на грани между рациональным и иррациональным. Рее Галанакі удалось приоткрыть занавес не только на внешние стороны жизни первой греческой художницы, а также заглянуть в ее внутренний мир, полный загадок и нерешенных вопросов. Благодаря форме романа как автобиографии в рамках биографии, произведение воспринимается в первую очередь не как жизнеописание Елены Алтамура-Букура, а как отображение ее сложного психологического состояния, ее двойственного сознания, где меняются местами истинное лицо женщины и надеваемые ею маски. Выбор в качестве основного пространства романа сознания главной героини и «хронотопа воспоминания» помогает читателю ощутить сложные душевные переживания женщины-творца, пытающейся самоопределиться и противостоять догмам и предрассудкам своего времени.

Литература

1. Лейбин В. М. Словарь-справочник по психоанализу / Валерий Моисеевич Лейбин. – М. : АСТ, АСТ Москва, 2010. – 1219 с.
2. Эриксон Эрик. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. / Эрик Эриксон ; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. – М. : Прогресс, 1996. – 344 с.
3. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: [Монография] / А. В. Микляева, П. В. Румянцева. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. – С. 8-47.
4. Γαλανάκη Ρέα. Ελένη ή ο Κανένας / Ρέα Γαλανάκη – Αθήνα: Εκδόσεις Καστανιώτη, 2003. – 282 σ.
5. Михайлова М.В., Альчук А.А. Встреча теоретиков и практиков (круглый стол на тему «Инновации в женском творчестве») / М.В. Михайлова, А.А. Альчук // Вестник МГУ. Сер. 9, Филология. – 2001. – № 6. – С. 309–312.
6. Τσιριζώκου Λίζυ. Ασκήσεις μνήμης / Λίζυ Τσιριζώκου // Βήμα, 19.06.1998. – Σ.1-6.

Банах Л. С. Проблема подвійної ідентичності в романі Реї Галанакі «Елена, або Ніхто» / Л. С. Банах // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 372-376.

В статті аналізується відображення феномену подвійної ідентичності грецької художниці Елени Алтамура-Букура в романі Реї Галанакі «Елена, або Ніхто»

Ключові слова: новогрецька література, подвійна ідентичність, перша грецька художниця

Banakh L. The problem of the double identity in the novel by Rea Galanaki “Helen, or nobody” / L. Banakh // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 372-376.

The depiction of the phenomenon of the double identity of the Greek artist Elena Altamura-Bukura in the novel by Rea Galanaki «Helen, or Nobody» is analyzed in the article.

Key words: New Greek prose, double identity, the first Greek woman artist

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 811.512.162

ОГУЗСКАЯ МИФОЛОГИЯ: ИСТОЧНИКИ, СТРУКТУРА, ПРИНЦИПЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И СИСТЕМА ОБРАЗОВ

Рзасой С.

*Институт Фольклора Национальной Академии Наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье на материале огузских текстов предпринята попытка изучить источники, структуру, принципы реконструкции и систему образов огузской мифологии.

Ключевые слова: мифология, огузы, эпос, «Огузнаме», хаос, космос.

Огузская мифология является дифференциальной парадигмой общетюркской мифологической мышления и восстанавливается на основе средневековых текстов, под общим названием «Огузнаме». Огузнаме, как литературный памятник, представляет собой древнеогузский эпос.

«Огузнаме» в научной литературе по древнеогузскому эпосу по своей функциональной структуре делится на два типа: историко-хронологические огузнаме и литературные огузнаме [1, 255-257]. И историко-хронологические и литературные огузнаме как мифологические информации сохраняют свой исторический статус при всех обстоятельствах. В таком случае, классификация «историко-хронологическая» и «литературная», оправдывает себя в отношении типа текста. Произведения таких средневековых историков и поэтов, как Фазлуллаха Рашиаддина, Абульгази Бахадур хана, Бухари Хафиз-и Таныша, Абубакра Техрани, Салыр Баба, Андалиба, а также такие памятники, как уйгурское «Огузнаме», огузнаме Деде Коркуда, эпос «Короглу» и т.д. [2 - 12] представляют очень ценные материалы в восстановлении огузской мифологии.

Надо учитывать, что каждый отбельный текст огузского эпоса как единая система воплощает в себе огузскую мифологию. Уровень реализации каждым жанром в себе космической целостности огузской мифологии представляет собой целостный образ, только с разных ракурсов модели мифологического мира огузов. Естественно, содержательный уровень поэтической структуры текста, реализующий в этом случае жанр, обуславливает форму сохранения в нем реализованного мифологического архетипа.

Варианты «Огузнаме», рассказывающее о жизни и деяниях первопрародителя) всех огузов Огуз кагана, представляют собой космогонического мифа.

Огузнаме Деда Коркуда («Книга моего Деда Коркуда»), являющаяся классическим примером огузского эпоса, с точки зрения реконструкции огузской мифологии дает незаменимый материал. Исследование показывает, что эпический хронотоп, функциональная динамика развития эпоса сохранил в себе соответствующие параметры огузской мифологии. Это мы наблюдаем во всех ярусах и элементах эпоса. Общая текстовая структура эпоса «Деда Коркуда» реализует в себе семиотическую целостность огузского мифа. Закрытая синтагматическая целостность от мифиче-

ской космогонии до эсхатологии в эпосе сохранилась. Первое сказание символизирует космогонию, последнее – эсхатологию. Каждое из 12 сказаний «Деде Коркуда», являясь автономным текстом, воплощает в себе автономную текстовую целостность огузской мифологии. Каждое сказание эпоса проектирует автономную синтагматическую единицу огузской тотальной мифологии. Содержание сказаний полностью трансформировало в себе содержание огузской мифологии. Порядок сказаний в эпосе «Деде Коркуда» носит не синтагматический, а парадигматический характер. Это идет непосредственно из огузского мифа. Мифологические текстовые единицы связываются друг с другом парадигматически. Различные тексты огузской мифологии с точки зрения содержания являются не продолжением друг друга, а параллелью. В эпосе «Деде Коркуда» сказания связываются друг с другом не в исторической последовательности, а в парадигматически-проективном контексте.

Что касается эпосу «Короглу», в первую очередь надо учитывать, что в средних веках огузский период заканчивается и из общеогузской массы разделяются независимые огузские народы (азербайджанцы, турки, туркмены и др.). Процесс охватывает приблизительно XIII-XIV века [подробнее см.: 13]. В этом периоде эпос «Огузнаме» трансформируется в национальные эпосы. С этой точки зрения монументальный эпос «Короглу», который рожден из последнего этапа эпоса «Огузнаме», является ценным источником для изучения восстановления модели огузского мифологического мира, модели огузского ритуального мира, его космологическую структуру, а так же для изучения структуры хаоса. Дастан «Короглу» трансформирован из эпоса «Огузнаме» огузских народов (азербайджанцев, турков, туркменов и др.). Эпос «Короглу» является парадигмой «Огузнаме» периода национализации и создания народностей. По архаической, поэтической структуре «Короглу» отражает в себе модели огузского ритуального мира. Ритуальные структуры эпоса возможно восстановить в форме архетипических схем в разных уровнях поэтической структуры эпоса. В архаической структуре эпоса «Короглу» стоит ритуал инициации, по своему функциональному значению.

По результатам исследования эпоса «Короглу» в контексте реконструкции огузской мифологии, Ченлибел, пристанище главного героя эпоса является ритуальным пространством, изолированным от общества. Связь лексической этимологии наименования Ченлибел с сакральными мифологическими ценностями не случайно. В ритуалах инициации восстанавливается космогоническая ситуация. С этой точки зрения, пространством ритуала должен был быть пространство, имеющее сакральную ценность. Ченлибел является пространством и временем во время нахождения индивидуумов в ритуале инициации. Короглу в качестве ритуального статуса является патроном – главой инициации. Он является структурной моделью героизма. Все дела должны перейти на структуру модели «Короглу» и «короглузироваться». Как «Огузхан» является функциональной структурной моделью для всех огузов, сакральный и необходимый образец поведения в огузской ритуально-мифологической модели мира, так и действия Короглу являются моделью стандартного поведения. «Огузхан» в огузском мифе является моделью функционального действия. Его действия повторяются определенным ритмом огузского эпоса. Другими словами, герои эпоса «Огузнаме» являются парадигмами Огуз кагана, их эпические действия повторяют модель

функционального поведения Огуз хана. Например, выкалывание Басатом глаза Тепегеза (Одноглазого), стреливание Дирса ханом своего сына Бугаджа, стреливание Мете сового отца Туман хана и выкалывание глаза Гара хана сыном Огузом стрелой в «Стхотворном Огузнаме» подчиняются одинаковым функциональным схемам. Корроглу тоже является парадигмой инварианта «Огуз хана».

Категория «огузская мифология», являясь этническо-культурное понятие, требует пояснения. При реконструкции общетюркской мифологии на базе огузских эпических текстов должны учитываться нижеследующие тезисы:

Во-первых, огузская мифология в контексте синтагматического текста является тестовым явлением общетюркской мифологии.

Во-вторых, огузская мифология как категория мышления является парадигмой модели тюркского метамира.

В-третьих, огузская мифология как код этнического самовыражения, является этнокосмическим и текстовым явлением огузов, одного из ведущих ответвлений тюркского этноса.

Известно, что мифологических воззрениях многих народов мир состоит из двух частей: космоса и хаоса. Космос означает упорядоченный мир, а хаос его противоположность – беспорядочный мир. Противоположность между ними дает возможность назвать хаос – «антикосмосом», а космос – «антихаосом». Как пишет Дж.Бейдили «Все вне космоса, который не является его частью, не делает его сакральной, является хаосом, противоположный мир и состоящий из случайностей» [14, 201]. Как известно, слова «космос» и «хаос» – наименования частей модели мира, противостоящих друг другу, греческого происхождения. Первостепенный вопрос, который нас интересует, – это наименование космоса и хаоса самими огузами. Ф.Баят обобщая противостояние этих миров в огузском эпическо-мифологическом мышлении, называет это «противостоянием Огуз-Хаос в широком смысле» [15, 25]. И правда космологический универсум «Огуз» охватывает все уровни космоса мифологической модели мира. Таким образом, нет такой области пространства и времени, которая что не было бы названа «Огуз». Все элементы космоса – пространство, время, человек, этнос, природа – называются «Огуз». Например: «Человек-Огуз: «Табунщик Огуз хана принес весть» [10, 98]. Пространство-Огуз: «Деде Коргуд вернулся, пришел в Огуз» [10, 99]. Этнос-Огуз: «Сын, Одноглазый, ты разрушил Огуз...» [10, 99]. Время-Огуз: «Во времена Огуза проживал богатырь по имени Ганлы Годжа» [10, 85].

Вопрос наименования хаоса огузами остался непонятным. Конечно, это не значит, что огузы вообще ни как не обозначали хаос. Это невозможно. Потому, что в мифологии огузских турков имеется хтонический мир, с богатой семантикой. Если есть хаос, то в мифе должно иметься его номинативное обозначение. В этом плане широкий корпус фактов представляет нам эпос «Китаби-Деде Коргуд».

В эпосе типическим противостоянием первичной мифологической семантики космоса и хаоса является противостояние Басата и Одноглазого. Оба образа отражают первоначальную космологическую структуру модели мира: Басат представляет космос, а Одноглазый – хаос. Мир хаоса, который в диалоге Басата и старухи обозначается как «Ложный мир»: «В ложном мире родился человек» [10, 100].

Пояснение структуры Хаоса в огузских мифах происходит посредством выяснения семантемы «лож» в наименовании «Ложный мир». Слава «лож» и «ложный» в современном азербайджанском языке обозначают соответственно «несуществующее» и «вымышленное». Но эти значения в азербайджанском языке, далеки от семантической единицы «ложный» в огузских мифах. Так как, «ложный мир» огузов – это реальный, существующий мир, который является для них действительностью. В мифологическом понятии огузов нет лжи и вымышленности, которые в в нашем современном языке обозначаются словом «ложь». Таким образом, в огузской мифологической модели мира: *ЛОЖ* – семантическая структура хаоса в противоположность космосу; *ЛОЖНОСТЬ* – функциональный принцип действия в хаосе, другими словами, действия, противоположные действиям космоса.

В эпосе «Китаби Дада Коргуд» хаос был трансформирован в эпический мир безбожников. Но, вместе с тем, признаки мифологического хаоса были сохранены в нижеследующих образах:

1. Дели Домрул – мальчик «юмушчу» – ангел смерти. Он сопровождает душу умерших в иной мир. Это дает возможность восстановить архетип гам-шамана в его образе. Статус Домрула «дели» показывает его связь с хаосом. «Азраиль» с которым бился Дели Домрул является функционером смерти в огузском хаосе. Дели Домрул и «Азраиль» стоят на одном и том же уровне ритуально-мифологического мира, но стоят в различных полюсах (в космосе и хаосе). Статус Домрула «дели» показывает его способность к медиации. Мост и река Дели Домрула является переходом и границей космоса и хаоса.

2. Дели Гарджар – владелиц подземного мира (хаоса), ее сестра Банучичак, которую Дели Бейрак должен привести во время путешествия в подземный мир и должен на ней жениться. Период когда Бейрак находится в плену, это эпическая трансформация его пребывания в хаосе согласно архаическому эпосу. Дочь бека, в крепости которого был в плену Бейрак, в архаическом эпосе тоже является «обрученной девушкой». Функция «обрученной девушки» параллелизована между Банучичак и дочерью бека-безбожника. В эпосе Корглу дели привозят дочерей (или сестер) паша и беков в Ченлибел и женятся. Это дает возможность восстановить функционер «обрученной девушки», дочери бека-безбожника в «Книге моего Деда Коркуда». Банучичак тоже носительница этих функций. Но по мифологической семантике эти «невесты» отличаются друг от друга:

а) Дочь Бека-безбожника «невеста» связанная с переходным ритуалом. Дели Бейрак, который находится в переходной фазе спустившись в хаос должен был творить геройство и привезти себе суженую и должен был женившийся на ней получить статус бека.

б) Банучичак связана со статусом гам-шаман Бейрака. В этом случае в самом глубоком слое образа Банучичак можно восстановить больную душу за которым Бейрак путешествует Бейрак в мир духов – анимистический образ.

Выводы и перспективы. Первопредок Огуз каган в огузской мифологии является моделью функционального действия. Его действия повторяются определенным ритмом огузского эпоса. Другими словами, герои эпоса «Огузнаме» являются парадигмами Огуз кагана, их эпические действия повторяют модель функционального

поведения Огуз хана. Например, выкалывание Басатом глаза Тепегеза (Одноглазого), стреливание Дирса ханом своего сына Бугаджа, стреливание Мете совего отца Туман хана и выкалывание глаза Гара хана сыном Огузом стрелой в «Стхотворном Огузнаме» подчиняются одинаковым функциональным схемам. Короглу тоже является парадигмой инварианта «Огуз хана».

Литература

1. Баят Ф. Очерк «Огузнаме» / Книга Деде Коркуда. Энциклопедический словарь. Баку : «Лидер».- С. 255-257 (на азерб. языке)
2. Рашид-ад-Дин Ф. Сборник летописей / Рашид-ад-Дин Ф. – Т. 1-3. – М.-Л.: АН СССР, 1946 – 1960.
3. Абульгази Шеджереи-теракиме / Абульгази. – Ашгабат : «Туркменистан», 1992. (на туркмен. языке)
4. Бухари Хафиз-и Таныш Шараф-намайи шахи (Книга шахской славы) / Бухари Хафиз-и Таныш ; [пер. с персид. М. А. Салахатдиновой]. – Часть 1. – Москва : «Наука», 1983.
5. Абубакр Техрани Китаби-Диярбекрийе / Абубакр Техрани ; [пер. с персид. на азерб. язык Р. Шукуровой]. – Баку : «Элм», 1998. (на азерб. языке)
6. Салыр Баба Огуз ве овлад ве атбак ве бакы-йе етрак тарыхы / Салыр Баба ; [сост. З. Мухамметовой]. – Ашгабат : «Туркменистан», 1992. (на туркмен. языке)
7. Бекмуратов А. Андалип хем Огузнамачылык деби / А. Бекмуратов. – Ашгабат : «Илим», 1987 (на туркмен. языке)
8. Огузнамелер / [составители К. В. Нариманоглу и Ф. Угурлу]. – Баку, 1993 (на азерб. языке)
10. Китаби-Деде Коркуд / [составители С. Ализаде и Ф. Зейналов]. – Баку : «Язычы», 1988. (на азерб. языке)
11. Короглу (Парижский экземпляр) / [перевод с персид. Г. Будаги, подготовитель к печати и автор предисловия И. Аббаслы]. – Баку : «Озан», 1997. (на азерб. языке)
12. Короглу (Тбилисский экземпляр) / [оформитель, автор толкований и словаря Э. Тофиг кызы]. – Баку : «Сада», 2005. (на азерб. языке)
13. Короглу Х. Огузский героический эпос / Х. Короглу. – Баку : «Юрд», 1999.
14. Бейдили Дж. Тюркский мифологический словарь / Дж. Бейдили. – Баку : «Елм», 2003. (на азерб. яз.)
15. Баят Ф. Огузская эпическая традиция и дастан «Огуз каган» / Ф. Баят. – Баку : «Сабах», 1993. (на азерб. яз.)

Рзасой С. Огузська міфологія: джерела, структура, принципи реконструкції та система образів / С. Рзасой // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 377-381.

У статті на матеріалі огузських текстів зроблена спроба вивчити джерела, структуру, принципи реконструкції та систему образів огузської міфології.

Ключові слова: міфологія, огузи, епос, «Огузнаме», хаос, космос.

Rzasoy S. Oguz mythology: sources, structure, principles of reconstruction and imagery / S. Rzasoy // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 377-381.

The sources of Oghuz mythology, structure, reconstruction principles and images have been learnt on the basis of Oghuz texts in the article.

Key words: mythology, oghuz, epos, “Oghuznama”, chaos, cosmos

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 82.0

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ОНЕЙРОСФЕРЫ В ПРОЗЕ Г. ГЕССЕ

Сдобнова С. В.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Украина,
e-mail: svetlana.sdobnova@mail.ru*

Изучение онирической парадигмы в прозе Г. Гессе требует комплексного использования различных подходов и методов анализа художественных текстов, поэтому методика исследования базируется на объединении элементов биографического, структурно-функционального, культурно-исторического, герменевтического методов и элементов рецептивной эстетики. Обращение к методу целостного анализа литературного произведения вызвано, в первую очередь, необходимостью комплексно представить онейросферу прозы Г. Гессе.

Ключевые слова: биографический метод, герменевтический метод, культурно-исторический метод, онейросфера, рецептивная эстетика, структурно-функциональный метод.

Изучение специфики формирования и бытования онирической парадигмы в прозе Г. Гессе определяет выделение из существующего богатого разнообразия исследовательских методов и приёмов анализа литературного текста именно теоретических и методологических подходов для исследования поэтики сна.

Традиционно в историко-литературоведческих работах по изучению индивидуального стиля Г. Гессе отмечается многослойный характер прозы писателя, насыщенный не только сложной системой тематико-проблемных акцентов, но и стройной структурой художественных средств выражения. Как отмечает автор теории целостности литературного произведения М.М. Гиршман, каждое целое в прогнозируемой перспективе «обусловит» существование художественной целостности литературного произведения, основанной на принципах равнозначности и равноценности каждого отдельного целого [2, 49]. М.М. Гиршман подчеркивает, что «в свете художественности преодолеваются какие бы то ни было заранее заданные в произведении внешние границы эстетического разнообразия, но утверждается его внутренний предел. Он основывается на том, что при всех разнородных сочетаниях и обособлениях разделяющихся целых сохраняется индивидуально-творческий центр произведения и глубинная неделимость эстетического бытия, в нём осуществлённого. В этом центре соединяется универсальная обращённость к полноте бытия и уникальность индивидуально-творческой позиции авторского сознания, так что скрепляющей основой мира оказывается индивидуально-неповторимое человеческое бытие, целостная индивидуальность» [2, 49-50]. Обращение к методу целостного анализа литературного произведения вызвано, в первую очередь, необходимостью комплексно представить онейросферу прозы Г. Гессе.

Для писателя важным являлся вопрос о целостном восприятии его творческого наследия в контексте его собственной жизни. В одном из послесловий к публикации произведений Г. Гессе писал: «Читатели, которые любят „Сиддхартху, а „Степного волка прочли недостаточно основательно, часто с сожалением упрекают меня в том, что в дальнейшем я не пребывал постоянно в этом мире, как подтверждает в избранной им религии, что часто его покидал, что за „Сиддхартхой последовал „Степной волк. Я не могу дать на это ответ, так как „Степной волк дорого мне не меньше, чем „Сиддхартха: для меня моя жизнь, как и моё творчество, это естественное единство, которое, как мне кажется, не нужно защищать или подкреплять специальными аргументами» [1, 594].

Восприятие мира и его отражение в литературном произведении в их взаимосвязи, совокупность идей и средств их презентации в целостно-ценностном единстве вот установка, из которой исходит Гессе-писатель и Гессе-мыслитель. Поэтому столь важным оказывается рассмотрение творческого наследия выдающегося мастера словесного творчества, и, в частности, его малой прозы, сквозь призму понимания художественного произведения как замкнутого эстетического объекта, существующего, в принципе, отдельно от читателя и автора.

Очевидно, что интерпретация произведений Г. Гессе в контексте понимания «онирически ориентированных смыслов», заложенных в идейно-содержательную перспективу литературных текстов, не формируется в результате констатации присутствия или простого перечисления средств выразительности языка. Эти средства используются автором художественного произведения для воплощения в тексте смысла, адекватного разумению самого творца. Поэтому столь необходимым становится специальное изучение структуры художественного целого и системы средств художественной выразительности, с помощью которых и создается, предполагаемо «задуманный» автором, художественный эффект.

Отметим, что при изучении поэтики художественного произведения чрезвычайно принципиальным становится, особенно в нашем случае исследования поэтики сна в прозаических текстах Г. Гессе, герменевтический подход к анализу рассказов или повестей писателя. Как известно, герменевтический подход предполагает обязательное толкование, интерпретацию, выявление всех «запрограммированных» автором глубинных смыслов произведения. Другими словами, кроме явного смысла, представленного в произведении, согласно герменевтикам, существует и скрытый, имплицитно присутствующий, смысл содержательного плана произведения, требующий своей дешифровки. Нельзя не учесть и разнообразие вариантов понимания объекта толкования среди представителей герменевтических школ: классическая герменевтика, библейская герменевтика (экзегетика), французская романтическая герменевтика (биографический метод О. Сент-Бёва), немецкая романтическая герменевтика (Ф. Шлейермахер и В. Дильтей), психоаналитическая, юнгианская, мифокритическая, онтологическая герменевтика М Хайдеггера, философская герменевтика Г.-Г. Гадамера, постструктурализм, феминистская герменевтика и англоязычная «новая герменевтика» Э. Хирша. Особую значимость для настоящего исследования представляет концепция немецкой романтической герменевтики и школы психоаналитической герменевтики. В частности, для исследования онейро-

сферы в прозе Г. Гессе, актуальна позиция Ф. Шлейермахера, которая заключается в том, что при понимании произведения важно учитывать значение бессознательного как первоначального импульса в любом творческом акте. В то же время, продуктивным для изучения творчества Г. Гессе, несомненно, являются подходы психоаналитического литературоведения, основы которого, как известно, были заложены З. Фрейдом и его последователями, изучавшими устройство человеческой психики. Особенно значение при исследовании идейно-смыслового наполнения произведений Г. Гессе приобретает фрейдовская установка на разграничение двух групп влечений (первичных и вытесненных) в структуре бессознательной сферы. Как известно, психоаналитическая теория художественного творчества исходит из понимания произведения как результата ситуативной деятельности человека «неудовлетворённого». Так, при рассмотрении нами повести Г. Гессе «Нарцисс и Гольдмунд» учёт вытесненных «негативных» и «позитивных» влечений позволяет нам охарактеризовать крайне сложно организованный автором онирический план создания образа матери Гольдмунда. Принципиальная установка К. Юнга на то, что образ матери включает в себе не столько узко эротический характер (З. Фрейд [4]), но некую универсальность, архетипичность, позволила нам представить сновидческое состояние героя как непрерывное стремление Гольдмунда к обретению себя самого, познания своей сущности через «воссоединение» с матерью, а через неё и с праматерью человечества. К. Юнг подчёркивал, что «почти безнадежно вырвать единственный архетип из смысловой ткани души, но именно из-за своей переплетённости они тем не менее образуют интуитивно схватываемое единство» [5, 112]. Таким образом, вслед за представителями психоаналитической теории творчества наше понимание художественного произведения как знаковой формы выражения бессознательного содержания невротизированной психики автора позволяет нам рассматривать прозу Германа Гессе в контексте целостности её существования.

Юнговская методология глубинного анализа литературных образов в прозе Г. Гессе позволяет реконструировать архетипическое содержание образа персонажей (Гольдмунда, Нарцисса и других), определить архетипические модели, реализованные автором сквозь призму онирической парадигмы в прозе писателя. В онирически ориентированных произведениях Г. Гессе представлены практически все, разработанные К. Юнгом, архетипы-персоналии: архетип Матери, Ребёнка, Персоны (Маски), Тени, Анимы, Анимуса, Духа. Благодаря данному анализу «архетипов-персоналий» в малой прозе Г. Гессе можно определить функции сновидений в художественном произведении, символизирующие, как правило, разные аспекты жизнедеятельности героя.

Востребованным в нашей работе явился и такой вариант структурно-функционального подхода к художественному тексту как мотивный анализ. Как известно, мотивный анализ произведения подразумевает восприятие текста как некое асистемное (на первый взгляд) образование без чётких уровней структуры текста, но с наличием различных мотивов, которые «пронизывают текст насквозь и структура текста напоминает вовсе не кристаллическую решётку <...>, но скорее запутанный клубок ниток» [3, 256]. В ходе предпринятого исследования в произведениях Г. Гессе представляется возможным обнаружить определённую систему мотивов, разворачи-

вающихся на фоне создания онирического плана. Мотив пути, мотив встречи, мотив воспоминания, мотив краткого сна-забытья, мотив преходящего времени и т.п. – далеко не полный перечень мотивов, образующих мотивную структуру произведений, в которых разворачивается онейросферическая перспектива повествования. Именно дешифровка скрытого мифологического содержания конкретного сновидческого эпизода в тексте литературного произведения Г. Гессе, и, художественного произведения в целом, способствует адекватной интерпретации всего текста.

Литература

1. Гессе Г. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Повести, сказки, легенды, притчи / Пер. с нем. – СПб.: Северо-Запад, 1994. – 607 с.
2. Гиришман М.М. Литературное произведение: Теория художественной целостности /М.М. Гиришман/ Донецкий нац. ун-т. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 528 с. – (Studia philologica)
3. Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX века / В. Руднев. – М.: «Аграф», 2001. – 608 с.
4. Фрейд З. Толкование сновидений: [пер. с нем.] / Зигмунд Фрейд. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. – 574, [2] с. – (Psychology).
5. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы / К.Г. Юнг; пер. с нем. Т.А. Ребеко. – М.: Академический Проект, 2009. – 303 с. – (Психологические технологии).

Сдобнова С. В. Теоретико-методологічні основи вивчення онейросфери в прозі Г. Гессе / С. В. Сдобнова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 382-385.

Вивчення онирической парадигми у прозі Г. Гессе вимагає комплексного використання різних підходів і методів аналізу художніх текстів, тому методика дослідження базується на об'єднанні елементів біографічного, структурно-функціонального, культурно-історичного, герменевтичного методів та елементів рецептивної естетики. Звернення до методу цілісного аналізу літературного твору викликає, в першу чергу, необхідністю комплексно представити онейросферу прози Г. Гессе.

Ключові слова: біографічний метод, герменевтичний метод, культурно-історичний метод, онейросфера, рецептивна естетика, структурно-функціональний метод.

Sdobnova S. Theoretical and methodological basis of the oneirosfera's study in prose of H. Hesse / S. Sdobnova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 382-385.

The study of oniroparadigm in prose of G. Hesse requires the integrated use of different approaches and methods of analysis of literary texts, so research methodology is based on a combination of biographical elements, structural-functional, cultural, historical, hermeneutical methods and aesthetics of reception elements. Appeal to the holistic analysis of a literary work is due, first of all, by the need to provide oneirosfera in prose of H. Hesse comprehensive.

Key words: biographical method hermeneutic method, cultural-historical method, oneirosfera, receptive aesthetics, structural-functional method.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

УДК 821.111-3.09

ВПЛИВ МАСОНСТВА НА ФОРМУВАННЯ ХРОНОТОПУ ОПОВІДАННЯ

Р. КІПЛІНГА «THE MAN WHO WOULD BE KING»

Сімаковська А. С.

*Каменец-Подольский национальный университет имени Ивана Огиенко, г. Каменец-Подольский,
Украина, e-mail: simakovska@mail.ru*

У статті досліджується вплив масонства на творчість англійського письменника Ред'ярда Кіплінга; проводиться аналіз основних масонських символів у просторово-часових характеристиках оповідання «Чоловік, який хотів бути королем».

Ключові слова: Р. Кіплінг, масонство, символ, художній простір і час.

Подорож у символіку масонських знаків – це подорож довжиною в життя. Ви-вчаючи книгу за книгою, все більше поринаєш у таку глибину, в якій немає дна. Завдяки символам масонське вчення збагачується великою кількістю різноманітних історичних та містичних традицій, стає ще більш складним, повним та багатограним. «Кожен масон сам має право обирати, наскільки глибоко він увійде у символізм вчення, але його основи, в тому числі й символічні, закладаються під час ритуалів посвячення у три ступені масонства. В них є все, що необхідно знати кожному масону, а разом з тим ці уроки складають єдине величне ціле» [1, 33]. При цьому кожен із цих уроків зберігається у первісному вигляді в часі та просторі й однаково викладається кандидату незалежно від того, в якій частині земної кулі відбувається ця подія.

Ред'ярд Кіплінг належав до масонської плеяди і, можливо, саме тому, що мало хто знав про масонство як таке, не існує перекладів багатьох його оповідань. Перекладачі не зовсім розуміли, про що пише автор славнозвісної «Книги Джунглів» та що він має на увазі. Лише зараз, у наш час, коли завіса над масонством підіймається, коли ми можемо ближче познайомитись із цією таємною організацією, з'являються переклади творів Кіплінга, написаних під впливом масонства. У вітчизняному та зарубіжному літературознавстві відсутні праці, в яких здійснювався б аналіз масонської символіки у творчості Кіплінга та просторово-часових характеристик малої прози письменника.

Основне завдання статті – дослідити вплив масонства на творчу спадщину Р. Кіплінга, зокрема на формування художнього простору і часу малої прози.

Першим художнім твором, у якому автор використовує свої масонські знання, є оповідання «The Man Who Would Be King» («Чоловік, який хотів бути королем»). Це оповідання є одним із найсміливіших у художній літературі та читається так само легко і сприймається з такою ж довірою, як і «Робінзон Крузо» Данієля Дефо. Також вважається, що це один із найкращих прозових творів Кіплінга малого жанру, на жаль, не перекладений досі ані українською, ані російською мовами.

В основу оповідання покладено реальну історію про американського шукача пригод Джосі Харлана, який подорожував Афганістаном та Пенджабом, де був за-

лучений до політичних та військових дій. Згодом він отримав довічний титул принца Гхору для себе та своїх нащадків.

Оповідання Кіплінга «The Man Who Would Be King» вперше було надруковане у збірці «Рикша-привид та інші історії» у 1888 році. Автор, репортер однієї газети, під час подорожі поїздом випадково зустрічається з двома масонами в безпомічному стані – братом Пічі Карнеганом та братом Даніелем Дреботом. Спершу знайомство відбувається із Карнеганом, який вітається з автором та просить передати повідомлення Дреботу:

«I ask you, as a stranger going to the West», he said with emphasis.

«Where have you come from?» said I.

«From the East», said he, «and I am hoping that you will give him the message on the Square for the sake of my Mother as well as your own» [3] (Я прошу Вас як незнайомця, що прямує на захід, – сказав він наголошуючи.

Звідки Ви прийшли? – запитав я. – Зі сходу, – відповів він, – і я сподіваюся, що Ви передасте йому повідомлення на площі заради моєї мами, як і заради Вашої (тут і далі переклад наш. – А.С.)).

У цьому короткому діалозі вже відчутні масонські алюзії. Схід у таємній організації асоціюється із джерелом світла, знання та мудрості. І тому не дивно, що масон Карнеган йде саме зі сходу і передає своє повідомлення на захід. Таким чином відбувається взаємодія двох просторів твору – простору знання і незнання. Схід шле свій промінь ясності Заходу. Саме із західного боку заходять у масонський храм, а східний бік символізує тінь конкретного, організацію та роботу. Більше того, східний бік символізує людську духовність, її найвищу і найбільш розвинену форму пізнання, яка у більшості людей поки що дуже мало, а то і взагалі нерозвинена, перебуваючи у латентному стані та активізуючись лише у стресові моменти чи у періоди глибокого співчуття. «Масонство в своем храме восстанавливает, пожалуй, не столько „наследие“ строителей Соломона или (что исторически более обосновано) средневековых вольных каменщиков, но наследие гораздо более древнее и универсальное, наследие человека, пребывающего в поиске правды, “homo religiosus” в самом подлинном смысле этого понятия» [2, 30].

Також цікавим з точки зору масонства було і саме повідомлення, яке оповідач переказує Дреботу: «I am to tell you that he's gone South for the week. He's gone South for the week!» [3] (Я маю сказати Вам, що він прямує до півдня на тиждень. Він прямує до півдня на тиждень!). Південь у масонів – це місце зустрічі духовної інтуїції та раціонального розуміння, точка між абстрактною інтелектуальністю та інтелектуальною силою, що покликана розвиватися до найвищого стану, подібно сонцю, що світить найяскравіше на півдні.

Зустріч оповідача із Карнеганом, а потім із Дреботом відбувається під час подорожі потягом в обох випадках. Таким чином, можна виділити в оповіданні хронотоп вокзалу, який символізує місце зустрічей та прощань. Саме тут оповідач зустрічається із шукачами пригод, масонами, що прагнуть бути володарями світу. Завдяки йому їм і вдається стати королями маловідомої країни Кафірістан. І сприяє цьому не лише настирливість чоловіків, а й талісман, який вони отримали від оповідача під

час зустрічі з ним. Це був масонський символ, який згодом допоміг їм увійти в довіру жителів Кафірістану і надіти корону.

Але в оповіданні є не лише масонські алузії, а й навіть безпосередні діалоги про масонство. Одного разу до оповідача опівночі приходить Древо́т, більше мертвий, ніж живий, і розповідає історію їх правління в Кафірістані, а саме про знайомство із вождем:

«A Fellow-craft he is!» I says to Dan. «Does he know the word?»

«He does», says Dan, «and all the priests know. It's a miracle! The chiefs and the priests can work a Fellow-craft Lodge in a way that's very like ours, and they've cut the marks on the rocks, but they don't know the Third Degree, and they've come to find out. It's God's truth. I've known these long years that the Afghans knew up to the Fellow-craft Degree, but this is a miracle. A god and a Grand Master of the Craft am I, and a Lodge in the Third Degree I will open, and we'll raise the head priests and the chiefs of the villages» [3] (Він є Підмайстром! – сказав я Дену. – Чи знає він слово?

Так, – сказав Ден, – і всі жреці знають. Це чудо! Вожді і жреці можуть будувати Ложу Підмайстра так, як і у нас, вони вирізають знаки на каміннях, але вони не знають третього ступеня і прийдуть, щоб його віднайти. Божа правда. Я знав багато років, що афганці досягли рівня Підмайстра, але це чудо. Богом і Великим Майстром вождів є я, і Ложу третього ступеня я відкрию, і ми піднесемо головних священників та вождів поселень).

Масонські символи постійно присутні в оповіданні, але Кіплінг їх не пояснює, лише просто називає. Про їх значення можуть знати лише масони або ті, хто знайомий з цією організацією. «The minute Dravot puts on the Master's apron that the girls had made for him, the priest fetches a whoop and a howl, and tries to overturn the stone that Dravot was sitting on» [3] (За хвилину Древо́т одягає фартух Майстра, який для нього зробили дівчата, священник кричить та реве і намагається перевернути камінь, на якому сидить Древо́т). Так Кіплінг описує ритуал посвячення у ступінь Великого Майстра. «Фартук символизує Труд – первейший долг и обязанность, высочайшее утешение человека» [2, 62]. Фартух є одним із основних символів масонства, що означає мудрість, відродження, майстерність, жертвність, очищення, енергію та ріст. На ньому зображені інші масонські символи: «He shows all the other priests the Master's Mark, same as was on Dravot's apron, cut into the stone» [3] (Він показує усім іншим священникам масонський знак, вирізьблений на камені, такий самий, як і у Древо́та на фартусі).

У цьому епізоді автор використовує прийом ретроспекції. Жителі Кафірістану пригадують Олександра Македонського, який залишив масонський знак на камені у їхньому поселенні. Плем'я прославляє його як бога і тому так само прихильно зустрічає Древо́та, що також має цей знак, який жителі Кафірістану сприймають як повідомлення від Олександра Македонського через століття: «We thought you were men till you showed the sign of the Master» [3] (Ми думали, що ти людина, аж поки ти не показав нам знак Майстра). Так кажуть Древо́ту жителі племені і починають поклонятися йому як богу. Тобто масонство було для цих людей найвищим ступенем розвитку, чимось духовним та недосяжним, божественним, на яке не має впливу ні час, ні простір.

Як бачимо, масонство – це не просто одна із багатьох цікавих подій у житті Кіплінга, а окремий пласт його літературної спадщини. Існують оповідання, в яких вплив масонства на автора прослідкувати дуже важко, лише знайомство з цією таємною організацією дає змогу зрозуміти ці алюзії. У той же час у письменника є новели, де він відкрито говорить про масонську ложу, називає її, коротко описує. Але наскільки б детально Кіплінг не змальовував масонство, все ж таки залишається якась таємниця, і здається, ніби щось залишається недосказаним.

Література

1. Дедопулос Т. Масоны. Взгляд изнутри тайного братства / Тим Дедопулос. – М. : Контент, 2007. – 128 с.
2. Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем / Пер. с итал. / Микеле Морамарко. – М. : Наука, 1989. – 304 с.
3. Kipling R. Stories and prose / Rudyard Kipling // http://www.kipling.org.uk/bookmart_collects.htm

Симаковская А. С. Рецепция масонства в пространственно-временной модели рассказа „Человек, который хотел быть королём” Р. Киплинг / А. С. Симаковская // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 386-389.

В статье исследуется влияние масонства на творчество английского писателя Редьярда Киплинга; анализируются основные масонские символы в пространственно-временных характеристиках рассказа „Человек, который хотел быть королём”.

Ключевые слова: Р. Киплинг, масонство, символ, художественное пространство и время.

Simakovska A. S. Reception of the freemasonry in spatio-temporal model of the story “The man who would be king” by R. Kipling / A. S. Simakovska // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 386-389.

The article deals with the masonic influence on the creative work of the English writer Rudyard Kipling; there is made the analysis of the main masonic symbols in spatio-temporal characteristics of the story “The Man Who Would Be King”.

Key words: R. Kipling, freemasonry, symbol, artistic space and time.

Поступила в редакцию 03.09.2012 г.

ТЕМА ПРЕДАТЕЛЯ И ГЕРОЯ В РОМАНЕ РЕИ ГАЛАНАКИ «ЖИЗНЬ ИЗМАИЛА ФЕРИКА ПАШИ»

Никульшина С. В.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина,
e-mail: curlysue.mail.ru@mail.ru*

В данной статье раскрывается тема «предателя и героя» в рассказе Х. Л. Борхеса и анализируются ее видоизменения в романе Реи Галанаки «Жизнь Измаила Ферика паши».

Ключевые слова: новогреческая женская литература, дихотомия «предатель и герой», национальное самосознание

Постановка проблемы. В XX веке на тематику произведений и на способ повествования греческих авторов довольно сильное влияние оказала мировая литература. «Тема предателя и героя», впервые предложенная латиноамериканским писателем Хорхе Луисом Борхесом, получила новое толкование в романе Реи Галанаки «Жизнь Измаила Ферика паши» («Ο βίος του Ισμαήλ Φερίκ πασά», 1989). Тема двойственности восприятия предательства и героизма вытекает из истории греческого народа и остается **актуальной** и для современных читателей. Поскольку в отечественном литературоведении специальных исследований, посвященных творчеству Реи Галанаки, проведено еще не было, **теоретико-методологическую** основу данной работы составили статьи греческих критиков литературы: Димосфениса Куртовика, Костаса Баласкаса, Лизи Циримоку, а также книги по истории Крита Теохари Детораки, Никоса Панайотакиса. Все предложенные в статье переводы выполнены автором данного исследования, поскольку отсутствуют переводы романа на русский и украинский языки.

Целью данной статьи стало раскрытие темы «предателя и героя» в романе Реи Галанаки «Жизнь Измаила Ферика паши» на основе сложившихся в греческой литературе стереотипов иноверца и православного. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: 1) доказать историческую достоверность романа; 2) раскрыть тему «предателя и героя» в рассказе Х. Л. Борхеса и проанализировать ее видоизменения в романе Реи Галанаки «Жизнь Измаила Ферика паши».

Греческие литературные критики (Д. Куртовик, К. Баласкас) [1, 2] отмечают, что романы Реи Галанаки «Ο βίος του Ισμαήλ Φερίκ πασά» («Жизнь Измаила Ферика паши», 1989), «Θα υπογράψω Λουί» («Подпишусь «Луи», 1993), «Ο Αιώνας των Λαβυρίνθων» («Век лабиринтов», 2002) являются историческими. Только роман писательницы «Ελένη ή ο Κανένας» («Елена, или Никто», 1998) относится к жанру биографического романа [3, 3]. Рея Галанаки утверждает, что, при создании романа «Жизнь Измаила Ферика паши» у нее не было намерения написать исторический роман. Наиболее интересно, по ее словам, писать про эмоциональных и мыслящих людей [4, 61]. Такими людьми трагической глубины являются Измаил Ферик паша, восставший ученый Андреас Ригопулос («Подпишусь Луи»), бунтующая художница

Елена Алтамура-Букура («Елена, или Никто»). В действительности это люди, о которых Кавафис говорил в посвящении Цезариону: «ты о себе найдешь лишь несколько строчек в книге истории, но так лишь легче рождается твой образ в моей душе» [5, 100]. Всего лишь несколько строчек или ничего.

Исторических сведений о жизни Измаила Ферика паши сохранилось немного. Его имя фигурирует в документах, связанных с восстанием на Крите 1866 г., где он возглавлял египетскую армию, сражавшуюся на Крите на стороне Турецкого войска под командованием Омера паши. В биографии брата Ферика Антониса Камбани Пападакиса, которая находится в книге «Благотворители Университета Афин» сообщается о том, что братья попали в плен в 1823 году, Антонис после 6 лет пребывания в Константинополе сбежал в Одессу, где учился и занимался торговлей. Переехав в Афины, он материально поддерживал греческое восстание. Согласно завещанию Антониса Пападакиса все его имущество передано Афинскому университету (около 1.105.922 драхм). Также в его биографии присутствует очень краткая информация о продвижении Ферика паши по службе в египетской армии и об отношениях братьев [6].

Самым важным и спорным вопросом для историков являются обстоятельства и причина смерти Измаила Ферика паши. Существует несколько основных версий, первая из которых смерть по случайности. Об этом сообщается в «Справочнике-путеводителе для туристов плато Лассити» [7, 108], та же информация дается в книгах «История Крита» под редакцией Ф. Деторакиса [8] и «История и культура Крита» Н. Паноётакиса: «Измаил умер в деревне Кафель, в крепости, в провинции Педиадос... в 1867 г.» [9, 232]. Одна из более героических версий представлена в Египетских источниках согласно которым, Измаил Ферик Селим паша умер на Крите во время революции, когда он прибыл на Лассити с военачальником Османской империи Омером пашой, чтобы подавить восстание. Во время великой битвы на Лассити, он вспомнил место своего рождения, вспомнил своих родителей, и с тех пор не хотел продолжать войну, после чего Омер паша приказал, чтоб его убили, дав ему отравленный кофе. То же мнение излагает писатель и один из исследователей истории Крита С. Спанакис в своем сообщении, с которым он выступил на конференции, посвященной развитию Лассити в августе 1983 года. Последняя версия – самоубийство, но эта версия основывается больше на легенде, чем на исторических фактах, однако ее опровергнуть довольно сложно. Ферик убивает себя старым кинжалом, который он носил с собой в качестве талисмана на протяжении всей жизни. Этот кинжал Ферик еще ребенком нашел в глубине пещеры на Лассите, и именно этот кинжал был тем звеном, которое его связывало с далекими предками. В романе Реи Галанаки представлено несколько предположений смерти Ферика: ранение, отравление, самоубийство. Либо его отравили турки, заподозрившие его в предательстве, либо он был убит греками. Официальная историческая версия смерти героическая, поэтому в военном музее Египта находится бюст Измаила Ферика паши, подчеркивая его историческую важность для страны. Таким образом, события романа во многом совпадают с реальными, историческими фактами. Рея Галанаки искусно соединила всю известную историческую информацию с художественным вымыслом

лом и оставила открытый финал, позволяя читателю поразмыслить над судьбой главного персонажа.

Главным для писательницы было показать не исторические события, а человеческое состояние, переживания, психологический конфликт в душе коренного грека, воспитанника Османской империи. Кто он предатель или герой? Рея Галанаки впервые поднимает не возникавшую еще в греческой литературе «тему изменника и героя», поставленную Хорхе Луисом Борхесом в рассказе «Тема предателя и героя» (1944 г.).

Произведение Х. Л. Борхеса является лаконичным, но обладает напряженным сюжетом. Герои и события рассказа вымышленные и перекликаются с некоторыми фактами в истории, которые могли иметь место «в неких упрямых и угнетаемых странах: Польше, Ирландии, Венецианской республике, каком-нибудь южноамериканском или балканском государстве..» [10, 102] как указывает сам автор в своем рассказе. Рея Галанаки использует за основу своего романа концепцию Борхеса: предатель и герой в одном лице. Время событий у Борхеса и у Галанаки совпадают, характеристики места в рассказе Борхеса четко совпадают с характеристиками Греции в начале XIX в. Как и у многих авангардистов, время в рассказе Борхеса формально, у Галанаки же оно четко определено и исторично. В произведении Р. Галанаки главный персонаж – реально существовавшая историческая личность, которая вовлечена в поток исторических событий и не может противостоять им. У Х. Л. Борхеса главный персонаж – вымышленная личность. Герой романа Галанаки Ферик паша попадает в вихрь неконтролируемых обстоятельств и страдает от духовного раздвоения эмоционально и морально. В Ферике переплелись две культуры, и перед ним стоит проблема морального выбора между этими культурами. Он объединил в себе роли завоевателя и завоеванного, так как, будучи греком, взятым в плен, Ферик впитал в себя уклад турецкой жизни и воевал на стороне Османской империи.

В конце романа Ферик возвращается к развалинам отчего дома, где пробуждаются воспоминания о его родной семье. Тогда становится очевидным, что два человека, живущие внутри Ферика, несовместимы. Он вынужден стать предателем для обеих сторон своего «я». Сначала он предал греков, хотя сделал это неосознанно. Обстоятельства, которые выпали на его долю, не зависели от него, так как он был ребенком и не мог повлиять на свою судьбу. Галанаки его действия оправдывает и прощает словами отца Ферика: «Знаешь, я бы предпочел еще раз умереть в бою, чем умирать от позора. Если бы не было тех обстоятельств, которые произошли в твоей жизни. Ты продвигался и это хорошо, но ты сбился с правильного пути. Ты предал меня и себя. Тебя спасает то, что ты никогда не хотел, или не старался вычеркнуть нас из памяти... Я понимаю, что ты хочешь искупить свою вину...» («Να ξέρεις πως ξανά θα προτιμούσα τη σφαγή απ' την ατίμωση. Πλην, άλλο αυτό, απ' τη ζωή που σου 'τυχε. Πρόκοψες, κι αυτό είναι καλό, χάθηκες όμως από τη συνέχειά σου. Μαζί σου έκοψες και μένα. Σε σώζει ότι ποτέ δεν θέλησες, ή κατάφερες, να μας διαγράψεις... Θέλω να πω, αναγνωρίζω μια προσπάθεια εξιλέωσης.» [11, 174-175]). Главный герой в рассказе Борхеса, Килпатрик, свой выбор сделал осознанно, намеренно желая предать свою родину.

После победы греческой стороны натуры Ферика он предает турок, давая приказ своему войску отступить. Он постоянно страдает, его душевное состояние раздвоено. В разгар боя происходит перелом в его сознании: «Тогда я, министр военных дел Египта, главнокомандующий египетской армией, которая выступает против моей родины Крита, я, принявший ислам, будучи ребенком и имеющий брата по имени Антонис Пападакис, я дал приказ в этой последней битве, приказав регулярной османской армии начать огонь по неподчинившейся части османского войска» («Τότε εγώ, Υπουργός πολέμου της Αιγύπτου, αρχηγός του αιγυπτιακού στρατού σ' αυτήν την εκστρατεία Κρης την πατρίδα, τουρκισθείς κατά την παιδικήν μου ηλικίαν και αδελφός του εν Αθήναις Παπαδάκη, και είχα το πρόσταγμα της τελευταίας μάχης, διέταξα τον τακτικό οθωμανικό στρατό να πυροβολήσει εναντίων των Οθωμανών ατάκτων» [11, 167]). Килпатрик в рассказе Борхеса раскаивается в содеянном: «Он сам подписал свой приговор, но просил, чтобы его казнь не повредила родине» [10, с 103]. Борхес указывает на то, что в истории Ирландии Килпатрик остался героем и даже его правнук, знающий правду о своем предке, пишет о нем книгу как о герое. Главный герой предстает предателем в облики героя.

Галанаки же не дает однозначного ответа о предательстве и героизме Ферика паши. Понятия предателя и героя остаются застывшими на весах правосудия, и только читатель может выбрать перевешивающее понятие для определения героя ее романа. У обоих писателей прослеживается героизация предательства. И, несмотря на схожесть тем, идеи произведений – разные. Борхес поставил вопрос о том, что важнее: кто мы есть на самом деле, или то, за кого принимают нас люди? Идея романа Галанаки заключается в концентрации внимания греков на том, что их история неотъемлемо связана с Турцией. Судьбы греческого и турецкого народов настолько тесно переплелись, что они должны мирно сосуществовать, чтобы не губить своих же детей, которые как Измаил Ферик паша страдают от двойственного этнического самовосприятия.

Выводы и перспектива. Таким образом, хотя Рея Галанаки использовала тему, уже звучавшую в мировой литературе, она сумела ее наполнить новым содержанием. Тема предателя и героя в романе отобразила многовековую проблему взаимоотношений греческого и турецкого народов. Основываясь на реальных исторических событиях, Рея Галанаки воссоздает такую ситуацию, которая повторялась в истории Греции на протяжении многих веков в период владычества Османской империи. Писательница подчеркивает тот факт, что большинство греков имеют в своем роду турецкие корни, а многие турки наоборот имеют греческие, в результате чего возникает конфликт национального самоопределения. Роман «Жизнь Измаила Ферика паши» является поучением для греков, которые должны осознавать, что когда-то Греция была провинцией Османской империи, что повлияло на развитие Греции, ее культуру и самосознание нации.

Литература

1. Κουρτοβίκ Δημοσθένης. Το δόκανο της νεεράς ζωής/ Δημοσθένης Κουρτοβίκ // Ελευθεροτυπία, 20. 01.1989. – Σ. 12.
2. Μπαλάσκας Κώστας. Ξενάγηση στη νεοελληνική πεζογραφία / Κώστας Μπαλάσκας. – Αθήνα: Μεταίχμιο, 2004. – 297 σ.

3. Τσιριμώκου Λίζυ. Ασκήσεις μνήμης / Λίζυ Τσιριμώκου // Βήμα, 19.06.1998. – Σ.1-6.
4. Γαλανάκη Ρέα. Λογοτεχνία και Ιστορία. Σημειώσεις, σκέψεις, σχόλια για τη λογοτεχνία / Ρέα Γαλανάκη. – Αθήνα: Αγρα, 1997. – 165 σ.
5. Καβάφης Κ. Ποιήματα/ Κ. Καβάφης. – Αθήνα: Ζαχαρόπουλος, 1996. – 238 σ.
6. Δημητριάδης Α. Οι ευεργέται των Πανεπιστημίων. Βιογραφικόν απάνθισμα μετά εικόνων, τχ. Α./ Δ. Α. Δημητριάδης. – Αθήνα: 1921. – 207 σ.
7. Οδηγός επισκέπτη του δήμου οροπεδίου Λασιθίου. – Κρήτη, 2007. – Σ. 120.
8. Δετοράκη Θεοχάρη. Ιστορία της Κρήτης/ Θεοχάρη Δετοράκη. – Ηράκλειο: Κρήτης, 1990. – 500 σ.
9. Παναγιωτάκης Ν. Κρήτη Ιστορία και πολιτισμός / Ν. Παναγιωτάκης. – Κρήτη: 1988. – 400 σ.
10. Борхес Х. Л. Проза разных лет / Х. Л. Борхес. – М.: Радуга, 1989. – 320 с.
11. Γαλανάκη Ρέα. Ο βίος του Ισμαήλ Φερίκ πασά / Ρέα Γαλανάκη. – Αθήνα: Καστανιώτη Α. Ε., 2007. – 231 σ.

Нікульшина С. В. Тема зрадника та героя в романі Реї Галанакі «Життя Ізмаїла Феріка паши» / С. В. Нікульшина // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 3, ч. 1. – С. 390-394.

В статті розкривається тема «зрадника та героя» в оповіданні Х. Л. Борхеса і аналізується її видозміна у романі Реї Галанакі «Життя Ізмаїла Феріка паши».

Ключові слова: новогрецька жіноча література, дихотомія «зрадник та герой», національна самосвідомість

Nikulshyna S. The theme of the traitor and the hero in the novel by Rea Galanaki «The life of Ismail Ferik Pasha» / S. Nikulshyna // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 3, part 1. – P. 390-394.

This article deals with the theme of «the traitor and the hero» in the short story by H. L. Borhes and the transformation of this theme is analysed in the novel by Rea Galanaki «The life of Ismail Ferik Pasha».

Key words: Modern Greek women's prose, dichotomy «the traitor and the hero», national self-consciousness.

Поступила в редакцію 03.09.2012 г.

РЕЦЕНЗИИ

**РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ МОНОГРАФИИ
«МИКРОСИНТАКСИС КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА
(ФОРМАЛЬНЫЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ)» КАНДИДАТА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТА КАФЕДРЫ КРЫМСКОТАТАРСКОГО
ЯЗЫКОЗНАНИЯ ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО СЕЛЕНДИЛИ ЛЕМАРЫ СЕРГЕЕВНЫ**

Описание общей теории синтаксиса словосочетания в связи с теорией простого предложения, разработка параметров морфо-синтаксической и семантической разметки языкового материала, формирующего словосочетания, для машинной обработки текстов на крымскотатарском языке в тюркской компьютерной лингвистике предпринято впервые. Автором работы сканировано более 65 книг на крымскотатарском языке (переводы примеров выполнены автором самостоятельно), создана электронная картотека данных, среди которых особое место занимает языковой материал русско-крымскотатарских параллельных текстов Тургенева И.С. «Первая любовь» и «Накануне» в переводе У. Эдемовой.

Заслуживает внимания, что Л.С. Селендили взялась за очень сложную в теоретическом плане тему. Крымскотатарский синтаксис на протяжении многих лет не развивался. В условиях возрождения и становления коммуникативной компетенции крымских татар синтаксису отводится важная роль: сосредоточить данные о строительном материале предложения, описать семантику, структуру и функции его компонентов для того, чтобы научить коммуникантов пользоваться крымскотатарским языком как инструментом национальной картины мира.

Кроме того, синтаксическая актуальность предпринятого исследования обусловлена отсутствием сведений о составе крымскотатарского предложения, специфике его построения с учетом функций, семантики и структуры подчинительных и сочинительных, свободных и устойчивых словосочетаний, устойчивых словосочетаний фразеологизированного и нефразеологизированного характера, речевых формул и формул связной речи, роли структурных слов, с учетом особенностей создания мотивационного контекста. Работы подобного рода важны в словообразовательных целях для преподавания крымскотатарского языка в школах и вузах Крыма. В этом видится несомненная актуальность проведенного исследования.

Во введении автор приводит сведения о цели, задачах, методологии, теоретической и практической новизне исследования. Список использованной литературы представлен теоретическими, лексикографическими источниками на русском, украинском, тюркских и др. языках и свидетельствует о несомненной эрудиции автора. В главе I. «Методология, источниковая и технологическая база исследования» содержатся сведения о достижениях славистики, в том числе украинистики, а также современной тюркологии в области синтаксиса, приводятся взгляды лингвистов на

проблемы классификации словосочетания, обращения, характер синтаксических связей. Принимая во внимание описание компонентов предложения для создания программ машинного перевода, автоматической обработки крымскотатарского текста, Л.С. Селендили на обширном теоретическом материале объясняет связь структурной, математической и прикладной лингвистики с докорпусной обработкой крымскотатарского языкового материала.

Во второй главе рукописи автор раскрывает значение, морфологические особенности слова и его конструктивно-семантические функции. Используя параметры морфологической разметки, Л.С. Селендили объясняет сходство и различие крымскотатарских сложных слов и словосочетаний, подчеркивает, что слово является базовым конструктором крымскотатарского предложения, выявляет лексико-семантические и функциональные особенности структурных слов. При рассмотрении слова, как базового конструктора крымскотатарского предложения, автор приводит типы предложений по их информативности в зависимости от семантики слов, входящих в их состав. Автор принимала участие в реализации проекта создания русско-украинско-крымскотатарского учебного тематического словаря «Шире круг», где продемонстрированы условия реализации речевых конструкторов, связанных темой и представленными ассоциативными связями.

В главе III описаны именные словосочетания. Сравнивая и разграничивая сочинительные и подчинительные словосочетания, описывая их природу, специфические особенности их компонентов, автор демонстрирует своеобразие тюркского и арабо-персидского изафета в крымскотатарском языке, дает характеристику именных словосочетаний, в которых главное и зависимое слово выражены именем существительным; словосочетаний с местоимением; именных словосочетаний с зависимыми прилагательными, числительными, наречием; обозначает принципы классификации крымскотатарских сочинительных словосочетаний, характеризует их значение и функции. При описании словосочетаний с зависимым прилагательным приводятся модели, полученные в процессе моделирования с учетом параметров морфо-синтаксической и семантической разметки, разработанной автором самостоятельно.

При описании лингвистического материала в четвертой главе автор сначала разграничивает, определяет своеобразие предикативных и непредикативных конструкторов крымскотатарского предложения. Далее шаг за шагом рассмотрены глагольные словосочетания с зависимым именем существительным в родительном падеже, именем существительным в дательном падеже, именем существительным в орудийном падеже, именем существительным в местном падеже, с числительным в зависимой части, с зависимой частью, выраженной наречием, а также глагольные словосочетания с зависимым деепричастием.

Важное внимание уделено функциям устойчивых и неделимых, грамматически связанных и грамматически не связанных конструкторов предложения. Среди них выделены и описаны функции устойчивых словосочетаний фразеологизированного и нефразеологизированного характера. Множество примеров сопровождает описание субстантивированных словосочетаний – устойчивых словосочетаний нефразеологизированного характера. Вопреки устоявшимся синтаксическим теориям, Л.С. Се-

лендили рассматривает речевые формулы как конструкты предложения, конструктивную роль обращений в структуре предложения.

Невозможно понять сущность синтаксических конструктов без определения их функции в предложении. В шестой главе монографии автор выделяет функциональные, логические и акцентирующие конструкты, приводит модели их взаимодействия. Описание моделей важно в прикладном плане. Это позволяет носителям языка, а также электронным машинам, использовать эти модели в качестве производных для создания новых предложений, трансформации имеющихся контекстов, в процессе перевода облегчает понимание целостной конструкции.

Тюркское предложение характеризуется особым порядком расположения компонентов, природой и формально-синтаксической организацией. Автором рассмотрены особенности употребления рассмотренных ранее конструктов в функции главных и второстепенных членов предложения. При рассмотрении сказуемого, которое выполняет главенствующую роль в крымскотатарском предложении (исходя из коммуникативной предназначенности и с учетом лексико-семантической характеристики глагольных лексем), выделены следующие коммуникативные группы этого главного члена предложения (волюнтаривные, восприятия, взаимно-направленной активности, движения, трудового договора, идентифицирующие, информационные, директивные, каузативные, кваликативные: параметрические и качественные, комитативные, компаративные, компликативные, креационные, ментальные конкретные, модальные, партитивные, посессивные, результативные, речевого контакта, трансформационные, функциональные, экзистенциальные, эмоционального состояния, эмоционального отношения).

Каждая глава сопровождается короткими выводами. Заключение содержит комплексное представление о теории синтаксических конструктов, их роли в построении предложения, классификации, характеристики.

В работе представлено Приложение «Параметры морфо-синтаксической и лексико-семантической разметки», с помощью которого можно понять модели описанных конструктов.

Рукопись рассматриваемой монографии является результатом многолетнего докторского исследования Л.С. Селендили на тему «Лексико-семантические и синтморфологические особенности конструктов крымскотатарского предложения». Работа посвящена актуальной проблеме крымскотатарского языкознания – описанию состава крымскотатарского предложения в теоретическом и прикладном аспекте.

Материалы рукописи неоднократно обсуждались на научных семинарах, Международных научных конференциях в Украине, Турции и России. Кроме того, опубликованы в виде 46 научных работ: 29 статей ВАК (из них 4 в соавторстве), 6 зарубежных публикаций (Турция, Азербайджан, Россия), 8 в сборниках научных конференций, получено 2 авторских патента.

Вместе с тем, думается, следует уточнить некоторые определения (конструкт, сложное составное слово, прилагательное определение, субстантивированный глагол), а также весомее показать собственные достижения в теории крымскотатарского синтаксиса.

В работе встречаются некоторые технические погрешности, которые, в общем, не влияют на целостность завершенной работы.

На наш взгляд, рукопись монографии Селендили Лемары Сергеевны, кандидата филологических наук, доцента кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национально университета имени В.И. Вернадского, является достоверным комплексным и систематизированным научным исследованием, проведенным в рамках написания докторской диссертации «Лексико-семантические и синтморфологические особенности конструкторов крымскотатарского предложения», материалы которого могут быть опубликованы в виде научной монографии «МИКРОСИНТАКСИС крымскотатарского языка (формальный и прикладной аспект)».

Рецензент:

директор
Крымского научно-методического центра
управления образованием НАПН Украины,
доктор филологических наук, профессор

Г.Ю. Богданович

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдулгасанлы Тофик	кандидат филологических наук, доцент, Азербайджанский государственный Экономический Университет
Абдуллаева Зейнаб	диссертант Университета «Одлар Юрду», Азербайджан
Агасиева Гюляра	доктор философии по филологии, Институт литературы им. Низами НАН Азербайджана
Аджимамбетова Гульнара Шаибовна	к.ф.н., доц. кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания РВУЗ «КИПУ»
Али Шамиль Хусеин оглу	Институт фольклора НАН Азербайджана
Алиева Васфие Николаевна	доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики ТНУ имени В. И. Вернадского
Алиева Ление Аблязовна	доцент кафедры крымскотатарского языкознания ТНУ имени В.И. Вернадского
Аллахвердиев Рамин Новрузали оглу	НАН Азербайджана, Институт Фольклора
Амрахова Матанат Бекир кызы	диссертант Института Языкознания им. Насими НАН Азербайджана
Асланова Шамсинур Вейсал кызы	Азербайджанский Университет Языков
Багирова Саяна Мовсюм кызы	Азербайджанский Университет Языков
Банах Лилия Сергеевна	к.ф.н., доцент кафедры теории языка и литературы факультета иностранной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского
Бекирова Левиза Исмаиловна	к.ф.н., старший преп. кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В. И. Вернадского
Бекиров Рустем Александрович	ст. преп. кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В. И. Вернадского

- Берберова Р. А.** ст. преп. кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского, Симферополь, Украина
- Близняков Роман Александрович** к.и.н., к.и.н. РФ, преподаватель Колледжа ТНУ имени В.И.Вернадского
- Богданович Галина Юрьевна** директор Крымского научно-методического центра управления образованием НАПН Украины, доктор филологических наук, профессор
- Бондаренко Л.В.** доцент кафедры английской филологии ТНУ имени В.И. Вернадского, Симферополь, Украина, канд. филол.н., доцент
- Вовк К.В.** аспирант кафедры украинского языкознания ТНУ имени В.И. Вернадского
- Гаджиева Минаханум А.** Азербайджанский Университет Языков
- Гванцеладзе Анна Николаевна** Соискатель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского
- Глуховская Наталья Анатольевна** преподаватель Колледжа ТНУ имени В. И. Вернадского
- Гусейнова Гюльсум** ведущий научный сотрудник отдела языковых связей НАН Азербайджана, кандидат филологических наук, доцент
- Джемилева Айше Аблямитовна** канд. филол. наук, ст. преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского
- Дмитрук М.В.** доцент кафедры языковой и психолого-педагогической подготовки ПФ НУБиП Украины "КАТУ"
- Дурсун Али Оздемир** аспирант кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского
- Егорова Людмила Геннадьевна** кандидат филологических наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврического национального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина

Казими Рахман	диссертант Института рукописей НАН Азербайджана
Кандрашова Любовь Игоревна	ассистент кафедры языковой и психолого-педагогической подготовки ЮФ НУБиП Украины «КАТУ»
Касумова Фидан	научный сотрудник Института фольклора НАН Азербайджана
Кокиева Айше	ст. преподаватель кафедры крымскотатарской литературы ТНУ имени В.И. Вернадского
Кулиева Халида Панах кызы	Сумгаитский Государственный Университет
Курбанова Илаха	диссертант Института рукописей НАН Азербайджана
Куртсеитов Алим Мидатович	кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В. И. Вернадского
Куртумеров Э.Э.	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И.Вернадского
Лаврова Алла Александровна	канд.филол.н., доцент кафедры германских языков и зарубежной литературы Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко
Литвиненко О.	Национальная академия природоохранного и курортного строительства, Симферополь, Украина
Мазур Ирина Васильевна	преподаватель Колледжа ТНУ имени В.И.Вернадского
Малышев Дмитрий Аркадьевич	к.и.н, доцент кафедры истории Украины ТНУ имени В. И. Вернадского
Мамутова Закия Суфияновна	преподаватель кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания факультета крымскотатарской и турецкой филологии РВУЗ «КИПУ»
Меджитова Эдибе Назимовна	старший преподаватель кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии, ТНУ имени В.И. Вернадского
Меметов А.	декан факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского, доктор филологических наук, профессор

Меметов И. А.	доцент кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского, кандидат филологических наук, доцент
Меметова Эдие Шевкетовна	заведующая кафедрой крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И.Вернадского, к.филол.н., доцент
Мурадгелди Соегов	академик Академии наук Туркменистана, профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Национального института рукописей АН Туркменистана
Никульшина Сусанна Вячеславовна	5 курс, магистр иностранной филологии (новогреческий язык и литература), ТНУ имени В. И. Вернадского
Онищенко Юлия Александровна	аспирант кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского
Рзасой Сейфеддин	кандидат филологических наук, заведующий отделом «Мифологии» Института фольклора НАН Азербайджана
Руденко Ольга Эрнестовна	ассистент кафедры культуры украинского языка ТНУ имени В. И. Вернадского
Савченко Л.	к. филол.н., доцент, зав. кафедры культуры украинского языка, докторант ТНУ имени В. И. Вернадского
Сатенова Сериккуль Купешбаевна	доктор филологических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева
Сафарова Махи	диссертант Института фольклора НАН Азербайджана
Сахнова Ольга Игоревна	старший преподаватель кафедры теории языка и литературы факультета иностранной филологии ТНУ имени В. И. Вернадского
Сдобнова Светлана Викторовна	преподаватель кафедры немецкой филологии Крымского инженерно-педагогического университета
Сейтваниева Гульнара Юсуфовна	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В. И. Вернадского
Сейтягьева Тамила Решатовна	аспирант кафедры крымскотатарской и турецкой литературы РВУЗ «КИПУ»

Симаковская Анна Станиславовна	аспирантка Каменец-Подольского национального университета имени Ивана Огиенко
Сулейманова Д.Н.	ст. преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского
Сухоруков Алексей Николаевич	преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Сухорукова Алла Викторовна	магистр персидского языка и литературы
Умеров Энвер Шукурievич	специалист права юридической службы «Омер-Бекташ»
Усеинов Тимур Бекирович	кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы ТНУ имени В.И. Вернадского
Шаталина Е.Ф.	преподаватель украинского языка колледжа ТНУ имени В.И. Вернадского
Шермет Виталий Владимирович	аспирант кафедры крымскотатарского языкознания факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского
Эмек Ушенмез	кандидат филологических наук, отделения турецкого языка и литературы факультета гуманитарных наук Стамбульского университета Арель
Эминова Севиндж	диссертант Института фольклора НАН Азербайджана
Юнусов Шевкет Эльвисович	кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии ТНУ имени В.И. Вернадского

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Просим вас придерживаться правил подготовки и оформления рукописей для журнала «Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского». Авторские рукописи должны быть оформленными в соответствии с государственными стандартами и отвечать требованиям Постановления ВАК Украины №7-05/1 от 15.01.2003 г.: «...принимать к печати... только научные статьи, которые имеют такие необходимые элементы: постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными актуальными научными или практическими заданиями; анализ последних исследований и публикаций, положивших начало исследованию данной проблемы и на которые опирается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается отмеченная статья; формулировка целей статьи (постановка задания); изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из данного исследования и перспективы последующих разведок в данном направлении» (Бюллетень ВАК Украины, № 1, 2003).

1. Текст рукописи принимаются на украинском или русском языке с указанием даты ее написания, личной подписью автора, аннотациями и ключевыми словами на русском, украинском и английском языках (300-500 зн.), сведениями об авторе (имя, отчество полностью, фамилия, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, служебный и домашний телефоны, E-mail).

Для аспирантов, адъюнктов и соискателей необходимо представить рекомендацию научного руководителя, всем остальным авторам (аспирантам, адъюнктам и соискателям в их числе) - 2 внешние рецензии ученых, имеющих научную степень по специальности, отвечающей предмету исследования, 1 экспертное заключение об отсутствии материалов, содержащих государственную тайну (разрешение на публикацию в открытой прессе названия и содержания работы, фамилию и инициалы автора) и (или) выписку из протокола заседания соответствующей кафедры (отдела) с рекомендацией статьи к печати.

При направлении рецензии на издание — один экземпляр рецензируемого издания.

К тексту добавляются: дискета (диск) с рукописью (Microsoft Word), рецензия-рекомендация.

2. Требования к оформлению текста рукописи.

2.1. Бумага формата А4 (размер 210 x 297 мм); параметры страницы: верхнее и нижнее поля - 20 мм, левое - 30 мм, правое - 15 мм; шрифт – Times New Roman 14 pt; интервал между строками-1,5.

2.2. Ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках с указанием номеров страниц соответствующего источника, а сами названия источников приводятся в конце текста статьи в порядке упоминания. Каждый источник с новой строки.

- Библиографические описания источников должны обязательно содержать фамилию и инициалы авторов, названия их трудов, город и год издания (издательство указывать не обязательно).

- Авторские примечания оформляются в конце страниц с использованием символа * как знака сноски.

3. Объем авторских рукописей. Объем статьи - не более 10, а рецензии - не более 3 печатных страниц до 0,5 усл. п. л. (до 20 тыс. зн. с пробелами); рецензий и тому подобное - до 0,2 усл. п. л.

Рукописи, которые не отвечают требованиям, отмеченным в п. 1-3, редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Консультации: ответственный секретарь Селендили Лемара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ

КРЫМСКОТАТАРСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Меметов А., Меметов И. А. Происхождение крымских татар (Часть I)	3
Меметов А., Меметов И. А. Происхождение крымских татар (Часть II)	16
Меметова Э. Ш. Земаневий къырымтатар тилинде лексик экспрессивлигининъ чешитлери	27
Алиева Л. А. Земаневий къырымтатар тилинде исимнен ифаделенген тамамлайджынынъ семантик аляметлери	33
Аджимамбетова Г. Ш. Синтаксические особенности наречий в крымскотатарском языке	38
Куртсеитов А. М. Наличие общих черт у фразеологизмов, слов и свободных словосочетаний	43
Берберова Р. А. Зарф япыджы моделлер	48
Алиева В. Н. Иммиграционный потенциал послелогов в современном крымскотатарском языке	53
Меджитова Э. Къырымтатар тили чэль шивесинде модалъ сёзлер	59
Бекирова Л. И. Прошедшее время глагола на – аджакъ экен в современном крымскотатарском языке	63

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Усеинов Т. Б. Ритмические признаки средневекового крымскотатарского письменного силлабического стиха. Равносложность строк	67
Юнусов Ш. Э. По следам времени (к вопросу об изучении исторической прозы Шамиля Алядина)	71

Джемилева А. А.	
Становление жанра рассказа в крымскотатарской литературе	75
Ali Şamil	
Birleşik Türk-tatar devleti yaratmak uğrunda şehit olan bekir sitki çobanzade	79
Куртумеров Э.Э.	
Къырымтатар эдебиятында II Джиан дженки мевзусынынъ айдынлатылувы	88
Сеитваниева Г. Ю.	
«Терджиман» газетасынынъ саифелеринде нешир олунгъан И. Гаспринскийнинъ бедий эсерлери. Эсерлеринде котерильген меселелер (И. Гаспринскийнинъ «Иван ве Сулейман» икяеси мисалинде).....	94
Сулейманова Д. Н.	
А. Одабашнынъ маарифчилик фаалиети.....	103
Кокиева А.	
Къырымтатар фольклор эсерлеринде къулланылгъан ракъамларнынъ сырлары. («Дёрт» ракъамынынъ бедий вазифелери)	108
Панова З.С.	
Деятельность Усеина Боданинского в исследовании и пропаганде национальной культуры крымских татар	113
Сеитягъяева Т. Р.	
Штрихи к литературному образу Алима – героя крымскотатарских преданий.....	120
Üşenmez E.	
Özbek Cedid şairi Tevellâ'nin Gaspıralı İsmail bey'in ölümüne yazdığı mersiye....	125

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЯЗЫКИ И ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Сатенова С. К.	
Устойчивые выражения и их образно-фондовая основа	130
Савченко Л., Литвиненко О.	
Перформативні фразеологічні одиниці як відображення сакральних мікротекстів через етнокод прокляття	134
Сахнова О. И.	
Устойчивые словосочетания как компоненты языковой картины мира национальных вариантов английского языка.....	139
Малышев Д. А., Близняков Р. А.	
Особенности гражданской лексики в переписке феоодосийского градоначальника и губернских властей времён отечественной войны 1812 года	145

Дмитрук М.В.	Формування професійно важливих якостей аграрних спеціалістів у ході вивчення української мови за професійним спрямуванням	153
Руденко О. Э.	Явление омонимии в звуковых комплексах обобщающе-выделительных местоимений всегда, иногда	158
Шаталіна О.Ф.	Принципи створення електронної картотеки даних літературознавчої термінології давньої української літератури	162
Агасиева Г.	Тюркизмы в языке фольклора южных славян	167
Пономарьова Г. В.	Сучасна німецька мова з погляду регіональної та соціальної диференціації	169
Бондаренко Л.В.	“Night & day” by Tom Stoppard: thematic analysis of the text	175
Чернобай С. Е.	Фразеологизмы морской тематики в английском языке	179
Асланова Ш. В.	Средства выражения значения настойчивости и запрета в немецком языке	184
Глуховська Н. А.	Явища перехідності в системі частин мови	189
Мамутова З. С.	Методика формирования этнокультурологической компетенции учащихся на основе словаря	194
Кандрашова Л.І.	Активізація навчально-професійної діяльності студентів-агрономів засобами проектних технологій	200

ТЮРКОЛОГИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

Гусейнова Г.	Общая характеристика лексического состава языка татов Азербайджана	209
Касумова Ф.	Сущность и функции культурного героя-демиурга в мифологии	214
Сафарова М.	Гусейнгулу Сарабски и бакинский фольклор	219

Алиева Э.	
Жанровая особенность народных поговорок.....	223
Амрахова М.	
Фонетические явления в топонимах произведения А. А. Бакыханова «Гюлистан-Ирем»	227
Умеров Э. Ш.	
Вопросы исследования появления в северном Причерноморье, Приазовье и Крыму уйгурских и болгарских племен	232
Казими Р.	
Жизнь Амира Шахи Сабзавари	237
Курбанова И.	
Отражение древнетюркской лексики в диалектах азербайджанского языка.....	241
Yılmaz S., Yılmaz A. U.	
Yaşar Kemal'in "İnce Memed" romanında konuşma dili yapısının (söylem dilbilimi ışığında incelenmesi).....	247
Аллахвердиев Р. Н.	
Календарные мировоззрения азербайджанских тюрков	254
Соегов М.	
Туркменский писатель-белоземigrant из соединенных штатов Мексики.....	259
Абдуллаева З.	
Глагольные словосочетания с деепричастием в современном азербайджанском языке	267
Сухоруков А. Н.1, Сухорукова А. В.2	
История изучения грамматики персидского языка в Иране и сопредельных с ним странах до конца 19 века	272
Эминова С.	
Национальная самобытность в литературном творчестве	280
Бекиров Р. А.	
Стилистические ресурсы книжных и разговорно-бытовых фразеологизмов современного арабского языка	285
Кулиева Х. П.	
Терминологические словари азербайджанского языка (1990-2000 годы).....	290
Онищенко Ю. А.	
Анализ некоторых фразеологических единиц турецкого языка и проблема их перевода на русский язык	296
Ozdemir D. A.	
Turkish language and word borrowing problems	303

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ И ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИЙ

Егорова Л. Г.	О некоторых особенностях дискурса современных масс-медиа	311
Гаджиева М. А.	Ведущая роль пропозитивных и пресуппозитивных связей при декодировании имплицитности в процессе общения	317
Бридко Т.В., Кравченко С.В.	Особенности вербальной коммуникации в молодежной среде Германии.....	322
Вовк К.В.	Аналіз семантичних трансформацій у фразеологізмах (на матеріалі лексикографічних праць кін. XVI – поч. XX ст.).....	326
Гванцеладзе А. Н.	Трансформации и соответствия в переводе (на материале русских и турецких параллельных текстов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»).....	334
Багирова С. М.	Трактовка избыточности по различным аспектам	344
Мазур І. В.	Власні назви в перекладах Лесі Українки та її творах на грецьку, італійську, єгипетську тематику	348
Шеремет В. В.	Грамматические лакуны категории падежа (на материале русского, украинского, турецкого и арабского языков)	355

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ МИРА

Лаерова А.А.	Эстетические воззрения Оскара Уайльда и суфизм.....	360
Абдулгасанлы Т.	Современная поэзия Азербайджана	366
Банах Л. С.	Проблема двойственной идентичности в романе Реи Галанакки "Елена, или Никто"	372
Рзасой С.	Огузская мифология: источники, структура, принципы реконструкции и система образов.....	377
Сдобнова С. В.	Теоретико-методологические основы изучения онейросферы в прозе Г. Гессе	382

Сімаковська А. С.

Вплив масонства на формування хронотопу оповідання Р. Кіплінга «The man who would be king»	386
---	-----

Никольшина С. В.

Тема предателя и героя в романе Рей Галанакі «Жизнь Измаила Ферика паши»	390
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

Богданович Г. Ю.

Рецензия на рукопись монографии «МИКРОСИНТАКСИС крымскотатарского языка (формальный и прикладной аспект)» кандидата филологических наук, доцента кафедры крымскотатарского языкознания Таврического национально университета имени В.И. Вернадского Селендили Лемары Сергеевны	395
--	-----

Сведения об авторах	399
----------------------------------	-----

К сведению авторов	404
---------------------------------	-----